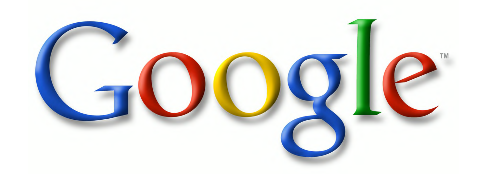

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

31
Д-33

В. Э. Денъ.

НАСЕЛЕНІЕ РОССІИ

по

ПЯТОЙ РЕВИЗІИ.

Подушная подать въ XVIII вѣкѣ и статистика населенія въ концѣ XVIII вѣка.

Томъ второй, часть вторая.

~~178155~~

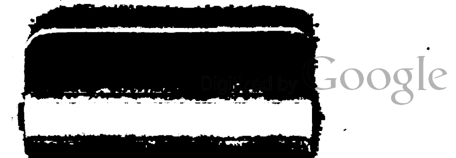
106995

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1902.

Digitized by Google

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

Google

0125302-1
21
XII
31
Д-33
Den V. E.

В. Э. Денъ.

НАСЕЛЕНІЕ РОССІИ

по

ПЯТОЙ РЕВИЗІИ.

Первая часть второго тома выйдетъ въ скоромъ времени.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1902.

Digitized by Google

Проверка
1953

Изъ Ученыхъ Записокъ по Юридическому факультету.

Digitized by Google

HB3607
D4
v.2:2

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Согласно плану предлагаемой работы, предметомъ второго тома ея является историческій очеркъ сословныхъ группъ, неположенныхъ въ подушный окладъ, со времени введенія подушной подати до начала XIX в. Вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ (необходимости дополнить нѣкоторыя архивныя данныя) авторъ вынужденъ отложить появленіе первой части второго тома и поэтому выпускаетъ въ настоящее время вторую часть его до выхода первой. Онъ надѣется однако, что вскорѣ будетъ имѣть возможность выпустить и первую часть.

Настоящая вторая часть посвящена исторіи отставныхъ солдатъ, солдатскихъ женъ и дѣтей и военнаго и инородческаго населенія Оренбургскаго края. На Ставропольскихъ крещеныхъ калмыкахъ, которыхъ также, и притомъ вполнѣ основательно, относятъ обыкновенно къ инородческому населенію Оренбургскаго края, авторъ считаетъ болѣе удобнымъ остановиться въ отдѣлѣ объ Астраханскихъ инородцахъ, при изученіи исторіи Волжскихъ калмыкъ.

Москва, 17 марта 1902 года.

923

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отставные солдаты. *Стран.*

I. Введеніе 1
II. Увольненіе изъ полевой службы въ гарнизонную 15
III. Опредѣленіе на службу при присутственныхъ мѣстахъ гражданскаго вѣдомства 20
IV. Отсылка отставныхъ на поселеніе въ Казанскую и другія губерніи 34
V. Увольненіе на собственное пропитаніе. 76
VI. Опредѣленіе въ монастыри или богадѣльни и на инвалидное содержаніе. 92
VII. Заключеніе 124

Солдатскія жены и дѣти 127

I. Солдатскія жены 127
II. Солдатскія дѣти. 136

Военное населеніе и инородцы Оренбургскаго края. 166

I. Введеніе. Возникновеніе Оренбургской линіи 166
II. Уфимскіе, Бирскіе и Мензелинскіе служилые люди и Закамская ландмилиція 178
III. Оренбургское казачье войско 208
IV. Яицкое (Уральское) казачье войско. 238
V. Башкиры и мещеряки 263
VI. Тептери и бобыли. 290
VII. Сеитовскіе татары 309
VIII. Салтанаульскіе мурзы и татары. 315

Digitized by Google

Digitized by Google

ОТСТАВНЫЕ СОЛДАТЫ.

I. Введеніе.

1. *Отставные солдаты, какъ особая группа населенія.* Главнѣйшимъ средствомъ укомплектованія русской арміи въ XVIII вѣкѣ были рекрутскіе наборы. При этомъ лица, попадавшія по такому набору въ войско или во флотъ и становившіеся солдатами и матросами, выходили изъ рядовъ своего сословія и теряли съ нимъ всякую связь. Они составляли въ населеніи совершенно обособленную группу людей, обязанныхъ безсрочною службою. Лишь въ самомъ концѣ столѣтія для послѣдней былъ установленъ 25-лѣтній срокъ: до этого служба должна была продолжаться до тѣхъ поръ, пока только солдатъ былъ способенъ ее нести. Съ наступленіемъ этого момента онъ получалъ отставку. При этомъ отставные солдаты также составляли въ населеніи особую группу, отличную отъ всѣхъ остальныхъ категорій.

Спрашивается: каково было сословно-податное положеніе этихъ двухъ категорій людей: солдатъ и отставныхъ солдатъ? [1])

Относительно *первой* изъ нихъ мы уже знаемъ изъ перваго

---

[1]) Въ теченіе всего послѣдующаго изложенія повсюду, гдѣ мы не дѣлаемъ спеціальной оговорки, мы имѣемъ въ виду только солдатъ и отставныхъ солдатъ *не изъ дворянъ.* Такъ какъ достиженіе перваго оберъ-офицерскаго чина на военной службѣ доставляло уже потомственное дворянство, то мы оставляемъ безъ вниманія въ дальнѣйшемъ изложеніи и лицъ не изъ дворянъ, пріобрѣвшихъ этимъ путемъ потомственное дворянское достоинство. Кромѣ того мы оставляемъ въ сторонѣ и всѣхъ отставныхъ, происходившихъ изъ тѣхъ группъ населенія, которыя не подлежали рекрутскому набору и для которыхъ былъ установленъ особый срокъ службы, какъ, напр., однодворцевъ. Объ этихъ отставныхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Подъ солдатами же мы разумѣемъ всѣхъ нижнихъ чиновъ, не имѣющихъ оберъ-офицерскихъ ранговъ, какъ сухопутнаго, такъ и морского вѣдомства (сержантовъ, вахмистровъ, унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ—въ сухопутномъ вѣдомствѣ, матросовъ и т. д.—въ морскомъ).

Digitized by Google

тома, что лица, попадавшія по рекрутскому набору въ солдаты, не выключались изъ подушнаго оклада. Ихъ однообщественники должны были платить за нихъ подати до слѣдующей ревизіи, слѣд., иногда въ теченіе болѣе 20 лѣтъ. Этотъ принципъ былъ выставленъ еще при первой ревизіи, и правительство твердо держалось его затѣмъ въ теченіе всей позднѣйшей исторіи. Такимъ образомъ, мы здѣсь не встрѣчаемся ни съ какими затрудненіями: сословное и податное положеніе солдатъ намъ вполнѣ ясно. Что же касается сословнаго и податного положенія солдатскихъ женъ и дѣтей, то его мы разсмотримъ ниже, совмѣстно съ изученіемъ положенія женъ и дѣтей отставныхъ солдатъ.

Что касается затѣмъ *второй* категоріи, т. е. отставныхъ солдатъ, то они представляли собою классъ лицъ, не подлежащихъ подушному обложенію. И этотъ принципъ также былъ установленъ уже при производствѣ первой ревизіи[1]) и также сохранился затѣмъ въ теченіе всей дальнѣйшей исторіи. Такое отношеніе правительства къ отставнымъ вполнѣ понятно: гдѣ же тутъ было облагать еще подушнымъ окладомъ лицъ, всю свою жизнь пробывшихъ на военной службѣ, потерявшихъ или испортившихъ на ней свое здоровье и лишившихся если не всецѣло, то хотя отчасти своей рабочей способности... Съ нихъ очевидно взять было нечего. Но мало того. Недостаточно было ограничиться этой льготой—освобожденіемъ отъ податей. Необходимо было подумать и о томъ, чтобы кромѣ того какъ-нибудь пристроить ихъ и обезпечить ихъ существованіе. Эту задачу правительство и ставитъ себѣ въ теченіе всей изучаемой нами эпохи. Но какія средства у него были для ея осуществленія?

Конечно, тѣмъ изъ отставныхъ, которые могли найти обезпеченное существованіе на своихъ прежнихъ жилищахъ, у своихъ бывшихъ помѣщиковъ или родныхъ, или какимъ нибудь другимъ образомъ, оно безпрепятственно дозволяло это и затѣмъ могло болѣе о нихъ не заботиться. Между тѣмъ такъ обстояло дѣло далеко не со всѣми, и затѣмъ оставались такіе отставные, которые не имѣли никакого пропитанія и забота о которыхъ непосредственно ложилась на государство, „дабы они, служа Ея И. В. нѣсколько лѣтъ, не остались безъ всякаго призрѣнія и по міру не шатались и гладу не претерпѣвали“ [2]).

[1]) Указъ 5 VII 1721, 3802 предписалъ не класть въ окладъ отставныхъ драгунъ и солдатъ, живущихъ какъ въ монастыряхъ, такъ и въ домахъ по указнымъ отпускамъ, но написать ихъ особо. Это было подтверждено и инструкціей ревизорамъ 5 II 1722, 3901, п. 8 относительно „отставныхъ драгунъ и солдатъ и матросовъ, которые не изъ дворянства“, а также указомъ 31 VII 1722, 4066.

[2]) Эту мотивировку мы встрѣчаемъ часто. См. напр. указы 2 VII 1744, 8986; 16 V 1746, 9287; 9 II 1755, 10.355; 18 I 1757, 10.684.

Digitized by Google

Но что для нихъ могло сдѣлать государство? Какихъ либо учрежденій для призрѣнія отставныхъ у него въ первой половинѣ XVIII в., конечно, не было; финансовые его ресурсы были въ высшей степени напряжены. Были, правда, у государства обширныя пространства свободныхъ земель на окраинахъ и, конечно, наиболѣе простымъ разрѣшеніемъ задачи было бы для него надѣленіе отставныхъ такими землями. Такое разрѣшеніе было бы выгодно правительству и потому, что содѣйствовало бы колонизаціи окраинъ и утвержденію на нихъ русской власти; оно болѣе всего соотвѣтствовало бы и преобладавшему въ то время натуральному хозяйству. Правительство, какъ мы увидимъ ниже, и прибѣгало къ этому разрѣшенію, гдѣ это только было возможно. Но оно было возможно далеко не всегда. Вѣдь въ призрѣніи больше всего нуждались именно тѣ изъ отставныхъ, которые для колонизаціи представляли изъ себя элементъ, совершенно непригодный... Поэтому государству ничего другого не оставалось, какъ обратить свои взоры на особую категорію земельныхъ имуществъ, и притомъ довольно значительныхъ, на которую оно уже и ранѣе смотрѣло не безъ зависти—мы разумѣемъ земельныя владѣнія духовенства. Государство рѣшило возложить обязанность призрѣванія отставныхъ на монастыри, которые должны были нести ее до тѣхъ поръ, пока земельныя владѣнія не были у нихъ отняты, т. е. до 1764 г. Кромѣ того часть отставныхъ призрѣвалась въ богадѣльняхъ, содержаніи которыхъ тоже главнымъ образомъ лежало на духовенствѣ. Послѣ 1764 г. государство взяло призрѣніе отставныхъ въ собственныя руки.

2) *Поводы къ отставкѣ и виды отставки.* Какъ уже указано выше, для военной службы въ теченіе всего почти XVIII вѣка не было установлено никакого срока: всякій солдатъ долженъ былъ продолжать ее до тѣхъ поръ, пока это было въ его силахъ, пока онъ не становился неспособнымъ къ ней—„за ранами, за болѣзньми, за увѣчьями, за старостью и за дряхлостью“ [1]). Это правило мы весьма часто встрѣчаемъ въ законодательствѣ XVIII в., гдѣ оно повторялось на всѣ лады [2]). Между тѣмъ, болѣе точныхъ указаній на то, что слѣдуетъ

---

[1]) См. указъ 20 I 1716, 2983.

[2]) Вотъ какъ, напр., говоритъ Регламентъ о управленіи Адмиралтейства 5 IV 1722, 3937 (гл. I, п. 58) о поводахъ къ отставкѣ, въ существованіи которыхъ адмир. коллегія должна была каждый разъ удостовѣряться: „первое, что онъ боленъ или увѣченъ, и отчего онъ службу воинскую болѣе продолжать не можетъ. Второе, о его старости, дряхлости. А кромѣ сихъ причинъ или особливаго указа изъ службы не отпускать“. Тѣ же принципы примѣнялись по отношенію къ сухопутному войску, какъ это видно изъ указа 5 II 1723, 4166, п. 3.

Digitized by Google

считать старостью, дряхлостью, какія болѣзни дѣлаютъ солдата неспособнымъ продолжать службу и т. д.—мы не находимъ: законодательство въ этомъ отношеніи страдало большою неопредѣленностью и не шло дальше общихъ указаній [1]). Въ виду этого и пріобрѣтаетъ большое значеніе вопросъ о тѣхъ органахъ, которые давали отставку. На этомъ вопросѣ мы остановимся нѣсколько ниже.

Описанное положеніе терпитъ значительныя измѣненія, начиная съ 1893 г. Прежде всего изданнымъ въ этомъ году манифестомъ по случаю присоединенія новыхъ областей отъ Польши была дарована отставка не только всѣмъ солдатамъ, не могущимъ продолжать службу по старости и болѣзни, но и всѣмъ выслужившимъ 25 лѣтъ [2]). Итакъ здѣсь этотъ срокъ устанавливался лишь ad hoc; для будущаго же времени предписывалось составить „надлежащее положеніе“ о продолжительности службы [3]). Такого спеціальнаго положенія однако издано не было; но въ появившихся почти немедленно послѣ вступленія Павла на престолъ воинскихъ уставахъ предписывалось отпускать выслужившихъ 25 лѣтъ на инвалидное содержаніе [4]), а вскорѣ затѣмъ было разрѣшено отпускать ихъ по желанію и на собственное пропитаніе [5]).

Итакъ, мы видимъ, что въ теченіе всего XVIII в. существуетъ большая неопредѣленность относительно поводовъ къ отставкѣ. Эта неопредѣленность имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что судьба, которая ждала солдата послѣ увольненія въ отставку, различалась главнымъ образомъ въ зависимости именно отъ состоянія его здоровья и рабочей способности.

---

[1]) Напротивъ того, иногда законъ выражается еще болѣе неопредѣлено, чѣмъ въ предыдущихъ цитатахъ: такъ, напр., указъ 16 XI 1719, 3452 предписываетъ давать отставку „урядникамъ и рядовымъ, которые, хотя и не изъ шляхетства, а по достовѣрному свидѣтельству явится, что они *служили довольно*, и такъ, какъ добрымъ солдатамъ надлежитъ“; или указъ 28 VI 1736, 6998 предписываетъ отставлять „оберъ- и унтеръ-офицеровъ и прочихъ чиновъ, которые *за разными невозможностьми* болѣе военной службы нести не могутъ“ и т. д.

[2]) Манифестъ 2 IX 1793, 17.149, п. 6. Какъ разъяснилъ указъ изъ военной коллегіи X 1795, 17.402, здѣсь разумѣлась 25 лѣтняя *безпорочная* служба.

[3]) Ibid., п. 5.

[4]) Воинскіе уставы 29 XI 1796: о полевой пѣхотной службѣ 17.588, ч. IX, гл. VII, п. 2 и о полевой кавалер. службѣ 17.590, гл. XXXIX, п. 2.

[5]) Указъ 21 I 1797, 17.752. Въ этомъ указѣ между прочимъ сообщается, что прослужившіе 25 л. „опредѣляются, *буде полевой и гарнизонной службы далѣе продолжать не въ силахъ*, въ инвалиды“. Это вѣроятно относится еще ко времени до изданія воинскихъ уставовъ. См. также указъ VIII 1797, 18.121 и 10 III 1802, 20.175. Подъ 25-лѣтней службой здѣсь вездѣ разумѣется безпрочная служба. За преступленія и т. д. служба удлинялась (см. напр. указъ X 1795, 17.402, п. 2) или прямо таки по прежнему становилось безсрочной (см. напр. указъ 10 IV 1798, 18.479).

Digitized by Google

Какова же была эта судьба?

Прежде всего уже при Петрѣ наше войско дѣлилось на двѣ категоріи полковъ: полевые и гарнизонные, и это раздѣленіе сохранилось въ теченіе всего XVIII вѣка, чтобы затѣмъ перейти и въ XIX-ый. Служба въ гарнизонныхъ полкахъ была легче и спокойнѣе, чѣмъ въ полевыхъ. Поэтому солдатъ, неспособный къ послѣдней, могъ быть еще пригоднымъ для первой. Въ этомъ случаѣ онъ увольнялся отъ полевой службы, съ тѣмъ чтобы быть опредѣленнымъ *въ гарнизонный полкъ* и здѣсь продолжать службу.

Если, далѣе, солдатъ, оказывался неспособнымъ ни къ полевой, ни къ гарнизонной службѣ, то онъ получалъ полную отставку отъ военной службы. Но это еще не значило, чтобы государство къ нему уже не имѣло болѣе никакихъ притязаній; если онъ только былъ къ тому пригоденъ, государство пыталось использовать его для другихъ цѣлей: оно опредѣляло его *на гражданскую службу* (въ разсыльщики, счетчики, сторожа и т. д.) или въ одну изъ состоящихъ при разныхъ присутственныхъ мѣстахъ командъ, либо отправляло его *на поселеніе* на одну изъ окраинъ (сначала въ Казанскую, а впослѣдствіи и въ другія губерніи).

Лишь въ томъ случаѣ, если солдатъ оказывался неспособнымъ ни къ тому, ни къ другому, оно окончательно увольняло его отъ всякой службы—какъ военной, такъ и гражданской—и отъ поселенія, и давало ему уже полную отставку. Но и здѣсь могло быть два случая: если солдатъ могъ просуществовать на свои средства (или на средства родственниковъ, бывшаго помѣщика и т. д.), то его отставляли *на свое пропитаніе;* если же онъ не могъ пропитаться, то его опредѣляли до 1764 г.—*въ монастыри или богадѣльни,* а послѣ 1764 г.—*на инвалидное содержаніе.*

Итакъ мы имѣемъ всего пять видовъ отставки:

1) Увольненіе изъ полевой службы въ гарнизонную.

2) Опредѣленіе на службу при присутственныхъ мѣстахъ гражданскаго вѣдомства.

3) Отсылка на поселеніе.

4) Увольненіе на собственное пропитаніе.

5) Опредѣленіе въ монастыри или богадѣльни и на инвалидное содержаніе [1]).

---

[1]) Законъ нигдѣ не приводитъ этихъ альтернативъ въ систематическомъ видѣ Иногда однако, мы находимъ ихъ перечисленіе по случайнымъ поводамъ: такъ, напр., въ вѣдѣніи Сенатской конторы, упоминаемомъ въ указѣ 19 X 1759, 10.999 и заключающемъ въ себѣ данныя о присланныхъ изъ армій въ Москву больныхъ и раненыхъ

Digitized by Google

Къ сожалѣнію, мы не можемъ уложить эти пять видовъ отставки въ какую-либо схему, такъ какъ ихъ взаимное отношеніе и послѣдовательность для насъ во многихъ отношеніяхъ остаются темными и неясными. Въ чемъ заключаются эти неясности, мы подробнѣе увидимъ ниже, при разсмотрѣніи каждаго вида въ отдѣльности; но и здѣсь мы должны указать наиболѣе важные пункты сомнѣнія.

Мы уже выше обратили вниманіе читателя на неопредѣленность нашего законодательства XVIII в. относительно того, что слѣдуетъ разумѣть подъ неспособностью къ полевой службѣ. Въ виду этого на практикѣ въ толкованіи этого понятія могли встрѣчаться большія различія въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ.

Гораздо больше затрудненій возникаетъ однако при разсмотрѣніи отдѣльныхъ видовъ отставки и той связи, которая существовала между ними. Какимъ требованіямъ должны были удовлетворять солдаты, отставляемые въ гарнизонные полки, на поселеніе или въ присутственныя мѣста гражданскаго вѣдомства; по какому принципу производилось распредѣленіе подлежавшихъ отставкѣ солдатъ между этими категоріями—объ этомъ законъ почти ничего не говоритъ. Сама же по себѣ граница между этими категоріями далеко еще не такъ очевидна. Такимъ образомъ, здѣсь все предоставлялось практикѣ; но чѣмъ руководствовалась послѣдняя, устанавливая послѣдовательность отдѣльныхъ видовъ отставки—объ этомъ у насъ имѣется лишь одно вполнѣ опредѣленное указаніе: а именно, въ одномъ изъ своихъ доношеній военная коллегія сообщаетъ, что не могущіе продолжать полевую службу „по разсмотрѣнію опредѣляются въ гарнизонную службу, а иные [1]) на поселеніе“, и лишь неспособные къ гарнизонной службѣ и къ отправкѣ на поселеніе опредѣляются „къ дѣламъ“ [2]).

нижнихъ чинахъ, послѣдніе раздѣлены на нѣсколько категорій, съ означеніемъ, кто изъ нихъ „именно *въ гарнизоны* и *къ дѣламъ*, также *на поселеніе* въ Казанскую губ. и *къ монастырямъ* и *въ богадѣльни* опредѣлены и *на свое пропитаніе* съ паспортами отпущены“...; далѣе въ указѣ 4 IX 1760, 11.096, говорится объ отставныхъ, опредѣленныхъ „*въ гарнизоны, къ статскимъ дѣламъ и въ монастыри, такожъ въ города, въ богадѣльни и на поселеніе въ Казанскую губ., и отпущенныхъ на свое пропитаніе*“. Послѣдній указъ между прочимъ всѣмъ этимъ категоріямъ отставныхъ назначаетъ ямскія подводы до опредѣленныхъ имъ мѣстъ, съ уплатой прогонныхъ денегъ изъ штатсъ-конторы.

[1]) Въ текстѣ сказано „оные“, но это очевидная опечатка.

[2]) См. указъ 24 X 1751, 9893. Другія узаконенія высказываются гораздо болѣе неопредѣленно. Такъ, напр., спеціально относительно морскихъ служащихъ морской уставъ 13 I 1720, 3485 (кн. IV, гл. IV, п. 8) предписываетъ: „Ежели кто изувѣченъ будетъ въ бою или инымъ случаемъ во время службы своей, что онъ въ корабельной

Digitized by Google

Между тѣмъ это указаніе не даетъ намъ еще никакихъ данныхъ относительно тѣхъ признаковъ, по которымъ разграничивались отдѣльныя категоріи; съ другой стороны, если вполнѣ понятно, что основаніе новаго хозяйства на малозаселенныхъ окраинахъ представляется болѣе труднымъ, чѣмъ служба при присутственныхъ мѣстахъ, то приведенная цитата не вполнѣ ясно отграничиваетъ опредѣленіе въ гарнизонную службу отъ отсылки на поселеніе: изъ другихъ законовъ мы видимъ, что первенство отдавалось первой, и что лишь негодные къ ней отсылались на поселеніе; но въ такомъ случаѣ остается не вполнѣ яснымъ, почему поселеніе представлялось болѣе легкимъ, чѣмъ служба въ гарнизонныхъ полкахъ. Но и помимо всего этого приведенное указаніе военной коллегіи на существующую практику возбуждаетъ въ насъ и другія сомнѣнія. Такъ, въ 1739 г. была сдѣлана обязательной отправка въ Казанскую губ. на поселеніе всѣхъ пригодныхъ къ тому отставныхъ, кромѣ имѣющихъ собственныя земли. Для этого предписывалось повсюду произвести разборъ отставнымъ, уже ранѣе уволеннымъ отъ службы на свое пропитаніе. Между тѣмъ на свое пропитаніе увольнялись лишь тѣ солдаты, которые уже были непригодны ни къ какой службѣ (т. е. ни къ военной, ни къ гражданской). Какимъ же образомъ среди нихъ могли быть лица, пригодныя къ поселенію, когда послѣднее считалось высшею ступенью, чѣмъ служба въ присутственныхъ мѣстахъ гражданскаго вѣдомства? Приходится предположить переполненіе этихъ присутственныхъ мѣстъ бывшими солдатами: между тѣмъ такого переполненія не только не было, но, напротивъ того, какъ мы увидимъ ниже, въ отставныхъ солдатахъ, могущихъ занять вакансіи въ присутственныхъ мѣстахъ гражданскаго вѣдомства, наблюдался даже недостатокъ...

Итакъ, мы видимъ, что послѣдовательность отдѣльныхъ видовъ отставки и тѣ признаки, которыми руководствовались при распредѣленіи отставныхъ между ними, во многомъ должны быть признаны весьма неясными [1]).

Увольненіе отъ службы могло сопровождаться повышеніемъ на одинъ чинъ, и это повышеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда оно давало

службѣ негоденъ будетъ: того къ магазейнамъ, въ гарнизоны или статскую службу употребить, повысивъ чиномъ“...

[1]) Всѣ увольнявшіеся въ отставку нижніе чины, которой бы изъ разсматриваемыхъ нами ниже пяти альтернативъ они ни подлежали, получали паспорты. Еще воинскій уставъ 30 III 1716, 3006, гл. IX, артикулъ 70 и регл. адм. 5 IV 1722, 3937, п. 85 предписываютъ при отставкѣ давать „пасы“ или „абшиды“. Объ этихъ паспортахъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они представляютъ какой либо интересъ, нами будетъ говорено ниже въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ.

Digitized by Google

увольняемому оберъ-офицерскій рангъ, имѣло важное значеніе для его сословнаго положенія.

Такое повышеніе на одинъ чинъ за безпорочную службу было разрѣшено указомъ 1719 г. [1]) и было подтверждено въ 1722 г. для служившихъ „продолжительно и хорошо" [2]). Болѣе подробныхъ свѣдѣній о томъ, какія условія требовались для этого повышенія и какъ часто оно давалось,—у насъ нѣтъ до 1760-ыхъ гг. [3]). Изданныя въ 1760-ыхъ гг. инструкціи полковникамъ предписывали какъ общее правило производить унтеръ-офицеровъ не изъ дворянъ въ оберъ-офицеры не ранѣе. какъ послѣ 12-лѣтняго пребыванія въ этомъ званіи [4]). Въ какомъ видѣ это правило должно было соблюдаться при увольненій въ отставку, въ инструкціяхъ не было предусмотрѣно; лишь въ 1792 г. было разъяснено, что право на повышеніе чиномъ при отставкѣ имѣютъ лишь тѣ нижніе чины, которые не только прослужили узаконенный срокъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи, но и всего прослужили не менѣе 15—20 лѣтъ (исключая раненыхъ и изувѣченныхъ на войнѣ) [5]). Затѣмъ, въ 1802 г. названный только что 15—20 лѣтній срокъ былъ увеличенъ до 25 л. (съ сохраненіемъ попрежнему льготы для раненыхъ и изувѣченныхъ на войнѣ), при чемъ для полученія оберъ-офицерскаго чина было поставлено еще одно условіе: знаніе грамоты. О каждомъ случаѣ такого награжденія предписывалось при этомъ представлять на выс. утвержденіе [6]).

---

[1]) Указъ 16 XI 1719, 3452. Исключеніе предписывалось дѣлать лишь для тѣхъ, „которые за пьянство и французскими и за прочими подобными болѣзньми и негодностьми отставлены будутъ". О повышеніи чиномъ при отставкѣ по морскому вѣдомству см. морской уставъ 13 I 1720, 3485, Кн. IV, гл. IV, п. 8.

[2]) Указъ 19 IV 1722, 3973.

[3]) До насъ дошелъ только одинъ случай, въ которомъ 5 сержантовъ получили повышеніе въ оберъ-офицерскіе чины за долгую безпорочную службу и за раны, (указъ 19 X 1759, 10.999).

[4]) См. Инструкціи 8 XII 1764, 12.289, и 14 I 1766, 12.543, гл. I, п. 3, прим. Впрочемъ, послѣдняя изъ этихъ инструкцій устанавливаетъ 12-лѣтній срокъ лишь для солдатъ изъ рекрутъ, для служащихъ же изъ солдатскихъ дѣтей, подьячихъ и церковниковъ она понижаетъ его до 8 л.

[5]) Указъ изъ военной колл. IX 1792, 17.073, ст. 2 и 3. 20-лѣтній срокъ былъ установленъ для поступившихъ въ службу изъ рекрутъ, а 15-лѣтній—для поступившихъ въ нее изъ солдатскихъ дѣтей, подьячихъ и церковниковъ.

[6]) Указъ 5 XII 1802, 20.542. Эти правила распространялись также и на нижнихъ чиновъ изъ солдатскихъ и подьяческихъ дѣтей, церковниковъ, уволенныхъ помѣщиками дворовыхъ людей и крестьянъ и уволенныхъ обществами купцовъ и мѣщанъ

Digitized by Google

Еще одно отличие для отставныхъ было введено Павломъ въ самомъ началѣ его царствованія, а именно знакъ ленты св. Анны въ петлицу для всѣхъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, выслужившихъ безпорочно 20 л.[1]). Полученіе этого знака сопровождалось изъятіемъ отъ тѣлесныхъ наказаній, а также правомъ на пенсію изъ орденскихъ доходовъ, какъ на службѣ, такъ и въ отставкѣ[2]). Въ 1798 г. для послѣдней цѣли было назначено 50.000 р. изъ суммы, собираемой съ командорствъ, при чемъ отставные, получавшіе пенсію изъ этихъ 50.000 р., назывались „пенсіонерами ордена св. Анны“[3]). Согласно указу 1804 г. полученіе знака отличія св. Анны сопровождалось еще однимъ важнымъ послѣдствіемъ, а именно свободой отъ оклада всѣхъ имѣвшихъ этотъ знакъ отставныхъ, которые безъ того подлежали бы обложенію[4]). Въ 1800 г. было предписано вмѣсто знака отличія св. Анны давать „донаты ордена св. Іоанны Іерусалимскаго[5]).

3. *Органы, производившіе отставку.* Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ органовъ, коими производилась отставка. Въ виду неопредѣленности закона о поводахъ къ отставкѣ и т. д. вопросъ этотъ пріобрѣтетъ важное значеніи.

Первоначально такимъ органомъ являлась сама военная кол-

(объ этихъ уволенныхъ помѣщиками и обществами см. также указъ IX 1722, 17.073, ст. 2). Указомъ 27 VIII 1803, 20.914 было предписано производить нестроевыхъ унтеръ-офицеровъ не изъ дворянъ, если они оставались на службѣ, не въ фрунтовые офицеры, но въ аудиторы или въ коммисаріатскій или провіантскій штатъ.

Унтеръ офицеры награждались прапорщичьими, а фельдфебели и вахмистры— подпоручичьими чинами. (См. указъ 30 XI 1804, 21.539).

[1]) Указы 12 XI 1796, 17.547, X 1797, 18.229 и VII 1798, 18.609. Списки объ этихъ лицахъ должны были ежегодно доставляться въ военную коллегію. На лицъ, уволенныхъ въ отставку до восшествія на престолъ Павла I, право но полученіе знака св. Анны не распространялось (указъ 5 XII 1799, 19.223). Согласно указу 9 VI 1802, 20.289 служащіе въ штатныхъ командахъ не имѣли права на полученія знаковъ.

[2]) Установленіе о росс. орденахъ 5 IV 1797, 17.908, п. 25.

[3]) Указъ 4 X 1798, 18.687. Эти пенсіи, согласно указу 4 VI 1800, 19.903, п. 5, должны были даваться преимущественно тѣмъ лицамъ, которыя получили орденъ св. Анны за храбрость.

[4]) Указъ 18 III 1804, 21.217. Въ 1815 г. эта льгота была распространена и на отставныхъ солдатъ, имѣющихъ орденъ св. Георгія (указъ 28 VII [30 IX] 1815, 25.910; ср. Архивъ Деп. Окл. Сборовъ, дѣло №69, 1815 „по представленію Екатеринославскаго гражд. губернатора о томъ, слѣдуетъ ли полагать въ окладъ отставныхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ, имѣющихъ знаки отличія военнаго ордена св. Георгія“).

[5]) Указъ 10 X 1800, 19.594.

Digitized by Google

легія [1]), которая подвергала отставляемыхъ особому освидѣтельствованію [2]).

Между тѣмъ въ 1720 г. было предписано не посылать подлежащихъ отставкѣ солдатъ въ военную коллегію, „дабы изъ того имъ излишней трудности не произошло“; вмѣсто этого отставка должна было быть даваема: въ полевыхъ полкахъ—„по подлинному свидѣтельству“—генералитетомъ вмѣстѣ съ полевымъ комисаріатомъ во время присутствія члена военной коллегіи, пріѣхавшаго для баллотированія, а въ горнизонныхъ полкахъ — мѣстными гражданскими и военными властями по совмѣстному осмо́тру и по врачебному освидѣтельствованію; въ военную коллегію должны были быть посылаемы лишь вѣдомости [3]). Въ 1724 г. для армейскихъ полковъ было сдѣлано дальнѣйшее упрощеніе: а именно, отставку было предписано производить „генераламъ полнымъ съ прочимъ генералитетомъ, обрѣтающимся при командахъ“ — безъ членовъ военной коллегіи, разъѣзды которыхъ были отмѣнены [4]).

---

[1]) Такъ, указъ 29 VII 1719, 3409 говоритъ о солдатахъ, которые „съ смотру изъ той (военной) коллегіи отъ армейской и гарнизонной службы за ранами и за старостью отставлены“. Указъ 10 II 1720, 3513 предписываетъ выдавать провіантъ на мѣсяцъ драгунамъ и солдатамъ, присылаемымъ въ С.-Петербургъ въ военную коллегію „въ отставку“. Указъ 3 V 1720, 3576 также говоритъ объ урядникахъ и рядовыхъ отставляемыхъ „по свидѣтельству военной коллегіи“. Воинскій уставъ Петра (30 III 1716, 3006) запрещаетъ офицерамъ отставлять солдатъ и предписываетъ имъ о неспособныхъ продолжать службу „въ принадлежащемъ мѣстѣ извѣстіе подать, дабы оный солдатъ осмотрѣнъ и по изобрѣтенію того послѣ отъ начальства потребнымъ пасомъ снабдѣнъ былъ“. (Гл. IX, артикулы 69 и 70).

[2]) См. предыд. прим. Указъ 10 II 1720, 3513 также говоритъ о „свидѣтельствахъ докторскихъ“.

[3]) Указъ 7 III 1720 (cit. въ указѣ 5 II 1743, 8701); относительно гарнизонныхъ полковъ см. также указъ 25 X 1720, 3665. Тѣмъ не менѣе инструкція ревизорамъ 5 II 1722, 3901, п. 8 условіемъ свободы отставныхъ солдатъ отъ подушнаго оклада ставитъ обладаніе „отпусками изъ военныхъ коллегіц“ (тоже въ указѣ 16 IX 1724, 4565).

[4]) Выс. рез. 11 XI 1724, 4589, подтвержденная въ указѣ 30 XI 1725, 4805, и Выс. утв. докладъ Сената 9 V 1732, 6046, пп. 8 — 10 и 12 (согл. п. 12 право отставлять принадлежитъ „командующимъ аншефамъ“, но въ отдаленныхъ мѣстахъ также и „генералъ-лейтенантамъ и генералъ-маіорамъ и губернаторамъ и вице-губернаторамъ и оберъ-комендантамъ“, съ обязанностью рапортовать военной коллегіи. При этомъ за отставленіе такихъ больныхъ, „кои вылѣчены быть могутъ“, законъ грозилъ отвѣтственностью). Впрочемъ, послѣдній указъ знаетъ два исключенія: 1) солдатъ, отставляемыхъ изъ полевыхъ полковъ въ гарнизонные, при отсутствіи близкихъ горнизоновъ, предписывалось отсылать въ военную коллегію для опредѣленія въ гарнизоны; 2) такъ какъ опредѣленіе „на пропитаніе“ зависѣло отъ военной коллегіи, то просившіе при отставкѣ такого опредѣленія изъ близкихъ мѣстъ должны были присылаться въ военную коллегію,

Digitized by Google

Такъ обстояло дѣло до начала сороковыхъ годовъ, когда вслѣдствіе войны съ Швеціей отставленіе отъ службы сначала вовсе было пріостановлено (1742), а затѣмъ было предписано (1743), чтобы впредь отставка давалась „какъ было при жизни... Гос. Импер. Петра Великаго“, „а именно унтеръ-офицерамъ и рядовымъ генералитетомъ съ апробаціи военной коллегіи по общему съ генералитетомъ смотру“ [1]). Такимъ образомъ былъ возстановленъ прежній порядокъ. Отставку при немъ попрежнему давалъ „генералитетъ“, но уже съ апробаціи военной коллегіи. Этотъ порядокъ установился затѣмъ надолго [2]). Къ сожалѣнію, мы въ точности не знаемъ, въ чемъ собственно заключалась роль военной коллегіи и въ какой формѣ осуществлялась ея „апробація“. Нѣкоторыя данныя заставляютъ насъ думать, что, по крайней мѣрѣ въ началѣ 1760-ыхъ гг., эта апробація не имѣла большого значенія [3]).

Въ 1764 г. порядокъ увольненія былъ болѣе точно установленъ,

а изъ дальнихъ — о нихъ туда должны были присылаться вѣдомости. Впрочемъ, эта практика соблюдалась уже ранѣе: см. указы 24 X 1726, 4969; 9 X 1728, 5337 и 17 I 1729, 5360 (однако, послѣдній указъ говоритъ о присылкѣ отставныхъ въ монастыри и богадѣльни „изъ военной коллегіи и отъ командъ“). См. также указъ 28 I 1745, 9104.

[1]) Выс. утв. докладъ Сената 5 II 1743,8701. Мотивы отмѣны предписанія 1742 г. были фискальные: „дабы тѣ, которые за совершенными болѣзнями, ранами и за старостью болѣе воинской службы нести не могутъ, напрасно жалованія не брали“. См. также указъ 26 V 1760, 11063. (Этотъ указъ между прочимъ предписываетъ „всему генералитету объявить указами, что буде кто въ отставку представитъ способнаго къ службѣ, тотъ *самъ вѣчно въ солдаты написанъ будетъ*“).

[2]) Такъ, указъ 24 X 1751, 9893 о девяти отставныхъ солдатахъ сообщаетъ, что они отставлены „по разсмотрѣнію генералитета, а по смотрамъ штабъ и оберъ офицеровъ полковыхъ лекарей... и со апробаціи военной коллегіи“. Объ опредѣленіи изъ полевыхъ полковъ въ гарнизонные „по осмотрамъ, съ апробаціи военной коллегіи“ говорятъ также Выс. утв. для коммисаріатскаго правленія регулы 9 I 1758, 10789. Изъ этихъ же „регулъ“ мы видимъ, что паспорты объ отставкѣ выдавались „командующими генералами“, время прохода къ которымъ для полученія паспортовъ зачитывалось въ службу.

[3]) Такъ, напр., въ началѣ 1760-хъ гг. военная коллегія въ силу указа 11 X 1762, 11674, производила разборъ всѣхъ отставныхъ, находившихся въ монастыряхъ. Такъ какъ, однако, многіе солдаты получали отставку во время самаго производства разбора, то было предписано не отсылать ихъ къ духовнымъ властямъ, но представлять ихъ въ военную коллегію, чтобы они не могли миновать разбора (указъ 15 III 1763, 11778). Очевидно, что если бы „апробація“ военной коллегіи была дѣйствительной, то не было бы причины издавать такой указъ. Съ другой стороны, однако, изъ указа 4 IX 1760, 11096 можно вывести, что всѣ увольняемые въ отставку должны были явиться въ военную коллегію въ С.-Петербургѣ или ея контору въ Москвѣ.

Въ гвардіи, какъ мы узнаемъ изъ указа 12 V 1764, 12156, отставка давалась „по общему гвардіи полковыхъ командировъ разсмотрѣнію“. Требовалась ли здѣсь „апробація“ военной коллегіи, мы не знаемъ.

Digitized by Google

по крайней мѣрѣ относительно увольненія изъ полевыхъ полковъ въ гарнизонную службу: это уволненіе должно было производиться военной коллегіей по рапортамъ дивизіонныхъ командировъ [1]). По имѣющимся у насъ даннымъ, формально этотъ порядокъ просуществовалъ до 1795 г., когда производство предписанныхъ манифестомъ 2 IX 1793 г. отставокъ было возложено на главнокомандующихъ [2]). Быть можетъ эта мѣра была лишь формальнымъ санкціонированіемъ того, что уже фактически существовало и ранѣе; при той обширной власти, которую пріобрѣли главнокомандующіе въ особенности къ концу царствованія Екатерины, это было бы не такъ невѣроятно [3]).

Самовластію главнокомандующихъ со вступленіемъ на престолъ Павла былъ положенъ конецъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, при произведенной Павломъ реформѣ арміи право увольнять въ отставку было возложено не на центральное военное управленіе, но на стоящихъ во главѣ дивизій (военныхъ округовъ) инспекторовъ войскъ, которые о своихъ дѣйствіяхъ должны были доносить самому Государю [4]). Этотъ порядокъ просуществовалъ повидимому въ теченіе всего царствованія Павла; послѣ вступленія на престолъ Александра I онъ былъ измѣненъ, при чемъ одновременно и весь процессъ отставленія отъ службы подвергся болѣе точной рагламентаціи. Сущность новаго порядка заключалась въ томъ, что инспекторы въ опредѣленные сроки (къ 1 августа или 1 сентября) должны были доставлять военной коллегіи свои представленія о подлежащихъ отставкѣ солдатахъ съ подробными вѣдомостями о послѣднихъ. При этомъ всѣ солдаты, подлежавшіе увольненію въ отставку до выслуги положенныхъ лѣтъ (вслѣдствіе неизлѣчимыхъ болѣзней и т. под.), должны были быть предварительно подвергнуты осмотру со стороны инспектора вмѣстѣ съ медицинскими чинами. Затѣмъ рѣшеніе вопроса объ отставкѣ и о дальнѣйшей судьбѣ отставного принадлежало уже военной коллегіи [5]).

---

[1]) См. законъ 19 IV 1764, 12135 о переформированіи гарнизоновъ, генеральное наставленіе, п. 22.

[2]) Указъ изъ военной коллегіи X 1795, 17402. Въ военную коллегію должны были доставляться лишь вѣдомости.

[3]) См. объ этомъ *Милютинъ*, Исторія войны 1799 г. между Россіей и Франціей въ царствованіе императора Павла I, т. I, Спб. 1857, стр. 12.

[4]) Указъ 6 VIII 1797, 18078 (При Павлѣ Россія въ военно-административномъ отношеніи была раздѣлена на 12 дивизій [инспекцій]). См. также указы IX 1797, 18175 и 29 IV 1798, 18.508, согласно послѣднему изъ которыхъ инспекторъ собственною властью отставляетъ отъ службы нижнихъ чиновъ полевыхъ полковъ. Паспорты давались отставнымъ также за подписью инспекторовъ (см., напр., указъ 24 VII 1800, 19491).

[5]) См. указъ 21 IV 1802, 20254 и цитируемый въ немъ указъ военной коллегіи 11 VI 1801, а также указъ IV 1803, 20737.

Digitized by Google

Что касается морского вѣдомства, то тамъ въ теченіе всей изучаемой нами эпохи отставка производилась адмиралтейской коллегіей [1])[2]).

Особое мѣсто занимаетъ увольненіе солдатъ для опредѣленія ихъ на гражданскую службу: по всѣмъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ оно (до царствованія Павла, когда здѣсь сталъ примѣняться общій порядокъ) производилось военной коллегіей [3]). Бывали однако случаи, что лица, назначенныя военной коллегіей „къ дѣламъ", не принимались гражданскими учрежденіями, считавшими ихъ почему либо непригодными. Такъ какъ это приводило къ пререканіямъ между военными и гражданскими властями, то въ 1751 г. былъ изданъ законъ, коимъ такихъ не принятыхъ гражданскими властями отставныхъ предписывалось представлять на смотръ въ Сенатъ или его Московскую контору, которые такимъ образомъ являлись въ этихъ спорахъ высшей инстанціей [4]).

---

[1]) См. Регл. Адм. 5 IV 1722, 3937 п. 85, предписывавшій, чтобы увольняемый отъ службы получалъ „абшидъ" за рукою президента и за печатью адмиралтейской коллегіи. Для болѣе поздняго времени см. регламентъ о управленіи адмиралтейства и флотовъ 24 VIII 1765, 12459, гл. VIII, гдѣ прямо предписывается представлять всѣ прошенія объ отставкѣ коллегіи.

[2]) Что касается той части года, когда должна была даваться отставка, то при Петрѣ Великомъ для этого былъ установленъ ноябрь, каковой срокъ сохранился и послѣ него (см. указъ 5 II 1743, 8701). Кромѣ того воинскій уставъ запрещалъ просить отставку въ походѣ (В. у. 30 III 1716, гл. IX, артикулъ 71).

Впослѣдствіи, уже при Екатеринѣ II, срокъ увольненія въ отставку былъ перенесенъ на августъ (см. Выс. утв. докладъ воинской комиссіи 19 IV 1764, 12135, генер. наставленіе, п. 22), а затѣмъ, въ 1790 г., было предписано прошенія объ отставкѣ подавать въ мартѣ (указъ 20 III 1790, cit. въ указѣ IV 1793, 17119).

Между тѣмъ воинскіе уставы Павла опять перенесли срокъ для представленія къ отставкѣ на 1 августа (воинскіе уставы 29 XI 1796, 17588 и 17590), и этотъ срокъ сохранился до 1802 г., когда онъ былъ перенесенъ на 1 сентября (см. указы 29 IV 1798, 18506, 28 V 1798, 18538 и IV 1802, 20254.

По морскому вѣдомству Регл. о управленіи адм. и флотовъ 24 VIII 1765, 12459, гл. VIII предписалъ принимать прошенія объ отставкѣ въ одно время, по окончаніи кампаніи, а въ какое именно время—регламентъ не указываетъ.

[3]) См. регулы 9 I 1758, 10789, согласно которымъ назначенныхъ къ дѣламъ и къ подушному сбору предписывалось отправлять въ военную коллегію, которая и распредѣляла ихъ по должностямъ. См. также указъ 7 IV 1768, 13094 и многочисленные случаи, приведенные ниже въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Не слѣдуетъ выводить изъ указа 19 III 1756, 10522 заключеніе, противорѣчащее сказанному въ текстѣ, будто увольненіе въ отставку для опредѣленія „къ дѣламъ" производилось губернаторами и воеводами, ибо въ этомъ указѣ говорится лишь объ опредѣленіи на извѣстную должность уже назначенныхъ къ такой отставкѣ солдатъ.

[4]) Указъ 24 X 1751, 9893. См. также указъ 4 IX 1760, 11096, предписавшій гражданскимъ властямъ по поводу случаевъ подобныхъ пререканій принимать присылаемыхъ военной коллегіей отставныхъ „безъ всякихъ отговорокъ и продолженія".

Digitized by Google

Въ предыдущемъ изложеніи мы имѣли въ виду исключительно отставку солдатъ изъ полевыхъ и гарнизонныхъ полковъ. Но, какъ мы увидимъ ниже, солдаты изъ этихъ полковъ могли быть опредѣляемы и въ гражданскую службу (въ качествѣ счетчиковъ, сторожей и. т. д.), а также въ состоявшія при разныхъ присутственныхъ мѣстахъ гражданскаго вѣдомства команды (въ томъ числѣ съ 1764 г. и въ такъ наз. губернскія роты и городовыя команды). Кѣмъ же могли они быть увольняемы въ отставку съ *этой* службы?

Если мы не ошибаемся, то въ теченіе всего XVIII столѣтія существовалъ такой порядокъ, что отставку и этихъ всѣхъ лицъ вѣдала военная коллегія [1]). При Павлѣ однако въ этомъ отношеніи было сдѣлано значительное измѣненіе: въ 1798 г. было предписано, чтобы укомплектованіе губернскихъ ротъ и городовыхъ штатныхъ командъ нижними чинами было производимо военной коллегіей; вмѣстѣ съ тѣмъ однако увольненіе нижнихъ чиновъ изъ этихъ частей въ отставку было возложено на „гражданское правительство", съ тѣмъ „чтобы происходила оная по Сенату" [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ увольненіе другихъ солдатъ, состоявшихъ при присутственныхъ мѣстахъ, указомъ 1800 г. было также предоставлено самимъ этимъ присутственнымъ мѣстамъ [3]).

Впрочемъ, черезъ годъ—въ 1801 г.—порядокъ, введенный въ 1798 г. для нижнихъ чиновъ губернскихъ ротъ и городовыхъ штатныхъ командъ, (т. е. отставка черезъ Сенатъ), былъ распространенъ на всѣхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ, состоявшихъ при разныхъ присутственныхъ мѣстахъ. А именно, здѣсь предписывалось, чтобы всѣ присутственныя мѣста относительно состоящихъ въ ихъ вѣдомствѣ нижнихъ воинскихъ чиновъ, подлежавшихъ отставкѣ, представляли Сенату ежегодно не позднѣе сентября подробныя вѣдомости [4]).

---

[1]) У насъ по этому вопросу есть лишь два указанія, а именно указы 9 II 1755, 10355 и 7 IV 1768, 13.094. Послѣдній указъ касается всѣхъ военныхъ, опредѣленныхъ къ присутственнымъ мѣстамъ гражданскаго вѣдомства „въ число штатнаго положенія по указамъ военной коллегіи", и запрещатъ присутственнымъ мѣстамъ увольнять этихъ лицъ, предоставляя право такого увольненія одной военной коллегіи. Этотъ указъ спеціально по отношенію къ губернскимъ ротамъ и городовымъ воинскимъ командамъ былъ подтвержденъ и въ началѣ царствованія Павла указомъ X 1797, 18.230, но затѣмъ, какъ увидимъ ниже, вскорѣ былъ отмѣненъ.

[2]) Указъ 13 III 1798, цит. въ указѣ 29 IV 1798, 18508. Это предписаніе было подтверждено въ указѣ 28 V 1798, 18538. См. также указъ 4 VI 1800, 19441.

[3]) Указъ IV 1800, 19.404. Это постановленіе мотивировалось тѣмъ, что означенные люди были непосредственно затребованы данными присутственными мѣстами отъ военной коллегіи, почему эти мѣста и могутъ отставлять ихъ своею властью, „яко людей, зависящихъ отъ ихъ распоряженія".

[4]) Указъ 22 I 1801, 19727. (Тоже спеціально для служителей горнаго кад. кор-

Digitized by Google

Что касается специально состоявшихъ въ губернскихъ и уѣздныхъ казначействахъ присяжныхъ, то ихъ увольненіе въ отставку въ 1804 г. было возложено на казенныя палаты (но каждый разъ съ утвержденія Гос. Казначея), съ тѣмъ чтобы лишь о просящихъ пенсіи было представляемо Сенату [1]).

Послѣ всѣхъ этихъ правительственыхъ замѣчаній мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію каждаго изъ видовъ отставки въ отдѣльности [2]).

II. Увольненіе изъ полевой службы въ гарнизонную.

Говоря о первомъ видѣ отставки мы можемъ быть весьма краткими. Вѣдь здѣсь, строго говоря, никакой отставки не было, а было лишь простое перераспредѣленіе людей въ предѣлахъ одного и того же войска: солдатъ полевой арміи становился солдатомъ гарнизона.

пуса см. въ законѣ 21 IV 1804, 21.272). Мѣстными органами Сената по отношенію къ губернскимъ ротамъ и городовымъ командамъ являлись губернаторы и городничіе (см. указъ VI 1802, 20.309).

[1]) Указъ 29 V 1804, 21.309.

[2]) О числѣ уволенныхъ въ отставку у насъ есть лишь слѣдующія данныя за 1803 г.

Инспекціи.	Получающіе полную отставку. За выслугой срока.	По неспособности продолжать службу.	Переводимые во внутренніе гарнизоны по неспособности продолжать полевую службу.
С.-Петербургская.......	148	920	24
Финляндская...........	60	763	717
Лифляндская	134	915	176
Литовская............	354	240	—
Брестская.............	388	402	—
Украинская	155	153	—
Днѣстровская..........	562	234	—
Крымская.............	585	1011	1006
Кіевская............ ..	807	648	—
Смоленская............	319	623	511
Московская............	297	766	—
Кавказская.......	402	1164	1026
Оренбургская....	--	—	174
Сибирская............	199	695	262
Итого	4410	8534	3896

См. Russland unter Alexander dem I, herausgegeben von *H. Storch*, II, StPB. und Leipzig, 1804, стр. 154.

Digitized by Google

Это перечисленіе изъ одной части въ другую не влекло за собою перемѣны состоянія, почему оно для насъ и не представляетъ особаго интереса [1]).

Въ 1764 г. гарнизонныя войска подверглись у насъ важной реформѣ. До этого они дѣлились на остзейскія и внутреннія, при чемъ первыя заключали въ себѣ 20 полковъ, а вторыя—26 полковъ и нѣсколько баталіоновъ. Въ 1764 г. было произведено новое раздѣленіе гарнизонныхъ войскъ на пограничныя (64 баталіона) и внутреннія (19 баталіоновъ). При этомъ единицей былъ принятъ не полкъ, но баталіонъ, состоявшій изъ 6 ротъ: въ пограничномъ баталіонѣ состояло 4 строевыхъ роты, 1 инвалидная и 1 мастеровая, во внутреннихъ—5 строевыхъ и одна инвалидная (въ послѣдней однако должно было быть 30 чел. мастеровыхъ) [2]). Укомплектованіе *строевыхъ* ротъ должно было производиться отставными отъ полевой службы [3]); лишь въ нѣкоторыхъ баталіонахъ оно должно было производиться рекрутами и солдатскими дѣтьми [4]). Эти роты должны были „отправлять всю военную службу по гарнизону". *Инвалидныя* роты должны были комплектоваться отставными отъ строевыхъ ротъ.

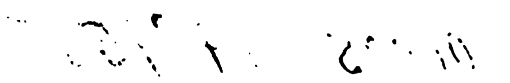
---

[1]) Неспособные къ продолженію полевой службы солдаты опредѣлялись въ ближайшіе гарнизоны и лишь при отсутствіи таковыхъ отсылались (по распредѣленію военной коллегіи) въ отдаленные (см. напр., указы 9 V 1732, 6046, п. 10; 9 I 1758, 10.789; 7 XI 1780, 15081; X 1795, 17402, п. 1 и 3; IV 1803, 20737); при этомъ они на проходъ до гарнизоновъ получали провіантъ (по указу 10 II 1720, 3513—на 1 мѣс., по Выс. утв. для провіантскаго правленія регуламъ 9 I 1758, 10788, гл. VII, п. 25—по расчету 100 в. на недѣлю. Кромѣ того, изданныя въ тотъ же день регулы 9 I 1758, 10,789 предписывали давать имъ жалованіе къ прежнимъ окладамъ „по то время, какъ до тѣхъ гарнизоновъ по исчисленію времени дойтить должно"). Въ гарнизонахъ эти солдаты должны были быть опредѣляемы лишь къ легкимъ работамъ и карауламъ, тогда какъ къ тяжелымъ предписывалось назначать молодыхъ и здоровыхъ (указъ 5 VII 1740, 8160).

[2]) Законъ 19 IV 1764, 12135 о переформированіи гарнизоновъ.

[3]) Для этого ежегодно къ 1 іюля начальство гарнизона должно было доставлять начальнику дивизіи свѣдѣнія о числѣ потребныхъ чиновъ. Начальникъ дивизіи доносилъ о томъ военной коллегіи и по ея распоряженію отставлялъ соотвѣтствующее число чиновъ изъ полевыхъ полковъ своей дивизіи (тамъ же, генеральное наставленіе, п. 22). Замѣтимъ, что могли быть и случаи, когда нижніе чины изъ гарнизонныхъ полковъ опредѣлялись въ полевые (помимо указываемыхъ въ слѣд. примѣчаніи): напр., если больной, назначенный изъ полевого въ горнизонный полкъ, выздоравливалъ и снова становился способнымъ къ полевой службѣ (см. указъ IV 1803, 20.737).

[4]) Тамъ-же, п. 23. При этомъ, кажется, въ гарнизонные баталіоны назначались тѣ рекруты и солдатскія дѣти, которые были ниже установленнаго для полевыхъ полковъ роста. Если они впослѣдствіи достигали этой нормы (6 вершковъ), то отдавались въ полевые полки (п. 24). Впрочемъ, должности барабанщиковъ, флейщиковъ, писарей и музыкантовъ во всѣхъ гарнизонныхъ баталіонахъ должны были замѣщаться солдатскими дѣтьми.

Digitized by Google

„кои за старостью и дряхлостью или за увѣчьемъ противъ непріятеля службу съ ружьемъ или работою продолжать больше не въ состояніи“. Они должны были быть употребляемы только для легкихъ карауловъ внутри крѣпости или города [1]). Наконецъ, *мастеровыя* роты должны были состоять „всякаго рода изъ работныхъ и ремесленныхъ людей, принадлежащихъ до крѣпостного строенія, напр., каменщики, плотники, кузнецы, слесаря, дернокладцы и прочіе“. Набираться они должны были „изъ рекрутъ или другихъ разночинцевъ“ [2]).

Однако, полевыми и гарнизонными войсками не исчерпывались всѣ существовавшіе у насъ виды войскъ.

Дѣло въ томъ, что до 1760-хъ гг. на армейскихъ и гарнизонныхъ полкахъ лежали обязанности не только военныя; отъ нихъ командировались „немалыя команды“ и для карауловъ, посылокъ и т. под. порученій присутственныхъ мѣстъ гражданскаго вѣдомства. Этотъ порядокъ представлялъ значительныя неудобства, почему уже до 1760-ыхъ гг. при нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстахъ для названныхъ порученій существовали особыя военныя комманды [3]), которыя, подобно гарнизонамъ, комплектовались отставными изъ полевыхъ полковъ [4]). Однако,

---

[1]) Тамъ-же, особ. п. 10. См. также указъ 7 XI 1780, 15081.

[2]) Тамъ-же, особенно п. 11.

[3]) Примѣромъ можетъ служить сенатская рота: она была учреждена въ 1724 г., но послѣ смерти Петра Великаго въ 1726 г. была упразднена (при чемъ при Сенатѣ было оставлено лишь 52 чел.); въ 1742 г. она была вновь возстановлена. При ней состояло 26 курьеровъ (половина изъ шляхетства). Одна треть солдатъ должна была быть грамотными. (См. указъ 15 I 1742, 8499).

Другими примѣрами могутъ служить рота, учрежденная въ 1753 г. при бергъ-коллегіи (см. Выс. утв. докладъ Сен. 10 XII 1772, 13716), далѣе рота, учрежденная въ 1773 г. при строеніи въ Москвѣ Кремлевскаго дворца (ук. 20 III 1773, 13.964), команда, учрежденная въ 1800 г. при монетномъ дворѣ для внутренняго караула (ук. 9 VIII 1800, 19.507). Далѣе, слѣдуетъ назвать команду при Тавровскомъ адмиралтействѣ (ук. 6 VII 1750, 9779), баталіонъ при Ладожскомъ каналѣ, баталіонъ при канцеляріи отъ строеній, двѣ роты (изъ отставныхъ солдатъ) при исправленіи перспективной дороги, а также команды (изъ отставныхъ же солдатъ) при разныхъ присутственныхъ мѣстахъ С.-Петербурга и Москвы. (См. ихъ перечисленіе, напр., въ указѣ 7 X 1754, 10.314 о награжденіи нижнихъ чиновъ по случаю рожденія В. Кн. Павла Петровича).

[4]) Относительно сенатской роты и роты при бергъ-коллегіи, роты при строеніи Кремлевскаго дворца и команды при монетномъ дворѣ см. приведенные въ предыдущемъ прим. законы 15 I 1742, 8499; 10 XII 1772, 13716; 20 III 1773, 13.964 и 9 VIII 1800, 19.507. Укажемъ еще на то, что въ 1736 г. вслѣдствіе частыхъ случаевъ разбоя въ Нижнемъ Новгородѣ была учреждена двухротная команда „для сыску воровъ и разбойниковъ“. Эта команда также комплектовалась „отставными отъ пѣхотныхъ полковъ, кои могутъ при такихъ дѣлахъ нѣкоторое время служить или изъ другихъ какихъ служи-

106995 178155

Digitized by Google

этихъ командъ было недостаточно, и поэтому въ 1762 г., въ царствованіе Петра III, было предписано учредить для исполненія названныхъ выше порученій при Сенатѣ, коллегіяхъ и т. п. особый полкъ (въ который должна была войти и сенатская рота), а въ губерніяхъ и провинціяхъ—особыя роты. Сенату предписывалось выработать детали (между прочимъ и по вопросу объ укомплектованіи) [1]). Три недѣли послѣ изданія этого закона царствованіе Петра III прекратилось, но лежавшая въ основѣ этого закона мысль нашла свое осуществленіе въ новыхъ штатахъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, введенныхъ вскорѣ послѣ наступленія новаго царствованія, а именно въ концѣ 1763 г. Правда, что предположенный въ 1762 г. полкъ не былъ образованъ, и вмѣсто него были учреждены лишь двѣ роты при Сенатѣ; но зато другая часть проекта нашла полное осуществленіе, и во всѣхъ губернскихъ, провинціальныхъ и уѣздныхъ городахъ и пригородкахъ (кромѣ Остзейскихъ губ.) были учреждены особыя команды „для случающихся въ городахъ посылокъ, отправленія въ разныя мѣста денежной казны, для поимки въ случаѣ нужномъ воровъ и разбойниковъ и для разныхъ карауловъ и осмотровъ" [2]).

Эти новыя команды (или, какъ онѣ назывались, губернскія роты и городовыя команды) находились въ вѣдѣніи губернаторовъ и городничихъ [3]); укомплектованіе ихъ, также какъ и строевыхъ ротъ гарнизонныхъ баталіоновъ, производилось отставными изъ полевыхъ полковъ [4]).

лыхъ людей". Эта команда была упразднена въ 1764 г. (см. указъ 3 IX 1736, 7045 и 17 VI 1764, 12.187).

[1]) Указъ 5 VI 1762, 11564.

[2]) См. Штатъ 15 XII 1763, 11991. Эти команды заключали въ себѣ: губернскія—132 чел. всѣхъ чиновъ, провинціальныя—57, уѣздныя—29, а въ пригородкахъ—14. Для всей Россіи это число должно было составлять 8621. Затѣмъ, по новымъ губернскимъ штатамъ, введеннымъ по Учрежденію 7 XI 1775 г., численность этихъ командъ была нѣсколько измѣнена; а именно, она составляла въ губ. городахъ—132 чел. (изъ нихъ 27 конныхъ) въ пров. городахъ—69 (17), а въ уѣздныхъ—34 (9). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ пригородкахъ команды были упразднены. Впрочемъ, съ окончательнымъ проведеніемъ новаго раздѣленія на губерніи прекратили свое существованіе и провинціи: такимъ образомъ команды сохранились только въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ. При Павлѣ конные драгуны были замѣнены пѣхотными солдатами (Выс. утв. зап. генералъ-прокурора и гос. казначея 18 II 1800, 19281).

[3]) По указу 16 XII 1794, 17283 послѣдніе должны были 1-го числа каждаго мѣсяца рапортовать въ военную коллегію о состояніи въ нихъ людей и лошадей. См. также указъ 28 V 1798, 18.538.

[4]) До 1798 г. объ этомъ не было издано спеціальныхъ правилъ (или таковыя до насъ не дошли). Но мы все-таки имѣемъ указанія, что фактически разсматриваемыя команды должны были комплектоваться отставными. Такъ, напр., изъ указа 12 V 1764,

Digitized by Google

Увольненіе изъ губернскихъ ротъ и городовыхъ командъ, какъ уже сказано выше, производилось гражданскими властями, по Сенату.

Въ исторіи губернскихъ ротъ и городовыхъ командъ важное значеніе имѣла губернская реформа Павла, такъ какъ ею было сокращено число губерній, а въ особенности число уѣздовъ. Вслѣдствіе этого еще 28 VIII 1797 г. было предписано военной коллегіи произвести разборъ командъ, находившихся въ оставшихся за штатомъ городахъ. Военная коллегія распорядилась, чтобы этими „оставшимися за реформою" чинами были укомплектованы остальныя команды, имѣвшія недостатокъ въ людяхъ, и чтобы изъ излишнихъ годные были распредѣлены губ. правленіями между полевыми и гарнизонными полками, а негодные и выслужившіе указныя лѣта были уволены отъ службы. Между тѣмъ разборъ обнаружилъ, что излишекъ наблюдался только въ Нижегородской и Саратовской губ., тогда какъ во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ не только не было излишка, но даже и послѣ разбора оказался недостатокъ [1]).

12.156 мы узнаемъ, что въ губернскія роты и городовыя команды назначались отставные изъ гвардіи. Любопытно, что это повело къ неудовольствію со стороны гвардіи, такъ какъ бывшіе гвардейцы могли оказаться въ командѣ „у армейскихъ и гарнизонныхъ", чего раньше никогда не бывало. Чтобы избавить ихъ отъ этого „оскорбленія", было предписано опредѣлять ихъ въ одну Московскую губернію. См. также указъ 1 IV 1778, 14726. Далѣе, указъ 11 IX 1785, 16258 говоритъ о „неоднократныхъ запрещеніяхъ" опредѣлять въ гарнизоны и штатныя роты людей, не служившихъ въ полевыхъ полкахъ; указъ подтверждаетъ это запрещеніе и предписываетъ генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и т. д. въ случаѣ надобности въ людяхъ для заполненія комплекта обращаться къ военной коллегіи. См. также указъ 11 II 1787, 16.504.

Точный порядокъ укомплектованія губернскихъ ротъ и городовыхъ командъ былъ установленъ въ указѣ 29 IV 1798, 18508. Согласно этому закону губ. правленія должны были ежегодно заблаговременно (отставки должны были производиться въ августѣ) увѣдомлять ближайшихъ инспекторовъ войскъ о числѣ требующихся въ добавку людей; инспекторы должны были исключать изъ полевой службы соотвѣтствующее число неспособныхъ къ ней людей и отправлять ихъ въ данное губернское правленіе, увѣдомляя въ тоже время о томъ и военную коллегію.

[1]) См. указъ 24 XII 1800, 19699. Данныя, приводимыя въ указѣ 29 IV 1798, 18.508 о числѣ людей, требующихся въ добавку въ губернскихъ ротахъ и городовыхъ командахъ, относятся вѣроятно къ штатному числу, существовавшему до Павла.

Согласно даннымъ, приводимымъ въ указѣ 15 (27) VII 1799, 19.052 штатное число всѣхъ разсматриваемыхъ здѣсь нижнихъ воинскихъ служителей по 41 губ. состояло въ то время 17.928 чел.

Digitized by Google

III. Опредѣленіе на службу при присутственныхъ мѣстахъ гражданскаго вѣдомства.

Эта категорія отставныхъ очень близка къ нѣкоторымъ случаямъ, отнесеннымъ нами къ первой категоріи, такъ что мы иногда даже не можемъ точно провести границу между ними. Въ самомъ дѣлѣ, о губернскихъ ротахъ и городовыхъ командахъ, равно какъ и о другихъ командахъ, состоявшихъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ, мы говорили уже въ предыдущемъ отдѣлѣ, между тѣмъ какъ онѣ обнаруживаютъ большое сходство съ тѣми группами отставныхъ, съ которыми намъ приходится имѣть дѣло здѣсь (по крайней мѣрѣ съ большею частью ихъ). Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ отставными, состоящими въ вѣдѣніи гражданскихъ властей; въ обоихъ случаяхъ порядокъ назначенія одинъ и тотъ же (т. е. по требованію гражданскихъ властей отъ военной коллегіи). Это слѣдуетъ сказать и относительно порядка увольненія, поскольку онъ намъ извѣстенъ. Наконецъ, и обязанности обѣихъ группъ часто весьма сходны. Тѣмъ не менѣе законодательство выдѣляетъ эти двѣ категоріи въ особыя группы [1]), да онѣ и дѣйствительно между собой различаются. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ организованными по военному командами, состоящими при присутственныхъ мѣстахъ гражданскаго вѣдомства, но продолжающими составлять извѣстное цѣлое, ведущее до нѣкоторой степени самостоятельное существованіе; во второмъ же случаѣ мы имѣемъ дѣло съ отдѣльными отставными, назначенными къ исполненію извѣстныхъ обязанностей при присутственныхъ мѣстахъ, съ которыми они совершенно сливались и которыми они поглощались. Кромѣ того, сходство въ обязанностяхъ распространяется не на всѣ случаи.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній обратимся къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ случаевъ опредѣленія отставныхъ на должности въ присутственныхъ мѣстахъ гражданскаго вѣдомства.

При мѣстныхъ органахъ правительственной власти—губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канцеляріяхъ—состояли особыя должностныя лица, носившія названія *разсыльщиковъ*. Характеръ ихъ обязанностей ясенъ изъ самаго ихъ названія. На сословномъ положеніи разсыльщиковъ мы остановимся въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь для насъ

[1]) См., напр., приведенное выше донесеніе военной коллегіи, согласно которому предстоявшія отставному альтернативы слѣдовали въ такомъ порядкѣ: опредѣленіе въ гарнизоны, отсылка на поселеніе, опредѣленіе къ дѣламъ.

Digitized by Google

важно указать на то, что встрѣчавшіяся среди нихъ вакансіи, которыя не могли быть замѣщены собственнымъ приростомъ этой группы, должны были заполняться отставными солдатами, не имѣвшими пропитанія [1]). Такъ было до 1732 г., когда число ихъ было значительно увеличено (съ 1450 до 5488), при чемъ на праздныя мѣста опять было повелѣно опредѣлять отставныхъ солдатъ (къ сожалѣнію, изъ относящагося сюда узаконенія не видно, носило ли это опредѣленіе принудительный характеръ, или нѣтъ) [2]). Въ 1736 г. на долю разсыльщиковъ выпала новая обязанность. Въ этомъ году, какъ мы знаемъ, взиманіе подушной подати было преобразовано, при чемъ изъ рукъ военныхъ властей (полковниковъ и т. д.) оно было вновь передано въ вѣдомство губернаторовъ и воеводъ. Въ качествѣ исполнительныхъ органовъ къ послѣднимъ были приставлены отставные офицеры, и кромѣ того штатъ разсыльщиковъ былъ увеличенъ въ полтора раза (съ 5488 до 8232). На эти вновь учрежденныя 2744 должности было опять предписано опредѣлить отставныхъ солдатъ, съ тѣмъ чтобы они и впредь комплектовались ими [3]). Въ этомъ видѣ институтъ разсыльщиковъ, какъ органъ между прочимъ для взиманія подушной подати, просуществовалъ до 1764 г., когда, при введеніи новыхъ губернскихъ штатовъ, онъ былъ упраздненъ [4]). Впрочемъ, сборъ подушной подати былъ при этомъ попрежнему оставленъ въ вѣдѣніи губернаторовъ, воеводъ и ихъ подчиненныхъ.

Однако, при губернскихъ, провинціальныхъ и городовыхъ канцеляріяхъ отставные состояли не только въ качествѣ разсыльщиковъ.

---

[1]) См. указы 1 IV 1726, 4865 и 13 VII 1731, 5801.

[2]) Указъ 19 X 1732, 6233 и приложенный къ нему штатъ. Лишь указъ 1 IV 1726, 4865 предписывалъ при ненахожденіи отставныхъ, которые бы сами пожелали въ разсыльщики, требовать таковыхъ отъ военной коллегіи.

[3]) Указъ 26 I 1736, 6872, п. 7 и 24 V 1736, 6976. Напомнимъ читателю, что первоначально (съ 1724 г.) взиманіе подушной подати производилось военными властями; въ 1727 г. оно было возложено на губернаторовъ и воеводъ, въ помощь которымъ однако давались офицеры и солдаты (см. указы 9 II 1727, 5010; 24 II 1727, 5017; 15 III 1727, 5033; подтвержденіе этого см. также въ указѣ 2 I 1728, 5221). Затѣмъ, въ 1731 г. опять было введено взиманіе чрезъ посредство полковниковъ и ихъ подчиненныхъ, каковой порядокъ продолжался до описанной въ текстѣ реформы 1736 г.

[4]) Указъ 22 IV 1764, 12.138. При этомъ разсыльщиковъ, „кои годны явятся“, было повелено помѣстить въ знакомыя уже намъ губернскія роты и городовыя команды.

Замѣтимъ кстати, что кромѣ разсыльщиковъ при подушномъ сборѣ были кажется и другіе отставные нижніе чины: на эту мысль наводитъ и редакція какъ приведенныхъ выше указовъ 24 V 1736, 6976 и 22 IV 1764, 12.138, такъ и не совсѣмъ яснаго указа 28 XII 1739, 7988.

Digitized by Google

Дѣло въ томъ, что послѣднихъ для всякаго рода карауловъ, разсылокъ и т. д. было недостаточно, почему для означенной цѣли и приходилось употреблять солдатъ полевыхъ и гарнизонныхъ полковъ. Вслѣдствіе этого въ 1736 г. было предписано, чтобы при всѣхъ коллегіяхъ и канцеляріяхъ для карауловъ состояли отставные унтеръ-офицеры, капралы и рядовые въ необходимомъ числѣ. Военной коллегіи при этомъ предписывалось отсылать въ эти учрежденія по ихъ требованію тѣхъ отставныхъ, которые еще могутъ въ нихъ служить, и до заполненія этихъ мѣстъ не опредѣлять ихъ къ другимъ дѣламъ [1]). Къ сожалѣнію, о числѣ этихъ служителей изъ отставныхъ мы имѣемъ лишь самыя отрывочныя данныя [2]). Цѣль, которую преслѣдовало ихъ назначеніе, не была однако, повидимому, достигнута, такъ какъ попрежнему присутственныя мѣста должны были пользоваться услугами солдатъ изъ полевыхъ и гарнизонныхъ полковъ, что и повело въ концѣ-концовъ къ учрежденію разсмотрѣнныхъ выше губернскихъ ротъ и городовыхъ командъ. Вмѣстѣ съ образованіемъ послѣднихъ назначеніе отставныхъ прекратилось, хотя до насъ не дошло о томъ спеціальнаго указа [3]).

---

[1]) Указъ 3 IX 1736, 7048.

[2]) При производствѣ второй ревизіи „опредѣленные въ городахъ при губернаторскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ и при подушномъ сборѣ разсыльщики и отставные солдаты и ихъ дѣти" были выдѣлены въ особую группу, также подлежавшую переписи (Инструкція 16 XII 1743, 8836, п. 23). Согласно „Отчету объ Архангелогородской губ. по второй ревизіи" (Р. Вѣстн., 1841, № 7, стр. 233—5) въ Архангелогородской губ. по второй ревизіи состояло „имѣющихся при канцеляріяхъ и подушномъ сборѣ изъ отставныхъ отъ службы и разсыльщиковъ и ихъ дѣтей" 634 души. Данныхъ по другимъ губерніямъ у насъ нѣтъ.

Далѣе, указъ 29 IX 1756, 10.612 сообщаетъ, что въ Алатырской провинціальной канцеляріи „имѣется въ указномъ штатѣ и при подушномъ сборѣ изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ 96 челов." Любопытно, что этимъ отставнымъ солдатамъ приходилось между прочимъ сражаться съ „многолюдственными разбойническими партіями" на Сурѣ, а такъ какъ у нихъ не было оружія, то названный указъ предписалъ ихъ вооружить.

Согласно указу 1 XII 1749, 9686 въ Псковской провинціи въ то время состояло въ качествѣ разсыльщиковъ, для карауловъ и т. д. „отставныхъ солдатъ, драгунъ и недорослей 79", къ которымъ требовалось въ добавку 263 челов. Этотъ недостатокъ было предписано укомплектовать, при чемъ разсыльщиковъ было велѣно набрать „изъ отставныхъ солдатъ или драгунъ къ тому способныхъ безъ умедленія"...

На недостатокъ въ отставныхъ унтеръ-офицерахъ и разсыльщикахъ жаловались и Вологодская провинціальная и Важская воеводская канцеляріи въ 1755 г. (указомъ 23 V 1755, 10.411 военной коллегіи было предписано заполнить этотъ недостатокъ отставными).

[3]) Приведемъ для иллюстраціи нѣсколько извѣстій, дошедшихъ до насъ о томъ, въ какомъ видѣ иногда находились отставные, состоявшіе при коллегіяхъ и канцеляріяхъ. Въ 1750-ыхъ гг. юстицъ-коллегія о состоявшихъ въ ея вѣдомствѣ „отставныхъ

Digitized by Google

Изъ изложеннаго мы видимъ ту роль, которую играли отставные при взиманіи подушной подати; разсмотримъ теперь тѣ попытки, которыя были сдѣланы, чтобы привлечь ихъ къ участію при взиманіи другихъ сборовъ.

Какъ извѣстно, одной изъ наиболѣе важныхъ и тяжелыхъ обязанностей посадскихъ людей издавна было взиманіе всякаго рода косвенныхъ сборовъ (пошлинныхъ, кабацкихъ, соляныхъ и т. д.), также какъ и „счетъ и отдача денежной казны". Въ концѣ царствованія Петра I была сдѣлана попытка освободить посадскихъ отъ этой службы, а именно въ 1722 г. было повелѣно опредѣлить къ взиманію этихъ сборовъ отставныхъ офицеровъ и солдатъ, „выбирая въ военной коллегіи къ тому достойныхъ людей" [1]). Между тѣмъ оказалось, что провести эту реформу было не такъ-то легко: за недостаткомъ отставныхъ правительство могло замѣстить ими лишь нѣкоторыя должности. Остальныя же попрежнему были заняты посадскими [2]), и такъ продолжалось до

отъ воинской службы солдатахъ" сообщала, что хотя они „и имѣются, но токмо за ихъ старостью и болѣзньми, и что у нихъ ружья и палашей и солдатскихъ мундировъ нѣтъ, къ стоянію на часахъ неспособны". Хороши стражи! Старые, больные, да еще и безъ мундировъ!... (Указъ 29 IV 1754, 10.219). Еще ранѣе, въ концѣ 1740-ыхъ гг. Псковская пров. канцелярія жаловалась на недостатокъ въ отставныхъ и разсыльщикахъ и на ихъ состояніе. Такъ, въ ея вѣдѣніи состояло „отставныхъ солдатъ, драгунъ и разсыльщиковъ и ихъ малолѣтныхъ дѣтей, не имущихъ у себя не точію домовъ, но и дневного себѣ пропитанія, при тюрьмѣ человѣка по 4 и при канцеляріи безсмѣнно, и *будучи на караулѣ пропитаніе имѣютъ токмо единою себѣ выпрошенною у народа въ бытность ихъ по очереди за колодниками въ міру милостынею*... и отъ слабаго тѣхъ отставныхъ и разсыльщиковъ за *старостью и дряхлостью, а малолѣтныхъ за глупостью* караула въ 1737 г. невѣдомые воры изъ Псковской пров. канц., вшедъ въ окно, пожрали (должно быть: покрали) немалое число денежной казны; а въ 1746 г. изъ Псковской же тюрьмы въ ночи бѣжало 12 чел. колодниковъ, да и послѣ того непрестанно, какъ изъ тюрьмы, такожъ изъ міру побѣги чинятъ"... (указъ 1 XII 1749, 9686). И здѣсь хороши стражи, которые сами живутъ милостыней!.. О причинахъ бѣдственнаго положенія разсыльщиковъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь приведемъ лишь фактическій примѣръ. Указъ 25 X 1761, 11.347 говоритъ о необходимости для Бѣлогородской губ. канцеляріи пользоваться гарнизонными солдатами для карауловъ и т. д., ибо „хотя при той губ. канцеляріи имѣется нѣсколько разсыльщиковъ и оные изъ отставныхъ изъ армейскихъ полковъ, которые старые и дряхлые, почему на нихъ въ содержаніи карауловъ и въ посылкахъ положиться никакъ невозможно".

Относительно болѣе поздняго времени см., напр., указъ 5 II 1798, 18.849, гдѣ приводится жалоба состоящихъ въ вотчинномъ департаментѣ солдатъ на то, что они себя не могутъ прокормить на получаемыя ими 5 коп. въ день, съ тѣхъ поръ что имъ перестали давать квартиру (имъ удвоили жалованье).

[1]) Указы 5 V 1722, 3966 и 24 IX 1722, 4097.

[2]) Къ концу 1724 г. къ разнымъ сборамъ было прислано „отставныхъ дворянъ,

Digitized by Google

1727 г., когда отставные вовсе были освобождены отъ взиманія сборовъ, которое попрежнему было положено на посадскихъ, если его не брали на себя магистраты [1]). Участіе купечества во взиманіи всѣхъ этихъ сборовъ, также какъ и въ „счетѣ и отдачѣ денежной казны", прекратилось лишь въ царствованіе Екатерины II, когда свобода отъ этой службы была окончательно закрѣплена ст. 101 городового положенія [2]).

Столь же безуспѣшною,—хотя и по другимъ причинамъ,—была попытка привлечь отставныхъ къ взиманію таможенныхъ сборовъ.

Первое проявленіе этой попытки мы встрѣчаемъ еще въ 1726 г. До этого таможенные служители, согласно указу 1724 г., опредѣлялись изъ вольныхъ людей. Между тѣмъ, вслѣдствіе происходившихъ отъ нихъ (въ С.-Петербургѣ) „многихъ непотребствъ", въ 1726 г., было предписано „къ означенному служенію... 50 чел. выбрать изъ назначенныхъ къ отставкѣ гвардіи капраловъ и рядовыхъ добрыхъ и грамотѣ умѣющихъ людей"... [3]) Точные результаты этого предписанія намъ неизвѣстны; но мы знаемъ, что въ 1739 г. въ С.-Петербургской внутренней и портовой таможняхъ въ качествѣ досмотрщиковъ состояли уже лица „изъ купечества и церковниковъ и изъ боярскихъ людей и крестьянъ и изъ

офицеровъ и солдатъ" 971 чел. и въ добавку требовалось еще 3319; поэтому на незанятыхъ мѣстахъ было повелѣно до присылки отставныхъ попрежнему оставить сборщиковъ изъ купечества (указъ 21 XII 1724, 4620; тоже самое для Бѣлозерской губ. см. указъ 22 VIII 1726, 4950).

[1]) Указъ 24 II 1727, 5016. Такъ какъ эта „служба" была часто тяжела для купечества, то мы и встрѣчаемъ неоднократныя жалобы со стороны послѣдняго и просьбы объ освобожденіи отъ этой повинности. Таковы, напр., жалобы со стороны жителей г. Яренска (указъ 15 XI 1736, 7102), Смоленска (указъ 24 I 1737, 7166), Тулы и Калуги (указъ 10 I 1739, 7728), Гжатской пристани (указъ 28 X 1751, 9897), г. Олонца и его уѣзда (указъ 13 XI 1755, 10.484), Тихвина (указъ 11 X 1756, 10.626), Вятки (указъ 24 I 1761, 11.194), Новгорода (указъ 4 XII 1761, 11.370). Иногда къ этимъ сборамъ назначались крестьяне черносошные, дворцовые и т. д.

Что, однако, употребленіе отставныхъ для взиманія разсматриваемыхъ сборовъ кое-гдѣ сохранилось и послѣ 1727 г., видно, напр., изъ приведеннаго указа 4 XII 1761, 11.370 относительно Новгорода. Кромѣ того, въ отдѣльныхъ случаяхъ привлеченіе отставныхъ къ взиманію нѣкоторыхъ сборовъ встрѣчалось иногда какъ до 1722, такъ и послѣ 1727 г. (См., напр., указы 24 I 1718, 3146 и 26 XII 1718, 3263 о сборѣ пошлины у воротъ Земляного города въ Москвѣ; указъ 21 IV 1732, 6031 о назначеніи счетчиковъ изъ отставныхъ солдатъ въ генер. кригсъ-комиссаріатъ; указъ 9 X 1746, 9337 о сборѣ денегъ съ проѣзжающихъ по мосту черезъ Лугу у Ямбурга; указъ 25 V 1748, 9501 о сборѣ денегъ на мосту въ Бугульминской слободѣ; указъ 27 VIII 1751, 9878, п. 23 объ опредѣленіи 6 отставныхъ солдатъ къ мостамъ и перевозамъ въ Новгородской губ.).

[2]) Гор. положеніе 21 IV 1785, 16.188, стр. 101.

[3]) Указъ 14 III 1726, 4856.

Digitized by Google

подъяческихъ дѣтей и разночинцевъ“: въ этомъ году по неизвѣстнымъ намъ причинамъ было предписано отрѣшить ихъ отъ ихъ мѣстъ, на которыя назначить „изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ грамотныхъ и писать умѣющихъ изъ гвардіи и изъ армейскихъ полковъ, которые бы могли тое службу понести“ [1]). Между тѣмъ этотъ экспериментъ продолжался недолго—отставные солдаты оказались непригодными и въ 1743 г. были вновь замѣщены вольными людьми „съ пашпортами за добрыми поруками и писать умѣющими, какъ и напредь сего до присылки солдатъ содержаны же были“ [2]).

Мы только что видѣли, что въ первой половинѣ XVIII вѣка правительство сдѣлало безуспѣшную попытку замѣнить купечество при нѣкоторыхъ сборахъ и при счетѣ и отдачѣ денегъ отставными. Между тѣмъ, какъ мы также видѣли, при Екатеринѣ II купечество было освобождено отъ этой службы, и на этотъ разъ оно все же—поскольку дѣло касается счета денегъ, ихъ храненія и. т. д.—было замѣнено отставными солдатами. А именно, учрежденіемъ 1775 г. было предписано, чтобы при каждомъ казначействѣ (губернскомъ и уѣздномъ) состояло по 4 должностныхъ лица, обязанности которыхъ заключались бы въ храненіи денегъ, ихъ пріемѣ, выдачѣ и т. д. Эти должностныя лица получили названіе *присяжныхъ*; они должны были комплектоваться изъ отставныхъ гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ [3]). Такія же должности были учреждены и при другихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, имѣвшихъ дѣло съ храненіемъ и. т. д. денегъ [4]).

---

[1]) Указъ 31 VII 1739, 7869.

[2]) Указъ 21 VI 1743, 8751. Изъ солдатъ многіе были безграмотны, „а нѣкоторые и престарѣлые къ томужъ и въ пьянствѣ находящіеся, и затѣмъ исправно должностей своихъ несть не могутъ, отчего происходитъ остановка“...

[3]) См. Учрежденіе 7 XI 1775, 14.392, § 163. См. также губ. штаты въ Кн. Штатовъ Гр., стр. 254 и 256. Опредѣленіе этихъ присяжныхъ производилось черезъ Сенатъ, который гвардейскіе полки должны были извѣщать о всѣхъ отставныхъ или слѣдующихъ въ отставку (указъ 18 II 1776, 14.435; см. также указъ 22 III 1783, 15694). Указъ 5 XI 1800, 19636 говоритъ о герольдіи, какъ органѣ, черезъ который производилось опредѣленіе присяжныхъ.

[4]) Такъ, присяжные изъ отставныхъ гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ должны были состоять: при пенечныхъ амбарахъ въ С.-Петербургѣ (въ числѣ 4: указъ 24 III 1781, 15139); въ С.-Петербургскомъ и Московскомъ ассигнац. банкахъ и ихъ конторахъ (по 4: указъ 20 VIII 1781, 15214); при экспедиціи храненія гербовой бумаги (4: указъ 22 III 1783, 15694); при С.-Петербургской таможнѣ (4: указъ 29 I 1786, 16.318) и при цѣломъ рядѣ другихъ присутственныхъ мѣстъ (см., напр., указъ 11 VIII 1795, 17374, гдѣ для разныхъ учрежденій названы 73 должности присяжныхъ).

О дѣйствительной численности присяжныхъ до насъ дошли лишь самыя отрывочныя свѣдѣнія: такъ, согласно „Топогр., истор. и камеральному описанію городовъ и

Digitized by Google

Отъ присяжныхъ законъ отличалъ *счетчиковъ*, хотя обязанности тѣхъ и другихъ подходили кажется весьма близко [1]). Счетчики состояли при разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ для счета „денежной казны“; при этомъ они комплектовались совершенно иначе, чѣмъ присяжные. А именно, на должности счетчиковъ должны были назначаться отставные нижніе чины и вольные люди; если же таковыхъ не оказывалось въ достаточномъ числѣ, то мѣста ихъ замѣщались изъ губернскихъ ротъ и городовыхъ командъ: возникавшій при этомъ въ послѣднихъ некомплектъ долженъ былъ заполняться обычнымъ порядкомъ [2]).

Со вступленіемъ на престолъ Павла I обѣ разсматриваемыя нами категоріи формально слились, такъ какъ присяжнымъ было повелѣно

уѣздовъ Тверской губ.“ (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 442 и 443 [№ 443 отличается отъ № 442 лишь тѣмъ, что къ нему приложена карта Тверской губ.], рук. безъ года, относится къ 1783 г.) число „присяжныхъ гвардіи унтеръ-офицеровъ“ (для нѣкоторыхъ уѣздовъ вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми) составляло 88 душъ м. п. и 85 ж. п. Согласно „Топогр. описанію С.-Петербургской губ.“ (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 391 А, рук., относящаяся ко времени 1784—1797) число присяжныхъ г. Софіи составляло 4 (въ ихъ семьяхъ 1 душа м. п. и 5 ж. п.); въ 1782 г. въ Гдовѣ число присяжныхъ составляло 2, въ Лугѣ—4 („Особыя извѣстія о С.-Петербургской губ.“ В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 392 А, рук. безъ года, относящаяся къ 1782 г.). Въ Новгородскомъ нам. число присяжныхъ въ 1785 г. составляло 42 душъ м. п. 46 душъ ж. п. („Карты и планы городовъ Новгородской губ. съ статистичными примѣчаніями“ 1785 г., В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 300, рук.).

[1]) Такъ, напр., при конторѣ артиллеріи и фортификаціи по штату 3 IV 1763, 11.784, при камеръ-коллегіи и друг. по штату 15 XII 1763 (ср. указъ 26 I 1770, 13406); при С.-Петербургскомъ и Московскомъ госуд. банкахъ и ихъ мѣстныхъ конторахъ для вымѣна ассигнацій по указу 29 XII 1769, 18219 и т. д.

Счетчики состояли также при казенныхъ палатахъ и казначействахъ, хотя въ штатѣ послѣднихъ о нихъ не упомянуто (см., напр., указы 14 XII 1786, 16473 и 24 IX 1800, 19571). Различіе между присяжными и счетчиками такъ характеризуется въ одномъ указѣ: должность счетчиковъ, говорится здѣсь, еще тяжелѣе, чѣмъ присяжныхъ, „ибо одни находятся токмо при храненіи денежной казны, а другіе безпрестанно ее считаютъ и, въ случаѣ прочета, отвѣчаютъ и сами платятъ“...

[2]) Указъ 14 XII 1786, 16.473. Указъ 21 X 1802, 20.479 повелѣлъ на мѣста счетчиковъ въ казначействахъ назначать служителей городовыхъ командъ безъ исключенія ихъ изъ послѣднихъ, чтобы удешевить ихъ содержаніе; при этомъ онъ сослался на то, что при наличности присяжныхъ „не могутъ быть еще нужны особые сверхъ того счетчики“.

Относительно счетчиковъ въ конторахъ госуд. банка указъ 17 VI 1785, 16.217 предписалъ заполнять ихъ мѣста солдатами гарнизонныхъ баталіоновъ, которые при этомъ должны были выключаться военной коллегіей изъ послѣднихъ. Что въ счетчики назначались и отставные изъ гвардіи, видно изъ указа 24 V 1805, 21.764 относительно ассигнаціоннаго банка.

Digitized by Google

„по прежнему“ называться „счетчиками“ [1]). Однако, это названіе не привились, и съ воцареніемъ Александра I ихъ снова стали называть присяжными.

Не совсѣмъ понятно, какимъ образомъ присяжные, число которыхъ, какъ видно изъ предыдущаго, должно было быть довольно велико, могли комплектоваться изъ одной гвардіи; и въ самомъ дѣлѣ, жалобы на недостатокъ въ нихъ раздавались неоднократно, но правительство, за нѣкоторыми исключеніями, попрежнему подтверждало, чтобы они замѣщались отставными гвардейскими унтеръ-офицерами [2]). Относительно увольненія присяжные дѣлились на двѣ категоріи: выслужившіе въ военной службѣ установленные сроки могли получить его по желанію во всякое время, тѣ же, которые поступили въ присяжные, не выслуживъ этихъ сроковъ, „по неспособности къ строевой службѣ или по одобренію начальниковъ“, могли получить отставку не ранѣе, какъ по выслуженіи того времени, которое они были обязаны пробыть въ военной службѣ [3]).

Мы здѣсь далеко не исчерпали всѣхъ случаевъ, въ которыхъ пользовались отставными въ присутственныхъ мѣстахъ гражданскаго вѣдомства; но стоитъ только перелистать книги штатовъ, чтобы увидѣть, какъ часто они фигурируютъ при разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ въ качествѣ сторожей, служителей, для препровожденія транспортовъ и для другихъ употребленій, и притомъ не только до, но и послѣ учрежденія губернскихъ ротъ и штатныхъ командъ, которое коснулось лишь мѣстныхъ учрежденій [4]). При этомъ, какъ мы не-

---

[1]) Указъ 28 III 1800, 19.348. Это постановленіе повело за собою путаницу: такъ, Симбирское губ. правленіе истолковало его въ томъ смыслѣ, что прежніе счетчики, взятые изъ городовыхъ командъ, должны быть возвращены къ послѣднимъ. Сенатъ разъяснилъ, что съ переименованіемъ присяжныхъ прежняя должность счетчиковъ не должна считаться упраздненной (указъ 24 IX 1800, 19.571).

[2]) См. указы 31 III 1798, 18.460 и 12 X 1803, 20.981. Послѣдній указъ предписывалъ при недостаткѣ въ отставныхъ гвардейскихъ унтеръ-офицерахъ назначать на мѣста присяжныхъ людей „изъ гвардіи“—но каждый разъ съ выс. разрѣшенія.

Указъ X 1800, 19.628 разрѣшилъ въ случаѣ недостатка въ присяжныхъ временно назначать на ихъ мѣста унтеръ-офицеровъ, „заслуживающихъ вѣроятія“, изъ городовыхъ командъ; указъ же 5 XI 1800, 19.636 позволилъ въ этомъ случаѣ назначать „на время изъ всякихъ отставныхъ нижнихъ чиновъ“, но не изъ служащихъ штатныхъ ротъ и инвалидныхъ командъ, „яко принадлежащихъ воинскому вѣдомству“.

[3]) При этомъ выслужившіе 25 лѣтъ получали при отставкѣ полугодовое жалованіе, не выслужившіе — третное (указъ 7 VI 1804, 21.337; тоже относительно счетчиковъ см. указъ 24 V 1805, 21.764). О порядкѣ увольненія присяжныхъ въ отставку было сказано уже выше (см. стр. 15).

[4]) См., напр., штаты для разныхъ центральныхъ правительственныхъ учрежденій

Digitized by Google

однократно видѣли въ теченіе нашего изложенія, всѣ эти отставные опредѣлялись на должности по назначенію военной коллегіи (со времени Павла—инспекторовъ); для увольненія же ихъ въ отставку, какъ мы также уже видѣли выше, въ началѣ XIX вѣка былъ введенъ единообразный порядокъ [1]).

Но и этимъ еще не ограничивалась роль отставныхъ: ими очень часто пользовались еще и для самыхъ разнообразныхъ другихъ употребленій. Такъ, напр., однимъ изъ весьма распространенныхъ явленій въ Россіи было корчемство. Для борьбы съ нимъ учреждались особыя комманды—изъ отставныхъ солдатъ. При этомъ въ большинствѣ случаевъ отставные назначались въ эти команды по опредѣленію военной коллегіи; лишь въ рѣдкихъ случаяхъ эти команды предоставлялось заполнять такими отставными, которые получили при отставкѣ „вольные паспорты", т. е. были отпущены на свое пропитаніе и сами хотѣли занять эти должности [2]). Далѣе, отставные опредѣлялись для охраны кана-

15 XII 1763, 11,991 (Кн. Шт. Гр., стр. 59 и сл.), согласно которымъ при многихъ изъ этихъ учрежденій состояли отставные нижніе чины; далѣе, указъ 19 VII 1766, 12.702 (относительно коммерцъ-коллегіи), указъ 5 III 1774, 14.133 о главной дворцовой канцеляріи и подчиненныхъ ей мѣстахъ и т. д.; о сторожахъ и разсыльщикахъ изъ отставныхъ см., напр., штаты канц. гл. артиллеріи и конторы артиллерійской и фортификаціонной 3 IV 1763, 11.784; согл. закону 5 I 1798, 18.308 при коммисаріатскомъ и провіантскомъ департаментѣ состояли отставные („изъ неспособныхъ къ строевой службѣ, однакожъ не изъ престарѣлыхъ и увѣчныхъ") для препровожденія транспортовъ съ вещами и другихъ употребленій („Положеніе" для каждаго изъ этихъ департаментовъ, п. 5). Объ отставныхъ при вотчинномъ деп. по штату 1786 г. (всего 19 челов.) см. указъ 5 II 1798, 18.849; объ отставныхъ солдатахъ въ качествѣ служителей см., напр., выс. утв. уставъ горнаго кад. корпуса 19 I 1804, 21.133, п. 32, согласно которому всѣ корпусные служители опредѣлялись „по сношенію съ гос. военной коллегіей изъ военнослужителей полковъ, въ С.-Петербургѣ квартирующихъ, неспособныхъ къ продолженію фронтовой службы, но честнаго и трезваго поведенія" (отставка ихъ производится военной коллегіей). Согласно плану воспит. дома 1 IX 1763, 11.908, гл. VI, § 18, отставные должны были состоять и при этомъ домѣ и т. д. и т. д.

[1]) См. выше стр. 14.

[2]) Такъ, указъ 8 III 1739, 7.773, предписываетъ для искорененія корчемства опредѣлять „солдатъ потребное число изъ отставныхъ или которые впредь къ отставкѣ назначены будутъ". Указомъ 22 XI 1746, 9353 была учреждена команда изъ отставныхъ (по опредѣленію военной коллегіи) для преслѣдованія корчемства въ Бѣлгородской губ. При учрежденіи корчемныхъ конторъ при нихъ также образовывались такія команды (см. указы 11 X 1750, 9806 о корчемныхъ конторахъ въ С.-Петербургѣ, Кронштадтѣ и Шлиссельбургѣ и 1 XI 1750, 9815 и 27 VIII 1751, 9878—въ Новгородѣ); въ этихъ командахъ было по 40—50 капраловъ и рядовыхъ. Далѣе, въ контракты, заключавшіеся правительствомъ съ содержателями кабацкихъ или питейныхъ сборовъ, также вносился пунктъ, согласно которому для преслѣдованія корчемства откупщикамъ предоставлялось содержать за свой счетъ особыя команды изъ отставныхъ. При этомъ

Digitized by Google

ловъ [1]), для надзора за судоходствомъ [2]) или за мостами [3]) и для „смотрѣнія надъ ямщиками“ [4]); затѣмъ ихъ назначали: въ карантины въ качествѣ карантинныхъ сержантовъ и солдатъ [5]); ко всякаго рода магазинамъ (виннымъ, солянымъ, хлѣбнымъ) на должности „магазинныхъ сержантовъ“ [6]); ими же пользовались въ качествѣ лѣсной стражи [7]); въ началѣ

имъ ставилось на выборъ требовать эти команды отъ военной коллегіи или набирать ихъ самимъ изъ отставныхъ, получившихъ „вольные пашпорты“, т. е. увольненныхъ на свое пропитаніе (см., напр., контрактъ съ откупщиками Роговиковымъ съ товарищи для С.-Петербурга и Москвы на 1767—71 гг. 2 XII 1766, 12.794, п. 11; кондиціи 2 IX 1770, 13.505, п. 12; контракты для С.-Петербурга и Москвы 27 XII 1770, 13.549, п. 12 и 29 VII 1774, 14.172, п. 13; далѣе, кондиціи 4 IV 1778, 14.727; контрактъ для С.-Петербурга и Москвы 17 IV 1778, 14.728. См. также указъ 10 VIII 1772, 13.849, предписывавшій военной коллегіи опредѣлять отставныхъ къ содержателямъ Хотмыжскихъ, Карповскихъ и Миропольскихъ сборовъ). Иногда содержателямъ ставилась только вторая альтернатива—нанимать отставныхъ, уволенныхъ „на свое пропитаніе“ (см., напр., указъ 24 IV 1760, 11.051; „Правила“ 11 I 1761, 11.184, п. 9, кондиціи 19 I 1767, 12.818, п. 10).

Относительно командъ, учрежденныхъ для искорененія корчемства въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, см. также указы 3 III 1771, 13.575; 13 V 1775, 14.321; 22 VI 1776, 14.481 и 16 I 1779, 14.832. Сначала въ этихъ командахъ было по 50 рядовыхъ съ соотвѣтствующимъ числомъ другихъ чиновъ; къ этому числу была сдѣлана прибавка: въ 1775 г. для Москвы въ 80, а въ 1776 г. для С.-Петербурга—въ 120 чел. Въ 1780 г. эти команды хотѣли упразднить, но, по просьбѣ коронныхъ повѣренныхъ, онѣ были сохранены, но переданы въ вѣдомство губ. правленій (указъ 4 VII 1780, 15.030).

[1]) Указъ 26 VI 1719, 3397, дающій 6 отставныхъ въ распоряженіе содержателя Вышневолоцкаго канала.

[2]) Указъ 16 XI 1781, 15.279, п. 13 назначающій для этой цѣли по 1 унтеръ-офицеру и по 3 солдата въ Лодейное Поле и Вытегру.

[3]) Указъ 18 II 1758, 10.798, назначающій по 2 отставныхъ унтеръ-офицера къ двумъ новымъ мостамъ въ Петербургѣ; 22 XII 1758, 10.908, назначающій къ 3 мостамъ тамъ же 3 унтеръ-офицеровъ и до 100 солдатъ, и указъ 23 V 1755, 10.411 о надзорѣ за мостами, перевозами и прорубями въ Вологодской пров. и въ Важскомъ у.

[4]) Указъ 10 I 1771, 13.553 (по 1 отставному сержанту на 13 почтовыхъ станцій отъ Москвы до С.-Петербурга).

[5]) См., напр., положеніе о карантинномъ домѣ на о. Сескарѣ 6 V 1786, 16.390, п. 14 и штатъ.

[6]) См., напр., указы 18 X 1782, 15.543 (о назначеніи къ виннымъ и солянымъ магазинамъ С.-Петербургской губ. 66 магазинныхъ сержантовъ изъ отставныхъ армейскихъ унтеръ-офицеровъ) и 19 XII 1782, 15.616 (тоже въ Московск. губ.—64 чел.); о назначеніи въ магазинные сержанты при хлѣбныхъ запасныхъ магазинахъ см., напр., указы 13 III 1785, 16.161 (въ гг. Устюгѣ и Устьсысольскѣ), 27 III 1786, 16.363 (въ гг. Твери, Новгородѣ и В. Волочкѣ), 27 VII 1795, 17.364 (въ Екатеринославской и Вознесенской губ.). По Выс. утв. пол. о С.-Петербургскихъ городовыхъ амбарахъ 12 XI 1799, 19.188 при этихъ амбарахъ должна была состоять команда изъ 69 инвалидовъ. Согласно указу 11 IX 1785, 16.258 отставные, необходимые для назначенія „въ городовые или магазинные сержанты и т. под. должности“, должны были истребовываться соотв. учрежденіями отъ военной коллегіи.

[7]) Еще въ 1737 г. было предписано для „береженія“ лѣсовъ Тульской засѣки

Digitized by Google

1740-ыхъ гг. ихъ заставляли даже въ особо назначенныхъ для того мѣстахъ выкармливать, въ качествѣ „звѣровщиковъ", разнаго рода звѣрей [1]); далѣе, отставныхъ изъ служителей морского вѣдомства назначали для обученія народа связаннымъ съ морскимъ дѣломъ мастерствамъ [2]), а когда въ 1762 г., впредь до постройки „доллгауза", было повелѣно содержать сумасшедшихъ въ Зеленецкомъ и Андреевскомъ монастыряхъ,—уходъ за этими сумасшедшими опять таки былъ возложенъ на содержавшихся въ этихъ монастыряхъ отставныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ [3])...

Особаго упоминанія заслуживаетъ, что отставные опредѣлялись и на частныя фабрики „для безопасности,... частью же для караула и

„опредѣлить отъ (Тульской) оружейной конторы нѣсколько отставныхъ солдатъ" (указъ 22 IX 1737, 7380, п. 15). Тѣмъ не менѣе надзоръ за засѣчными лѣсами въ Тульской и Калужской губ. находился въ рукахъ особыхъ „засѣчныхъ сторожей" (о нихъ будетъ подробнѣе сказано въ другомъ мѣстѣ) до 1782 г., когда послѣдніе были обращены въ заводскіе работники, а надзоръ за лѣсами былъ порученъ сосѣднимъ помѣщичьимъ крестьянамъ. Такъ продолжалось кажется вплоть до 1802 г., когда для охраненія засѣкъ было предписано опредѣлять отставныхъ солдатъ и матросовъ, въ числѣ 80—въ Калужскую засѣку, и 40—въ Тульскую. Въ 1803 г. число сторожей было доведено до 332 чел.: послѣдніе должны были быть истребовываемы „отъ гос. военной коллегіи изъ назначаемыхъ къ отставкѣ добрского поведенія нижнихъ чиновъ" изъ расположенныхъ вблизи засѣкъ полковъ Московской инспекціи, или же назначаемы изъ отставныхъ или вольныхъ людей по ихъ желанію (см. указы 2 VII 1802, 20.317; 9 X 1803, 20.978 и 5 VI 1806, 22.163).

Впрочемъ, въ концѣ изучаемаго нами періода отставными въ качествѣ лѣсной стражи стали пользоваться и въ другихъ губерніяхъ: см. указы 18 XII 1803, 21.085 (для Телерманскаго и Шиповыхъ лѣсовъ въ Воронежской губ.,—Полпинскаго—въ Брянскомъ у. Орловской губ. и Погоннаго и Лосинаго острововъ въ Московской губ.—въ числѣ итого 109 чел.); 27 V 1804, 21.304, п. 5 (для лѣсовъ Вятской губ.—въ числѣ 54 чел.), 2 XI 1804, 21.494 (для лѣсовъ Московской губ. въ числѣ 42 чел.); 10 IV 1806, 22.087 (для лѣсовъ Нижегородской губ.—въ числѣ 35 чел.; здѣсь же упоминается о томъ, что отставные назначаются въ лѣсную стражу и въ Казанской и другихъ губерніяхъ). Всѣ эти отставные должны были опредѣляться военной коллегіей, по требованію лѣсныхъ учрежденій.

[1]) Такъ въ концѣ 1739 г. было назначено по 3 отставныхъ солдата: въ Казанскую губ.—для выкармливанія молодыхъ лосей, въ Астрахань—оленей, въ Царицынъ—дикихъ козъ и т. д. (См. указы 29 XII 1739, 7993, 31 XII 1739, 7994 и 31 XII 1739, 7995).

[2]) См. указъ 27 VII 1754, 10.268, предписывающій Казанской губ. канцеляріи отсылать такихъ отставныхъ, „кои на соляныя суда и ко исправленію на оныхъ такелажа и къ обученію того мастерства другихъ способными быть усмотрятся", въ соляную контору, которая должна ими воспользоваться по своему усмотрѣнію „для обученія тому мастерству".

[3]) Указъ 1 XI 1762, 11.699.

Digitized by Google

для прочихъ... на фабрикѣ потребностей". Въ 1741 г. даже былъ изданъ законъ, предоставлявшій каждому фабриканту (дѣло идетъ о суконныхъ и каразейныхъ фабрикахъ) просить для этой цѣли назначенія отставныхъ солдатъ, „сколько кому, по его мнѣнію, потребно" [1]).

Иногда, наконецъ, правительство пользовалось отставными въ качествѣ простой рабочей силы [2]).

---

[1]) Регламентъ суконнымъ и каразейнымъ фабрикамъ 2 IX 1741, 8440, ст. 6, п. 6. Уже и раньше бывали случаи опредѣленія отставныхъ на фабрики для карауловъ и т. д. Такъ, указъ 26 II 1719, 3313 предписываетъ Сенату опредѣлить отставныхъ солдатъ на полотняный заводъ компанейщиковъ Андрея Турки съ товарищи для надзора за назначенными на этотъ заводъ „виноватыхъ бабъ и дѣвокъ,... чтобы онѣ не бѣгали". За время послѣ 1741 г. укажемъ на Привиллегію содержателю суконной и бумажной фабрикъ въ Воронежѣ Постовалову, коею на эти фабрики опредѣлялись для карауловъ и посылокъ 6 отставныхъ солдатъ, но лишь изъ такихъ, которые сами пожелаютъ и которые не назначены на поселеніе, съ тѣмъ чтобы Постоваловъ оплачивалъ ихъ „противъ отставныхъ, обрѣтающихся въ той губерніи у дѣлъ". Объ опредѣленіи по 2 отставныхъ солдата въ типографію, контору и въ книжную лавку, основанныя въ С.-Петербургѣ нѣкіимъ Волчковымъ, см. указъ 5 XII 1761, 11.372.

Если фабрика или другое предпріятіе возникали на окраинахъ, то назначеніе на нихъ отставныхъ преслѣдовало главнымъ образомъ цѣли защиты. Для этой цѣли, напр., были назначены: 30 отставныхъ солдатъ—на учреждаемую около р. Терека суконную фабрику (указъ 23 VIII 1736, 7036); 22 отставныхъ солдата—на отданные купцамъ Володимірову и Мыльникову на 10 лѣтъ Астраханскіе, Саратовскіе и другіе рыбные промыслы („для охраненія въ проѣздахъ отъ воровскихъ нападеній и смотрѣнія надъ работными людьми": рез. Каб.-Мин. 10 VI 1740, 8131, п. 9); 25 отставныхъ солдатъ—на заводимый французомъ Антономъ Гамбетомъ шелковичный заводъ въ Малороссіи („для охраненія шелковичныхъ заводовъ и мастеровыхъ и работныхъ людей" и для охраны иностранцевъ при проѣздѣ: указъ 18 VII 1749, 9651).

Понятно, что и на казенные заводы опредѣлялись отставные для караула и т. д. О Тульскомъ и Сестрорѣцкомъ заводахъ см., напр., Выс. утв. докладъ кабинета 22 IX 1737, 7380, коимъ было опредѣлено отставныхъ: на первый—51 чел., а на второй—13).

При учрежденіи торговыхъ компаній имъ также разрѣшалось пользоваться отставными „для сохраненія при конторскихъ домахъ компанейскаго капитала и для разсылокъ": однако, онѣ должны были сами нанимать ихъ и пользовались лишь тѣмъ преимуществомъ по сравненію съ другими нанимателями, что имъ принадлежало право суда и расправы по отношенію къ этимъ отставнымъ, какъ и по отношенію ко всѣмъ остальнымъ своимъ служащимъ (см. указы 24 II 1757, 10.694 объ учрежденіи „Россійской съ Константинополемъ торгующей коммерческой компаніи", п. 10; 15 VI 1758, 10.848 объ учрежденіи торговой компаніи съ Персіей, п. 9; 30 III 1760, 11.046 объ учрежденіи торговой компаніи Гр. Воронцова на Каспійскомъ морѣ, п. 9).

[2]) Приведемъ два такихъ извѣстныхъ намъ случая. Въ 1748 г. было предписано для починки и строенія „имѣющихся отъ С.-Петербурга проспективой и прочихъ въ Ингерманландіи дорогъ" и для караула опредѣлить (кромѣ прежде опредѣленныхъ въ погонщики 50 чел.) 400 чел. изъ отставныхъ солдатъ, „которые полевой службы снести

Digitized by Google

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами донынѣ случаяхъ, за весьма рѣдкими исключеніями, которыя нами каждый разъ отмѣчались, отставные опредѣлялись на разныя мѣста помимо ихъ желанія. Но бывали и такіе случаи, когда какая-нибудь должность предоставлялась имъ безъ всякаго принужденія ее занять. Въ качествѣ примѣра можно привести здѣсь слѣдующее. Въ 1797 было предписано произвести реформу въ почтовомъ дѣлѣ, требовавшую увеличенія контингента почталіоновъ при почтовыхъ станціяхъ на 3500 чел. (для начала—на 2000) Откуда было набрать столько людей, да при томъ еще „способныхъ и благонадежныхъ"? Вспомнили опять объ отставныхъ, почему и было предписано инспекторамъ, чтобы они всѣхъ увольняемыхъ въ отставку за выслугу 25 л. или по неспособности продолжать полевую службу, если они только „въ почтальонахъ быть еще могутъ"—*склоняли* къ поступленію на эту должность, на которой имъ сулили 30 р. въ годъ и кромѣ того казенный мундиръ, квартиру, дрова и свѣчи [1]). Насколько отставные сочли эту переспективу заманчивой и въ какой мѣрѣ они отвѣтили на этотъ призывъ,—мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. Другимъ примѣромъ можетъ служить предписаніе, данное въ 1802 г. инспекторамъ войскъ, чтобы они всѣмъ солдатамъ, увольняемымъ за 25-лѣтнюю службу въ отставку на собственное пропитаніе, предлагали поступить въ вѣдомство Московской полиціи „для употребленія сторожами при будкахъ и дневальными для пожарныхъ случаевъ", съ полученіемъ на содержаніе и одежду до 50 р. въ годъ [2]).

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о матеріальномъ поло-

не могутъ, а при горнизонахъ быть и работы исправлять могутъ"... Такъ какъ присланные въ силу этого предписанія отставные оказались неспособными къ работѣ, то предписаніе въ 1749 г. было подтверждено (указъ 23 V 1749, 9619). Второй случай относится къ 1797 г., когда было повелѣно прибавить къ штату Выс. двора 50 работниковъ „при кухняхъ и при другихъ должностяхъ" и замѣстить ихъ изъ инвалидной команды „капитана замка главнаго дома" полковника Делабата, съ тѣмъ чтобы они впредь назывались не военными, но рабочими людьми.

[1]) Указъ IX 1797, 18.175.

[2]) Указъ 23 III 1802, 20.194. И относительно этого призыва мы не знаемъ, къ какимъ онъ привелъ результатамъ. Вскорѣ послѣ него было предписано составить въ С. Петербургѣ и Москвѣ „для отправленія ночной стражи и содержанія пожарныхъ служителей" особыя команды изъ „отставныхъ солдатъ. къ фронтовой службѣ неспособныхъ", для чего было ассигновано около 180.000 р. въ годъ въ С.-Петербургѣ и 170.000 р. въ Москвѣ (указъ 24 VI 1803, 20.816, II, п. 3—для С.-Петербурга и 31 V 1804, 21.312, II, п. 2—для Москвы). Къ сожалѣнію, изъ этихъ указовъ уже не видно, былъ ли сохраненъ добровольный характеръ поступленія на названныя должности, или нѣтъ.

Digitized by Google

женіи отставныхъ, состоявшихъ „у дѣлъ“. Всѣмъ извѣстна та матеріальная необезпеченность, которая характеризовала положеніе всѣхъ лицъ, состоявшихъ на государственной службѣ въ Россіи до 60-ыхъ гг. XIX вѣка. Эта необезпеченность, распространявшаяся одинаково и на приказныхъ и разнаго рода низшихъ служителей, и на высшихъ служащихъ, вошла въ поговорку и являлась одной изъ главнѣйшихъ причинъ всюду проникавшаго у насъ взяточничества. Нѣтъ сомнѣнія, что эта необезпеченность характеризовала и положеніе разсыльщиковъ, сторожей, служителей и т. д. и вообще всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя вербовались изъ числа отставныхъ. Справедливость этого подтвердится, если мы возьмемъ на себя трудъ просмотрѣть тѣ оклады, которые имъ полагались. Такъ, напр., въ штатахъ, введенныхъ въ 1763 г. какъ для центральныхъ, такъ и для губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, годичное жалованіе состоявшихъ при нихъ отставныхъ составляло: для рядовыхъ 18 р., для капраловъ и унтеръ-офицеровъ 20—24 р., для сержантовъ и вахмистровъ—30 р. Если даже принять во вниманіе болѣе высокую цѣнность денегъ того времени, все же эта плата должна быть признана низкой [1]). Но и помимо этого, мы въ теченіе нашего предыдущаго изложенія уже привели нѣкоторые факты, свидѣтельствующіе о бѣдственномъ матеріальномъ положеніи опредѣленныхъ „къ дѣламъ“ отставныхъ. Прибавимъ къ нимъ, что въ 1761 г., по поводу большого числа отставныхъ, замѣченныхъ въ Москвѣ въ нищенствѣ и прошеніи милостыни, правительство нашло себя вынужденнымъ подтвердить между прочимъ и московскимъ присутственнымъ мѣстамъ, чтобы они не допускали до прошенія милостыни опредѣленныхъ къ нимъ отставныхъ [2]). Правда, что всѣ эти факты, какъ они ни краснорѣчивы, должны быть признаны случайными и носящими разрозненный характеръ; тѣмъ не менѣе, въ связи съ низкимъ уровнемъ получавшихся состоявшими „у дѣлъ“ отставными окладовъ, они даютъ намъ вполнѣ опредѣленную и достовѣрную картину неудовлетворительнаго матеріальнаго благосостоянія этого класса людей.

---

[1]) См. штаты 15 XII 1763, 11.991 (Кн. Шт. Гражд., стр. 59 и сл.). О цѣнности денегъ въ то время см. *Милюковъ*, Очерки по исторіи русской культуры, ч. I, изд. 3, Спб. 1898, стр. 106.

Гораздо лучше было положеніе присяжныхъ: и по штатамъ, введеннымъ Екатериной послѣ 1775 г, и по штатамъ, введеннымъ Павломъ, они получали по 80—100 р. въ годъ. Но на ихъ мѣста, какъ мы видѣли, назначались только отставные гвардейскіе унтеръ-офицеры.

[2]) Указъ 28 IV 1761, 11.242.

Digitized by Google

IV. Отсылка отставныхъ на поселеніе въ Казанскую и другія губерніи.

Одной изъ любопытнѣйшихъ страницъ въ исторіи отставныхъ солдатъ въ теченіе XVIII вѣка представляется та роль, которую они сыграли въ дѣлѣ колонизаціи окраинъ тогдашней Россіи, гл. обр. восточныхъ [1]). Какъ извѣстно, важнѣйшимъ событіемъ въ исторіи колонизаціи востока явилось покореніе Казанскаго царства, которое открыло путь къ дальнѣйшимъ пріобрѣтеніямъ, т. е. къ постепенному утвержденію русскаго господства какъ въ нижнемъ Поволжьѣ, такъ и въ Башкиріи. Для укрѣпленія русской власти правительство основывало во вновь покоренномъ царствѣ города, которые оно заселяло военными людьми [2]). Между тѣмъ на югъ отъ Казанскаго царства были расположены обширныя пространства пустыхъ, необитаемыхъ земель, издавна служившихъ поприщемъ для кочевыхъ народовъ. Среди послѣднихъ въ концѣ XV и началѣ XVI вв. все болѣе выдвигаются *ногайцы*, дѣлившіеся на три орды. Изъ нихъ первая занимала правую, „Крымскую", сторону Волги до р. Кумы, вторая—лѣвую, „Ногайскую" сторону Волги и нижнее теченіе Яика (съ главнымъ городомъ Сарайчикомъ на Яикѣ), а третья—кочевала въ Сибири. Насъ здѣсь болѣе всего интересуютъ ногайцы второй изъ названныхъ нами ордъ; они дѣлились на юртовыхъ, жившихъ въ городѣ (юртѣ) Сарайчикѣ, гдѣ наблюдались и нѣкоторые зачатки земледѣлія, и улусныхъ, кочевавшихъ въ степи. Послѣдніе также, какъ и ихъ предшественники татары, зиму проводили около Каспійскаго моря, а на лѣто уходили вверхъ по рр. Уралу и Волгѣ, доходя при этомъ нерѣдко до Камы и окрестностей Казани, при чемъ особенною симпатіею ногайцевъ, въ качествѣ мѣста для лѣтняго кочевья, пользовались рр. Самара и Б. Иргизъ. Кромѣ того, весьма важное значеніе для нихъ имѣла такъ наз. Переволока, т. е. то мѣсто, гдѣ Волга сближается съ Дономъ: здѣсь лежалъ путь, чрезъ который велись сношенія между ногайцами и Крым-

---

[1]) Краткую исторію поселенія отставныхъ за вторую треть XVIII в. читатель найдетъ въ сочиненіи *Н. А. Ѳирсова*, Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ новой Россіи до 1762 г. и колонизація Закамскихъ земель за это время, Казань, 1869, стр. 388—96, а также у *Витевскаго*, И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ, Казань, 1897, стр. 482—7. Витевскій только ошибочно относитъ поселеніе отставныхъ въ Казанской губ. къ колонизаціи Оренбургскаго края.

[2]) Такъ возникли, напр., въ концѣ царствованія Іоанна IV: Цивильскъ, Уржумъ, Царевококшайскъ.

скими татарами, и гдѣ они соединялись для совмѣстныхъ набѣговъ на русскія окраины [1]).

Понятно, что Россіи было важно имѣть укрѣпленные пункты въ тѣхъ частяхъ Волги, близъ которыхъ находились лѣтнія кочевья ногайцевъ, а въ особенности у „Переволоки“, тѣмъ болѣе что и казаки грабили здѣсь суда и торговые караваны. Проектъ основанія такихъ укрѣпленій существовалъ уже въ серединѣ XVI в.; однако его осуществленію помѣшала вспыхнувшая въ 1557 г. Ливонская война и послѣдовавшія затѣмъ войны съ Швеціей. Россія, занятая своею западною границей, не могла заняться огражденіемъ восточной: она могла посылать сюда лишь отдѣльные отряды и учреждать здѣсь лишь постоянныя „сторожи“ для разъѣздовъ, чего однако было еще далеко не достаточно. „Крымцы и ногайцы еще безъ особенныхъ препятствій могли вторгаться въ мещерскія, алаторскія и темниковскія украины. Кромѣ того, въ послѣдніе годы царствованія Грознаго усилились на Волгѣ грабежи и разбои казаковъ, отъ которыхъ много терпѣли не только торговые караваны, но и послы“ [2]). Въ виду этого упомянутый выше проектъ началъ наконецъ осуществляться, хотя уже лишь послѣ смерти Грознаго: въ 1586 г. былъ основанъ г. Самара, а вскорѣ затѣмъ—Царицынъ (вѣроятно 1589) и Саратовъ (вѣроятно 1590) [3]). Этихъ мѣръ на первыхъ порахъ было достаточно, тѣмъ болѣе что ногайцы постепенно были приведены въ зависимость отъ Россіи и въ концѣ XVI в. уже находились въ ея подданствѣ; съ начала XVII в. они даже стали давать русскимъ воеводамъ въ Астрахани въ „аманаты лутчихъ людей“ для обезпеченія подчиненія ногайцевъ русскому правительству. Съ другой стороны, и численность ногайцевъ къ концу XVII в. упала въ сравненіи съ серединой XVI в.: все это дѣлало ихъ мало опасными для восточной окраины Россіи [4]).

Однако описанное положеніе дѣлъ по лѣвому берегу Волги сильно мѣняется въ 1630-хъ годахъ благодаря появленію новаго кочевого народа: калмыкъ [5]).

---

[1]) *Г. Перетяткович*ъ. Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ (Очерки изъ исторіи края и его колонизаціи). М. 1877, стр. 132—8 и 283 и сл.

[2]) Тамъ же, 311—312.

[3]) Тамъ же, 313—321. О русскихъ укрѣпленныхъ пунктахъ, появившихся около того же времени въ Башкиріи, мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

[4]) Мы въ предъидущемъ изложеніи имѣли въ виду вторую изъ названныхъ нами ордъ; что же касается первой изъ нихъ, то вызванная междуусобіями слабость ея дѣлала ее мало страшной для Россіи.

[5]) *Г. Перетяткович*ъ. Поволжье въ XVII и нач. XVIII в. (Очерки изъ исторіи колонизаціи края), Одесса 1882, стр. 124—130.

Digitized by Google

Калмыки еще въ концѣ XVI и началѣ XVII в. жили въ Сибири по берегамъ рѣкъ Ишима и Тобола, куда они поселились, отдѣлившись отъ своихъ соплеменниковъ зюнгорцевъ. Между тѣмъ по всей вѣроятности еще въ началѣ XVII в. они покинули названную мѣстность и направились на западъ. Сначала они расположились на нѣкоторое время въ верховьяхъ р. Урала и по р. Ори, но затѣмъ двинулись далѣе [1]). „И вотъ“, говоритъ г. Перетятковичъ, „когда однажды въ 30-хъ гг. XVII столѣтія (1634 г.) нѣкоторые ногайскіе мирзы съ своими улусными людьми отправились по своему обыкновенію отъ Астрахани вверхъ по Волгѣ „за зверемъ“ на прежнія кочевья между Волгой и Яикомъ, то неожиданно для себя наткнулись на калмыковъ, которые во множествѣ кочевали на ихъ старыхъ кочевьяхъ“. Въ происшедшемъ затѣмъ столкновеніи какъ ногайцы, такъ и пришедшіе имъ на помощь Астраханскіе воеводы потерпѣли пораженіе: первые въ числѣ около 40.000 кибитокъ подчинились калмыкамъ, также какъ и кочевавшіе по восточной сторонѣ Каспійскаго моря трухменцы [2]). Одержанныя калмыками побѣды содѣйствовали ихъ усиленію и сдѣлали изъ нихъ опаснаго для Московскаго государства сосѣда. Въ самомъ дѣлѣ, уже въ 1639 г. 10.000 калмыкъ, кочевавшихъ по р. Еруслану и Торгуну, произвели нападеніе на г. Самару: черезъ нѣсколько лѣтъ мы встрѣчаемъ калмыкъ въ закамскихъ странахъ, гдѣ въ то время уже находились русскія поселенія, нѣкоторыя изъ которыхъ и были разграблены [3]). Правда, что еще въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича приволжскіе калмыки дали присягу въ подданствѣ Россіи; но эта присяга плохо ими соблюдалась, и они по прежнему продолжали приходить „подъ Сибирскіе городы, подъ Уфу, подъ Саратовъ, подъ Астрахань и на ногайскіе улусы“, сожигая и разоряя села и деревни, убивая и забирая людей.

---

[1]) *Рычковъ*, Топ. Ор., I, 124—5.

[2]) *Рычковъ*, Топ. Ор., I, 125. *Н. Поповъ*, Татищевъ и его время, М. 1861, 236: Волжскія степи были тогда заселены „остатками большой и малой нагайской орды, татарами едисанскими, джамбуйлуцкими и юртовскими“. Ногайцы въ числѣ около 40.000 кибитокъ были покорены калмыками, „другіе откочевали къ Кубани; трухменцы, жившіе на Мангышлыкѣ, и татары хотайкипчакскіе должны были подчиниться Хоурлуку; едисанскихъ и юртовскихъ татаръ калмыки разоряли, уводили въ плѣнъ, отнимали у нихъ женъ и дѣтей... Татары стѣснились подъ стѣнами Астрахани, и все пространство между Волгой, Башкиріей, Яикомъ и по ту сторону его къ сѣв.-восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря перешло подъ власть Хоурлука“. См. также „Историческое обозрѣніе ойратовъ или калмыковъ съ XV столѣтія до настоящаго времени“, сочинено монахомъ *Іакинфомъ*, Спб., 1834 (эта работа была также напечатана въ Ж. М. В. Д. за 1833 г.).

[3]) Деревни Преображенскаго монастыря на рр. Чертыкѣ и Бездвѣ.

Digitized by Google

Въ виду изложеннаго Московскому правительству пришлось подумать о принятіи мѣръ для обороны отъ новаго врага. Первоначально эти мѣры носили нѣсколько случайный характеръ [1]), но уже скоро правительству пришлось приняться за болѣе систематическую борьбу, тѣмъ болѣе что приливъ населенія въ Закамье продолжался. Уже въ 1651 г. были посланы служилые люди для выработки плана новой укрѣпленной линіи. Составленной ими проектъ былъ утвержденъ правительствомъ, и уже въ 1652 г. было приступлено къ работамъ [2]). Такъ возникла такъ наз. Закамская линія, сооруженіе которой было закончено уже къ сентябрю 1656 г. Линія начиналась у берега р. Волги и тянулась до Мензелинска. На этомъ протяженіи она заключала въ себѣ слѣдующія города или остроги: Бѣлый Яръ (у берега Волги), Ерыклинскъ, Тіинскъ, Билярскъ, Новошешминскъ, Кичуевскъ, Заинскъ и Мензелинскъ. Для заселенія этихъ укрѣпленій сюда было переведено 1366 семей [3]), которыя и были поселены по большей части расположенными при городахъ слободами, съ надѣленіемъ ихъ здѣсь же, по близости отъ городовъ, землею [4]). Эти новые поселенцы составились изъ разнообразныхъ элементовъ: но самую обширную группу среди нихъ представляли Смоленскіе иноземцы, число которыхъ составляло 478 семей, т. е. нѣсколько болѣе трети, и на которыхъ мы остановимся нѣсколько подробнѣе [5]).

---

[1]) А именно, въ 1640-хъ гг. мы въ Закамьѣ встрѣчаемъ еще лишь три острожка: Ахтачинскій, Шешминскій и Мензелинскій. Затѣмъ въ 1650 г. былъ построенъ городъ при впаденіи р. Чалны въ р. Каму; въ немъ было поселено 100 конныхъ бѣлопашенныхъ казаковъ. Послѣдніе были надѣлены на новомъ мѣстѣ землею „на пашню по 20 четвертей и сѣнныхъ покосовъ противъ Мензелинскихъ бѣлопашенныхъ стрѣльцовъ“ (*Перетятковичъ*, Поволожье въ XVII и началѣ XVIII в., стр. 132).

[2]) Тамъ же, 140. Работы были вѣроятно одновременно начаты въ разныхъ мѣстахъ; онѣ производились „подымовными людьми“, наряжавшимися изъ жителей Казанскаго у. (гл. обр. инородцевъ) по человѣку съ извѣстнаго числа дворовъ. Подробное описаніе линіи и исторію ея постройки см. тамъ же, стр. 140—170.

[3]) Въ Бѣлый Яръ 138, Ерыклинскъ 150, Тіинскъ 291, Билярскъ 100, Новошешминскъ 277, Заинскъ 181, Мензелинскъ 229. Лишь въ Кичуевскомъ острогѣ, самомъ маломъ изъ всѣхъ, не было помѣщено постояннаго военнаго населенія.

[4]) За исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ изъ Смоленскихъ переведенцевъ, которые остались на жалованіи (по 3 р. въ годъ, кромѣ хлѣбнаго жалованья).

[5]) Остальные поселенцы составились слѣдующимъ образомъ: изъ села Чалны, которое послѣ постройки линіи потеряло свое стратегическое значеніе, было переведено 300 семей пашенныхъ крестьянъ, которые при этомъ были обращены въ конные казаки; изъ Лаишева было переведено 100 конныхъ служилыхъ казаковъ, изъ Ахтачинскаго острога—150 стрѣльцовъ (изъ нихъ 50 конныхъ), изъ Старошешминска 100 стрѣльцовъ и изъ с. Чалны 100 стрѣльцовъ; кромѣ того слѣдуетъ назвать 100 стрѣльцовъ, вновь набранныхъ, 29 „полонниковъ“ изъ Тетюшъ и 9 ссыльныхъ. По своей

Digitized by Google

Еще въ концѣ XVI в. правительство пользовалось иноземцами, какъ колонизаціоннымъ элементомъ на восточной окраинѣ [1]), но лишь въ серединѣ XVII в. подобный опытъ былъ сдѣланъ въ бо́льшихъ размѣрахъ, въ результатѣ чего мы и видимъ появленіе на востокѣ Смоленской шляхты—съ одной стороны, Полоцкой—съ другой. Въ 1654 г. русскими войсками былъ взятъ Смоленскъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ распоряженіи русскаго правительства оказалось довольно значительное количество шляхтичей и казаковъ, несшихъ въ Смоленскѣ крѣпостную службу. Послѣдніе дѣлились на четыре отряда, которые назывались по цвѣту ихъ знаменъ (бѣлый, черный, красный и желтый). Такъ какъ въ то время какъ разъ сооружалась закамская линія, то правительство и рѣшило воспользоваться Смоленскими шляхтичами для ея заселенія: оно предписало отправить ихъ въ этотъ край „на вѣчное житье“, съ тѣмъ чтобы устроить ихъ тамъ „по закамской чертѣ дворами и землями и сѣнными покосы и всякими угодьи“. Всего, какъ мы видѣли, по закамской чертѣ ихъ было поселено 478 чел. [2]).

урожденности всѣ эти переведенцы обнаруживали большое разнообразіе; какъ видно изъ приводимыхъ въ писцовыхъ книгахъ данныхъ, мы здѣсь встрѣчаемся съ дворами „Уржумца“, „Пермитина“, „Самаренина“, „Ярославца“, „Астраханца“ и т. д.

[1]) Такъ, *Перетятковичъ* (Поволжье въ XVII и началѣ XVIII в., стр. 153) упоминаетъ объ иноземцахъ, испомѣщенныхъ въ 1599 г. въ Казанскомъ уѣздѣ и т. д.

[2]) 141 чел. въ Тіинскѣ, 127 въ Новошешминскѣ, 81 въ Заинскѣ и 129 въ Мензелинскѣ. Эти цифры взяты у *Перетятковича;* согласно *Новикову* (*В. А. Новиковъ*, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Уфимскаго дворянства. Уфа, 1879, стр. 33) Смоленская шляхта была поселена въ Мензелинскѣ въ числѣ 124 чел. (черное знамя), въ Шешминскѣ—128 чел. (красное знамя). И по словамъ *Иванова* (*Н. С. Ивановъ*, Свѣдѣнія о городѣ Мензелинскѣ и его округѣ, въ Ж. М. В. Д., 1850, I, стр. 22) въ 1655 г. къ 100 коннымъ стрѣльцамъ Мензелинска было прибавлено „124 чел. Смоленскихъ казаковъ или шляхтъ“.

Земли Смоленскимъ шляхтичамъ должны были быть отведены вблизи укрѣпленій, но такъ какъ здѣсь часто земель не оказывалось, то приходилось отводить имъ и дальнія земли, что значительно ухудшало ихъ положеніе, въ особенности въ смыслѣ безопасности (*Перетятковичъ*, Поволжье въ XVII и началѣ XVIII в., стр. 363—6). Согласно свѣдѣніямъ, приводимымъ въ указѣ 2 XI 1750, 9817, Смоленскіе шляхтичи и на своей родинѣ владѣли маетностями, а на закамской линіи были надѣлены въ количествѣ 20—50 четвертей въ полѣ, а въ двy потому жъ на душу. Эти земли давались имъ по четыремъ статьямъ (50 дес.—въ первой, 40—во второй, 30—въ третьей и 20—въ четвертой. *Новиковъ*, стр. 83). У Новикова приведены именные списки Уфимскихъ служилыхъ людей, а среди нихъ и Мензелинскихъ шляхтичей, съ означеніемъ ихъ окладовъ (помѣстныхъ, денежныхъ и хлѣбныхъ) за 1681 и 1697 г.г. (*Новиковъ*, стр. 25—6 и 221—232). Замѣтимъ здѣсь, что Смоленскіе шляхтичи пользовались преимуществами потомственнаго дворянства до 1822 г., когда закономъ 2 I 1822 г. эти преимущества были оставлены лишь за тѣми изъ нихъ, которые пріобрѣли дворянство службою: осталь-

Digitized by Google

Почти одновременно съ взятіемъ Смоленска русскія войска овладѣли и Полоцкомъ. Здѣсь также находилось особое мѣстное войско, Полоцкая шляхта, которое послѣ взятія города поступило въ распоряженіе правительства, что не измѣнилось и послѣ Андрусовскаго перемирія 1667 г., когда Полоцкъ былъ возвращенъ Польшѣ. Эти Полоцкіе шляхтичи составляли полкъ, заключавшій въ себѣ 532 чел. подъ начальствомъ полковника Гаврилы Гаславскаго. Правительство и ими воспользовалось для заселенія нѣкоторыхъ частей Закамья: подробности мы приводимъ въ примѣчаніи [1]).

ные должны были продать своихъ крестьянъ (*Ивановъ*, стр. 22. Согласно приводимымъ этимъ авторомъ даннымъ, въ 1850 г. въ г. Мензелинскѣ, не считая уѣзда, было 47 чел. Смол. шляхты, неположенныхъ въ окладъ; у нихъ было 11.330 дес. земли „въ общемъ ихъ владѣніи, подъ общественнымъ управленіемъ и надзоромъ". Кромѣ того Смоленскіе шляхтичи были и въ уѣздѣ).

[1]) Поселеніе Полоцкихъ шляхтичей было предположено произвести по рр. Уткѣ и Майнѣ, съ надѣленіемъ ихъ землею въ слѣд. размѣрахъ: полковнику по 100 четвертей въ полѣ, ротмистру—по 80, поручику—по 70, а остальнымъ чинамъ—по 60, съ соотв. количествомъ сѣнныхъ покосовъ; при этомъ небольшая группа шляхтичей (31 чел.) кромѣ земли должна была получить и крестьянъ (въ числѣ 12 дворовъ на полковника, 10 на ротмистра и 6 на остальныхъ чиновъ). Г. *Перетятковичъ* приводитъ вѣскія данныя въ пользу того мнѣнія, что сюда были отнесены тѣ изъ шляхтичей, которые исповѣдывали уже православіе или заранѣе согласились его принять. Общее число крестьянскихъ дворовъ, которые должны были быть такимъ образомъ розданы, составляло 228; они должны были быть взяты въ дворцовыхъ селахъ Казанскаго, Свіяжскаго, Царевококшайскаго и Яранскаго у.у. по жребію „съ двадцати дворовъ по крестьянину съ женами и съ дѣтьми и со всѣми ихъ животы и съ хлѣбомъ" (тамъ же, 258—9). Крестьяне очень неохотно шли къ новымъ господамъ, а, попавъ къ нимъ, часто бѣжали, пользуясь окраиннымъ положеніемъ (тамъ же, 366). Однако, на изложенныхъ основаніяхъ было поселено только 43 чел. иноземцевъ на Майнѣ и 23 чел. на Уткѣ, которые получили (всѣ 66)—4160 четвертей въ полѣ изъ предназначенныхъ для Полоцкой шляхты 24.575 четвертей. Остальные 466 чел. къ пріему земли не явились, такъ какъ „многіе безъ крестьянъ земель принять не похотѣли" (тамъ же, 263—4). Такъ обстояло дѣло въ 1668 г.; однако, въ слѣдующемъ 1669 г. къ названнымъ 66 чел. прибавилось еще 54 чел., которымъ, по ихъ просьбѣ, земля была отведена вблизи р. Утки (тамъ же, 265). Между тѣмъ положеніе Полоцкой шляхты на новыхъ мѣстахъ было далеко не безопасно, что видно хотя бы изъ совмѣстнаго нападенія, произведеннаго на Закамье (между прочимъ и на примайнскія земли) еще въ 1682 г. по предварительному соглашенію башкирами и калмыками (тамъ же, 288—9). Вслѣдствіе этого въ 1870 г. правительствомъ было рѣшено поставить въ этихъ мѣстахъ два острога: на рѣкѣ Майнѣ и на р. Уткѣ. Кромѣ того, по этой же причинѣ въ 1680-ыхъ г.г. на вершинахъ р. Майны была поселена значительная группа Казанскихъ служилыхъ иноземцевъ—Степанъ Селивановскій съ товарищи (тамъ же, 269). Что касается остальныхъ Полоцкихъ шляхтичей, не пожелавшихъ селиться въ Закамьѣ, то, по словамъ г. Перетятковича, они „согласились, кажется, на водвореніе ихъ въ Казани, въ Казанскихъ пригородахъ и въ нѣкоторыхъ низовыхъ поволжскихъ городахъ, гдѣ они жили въ продолженіе почти 30 лѣтъ,

Digitized by Google

Итакъ, мы видимъ, что для огражденія части восточной границы Россіи еще въ серединѣ XVII вѣка была проведена закамская линія, состоявшая изъ ряда „пригородковъ", расположенныхъ отъ Волги по Черемшану и далѣе до Мензелинска. Однако, населеніе не держалось этихъ установленныхъ правительствомъ предѣловъ и скоро двинулось впередъ. Между тѣмъ здѣсь оно оставалось вполнѣ беззащитнымъ, такъ какъ кромѣ возведенной еще въ 1586 г. Самары никакихъ русскихъ укрѣпленій здѣсь не было. Поэтому, въ самомъ началѣ XVIII в. правительство создаетъ здѣсь новыя укрѣпленныя мѣста: около 1700 г. возникаетъ пригор. Алексѣевскій (названный такъ въ честь царевича Алексѣя), а въ 1703 г.—пригор. Сергіевскъ. Между тѣмъ этого было недостаточно. Въ виду этого правительство, желая захватить бóльшую территорію, черезъ нѣсколько десятилѣтій рѣшило передвинуть западную часть закамской линіи далѣе на югъ. Въ 1731 г. для этой цѣли былъ посланъ т. сов. Наумовъ, на котораго была возложена какъ постройка новыхъ крѣпостей, такъ и наборъ ландмилицкихъ полковъ для ихъ заселенія. Новая линія должна была идти отъ Алексѣевскаго (близъ Самары) до Краснаго Яра, оттуда по р. Соку до Сергіевска и затѣмъ до р. Кичуя черезъ Тарханскій лѣсъ. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на подробностяхъ этого сооруженія, къ которому мы

получая вмѣсто земель „великаго государя денежное и хлѣбное жалованіе"". Между тѣмъ времена мѣнялись, и примайнскія земли постепенно заселялись все новыми русскими и инородческими переселенцами, которыхъ туда влекло плодородіе почвы и выгодный сбытъ хлѣба. Вслѣдствіе этого въ концѣ столѣтія — въ 1697 г. — нѣкоторые иноземцы сами просили о поселеніи ихъ на р.р. Уткѣ, Майнѣ и Уренѣ. По этому поводу было предписано поселить тамъ 303 такихъ иноземцевъ (а именно 198 Казанскихъ и Казанскихъ пригородовъ иноземцевъ и рейтаръ, 11 Царевосанчурскихъ рейтаръ, 11 Яранскихъ рейтаръ, 61 Уржумскихъ иноземцевъ полковой службы, 22 Уржумскихъ рейтаръ. Такъ какъ нѣкоторые изъ предназначенныхъ для иноземцевъ земель были уже заняты новыми поселенцами, то послѣднихъ повелѣно было свесть. Тамъ же, 312—330). Изъ нихъ въ 1798 г. было поселено 141 Казанскихъ иноземцевъ, которые получили 8510 четвертей въ полѣ, 82 Уржумскихъ иноземцевъ полковой службы, которые получили (на р. Уренѣ) 4920 четвертей въ полѣ, далѣе въ 1699 г. на р. Уренѣ, по ихъ просьбѣ, получили земли Симбирскіе иноземцы, всего въ числѣ 145 чел., при чемъ занимавшіе эти земли жители также были переведены; далѣе, здѣсь же землю получили 11 Царевосанчурскихъ рядовыхъ. Наконецъ, въ 1700 г. были водворены—на этотъ разъ уже на р. Безднѣ—136 чел. иноземцевъ Свіяжскихъ, Цивильскихъ, Чебоксарскихъ, Кузьмодемьянскихъ, Курмышскихъ и Ядринскихъ; кромѣ того, въ теченіе этого же года въ названныхъ мѣстахъ были водворены небольшія группы запоздавшихъ явкою иноземцевъ и другихъ городовъ (Казанскихъ, Яренскихъ, Симбирскихъ и т. д.). Что Полоцкіе шляхтичи имѣлись также и въ Уфимскомъ краѣ, видно изъ списковъ служилыхъ людей послѣдняго за 1681 и 1697 г.г., приводимыхъ въ работѣ г. *Новикова* (стр. 25—6 и 221—232).

Digitized by Google

вернемся въ другомъ мѣстѣ; для насъ здѣсь важно указать лишь на то, что для защиты новой линіи на нее предписывалось перевести между прочимъ неположенныхъ въ окладъ служилыхъ людей старыхъ закамскихъ пригородковъ, о которыхъ только что шла рѣчь, кромѣ Бирска и Мензелинска [1]), для поселенія ихъ на новой линіи пригородками въ 500 душъ каждый. Изъ этихъ служилыхъ людей должны были быть сформированы два конныхъ ландмилицкихъ полка (Билярскій и Шешминскій), тогда какъ два другихъ ландмилицкихъ полка (Сергіевскій конный и Алексѣевскій пѣх.) должны были быть составлены изъ прежнихъ службъ служилыхъ людей, положенныхъ въ подушный окладъ. Замѣтимъ уже здѣсь, что новая линія просуществовала весьма недолго: съ 1734 г. началось созиданіе Оренбургской линіи, которая лишила закамскую линію ея значенія и которая, въ свою очередь, нуждалась въ людяхъ для защиты и заселенія прорѣзаемыхъ ею мѣстъ. Въ виду этого въ 1739 г. переведенныхъ на новую закамскую линію жителей старыхъ пригородковъ было повелѣно переселить на Оренбургскую линію.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что въ первой половинѣ 1730-хъ годовъ пригородки, расположенные въ западной части старой закамской линіи, опустѣли. Между тѣмъ, если правительство и подвинуло линію дальше на югъ, то, конечно, вовсе не въ его интересахъ было оставлять лежащія за нею мѣста пустыми, тѣмъ болѣе что и эти мѣста еще не были безопасны отъ нападеній со стороны степныхъ сосѣдей. Такимъ образомъ и возникла мысль заселить эти мѣста отставными солдатами [2]).

Еще раньше правительство думало воспользоваться отставными солдатами для оборонительныхъ и колонизаціонныхъ цѣлей, и притомъ на этотъ разъ по отношенію къ самой Оренбургской линіи. А именно въ началѣ 1736 г. было разрѣшено „отставнымъ драгунамъ, солдатамъ, матросамъ, съ свободными паспортами, кто пожелаетъ быть паки въ службѣ нашей“, селиться „въ Оренбургѣ и въ другихъ тамошнихъ новыхъ мѣстахъ“, почему строителю Оренбургской линіи, ст. сов. Кирилову, и было предписано принимать таковыхъ людей для поселенія, отводить имъ по 20—30 четвертей земли на семью, давать имъ необ-

---

[1]) Т. е. Ерыклинска, Тіинска, Билярска, Старошешминска, Новошешминска и Заинска.

[2]) Въ 1732 г. существовало предположеніе перевести на эти опустѣвшія мѣста ясачныхъ чувашъ и черемисъ изъ Свіяжской пров., гдѣ ихъ близость была опасна корабельнымъ лѣсамъ (см. указъ 27 IV 1732, 6032). Между тѣмъ этотъ проектъ не былъ осуществленъ, и названные инородцы были вѣроятно переведены на другія порозжія земли за Камой, о коихъ въ приведенномъ указѣ также идетъ рѣчь.

Digitized by Google

ходимое вооруженіе и ссуду деньгами и хлѣбомъ на проѣздъ и обзаведеніе „по усмотрѣнію пути и времени, покамѣсть отъ собственной пашни пропитаніе получать“ [1]). Однако въ концѣ того же 1736 года правительство измѣнило свой планъ и, вмѣсто того, чтобы направлять отставныхъ на Оренбургскую линію, рѣшило воспользоваться ими для заселенія опустѣвшихъ пригородковъ старой закамской линіи. Съ этой цѣлью были изданы замѣчательный во многихъ отношеніяхъ Им. указъ 27 XII 1736 г. и дополняющая его резолюція каб.-министровъ 6 VII 1737 г. [2]). Основныя положенія этихъ узаконеній заключались въ слѣдующемъ. Къ поселенію „отставныхъ... унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ и нестроевыхъ, которые своихъ собственныхъ деревень и пропитанія не имѣютъ“, назначаются слѣдующія пустыя земли близъ границъ: „по р. Волгѣ и по впадающимъ въ оную рѣкамъ, на оставшихъ отъ поселенія Волжскихъ казаковъ и въ другихъ между Царицынымъ и Астраханью мѣстахъ; въ Казанской губ. въ пригородкахъ Старомъ Шешминскѣ, Новомъ Шешминскѣ, Заинскѣ, Тіинскѣ, Ерыклинскѣ, Билярскѣ [3]), изъ которыхъ служилые люди опредѣлены въ ландмилицію и переводятся на закамскую линію, въ той же губерніи по р. Кондурчѣ, начавъ отъ закамской линіи до городка Краснаго Яра и въ другихъ тамо около башкирцевъ мѣстахъ“. Такова была весьма обширная территорія, предназначавшаяся для поселенія отставныхъ въ первомъ изъ названныхъ узаконеній; второе предписало начать это поселеніе по р. Кондурчѣ и затѣмъ уже, по заселеніи тамъ всѣхъ пустыхъ мѣстъ, переходить къ другимъ мѣстамъ.

Поселеніе должно было производиться—для безопасности—большими слободами въ 100 и больше дворовъ. Къ поселенію никто не долженъ былъ быть принуждаемъ; къ нему приглашались только желающіе изъ отставныхъ. Они должны были являться къ мѣстнымъ гу-

---

[1]) См. указъ 11 II 1736, 6887, п. 4 и дословное повтореніе этого пункта въ указѣ Кирилову 11 II 1736, 6889, п. 14. Это предписаніе было опубликовано печатными указами 10 IV 1736 г. Затѣмъ указъ 3 VIII 1736, 7024 предписалъ публиковать о томъ вторично, съ тѣмъ чтобы отставные являлись въ С.-Петербургъ, въ Москву и въ Казань къ назначеннымъ Кириловымъ лицамъ; при отправленіи они должны были получать деньги и провіантъ „противъ солдатскихъ дачъ“, а также по возможности и старый мундиръ, „ружье“ и аммуницію. Отправленіе должно было производиться не по одиночкѣ, но съ ссыльными въ качествѣ конвоя. Наряду съ отставными солдатами въ Оренбургскомъ краѣ разрѣшалось селить и отставныхъ офицеровъ. Изъ указа 15 II 1739, 7757 видно, что отставные, желавшіе селиться въ Оренбургѣ, согласно этимъ узаконеніямъ получали для прохода денежнаго жалованія на 3, а провіанта на 2 мѣсяца.

[2]) №№ 7136 и 7315.

[3]) Эти пригородки составляли западную часть старой Закамской линіи.

Digitized by Google

бернаторамъ и воеводамъ, которые, по освидѣтельствованіи ихъ паспортовъ, должны были снабжать ихъ пропускными письмами для слѣдованія на мѣста поселенія. Здѣсь они должны были получить по 20—30 четвертей земли на семью (по примѣру прежнихъ службъ служилыхъ людей и ландмилиціи), а также и ссуду отъ казны въ размѣрѣ 5—10 р. на семью [1]). Затѣмъ законъ подробно перечисляетъ тѣ категоріи дѣтей отставныхъ солдатъ, которыхъ послѣдніе могли и не могли брать съ собою на поселеніе. Ко второй категоріи принадлежали дѣти, которыя родились до поступленія отцовъ на службу, а изъ остальныхъ—тѣ, которыя были записаны или подлежали запискѣ въ какой-либо окладъ и, согласно указу 1732 г. [2]), не подлежали въ военную службу [3]).

Весьма интересны, далѣе, тѣ постановленія разсматриваемыхъ нами законовъ, которыя касались характера землевладѣнія въ новыхъ поселеніяхъ. Дѣло въ томъ, что ими устанавливались два начала, изъ которыхъ второе лишь очень рѣдко встрѣчается въ исторіи русскаго законодательства, а именно *неотчуждаемость* и *единонаслѣдіе*. Земли, отведенныя отставнымъ, могли переходить только по наслѣдству и не могли быть ни продаваемы, ни закладываемы, ни отдаваемы въ приданое и т. д. При этомъ онѣ должны были переходить по наслѣдству къ *одному* изъ сыновей, который обязанъ былъ кормить малолѣтнихъ братьевъ; затѣмъ, по мѣрѣ того какъ послѣдніе поспѣвали къ службѣ, они должны были получать особые участки. При отсутствіи сыновей должны были наслѣдовать дочери, однако съ тѣмъ условіемъ, чтобы онѣ вышли замужъ „за солдатскихъ же дѣтей, а не за другихъ чиновъ людей, дабы между ними ничьего посторонняго владѣнія не было". Нечего прибавлять, что при обиліи земли на мѣстахъ поселенія отставныхъ примѣненіе принципа единонаслѣдія не могло встрѣтить тѣхъ затрудненій, къ которыхъ оно приводитъ теперь.

Къ изложенному остается еще присовокупить, что на новыхъ поселеніяхъ предписывалось съ размноженіемъ ихъ построить церкви,

[1]) Относительно этой ссуды было установлено, что первые 50 дворовъ каждаго новаго поселенія (и то въ теченіе лишь первыхъ пяти лѣтъ его существованія) должны были получать по 10 р. на семью; слѣдующіе 50 дворовъ—по 5 р., когда же число дворовъ достигало 100, выдача ссуды отъ казны должна была прекратиться, а вмѣсто того вновь поселяющіеся должны были получать таковую отъ прежнихъ поселенцевъ, „понеже они между тѣмъ могутъ обзаводиться". Всего для выдачи ссудъ было ассигновано 6000 руб.

[2]) См. указъ 21 IX 1732, 6188. Подробнѣе объ этомъ законѣ см. ниже, въ отдѣлѣ о солдатскихъ дѣтяхъ.

[3]) Эти постановленія о дѣтяхъ, подлежавшихъ и не подлежавшихъ взятію на поселеніе, были подтверждены затѣмъ въ указѣ 11 X 1737, 7400.

Digitized by Google

а при нихъ и школы для обученія солдатскихъ дѣтей „грамотѣ и писать“ (это обученіе должно было вестись духовенствомъ за особую плату). Впрочемъ, тѣ изъ этихъ дѣтей, которыя хотѣли обучаться „вышнимъ наукамъ“, если они еще не поспѣли въ службу, должны были быть отдаваемы въ гарнизонныя школы (!). Къ поселенію предписывалось назначить „надежную персону“, съ соотвѣтствующимъ числомъ помощниковъ и съ 4 геодезистами. Должность завѣдующаго поселеніемъ на первыхъ порахъ занялъ бригадиръ Дубасовъ. Ему должна была быть дана особая инструкція [1]). Изложенныя постановленія предписывалось публиковать во всеобщее свѣдѣніе „печатными указами“, а о ходѣ поселенія рапортовать Сенату „почасту“.

Таковы были основныя положенія названныхъ нами двухъ указовъ. Издавъ ихъ, правительство ждало, каковы будутъ ихъ результаты. Между тѣмъ наступилъ октябрь 1737 г., а правительство еще никакихъ извѣстій по этому вопросу не получало. Поэтому, былъ изданъ новый указъ, подтверждавшій прежніе [2]) и вновь приглашавшій отставныхъ явиться для отправки на поселеніе. Однако, наступилъ и апрѣль 1738 г., а свѣдѣній все еще не было никакихъ. Правительство потеряло терпѣніе и разослало указъ, чтобы въ теченіе недѣли по полученіи его изъ губерній и провинцій были посланы въ Сенатъ вѣдомости о числѣ отставныхъ, какъ пожелавшихъ на поселеніе, такъ и отправленныхъ уже въ назначенныя для него мѣста. Кромѣ того предписывалось военной коллегіи, чтобы впредь указъ 27 XII 1736 г. былъ объявляемъ всѣмъ уходящимъ въ отставку. Однако, повидимому, уже при изданіи разсматриваемаго указа правительство замышляло дальнѣйшія мѣры. Этимъ надо объяснить, почему оно уже въ немъ предписывало представить вѣдомости: военной коллегіи — о числѣ отставленныхъ на свое пропитаніе со времени указа 27 XII 1736 г. и о томъ, куда они отпущены; а губернскимъ и т. д. властямъ — о числѣ отставныхъ, имѣющихся, судя по количеству записанныхъ паспортовъ, въ ихъ вѣдомствѣ [3]).

---

[1]) Такимъ образомъ, поселяемые отставные имѣли собственное управленіе. Тѣмъ не менѣе указомъ 16 V 1740, 8107, п. 11 предписывалось по прежнему опредѣлять воеводъ въ пригородки, въ которыхъ поселялись отставные; однако, какъ видно и изъ указа 27 IX 1742, 8623, п. 4, эти воеводы не должны были „мѣшаться“ въ поселеніе отставныхъ, также какъ и опредѣленные для завѣдыванія послѣднимъ въ отдѣльные пригородки офицеры не должны были вмѣшиваться въ компетенцію воеводъ.

[2]) Указъ 11 X 1737, 7400.

[3]) Указъ 30 IV 1738, 7571.

Digitized by Google

Каковы же были свѣдѣнія, полученныя въ отвѣтъ на это Сенатомъ?

Оказалось, что дѣло поселенія шло весьма туго. По рапортамъ, полученнымъ отъ губернаторовъ и т. д. по 11 сентября 1738 г., число всѣхъ отставныхъ „въ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ" („по запискамъ паспортовъ") составляло 4152 чел., и изъ нихъ, несмотря на двукратную публикацію, пожелало на поселеніе только—6 чел., „кои и отправлены"... Правительство, однако, не упало духомъ и рѣшило сразу разрубить Гордіевъ узелъ: въ январѣ 1739 г. оно предписало, чтобы изъ названныхъ 4152 чел. всѣ, „которые не весьма дряхлы и надежда есть, что могутъ жениться и домы свои содержать", были отправлены на поселеніе. Мало того: предписывалось впредь поступать такъ и со всѣми получающими отставку солдатами, для чего и въ выдаваемыхъ имъ паспортахъ писать, что они должны явиться къ Дубасову. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на губернаторовъ и воеводъ возлагалась обязанность разобрать всѣхъ отставныхъ, находившихся въ ихъ вѣдомствѣ, и отправить изъ нихъ въ Казанскую губ. всѣхъ тѣхъ, которые удовлетворяли приведеннымъ выше требованіямъ, „кромѣ имѣющихъ собственныя свои деревни и земли". Далѣе, имъ же предписывалось отставнымъ „въ проходѣ ихъ чинить... возможное вспоможеніе" [1]).

Итакъ, мы видимъ, что заманчивыя предложенія правительства показались отставнымъ мало соблазнительными. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло поселенія вступаетъ въ новый фазисъ: изъ добровольнаго оно становится принудительнымъ. Въ то же время, однако, правительство задалось вопросомъ о причинахъ столь слабаго прилива охотниковъ къ поселенію, и усмотрѣло эти причины въ бѣдности отставныхъ, дѣлающей для нихъ непосильными—безъ посторонней помощи—отдаленный путь до мѣстъ поселенія и существованіе до того времени, пока они не обзаведутся пашней и т. д., тѣмъ болѣе что и работу найти въ мѣстахъ поселенія было невозможно [2]). Въ виду этого правительство сочло нужнымъ сдѣлать поселеніе болѣе доступнымъ для отставныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе заманчивымъ для нихъ, и, по примѣру

---

[1]) Указъ 10 I 1739, 7.727. См. также, какъ этотъ указъ цитируется въ указахъ 13 X 1746, 9.338 и 22 XI 1753, 10.153. Въ первомъ изъ нихъ указъ 10 I 1739 г. названъ подъ именемъ указа 30 VI 1739 г. при чемъ ему приписываются и постановленія указа 15 II 1739, 7.757.

[2]) *Н. А. Ѳирсовъ* (назв. соч.) приписываетъ нежеланіе отставныхъ селиться въ Казанской губ. запрещенію брать съ собою нѣкоторыя категоріи дѣтей. Между тѣмъ едва ли это обстоятельство могло имѣть большое вліяніе, такъ какъ этихъ дѣтей они въ большинствѣ случаевъ и безъ того не могли имѣть при себѣ.

Digitized by Google

условій поселенія ихъ въ Оренбургской губ., предписало, чтобы всѣ отставные, отправляемые въ Казанскую губ., сверхъ прежней ссуды получали: на проходъ денежнаго жалованія и провіанта на два мѣсяца, далѣе, уже на мѣстѣ поселенія, на время, пока они не обзаведутся (но въ теченіе не болѣе 2 лѣтъ)—одинъ солдатскій провіантъ и, наконецъ, на обсѣмененіе—по 1 четверти ржи и 2 четвертямъ овса. Впрочемъ, всѣ эти вспоможенія устанавливались лишь для первыхъ поселенцевъ, „кои нынѣ отправлены будутъ“; слѣдующіе за тѣмъ должны были попрежнему получать лишь денежную „ссуду“ [1]). Затѣмъ и въ 1743 г. [2]) было предписано выдавать поселяемымъ отставнымъ „надлежащій провіантъ на пропитаніе и на сѣмена“, но лишь заимообразно, съ условіемъ возвратить полученное послѣ перваго урожая [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ мы имѣемъ данныя, заставляющія насъ думать, что деньги и провіантъ „на проходъ“ давались и въ теченіе всего дальнѣйшаго времени [4]).

Описанныя мѣры возымѣли свое дѣйствіе. Не прошло и двухъ лѣтъ съ изданія указа 10 I 1739 г., какъ замѣнившій Дубасова ст. сов. Оболдуевъ уже доносилъ, что по 1 ноября 1740 г. на поселеніе прислано изъ разныхъ мѣстъ отставныхъ 967 чел. [5]) Такъ какъ назна-

---

[1]) Указъ 15 II 1739, 7.757. Цѣль, которую преслѣдовало поселеніе отставныхъ, хорошо характеризуется въ слѣдующихъ словахъ, въ которыхъ правительство сравниваетъ поселеніе въ Оренбургской и въ Казанской губ.: „и хотя... опредѣленные къ поселенію въ Казанской губ. и не въ такой службѣ, какъ вышеписанные (т. е. поселяющіеся въ Оренбургской губ.) употребляться имѣютъ, однакожъ въ близости къ степнымъ народамъ жить будутъ и, когда поселятся, то во время непріятельскаго нападенія не токмо сами себя, но и другихъ оборонять должны“... Въ виду приведенныхъ обстоятельствъ указъ 16 V 1740, 8107, п. 7 повелѣлъ „для осторожности... отъ степныхъ народовъ“ снабдить поселяющихся отставныхъ „ружьемъ“, амуниціей и порохомъ, на первое же время онъ предписывалъ даже командировать для этой цѣли „изъ Казанскаго гарнизона солдатъ изъ служилыхъ казаковъ откуда надлежитъ, сколько потребно будетъ по разсмотрѣнію Казанскаго губернатора“.

[2]) Указомъ главной провіантской канц. 13 VI 1743 г., цитир. въ указѣ 2 XI 1750, 9817, п. 10).

[3]) Вслѣдствіе дурныхъ урожаевъ и уничтоженія хлѣба кобылкою въ 1743—6 гг. „провіантъ“ этотъ остался невзысканнымъ, и указъ 2 XI 1750, 9817 п. 10, допустилъ дальнѣйшую разсрочку на 3—4 года.

[4]) См., напр., указъ 9 X 1762, 11.679.

[5]) По 3 сентября 1740 г.—883 чел., а съ тѣхъ поръ по 1 ноября—84 чел. О томъ, въ какомъ видѣ отставные являлись на поселеніе, свидѣтельствуютъ слѣдующія слова Оболдуева: „и оные отставные многіе безъ одежды, босы и наги и весьма претерпѣваютъ нужду“. Эти слова показываютъ, что приведенный выше діагнозъ правительства относительно причинъ малаго числа охотниковъ до поселенія среди отставныхъ не былъ далекъ отъ истины—по крайней мѣрѣ въ смыслѣ указанія на *одну* изъ причинъ слабаго наплыва желающихъ селиться отставныхъ.

Digitized by Google

ченныхъ на выдачу ссудъ 6000 р. уже было недостаточно, то правительство ассигновало на этотъ предметъ еще 10.000 р. [1]). Кромѣ того, успѣшность мѣропріятій правительства выразилось и въ томъ, что на поселеніе отставныхъ стали появляться и добровольцы. Еще въ указѣ 16 V 1740 г., данномъ Оболдуеву на основаніи его донесеній, говорится объ отставныхъ, явившихъ въ Казань „собою“ для поселенія, и предписывается такимъ отставнымъ „на проходъ“ давать денегъ и провіанта на одинъ мѣсяцъ [2]); затѣмъ года черезъ три тотъ же Оболдуевъ доносилъ, что такіе добровольцы — и притомъ изъ разныхъ губерній и провинцій—являются въ большомъ числѣ, да къ тому же отставленные „въ давнихъ годахъ“: они просятъ принять ихъ на поселеніе, объявляя, что они „никакого пропитанія не имѣютъ и шатаются праздно“ [3]). Такъ какъ Оболдуевъ сомнѣвался, можно ли ихъ принимать безъ предварительныхъ сношеній съ соотв. губернаторами и воеводами, Сенатъ, въ разъясненіе этихъ недоумѣній, велѣлъ Оболдуеву принимать всѣхъ годныхъ для поселенія среди этихъ добровольныхъ пришельцевъ [4]).

Таковъ былъ первый шагъ. Въ теченіе слѣдующихъ затѣмъ 15—20 л. послѣ него правительство постепенно привлекало къ начатому дѣлу все новыя и новыя категоріи лицъ. Такъ, еще въ 1738 г. было предписано отсылать на поселеніе въ Казанскую губ. отставныхъ конюшенныхъ служителей, не имѣющихъ своего пропитанія [5]); въ 1740 г. это предписаніе было распространено на отставныхъ адмиралтейскихъ служителей [6]); въ 1744 г. (по милостивому манифесту) — на нижнихъ чиновъ, сосланныхъ безъ наказанія въ каторгу, если они еще могли

---

[1]) Выс. резол. 1 V 1741, 8368.

[2]) Указъ 16 V 1740, 8107, п. 18.

[3]) Это, между прочимъ, доказываетъ, что регистрація отставныхъ (по паспортамъ) едва ли была полная у губернаторовъ и воеводъ, или что послѣдніе плохо исполнили возложенный на нихъ разборъ отставныхъ.

[4]) Указъ 3 VIII 1743, 8764. При этомъ названный указъ почему то дѣлилъ этихъ добровольцевъ на двѣ категоріи въ зависимости отъ того, имѣли ли они паспорты объ отставкѣ, данные имъ „отъ военной коллегіи и отъ генералитета“, или „изъ полковъ и прочихъ мѣстъ“. Первыхъ предписывалось при пріемѣ на поселеніе „довольствовать... противъ прочихъ, какъ данною инструкціей и указомъ повелѣно“, вторыхъ же—селить, „не чиня награжденія“.

[5]) Указъ 28 XII 1738, 7.716 (подмога этимъ отставнымъ служителямъ должна была уплачиваться изъ конюшенной суммы).

[6]) Указъ 14 I 1740, 8002 (на тѣхъ же основаніяхъ, какъ отставные солдаты). Этотъ указъ былъ подтвержденъ и въ регламентѣ о управленіи адмиралтействъ и флотовъ 24 VIII 1765, 12.459, гл. VIII, п. 1.

Digitized by Google

работать [1]); въ 1751 г.—на отставныхъ иноземцевъ гусарскихъ полковъ (какъ офицеровъ, такъ и солдатъ), если они соглашались перейти въ русское подданство и не имѣли своего пропитанія [2]); далѣе, въ томъ же 1751 г. (въ видѣ милости вмѣсто ссылки)—на виновныхъ въ корчемствѣ нижнихъ чиновъ и „разночинцевъ всякаго званія людей, кои въ подушный окладъ не положены“ [3]); наконецъ, въ 1754 г. было предписано при нѣкоторыхъ условіяхъ посылать на поселеніе отставныхъ въ Казанскую губ. и прописныхъ въ первую и вторую ревизію [4]).

Мы видѣли, что въ новомъ своемъ фазисѣ—т. е. послѣ мѣръ, принятыхъ правительствомъ въ 1739 г.—поселеніе отставныхъ стало быстро расти и уже въ концѣ 1740 г. включало въ себѣ 967 поселенцевъ. Между тѣмъ этотъ быстрый ростъ продолжался только въ теченіе первыхъ лѣтъ, а затѣмъ онъ сталъ все болѣе и болѣе уменьшаться, пока совершенно не прекратился. Къ 1750 г. общее число отставныхъ, поселенныхъ по указу 1736 г., составляло всего лишь 2140 душъ: такимъ образомъ, оно за 10 лѣтъ увеличилось всего только на 1.173 чел., т. е. лишь немногимъ больше, чѣмъ въ предшествующіе 1½—2 года [5]). Вмѣстѣ съ тѣмъ вторая ревизія обнаружила, что отставные солдаты не всегда охотно шли на поселеніе: такъ напр., оказалось, что многіе изъ нихъ въ теченіе 4—5 лѣтъ жили въ Ка-

---

1) Манифестъ 15 VII 1744, 8.992.

2) Указъ 23 VIII 1751, 9.877. Означенные отставные гусары при поселеніи пользовались значительными преимуществами сравнительно съ русскими отставными солдатами. А именно, они должны были при поселеніи получать какъ вспомоществованія, установленныя въ указѣ 15 II 1739, 7.757 (на проходъ, посѣвъ и т. д., и притомъ на проходъ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ остальные отставные), такъ и ссуду (награжденіе), о которой говорилъ еще указъ 27 XII 1736, 7.136; послѣднюю они должны были получать изъ средствъ казны и въ размѣрѣ 10 р. на семью, при чемъ они имѣли право на нее и въ томъ случаѣ, если въ данномъ поселеніи было уже и болѣе 100 дворовъ. Отводъ земли долженъ былъ производиться имъ на тѣхъ же началахъ, какъ и отставнымъ солдатамъ (resp. офицерамъ). Далѣе, прежніе поселенцы въ теченіе двухъ лѣтъ должны были помогать имъ „по ихъ иностранству“ въ строеніи и пашнѣ. Наконецъ, предписывалось до полнаго обзаведенія не употреблять ихъ ни въ какія работы и посылки, не ставить къ нимъ постоя и т. д.

3) Указъ 25 XII 1751, 9.920. Изъ этихъ лицъ предписывалось вернуть въ службу тѣхъ, которыя не были наказаны кнутомъ и были къ ней годны; остальные должны были быть отправлены въ Казанскую губ. на поселеніе.

4) А именно престарѣлыхъ и малолѣтнихъ, и притомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда у нихъ не было родныхъ, написанныхъ за кѣмъ либо въ окладъ по сказкамъ 1719 г. или по первой или второй ревизіи. (Указъ 13 V 1754, 10.233).

5) При этомъ вѣдь нѣкоторая хотя бы доля этого приращенія должна быть отнесена на счетъ естественнаго прироста.

Digitized by Google

занской губ. на прежнихъ своихъ жилищахъ, въ татарскихъ и чувашскихъ деревняхъ, „отбывая поселенія“, по завѣдомому пріему мѣстныхъ жителей [1]). Итакъ, если, съ одной стороны, были лица, добровольно приходившія на поселеніе, то съ другой стороны были и такія, которыя старались отъ него уклониться [2]). Но, какъ бы то ни было, правительство было недовольно медленностью роста поселенія и въ 1753 г. нашло себя вынужденнымъ подтвердить прежніе законы, а именно, чтобы въ Казанской губ. были поселяемы всѣ тѣ солдаты,

1) которые получали отставку и которые при этомъ не имѣли своего пропитанія и были еще пригодны [3]) къ поселенію, также какъ и

2) тѣ, которые уже были отставлены, но не имѣли пропитанія, т. е. не обзавелись „настоящимъ жительствомъ“ ни въ деревнѣ, ни въ городахъ, но „шатаются праздно“.

Исполненіе этого предписанія по отношенію къ отставнымъ, названнымъ въ п. 2, возлагалось на главную полицеймейстерскую канцелярію въ Москвѣ и С.-Петербургѣ и на подчиненныя ей полиціи въ го-

---

[1]) Эти отставные высылались ревизорами на поселеніе, тѣмъ болѣе что въ ихъ паспортахъ, согласно указу 30 VI 1739 г., были означены (въ зависимости отъ разстоянія) сроки, въ которые они должны были явиться на поселеніе. См. объ этомъ указъ 2 XI 1750, 9.817, п. 3, который подтвердилъ запрещеніе держать отставныхъ далѣе срока, о чемъ велѣлъ сотниковъ и десятниковъ обязать подписками, съ тѣмъ чтобы съ нарушителями было поступаемо, какъ съ держателями бѣглыхъ солдатъ.

[2]) Быть можетъ одной изъ причинъ медленнаго роста поселенія являлось то обстоятельство, что поставленный въ 1745 г. (послѣ Ушакова, смѣнившаго Оболдуева) во главѣ поселенія полк. Мельгуновъ состоялъ въ то же время Казанскимъ вице-губернаторомъ и въ качествѣ таковаго имѣлъ много другихъ обязанностей (напр., часто замѣщалъ губернатора и т. д.), почему онъ, по собственному своему признанію, и не могъ удѣлять поселенію должное вниманіе. См. п. 11 указа 2 XI 1750, 9.817.

[3]) Признаки пригодности устанавливаются здѣсь тѣ же, какъ и въ указѣ 10 I 1739, 7.727, т. е. пригодными признаются тѣ, „кои не весьма дряхлы и надежда есть, что могутъ жениться и домы свои содержать“. Эта квалификація не отличается большой точностью, почему вѣроятно и бывали случаи, когда присылались къ поселенію такіе, которые къ нему были вовсе непригодны: „престарѣлые и дряхлые лѣтъ по 60 и свыше, дряхлые таковы, что бываютъ безъ рукъ, а прочіе и безъ ногъ“..... Такъ какъ всѣ расходы на такихъ лицъ могли представить изъ себя лишь непроизводительную трату, то Сенатъ въ указѣ 13 X 1746, 9.338 запретилъ посылать на поселеніе людей старыхъ, увѣчныхъ и т. д., „кои къ тому поселенію не прочны и работать не могутъ“. До насъ дошелъ еще подобный случай присылки неспособныхъ къ поселенію лицъ, относящійся къ 1750-ымъ гг.: при этомъ Казанской губ. канцеляріи и канцеляріи поселенія отставныхъ было предписано вмѣстѣ съ представителями военныхъ властей разобрать присланныхъ лицъ и непригодныхъ къ поселенію отправить въ монастыри и богадѣльни (указъ 27 VII 1754, 10.268). См. также описанныя въ указѣ 15 III 1763, 11.778 злоключенія отставного каптенармуса л. гв. Семеновскаго полка Зубкова.

Digitized by Google

ротахъ, также какъ и на губернаторовъ и воеводъ. Далѣе, предписывалось приглашать на поселеніе и желающихъ изъ отставныхъ офицеровъ [1]).

Спрашивается теперь; какія же мѣста занимали новые поселенцы и каково было ихъ положеніе на вновь занятыхъ ими земляхъ?

Что касается перваго вопроса, то мы видѣли, что поселеніе было велѣно начать по теченію р. Кондурчи[2]). Между тѣмъ фактическій ходъ заселенія былъ нѣсколько иной: заселенію подверглись названные выше шесть пригородковъ, покинутые ихъ прежними жителями или, въ началѣ, быть можетъ лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ. Правда, что всѣ они были расположены недалеко отъ р. Кондурчи, но все же не по ея теченію [3]). Впослѣдствіи территорія населенія нѣсколько расширилась Выше мы видѣли, что въ 1739 г. прекратила свое существованіе и новая закамская линія, жителей которой было велѣно перевести на Оренбургскую линію. Вмѣстѣ съ тѣмъ тогда было предписано продать оставшіяся послѣ нихъ избы и другія строенія въ пользу казны или частныхъ лицъ, въ зависимости отъ того, кто ими владѣлъ. Между тѣмъ покупателей на нихъ не находилось. Поэтому въ 1744 г. было рѣшено передать и эти освободившіяся отъ ихъ жителей мѣста въ вѣдомство управленія поселенія отставныхъ, во главѣ котораго вмѣсто Оболдуева уже стоялъ ст. сов. Ушаковъ. Послѣднему предписывалось присылаемыхъ вновь отставныхъ солдатъ селить на этихъ новыхъ мѣстахъ, съ безвозмездной отдачей имъ казенныхъ строеній, а также позволять туда переселяться и желающимъ изъ поселенныхъ въ пригородкахъ отставнымъ. Однако, до этого новаго заселенія закамская линія должна была содержаться „тѣми же людьми, которыми нынѣ оная содержится“, чтобы она сразу не запустѣла [4]). Такимъ образомъ, для посе-

[1]) Указъ 22 XI 1753, 10153. Отставнымъ офицерамъ, не имѣвшимъ недвижимаго имущества, было трудно находить мѣста на гражданской службѣ, такъ какъ въ случаѣ утраты казеннаго имущества съ нихъ взять было нечего. Однако, бѣдность служила препятствіемъ для офицеровъ и къ поселенію въ Казанской губ. (см. объ этомъ примѣчаніе 3 къ стр. 53.

[2]) См. выше, стр. 42.

[3]) См. также указъ 27 IX 1742, 8.623, гдѣ на основаніи указа 27 XII 1736, 7.136 предписывается селить отставныхъ „въ Казанской губ. въ пригородкахъ Старошешминску, Новошешминску, Ерыклинску, Заинску, Тіинску и Билярску на пустыхъ земляхъ и кои остались отъ переведенныхъ и поселенныхъ на закамской линіи служивыхъ людей“....

[4]) Указъ 8 III 1744, 8.892. Впрочемъ, вскорѣ часть этихъ земель (а именно земли между Сокомъ, Кондурчей и Черемшаномъ) были переданы въ вѣдомство Ставропольскаго калмыцкаго поселенія.

ленія отставныхъ открылись новыя пространства: но и они не были расположены по р. Кондурчѣ, но по рр. Соку, Кинели и Самарѣ, а также по рр. Б. Черемшану, Шешмѣ и Кичую. По послѣднимъ рѣкамъ были расположены крѣпости Черемшанскъ, Шешминскъ и Кичуевскъ, и здѣсь то и стали съ 1744 г. селить отставныхъ, и притомъ съ такимъ успѣхомъ, что къ 1762 г. мѣста около этихъ крѣпостей были уже совершенно заселены и уже болѣе не заключали въ себѣ свободныхъ земель, тогда какъ таковыя имѣлись еще въ достаточномъ количествѣ въ пригородкахъ Новошешминскѣ, Заинскѣ и Тіинскѣ. Поэтому, съ 1762 г.[1]) начинается дальнѣйшее заселеніе этихъ пригородковъ. Что же касается остальныхъ (западныхъ) частей новой линіи, расположенныхъ по рр. Соку, Кинели и Самарѣ, то, по имѣющимся у насъ даннымъ, заселеніе этихъ новыхъ земель только начиналось въ 1778 г. (объ этомъ см. ниже).

Относительно второго вопроса наши свѣдѣнія, къ сожалѣнію, весьма скудны. Отставные приходили на поселеніе либо по одиночкѣ, либо доставлялись туда цѣлыми партіями [2]). Что не всѣ доходили до мѣста назначенія — объ этомъ сказано было уже выше. Если опредѣленный къ поселенію отставной умиралъ, то остававшаяся послѣ него вдова съ семьей все же поселялась, и на нее переходили всѣ права умершаго [3]). По прибытіи на мѣсто назначенія отставной долженъ былъ „безъ всякаго продолженія“ получить провіантъ и денежное награжденіе [4]). Мы не знаемъ, насколько своевременно отставные получали провіантъ; но о денежномъ награжденіи мы знаемъ, что—по крайней мѣрѣ во второй половинѣ 1740-ыхъ гг.—отставные не получали его въ теченіе года и болѣе, почему и должны были все это время „жить праздно“. Поэтому, въ 1750 г. была подтверждена болѣе быстрая уплата его [5]). Если у отставного на прежнемъ жилищѣ оставалась

---

[1]) Согласно указу 30 V 1762, 11.556.

[2]) См. напр. указъ 16 V 1740, 8107, п. 14, гдѣ предписывается отправить такую партію изъ Казани „на обывательскихъ подводахъ или по способности до тѣхъ мѣстъ водой“.

[3]) Законъ мотивировалъ это тѣмъ, что „оныя вдовы, имѣющія сыновей, останутся дѣйствительно при своихъ участкахъ, съ которыхъ сыновья служить могутъ, а неимѣющія сыновей могутъ принять къ себѣ или къ дочерямъ въ домъ изъ тѣхъ же отставныхъ дѣтей, и потому такой же дворъ будетъ, какъ и прочихъ“ (указъ 16 V 1740, 8.107, п. 16).

[4]) О провіантѣ см. указъ 16 V 1740, 8.107, пп. 9 и 13.

[5]) См. указъ 2 XI 1750, 9.817, п. 11.—П. 8 этого же закона говоритъ объ отставныхъ, желающихъ селиться „безъ указнаго награжденія денежнаго и хлѣбнаго“, и сообщаетъ, что такихъ лицъ съ 1745 г. уже поселено 65 м. п., 41 ж. п. и дѣтей

Digitized by Google

семья, то законъ разрѣшалъ начальству поселенія отпускать его туда для ея забранія, при чемъ объ ея отдачѣ оно должно было одновременно писать къ соотв. губернаторамъ и воеводамъ [1]). Что касается затѣмъ самой внутренней жизни на поселеніи, то она для насъ остается совершенно закрытой; мы не знаемъ даже, бѣдствовали ли новые поселенцы или, напротивъ того, быстро достигали благосостоянія, хотя на основаніи обилія, и притомъ еще плодородной, земли, при разнообразномъ вспомоществованіи (по крайней мѣрѣ въ первое время) отъ правительства и при свободѣ отъ податей, слѣдовало бы думать, что они быстро приходили въ процвѣтаніе. Но вѣдь это только предположеніе. Изъ дошедшихъ до насъ фактовъ мы можемъ указать на то, что бывали случаи бѣгства съ поселенія, но, не имѣя данныхъ ни о размѣрахъ этого явленія, ни о поводахъ, приводившихъ къ нему, мы не можемъ построить на немъ никакихъ выводовъ [2]). Столь же мало мы освѣдомлены относительно тѣхъ фактическихъ порядковъ, которые установились въ поселеніяхъ отставныхъ въ области землевладѣнія. Лишь относительно размѣра послѣдняго указъ 1742 г. подтвердилъ норму, установленную ранѣе въ указѣ 27 XII 1736 г. (20—30 четвертей на семью) и опредѣлилъ нормы землевладѣнія для отставныхъ офицеровъ, которые пожелали бы селиться [3]). Но, къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ относительно того, какъ осуществлялись на практикѣ принципы неотчуждаемости и единонаслѣдія. Мы знаемъ только, что вдовы и дочери отставныхъ не особенно охотно подчинялись тому ограниченію въ выборѣ супруговъ, которое на нихъ было наложено [4]).

ихъ 58, итого 164 чел. и что и впредь ихъ будетъ являться достаточное число, почему онъ и предписываетъ какъ этихъ лицъ, такъ и впредь таковыхъ селить безъ награжденія. Этотъ пунктъ во многихъ отношеніяхъ не отличается ясностью.

[1]) Указъ 16 V 1740, 8.107, п. 16. При этомъ для предосторожности у отставныхъ отбирались ихъ паспорты объ отставкѣ, и имъ выдавались особые паспорты на проходъ на прежнія жилища.

[2]) Указъ 27 IX 1742, 8.623, п. 5 говоритъ объ отставныхъ, взявшихъ жалованіе и затѣмъ внѣхавшихъ, и предписываетъ для лучшаго удержанія отставныхъ отъ побѣга „перепоручить ихъ круговою порукою“.

[3]) Отъ 50 до 100 четвертей въ зависимости отъ чина. Кромѣ того къ церквамъ было повелѣно отводить нѣсколько болѣе 20—30 дес. (указъ 27 IX 1742, 8.623, п. 3). Фактически къ церквамъ отводилось по 60 дес. (см. ниже).

[4]) Относящееся сюда постановленіе указа 1737 г. толковалось въ томъ смыслѣ, что это ограниченіе распространялось на всѣхъ вдовъ и дочерей поселенныхъ отставныхъ. Между тѣмъ указъ 2 XI 1750, 9.817 жалуется, что вдовы и дочери отставныхъ бѣгутъ съ поселенія и выходятъ замужъ за однодворцевъ и за ясачныхъ и монастырскихъ крестьянъ и что, такимъ образомъ, выданная на нихъ доля указнаго награжденія и двухлѣтній провіантъ пропадаютъ даромъ... Въ виду этого п. 8 этого указа подтвер-

Digitized by Google

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о тѣхъ зачаткахъ культурной дѣятельности, которые правительство хотѣло проявить въ поселеніи. Мы разумѣемъ постройку церквей и школъ. Первыя дѣйствительно строились (къ 1778 г., какъ мы увидимъ ниже, ихъ было уже 17); относительно же вторыхъ закономъ 1750 г. было предписано „для излишняго казеннаго убытка особливыхъ школъ не строить", вмѣсто чего на духовенство была возложена обязанность обучать солдатскихъ дѣтей въ своихъ домахъ съ платой по 50 к. за каждаго [1]. Читатель можетъ догадываться, каково было это обученіе.

Если мы перейдемъ затѣмъ къ дальнѣйшей эпохѣ, то увидимъ, что съ 1750 г. поселеніе отставныхъ продолжало расти и притомъ нѣсколько быстрѣе, чѣмъ въ десятилѣтіе 1740—50 гг., хотя все же медленно. Къ іюлю 1758 г. число поселенныхъ въ Казанской губ. отставныхъ и ихъ дѣтей м. п. составляло 3489 [2]) и, слѣдовательно, за восьмилѣтіе 1750—8 гг. увеличилось всего на 1349 чел. Такимъ образомъ, хотя годичный прирость за это восьмилѣтіе (168,7 чел.) и оказался почти въ $1\frac{1}{2}$ раза больше, чѣмъ въ предшествующее десятилѣтіе (117,3), но все же онъ долженъ считаться медленнымъ. Задавшись вопросомъ о причинахъ этой медленности, правительство одну изъ нихъ по прежнему нашло въ бѣдности отставныхъ. Поэтому, еще въ концѣ 1750-ыхъ гг. возникъ проектъ снова давать отставнымъ при поселеніи вспомоществованіе, и притомъ даже въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ оно давалось по указу 1739 г. Между тѣмъ мы не знаемъ, осуществился ли тогда этотъ проектъ, или нѣтъ [3]). Во всякомъ случаѣ это вспомоще-

---

дилъ запрещеніе отдавать вдовъ или дочерей отставныхъ за кого либо, кромѣ имѣющихся на поселеніи отставныхъ солдатъ или солдатскихъ дѣтей, и для обезпеченія исполненія по этому запрещенію принималъ весьма строгія мѣры: за вышедшихъ уже за постороннихъ лицъ вдовъ и дочерей предписывалось взыскать выводныхъ денегъ по 10 р., а при повтореніи такихъ случаевъ въ будущемъ—по 50 р. за каждую; остающіяся же послѣ нихъ земли предписывалось отдавать имѣющимся на поселеніи наслѣдникамъ ихъ, а при ихъ отсутствіи — другимъ присланнымъ для поселенія отставнымъ. Мы видимъ изъ изложеннаго, что правительство столь же свободно по своему усмотрѣнію распоряжалось землею отставныхъ, какъ и ихъ личностью и личностью ихъ женъ и дочерей. Впрочемъ, на извѣстномъ уровнѣ развитія (изъ котораго мы и теперь окончательно не вышли) и то, и другое находится между собою въ тѣсной связи.

[1]) Указъ 2 XI 1750, 9.817, п. 5 и 7.

[2]) Изъ нихъ самихъ отставныхъ 1477, а дѣтей ихъ м. п. 2012 (указъ 12 VIII 1762, 11.643).

[3]) А именно, въ 1757 г., когда было отставлено много оберъ-офицеровъ „изъ солдатскихъ дѣтей и крестьянъ и прочихъ нижнихъ природъ", они на предложеніе поселиться въ Казанской губ. выразили на то полную готовность, но заявили, что „по бѣдности своей и къ тому по отдаленности, а особливо семьянистые, дойти туда не

Digitized by Google

ствованіе было вновь введено въ 1763 г. Кромѣ того, правительство въ томъ-же 1763 г. рѣшило принять также и нѣкоторыя мѣры для поощренія отставныхъ къ поселенію. Мѣры эти должны были упорядочить самую организацію поселенія и увеличить размѣръ получаемаго поселяющимися пособія.

Прежде всего предписывалось для вновь приходящихъ на поселеніе заранѣе приготовлять дворы; для этой цѣли военная коллегія должна была заблаговременно извѣщать управленіе поселенія о числѣ опредѣляемыхъ каждый разъ на поселеніе отставныхъ [1]). Дворы должны были попрежнему строиться слободами, заключающими въ себѣ не менѣе 100 дворовъ. Количество земли на дворъ также было оставлено прежнее. Размѣръ казеннаго вспомоществованія на проходъ, на обсѣмененіе и на провіантъ на первые два года оставлялся прежній [2]). Кромѣ того, каждая семья должна была получать по 8 р. (а семьи раненыхъ въ Прусскую войну—по 10 р.) на пріобрѣтеніе скота и т. д. [3]). О „ссудѣ" рѣчи не было. Слѣдуетъ также упомянуть постановленія о порядкѣ препровожденія отставныхъ на мѣсто поселенія. Это препровожденіе должно было производиться партіями въ томъ порядкѣ „какъ и воинскія команды куда командируются... съ пристойнымъ числомъ командировъ". Послѣдніе должны были слѣдить, чтобы отставные „праздно нигдѣ по городамъ время не продолжали и по міру бродить и на худые поступки отважиться не могли" [4]).

могутъ". Поэтому, военная коллегія предложила Сенату давать какъ имъ, такъ и отставнымъ солдатамъ выдачу „на проходъ" и т. д. и ссуду „противъ гусарскихъ отставныхъ". Къ сожалѣнію, изъ состоявшагося по этому поводу Сенатскаго указа (30 V 1762, 11.556) нельзя усмотрѣть, согласился ли Сенатъ на это предложеніе, или нѣтъ.

[1]) Эти дворы для новыхъ пришельцевъ должны были строиться старыми поселенцами, живущими на поселеніи уже болѣе 5 лѣтъ, такъ чтобы ежегодно каждые 10 старыхъ дворовъ строили одинъ новый. Если бы этого было недостаточно, то добавочные дворы должны были строиться на средства казны.

[2]) Денежное жалованье, выдаваемое на проходъ, соотвѣтствовало окладу гарнизонныхъ пѣхотныхъ полковъ и составляло въ мѣсяцъ:

для сержанта и вахмистра........................	58 к.
„ каптенармуса и подпрапорщика	54 „
„ ротнаго писаря и капрала	50 „
„ рядового	41 „

Провіантъ же выдавался „противъ солдатскихъ дачъ" (см. указъ 9 X 1762, 11.679).

[3]) Эти деньги однако не должны были выдаваться на руки, но избранные самими отставными надежные люди должны были закупать для нихъ все нужное, а на руки выдавать лишь остатокъ, буде таковой оказывался.

[4]) Еще нѣсколько раньше (указомъ 19 VII 1762, 11.617) было предписано, чтобы

Digitized by Google

Таковы были мѣры, принятыя правительствомъ въ 1763 г. Одновременно съ ними во главѣ поселенія былъ поставленъ ген.-майоръ Миллеръ, съ непосредственнымъ подчиненіемъ его Сенату [1]).

Характерной чертой слѣдующаго затѣмъ десятилѣтія 1763—73 гг. въ исторіи Казанскаго поселенія является предпринятое въ немъ межеваніе. Межевыя работы были необходимы на территоріи поселенія съ самаго его возникновенія для отвода земли поселенцамъ и отграниченія послѣднихъ отъ тѣхъ сосѣдей ихъ, которые остались на прежнихъ мѣстахъ [2]). Но эти работы по большей части носили случайный характеръ, производились ad hoc, а къ тому же вѣроятно и довольно грубо и несовершенно. Между тѣмъ въ 1764 г. вновь назначен-

---

отставные посылались въ Казанскую губ. за конвоемъ, „дабы они, къ безславію государства, не могли праздно по городамъ время препровождать и по міру бродить или на худые поступки отважиться".—Эти мѣры, очевидно, были приняты вслѣдствіе случаевъ неявки на поселеніе такихъ отставныхъ, которые были туда отправлены противъ ихъ воли. О такихъ случаяхъ см. напр. указъ 29 III 1764, 12.112. Съ другой стороны, однако, и въ 1760-ыхъ гг. попрежнему продолжалось появленіе на Казанскомъ поселеніи добровольцевъ „съ вольными паспортами". Такъ, указомъ 28 VII 1763, 11.887 такихъ добровольцевъ было предписано принять 128 чел. Этотъ же указъ велѣлъ и впредь принимать такихъ лицъ, годныхъ къ поселенію, съ выдачей имъ пособій и т. д. на общемъ основаніи.

[1]) Всѣ эти мѣры изложены въ указѣ 22 VIII 1763, 11.902. Замѣтимъ, что одновременно съ изданіемъ этого указа производился разборъ отставныхъ, находившихся въ монастыряхъ и богадѣльняхъ, при чемъ указомъ о разборѣ (3 X 1762, 11.674) предписывалось отсылать въ Казанскую губ. тѣхъ изъ этихъ отставныхъ, кои „въ такихъ еще не престарѣлыхъ лѣтахъ, что могутъ на поселеніи съ пользою умножать сельскую экономію".

[2]) Для этой цѣли при управленіи поселенія еще согласно указу 6 VII 1737, 7315 должны были состоять 4 геодезиста. Однако, это постановленіе осталось неисполненнымъ, такъ какъ въ указѣ 16 V 1740, 8.107 среди состоящихъ при управленіи должностныхъ лицъ они не упоминаются и такъ какъ этимъ же указомъ предписывается отправить туда одного геодезиста изъ Сената и, въ случаѣ надобности, второго изъ Казанской губ. Затѣмъ указъ 27 IX 1742, 8.623 предписалъ Оболдуеву представить въ военную коллегію и въ Сенатъ вѣдомость о пустыхъ земляхъ, оставшихся отъ переведенныхъ служилыхъ людей, и о томъ, кому онѣ отведены, при чемъ для скорѣйшаго отвода земли отставнымъ этотъ указъ опредѣлилъ еще одного геодезиста изъ Казанской губ. Затѣмъ, при переводѣ ландмилиціи съ новой закамской линіи на Оренбургскую линію было предписано сдѣлать подробное описаніе оставшихся послѣ нея земель съ означеніемъ ихъ количества въ десятинахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось вотчинной коллегіи „разсмотрѣть, по скольку четвертей изъ такихъ земель по препорціи ранговъ давать и почему за каждую четверть въ казну нашу денегъ брать надлежитъ", и представить о томъ черезъ Сенатъ въ Кабинетъ „и о раздачѣ оныхъ земель ожидать Нашего указа" (указъ 20 VIII 1739, 7.876, п. 2). Между тѣмъ позднѣе, какъ мы видѣли, эти земли также поступили въ вѣдомство управленія поселенныхъ отставныхъ.

Digitized by Google

ный завѣдующимъ поселеніемъ ген.-майоръ Миллеръ получилъ предписаніе измѣрить, описать и положить на планъ всѣ назначенныя подъ поселеніе отставныхъ мѣста, съ означеніемъ числа слободъ, угодій, дворовъ и количества земли, заселенной отставными и посторонними посельщиками [1]). Въ 1768 г. эта работа въ значительной степени была уже закончена [2]), и Миллеръ предлагалъ воспользоваться ею, для того чтобы на основаніи ея произвести формальное размежеваніе земель каждаго пригородка и слободы съ прикосновенными владѣльцами по правиламъ генеральнаго межеванія съ разсмотрѣніемъ споровъ. Въ пользу своего предложенія Миллеръ указывалъ, что тамъ, гдѣ измѣреніе и описаніе кончено, такое размежеваніе можетъ быть произведено очень быстро, тѣмъ болѣе что число споровъ невелико и разсмотрѣніе ихъ не займетъ много времени. Съ другой стороны, если размежеваніе не будетъ произведено, то, по мнѣнію Миллера, сдѣланная работа въ значительной степени оказалась бы безполезной и новымъ геодезистамъ приходилось бы вновь знакомиться съ мѣстами, споры умножились бы, межевые признаки истребились бы и т. д. Сенатъ внялъ доводамъ Миллера и предписалъ возможно скорѣе произвести предложенное имъ формальное размежеваніе, съ разсмотрѣніемъ споровъ по межевой инструкціи 1766 г. [3]). Размежеваніе это было закончено въ 1773 г., и до насъ дошелъ весьма интересный докладъ Миллера съ изображеніемъ его результатовъ [4]).

Замѣчу прежде всего, что при тогдашнемъ раздѣленіи губерній вся находившаяся въ то время подъ поселеніемъ отставныхъ территорія была расположена въ Казанской губ., за исключеніемъ земель Черемшанской крѣп., лежавшихъ въ Оренбургской. Всего на этой тер-

---

[1]) Указъ 21 VII 1764, цит. въ указѣ 9 I 1768, 13.043.

[2]) А именно, по отношенію къ пригородкамъ Новошешминску, Заинску, Тіинску и Ерыклинску и Шешминскому фельдшанцу съ слободами; въ пригородкахъ Билярскѣ и Старошешминскѣ и въ Кичуевскомъ фельдшанцѣ она была начата, но еще не кончена; о Черемшанской же крѣпости указъ 9 I 1768, 13.043, изъ котораго мы заимствуемъ приводимыя свѣдѣнія, не упоминаетъ—быть можетъ въ ней работы еще вовсе не были начаты.

[3]) Указъ 9 I 1768, 13.043.

[4]) В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 544: „Карта, представляющая Казанской и Оренбургской губерніей о подлежащихъ подъ поселеніе отставныхъ земляхъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ ген.-майора Миллера, сочинена 1773 г. въ іюнѣ мѣсяцѣ“. Къ картѣ приложено подробное статистическое описаніе и особая „экспликація“ (докладъ) на Высоч. имя за подписью Миллера отъ 1 іюля 1773 г. Эта карта и есть, безъ сомнѣнія, та „генеральная карта“, объ обѣщаніи представить которую со стороны Миллера говорится въ указѣ 9 I 1768, 13.043.

Digitized by Google

риторіи было поселено отставныхъ 8243 души м. п., жившихъ въ 3987 дворахъ [1]). Кромѣ того, въ моментъ составленія описанія производилось поселеніе отставныхъ (изъ которыхъ уже было на лицо 327 дворовъ съ 487 душами м. п.) въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ новой линіи [2]). Такимъ образомъ, за 15 лѣтъ число жителей м. п. на поселеніи увеличилось на 5241 душъ м. п., что составляетъ въ среднемъ по 349,4 чел. въ годъ. Другими словами, быстрота прироста значительно увеличилась въ сравненіи съ предыдущимъ временемъ, хотя въ разсматриваемый періодъ поселенія отставныхъ солдатъ основывались уже и въ другихъ губерніяхъ, и этотъ результатъ, конечно, не можетъ быть объясненъ однимъ естественнымъ приростомъ, но главнымъ образомъ долженъ быть приписанъ большему наплыву поселенцевъ въ сравненіи съ прежнимъ временемъ.

Обратимся теперь къ землевладѣнію [3]). Мы знаемъ, что размѣръ

---

[1]) А именно:

	Дворовъ.	Душъ м. п.
Пригородки Ерыклинскъ	230	575
„ Тіинскъ	519	1087
„ Билярскъ	423	959
„ Старошешминскъ	266	628
„ Заинскъ	512	932
„ Новошешминскъ	1107	2065
Фельдшанцы Кичуевскій	163	372
„ Шешминскій	486	1054
Черемшанская крѣпость	281	571
Итого	3987	8243

Такимъ образомъ, среднимъ числомъ на дворъ приходилось 2,07 душъ м. п.

[2]) А именно:

	Дворовъ.	Душъ м. п.
Красноярская крѣп.	86	140
Преображенская слобода	139	206
Благовѣщенская „	102	141
Итого	327	487

Здѣсь на дворъ приходилось среднимъ числомъ уже только 1,49 душъ м. п.

[3]) Въ моментъ представленія карты формальное размежеваніе было закончено въ пригор. Билярскѣ, Ерыклинскѣ, Старошешминскѣ и Тіинскѣ и въ Шешминскомъ и Кичуевскомъ фельдшанцахъ; оно приводилось къ окончанію въ пригор. Новошешминскѣ и въ Черемшанской крѣпости, а въ пригор. Заинскѣ оно еще не было начато. Межеваніе производилось двумя землемѣрами. Въ трехъ названныхъ поселеніяхъ Оренбургской губ., въ которыхъ уже производилось поселеніе отставныхъ, формальное размежеваніе вѣроятно также еще не было произведено. Кромѣ того, для поселенія отставныхъ приготовлялись уже и другія мѣста въ Оренбургской губ. (въ дачахъ крѣпостей

Digitized by Google

его, установленный, съ ссылкой на примѣръ прежнихъ службъ служилыхъ людей и ландмилиціи, еще въ указѣ 27 XII 1736 г. и подтвержденный затѣмъ въ 1763 г.[1]), составлялъ 20—30 четвертей въ полѣ (т. е. 30—45 дес. въ трехъ поляхъ безъ другихъ угодій). Между тѣмъ это предписаніе оказалось до нѣкоторой степени противорѣчивымъ. Въ самомъ дѣлѣ, старыхъ службъ служилые люди—съ одной стороны и ландмилиція—съ другой получали въ пригородкахъ и крѣпостяхъ закамской линіи неодинаковое количество земли: первымъ отводилось на человѣка: пятидесятникамъ по 40, десятникамъ по 30, а рядовымъ по 20 четвертей въ полѣ, „а въ дву потому-жъ съ надлежащими къ тому угодьи"; вторымъ же—по 45 дес. на человѣка „земли со всѣми угодьи". Мы, къ сожалѣнію, находимся въ неизвѣстности о томъ, по которой изъ этихъ нормъ отводилась земля до Миллера, но мы знаемъ, что въ началѣ производившагося подъ руководствомъ послѣдняго межеванія земля отводилась въ количествѣ 45 дес. на дворъ[2]). На этихъ началахъ было произведено межеваніе въ пригородкахъ Новошешминскѣ и Заинскѣ и въ Новошешминскомъ фельдшанцѣ. Между тѣмъ тутъ наступило новое осложненіе: была издана межевая инструкція 1766 г., коею для однодворцевъ и прежнихъ службъ служилыхъ людей устанавливалась норма землевладѣнія въ 60 дес. на дворъ[3]). Считая эту норму обязательною и для поселяющихся въ Казанской губ. отставныхъ, Миллеръ примѣнилъ ее, какъ онъ доносилъ въ 1767—8 г., при отмежеваніи земли для пригородковъ Тіинска и Ерыклинска, и въ такомъ видѣ она—какъ и весь докладъ Миллера—была утверждена Сенатомъ[4]). Между тѣмъ со временемъ взглядъ на этотъ вопросъ измѣнился, и изъ доклада Миллера 1773 г. мы узнаемъ, что во всемъ поселеніи отставныхъ примѣнена однообразная норма, и притомъ не та, которая была установлена межевой инструкціей, но прежняя ландмилицкая. Въ защиту этого взгляда докладъ ссылался на то, что ни межевая инструкція, ни наставленіе землемѣрамъ не заключали въ себѣ постановленія о землевладѣніи отставныхъ, почему въ этомъ вопросѣ и сохраняютъ силу указы 1736 г. и 1763 г. Произведенное на этихъ началахъ раз-

---

Красносамарской и Ельшанской, расположенныхъ по Самарской линіи), на которыя уже былъ отправленъ землемѣръ для измѣренія.

[1]) Въ указѣ 22 VIII 1763, 11.902.

[2]) А именно: 15 дес. въ трехъ поляхъ и 30 дес. прочихъ угодій.

[3]) А именно: по 4 души на дворъ и по 8 дес. всѣхъ угодій на душу, „да для размножающихся впредь" по 28 дес. Инструкція межевымъ губернскимъ канцеляріямъ и провинціальнымъ конторамъ 25 V 1766, 12.659, гл. XIX, п. 2.

[4]) См. указъ 9 I 1768, 13.043.

Digitized by Google

межеваніе докладъ проситъ Сенатъ (которому онъ также былъ посланъ) утвердить. Послѣдовало ли это утвержденіе, или нѣтъ, мы не знаемъ; но едва ли на этотъ вопросъ можно отвѣтить отрицательно, такъ какъ неутвержденіе, вѣроятно, означало бы производство размежеванія вновь... Но, какъ бы то ни было, при размежеваніи въ томъ видѣ, какъ мы съ его результатами знакомимся по названному выше статистическому описанію, каждый отставной получилъ по 45 дес. на дворъ, что на всѣхъ (8.243 души) составило 179.415 дес. удобной земли [1]) (не считая 1020 дес. къ 17 церквамъ).

Прибавимъ еще одну любопытную черту. Докладъ видитъ особое преимущество отставныхъ въ томъ, что земля отмежевывалась имъ не на число душъ, но отдѣльно на каждую семью [2]), при чемъ онъ, однако, не указываетъ, въ чемъ это преимущество, по его мнѣнію, заключается. Быть можетъ, здѣсь нѣкоторый свѣтъ могутъ пролить слова Миллера, приводимыя имъ въ оправданіе медленности межеванія, а именно, „что тѣ землемѣрѣ и внутри каждому отводятъ земли и къ строенію дворовъ мѣста, какъ то и въ Оренбургской губ.“ Такимъ образомъ, дворъ служилъ здѣсь не только счетной, но дѣйствительной межевой единицей. Нельзя по этому поводу не пожалѣть, что мы не имѣемъ никакихъ данныхъ о томъ, какъ сложились фактически порядки землевладѣнія въ поселеніи отставныхъ....

Но „описаніе“ представляетъ интересъ не только по тѣмъ даннымъ, которыя касаются отставныхъ, но и по сообщаемымъ ими свѣдѣніямъ о ихъ сосѣдяхъ. Къ сожалѣнію, эти свѣдѣнія касаются лишь тѣхъ изъ нихъ, съ которыми они соприкасались; между тѣмъ, однако, поселенія отставныхъ не представляли изъ себя сколько нибудь сплоченнаго участка, но, напротивъ того, были разбросаны иногда на довольно большомъ разстояніи одно отъ другого. Поэтому, имѣющіяся въ описаніи данныя еще не могутъ дать намъ полнаго представленія о всемъ населеніи того края. Тѣмъ не менѣе они заслуживаютъ вниманія, и мы на нихъ остановимся.

Уже изъ предыдущаго изложенія мы знаемъ, что вмѣстѣ съ постройкой новой закамской линіи на нее были переведены жители пригородковъ старой закамской линіи и что затѣмъ въ 1739 г. ихъ было

---

[1]) Кромѣ того 8.248 дес. съ саж. неудобной.

[2]) Указавъ на отводъ земли не по числу душъ, но на каждую семью, докладъ прибавляетъ: „и тѣмъ они отъ прочихъ землевладѣльцевъ, а паче отъ помѣщичьихъ крестьянъ отличаются,.... отчего и желаемаго отъ нихъ плода отъ времени до времени ожидать можно, а тѣмъ болѣе поощрить и придать охоту впредь прочимъ отставнымъ къ таковому-жъ поселенію“, и т. д.

Digitized by Google

предписано и съ новой линіи перевести на Оренбургскую линію. На ходѣ этого второго передвиженія мы остановимся въ другомъ мѣстѣ; здѣсь мы укажемъ лишь на то, что оно закончилось лишь въ 1747 г.[1]). Между тѣмъ, какъ видно, впрочемъ, и изъ предыдущаго изложенія, переводъ на новую, а затѣмъ на Оренбургскую линію распространялся не на всѣхъ жителей, населявшихъ и защищавшихъ старую, а затѣмъ и новую линію, но лишь на неположенныхъ въ подушный окладъ служилыхъ людей старыхъ пригородковъ. Такимъ образомъ, въ качествѣ сосѣдей вновь поселяющихся отставныхъ солдатъ оставались съ одной стороны—нѣкоторыя категоріи служилыхъ людей, а съ другой—крестьяне, сами собою поселившіеся въ этой мѣстности.

Среди первыхъ слѣдуетъ прежде всего назвать тѣхъ прежнихъ службъ служилыхъ людей, которые были положены въ подушный окладъ и, поэтому, не подлежали переводу. Они по прежнему были оставлены въ подушномъ окладѣ и должны были содержать два ландмилицкихъ полка: Сергіевскій конный и Алексѣевскій пѣхотный. Нѣкоторые изъ нихъ повидимому были сосѣдями вновь поселившихся отставныхъ[2]). Далѣе слѣдуетъ назвать такъ наз. Смоленскую шляхту[3]). Есть нѣкоторыя основанія думать, что представителей ея также было предписано оставить на прежнихъ мѣстахъ. По крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ въ сосѣдствѣ съ отставными владѣли деревнями и крестьянами, причемъ послѣдніе были положены въ подушный окладъ[4]). По поводу зе-

---

[1]) Нѣкоторое недоумѣніе вызываетъ указъ 5 VI 1741, 8.392, въ которомъ Оболдуеву предписывалось „тѣхъ прежнихъ службъ отставныхъ и дѣтей ихъ, коихъ велѣно свесть на линію, съ ихъ прежнихъ жилищъ не высылать, и земель и жилищъ у нихъ не отымать“. Здѣсь приходится предположить одно изъ двухъ: либо къ тому времени часть служилыхъ людей старой линіи еще не успѣла выселиться на новую и имъ до окончательнаго поселенія ландмилиціи на новыхъ мѣстахъ (т. е. уже на Оренбургской линіи) позволялось остаться на старой линіи (см. аналогичное постановленіе въ указѣ 27 IX 1742, 8623, п. 2); либо здѣсь рѣчь шла объ отставныхъ, принадлежавшихъ къ одной изъ тѣхъ упоминаемыхъ ниже въ текстѣ категорій, которыя должны были быть оставлены на мѣстѣ. Въ пользу послѣдняго объясненія говоритъ то обстоятельство, что указъ 5 VI 1741, 8.392 ссылается на инструкцію Оболдуеву (16 V 1740, 8107), въ которой именно объ этихъ категоріяхъ и говорится.

[2]) См. о нихъ указы 27 I 1733, 6315; 7 V 1733, 6388 и 5 V 1747, 9399. Этихъ, вѣроятно, людей имѣютъ въ виду п. 3 инструкціи Оболдуеву 16 V 1740, 8107, коимъ предписывалось оставить на прежнихъ мѣстахъ „живущихъ въ пригородкѣ Заинскѣ польской націи и русскихъ большихъ служилыхъ людей, положенныхъ въ подушный окладъ въ томъ пригородкѣ“.

[3]) Она упоминается и подъ именемъ Смоленскихъ переведенцевъ, Смоленскихъ иноземцевъ, иноземцевъ разныхъ націй и т. д.

[4]) Въ указѣ 2 XI 1750, 9817, п. 1 говорится о Смоленскихъ переведенцахъ,

Digitized by Google

мельныхъ споровъ между поселенными отставными и Смоленскими шляхтичами Сенатъ въ 1750 г. предписалъ Казанской губ. канцеляріи разслѣдовать землевладѣніе послѣднихъ и представить о немъ вѣдомость въ Сенатъ [1]). Любопытно, что отвѣтъ Казанской губ. канцеляріи послѣдовалъ только черезъ 8 лѣтъ, хотя этотъ отвѣтъ былъ весьма несложенъ: въ немъ Казанская губ. канцелярія всего только и увѣдомляла Сенатъ, что вслѣдствіе пожара всѣ относящіеся сюда документы погибли, почему она никакихъ свѣдѣній о землевладѣніи Смоленскихъ переведенцевъ представить не можетъ [2]).... Наконецъ, послѣднюю [3]) категорію сосѣдей отставныхъ солдатъ составляли крестьяне, „сами собой" поселившіеся въ той мѣстности [4]). Ихъ также велѣно было оставить на мѣстахъ.

У отставныхъ происходили земельные споры съ означенными ихъ сосѣдями, почему въ 1742 г. и было предписано Казанской губ. канцеляріи вмѣстѣ съ ст. сов. Оболдуевымъ „учинить порядочное опредѣ-

---

поселенныхъ въ пригородкахъ Новошешминскѣ и Заинскѣ. Кромѣ того, какъ мы видѣли, Смоленскіе шляхтичи были поселены въ пригор. Тіинскѣ. Еще 10 годами ранѣе указъ 16 V 1740, 8107, п. 5 предписалъ „живущимъ въ приг. Билярскѣ отставнымъ иноземцамъ разныхъ націй съ женами и съ дѣтьми быть при прежнихъ мѣстахъ". Быть можетъ и это постановленіе имѣло въ виду Смоленскихъ иноземцевъ.

[1]) См. тотъ же указъ 2 XI 1750, 9817, п. 1.

[2]) Указъ 30 V 1762, 11.556. Сверхъ того канцелярія въ своемъ донесеніи спрашивала Сенатъ, слѣдуетъ ли отставнымъ изъ этихъ Смоленскихъ переведенцевъ сверхъ жалованныхъ имъ земель отводить земли наравнѣ съ тѣми отставными, у которыхъ жалованныхъ земель не было. Отвѣта со стороны Сената на этотъ вопросъ не послѣдовало.

[3]) Впрочемъ, кромѣ категорій, упоминаемыхъ въ текстѣ, въ нашихъ источникахъ упоминаются и нѣкоторыя другія, но такъ бѣгло, что мы ихъ лишь назовемъ. А именно: инструкція Оболдуеву 16 V 1740, 8107 пп. 2 и 4 упоминаетъ о „поселившихся прежде въ тамошнихъ городкахъ гвардіи и другихъ полковъ отставныхъ, которые въ тѣхъ городкахъ жительство имѣютъ своими домами". Что это за отставные, мы не знаемъ: Оболдуеву предписывается ихъ „ничѣмъ не касаться". Здѣсь же говорится и о „полоненникѣ Василіѣ Михеевѣ съ дѣтьми", живущемъ въ приг. Заинскѣ (его предписывается оставить на прежнемъ жилищѣ).

[4]) Такъ, та же инструкція Оболдуеву 16 V 1740, 8107, п. 6 упоминаетъ о живущихъ въ пригор. Заинскѣ „собою безъ указу" новокрещенныхъ Казанской и Нижегородской губ., изъ которыхъ одни были положены въ подушный окладъ, а другіе нѣтъ. О нихъ предписывается произвести разслѣдованіе, откуда они пришли и гдѣ они положены въ окладъ, а затѣмъ принять соотвѣтствующее рѣшеніе; на новое же поселеніе ихъ предписывалось не высылать. Далѣе, въ указѣ 2 XI 1750, 9817 говорится о татарскихъ и чувашскихъ деревняхъ, поселившихся въ окрестностяхъ Черемшанской крѣп. и Шешминскаго и Кичуевскаго фельдшанцевъ (т. е. уже на новой Закамской линіи) и предписывается представить свѣдѣнія и о ихъ числѣ и землевладѣніи и о томъ, откуда они поселились.

Digitized by Google

леніе" для ихъ предотвращенія. Было ли это опредѣленіе „учинено", или нѣтъ—мы не знаемъ; но споры все же продолжались. Со стороны Смоленскихъ переведенцевъ раздавались жалобы, что отставныхъ селятъ на пожалованныхъ ихъ предкамъ земляхъ; съ другой стороны, управленіе поселенія отставныхъ указывало на то, что часть предназначенныхъ для послѣднихъ земель (на новой линіи) занята поселившимися на нихъ чувашами и татарами, отчего отставнымъ „имѣется... утѣсненіе и обида"... Сенатъ по этимъ жалобамъ въ 1750 г. предписалъ, чтобы земли какъ Смоленской шляхты, такъ и чувашей и татаръ были оставлены за ихъ прежними владѣльцами, такъ какъ и пустыхъ земель имѣлось совершенно достаточно для поселенія отставныхъ [1]). Этимъ постановленіемъ, очевидно, былъ въ значительной степени положенъ конецъ спорамъ, число которыхъ, какъ мы видѣли уже выше, при производствѣ размежеванія во второй половинѣ 1760-ыхъ годовъ и первой половинѣ 1770-ыхъ годовъ было лишь весьма незначительно.

Приведемъ же теперь тѣ данныя, которыя имѣются въ неоднократно цитированномъ уже „описаніи" Миллера относительно сосѣдей отставныхъ солдатъ и ихъ землевладѣнія. Общее пространство территоріи 6 пригородковъ и 3 крѣпостей составляло около 282.000 дес. Изъ нихъ отставнымъ было намежевано около 187.500 дес., церквамъ около 1.000 дес., Смоленской шляхтѣ около 6.000 дес., 26 сосѣднимъ деревнямъ около 42.000 дес., и, наконецъ, оставался еще запасъ въ 45.500 дес. [2]). Кромѣ того, около 20.000 дес. находились въ спорѣ съ

[1]) Указъ 2 XI 1750, 9.817, п.п. 1 и 2.

[2]) Вотъ точныя цыфры:

	Удобная		Неудобная	
	дес.	саж.	дес.	саж.
Отставнымъ	179.575	—	8.248	1.308½
Смоленскимъ шляхтичамъ (къ 10 жительствамъ)	5.429	957½	3.218	1.487
Сосѣднимъ деревнямъ	39:257	219½		
17 церквамъ	1.020	—	—	—
Остатокъ (лѣсъ)	45.509	2.206	—	—
Итого	270.792	555	11.467	395½

Къ землямъ отставныхъ присоединены почему-то земли дѣтей отставного квартирмейстера Красильникова (160 дес. удобной и 40 дес. неудобной земли), а къ землямъ Смоленскихъ шляхтичей—земли двухъ служилыхъ татаръ. Что касается сосѣднихъ деревень, то здѣсь упоминаются поселенія новокрещеныхъ изъ мордвы, далѣе крещеныхъ и некрещеныхъ ясачныхъ татаръ, чувашъ и мордвы, служилыхъ и ясачныхъ чувашъ, поселившихся „собою" изъ экономическихъ крестьянъ и т. д. При этомъ нѣкоторые

Digitized by Google

сосѣдними владѣльцами. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, на какихъ началахъ при межеваніи отводилась земля Смоленскимъ шляхтичамъ. Въ указѣ 1768 г. [1]), согласно представленію Миллера, предписывалось межевать имъ землю, какъ впрочемъ и всѣмъ постороннимъ поселщикамъ, по межевой инструкціи 1766 г., при чемъ она и отводилась имъ по предъявленнымъ крѣпостямъ; однако, зная это, мы еще никакихъ выводовъ по отношенію къ размѣрамъ ихъ землевладѣнія сдѣлать не можемъ. Что же касается остатка въ 45.500 дес., то „описаніе" заявляетъ, что онъ состоитъ изъ лѣсныхъ угодій и разбросанъ въ разныхъ мѣстахъ, „и посему уже въ Казанской губ. не только вновь слободы селить за неимѣніемъ пашенной земли и сѣнныхъ покосовъ невозможно, но и въ поселенныя жительства помѣщать болѣе отставныхъ надежды не остается, развѣ только на упалые мѣста, т. е. на умершіе, у которыхъ дѣтей не остается"…..

Таковы данныя о состояніи поселенія отставныхъ за 1773 г., заимствованныя нами изъ описанія Миллера. Прибавимъ сюда тѣ свѣдѣнія по этому вопросу, которыя мы встрѣчаемъ въ дневникѣ путешествія Рычкова (сына) и которыя относятся приблизительно къ тому же времени. Рычковъ посѣтилъ пригородки Билярскъ, Новошешминскъ съ двумя новопостроенными при немъ слободами (Екатерининской и Петропавловской) и Заинскъ съ расположенной въ 10 в. отъ него слободой Александровской. Главная канцелярія, управлявшая всѣми поселеніями отставныхъ солдатъ, находилась въ Билярскѣ. Число обывательскихъ дворовъ составляло въ Билярскѣ 400, въ Новошешминскѣ 200 и въ Александровской слободѣ болѣе 100 (о Заинскѣ свѣдѣній нѣтъ). Занятіе всѣхъ отставныхъ составляли земледѣліе и скотоводство; въ Заинскѣ сюда присоединялось еще пчеловодство, почему „селеніе сіе превосходитъ Билярскъ и жители гораздо зажиточнѣе первыхъ". Впрочемъ, и жителями Билярска Рычковъ остался повидимому очень доволенъ, какъ видно изъ слѣдующаго отзыва его о нихъ: „каждый поселянинъ, получа увольненіе отъ службы и пришедъ на мѣсто, къ селенію его назначенное, получаетъ изъ казны довольное число денегъ, дабы помощью оныхъ могъ онъ завести всѣ экономическія потребности и могъ бы остатки своея жизни прожить въ совершенномъ покоѣ и удовольствіи. Симъ способомъ исправляются они всѣмъ нуж-

---

изъ нихъ получили полный надѣлъ (по 15 дес. на душу) изъ разсматриваемой территоріи, другіе же только добавленіе къ другимъ принадлежавшимъ имъ землямъ. Въ трехъ заселявшихся отставными мѣстахъ въ Оренбургской губ., названныхъ выше, земли было 95.451 дес.

[1]) Указъ 9 I 1768, 13.043.

Digitized by Google

нымъ для земледѣлія и съ прилежаніемъ обрабатываютъ данныя имъ во владѣніе земли" [1]).

Таковы не особенно богатыя свѣдѣнія, которыя имѣются у насъ о поселеніи отставныхъ за начало 1770-хъ гг. Между тѣмъ, для позднѣйшаго времени у насъ и такихъ данныхъ нѣтъ, почему мы и должны довольствоваться дошедшими до насъ свѣдѣніями, носящими болѣе или менѣе случайный и отрывочный характеръ, а притомъ и не всегда ясными.

Осѣдавшіе въ Казанскомъ поселеніи отставные были свободны отъ подушнаго оклада, также какъ и находившіяся при нихъ дѣти. Первое вполнѣ соотвѣтствовало общимъ принципамъ правительства, согласно которымъ отставные не подлежали подушному обложенію; второе же, напротивъ того, находилось съ этими принципами въ полномъ противорѣчіи, такъ какъ по общему правилу дѣти отставныхъ либо подлежали въ службу, либо должны были подвергнуться подушному обложенію. Не привлекая дѣтей поселенныхъ отставныхъ солдатъ ни къ тому, ни къ другому, правительство какъ бы уже въ самомъ фактѣ пребыванія ихъ на поселеніи и участія въ немъ видѣло извѣстную службу. Впрочемъ, сказанное справедливо не во всемъ своемъ объемѣ и требуетъ нѣкотораго ограниченія, такъ какъ иногда правительство прибѣгало къ поселеннымъ солдатскимъ дѣтямъ, чтобы изъ ихъ среды укомплектовать тѣ или иныя воинскія команды. При этомъ, исходя изъ того взгляда, что означенная категорія солдатскихъ дѣтей составляла какъ бы принадлежность государства или — если можно такъ выразиться — собственность его, которою оно могло распоряжаться по своему усмотрѣнію, правительство не считало эти „частные наборы" рекрутскими наборами и не обставляло ихъ связанными съ послѣдними формальностями. Но, какъ бы то ни было, такіе наборы бывали. Тѣмъ не менѣе, однако, они носили случайный характеръ и въ общемъ все же оставляли поселенныхъ въ Казанской губерніи солдатскихъ дѣтей въ ихъ положеніи группы лицъ, свободныхъ какъ отъ службы, такъ и отъ оклада [2]). Между тѣмъ правительство долго не рѣшалось положить

---

[1]) *Николай Рычковъ*, Журналъ или дневныя записки путешествія капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства 1769 и 1770 году. Въ С.П.Б-ѣ при Акад. Наукъ 1770 году, стр. 9, 27 и 36. Названныя въ текстѣ три слободы были населены отставными изъ гвардейскихъ полковъ, и о нихъ Рычковъ говоритъ: „Извѣстно уже всѣмъ, съ какими награжденіями и преимуществами отставлялись отъ службы сіи поселяне, и для того житіе и жилище ихъ должны быть превосходнѣе всѣхъ другихъ отставными населенныхъ мѣстъ".

[2]) Объ этихъ „частныхъ" наборахъ см. указъ 3 VI 1787, 16.546. Кромѣ того

Digitized by Google

конецъ этому положенію вещей, и притомъ, быть можетъ, потому, что для престарѣлыхъ и дряхлыхъ отставныхъ дѣти дѣйствительно были необходимы для веденія хозяйства. Съ другой стороны здѣсь, можетъ быть, вліяло и то обстоятельство, что на поселенныхъ отставныхъ лежали нѣкоторыя службы (какъ, напр., караулы, оберегавіе пригородковъ отъ „непріятельскихъ людей“ и т. д.)[1]; наконецъ, здѣсь, быть можетъ, играло роль и желаніе болѣе быстраго развитія земледѣлія въ поселеніи[2]). Въ концѣ концовъ, однако, правительство признало этотъ порядокъ ненормальнымъ и рѣшилось его отмѣнить. На этомъ пути ему представлялись двѣ альтернативы: либо положить поселенныхъ солдатскихъ дѣтей въ окладъ, либо привлечь ихъ къ военной службѣ. Сначала оно остановилось на первой изъ этихъ альтернативъ, чтобы затѣмъ, однако, перейти ко второй.

Насколько намъ извѣстно, еще не позднѣе 1772 г. по поводу дѣтей отставныхъ, поселенныхъ на Сибирской линіи (о послѣднихъ рѣчь у насъ будетъ идти ниже), возникъ вопросъ, не слѣдуетъ ли ихъ положить въ подушный окладъ. Дѣло это не осталось безъ движенія, и въ 1777 г. Сенатъ по этому вопросу поднесъ всеподданнѣйшій докладъ, содержаніе котораго сводилось къ слѣдующему:

1) отставные, поселенные и впредь поселяемые въ Казанской, Оренбургской и Сибирской губ., свободны отъ всякихъ службъ, поборовъ и раскладокъ;

2) до истеченія 15 лѣтъ со времени поселенія отцовъ дѣти ихъ

до насъ дошли свѣдѣнія объ одномъ изъ этихъ наборовъ, который, однако, остался неосуществленнымъ. А именно, въ 1762 г. было Выс. повелѣно кап.-поручику Матусову пересмотрѣть въ Казанскомъ поселеніи солдатскихъ дѣтей м. п. и годныхъ изъ нихъ взять въ л.-гв. Преображенскій полкъ. На основаніи этого предписанія у нихъ было взято 49 чел. въ гвардію и въ другіе полки. Однако, поселенные отставные просили отмѣнить эту мѣру, ссылаясь на то, что она ихъ въ конецъ разоряетъ. Просьбу эту признали заслуживающею уваженія, и желающіе изъ взятыхъ въ службу солдатскихъ дѣтей получили разрѣшеніе вернуться домой (указъ 4 VII 1763, 11.872).

[1]) На оба эти обстоятельства указываютъ названные въ предыдущемъ примѣчаніи отставные въ своей просьбѣ. Сенатъ предписалъ по этому поводу представить ему свѣдѣнія о лежавшихъ на поселенныхъ отставныхъ службахъ.

[2]) Еще въ 1761 г. военная коллегія предлагала Сенату у всѣхъ поселенныхъ отставныхъ, имѣющихъ по нѣскольку сыновей, впредь оставлять для хлѣбопашества только по одному, прочихъ же опредѣлять въ солдаты, „дабы они праздно шататься, а особливо въ шалости впадать не могли“ (въ то время число совершеннолѣтнихъ солдатскихъ дѣтей м. п. на поселеніи составляло 325 чел.). Сенатъ, однако, не согласился на это предложеніе и велѣлъ всѣхъ означенныхъ дѣтей оставлять при ихъ отцахъ „для наисильнѣйшаго въ поселеніи отставныхъ и въ хлѣбопашествѣ размноженія“ (указъ 5 V 1761, 11.375).

Digitized by Google

и. п. не должны быть полагаемы въ окладъ, по истеченіи же этого срока они должны быть переписываемы, при чемъ тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ „жительство и хлѣбопашество“ при отцахъ (или, по ихъ смерти, послѣ нихъ), должны быть полагаемы въ подушный окладъ наравнѣ съ государственными черносошными крестьянами съ обязанностью отбывать и рекрутскую повинность;

3) впредь означенныхъ дѣтей, какъ подлежащихъ въ подушный окладъ, не брать въ состоящія на казенномъ содержаніи школы, предоставляя ихъ отцамъ у себя учить ихъ грамотѣ и писать [1]).

Таковы были предположенія Сената; однако на нихъ не воспослѣдовало Выс. конфирмаціи, почему дѣло такъ и осталось нерѣшеннымъ. Въ новый фазисъ оно вступило лишь черезъ 7 лѣтъ, когда, по поводу поданныхъ по четвертой ревизіи сказокъ, Тобольская каз. палата вновь подняла вопросъ о томъ, какъ быть съ состоявшими на Сибирской линіи поселенными солдатскими дѣтьми. На этотъ разъ со стороны Сената было наконецъ издано постановленіе, согласно которому предписывалось тѣхъ изъ поселенныхъ солдатскихъ дѣтей, которыя навсегда должны были остаться на поселеніи, полагать въ подушный окладъ наравнѣ съ прочими государственными поселянами вѣдомства директора домоводства и съ надѣленіемъ ихъ землею „безъ недостатка“ [2]). Это постановленіе касалось одной только Сибирской линіи; но вскорѣ оно было распространено и на другія губерніи, а именно на губ. Уфимскую [3]) и Казанскую [4]), а затѣмъ въ 1786 г.—и на Симбирскую губ. [5]). Какъ разъяснилъ затѣмъ законъ 1787 г., на означен-

---

[1]) Въ дополненіе къ этому докладъ предусматривалъ, чтобы тѣ изъ означенныхъ дѣтей, которыя уже находились въ Казанскихъ и Сибирскихъ казенныхъ школахъ, оставались въ нихъ для отдачи затѣмъ въ военную службу и не подлежали положенію въ подушный окладъ, если они уже достигли 12 лѣтъ, и чтобы отцамъ по ихъ желанію были возвращаемы лишь дѣти, недостигшіе 12 лѣтъ, въ каковомъ случаѣ они подлежали положенію въ окладъ по достиженіи 15 лѣтъ.

[2]) Указъ 21 VIII 1784, 16.046.

[3]) Указъ 26 V 1785. Въ П. С. З. этотъ указъ фигурируетъ въ качествѣ указа 3 XII 1786, 16.467.

[4]) Указъ 30 IX 1785, 16.267. По новому раздѣленію на губерніи значительная часть Казанскаго поселенія перешла къ Оренбургской губерніи. Кромѣ того пригороды Тіинскъ и Ерыклинскъ и другія части поселенія перешли къ Симбирской губ. (приг. Ерыклинскъ и прежде былъ расположенъ въ Симбирской пров. Казанской губ.: см. указъ 11 X 1764, 12.259).

[5]) Указомъ 12 III 1786 г., цитируемымъ въ указѣ 8 VI 1787, 16.546. О границахъ Симбирской губ. см. предыдущее примѣчаніе. Указъ 12 III 1786 г. упоминаетъ и о Пермской губ., въ которой, насколько намъ извѣстно, отставныхъ поселенныхъ солдатъ

Digitized by Google

ныхъ солдатскихъ дѣтей легла также обязанность нести рекрутскую повинность на общихъ основаніяхъ [1]) [2]).

Между тѣмъ созданное этими законами положеніе продолжалось недолго, и уже въ концѣ 1780-ыхъ гг. правительство рѣшилось замѣнить подушный окладъ службою. А именно, въ 1789 г. было повелѣно всѣхъ дѣтей отставныхъ поселенныхъ солдатъ (во всѣхъ губерніяхъ) исключить „навсегда" изъ подушнаго оклада со сложеніемъ накопившейся на нихъ недоимки, съ тѣмъ чтобы таковые и впредь въ окладъ не полагались. Вмѣсто того предписывалось оставлять у каждаго отца для хлѣбопашества лишь по одному сыну (по его выбору), съ тѣмъ чтобы остальные по достиженіи 20 лѣтъ брались для укомплектованія войскъ [3]), въ которыхъ они должны были прослужить 15 лѣтъ. По возвращеніи со службы они должны были получать отъ казны землю,—если не имѣли ея раньше,—но и только; вспомоществованіе на обзаведеніе имъ должна была дать ихъ семья, такъ какъ они за нее служили [4]). Установивъ эти начала, законъ 1789 г. вмѣстѣ съ тѣмъ ввелъ и регистрацію солдатскихъ дѣтей: онъ возложилъ на старшинъ обязанность представлять черезъ земскія начальства въ Сенатъ и въ военную коллегію подписанные и приходскими священниками полугодовые и годовые списки родившихся и умершихъ м. и ж. п. [5]). Установленное закономъ 1789 г. сословное положеніе дѣтей отставныхъ поселенныхъ солдатъ въ теченіе остальной части изучаемой нами эпохи уже не подвергалось измѣненіямъ.

не было; она названа въ немъ, вѣроятно, потому, что онъ касается и старыхъ службъ служилыхъ людей, которые въ ней были.

[1]) Указъ 8 VI 1787, 16.546.

[2]) Когда трое поселенныхъ въ Уфимской губ. солдатскихъ дѣтей просили объ исключеніи ихъ изъ подушнаго оклада и опредѣленіи въ военную службу, ссылаясь на то, что они родились въ „солдатствѣ", Сенатъ отказался даже войти въ разсмотрѣніе объ исключеніи ихъ изъ подушнаго оклада, въ который они въ силу указа 26 V 1785 г. (3 XII 1786, 16.467) „навсегда уже" положены (указъ 11 II 1787, 16.504).

[3]) Особенно гвардіи, лейбъ-гренадерскаго и лейбъ-кирасирскаго полковъ.

[4]) Средства для этого должны были получаться путемъ продажи излишняго хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ, учрежденіе которыхъ также предписывалось излагаемымъ закономъ (на эти же средства должны были также содержаться сироты).

[5]) Указъ 23 I 1789, 16.741. Этотъ указъ для дѣтей поселенныхъ въ Оренбургской губ. отставныхъ солдатъ былъ подтвержденъ въ указѣ 30 XII 1797, 18.299. Здѣсь предписывалось комплектовать изъ нихъ Оренбургскую дивизію съ оставленіемъ для хлѣбопашества по одному сыну. Впрочемъ, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, возможно, что здѣсь разумѣлись потомки старыхъ службъ служилыхъ людей. Замѣтимъ, что въ этомъ указѣ, кажется, впервые поселенные отставные солдаты фигурируютъ подъ именемъ „пахатныхъ" солдатъ—названіе, которое за ними впослѣдствіи

Digitized by Google

Приведемъ въ заключеніе нѣсколько статистическихъ данныхъ о Казанскомъ поселеніи, относящихся къ концу вѣка. Мы не знаемъ, до котораго времени Казанское поселеніе отставныхъ пользовалось самостоятельнымъ управленіемъ; во всякомъ случаѣ послѣ 1789 г. этого управленія уже не было, и поселеніе находилось въ вѣдѣніи мѣстныхъ властей соотв. губерній [1]). Но весьма возможно, что означенная перемѣна произошла и до 1789 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ за время послѣ 1773 г., когда былъ представленъ докладъ Миллера, мы уже статистическихъ данныхъ для *всего* поселенія не имѣемъ, а имѣемъ ихъ лишь по отдѣльнымъ губерніямъ, при чемъ мы не всегда можемъ быть увѣрены въ томъ, что къ поселеннымъ отставнымъ въ томъ или другомъ случаѣ не присоединены какія либо другія категоріи отставныхъ.

Выше мы видѣли, что Казанское поселеніе уже въ 1773 г. захватило часть тогдашней Оренбургской губ. и предполагало занять еще дальнѣйшія земли въ предѣлахъ этой губерніи. Между тѣмъ, вслѣдствіе измѣненій въ губернскихъ границахъ, произведенныхъ въ 1780—81 гг., къ этимъ двумъ губерніямъ присоединилась еще Симбирская губ. Изъ тѣхъ поселеній, которыя существовали въ 1773 г., въ Казанской губ. (а именно въ Чистопольскомъ уѣздѣ) остались пригор. Билярскъ, Новошешминскъ и Старошешминскъ; къ Оренбурской перешли приг. Заинскъ и 3 крѣпости; къ Симбирской губ. приг. Ерыклинскъ и Тіинскъ и заселявшіяся тогда (т. е. съ 1773 г.) мѣстности; затѣмъ, въ Симбирскую и Оренбургскую губ. вошли и новыя поселенія отставныхъ, если таковыя возникли послѣ 1773 г.

упрочилось (см. *Вешняковъ*. Историческое обозрѣніе происхожденія государственныхъ крестьянъ. „Пахатные солдаты“ въ Ж. Мин. Гос. Им. за 1837 г.). Впослѣдствіи это названіе встрѣчается неоднократно. См., напр., указы 21 IV 1802, 20.254 и VI 1802, 20.309: въ послѣднемъ указѣ приведена форма паспорта, который пахатныя солдатскія дѣти получали при отставкѣ, съ означеніемъ, что они уволены на прежнее жилище, куда и должны слѣдовать, „не проживая нигдѣ праздно“. Далѣе, указъ VI 1805, 21.820 сообщаетъ, что дѣти пахатныхъ солдатъ не должны быть отдаваемы въ военно-сиротскія отдѣленія. Впослѣдствіи потомки пахатныхъ солдатъ назывались также малолѣтками (см. *Вишняковъ*, тамъ же). Въ замѣткѣ „Особый классъ населенія въ Чистопольскомъ уѣздѣ Казанской губ., называемый малолѣтками“ въ Ж. М. В. Д., 1853, стр. 439—441 названіе это неправильно приписывается тому, что „этимъ поселенцамъ опредѣлено было только 25 лѣтъ службы, между тѣмъ какъ по существовавшимъ тогда законамъ всѣ находящіеся на военной службѣ должны были нести ее во всю жизнь“.

[1]) См. указъ 23 I 1789, 16.741, п. 8, въ которомъ предписывается, чтобы поселенные отставные во всѣхъ губерніяхъ управлялись избранными старшинами подъ вѣдѣніемъ земскаго начальства соотв. намѣстничествъ, согласно учрежденію о губерніяхъ, и чтобы въ отношеніи „домостроительства“ они зависѣли отъ директоровъ экономіи.

Digitized by Google

Таково было распредѣленіе поселенія между тремя названными губерніями. Къ сказанному слѣдуетъ прибавить, что въ Оренбургской губ. (помимо тѣхъ частей ея, которыхъ коснулось Казанское поселеніе) шло самостоятельное поселеніе отставныхъ. Какъ мы выше упомянули, въ 1736 г. Кирилову было предписано для поселенія въ Оренбургскомъ краѣ принимать желающихъ изъ отставныхъ [1]), и это предписаніе осталось неотмѣненнымъ и впослѣдствіи, если, впрочемъ, не считать его отмѣною предписаніе посылать всѣхъ годныхъ для поселенія отставныхъ въ Казанское поселеніе. Во всякомъ случаѣ прямыхъ данныхъ о томъ, чтобы отправка отставныхъ въ Оренбургскую губ. продолжалась, у насъ сохранилось только одно [2]).

Вполнѣ сравнимы съ предыдущими только данныя, касающіяся *Казанской* губ. Здѣсь число поселенныхъ отставныхъ и ихъ потомства составляло въ 1773 г. 3.762 души [3]), по 4-й ревизіи—4.444 души [4]), а по пятой—4.609 душъ [5]). Такимъ образомъ, за 10 лѣтъ 1773—83 оно выросло на 682 чел. т. е. на 18%, тогда какъ за время 1783—1795 его ростъ шелъ уже гораздо медленнѣе (на 165 чел, т. е. 3,75%). Что касается, затѣмъ, *Оренбургской* губ., то у насъ есть данныя, согласно которымъ число отставныхъ въ ней въ 1786 г. (вѣроятно по четвертой ревизіи) составляло вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми 9.342 души [6]). Между тѣмъ, какъ мы увидимъ ниже при изученіи исторіи закамской ландмилиціи, въ эту цыфру входили не только поселенные отставные, число коихъ составляло лишь 3.454 души [7]), но и нѣкоторые категоріи старыхъ службъ служилыхъ людей, неположенныхъ въ окладъ. По пятой ревизіи число поселенныхъ отставныхъ и ихъ дѣтей въ Оренбургской губ. составляло 10.695 (по гос. окладной книгѣ за 1797 г.) и 10.471 (по гос. окладной книгѣ за 1806 г.) Однако, и въ эту сумму,

---

[1]) См. выше, стр. 41—2.

[2]) А именно, указъ 15 III 1763, 11.778 сообщаетъ объ отставленномъ въ 1755 г. каптенармусѣ л. гв. Семеновскаго полка Зубковѣ, опредѣленномъ сначала въ монастырь, но затѣмъ назначенномъ къ отсылкѣ для жительства на поселеніе въ г. Оренбургѣ".

[3]) Въ пригородкахъ Билярскѣ, Новошешминскѣ и Старошешминскѣ.

[4]) См. указъ 30 IX 1785, 16.269.

[5]) См. гос. окладную книгу за 1797 г.; по гос. окладной книгѣ за 1806 г.—4.610.

[6]) А именно: 3.438 отставныхъ и 5.904 дѣтей ихъ. Сюда не входятъ отставные изъ однодворцевъ, пахатныхъ солдатъ и старыхъ службъ солдатскихъ дѣтей: ихъ общее число въ Бузулуцкой и Сергіевской округахъ составляло 1687 (указъ 3 XII 1786, 16.467).

[7]) Они названы здѣсь подъ именемъ отставныхъ поселенныхъ изъ гвардейскихъ полковъ (ихъ всего 820, дѣтей ихъ 2634, итого 3454).

Digitized by Google

какъ мы также увидимъ ниже, входили не только поселенные отставные, перешедшіе изъ Казанскаго поселенія [1]). Обращаясь, наконецъ, къ *Симбирской* губ., мы видимъ, что въ ней число „отставныхъ изъ гвардіи и полевыхъ полковъ на поселеніе“ въ 1785 г. составляло 2.849 м. п. и 3.115 ж. п. [2]), тогда какъ по гос. окладной книгѣ за 1806 г. число „отставныхъ изъ гвардіи военнослужителей“ составляло уже только 2217 душъ м. п. [3]).

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о поселеніи отставныхъ солдатъ въ другихъ губерніяхъ, кромѣ разсмотрѣнныхъ нами выше.

Въ предыдущемъ изложеніи намъ уже пришлось упомянуть поселеніе по *Сибирской* линіи. Мысль селить здѣсь отставныхъ принадлежитъ Сибирскому губернатору Соймонову. Одобренная военной коллегіей и Сенатомъ, она вошла въ указъ 1762 г., коимъ предписывалось отставныхъ солдатъ селить какъ по Сибирской линіи въ пустыхъ мѣстахъ, такъ и „въ другихъ губерніяхъ, гдѣ удобно“, и притомъ съ соблюденіемъ тѣхъ же правилъ, какъ и въ Казанской губ. (между прочимъ и относительно единонаслѣдія и дачи денежнаго жалованія и провіанта „какъ на проходъ, такъ и на обселеніе“) [4]). Затѣмъ на Сибирское поселеніе были распространены всѣ тѣ мѣры, которыя были приняты въ 1763 г. относительно Казанскаго [5]), съ тою лишь разницей, что до истеченія пятилѣтняго срока съ начала поселенія дворы предписывалось строить за счетъ казны. При этомъ главный надзоръ за Сибирскимъ поселеніемъ былъ возложенъ на Сибирскаго губернатора. Впрочемъ, кромѣ названнаго водворенія отставныхъ на линіи, поселеніе отставныхъ драгунъ въ 1766 г. было разрѣшено также и въ

---

[1]) Такіе отставные могли быть въ уѣздахъ Мензелинскомъ, Бугульминскомъ, Бугурусланскомъ и Бузулукскомъ, а также въ упраздненномъ въ 1796 г. Сергіевскомъ, такъ какъ части этихъ уѣздовъ могли входить въ прежнюю Казанскую губ. Согласно „Топографическому описанію Оренбургской губ.“, относящемуся ко времени 1797—1800 г. (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 312) число отставныхъ солдатъ и ихъ дѣтей въ губерніи составляло 6.486 м. п. и 7.095 ж. н. Какъ мы увидимъ въ другомъ мѣстѣ, несовпаденіе съ данными окладныхъ книгъ объясняется тѣмъ, что здѣсь не приведены данныя для Бугульминскаго у.

[2]) В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 406 (рук.). „Топографическое описаніе Симбирской губ.“ (точное заглавіе приведено въ томѣ I, стр. 332, прим. 2).

[3]) По уѣздамъ они въ 1806 г. распредѣлялись такъ: въ Ставропольскомъ 1.854 и въ Самарскомъ 363 души. Въ гос. окладной книгѣ за 1797 г. данныя о группахъ населенія, неположенныхъ въ окладъ, совершенно отсутствуютъ.

[4]) Указъ 9 X 1762, 11.679. О единонаслѣдіи см. указъ 21 VIII 1784, 16.046. Сибирская линія шла приблизительно по современной южной границѣ Тобольской губ.

[5]) См. выше стр. 54, указъ 22 VIII 1763, 11.902.

Digitized by Google

тѣхъ частяхъ Сибири, которыя колонизовались отправляемыми съ зачетомъ въ рекруты въ Сибирь „за продерзости" помѣщичьими людьми и крестьянами [1]). Мы знаемъ уже изъ предыдущаго изложенія, что по инициативѣ Тобольской казенной палаты при четвертой ревизіи былъ поднятъ вопросъ о положеніи дѣтей поселенныхъ солдатъ въ подушный окладъ. Мы знакомы уже и съ тѣми перипетіями, черезъ которыя прошелъ этотъ вопросъ: а именно въ 1784 г. Сенатъ предписалъ положить этихъ дѣтей въ окладъ, каковое рѣшеніе въ 1789 г. было отмѣнено, съ тѣмъ чтобы всѣ поселенныя солдатскія дѣти отдавались въ солдаты, исключая одного, оставляемаго для хлѣбопашества. Теперь, въ дополненіе къ изложенному, укажемъ еще на то, что въ началѣ 1780-хъ гг. (время производства четвертой ревизіи) число поселенныхъ солдатъ и ихъ дѣтей въ трехъ округахъ Сибирской линіи составляло 2.929 чел. [2]). Относительно отставныхъ, поселявшихся въ остальныхъ частяхъ Сибири, цифровыхъ данныхъ у насъ нѣтъ [3]). Наконецъ, для полноты нашего очерка укажемъ на предпринятое въ концѣ изучаемой нами эпохи поселеніе отставныхъ на Китайской границѣ. Дѣло въ томъ, что въ 1799 г. правительство задумало колонизацію южной части Сибири, соприкасающейся съ Китайской имперіей [4]), куда было постановлено поселить 10.000 душъ (для начала 2000 душъ). Къ 1 января 1800 г. предписывалось приготовить тамъ необходимыя на 2000 душъ строенія, земледѣльческія и другія орудія, скотъ, сѣмена и запасъ хлѣба на 2 года. Поселенія должны были заключать въ себѣ не болѣе 100 дворовъ, при чемъ на каждую душу должно было быть отведено

---

[1]) А именно: если среди послѣднихъ оказались бы неспособные къ пашнѣ, но пригодные въ драгуны, то указомъ 28 I 1766, 12.556 предписывалось опредѣлять ихъ въ драгуны, а вмѣсто нихъ селить соотвѣтствующее число драгунъ „семьянистыхъ и прилежныхъ къ домостроительству и прослужившихъ не менѣе 15 лѣтъ". О поселеніи отставныхъ въ Иркутской губ. (при рѣчкѣ Борзѣ) см. указъ 6 II 1775, 14.245.

[2]) Нѣсколько ранѣе, хотя также на основаніи данныхъ четвертой ревизіи, Тобольская казенная палата доносила, что число ихъ составляло 2.751 (изъ нихъ отставныхъ солдатъ 822, ихъ дѣтей 1556 и внуковъ 373). Кромѣ того состояло 266 отставныхъ съ 221 дѣтьми (итого 487), жившихъ въ городахъ, но назначенныхъ на поселеніе, а относительно нѣкоторыхъ отставныхъ не было свѣдѣній, отставлены ли они на пропитаніе, или на поселеніе. Всѣ приведенныя данныя заимствованы изъ указа 21 VIII 1784, 16,046. Три округи, упоминаемыя въ текстѣ, суть: Курганская, Ишимская и Омская.

[3]) Указъ 28 I 1766, 12.556 повидимому толковался широко и примѣнялся по отношенію не къ однимъ только драгунамъ (см. объ этомъ указѣ 21 VIII 1784, 16.046).

[4]) А именно пространство между Байкаломъ, Верхней Ангарой, Нерчинскомъ и Кяхтой.

Digitized by Google

по 30 дес. Къ поселенію должны были быть привлечены—на ряду съ ссыльными и отдаваемыми въ зачетъ рекрутъ крѣпостными—также и отставные солдаты, „какіе отъ воинскихъ командъ туда назначены будутъ“. На новомъ мѣстѣ они должны были называться государственными крестьянами [1]).

Кромѣ Сибири поселеніе отставныхъ производилось также и въ *Астраханской губ.* А именно, въ 1764 г., вслѣдствіе представленія Астраханскаго губернатора Бекетова, такое поселеніе было повелѣно произвести—по примѣру Казанской и Сибирской губ.—по проходившей черезъ Астраханскую губ. Царицынской линіи [2]). Къ сожалѣнію, о ходѣ этого поселенія мы ничего не знаемъ. Затѣмъ, въ законѣ 5 V 1776 г. о переселеніи Волжскаго войска на Кавказъ предписывалось „сверхъ того поселить въ необходимо нужныхъ мѣстахъ нѣсколько изъ отставныхъ отъ военной службы на томъ самомъ основаніи, какъ оные въ Казанской губ. ген.-майоромъ Миллеромъ заселяются“ [3]). Здѣсь, очевидно, имѣлось въ виду поселеніе отставныхъ на Кавказской линіи. Изданный затѣмъ въ 1785 г. указъ объ устройствѣ Кавказской и Астраханской губ. заключалъ въ себѣ предписаніе „стараться.... умножать и обезпечивать тамошнія жительства“ (т. е. пространство отъ Кавказской линіи до Царицына и Черкасска) поселеніемъ оставныхъ солдатъ и назначалъ для такого поселенія пособіе по 20 р. на дворъ [4]). Въ виду этого въ томъ же 1785 г. было предписано всѣмъ военнымъ властямъ не отдавать отставляемыхъ солдатъ на росписки частнымъ лицамъ, но отсылать ихъ прямо къ Саратовскому и Кавказскому ген.-губернатору Потемкину [5]). Во исполненіи этого предписанія Потемкинъ уже въ 1786 г. донесъ, что имъ основаны три поселенія отставныхъ

---

[1]) Указъ 17 X 1799, 19.157. О ходѣ поселенія см. также указы 26 III 1800, 19.342 и 26 XI 1800, 19668. Послѣдній изъ нихъ заключаетъ въ себѣ постановленія о солдатскихъ дѣтяхъ, подлежавшихъ взятію на поселеніе. О безпорядкахъ при доставленіи этихъ поселенцевъ (какъ отставныхъ солдатъ, такъ и другихъ) въ южную Сибирь см. небезинтересный указъ 22 IX 1802, 20.425. Изъ него между прочимъ вытекаетъ, что на это поселеніе должны были быть отправляемы только желающіе изъ отставныхъ солдатъ и что отправленные не по своей волѣ подлежали возвращенію, чему какъ будто противорѣчитъ текстъ указа 17 X 1799, 19.157.

[2]) Указъ 5 VI 1764, 12.174, п. 10. Пунктомъ 11 этого же указа отъ поселенія были освобождены тѣ изъ отставныхъ гарнизонныхъ солдатъ, кои, живя уже долго въ Астрахани и другихъ мѣстахъ, обстроились домами, которые, въ случаѣ отправки на поселеніе, имъ пришлось бы бросить (такихъ солдатъ, по словамъ указа, было много).

[3]) Выс. утв. докладъ кн. Потемкина 5 V 1776, 14.464.

[4]) Указъ 9 V 1785, 16.194, п. 12.

[5]) Указъ 1 VI 1785, 16.210, п. 3.

Digitized by Google

солдатъ, въ которыхъ „построеніе избъ и дворовъ.... скоро приведены будутъ къ окончанію“: село Сергіевское (между Ставрополемъ и Сѣверной крѣпостью) и слободы Сабля (между Александровымъ и Георгіевскомъ) и Малка (между Георгіевскомъ и Екатериноградомъ). Въ нихъ, по словамъ Потемкина, поселялось всего 582 отставныхъ солдата (268 чел. въ первомъ и 106 и 208 въ остальныхъ). Потемкинъ указывалъ, что многіе изъ отставныхъ „по отдаленности не имѣютъ способа женъ своихъ перевезти“ и просилъ Сенатъ издать предписаніе о высылкѣ этихъ женъ съ уплатой имъ пропитанія до линіи. Сенатъ повелѣлъ послать этихъ женъ на линію, и притомъ на тѣхъ же условіяхъ, на коихъ незадолго передъ тѣмъ солдатскія жены были отправлены въ Кременчугъ [1]). Изъ окладной книги по пятой ревизіи (за 1797 г.) мы узнаемъ, что разсмотрѣнное поселеніе производилось внѣ предѣловъ современной Астраханской губ. въ у.у. Ставропольскомъ, Александровскомъ, Моздокскомъ и Георгіевскомъ, гдѣ къ тому времени всего состояло отставныхъ солдатъ съ ихъ дѣтьми 1.062 чел. [2]). На нихъ распространялось дѣйствіе знакомаго читателю указа 1789 г. о свободѣ ихъ отъ оклада и о взятіи всѣхъ сыновей, кромѣ одного, въ военную службу [3]).

Наконецъ, мы должны упомянуть еще о поселеніи отставныхъ солдатъ на югѣ, т. е. въ губерніи Екатеринославской и обл. Таврической, соединенныхъ при Павлѣ вмѣстѣ съ Вознесенскою губ. въ одну губ. Новороссійскую, которая, въ свою очередь, при Александрѣ снова

[1]) Указъ 3 VI 1786, 16.401. Согласно рапорту Астраханской казенной палаты, помѣщенному въ Арх. Сен., дѣло № 123, 1797 г., „о волостныхъ правленіяхъ“, л. 700 (это дѣло возникло по поводу закона 7 VIII 1797, 18.082) число отставныхъ поселенныхъ въ 1787 г. солдатъ и ихъ дѣтей составляло въ Ставропольскомъ у. въ 4 поселеніяхъ (Марьинскомъ, Палагіадѣ, Михайловскомъ и Надеждѣ) 281 душъ, къ которымъ нужно еще прибавить жившихъ въ тѣхъ же поселеніяхъ „отставныхъ отъ службы,.... прибывшихъ изъ внутреннихъ губерній въ званіи поселянъ съ прочими государственными крестьянами, которые съ оными и въ окладъ положены“—въ числѣ 175 душъ (съ дѣтьми).

[2]) Согласно „Историческому очерку распространенія и устройства русскаго владычества подъ Кавказомъ и въ Закавказьѣ“ (Ж. М. В. Д., 1849, IV, стр. 309) число отставныхъ солдатъ въ Кавказской губ. составляло по пятой ревизіи 1112 чел. (эта цифра относится кажется къ времени послѣ 1802 г.).

[3]) Указъ 23 I 1789, 16.741. Это было также подтверждено указомъ 5 XI 1800, 19.633. Послѣднимъ отставные солдаты, поселенные въ Ставропольскомъ у., освобождались отъ вѣдомства волостныхъ сельскихъ начальствъ съ подчиненіемъ ихъ одной земской полиціи. Отъ общественныхъ повинностей (содержанія почтъ, починки мостовъ и дорогъ и т. д.) они не были свободны. См. объ этомъ также Арх. Сен., названное дѣло № 123, 1797 г., л. 700.

Digitized by Google

распалась на 3 губерніи: Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую. О времени и ходѣ этого поселенія мы знаемъ очень мало и можемъ здѣсь дѣлать лишь догадки. Поселеніе отставныхъ на югѣ производилось повидимому въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ: съ одной стороны, въ началѣ 1770-хъ гг. отставные были поселены на новой Днѣпровской линіи[1]); далѣе, поселеніе на югѣ, если не отставныхъ, то во всякомъ случаѣ солдатъ, имѣло мѣсто кажется и въ 1780-хъ гг.[2]); наконецъ, въ началѣ 1790-хъ гг. у Екатеринославскаго губернатора В. В. Каховскаго былъ проектъ заселить отставными солдатами и матросами оба берега р. Буга до Николаева, но мы не знаемъ, былъ ли этотъ проектъ осуществленъ, или нѣтъ [3]). Въ окладныхъ книгахъ пятой ревизіи (какъ за 1797, такъ и за 1806 г.) эти отставные значатся въ числѣ свободныхъ отъ обложенія душъ, при чемъ въ одномъ случаѣ эта свобода обосновывается на указѣ 1763 г. [4]). Въ 1800 г. былъ изданъ законъ, коимъ предписывалось къ этимъ отставнымъ примѣнить съ одной стороны только что названный указъ 1763 г., а съ другой указы 3 VI 1787, 16.546 и 23 I 1789, 16.741 и воинскій уставъ 1797 г. Послѣднему нельзя не удивляться, такъ какъ указъ 1789 г., освобождавшій поселенныхъ отставныхъ отъ оклада, какъ мы видѣли выше,

---

[1]) Въ „Спискахъ населенныхъ мѣстъ" по Екатеринославской губ. (Спб. 1863, стр. XIX) начало поселенія отставныхъ на югѣ пріурочивается къ времени проведенія новой Днѣпровской линіи (1770), когда было основано три поселенія отставныхъ: Конское (№ 293), Жеребецъ (№ 272) и Камышеватка (№ 266). Въ Арх. Сен., дѣло № 338, 1802 г., л. 40, въ рапортѣ Екатеринославскаго губернатора отъ 23 I 1803 г., названо еще сел. Новогригорьевское.

[2]) А именно, въ 1785 г. было предписано, чтобы состоящія въ разныхъ намѣстничествахъ рекрутскія жены, оставшіяся у себя въ домахъ въ 1783 г. при отправленіи мужей ихъ въ расположенные на югѣ (подъ нач. Потемкина) полки, были доставлены къ мужьямъ въ Екатеринославское нам. и Таврическую область. Общее число подлежавшихъ отправленію женъ составляло 4.425 (за отправленіемъ нѣкоторыхъ съ мужьями), при чемъ онѣ получали по одной подводѣ на двоихъ и по 5 коп. въ сутки на пропитаніе каждой. Указы 14 I 1785, 16.130 и 18 III 1785, 16.167. Въ первомъ изъ нихъ приведены цифровыя данныя по губерніямъ (въ числѣ 11); въ эти цифры, вѣроятно, вкралась опечатка, такъ какъ сумма ихъ составляетъ не 4.425, какъ въ П. С. З., но 5.026.

[3]) См. *Д. И. Багалѣй*, Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры (Оттискъ изъ „Кіевской Старины"), Кіевъ 1889, стр. 66, и Записки Имп. Одесскаго общества исторіи и древностей, т. XII, Одесса 1881, стр. 349—350. „Оба берега р. Буга до Николаева" — писалъ Каховскій т. сов. В. С. Попову (16 IV 1792 г.)—„(исключая земли, кои можетъ быть нужно будетъ отвести молдавскимъ боярамъ), полагаю я назначить для отставныхъ матросовъ и солдатъ. Дѣтки сихъ поселенцевъ, познакомясь отъ юности съ водою, будутъ вѣрно хорошими мореходцами".

[4]) 22 VIII 1763, 11.902.

Digitized by Google

отмѣнялъ указъ 1787 г., привлекавшій ихъ къ отбыванію рекрутской повинности на общихъ основаніяхъ, тогда какъ воинскій уставъ 1797 г. (1796?) о поселенныхъ отставныхъ вообще не упоминаетъ [1]). Численность поселенныхъ на югѣ отставныхъ солдатъ составляла въ 1797 г.— 1.859, а въ 1806 г.—1.955 душъ [2]).

Резюмируя все сказанное въ настоящемъ очеркѣ о поселеніи отставныхъ солдатъ, мы должны придти къ выводу, что во всей изучаемой нами территоріи число поселенныхъ отставныхъ ко времени пятой ревизіи составляло круглымъ счетомъ около 12.000 чел. м. п. [3]).

Въ заключеніе остановимся еще на одной попыткѣ поселенія отставныхъ солдатъ, занимающей особое положеніе. Императоръ Павелъ хотѣлъ поставить въ особенно выгодныя условія послѣ отставки тѣхъ нижнихъ чиновъ (не изъ дворянъ), которые служили въ воинскихъ частяхъ, состоявшихъ при немъ до вступленія его на престолъ, и которые затѣмъ были распредѣлены въ гвардейскіе полки. Поэтому, онъ въ 1800 г. предписалъ, чтобы всѣ эти лица при отставкѣ получали какъ для себя, такъ и для ихъ рожденнаго на службѣ и въ отставкѣ потомства, „право однодворцевъ", съ дарованіемъ каждому по 100 р. и надѣленіемъ землею въ Саратовской губ. въ количествѣ 15 дес. на душу. Поселеніе должно было имѣть добровольный характеръ; тѣхъ изъ этихъ солдатъ, которые уже были отставлены въ моментъ изданія

---

[1]) Указъ 10 XII 1800, 19.602, п. 8.

[2]) По отдѣльнымъ губерніямъ численность ихъ составляла

	1797	1806
Екатеринославская	1.330	1.340
Херсонская	—	68
Таврическая	529	547
	1.859	1.955

Въ 1784 г. число „поселенныхъ солдатъ" въ Екатеринославской губ. составляло 1.810, изъ коихъ 609 приходились на такія части, которыя потомъ вошли въ Вознесенскую (Херсонскую) губ., а въ 1787 г. оно составляло 1796 (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 195: „Атласъ Екатеринославскаго намѣстничества", рук., 1784, и V; 196: „Атласъ Екатеринославскаго намѣстничества, сочиненъ въ Кременчугѣ 1787" (рук.).

[3]) Если къ этому прибавить Сибирское и Астраханское поселенія, то мы получимъ цифру около 16.000 душъ. Между тѣмъ въ указѣ 23 I 1789, 16.741 число ихъ исчислено для всей Россіи въ 31.304 чел.—быть можетъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ одной изъ столь частыхъ въ П. С. З. опечатокъ, иногда совершенно искажающихъ текстъ; съ другой стороны, однако, слѣдуетъ принять во вниманіе, что, какъ мы увидимъ въ другомъ мѣстѣ, въ концѣ столѣтія уже смѣшивали поселенныхъ отставныхъ съ неположенными въ окладъ старыхъ службъ служилыми людьми, и, быть можетъ, въ приведенную сумму вмѣстѣ съ первыми вошли и послѣдніе.

Digitized by Google

закона, предписывалось розыскать и допросить относительно ихъ желанія поселиться на изложенныхъ условіяхъ. При этомъ 100 р. должны были даваться независимо отъ того, желалъ ли данный отставной поселиться въ Саратовской губ., или нѣтъ. Саратовскому губернатору было предписано назначить для этой цѣли землю на 2.000 душъ съ соотвѣтствующимъ количествомъ лѣса [1]). О ходѣ этого поселенія до насъ никакихъ данныхъ не дошло.

V. Увольненіе на собственное пропитаніе.

Солдаты, непригодные болѣе ни для гарнизонной службы, ни для службы въ разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, а съ 1739 г.— непригодные также и для поселенія, окончательно увольнялись отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ государству. Начиная съ 1793 г. такое увольненіе производилось по отношенію ко всѣмъ солдатамъ, прослужившимъ 25 лѣтъ. Какова же была дальнѣйшая участь этихъ уволенныхъ? Въ этомъ отношеніи они дѣлились на двѣ группы. Тѣ, которые могли сами себя пропитать безъ помощи государства, увольнялись „на свое пропитаніе". О тѣхъ же, которые не могли себя пропитать, заботу на себя — худо ли, хорошо ли — брало государство. Оставляя эту вторую группу до слѣдующаго отдѣла, мы здѣсь остановимся на тѣхъ отставныхъ, которые увольнялись на собственное пропитаніе.

Эти отставные могли, кажется, свободно избрать себѣ мѣстопребываніе и занятіе, хотя едва ли у нихъ, по крайней мѣрѣ до 1793 г., въ этомъ отношеніи могъ быть большой выборъ. Припомнимъ, что полную отставку, о которой здѣсь идетъ рѣчь, получали лишь солдаты, уже совершенно ни къ какой службѣ не пригодные [2]). Слѣдовательно,

---

[1]) Указъ 23 XII 1800, 19.696, въ дополненіи къ которому были изданы указы 16 I 1801, 19.718 и 20 I 1801, 19.726. Уже при Александрѣ I былъ изданъ указъ 1 (24) IV 1802, 20.243, старавшійся ограничить дѣйствіе указа 1800 г., повелѣвая держаться его буквальнаго смысла.

[2]) Вотъ характерныя слова одного указа объ условіяхъ полной отставки: „которые унтеръ-офицеры, капралы и рядовые по осмотрамъ докторскимъ и прочимъ достовѣрнымъ свидѣтельствамъ явятся *такъ увѣчны, что руками и ногами владѣть не могутъ или отъ другихъ тяжкихъ и неисцѣльныхъ болѣзней движенія не имѣютъ*, и затѣмъ не токмо къ легкимъ какимъ дѣламъ, но и на караулы посылать ихъ будетъ невозможно, такихъ отъ полевой и гарнизонной службы отставливать попрежнему, токмо при отставкѣ накрѣпко примѣчать, чтобы иногда подъ притворомъ

имѣть свое пропитаніе они могли лишь въ томъ случаѣ, если у нихъ было свое имущество, т. е. то или иное право на землю, или если кто либо бралъ ихъ на свое содержаніе (родные, бывшій помѣщикъ и т. д.). Судя по этимъ даннымъ имъ могли въ огромномъ большинствѣ случаевъ предстоять лишь двѣ альтернативы: либо вернуться на свое прежнее жилище, либо жить кое-какъ случайными заработками и подачками изо дня въ день. И то и другое мы встрѣчаемъ въ дѣйствительности. Впрочемъ, законъ упоминаетъ еще и о третьей альтернативѣ, а именно, о занятіи „промыслами и рукодѣліемъ" [1]). Это наводитъ на мысль, что приведенныя правила объ увольненіи въ полную отставку едва ли соблюдались во всей своей строгости. Мы ниже приведемъ и нѣкоторыя другія данныя, подтверждающія справедливость этой мысли. Все же, однако, мы думаемъ, что возможность заниматься „промыслами и рукодѣліемъ" едва ли была доступна многимъ.

Если мы затѣмъ перейдемъ къ разсмотрѣнію законодательства и сначала остановимся на эпохѣ отъ первой ревизіи до второй, то увидимъ, что законодательство здѣсь обыкновенно различало лицъ, вышедшихъ изъ рядовъ сельскаго населенія и послѣ отставки опять поселившихся у себя на родинѣ, отъ лицъ, происходившихъ изъ городского сословія. Первые—это отставные, которые „волею пошли въ тѣ деревни, отколь взяты" [2]): если это были государственные крестьяне—то они вернулись на свои прежніе „жеребья", а если помѣщичьи, то къ прежнимъ своимъ помѣщикамъ [3]). И въ томъ, и въ другомъ случаѣ

тягчайшей болѣзни такой отставленъ не былъ, который еще нѣкоторое время въ гарнизонѣ служить могъ бы" (указъ 5 VII 1740, 8.160). Впрочемъ, ниже мы приведемъ данныя, показывающія намъ, что едва ли это правило соблюдалось во всей своей строгости.

[1]) Такъ, напр., указъ 8 III 1723, 4.183 говоритъ: „и которые отставные офицеры и рядовые имѣютъ деревни или пашенныя земли *или какіе промыслы и рукодѣлія* и опредѣленія въ монастыри не желаютъ,..... и таковыхъ въ монастыри не отсылать".

[2]) См., напр., Выс. резолюціи на докл. пункты ген.-маіора Чернышева 19 I 1723, 4.145, рез. 6, а также указъ 9 V 1740, 8.100 о десяти иновѣрцахъ (чувашахъ, черемисахъ и татарахъ) Казанской и Нижегородской губ., отпущенныхъ по ихъ просьбѣ для пропитанія на ихъ прежнія жилища.

[3]) Такъ, напр., указъ 21 IX 1732, 6.188 (о заведеніи гарнизонныхъ школъ) среди отпущенныхъ на свое пропитаніе отставныхъ различаетъ такихъ, которые „съ данными имъ пашпортами волею своею поселятся жить на прежнихъ жеребьяхъ, откуда взяты были въ рекруты", и такихъ, „кои изъ дворовыхъ и дѣловыхъ людей взяты и по отставкѣ пошли и впредь пойдутъ въ домы къ прежнимъ своимъ господамъ".

Изъ приведенныхъ словъ мы не можемъ сдѣлать никакихъ выводовъ о томъ, сохраняли ли уходившіе на службу крестьяне (не считая, конечно, помѣщичьихъ) свои

Digitized by Google

они оставались свободными отъ обложенія [1]). Вторые—это тѣ, которые происходили „изъ купечества и мастеровыхъ“: и они могли по увольненіи вернуться домой и поселиться „въ городахъ и слободахъ попрежнему съ посадскими“ [2]). При увольненіи ихъ въ отставку предписывалось спрашивать ихъ, „какимъ они рукодѣліемъ или инымъ чѣмъ пропитаніе имѣть будутъ; и кто въ какое мастерство пойдетъ, тѣхъ записывать въ цехи, а которые въ другія работы или къ кому въ службу, тѣхъ писать въ тѣ мѣста по ихъ желанію“ [3]). Однако, согласно указу 1722 г. и они должны были при переписи писаться не въ окладъ, но только „для вѣдома“ [4]), что было подтверждено указомъ 1724 г. [5]). Впрочемъ, законъ, дѣлая приведенное различеніе, не стѣснялъ увольняемыхъ „на свое пропитаніе“ отставныхъ въ выборѣ мѣста жительства и не принуждалъ ихъ идти непремѣнно на родину; напротивъ того, въ даваемыхъ имъ при отставкѣ паспортахъ означалось, что они могутъ жить, гдѣ захотятъ [6]). Эти паспорты они должны были предъявлять мѣстнымъ властямъ, на обязанности которыхъ лежала ихъ регистрація [7]).

земельныя права; несомнѣнно только, что земля оставалась у ихъ семьи, въ лоно которой они послѣ увольненія въ отставку и возвращались. О томъ, что ихъ дѣти могли стать или съ самаго начала могли быть крестьянами, см. ниже.

[1]) См. указъ 31 VII 1722, 4.066 и Выс. рез. 19 I 1723, 4.145, рез. 6.

[2]) См. указъ 21 IX 1732, 6.188.

[3]) Указъ 31 VII 1722, 4.066.

[4]) Указъ 5 II 1722, 3.901, п. 8.

[5]) Указъ 16 IX 1724, 4.565: этимъ указомъ было повелѣно брать съ городского населенія по 1 р. 20 к. съ души, „кромѣ отставныхъ драгунъ и солдатъ и матросовъ, кои имѣютъ отпуски изъ воинскихъ коллегій и въ раскладку на полки не положены“. Кромѣ того, отставные пользовались и другими льготами: такъ, напр., въ 1729 г. было предписано оставлять свободными отъ постоя дворы отставныхъ солдатъ, уволенныхъ „за старостью и за ранами и не имѣющихъ помѣстій и вотчинъ“ (указъ 4 VI 1729, 5.419).

[6]) Выс. утв. докладъ Сената 9 V 1732, 6.046, п. 8. Впрочемъ, иногда въ паспортѣ означалось, что отставные отпущены „въ домы на свое пропитаніе“. См., напр., указъ 2 VII 1744, 8.986.

[7]) См., напр., указъ 2 VII 1744, 8.986. Уже выше, по поводу поселенія отставныхъ въ Казанской губ., мы видѣли, что эта регистрація иногда, а можетъ быть и въ большинствѣ случаевъ, оставалась мертвой буквой. Уже на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ, а именно указомъ 24 VII 1800, 19.491, въ это дѣло было внесено больше порядка, а именно: инспекторамъ войскъ было предписано обо всѣхъ отставныхъ, увольняемыхъ на свое пропитаніе, при выдачѣ имъ паспортовъ увѣдомлять губернскія правленія тѣхъ губерній, въ которыя они отпускались на жительство.

Какъ на любопытную особенность укажемъ на то, что законодательство требовало, чтобы отставные, какъ отпущенные „въ домы“, такъ и опредѣленные „къ дѣламъ“, носили нѣмецкое платье и шпаги и брили бороды. За нарушеніе этого предписанія за-

Digitized by Google

Относительно дѣйствительнаго положенія отставныхъ у насъ есть только данныя, относящіяся уже къ 1730-мъ и къ началу 1740 гг.: всѣ они свидѣтельствуютъ, что матеріальное положеніе ихъ въ то время было далеко не завидное [1]).

Передеймъ теперь ко второй ревизіи. Въ не разъ уже упомянутой нами инструкціи 16 XII 1743 г. мы встрѣчаемся и съ постановленіями объ отставныхъ, уволенныхъ на свое пропитаніе (п. 20). И здѣсь, какъ и раньше, послѣдніе дѣлятся на двѣ категоріи: тѣ изъ нихъ, которые добровольно вернулись въ свои прежнія деревни (включая и

конъ грозилъ наказаніемъ, а съ тѣмъ, „кто въ таковомъ преступленіи явится въ четвертые", велѣлъ поступать, „какъ съ раскольщикомъ". См. указъ 31 V 1726, 4.893. Въ этомъ указѣ есть много курьезныхъ подробностей: такъ, напр., предписывалось, чтобы, если въ мѣстѣ жительства отставного не окажется „такихъ людей, кто брить умѣетъ,.. то подстригать ножницами до плоти въ каждую недѣлю по дважды"; если бы у отставного не хватило средствъ на покупку нѣмецкаго сукна, предписывалось ему дѣлать мундиръ „изъ русскаго сермяжнаго сукна съ обшлагами другого цвѣта" и т. д. Еще указъ 19 IV 1722, 3.973 предписывалъ солдатамъ, увольняемымъ въ отставку, давать шпагу и мундиръ. См. также указъ 5 VII 1740, 8.160, п. 4.

[1]) Такъ, указъ 19 V 1733, 6.406 сообщаетъ, что въ полицеймейстерскую канцелярію „бывали и нынѣ непрестанно бываютъ въ приводахъ въ прошеніи милостыни: отставные солдаты... и жены ихъ и оставшія послѣ ихъ таковыхъ же жены вдовы старыя и увѣчныя"; при этомъ у отставныхъ оказываются паспорты, по которымъ имъ велѣно идти „на прежнія жилища, кто гдѣ прежде сего жилъ; а по приводахъ оные объявляютъ, что имъ кромѣ того, что питаться милостынею, обойтись и прокормить себя и сойти на прежнія мѣста нечѣмъ, а другія объявляютъ, что гдѣ они прежде взятія въ службу жили: тамо у нихъ ни родственниковъ и никого нѣтъ и кормить ихъ некому, а иные за болѣзньми и ранами не токмо что идти въ домы, но и здѣсь ходить не могутъ". Далѣе, извѣстный намъ указъ 27 XII 1736, 7.136, приглашающій отставныхъ селиться въ Казанской губ. съ надѣленіемъ ихъ тамъ землею, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ современное ему положеніе: „служащіе жъ въ арміи и въ гарнизонахъ унтеръ-офицеры и рядовые, не имѣя надежды, что они по отставкѣ отъ службы собственное свое пропитаніе имѣть будутъ *и смотря на другихъ свою братью отставныхъ, безъ опредѣленія шатающихся*, не такъ ревностно службу отправляютъ, а многіе и бѣгаютъ и, будучи въ бѣгахъ, на разбояхъ и воровствахъ являются". Затѣмъ, указъ 15 II 1739, 7.757 по поводу причинъ слабаго наплыва охотниковъ къ поселенію указываетъ на то, что „какъ извѣстно, изъ отставныхъ солдатъ, отпускаемыхъ послѣ многихъ лѣтъ службы на свое пропитаніе, *лишь немногіе имѣютъ собственное свое иждивеніе, но больше работою только однодневное пропитаніе имѣютъ*". Также и указъ 3 VIII 1743, 8.764 сообщаетъ, что многіе отставные добровольно являются на поселеніе, объявляя, что „*пропитанія не имѣютъ и шатаются праздно*". Далѣе, въ указѣ 18 XI 1742, 8.662 говорится о присылаемыхъ въ коллегію экономіи изъ главной полицмейстерской канцеляріи для опредѣленія въ богадѣльни отставныхъ солдатъ, занимающихся нищенствомъ. Наконецъ, еще указъ 20 I 1716, 2.983 освободилъ отставныхъ нижнихъ чиновъ отъ печатныхъ пошлинъ за даваемые имъ указы, „для того, что оныхъ чиновъ люди самые бѣдные"...

Digitized by Google

помѣщичьи) и живутъ тамъ на пашнѣ или кормятся работой, должны быть переписаны только для вѣдома; относительно же тѣхъ, которые живутъ въ городахъ не на пашнѣ, инструкція буквально повторяетъ приведенныя выше предписанія указа 1722 года [1]): эти отставные должны быть написаны въ цехи или въ тѣ мѣста, куда они пожелаютъ. При этомъ, однако, инструкція молчитъ по одному весьма важному пункту: должны ли эти отставные, напр., при написаніи въ цехи быть положены въ окладъ, или нѣтъ? Это молчаніе можетъ быть истолковано и въ ту и другую сторону и у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ и другихъ данныхъ, чтобы на этотъ вопросъ отвѣтить положительно или отрицательно, если не считать одного указанія, относящагося уже къ гораздо болѣе позднему времени. А именно, черезъ болѣе чѣмъ 40 лѣтъ, манифестомъ 1787 г. было предписано, чтобы всѣ лица, пробывшія на дѣйствительной военной службѣ не менѣе 25 лѣтъ и уволенныя или имѣющія быть впредь уволенными въ отставку, были свободны отъ всякихъ личныхъ казенныхъ податей [2]). Это постановленіе очевидно, имѣло въ виду отставныхъ изъ тѣхъ группъ населенія, которыя были обязаны лишь 15-лѣтнею службою, такъ какъ остальные отставные и безъ того не подлежали обложенію. Но для насъ здѣсь важно не это, а то, что черезъ годъ въ разъясненіе этого манифеста былъ изданъ законъ, согласно которому всѣ отставные солдаты, записавшіеся въ мѣщане, должны оставаться въ мѣщанскомъ окладѣ въ силу ст. 10 Гор. положенія 1785 г., по которой никто изъ положенныхъ въ мѣщанство не можетъ быть изъятъ отъ платежа соединенныхъ съ этимъ званіемъ податей [3]). Вѣроятно такое отношеніе къ записавшимся въ мѣщанство отставнымъ солдатамъ существовало и ранѣе, т. е. со времени изданія городового положенія 1785 г., а, быть можетъ, и до него [4]). Есть еще другой вопросъ, для рѣшенія котораго у насъ имѣются только косвенныя указанія: должны ли были отставные солдаты, желавшіе записаться въ городское сословіе, получать согласіе того общества, къ которому они хотѣли приписаться, или же могли записаться и безъ его согласія. Надо думать, что такое согласіе было необходимо [5]).

---

[1]) Указъ 31 VII 1722, 4.066 (см. выше, стр. 78).

[2]) Манифестъ 28 VI 1787, 16.551, п. 3.

[3]) Указъ 22 V 1788, 16.670.

[4]) Указъ 21 VIII 1784, 16.046, предписывающій живущихъ по городамъ отставныхъ, „питающихся собственно собою", записать „въ мѣщанство и цехи, кто куда пожелаетъ и способенъ явится", также не заключаетъ въ себѣ никакихъ данныхъ, по разсматриваемому нами въ текстѣ вопросу.

[5]) См. ниже (прим. [1]) стр. 81), сообщеніе Нижегородской канцеляріи ревизіи о

Digitized by Google

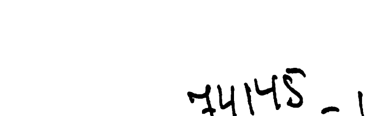
Таково было законодательство, связанное со второй ревизіей; между тѣмъ жизнь не совсѣмъ-то въ него укладывалась, по крайней мѣрѣ по отношенію къ тѣмъ отставнымъ, у которыхъ законъ предполагалъ желаніе приняться за какое-либо мастерство и т. п. и которымъ онъ предписывалъ записаться въ цехи или въ тѣ мѣста, куда они пожелаютъ. Выше мы уже высказали предположеніе, что такіе отставные могли составлять лишь незначительное число. Справедливость этого предположенія ясно обнаружилась и при производствѣ второй ревизіи и нашла свое выраженіе въ дошедшихъ до насъ доношеніяхъ нѣкоторыхъ изъ ревизоровъ. Какъ показываютъ эти доношенія, многіе изъ отставныхъ, отпущенныхъ на свое пропитаніе (съ правомъ жить, гдѣ пожелаютъ), по старости и дряхлости, вслѣдствіе ранъ и т. д. никакого ремесла не имѣли, а жили либо случайною черною работою, либо мірскимъ подаяніемъ; поэтому они въ цехи и въ услуженіе записываться не хотѣли, а если бы нѣкоторые изъ нихъ и пожелали записаться въ цехи, то ихъ едва ли бы и приняли [1]. Такимъ образомъ эти отставные, по записаніи ихъ паспортовъ, оставались „безъ опредѣленія къ мѣстамъ" и „безъ приписанія ни къ какому дѣлу". Такъ какъ подобные случаи не были предусмотрѣны постановленіями инструкціи, то канцеляріи ревизіи и не знали, какъ поступать съ такими отставными; Архангелогородская канцелярія, напримѣръ, предлагала обязать ихъ жить безотлучно въ одномъ мѣстѣ, „дабы черезъ то они безъ дѣла и въ гулякахъ не были". такъ какъ иначе, „гдѣ они впредь будутъ жить послѣ переписи, знать объ нихъ невозможно" [2]). Можно было бы подумать, что, дѣлая такое предложе-

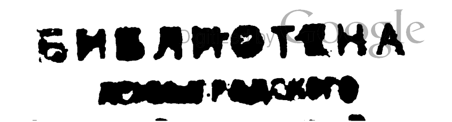

непріемѣ въ цехи; см. также только что названный указъ 21 VIII 1784, 16.046, въ которомъ Тобольская каз. палата предлагаетъ приписать въ мѣщанство и купечество тѣхъ отставныхъ, которыхъ городовое общество („купечество или мѣщанство") пожелаетъ принять.

[1]) См. указъ 2 VII 1744, 8.986. Архангелогородская канц. ревизіи объ этихъ отставныхъ, уволенныхъ съ „вѣчными" паспортами, доносила, что многіе изъ нихъ (и притомъ уроженцы разныхъ губерній) „живутъ изъ воли своей, иные въ городахъ и монастыряхъ, своими дворишками, а больше на подворьяхъ у разныхъ чиновъ людей, а ремесла никакого за собою не имѣютъ,... и оныхъ отставныхъ драгунъ, солдатъ, матросовъ въ услуженіе жъ къ себѣ никто не пріемлетъ". По доношенію Нижегородской канцеляріи ревизіи въ Нижнемъ Новгородѣ жили многіе отставные „весьма престарѣлые и дряхлые,... и хотя нѣкоторые изъ нихъ показываютъ, что отъ ремесла своего пропитаніе имѣютъ, но и тѣ за старостью въ цехъ нейдутъ; къ тому жъ уповательно, что ихъ и не примутъ. а кои никакого ремесла не имѣютъ, и оные въ другія работы и никому въ услуженіе за старостью жъ и дряхлостью итти не пожелаютъ, а кормятся мірскимъ подаяніемъ, а кромѣ того пропитанія себѣ получить не могутъ".

[2]) При этомъ канцелярія дѣлила этихъ отставныхъ на двѣ категоріи: уроженцевъ

ніе, канцелярія слишкомъ далеко заходила въ области канцелярскаго мудрствованія, такъ какъ отставные были свободны отъ оклада, почему правительству и незачѣмъ было знать, гдѣ они живутъ; однако, такой выводъ былъ бы не совсѣмъ вѣрнымъ, такъ какъ у отставныхъ могли быть дѣти, которыхъ правительство считало своею принадлежностью и которыхъ оно поэтому стремилось не терять изъ виду. Таково было мнѣніе Архангелогородской канцеляріи ревизіи; Нижегородская же канцелярія ревизіи прямо таки терялась и не знала, что дѣлать съ тѣми отставными, которые занимались ремеслами, но въ цехи или въ услуженіе записаться не хотѣли. Сенатъ издалъ по этому поводу слѣдующее постановленіе: онъ разрѣшилъ этимъ отставнымъ не писаться въ цехи или въ услуженіе, если они того не желали; не имѣющихъ же пропитанія предписалъ отдавать вмѣстѣ съ малолѣтними дѣтьми въ монастыри [1]). Однако, черезъ 6 лѣтъ Сенатъ принялъ мѣру, очень близкую къ предложенной Архангелогородской канцеляріей ревизіи. А именно, вслѣдствіе часто повторявшихся въ С.-Петербургѣ случаевъ, въ которыхъ отставные нижніе морскіе служители оказывались виновными въ „пьянствахъ, въ крикѣ караула и въ прочихъ непотребствахъ и въ прошеніи милостыни", въ 1750 г. было предписано во всѣхъ даваемыхъ отставнымъ паспортахъ писать, „что идти имъ для житья на прежнія жилища"; паспорты же для повсемѣстнаго прожитія были вовсе отмѣнены. Изъ смысла изданнаго по этому поводу закона вытекаетъ, что по отношенію къ отставнымъ военно-сухопутнаго вѣдомства подобная практика вошла въ обычай уже и раньше [2]) [3]).

Архангелогородской губ. она предлагала водворить въ мѣстахъ ихъ родины „со объявленіемъ, что они въ подушный окладъ положены не будутъ, дабы тѣ, къ кому они припишутся, въ принятіи опасности не имѣли", уроженцевъ же другихъ губерній (вслѣдствіе старости и т. д. ихъ нельзя было выслать на родину) она считала необходимымъ обязать подписками, „чтобы они жили при нынѣшнихъ мѣстахъ неотлучно, дабы черезъ то они безъ дѣла и въ гулякахъ не были".

[1]) Указъ 2 VII 1744, 8.986.

[2]) Указъ 31 V 1750, 9.753. Въ этомъ указѣ между прочимъ сообщена любопытная въ бытовомъ отношеніи исторія отставного боцмана Ѳедора Назарова и его жены. Оба они по обвиненію „въ непотребствѣ и сводничествѣ къ блудному грѣхопаденію" наказаны: Назаровъ—кошками, а жена его сѣчена (и не въ первый разъ) кнутомъ, и высланы изъ С.-Петербурга съ означеніемъ о томъ на паспортѣ. Однако Назаровъ, живя у своего брата, „зашедъ въ пустую баню, взявъ пшеничной муки и разведя на теплой водѣ, наклеилъ паспортъ на листъ картузной бумаги", чтобы на немъ не было видно надписи, и съ такимъ паспортомъ опять былъ пропущенъ въ С.-Петербургъ, гдѣ онъ (и притомъ по собственной винѣ) былъ разоблаченъ, наказанъ кнутомъ и снова высланъ изъ С.-Петербурга.

[3]) Тѣмъ не менѣе и послѣ излагаемаго указа 1750 г. мы встрѣчаемся съ отстав-

Digitized by Google

Приведенное ограниченіе, по которому отставные должны были возвращаться на прежнія жилища, могло иногда тяжело ложиться на нихъ или даже ставить ихъ въ безвыходное положеніе. Послѣднее имѣло мѣсто, напр., относительно отставныхъ, деревни которыхъ опустѣли, или такихъ, которые были куплены въ свое время для отдачи въ рекруты и затѣмъ отданы за такія деревни, которыхъ они даже совсѣмъ не знали: въ послѣднемъ случаѣ бывало, что „продавшій не смѣетъ его принять, а купившаго отставной не знаетъ, гдѣ сыскать". Иногда же отставному просто было выгоднѣе не возвращаться на прежнее жилище, когда онъ, напр., могъ найти достаточное содержаніе на частной службѣ въ качествѣ прикащика и т. под., что повидимому въ эпоху производства второй ревизіи случалось нерѣдко [1]). Послѣднее обстоятельство, между прочимъ, также можетъ служить доказательствомъ высказаннаго нами взгляда, что не всегда условія отставки соблюдались такъ строго, какъ того требовали приведенныя выше узаконенія. Это подтверждается и нѣкоторыми другими имѣющимися у насъ данными. Такъ мы, напр., выше видѣли, что нѣкоторыя команды предоставлялось составлять изъ отставныхъ, уволенныхъ на собственное пропитаніе (напр., для борьбы съ корчемствомъ, для карауловъ на фабрикахъ и при торговыхъ компаніяхъ): понятно, что такое предписаніе не имѣло бы смысла, еслибы среди этихъ отставныхъ не встрѣчались лица, къ тому еще пригодныя [2]). Далѣе, о закрытыхъ въ 1755 г. казенныхъ Низовыхъ винокуренныхъ заводахъ мы узнаемъ, что при нихъ въ моментъ ихъ

ными съ „вольными" паспортами, при чемъ подъ послѣдними, по всѣмъ вѣроятіямъ, слѣдуетъ разумѣть паспорты, дававшіе право на повсемѣстное прожитіе.

[1]) См. *Поповъ*, Татищевъ и его время, стр. 737. По словамъ Татищева, изъ отставныхъ „многіе находятся по записямъ въ прикащикахъ и другихъ управленіяхъ, понеже въ домѣхъ способныхъ служителей весьма оскудѣло и оныхъ, а паче дослуживщихъ офицерства на прежнія жилища принуждать нѣтъ пользы и имъ будетъ не безъ обиды"... Татищевъ уже въ инструкціи ко второй ревизіи и въ практикѣ ея примѣненія замѣчалъ тенденцію въ пользу возвращенія отставныхъ на ихъ прежнія жилища, тогда какъ, по его мнѣнію, „если не дать воли отставнымъ жить гдѣ кто похочетъ, то будутъ многіе шататься праздно и дѣтей ихъ въ ревизіяхъ сыскать будетъ невозможно" (тамъ же, стр. 737 и 752). Замѣтимъ кстати, что здѣсь же Татищевъ высказываетъ пожеланіе, чтобы отставка давалась уже за 15-лѣтнюю безпорочную службу.

[2]) Нѣкоторое недоумѣніе вызываетъ указъ 15 IX 1764, 12.241, заключающій въ себѣ сентенцію по дѣлу Мировича: согл. п. 4 и 5 этой сентенціи нѣкоторые изъ солдатъ, соучастниковъ Мировича, были присуждены къ распредѣленію „въ дальнія воинскія команды, въ коихъ быть имъ солдатами вѣчно". Такъ какъ быть солдатомъ „вѣчно" была участь всякаго, попадавшаго на службу, то этотъ приговоръ слѣдуетъ, вѣроятно, понять въ томъ смыслѣ, что подвергшіяся ему лица лишались права на переводъ въ болѣе близкія команды и на производство въ высшіе чины.

Digitized by Google

закрытія состояли въ числѣ 54 чел. отставные солдаты съ „вольными“ паспортами [1]); въ 1756 году губернаторамъ и воеводамъ было запрещено безъ особыхъ указовъ Сената опредѣлять „къ дѣламъ“ отставныхъ, уволенныхъ уже вовсе отъ дѣлъ, каковое запрещеніе также не имѣло бы смысла, если бы со стороны губернаторовъ не было случаевъ опредѣленія такихъ лицъ [2]).

При всемъ томъ, однако, положеніе уволенныхъ на свое пропитаніе отставныхъ и послѣ второй ревизіи было плачевное: мы уже видѣли факты, раскрытые въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ревизорами при производствѣ этой ревизіи; и послѣ этого мы неоднократно встрѣчаемся съ случаями нищенства и прошенія милостыни со стороны этого класса людей, хотя нельзя не думать, что реформа 1764 г. вообще улучшила бытъ отставныхъ, сдѣлавъ для нихъ призрѣніе со стороны государства болѣе доступнымъ и лучше организованнымъ [3]).

---

[1]) См. указъ 13 II 1755, 10.356.

[2]) Указъ 18 III 1756, 10.522. См. также указъ 5 VI 1756, 10.568, упоминающій о „вѣчно“ отставныхъ, написанныхъ по ихъ прошеніямъ „къ дѣламъ“, и предписывающій тѣмъ учрежденіямъ, въ которыхъ они будутъ служить, хранить у себя ихъ „объ отставкѣ указы и пашпорты“. Можно указать еще на указъ 21 VIII 1784, 16.046, гдѣ говорится объ уволенныхъ на свое пропитаніе отставныхъ, живущихъ въ городахъ (Тобольской губ.) „торгами и работами“, и о такихъ, которые обзавелись въ селеніяхъ (той же губ.) хозяйствомъ (ихъ всего въ губ. 519 чел.). Впрочемъ, здѣсь же упоминаются такіе отставные, которые живутъ по городамъ „праздно и безъ распредѣленія“ и вслѣдствіе старости и т. д. не могутъ „сами себѣ пропитаніе сыскать“, почему ихъ и нельзя причислить „ни въ какой родъ жизни“. Также и указъ 23 III 1759, 10.936 о представленныхъ военной коллегіи для отставки воинскихъ служителяхъ, „изъ которыхъ по усмотрѣнію оной коллегіи явились за совершенною слѣпотою, а иные за отнятіемъ ногъ и рукъ и за прочими увѣчьями не только въ Казанской губ. на поселеніи должную работу производить, но и никакого дѣла снести не могутъ“. Между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ, по собственному ихъ желанію, были опредѣлены на прежнія жилища „на свое пропитаніе“. Упомянемъ здѣсь кстати, что указъ 11 V 1782, 15.393 разрѣшилъ отставнымъ солдатамъ наниматься сидѣльцами въ питейные дома.

[3]) Такъ, напр., указъ 28 IV 1761, 11.242 сообщаетъ, что „въ Москвѣ много изъ отставныхъ за ранами солдатъ по улицамъ шатаются и милостины просятъ“, почему полицейскимъ учрежденіямъ и было предписано всѣхъ таковыхъ „скитающихся, милостыни просящихъ и въ непристойныхъ промыслахъ находящихся“ отставныхъ ловить и по допросѣ отсылать въ тѣ мѣста, „чьего они вѣдомства окажутся“, при чемъ, впрочемъ, здѣсь допускается и тотъ случай, что подъ образомъ отставныхъ скрываются „другіе какіе либо бродяги“. Указъ 29 III 1764, 12.112 сообщаетъ, что нѣкоторые отставные, уволенные на прежнія жилища или на поселеніе, вмѣсто того чтобы идти на мѣсто назначенія, „шатаются въ разныхъ мѣстахъ, отчего не иного отъ нихъ ожидать, какъ единыхъ шалостей“. Такихъ отставныхъ предписывается ловить и отсылать по назначенію. Далѣе, указъ 29 III 1766, 12.605 сообщаетъ объ отставныхъ изъ раз-

Digitized by Google

Во второй половинѣ XVIII вѣка отставные, уволенные на свое пропитаніе, дѣлились, собственно говоря, на двѣ группы: на такихъ, которые могли просуществовать собственными силами и увольнялись „на свое пропитаніе", и на такихъ, которые увольнялись къ прежнимъ помѣщикамъ, родственникамъ и т. д. Во второмъ случаѣ съ помѣщиковъ, родныхъ и т. д. брали подписку въ томъ, что они берутъ на себя пожизненное содержаніе даннаго отставного и не оставятъ его безъ средствъ, и только въ томъ случаѣ отпускали его къ нимъ, если они соглашались на это условіе [1]). Впрочемъ, для

ныхъ службъ, которымъ даны паспорты для слѣдованія на прежнія ихъ жилища и которые вмѣсто этого „взяты въ пьянствѣ, шумствѣ и прошеніи милостыни". Сенатъ по этому поводу предписалъ отсылать означенныхъ отставныхъ для разслѣдованія въ тѣ команды, хоторыя выдали имъ паспорты, и впредь не допускать ихъ „праздно и въ недозволенныхъ поступкахъ обращаться, такъ какъ на пропитаніе отставныхъ положена особая сумма, а увольнять на прежнія жилища ихъ велѣно лишь по ихъ желанію и по требованію тѣхъ мѣстъ, гдѣ они до службы находились". Указъ 12 VIII 1775, 14.357 предписываетъ учредить въ Москвѣ при полиціи богадѣльню на 100 чел. и больницу, съ тѣмъ чтобы въ нихъ помѣщались „бѣдные безгласные, какъ то: *отставные на свое пропитаніе солдаты*, приказные и духовнаго чина неимущіе" и т. д.

По поводу приведеннаго только что указа 29 III 1766, 12.605 замѣтимъ здѣсь кстати, что согласно Выс. утв. для провіантскаго правленія регуламъ 9 I 1758, 10.788, гл. VII, п. 25, увольняемые въ отставку солдаты должны были получать на проходъ до домовъ провіанту на мѣсяцъ („кромѣ тѣхъ, которые по какимъ иногда невоздержностямъ негодными себя на службѣ учинять"), а указомъ 4 IX 1760, 11.096 было предписано давать имъ нри этомъ и ямскія подводы (не менѣе одной подводы на двухъ чел.) съ уплатой прогонныхъ денегъ изъ штатсъ-конторы.

[1]) Первый случай подобнаго разграниченія встрѣчается, кажется, въ „Учрежденіи" о призрѣніи отставныхъ 26 II 1764 г., гдѣ въ п. 7 разрѣшается отпускать инвалидовъ на прежнія жилища по ихъ собственному желанію или по требованію помѣщиковъ, управителей или родныхъ. Далѣе, указъ 7 XI 1780, 15.081 говоритъ объ увольненіи отъ службы на „собственное и подписчиковъ пропитаніе". Нѣкоторые указы говорятъ объ увольненіи „на росписки частныхъ людей". См., напр., указы 9 V 1785, 16.194, п. 12 и 1 VI 1785, 16.210, п. 3, а также указы 11 II 1787, 16.504 и VI 1803, 20.829. Согласно указу X 1795, 17.402, если кто изъ выслуживишихъ 25 лѣтъ „сыщетъ родственниковъ или надежныхъ поручителей взять его и содержать на своемъ по смерти пропитаніи, то и таковыхъ, выключа изъ гарнизоновъ и инвалидныхъ командъ, отдавать съ подлежащими паспортами на пропитаніе обязавшимся, донося о таковыхъ коллегіи". Далѣе, указъ VIII 1797, 18.121 говоритъ объ увольненіи солдатъ въ отставку на ихъ собственное пропитаніе „на прежнія жилища и къ родственникамъ съ вѣрными поручительствами, чтобы они по міру не ходили"... Указъ VI 1802, 20.309, п. 1, говоритъ о родственникахъ или другихъ „надежныхъ поручителяхъ", готовыхъ пожизненно содержать покидающаго службу отставного. Указъ 10 III 1802, 20.175 разрѣшаетъ увольнять инвалидовъ на прежнія жилища къ помѣщикамъ и родственникамъ лишь по полученіи отъ губ. правленій свидѣтельствъ въ томъ, „что тѣ помѣщики или родственники на свое пропитаніе и содержаніе во всемъ по смерть ихъ пріемлютъ, съ обяза-

Digitized by Google

насъ остается неяснымъ, когда примѣнялся тотъ и другой способъ отставки [1]).

Новая эра для разсматриваемой категоріи отставныхъ наступила съ 1793 годомъ, когда стали увольнять въ отставку не только такихъ солдатъ, которыхъ служба искалѣчила или лишила рабочей способности, но и всѣхъ тѣхъ, которые прослужили 25 лѣтъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что 25-лѣтній срокъ службы былъ введенъ не сразу для всѣхъ отставныхъ. Первоначально, согласно манифесту 1793 г., онъ былъ примѣненъ только къ тѣмъ солдатамъ, которые уже прослужили 25 лѣтъ въ моментъ его изданія [2]). Послѣ него же по прежнему отъ службы увольняли только тѣхъ, которые не могли ее продолжать, и притомъ опредѣляли ихъ не на свое пропитаніе, но въ инвалиды. Положеніе послѣднихъ, какъ мы увидимъ, при Павлѣ сдѣлалось очень льготнымъ: они могли жить, гдѣ хотѣли, и все же получали жалованіе. Тѣмъ не менѣе отъ инвалидовъ поступали просьбы о томъ, чтобы ихъ отпустили на собственное пропитаніе; по этому поводу 25-лѣтній срокъ службы былъ распространенъ и на всѣхъ подлежавшихъ увольненію послѣ 1793 г. и сдѣлался, такимъ образомъ, общей нормой [3]). Понятно,

---

тельствомъ, что ихъ по міру ходить и ни до какихъ непристойныхъ поступковъ не допустятъ". Согласно указу IV 1808, 20.737 эти свидѣтельства должны были въ случаѣ увольненія не выслужившихъ 25 лѣтъ солдатъ представляться въ военную коллегію вмѣстѣ съ формулярными списками и описаніемъ увѣчій.

Упоминаемый въ указѣ 30 XI 1775, 14.388 „обрядъ, что идущіе изъ военной службы въ отставку обязываются подписками, что они впредь о пропитаніи просить не станутъ, а будутъ жить на собственномъ своемъ содержаніи", касается только дворянъ, что видно изъ упоминанія о герольдіи. Впрочемъ, указъ 29 III 1764, 12.112 упоминаетъ объ отставныхъ солдатахъ не изъ дворянъ, которыхъ обязали подписками въ томъ, „чтобы они по міру не ходили и кромѣ прежнихъ жилищъ нигдѣ не жили".

[1]) Любопытные образцы паспортовъ отставляемыхъ на свое пропитаніе изъ губернскихъ ротъ и городовыхъ командъ см. въ указѣ VI 1802, 20.309: форма I заключаетъ въ себѣ паспортъ бывшему помѣщичьему, форма II—бывшему экономическому крестьянину. Въ обоихъ случаяхъ увольняемый отставляется „на собственное пропитаніе съ тѣмъ, что дозволяется ему обратиться на прежнее свое жилище къ родственникамъ (въ № 1 прибавлено: „и съ дозволенія помѣщика имѣть у нихъ пребываніе") или же гдѣ самъ пожелаетъ жить въ Россіи во всякомъ городѣ и уѣздѣ". Далѣе, предписывается паспортъ „объявлять въ городахъ городничимъ или въ полиціяхъ, а въ уѣздахъ въ нижнихъ земскихъ судахъ, какъ скоро онъ гдѣ на жительство остаться похочетъ". Такія же постановленія заключаются въ формѣ V для взятыхъ въ службу изъ солдатскихъ дѣтей.

[2]) См. манифестъ 2 IX 1793, 17.149, ст. 6, и указъ изъ военной коллегіи X 1795, 17.402, п. 2.

[3]) Указы 21 I 1797, 17.752 и VIII 1797, 18.121.

Digitized by Google

что со времени этой реформы составъ отставныхъ долженъ былъ сильно измѣниться, такъ какъ послѣ нея отставку могли получать и люди сравнительно молодые и здоровые. Поэтому, мы теперь уже не должны удивляться, если правительство такимъ отставнымъ предлагало поступать въ почталіоны или въ пожарныя команды[1]), если оно предлагало имъ мѣсто сторожей и т. д. [2]), такъ какъ и послѣ 25-лѣтней службы они могли еще быть вполнѣ пригодными для дальнѣйшей дѣятельности на названныхъ поприщахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ названной реформой былъ сдѣланъ нѣкоторый шагъ на томъ пути, который въ концѣ концовъ привелъ къ реформѣ 1874 года.

Прежде чѣмъ покончить съ положеніемъ отставныхъ солдатъ, уволенныхъ на свое пропитаніе, мы хотѣли бы замѣтить, что одна изъ причинъ бѣдственнаго положенія, въ которомъ они часто находились, несомнѣнно лежала въ той неопредѣленности, которою характеризовались ихъ права на землю. Правда, что прямыхъ указаній на это явленіе мы за XVIII вѣкъ не имѣемъ, но вѣдь мы за эту эпоху вообще очень мало знаемъ относительно внутренняго земельнаго быта нашихъ крестьянъ. Поэтому это молчаніе ничего еще не доказываетъ. Но зато мы имѣемъ данныя за нѣсколько болѣе позднюю эпоху, а именно за 30-ые гг. XIX вѣка, и едва ли кто-нибудь будетъ оспаривать наше право примѣнить рисуемую этими данными картину и къ болѣе раннему времени. Нельзя не принять, наконецъ, во вниманіе и то обстоятельство, что за длинный періодъ своей службы отставные успѣвали отвыкнуть отъ земледѣлія и поэтому уже, конечно, не могли быть хорошими хозяевами [3]).

Приведемъ въ заключеніе тѣ статистическія данныя, которыя у насъ имѣются объ отставныхъ солдатахъ, уволенныхъ на свое пропи-

---

[1]) Объ этомъ см. выше, стр. 32.

[2]) Такъ, напримѣръ, указомъ 11 XI 1799, 19.184, п. 3, учрежденой для Тивдійскихъ и Рускольскихъ мраморныхъ ломокъ экспедиціи предписывалось для карауловъ нанимать отставныхъ солдатъ, состоящихъ на собственномъ содержаніи и т. д.

[3]) См. Истор. обозр. пятидесятилѣтія мин. гос. им., Т. II, ч. I, стр. 37 и сл. „Если", говорится здѣсь относительно времени до учрежденія министерства гос. им., „при селеніи было много земли, то въ выдѣлѣ ея солдатамъ обыкновенно не было препятствій, но малоземельныя общества такимъ отводомъ затруднялись, особенно, когда являлось сразу нѣсколько солдатъ, желавшихъ подобнаго выдѣла"... Кромѣ того, и нѣкоторые получавшіе землю солдаты предпочитали отдавать ее роднымъ, а сами занимались ремеслами, торговлей или поступали въ услуженіе.

Digitized by Google

таніе, за изучаемую нами эпоху пятой ревизіи [1]). Данныя эти сведены нами въ прилагаемой при семъ таблицѣ [2]).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТАБЛИЦѢ.

1) Въ „Атласѣ Архангельской губ. съ топографическими, историческими, экономическими и камеральными описаніями", 1797, 3 тома (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 95, рук.) приведена подъ рубрикой „отставныхъ отъ воинской службы" та же цифра 234, и съ тѣмъ же распредѣленіемъ по уѣздамъ, но съ присоединеніемъ еще 61 души для Кемскаго у. (Итого 295). Въ „Описаніи Архангельской губ." 1802 г. *фонъ Пошмана* (т. I, стр. 3 и т. II, стр. 85) число отставныхъ солдатъ въ Архангельской губ. опредѣлено въ 202.

2) Въ „Описаніи Атласа Новороссійской губерніи, составленнаго изъ 12 уѣздовъ и раздѣленнаго на 2 части. Въ Новороссійскѣ, 1799 г." (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 29, рук.) для городовъ названной губерніи приведены слѣдующія цифры „отставныхъ послѣ 25-лѣтней службы":

	м. п.	ж. п.
Новомосковскъ..	1	—
Бериславъ (нижнихъ чиновъ)......	10	12
Бахмутъ	1	—
Крѣп. Св. Димитрія Рост..........	2	—
Таганрогъ.......................	25	—
Итого	39	12

По даннымъ *А. Скальковскаго* въ Екатеринославской губ. въ 1792 г. было 245 отставныхъ солдатъ, въ таблицѣ же за 1794 г. отставные солдаты вовсе не названы (Ж. М. В. Д., 1836, IV „Историческое обозрѣніе Новороссійскаго края", стр. 495 и сл.). Согласно „Табели о состояніи Екатеринославской губ. въ 1818 г." (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 669, рук.) число „отставныхъ солдатъ" въ губерніи составляло въ то время 725 душъ м. п. и 701 душу ж. п.

3) Къ 1 января 1819 г. въ Московской губ. состояло „отставныхъ солдатъ, водворенныхъ на прежніе участки земли по уѣздамъ" 230 чел. м. п., 94 ж. п. (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 283: „Военно-топографическое обозрѣніе Московской губ.").

4) См. „Карты и планы городовъ Новгородской губ. съ статистическими примѣчаніями 1785 г." (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 300, рук.). По приведеннымъ здѣсь „табелямъ" о числѣ жителей въ городахъ губерніи, въ нихъ состояло „отставныхъ солдатъ

---

[1]) За все предшествующее XVIII столѣтіе у насъ имѣются лишь данныя объ отставныхъ по второй ревизіи въ Архангелогородской губ. А именно, согласно „Отчету объ Архангелородской губ. по второй ревизіи" (Р. Вѣстникъ, 1841, № 7, стр. 233—5) среди неположенныхъ въ окладъ по § 20 инструкціи 1743 г. числилось 1952 „отставныхъ отъ службы оберъ и унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ не изъ дворянъ и ихъ малолѣтнихъ дѣтей". О составѣ тогдашней Архангелогородской губ. см. *Арсеньевъ*, Стат. очерки Россіи, стр. 84.

[2]) Мы точно воспроизводимъ въ ней заголовки гос. окладныхъ книгъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

и другихъ разночинцевъ" 1269 душъ м. п. и 1433 ж. п.; для уѣздовъ данныхъ объ этой группѣ людей нѣтъ. Но по другой приведенной здѣсь „табели" о населеніи и доходахъ по уѣздамъ, для Старорусскаго у. названо 32 души „отставныхъ отъ службы унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ".

Въ поуѣздной „Вѣдомости о числѣ народа, обитающаго въ Новгородской губ. Января по 1-е число 1798 года" (Арх. Сен., № 169, 1798 г.) въ рубрикѣ „отставныхъ отъ службы" названо лишь 5 душъ въ Старорусскомъ уѣздѣ.

5) Изъ этой суммы 68 приходилось на Пензенскій уѣздъ. Эта же цифра 68 названа для Пензенскаго у. и въ „Вѣдомости о числѣ народа Саратовской губ. на 1800 г." въ Арх. Сен., дѣло № 279, 1800 г., „объ осмотрѣ Саратовской губ. сенаторами Неплюевымъ и фонъ-Визинымъ".

6) Согласно „Табели о числѣ душъ въ городахъ и уѣздахъ, въ Пермской губ. состоящихъ" (Арх. Сен., дѣло № 254, 1800 г. „по осмотру сенаторами Ржевскимъ и Левашевымъ Пермской губ.") „военно-служительскихъ дѣтей, прижитыхъ послѣ отставки отцовъ ихъ", въ губерніи числилось 645. Такъ какъ эта табель относится ко времени около 1800 г., то весьма вѣроятно, что эти дѣти послѣ ея составленія были отданы въ военно-сиротскія отдѣленія и выключены изъ списковъ каз. палаты. По седьмой ревизіи „отставныхъ солдатъ и ихъ дѣтей" по губерніи числилось 1697 душъ м. п. (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 333 „Краткое статистическое описаніе Пермской губ." (рук. безъ года).

7) См. Вѣдомости къ топографическимъ картамъ по уѣздамъ Саратовской губ. (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 394. Эти вѣдомости относятся къ 1804 г., какъ видно изъ слѣдующей надписи для Камышинскаго уѣзда: „Вѣдомость, сочиненная по алфавиту Саратовской губ. Камышинскаго уѣзда, съ показаніемъ въ каждомъ селеніи числа дворовъ и по 5 ревизіи мужеска пола душъ, слѣдующая того уѣзда къ геометрической картѣ, въ собств. Его И. В. депо; сочинена въ Саратовской межевой конторѣ, въ 1804 г. въ февралѣ мѣсяцѣ"). Здѣсь среди населенія г. Камышина названо „отставныхъ солдатъ" 2 души м. п. и 5 душъ ж. п. Приведенная въ таблицѣ цифра 13 относится къ Новохоперскому у. Эта же цифра приведена для Новохоперскаго у. въ названной выше (прим. 5) вѣдомости, помѣщенной въ Арх. Сен., дѣло № 279.

8) Эта же цифра приведена въ „Вѣдомости о числѣ народа въ Симбирской губ. на 1800 г." (Арх. Сен., дѣло № 285, 1800 г. „по рапорту сен. Неплюева и фонъ-Визина объ осмотрѣ Симбирской губ.").

9) Въ названной въ предыдущемъ примѣчаніи вѣдомости для „отставныхъ и разнаго рода унтеръ-офицеровъ и солдатъ, состоящихъ на своемъ пропитаніи", приведена цифра 972, при чемъ здѣсь имѣется въ виду составъ Симбирской губ., установленный при Павлѣ. Нѣкоторыя цифры о численности отставныхъ солдатъ за 1785 г. мы находимъ въ „Топографическомъ описаніи" этой губерніи (въ В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 406, рук.). Согласно этимъ даннымъ, число отставныхъ составляло 383 души м. п. и 533 ж. п.; оберъ-офицерскихъ и солдатскихъ вдовъ и рекрутскихъ женъ—47, солдатскихъ дѣтей, не опредѣленныхъ въ школу,—98; гарнизонныхъ школьниковъ—206.

10) Согласно „Вѣдомости о числѣ душъ Слободско-Украинской губ." (Арх. Сен., дѣло № 277, 1800 г. „объ осмотрѣ Слободско-Украинской губ. сенаторами Голохвастовымъ и кн. Багратіономъ") число „отставныхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ разнаго рода и ихъ дѣтей" составляло 7.007. Согласно „Топографическому описанію Харьковскаго нам.", относящемуся къ 1785 г. (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 468) число „отставныхъ отъ воинской службы нижнихъ чиновъ" составляло въ то время 2.274, изъ нихъ 1.256 въ уѣздахъ. Согласно даннымъ, помѣщеннымъ въ „Каталогахъ 10 уѣздовъ Слободско-Украинской губ. (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 471, рук. безъ года; уѣздное раздѣ-

Digitized by Google

леніе соотвѣтствуетъ времени Павла) число отставныхъ и ихъ дѣтей (выдѣлить обѣ категоріи нѣтъ возможности) составляло въ Харьковской губ. 6.423.

11) Въ „Топографическомъ и камеральномъ описаніи Тульской губ.“ (рук., относящаяся къ 1805—6 гг., В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 460) число „отставныхъ отъ воинской службы и ихъ дѣтей“ составляло также 716, при чемъ совпадаютъ и поуѣздныя данныя.

12) Въ „Топографическомъ описаніи Ярославской губ.“ (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 494, рук. безъ года; по административному раздѣленію относится къ эпохѣ отъ 1777 г. по 1796 г.) число „отставныхъ воинскихъ людей“ въ губерніи опредѣляется въ 564 души м. п. и 1640 душъ ж. п.

Приведенная таблица показываетъ намъ, что данныя гос. окладныхъ книгъ объ отставныхъ солдатахъ страдаютъ большими недостатками.

Прежде всего, для многихъ губерній эти данныя вовсе отсутствуютъ (а именно по окладной книгѣ за 1797 г. для 18 губерній [1]), а по окладной книгѣ за 1806 г.—для 13 губ., не считая въ обоихъ случаяхъ войска Донского), хотя едва ли можно думать, чтобы въ нихъ не было отставныхъ этой категоріи. Напротивъ того, для нѣкоторыхъ изъ этихъ губерній у насъ есть прямыя указанія на то, что такіе отставные въ нихъ были [2]). Затѣмъ, самое происхожденіе данныхъ, приводи-

---

[1]) Для нѣкоторыхъ изъ нихъ вообще нѣтъ данныхъ о числѣ душъ, не положенныхъ въ окладъ (сюда относятся губерніи Пермская и Симбирская), а для другихъ эти данныя весьма неполны.

[2]) А именно, мы можемъ привести слѣдующія данныя, заимствованныя изъ другихъ источниковъ:

1) *Оренбургская губ.* Арх. Сен., дѣло № 253, 1800 г. „по рапорту сен. Спиридова и Лопухина объ осмотрѣ Оренбургской губ.“. Здѣсь приведена таблица населенія по городамъ, согласно которой число отставныхъ солдатъ и ихъ дѣтей составляло въ городахъ 2891 душъ.

2) *Псковская губ.* Арх. Сен., дѣло № 247, 1800 г. „объ осмотрѣ Псковской губ. сенаторами Кумынинымъ и Кропотовымъ“. Здѣсь приведены двѣ вѣдомости о населеніи Псковской губ.: одна, представленная каз. палатой—въ ней никакихъ данныхъ объ отставныхъ солдатахъ нѣтъ; другая, представленная губ. правленіемъ—согласно послѣдней число отставныхъ въ губерніи составляло 1.267 (изъ которыхъ 649 въ городахъ и 618 въ уѣздахъ).

3) *С.-Петербургская губ.* Согласно „Топографическому описанію С.-Петербургской губ.“ (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 391 А, рук. безъ года; по административному раздѣленію губерніи, она относится по періоду отъ 1784 по 1796 г.) среди населенія Шлиссельбурга названы: „отставныхъ солдатъ 41, при нихъ ж. пола 46“.

4) *Таврическая губ.* Германъ въ своемъ „Стат. описаніи Таврической губ.“ (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 426), говоря о составныхъ элементахъ рабочихъ на виноградникахъ въ губерніи, сообщаетъ: „Третій весьма хорошій рабочій классъ людей составляютъ старые отставные солдаты, коихъ весьма мало“.

Digitized by Google

мыхъ въ таблицѣ, остается для насъ невыясненнымъ: мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, подвергались ли отставные переписи при производствѣ третьей, четвертой и пятой ревизій, какъ это было при второй ревизіи. Есть основанія думать, что они не подвергались ей, такъ какъ въ формахъ перечневыхъ вѣдомостей, разосланныхъ по поводу этихъ трехъ ревизій, о нихъ не упоминается. Отсутствіе данныхъ по столькимъ губерніямъ также говоритъ въ пользу того, что свѣдѣнія объ отставныхъ при ревизіяхъ не собирались. Между тѣмъ, если приведенныя цифры получены не посредствомъ ревизіи, то для насъ остается неизвѣстнымъ, къ какому моменту времени каждая изъ нихъ относится. Впрочемъ, если мы сравнимъ данныя за оба года (1797 и 1806) по тѣмъ губерніямъ, по которымъ они имѣются, то увидимъ, что они, за исключеніемъ двухъ губерній (Воронежской и Слободско-Украинской), мало измѣнились за время съ 1797 по 1806 г. А именно, по этимъ 11 губерніямъ [1]) они составляли 5.065 въ 1797 г. и 5.691 въ 1806 г.

Далѣе, въ терминологіи, которой придерживались отдѣльныя казенныя палаты, мы наблюдаемъ полный хаосъ: названія, подъ которыми фигурируютъ отставные солдаты и ихъ дѣти, настолько разнообразны, что для каждой губерніи приходится отвести особую графу или особыя графы. Въ этомъ отношеніи отставные солдаты превзошли всѣ остальныя группы населенія. При этомъ, если вѣрить заголовкамъ, однѣ казенныя палаты считали и отставныхъ и ихъ дѣтей, другія же только отставныхъ. При этомъ въ первомъ случаѣ выдѣлить отставныхъ въ особую группу большею частью представляется невозможнымъ. Впрочемъ, едва ли число дѣтей отставныхъ солдатъ могло быть велико вслѣдствіе стремленія правительства привлекать ихъ въ гарнизонныя школы. Итакъ, къ сожалѣнію, намъ приходится признать, что имѣющіяся въ окладныхъ книгахъ данныя объ отставныхъ солдатахъ, уволенныхъ на свое пропитаніе, должны быть признаны весьма неполными,

---

5) *Тверская губ.* Согласно „Топографическому, историческому и камеральному описанію городовъ и уѣздовъ Тверской губ." (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 442 и 443 [№ 443 отличается отъ № 442 лишь тѣмъ, что къ нему приложена карта Тверской губ.], рук. безъ года; описаніе это относится, какъ видно изъ его текста, къ 1783 г.), въ городахъ губерніи состояло „разночинцевъ, какъ-то отставныхъ солдатъ и приказныхъ" 812, и „солдатскихъ дѣтей, обучающихся въ школахъ",—281. Далѣе, согласно относящимся къ пятой ревизіи даннымъ, приводимымъ въ „Атласѣ Тверской губ. съ топографическими и экономическими примѣчаніями 1825 г." (соч. въ межевой канцеляріи) (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 792, рук.), число „отставныхъ военно-служащихъ въ губерніи" составляло 460 м. п., 535 ж. п., а число „военно-сиротскихъ воспитанниковъ"—298 м. п. и 95 ж. п.

[1]) №№ 1, 3, 5—8, 11, 17—20.

Digitized by Google

и что эта неполнота не устраняется и тѣми свѣдѣніями, которыя мы находимъ въ другихъ источникахъ [1]).

VI. Опредѣленіе въ монастыри или богадѣльни и на инвалидное содержаніе.

Если солдатъ получалъ окончательную отставку и въ то же время не имѣлъ возможности прокормиться собственными силами или съ помощью своихъ родныхъ и т. д., то онъ опредѣлялся до 1764 г.—въ монастыри, а послѣ 1764 г.—на инвалидное содержаніе.

Мы видѣли уже выше тѣ причины, которыя побуждали правительство возложить содержаніе отставныхъ на монастыри. Съ одной стороны у него не было для этого собственныхъ средствъ, съ другой стороны оно стремилось такъ или иначе извлечь пользу изъ обширныхъ земельныхъ владѣній духовенства. Поэтому еще во второй половинѣ XVII в., и притомъ даже еще и до Петра, правительство стало привлекать монастыри къ обязанности призрѣвать отставныхъ. Однако, эта обязанность получила характеръ общей мѣры уже лишь въ XVIII в., въ концѣ царствованія Петра [2]).

Первый относящійся сюда указъ былъ изданъ въ 1719 г.; послѣдовавшее за этимъ указомъ законодательство вначалѣ носило казуисти-

---

[1]) Приведемъ здѣсь нѣсколько данныхъ о численности отставныхъ солдатъ въ XIX вѣкѣ. Во всѣхъ этихъ данныхъ отставные солдаты дѣлятся на двѣ категоріи: одну (I)—подлежавшую переписи при ревизіи, хотя и не для обложенія податью, но для одного счета, и другую (II),—не подлежавшую и ревизіи.

	1829	1836 (8-я рев.).		1851 (9-я рев.).	
		м.	ж.	м.	ж.
I группа.......	4.398	32.146	36.879	30.103	25.986
II группа.......	83.791	88.706	155.268	196.881	314.086
Итого...	88.189	120.852	192.147	226.984	340.072

Эти данныя заимствованы изъ Ж. М. В. Д., 1831, № 1, 111—128; 1837, III, стр. LXXVIII—XCVI (См. также Сборникъ свѣд. о Россіи, СПБ. 1851, кн. I, стр. 54—57) и 1853, III, 61—76. Подробныя данныя о распредѣленіи отставныхъ солдатъ по занятіямъ въ Воронежской губ. въ 1857 г. см. въ „Воронежской Бесѣдѣ“ на 1861 г., изд. М. Де-Пуле и П. Глотова, СПБ., 1861, стр. 67—8.

[2]) *Горчаковъ*, Монастырскій приказъ, Спб. 1868, стр. 192; *Амфіанъ Лебедевъ*, „Отставные военные на монашескихъ порціяхъ въ монастыряхъ“ въ Чтеніяхъ въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія, 1881, Май, стр. 606—7.

Статья *Д. Березкова:* „Историческій очеркъ призрѣнія раненыхъ“ въ Военномъ Сборникѣ, 1881, №№ 1 и 3 касается лишь эпохи послѣ 1814 г.

Digitized by Google

ческій характеръ и только постепенно стало принимать болѣе или менѣе систематическія очертанія. Впрочемъ, въ томъ видѣ, какой оно приняло въ 1720-хъ г. оно почти безъ всякихъ измѣненій сохранилось и въ теченіе дальнѣйшаго своего существованія. Въ основныхъ своихъ чертахъ оно заключалось въ слѣдующемъ.

Солдаты какъ полевыхъ, такъ и гарнизонныхъ полковъ, не могущіе продолжать службу вслѣдствіе старости, ранъ или увѣчій и т. п. и въ то же время не имѣющіе своего пропитанія, опредѣлялись по ихъ просьбѣ вмѣстѣ съ семьями въ монастыри на „убылыя“ мѣста. Дальнѣйшее постриженіе въ монахи было запрещено. Помѣщенные въ монастыри отставные должны были жить въ самихъ монастыряхъ, а женатые—при монастыряхъ [1]), и получали изъ монастырскихъ средствъ „порціоны“, т.-е. хлѣбное и денежное жалованіе. Первоначально уровень послѣдняго былъ установленъ въ соотвѣтствіи съ жалованіемъ, получаемымъ служащими гарнизонныхъ полковъ данной губерніи. Вскорѣ, однакоже, это было измѣнено и имъ было предписано выдавать: рядовымъ—„противъ чернцовъ“, а унтеръ-офицерамъ—по $1^1/_2$ порціи (для отставныхъ штабъ и оберъ - офицеровъ, которые также могли быть помѣщаемы на пропитаніе въ монастыри, были установлены особые оклады). Тѣ, которые были еще способны къ труду, обязывались „быть у дѣлъ“, т.-е. исполнять разныя порученія по управленію монастырскими дѣлами [2]). Не желавшіе жить въ монастыряхъ (а женатые—при монастыряхъ) первоначально не имѣли права на полученіе порцій. Впослѣдствіи женатые могли получать порціи, проживая хотя бы и не при монастыряхъ, если только они удовлетворяли другимъ условіямъ (т.-е. были стары, увѣчны и т. д.). Если въ монастыряхъ число убылыхъ мѣстъ было недостаточно для опредѣленныхъ въ нихъ отставныхъ, то жалованье (хлѣбное и денежное) соотвѣтственнымъ образомъ убавлялось, но равномѣрно для всѣхъ, какъ монаховъ, такъ и отставныхъ. Наконецъ, выходъ изъ монастырей для находящихся въ нихъ на пропитаніи отставныхъ былъ совершенно свободенъ: всякій отставной, который сталъ бы „требовать на волю“, для того чтобы перейти,

[1]) Для чернцовъ указомъ 30 XII 1701, 1886 было установлено въ годъ по 10 р. деньгами, по 10 четвертей хлѣбомъ и дровъ „въ довольность ихъ“. Приведенная въ текстѣ мѣра означала собою значительное повышеніе жалованія отставнымъ солдатамъ.

[2]) Помимо управленія хозяйствомъ въ монастырскихъ вотчинахъ отставные, по словамъ проф. Лебедева, должны были держать караулы, быть въ разныхъ посылкахъ (напр., для сыска обвиняемыхъ къ суду), наблюдать за благочиніемъ въ церквахъ и т. д. (Тамъ же, 610).

Digitized by Google

напр., на собственное пропитаніе, долженъ былъ немедленно получить паспортъ [1]).

Таково было положеніе, какъ оно установилось еще въ первой половинѣ 1720-хъ гг. Въ этомъ видѣ оно просуществовало безъ всякихъ почти измѣненій въ теченіе всего остального времени вплоть до 1764 г. [2]).

---

[1]) Предписаніе объ отдачѣ отставныхъ на пропитаніе въ монастыри см. въ указѣ 29 VII 1719, 3409 (который ссылается и на болѣе ранніе указы); 8 IV 1720 г. это предписаніе было подтверждено по отношенію къ Троицкому Александра Невскаго монастырю, но указомъ 3 V 1720, 3576 этотъ монастырь былъ освобожденъ отъ обязанности содержать отставныхъ, при чемъ было повелѣно посылать отставныхъ „въ тѣ монастыри и богадѣльни, въ которые они востребуютъ". Этими же указами для опредѣленныхъ въ монастыри отставныхъ было установлено гарнизонное жалованіе. Новый уровень жалованья былъ введенъ указами 12 IV 1722, 3962, п. 5, и 12 X 1722, 4107: второй изъ этихъ указовъ представляетъ дословное повтореніе перваго; здѣсь же говорится о поселеніи отставныхъ въ монастыряхъ и о правѣ монастырей пользоваться ими для монастырскихъ дѣлъ. Относительно послѣдняго см. также предложеніе ревизора Чернышева, чтобы изъ посланныхъ въ монастыри отставныхъ „годныхъ посылать вмѣсто посельскихъ старцевъ, также для присмотровъ работъ на конюшенные и скотные дворы и вмѣсто дѣтенышевъ для карауловъ, а дѣтенышевъ положить въ подушный окладъ"... Резолюціи на эти предложенія не послѣдовало. См. Рез. 19 I 1723, 4145, п. 6. Объ опредѣленіи отставныхъ на убылыя мѣста съ сокращеніемъ порцій при недостаткѣ въ послѣднихъ см. указы 28 I 1723, 4151 и 8 III 1723, 4183. Отдача въ монастыри предписывается также указами 25 X 1720, 3665 и 31 I 1724, 4450 (о званіи монашескомъ: здѣсь говорится о помѣщеніи „солдатъ отставныхъ, которые трудитися не могутъ и прочихъ прямыхъ нищихъ", при чемъ всѣмъ монахамъ, которые имъ служить не будутъ, предписывается „состоять на пашнѣ и съ земли питаться"). Дозволеніе женатымъ жить, гдѣ хотятъ, дано въ указѣ 5 II 1724, 4455, а разрѣшеніе выходить изъ монастырей—въ указѣ 7 III 1729, 5376 (см. объ этомъ и указъ 9 II 1755, 10355). Замѣтимъ здѣсь, что въ указѣ 31 VII 1722, 4066 предписывается отсылать въ Синодъ (для содержанія ихъ изъ неокладныхъ доходовъ) только тѣхъ изъ неимѣющихъ пропитаніе отставныхъ, кои „жили... не на пашнѣ". Нигдѣ въ другихъ указахъ этого ограниченія нѣтъ, кромѣ резолюціи на докладные пункты г.-майора Чернышева 19 I 1723, 4145, п. 6, гдѣ этотъ указъ цитируется. Впрочемъ, не вполнѣ ясно, что здѣсь разумѣлось подъ отсылкой въ Синодъ и о какихъ неокладныхъ доходахъ здѣсь идетъ рѣчь. Какъ видно изъ одного позднѣйшаго указа (9 II 1755, 10355), отставные военные могли быть помѣщаемы въ монастыри не только въ томъ случаѣ, если они были отставлены непосредственно отъ военной службы, но и въ томъ, если они послѣ военной находились на гражданской службѣ и были отставлены отъ послѣдней.

Указъ 12 IV 1722, 3962, п. 5 и 12 X 1722, 4107 говорятъ о предписаніи учредить при монастыряхъ лазареты для отставныхъ.

[2]) Предписаніе отдавать отставныхъ въ монастыри часто подтверждалось въ теченіе этого періода. Мы не будемъ называть всѣхъ относящихся сюда законовъ, такъ какъ приводимъ ихъ по другимъ поводамъ, а назовемъ лишь указы 2 VII 1744, 8986, 10 VI 1745, 9172 (здѣсь подтверждается предписаніе сокращать порціи при недостаткѣ

Digitized by Google

Спрашивается теперь, какъ должны были отставные распредѣляться между обязанными ихъ содержать монастырями?

Замѣтимъ прежде всего, что, по словамъ проф. Лебедева, отставные должны были отсылаться какъ въ мужскіе, такъ и въ женскіе монастыри [1]). Но какъ они должны были распредѣляться между отдѣльными монастырями, объ этомъ мы почти ничего не знаемъ. Мы видѣли, что они должны были помѣщаться на „убылыя" мѣста, при чемъ дальнѣйшее постриженіе было запрещено. Смыслъ этихъ словъ былъ бы вполнѣ ясенъ, если бы число монаховъ для каждаго монастыря было точно установлено. Между тѣмъ до насъ за это время дошелъ лишь изданный для монастырей въ 1724 г. штатъ, въ которомъ никакихъ постановленій о числѣ монаховъ не заключалось [2]). Закономъ 1733 г. была произведена попытка внести въ это дѣло большій порядокъ, а именно коллегіи экономіи было предписано представить въ Сенатъ вѣдомость о томъ, какое число отставныхъ офицеровъ и солдатъ должно быть помѣщаемо въ каждомъ монастырѣ на пропитаніе по штату, затѣмъ сколько ихъ имѣется налицо, и сколько можетъ быть опредѣлено въ добавку. Другими словами, коллегіи экономіи предписывалось выработать штатъ, по которому отставные и могли бы распредѣляться по монастырямъ [3]). Однако, это предписаніе осталось неисполненнымъ,

---

свободныхъ мѣстъ) и 9 II 1755, 10355. Права быть опредѣленными въ монастыри лишались такіе отставные, которые увольнялись „за пьянство и за французскою и прочими такими болѣзньми и негодностьми".

Любопытно, что въ монастыри отсылались также отставные изъ иновѣрцевъ (татаръ, чувашъ, черемисъ и т. д.) „къ употребленію при оныхъ же монастыряхъ въ тяжкія работы, дабы они черезъ то могли превратиться въ вѣру греческаго исповѣданія". Однако указъ 12 XII 1746, 9359 отмѣнилъ это и предписалъ иновѣрцевъ, не желающихъ креститься добровольно, распредѣлять „по указамъ". Объ иновѣрцахъ см. также указъ 23 III 1759, 10.936. Среди иноземцевъ отставные офицеры, согласно указу 14 X 1732, 6.230, также помѣщались въ монастыри.

[1]) Въ послѣдніе отсылались гл. обр. офицерскія вдовы. См. *Лебедевъ*, тамъ же, стр. 612.

[2]) 22 V 1724, 4.511. *Горчаковъ*, Монастырскій приказъ, стр. 169—171 и 192—195. Въ 1724 г. въ Москвѣ былъ произведенъ разборъ помѣщенныхъ въ монастыри отставныхъ, который, однако, вслѣдствіе неприбытія многихъ отставныхъ ничѣмъ не кончился: явилось только 570 чел. изъ ближайшихъ монастырей.

[3]) Указъ 10 II 1733, 6.321. Этотъ законъ также предписывалъ коллегіи экономіи представлять ежегодные рапорты о числѣ отставныхъ, состоящихъ въ монастыряхъ, далѣе о числѣ вновь опредѣленныхъ и убылыхъ. Ежегодная присылка изъ коллегіи экономіи въ герольдмейстерскую контору вѣдомостей объ убылыхъ мѣстахъ для отставныхъ офицеровъ и солдатъ въ монастыряхъ была подтверждена указомъ 26 VI 1739, 7.843.

Digitized by Google

и въ началѣ 1740 г. вновь былъ возбужденъ вопросъ о составленіи штата для монастырей, съ установленіемъ числа монаховъ и монахинь для каждаго, при чемъ въ каждомъ монастырѣ должно было быть оставлено по нѣсколько вакансій и для отставныхъ офицеровъ и солдатъ [1].

Проф. Лебедевъ полагаетъ, впрочемъ на основаніи весьма шаткихъ данныхъ, что „число военныхъ, отсылавшихся въ монастыри, было соображаемо, по возможности, съ доходностью монастырей и численностью монашескаго населенія въ нихъ“ [2]. Однако, онъ тутъ же прибавляетъ, что въ размѣщеніи отставныхъ по монастырямъ не было строгаго порядка и равномѣрности, да ихъ и не могло быть вслѣдствіе отстутсвія у правительства вѣрныхъ свѣдѣній о числѣ вакансій въ монастыряхъ и трудности получить такія свѣдѣнія [3]. Поэтому, при распредѣленіи отставныхъ по монастырямъ, правительство „очень часто соображалось единственно съ указаніями самихъ военныхъ, а военные обыкновенно хотѣли пристроиться въ монастыри на родинѣ или, по крайней мѣрѣ, близко къ родинѣ, и въ случаѣ, если въ такихъ монастыряхъ вакансій не оказывалось, соглашались лучше ждать, чѣмъ отправляться куда нибуть на чужбину“. Однако, изъ дальнѣйшаго изложенія мы увидимъ, что такой порядокъ примѣнялся только до поры до времени.

Приведенныя постановленія о призрѣніи отставныхъ не могли быть приняты благосклонно со стороны духовныхъ властей и монастырей, и до насъ дошелъ рядъ жалобъ послѣднихъ на эту новую возложенную на нихъ повинность. Такъ, напр., Синодомъ, согласно указу 31 VII 1722 г., было ирinято 535 отставныхъ, а больше принять онъ отказывался, ссылаясь на недостатокъ доходовъ. Тѣмъ не менѣе изданная по этому поводу Выс. резолюція 19 I 1723 г. предписала продолжать отсылку престарѣлыхъ отставныхъ въ монастыри [4]. Въ 1731 г. Синодъ жаловался, что въ монастыри прислано отставныхъ офицеровъ и солдатъ „противъ настоящихъ въ монастыряхъ порцій многое излишнее число, которыхъ пропитать нечѣмъ“, при чемъ указывалъ, что опредѣляемое офицерамъ жалованье выше того, которое они получали

---

[1]) См. указъ 18 VII 1741, 8.419.

[2]) *Лебедевъ*, l. c., 612. Авторъ указываетъ лишь на владѣвшій 3000 крестьянами Курскій Знаменскій мон., въ которомъ въ 1760 г. числилось 35 монаховъ и 12 отставныхъ военныхъ, и на владѣвшую 105.000 крестьянами Троицкую-Сергіеву лавру, въ которой (какъ мы увидимъ ниже) въ 1763 г. было болѣе 800 чел. отставныхъ.

[3]) О неполнотѣ свѣдѣній правительства о земельныхъ владѣніяхъ монастырей до 1764 г. см. *Горчаковъ*, Монастырскій приказъ, стр. 136 и сл.

[4]) Рез. на докладные пункты ген.-м. Чернышева 19 I 1723, 4.145, п. 6.

Digitized by Google

на службѣ. На этотъ разъ жалоба Синода имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что жалованье отставнымъ было понижено. Этотъ пониженный окладъ былъ сохраненъ затѣмъ въ теченіе всего послѣдующаго времени [1]).

Далѣе, до насъ дошли жалобы, раздававшіяся при производствѣ второй ревизіи изъ разныхъ епархій. Согласно инструкціи ко второй ревизіи, находившіеся въ монастыряхъ отставные также должны были быть подвергнуты переписи вмѣстѣ съ дѣтьми ихъ [2]). Между тѣмъ при самомъ производствѣ ревизіи многіе изъ отставныхъ, уволенныхъ на собственное свое пропитаніе, оказались не имѣющими никакихъ средствъ, почему нѣкоторые изъ нихъ и просили о помѣщеніи ихъ въ монастыри. Въ виду этого ревизорамъ и было предписано всѣхъ такихъ отставныхъ, согласно ихъ желанію, отсылать въ монастыри [3]). Между тѣмъ духовныя власти, напротивъ того, находили, что у нихъ отставныхъ и безъ того много. Такъ, напр., духовныя власти Нижегородской епархіи указывали на то, что въ Печерскомъ монастырѣ отъ содержанія отставныхъ не только ничего не остается на монаховъ, „но еще въ передачѣ 25 р. 50 к.“; что въ Макарьевскомъ монастырѣ на отставныхъ уходитъ больше половины всѣхъ средствъ; что, кромѣ того, на этихъ монастыряхъ лежатъ еще другія обязанности (содержаніе подслѣдственныхъ и т. д.), почему свободныхъ порцій въ нихъ нѣтъ; что, наконецъ, въ остальныхъ монастыряхъ вслѣдствіе ихъ бѣдности „монахи питаются милостыней отъ доброхотныхъ дателей и своимъ рукодѣліемъ“. Вологодская епархія также указывала, что въ ней состоитъ отставныхъ на про-

---

[1]) См. указъ 31 I 1731, 5.688 и приложенную къ нему табель. Согласно послѣдней, жалованье отставныхъ должно составлять $^2/_3$ гарнизоннаго оклада, при чемъ унтеръ-офицеры и рядовые сверхъ того должны были получать провіантъ (холостые—по 3 четверти муки и $1^1/_2$ четверика крупъ въ годъ; женатые—вдвое больше). Жалованье же составляло (въ годъ):

	Въ гвардіи.	Въ прочихъ полкахъ.
Унтеръ-офицеру............	13 р. 33 к.	5 р. 49 к.
Рядовому	11 р. 33 к.	3 р. 66 к.

(До этого, согласно табели, унтеръ-офицеръ получалъ 22 р. $84^1/_4$ к., а рядовой—14 р. $89^1/_2$ коп. Впрочемъ, эти данныя табели не вполнѣ ясны и не совпадаютъ съ данными, приведенными выше на стр. 93, прим. 1. Мы видимъ изъ изложеннаго, что хлѣбное жалованье выдавалось и на женъ отставныхъ—однако это имѣло мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если бракъ состоялся уже до опредѣленія въ монастырь (см. объ этомъ указъ Синода 27 V 1763 г. у *Лебедева*, l. c., 609—610).

[2]) Инструкція 16 XII 1743, 8.836, п. 20.

[3]) Указъ 2 VII 1744, 8.986 (см. выше, стр. 82).

Digitized by Google

питаніи „противъ монашескихъ порцій съ излишествомъ“ и что дальнѣйшая присылка приведетъ монастыри „въ убожество“. Эти жалобы были поддержаны канцеляріей Синод. экон. правленія, указывавшей, что „въ архіерейскихъ домахъ убылыхъ монашескихъ порцій не имѣется, а также и Синодомъ, который просилъ Сенатъ прекратить дальнѣйшую присылку отставныхъ въ монастыри со стороны ревизоровъ. Сенатъ, однако, остался на своемъ и подтвердилъ прежнія общія постановленія объ опредѣленіи желающихъ изъ отставныхъ, не имѣющихъ пропитанія, въ монастыри, ссылаясь на то, что ихъ иначе опредѣлять некуда; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, онъ отмѣнилъ свое послѣднее постановленіе и запретилъ ревизорамъ отсылать въ монастыри такихъ отставныхъ, которые при отставкѣ „сами на свое пропитаніе просились“ и уже получили соотвѣтствующіе паспорты [1]).

Между тѣмъ недостатокъ въ убылыхъ монашескихъ порціяхъ,— по крайней мѣрѣ въ глазахъ духовныхъ властей,—былъ настолько великъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Синодъ предписалъ партію отставныхъ, посланную для опредѣленія въ монастыри, но за неопредѣленіемъ претерпѣвавшую „крайнюю въ пропитаніи бѣдность“, вернуть обратно въ команды [2]). Такіе случаи обратной отсылки отставныхъ бывали и въ 1750-ыхъ гг. „якобы за неимѣніемъ праздныхъ мѣстъ“, какъ говоритъ Им. указъ 1757 г., не особенно, повидимому, довѣрявшій жалобамъ духовныхъ властей на недостатокъ средствъ. Въ виду этого названный указъ предписалъ по прежнему посылать отставныхъ въ монастыри, гдѣ имъ давать жалованье и содержать ихъ „въ надлежащемъ порядкѣ и удовольствіи“; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возложилъ на Синодъ обязанность разслѣдовать при депутатахъ отъ военной коллегіи всѣ случаи, въ которыхъ отставные не были приняты монастырскими властями [3]).

---

[1]) Указъ 16 V 1746, 9287. Годомъ раньше, въ 1745 г., Сенатъ также сообщалъ военной коллегіи, что „въ монастыряхъ праздныхъ порціевъ нынѣ весьма мало находится“ и поэтому предписывалъ ей опредѣлять въ монастыри не всѣхъ желающихъ, но только тѣхъ, которые окажутся неспособными ни къ поселенію, ни къ опредѣленію въ другія мѣста, и притомъ съ обязательствомъ въ монастыряхъ „и послушаніе, кто какое возможетъ, исправлять безотрицательно“ (указъ 28 I 1745, 9.104).

[2]) Указъ 12 XII 1746, 9.359.

[3]) Им. указъ 18 I 1757, 10.684. Подтвержденіе о пріемѣ присылаемыхъ въ монастыри см. также въ указѣ 4 IX 1760, 11.096.

См. также въ названной статьѣ проф. Лебедева относящіяся къ 1753 г. данныя о стремленіи Курскаго Знаменскаго мон. уклониться отъ уплаты отставнымъ жалованія и относящійся къ 1758 г. отказъ настоятельницы Курскаго Троицкаго дѣвичьяго монастыря принимать отставныхъ подъ предлогомъ отсутствія убылыхъ монашескихъ порцій,

Digitized by Google

Не прошло, однако, и года со времени изданія названнаго указа 1757 г., какъ обнаружилось, что монастыри уже нѣсколько лѣтъ отставныхъ вовсе не содержали.... Поэтому, въ концѣ того же 1757 г. было предписано взять съ нихъ всѣ неуплаченныя ими порціи и построить на эти деньги инвалидные дома, для которыхъ выработать особое „учрежденіе"; впредь же по прежнему содержать отставныхъ на средства монастырей [1]). Между тѣмъ осуществленіе этого предписанія оказалось невозможнымъ „за неимѣніемъ ни вѣдомостей, ни записокъ, ни въ наличности тѣхъ прошлыхъ лѣтъ доходовъ", и повидимому правительство примирилось съ такимъ положеніемъ, такъ какъ въ томъ указѣ, изъ котораго мы объ этотъ плачевномъ положеніи узнаемъ, мы ничего не находимъ по этому вопросу, кромѣ предписанія „наличныхъ при монастыряхъ отставныхъ .... на тѣ монастырскіе доходы положить", да и впредь содержать отставныхъ изъ остаточныхъ монастырскихъ доходовъ [2]).

Таково было отношеніе духовенства къ отданнымъ на его попеченіе отставнымъ: мы видимъ, что оно очень тяготилось этой обязанностью и всячески старалось отъ отставныхъ отдѣлаться. Понятно, что положеніе отставныхъ въ монастыряхъ должно было быть при такихъ условіяхъ не особенно завиднымъ. Поэтому, мы встрѣчаемся съ жалобами и съ ихъ стороны.

Прежде всего, мы уже видѣли, что духовенство иногда годами не уплачивало отставнымъ ихъ жалованія. Случаи, въ которыхъ оно, и притомъ несмотря на повторныя требованія, столь упорно уклонялось отъ этой возложенной на него обязанности, встрѣчались, впрочемъ, и ранѣе. Особенно любопытна дошедшая до насъ жалоба „Смоленскихъ нищихъ, отставныхъ солдатъ Ивана Григорьева съ товарищи и солдатскихъ женъ вдовъ 106 человѣкъ" на неполученіе ими съ

неурожая и недостатка въ денежныхъ доходахъ (этотъ отказъ однако не былъ принятъ во вниманіе. *Лебедевъ*, l. c., 614—616).

[1]) Им. указъ 6 X 1757, 10.765 о новомъ устройствѣ управленія монастырскихъ и архіерейскихъ имѣній.

[2]) Указъ Петра III 21 III 1762, 11.481 о реформѣ управленія монастырскихъ и архіерейскихъ недвижимыхъ имѣній. Здѣсь предписывается покрывать изъ остаточныхъ монастырскихъ доходовъ „Именными Нашими указами опредѣленныя отставнымъ .....по смерть ихъ дачи и церковныя указами Нашими повелѣнныя строенія, на что изъ статскихъ доходовъ сумма употреблялась", а также содержать „богадѣленныхъ и инвалидовъ". О какой суммѣ здѣсь идетъ рѣчь—мы не знаемъ.

Состоявшіе на пропитаніи въ монастыряхъ отставные, осмотрѣнные въ 1762 г. въ Вязьмѣ ген.-лейт. фонъ-Нумерсомъ, также жаловались послѣднему, „что они уже нѣсколько времени надлежащаго имъ трактамента не получаютъ" (*Лебедевъ*, l. c., 618).

Digitized by Google

1728 года опредѣленнаго имъ по указамъ жалованья отъ епископа Смоленскаго и Дорогобужскаго. Несмотря на неоднократныя подтвержденія епископъ отказывался удовлетворить ихъ просьбу, ссылаясь на отсутствіе „денегъ въ остаткѣ“. Поэтому, въ 1736 году ему было сдѣлано седьмое подтвержденіе о выплатѣ означеннаго жалованья за время съ 1728 по 1736 г. [1]). Впрочемъ, иногда сами отставные предъявляли чрезмѣрныя требованія, почему Синодъ и отказывался ихъ удовлетворять. Такъ, въ 1726 году было прислано для опредѣленія въ монастыри 33 отставныхъ изъ гвардейскихъ полковъ, съ требованіемъ уплачивать имъ ихъ прежнее жалованье: ссылаясь на недостатокъ въ доходахъ и на то, что „отставныхъ всякаго чина служилыхъ людей прежнихъ присылокъ имѣется при всѣхъ (т. е. монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ) довольное число“, Синодъ отказался принять эти условія, заявляя вмѣстѣ съ тѣмъ, что имъ отставные „для пропитанія разсылаться будутъ неотмѣнно“ въ монастыри, но лишь на установленныя закономъ монашескія „порціи“. При этомъ Синодъ назначеніе монастыря предоставилъ своему усмотрѣнію, а не выбору самихъ отставныхъ [2]). Впрочемъ, вѣроятно лишь въ рѣдкихъ случаяхъ у духовенства были такія основательныя причины къ уклоненію отъ исполненія возложенной на него обязанности; въ большинствѣ же случаевъ, если оно оставляло, и при томъ иногда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, отставныхъ безъ жалованія, то дѣлало это просто изъ желанія отдѣлаться отъ нихъ.

Слѣдуетъ, далѣе, замѣтить, что и самый размѣръ назначеннаго отставнымъ жалованія становился, вслѣдствіе постепеннаго вздорожанія жизни, все болѣе и болѣе недостаточнымъ. Эта недостаточность была одной изъ причинъ излагаемой ниже реформы 1764 г. [3]).

Къ этому надо, далѣе, прибавить еще и разныя „утѣсненія и неудовольствія отъ монастырскихъ властей“, которыя приходилось претерпѣвать отставнымъ: неохотно принимая послѣднихъ, духовныя власти

---

[1]) Указъ 1 III 1736, 6.906.

[2]) Указъ 24 X 1726, 4969. Предписаніе о томъ, чтобы отставные распредѣлялись по монастырямъ не по ихъ выбору, но по усмотрѣнію Синода, было дано Синодомъ и въ указѣ 15 XI 1761 г. (см. указъ 15 III 1763, 11.778).

Кромѣ того бывали и случаи, что въ духовное вѣдомство присылались для опредѣленія въ монастыри такіе отставные, которые были еще пригодны къ поселенію въ Казанской губ. или къ опредѣленію въ разсыльщики или которые сами не хотѣли идти въ монастыри, почему Синодъ и обращался къ Сенату съ просьбой о неприсылкѣ такихъ лицъ (подобные случаи см., напр., въ указахъ 23 III 1759, 10.936 и 15 III 1763, 11.778).

[3]) См. ниже, стр. 101, прим. 2.

Digitized by Google

и дурно съ ними обращались. По поводу жалобъ отставныхъ на такое обращеніе уже названный нами выше Им. указъ 1757 г. предписалъ монастырямъ содержать отставныхъ „въ надлежащемъ порядкѣ и удовольствіи,.... не чиня ни малѣйшаго въ содержаніи ихъ оскорбленія, подъ опасеніемъ отъ Ея И. В. тяжкаго гнѣва и штрафа“, при чемъ Синоду было повелѣно разслѣдовать при депутатѣ отъ военной коллегіи всѣ случаи притѣсненій со стороны монастырскихъ властей [1]).

Всѣ названныя причины и приводили къ тому, что отставные, помѣщенные въ монастыри, еще далеко не могли считаться достаточно обезпеченными, и что многіе изъ нихъ, „будучи безъ пропитанія, скитаться принуждены были» [2]), и такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы жить въ монастырѣ, бродяжничали, живя милостынею, и „оказывались въ продерзостяхъ“..... [3]).

Слѣдуетъ однако замѣтить, что и отставные представляли изъ себя для монастырей элементъ чуждый, иначе дисциплинированный, да и не всегда спокойный. Они уклонялись отъ возлагавшихся на нихъ порученій [4]), затѣвали ссоры и драки, и монастырямъ не всегда удавалось справляться съ ними и „бывающія иногда отъ нихъ наглости укрощать“ [5]).

Согласно реформѣ, выработанной при Петрѣ III, содержаніе отставныхъ офицеровъ и солдатъ по прежнему должно было производиться изъ доходовъ отъ монастырскихъ владѣній. По даннымъ Синода число такихъ отставныхъ, состоявшихъ въ то время на монастырскомъ

---

[1]) Им. указъ 18 I 1757, 10.684. См. тамъ же *Лебедевъ*, l. c., 618—19.

[2]) См. тамъ же. Вотъ какъ изображаетъ Учрежденіе 26 II 1764 г., 12.060 положеніе семейныхъ отставныхъ въ монастыряхъ: „....отставные, имѣющіе у себя женъ и дѣтей, съ трудомъ могутъ себя положеннымъ окладомъ продовольствовать, и для того дѣти ихъ принуждены скитаться по міру или кормиться работой у постороннихъ, ни отцу, ни матери ихъ неизвѣстныхъ людей, и такъ наконецъ совсѣмъ пропадали, а другіе къ вотченникамъ въ подушный окладъ записывались; иные же отъ новыхъ помѣщиковъ своихъ, вѣдая, что имъ не принадлежать, бѣгая и впадая въ шалости, причиняютъ разные тѣмъ суды и слѣдствія, а иные и въ рекруты подложно записываются“.

[3]) См. указъ 28 IV 1761, 11.242, предписывающій между прочимъ канцеляріи экономическаго правленія и монастырскимъ властямъ имѣть „смотрѣніе“, чтобы ввѣренные ихъ попеченію отставные „по міру не скитались и никакихъ продерзостей не чинили и положеннымъ имъ по указамъ пропитаніемъ были довольствованы“, грозя имъ, что въ противномъ случаѣ они „безъ штрафа оставлены быть не могутъ“.

Подобное постановленіе см. также въ указѣ 29 III 1764, 12.112.

[4]) *Лебедевъ*, l. c., 611—612. Съ другой стороны и сами монастыри неохотно предоставляли отставнымъ такія мѣста, которыя давали хорошее кормленіе (тамъ же, 616).

[5]) Учрежденіе 26 II 1764, 12.060. *Лебедевъ*, l. c., 616—618.

Digitized by Google

содержаніи, составляло всего 1358 чел.: на нихъ отпускалось ежегодно 12.464 р. и 3333 четверти хлѣба [1]). Однако указамъ Петра III о секуляризаціи монастырскихъ имуществъ не суждено было осуществиться какъ вообще, такъ и по отношенію къ содержанію отставныхъ. Вскорѣ послѣ ихъ изданія—еще при жизни Петра III—было предписано пріостановить пріемъ отставныхъ до передачи монастырскихъ деревень въ вѣдомство коллегіи экономіи [2]). Но уже черезъ 2 недѣли послѣ этого указа на престолъ вступила Екатерина (28 VI 1762), и затѣмъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ, указы Петра III о секуляризаціи были отмѣнены, при чемъ содержаніе „инвалидовъ“, состоящихъ при монастыряхъ и имѣющихъ быть туда посланными, опять было возложено непосредственно на монастыри [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ вновь учрежденной комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ было повелѣно выработать планъ особыхъ домовъ при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ для раненыхъ, увѣчныхъ и т. п. отставныхъ, или—какъ ихъ все чаще начинали называть—инвалидовъ [4]).

Однако, новое правительство ознаменовало начало своей дѣятельности не только этимъ—впрочемъ лишь кратковременнымъ—возвращеніемъ къ старому порядку, но и другой мѣрой: ссылаясь на то, что у многихъ изъ опредѣленныхъ въ монастыри отставныхъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ здоровье поправилось, оно предписало произвести имъ всѣмъ разборъ, на основаніи котораго годныхъ къ военной службѣ „опредѣлить въ гарнизоны или другія службы“, не могущихъ же служить, но еще достаточно бодрыхъ для того, чтобы „на поселеніи съ пользой умножать общую сельскую экономію“,—отсылать на поселеніе въ Казанскую губернію, въ монастыряхъ же оставить лишь непригодныхъ ни къ тому, ни къ другому. Производство разбора было возложено въ Москвѣ и С.-Петербургѣ—на военную коллегію и ея контору, а въ другихъ городахъ—„кому военная коллегія заблагоразсудитъ“ [5]).

Военная коллегія возложила производство разбора въ Москвѣ и Московскомъ уѣздѣ на ген.-майоровъ Леонтьева и Протасова, въ С.-Петербургѣ—на генералъ-майора Кошкина, въ остальныхъ городахъ—на губернаторовъ и воеводъ, вмѣстѣ съ военными властями. Духовнымъ

---

[1]) См. указы 21 III 1762, 11.481, п. 9 и 6 IV 1762, 11.498.

[2]) Указъ 14 VI 1762, 11.572.

[3]) Указъ 12 VIII 1762, 11.648. При этомъ Синодъ предписалъ, чтобы инвалиды были распредѣляемы къ монастырямъ по числу имѣющихся за ними крестьянъ мужескаго пола. (См. указъ 15 III 1763, 11.778).

[4]) Инструкція комиссіи 29 XI 1762, 11.716, п. 11.

[5]) Указъ 3 X 1762, 11674.

Digitized by Google

консисторіямъ и ставропигіальнымъ монастырямъ было предписано доставить имъ именныя вѣдомости о содержащихся въ ихъ вѣдомствѣ отставныхъ. Эти вѣдомости должны были послужить основой разбора, результаты котораго должны были быть представлены въ военную коллегію. Вмѣстѣ съ тѣмъ было предписано, чтобы до окончанія смотра назначаемые къ помѣщенію въ монастыри отставные отсылались не въ Синодъ, но въ военную коллегію, для того чтобы они не остались безъ смотра и разбора [1]). Затѣмъ въ 1763 году было предписано, чтобы подобные разборы отставныхъ, находящихся въ монастыряхъ, производились губернаторами и воеводами ежегодно [2]).

Такова была исторія призрѣнія отставныхъ въ монастыряхъ. Однако, не имѣвшіе своего пропитанія отставные помѣщались не только въ монастыри, но и въ богадѣльни. О послѣднихъ въ законѣ упоминается довольно часто и притомъ большею частью рядомъ съ монастырями [3]). Мы еще въ другомъ мѣстѣ будемъ имѣть случай вернуться къ нимъ, такъ какъ въ нихъ помѣщались не только отставные солдаты, но и другія лица, нуждавшіяся въ призрѣніи. Здѣсь мы будемъ говорить о нихъ лишь поскольку онѣ должны были служить убѣжищемъ для отставныхъ солдатъ.

Уже изъ предыдущаго примѣчанія видно, что мы о помѣщеніи отставныхъ солдатъ въ богадѣльни слышимъ довольно часто. И все же мы очень мало знаемъ по этому вопросу. Мы, прежде всего, ничего не знаемъ о томъ, какъ отставные распредѣлялись между монастырями—

---

[1]) Указъ 15 III 1763, 11.778. Результаты разбора намъ неизвѣстны; мы знаемъ только, что отставныхъ, помѣщенныхъ въ Троицкой Лаврѣ, было представлено 313; между тѣмъ въ бытность Государыни въ этой Лаврѣ оказалось, что тамъ ихъ болѣе 800 человѣкъ, каковое число было признано чрезмѣрнымъ въ сравненіи съ числомъ дворовъ въ слободѣ при Лаврѣ (не болѣе 1000). Поэтому, было предписано пересмотрѣть всѣхъ 800 чел. и оставить лишь такое число, какое могутъ снести обыватели. (См. объ этомъ указъ 20 V 1763, 11.825. Здѣсь между прочимъ любопытенъ тотъ фактъ, что отставные въ Лаврѣ размѣщались постоемъ въ обывательскихъ дворахъ слободы). Прибавимъ къ сказанному, что указомъ 8 VI 1744, 8960 лавра была освобождена отъ обязанности содержать отставныхъ. Когда эта обязанность была для нея возстановлена, мы къ сожалѣнію не знаемъ.

[2]) Указъ 20 V 1763, 11.825.

[3]) См., напр., указы 29 VII 1719, 3409; 3 V 1720, 3576; 24 X 1726, 4969; 7 III 1729, 5376; 10 VI 1742, 8561; 2 VII 1744, 8986; 16 V 1746, 9287 (въ обоихъ послѣднихъ указахъ предписывается изъ подлежащихъ опредѣленію въ монастыри отставныхъ „весьма дряхлыхъ“ помѣщать въ богадѣльни, а остальныхъ въ монастыри); 9 II 1755, 10.355; 23 III 1759, 10.936 и 20 V 1763, 11.825. Кромѣ того о помѣщеніи отставныхъ въ богадѣльни говорятъ еще указы 26 III 1741, 8354; 18 XI 1742, 8662 и 5 VII 1744, 8992, которые о монастыряхъ вовсе не упоминаютъ.

Digitized by Google

съ одной стороны, и богадѣльнями — съ другой. Далѣе, относительно подвѣдомственности богадѣленъ мы знаемъ, что вѣроятно бо́льшая часть ихъ, если не всѣ, состояли въ духовномъ вѣдомствѣ. Такъ, напр., одинъ указъ 1731 г. упоминаетъ о 139 отставныхъ солдатахъ, бывшихъ въ разныхъ богадѣльняхъ вѣдомства коллегіи экономіи и затѣмъ исключенныхъ изъ нихъ по причинѣ якобы ихъ состоятельности, и на будущее время предписываетъ коллегіи экономіи опредѣлять въ богадѣльни лишь такихъ солдатъ, кои не имѣютъ ни дворовъ, ни пропитанія [1]). Далѣе, изъ одного указа 1733 г. мы узнаемъ, что при С.-Петербургскихъ церквахъ состояло 3 богадѣльни; названнымъ указомъ вслѣдствіе значительнаго числа нищихъ, среди которыхъ отставные солдаты занимали не послѣднее мѣсто, было повелѣно увеличить число богадѣленъ до 20 (по 20 чел., всего на 400 чел.). При этомъ было повелѣно ежегодно отпускать на нихъ по 100 р. на уплату кормовыхъ денегъ (по 2 к. въ день). Отставные солдаты для помѣщенія въ эти богадѣльни должны были подвергаться предварительному осмотру со стороны Сената [2]). Затѣмъ, въ 1744 г. экономическая канцелярія жаловалось на то, что на содержаніе нищихъ по ея вѣдомству опредѣлено 13.144 р. въ годъ, на каковую сумму, считая по 1 коп. въ день можно содержать по 3601 чел. въ годъ. Между тѣмъ фактически на ея попеченіи находилось 5372 чел., при чемъ къ ней продолжали присылаться „изъ командъ пойманные бродящіе нищіе, а паче отставные солдаты и солдатскія жены престарѣлые и дряхлые“, которыхъ она не знала, куда дѣвать. По этому поводу было предписано произвести разборъ въ богадѣльняхъ для удаленія изъ нихъ лицъ, не имѣющихъ права на призрѣніе или способныхъ къ труду, и для того чтобы въ нихъ могли найти помѣщеніе престарѣлые и дряхлые, „а особливо изъ отставныхъ солдатъ и ихъ женъ, понеже онымъ пропитанія, кромѣ богадѣленъ, получить уже негдѣ“ [3]). Впрочемъ, были кажется и такія богадѣльни, которыя состояли

---

[1]) Указъ 20 V 1731, 5938. Названныхъ въ текстѣ 139 чел. здѣсь предписывается вновь возвратить въ богадѣльни вслѣдствіе ихъ заявленія, „что кромѣ жалованья прокормить себя не могутъ и промысловъ никакихъ не имѣютъ и работать за ранами не могутъ“. См. также еще болѣе ранній указъ 24 X 1726, 4969, говорящій о богадѣльняхъ вѣдомства Синода.

[2]) Указъ 19 V 1733, 6406. Сумма въ 100 р. должна быть признана весьма недостаточной, такъ какъ на нее можно было содержать лишь 14 чел. Указъ 26 III 1741, 8354 предписалъ отставныхъ не изъ дворянъ, подлежавшихъ опредѣленію въ С.-Петербургскія богадѣльни, отсылать для этой цѣли въ камеръ-контору. Вѣроятно здѣсь разумѣются тѣ же самыя богадѣльни, что и въ указѣ 19 V 1733, 6406. О богадѣльняхъ вѣдомства коллегіи экономіи см. также указъ 18 XI 1742, 8662.

[3]) Указъ 26 X 1744, 9053. Въ указѣ 21 XII 1761, 11.389 также приводятся

Digitized by Google

въ свѣтскомъ вѣдомствѣ. Сюда, напр., относились вѣроятно Казанскія богадѣльни, которыя существовали съ нѣкоторыми перерывами съ 1712 г. и которыя въ 1745 г. были возобновлены съ цѣлью помѣщенія въ нихъ между прочимъ и отставныхъ солдатъ[1]). Относительно размѣровъ получавшагося помѣщенными въ богадѣльни отставными жалованья, данныя наши отрывочны; но, кажется, оно обычно колебалось отъ 1 до 2 коп. въ день на человѣка[2]).

При всей неполнотѣ имѣющихся у насъ свѣдѣній о роли богадѣленъ для отставныхъ солдатъ, мы все же, кажется, можемъ подмѣтить въ имѣющемся въ нашемъ распоряженіи матеріалѣ стремленіе правительства постепенно замѣнить монастыри, какъ убѣжище для отставныхъ солдатъ, богадѣльнями или подобными имъ учрежденіями[3]).

жалобы канцеляріи син. эк. правленія на переполненіе богадѣленъ „за многоприсланными изъ разныхъ командъ и изъ полковъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ солдатъ". Въ указѣ 16 V 1746, 9287 говорится объ архіерейскихъ госпиталяхъ и богадѣльняхъ и сообщается, что кромѣ Новгородской госпитали таковыхъ госпиталей и богадѣленъ еще нигдѣ не построено. О томъ, что отставные посылались не только въ монастыри, но и въ архіерейскіе дома, см. указъ 24 X 1726, 4969.

[1]) Богадѣльни эти были учреждены въ 1712 г. на 600 чел. съ ассигнованіемъ на нихъ по 1 к. въ день и 1 четверику муки въ мѣсяцъ на чел. Однако, съ 1724—1726 г. эти богадѣленные получали лишь хлѣбное жалованіе, а въ 1727 г. ихъ было уже только 147 чел., причемъ они получали лишь денежное жалованіе по 1 р. 80 к. на чел. Послѣ этого наступилъ полный застой до 1745 г., когда, по иниціативѣ ревизора Бардукѣевича, было предписано возобновить эти богадѣльни на тѣхъ же началахъ, на какихъ онѣ существовали по указу 1712 г., съ тѣмъ чтобы въ нихъ назначались отставные, непригодные для поселенія. Кромѣ того, въ то время (1745) въ Казани было 6 „партикулярныхъ" богадѣленъ на 100 мѣстъ (указъ 25 VII 1745, 9191, гдѣ между прочимъ упоминается и указъ 28 VII 1744 г. о помѣщеніи отставныхъ въ богадѣльни.

[2]) По указамъ 29 VII 1719, 3409 и 3 V 1720, 3576 помѣщенные въ богадѣльни отставные должны были получать (какъ и въ монастыряхъ) гарнизонные оклады; однако въ указѣ 24 X 1726, 4969 Синодъ сообщаетъ, что въ состоящихъ въ его вѣдомствѣ богадѣльняхъ „каждому человѣку жалованія токмо производится на день по одной копѣйкѣ". Въ С.-Петербургскихъ богадѣльняхъ, согласно приведенному намъ выше указу 19 V 1733, 6406, на каждаго человѣка должно было отпускаться по 2 к. въ день; въ богадѣльняхъ духовнаго вѣдомства, согласно указу 26 X 1744, 9053—по 1 к. въ день, въ Казанскихъ богадѣльняхъ, согласно указу 25 VII 1745, 9191, по 1 к. въ день и по 1 четверику муки въ мѣсяцъ. Указъ 20 II 1761, 11.211 подтвердилъ, чтобы отставные получали въ С.-Петербургскихъ богадѣльняхъ по 2 к. въ день за исключеніемъ офицеровъ и ихъ вдовъ, которымъ было назначено по 4 к. въ день.

[3]) По этому поводу см. также не совсѣмъ понятный для насъ указъ 28 VI 1736, 6.998, коимъ предписывалось отставныхъ, непригодныхъ уже ни къ какой службѣ и не имѣющихъ своего пропитанія, „по прежнимъ указамъ опредѣлять въ пристойныя мѣста, гдѣ бы они довольствіе въ пищѣ и одеждѣ имѣть могли; а для постриженія въ монастыри при отставкѣ никого не назначать".

Digitized by Google

Это стремленіе вполнѣ понятно: оно вытекало изъ описаннаго выше ненормальнаго положенія, связаннаго съ монастырской организаціей призрѣнія отставныхъ. Вполнѣ это стремленіе нашло свое выраженіе въ реформѣ 1764 г., окончательно отмѣнившей эту организацію, но оно начало сказываться уже и нѣсколько ранѣе. Такъ, въ 1758 г. было предписано учредить въ Казани каменную богадѣльню для отставныхъ офицеровъ и солдатъ, и по устройствѣ ея прекратить опредѣленіе отставныхъ въ монастыри; за послѣдними должна была быть однако сохранена обязанность уплачивать помѣщеннымъ въ Казани отставнымъ жалованье изъ своихъ средствъ. При этомъ предписывалось содержать отставныхъ въ Казани „на такомъ порядкѣ, какъ въ европейскихъ государствахъ состоятъ, а наипаче примѣняясь, какъ въ Парижѣ таковые содержатся“ [1]).

Между тѣмъ одной богадѣльни, конечно, было недостаточно, и мы видѣли, что еще въ 1757 г. существовалъ проектъ устройства инвалидныхъ домовъ, о коихъ предписывалось сочинить „особливое учрежденіе“. Вѣроятно во исполненіе этого предписанія былъ изданъ указъ 4 IX 1760 года, коимъ постановлялось слѣдующее. До учрежденія инвалидныхъ домовъ отставные, подлежащіе разсылкѣ въ монастыри, должны быть вмѣсто того разсылаемы (на ямскихъ подводахъ) въ города Казанской, Воронежской, Бѣлогородской и Нижегородской губ. [2]) и опредѣляемы тамъ въ богадѣльни; въ тѣхъ же изъ этихъ городовъ, въ которыхъ богадѣленъ не окажется, таковыя должны быть построены „деревянныя безъ излишнихъ украшеній“, въ числѣ двухъ богадѣленъ на каждый губернскій, и одной—на каждый провинціальный городъ.

---

[1]) Указъ 6 (10) I 1758, 10.790. Выборъ палъ на Казань, потому что, „какъ не безызвѣстно Ея Императорскому Величеству,... имѣется въ Казани старый каменный дворецъ“. Надо думать, что приведенный указъ объ основаніи богадѣльни въ Казани остался безъ осуществленія, такъ какъ позднѣйшій указъ 17 II 1765, 12.331, разсматривая положеніе богадѣленъ въ Казани, ни словомъ ни о немъ, ни о предписанной имъ богадѣльнѣ не упоминаетъ.

Для характеристики интереса, пробудившагося въ то время у правительства къ устройству богадѣленъ, можно указать и на указъ 20 VI 1761, 11.278, который, предписывая назначить въ Москвѣ монастырь для содержанія вдовъ и сиротъ „заслуженныхъ людей“, вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ справиться въ библіотекѣ Академіи Наукъ, нѣтъ ли тамъ данныхъ о богадѣльняхъ въ иностранныхъ государствахъ, а также добыть таковыя данныя чрезъ русскихъ представителей за границей.

[2]) Эти губерніи были выбраны военной коллегіей потому, что въ нихъ, „какъ извѣстно, весьма недорогою цѣною хлѣбъ покупается, а притомъ по тамошнему изобилію какъ мясъ, такъ наипаче по текущимъ въ тѣхъ мѣстахъ немалымъ рѣкамъ и рыбы довольно, чѣмъ тѣ отставные за ихъ службы наилучше пользоваться и отъ болѣзней своихъ поправиться могутъ“.

Digitized by Google

Впослѣдствіи, по мѣрѣ надобности, число богадѣленъ можетъ быть увеличено. Каждая богадѣльня должна состоять изъ 4-саженной избы съ придѣланными къ ней сѣнями и чуланами; въ каждую такую богадѣльню должно быть помѣщаемо „по 10 человѣкъ, включая въ то число и женъ съ дѣтьми, чтобы имъ утѣсненія не было и зимою было спокойно". До постройки этихъ богадѣленъ отставные должны получать въ назначенныхъ для нихъ городахъ квартиры. Далѣе, отставные получаютъ жалованье по табели 1731 года (см. выше). На постройку богадѣленъ и уплату жалованья отпускается особая сумма изъ монастырскихъ доходовъ. Богадѣльни должны находиться подъ надворомъ губернаторовъ и воеводъ. При каждой богадѣльнѣ состоитъ отставной офицеръ, который долженъ смотрѣть, чтобы отставные „порядочно въ тѣхъ богадѣльняхъ содержаны были и шалостей чинить не могли" [1]).

Весь этотъ планъ вѣроятно остался безъ осуществленія; вѣдь мы видѣли, что добиться тѣхъ средствъ, которыя были для этого предназначены, не было возможности [2]).

Однако и помимо него во второй половинѣ XVIII вѣка число находившихся въ богадѣльняхъ отставныхъ солдатъ было довольно значительно. Такъ, къ 1764 году по разнымъ прежнимъ штатамъ и указамъ на богадѣльни отпускалось ежегодно 15.144 р. Далѣе, при проведеніи реформы 1764 г. въ упомянутыхъ выше Казанскихъ казенныхъ богадѣльняхъ оказалось:

отставныхъ военныхъ нижнихъ чиновъ „самыхъ увѣчныхъ и никакого пропитанія не имѣющихъ"……….	332
оставшихся послѣ таковыхъ же отставныхъ женъ и дѣтей	170
Итого………….	502

Гораздо больше было число отставныхъ, находившихся въ Московскихъ и С.-Петербургскихъ богадѣльняхъ. А именно, при разборѣ, произведенномъ при той же реформѣ 1764 г., въ нихъ оказалось богадѣленныхъ: въ первыхъ—2462 чел. мужского пола, во вторыхъ—1372 чел., при чемъ почти всѣ они состояли изъ отставныхъ, ихъ женъ или вдовъ и дѣтей [3]).

---

[1]) Указы 4 IX 1760, 11.096 и 6 XI 1760, 11.139. Также и указъ 6 IV 1762, 11.498 говоритъ о содержаніи этихъ богадѣленъ изъ монастырскихъ доходовъ.

[2]) Однако указъ 22 VIII 1763, 11.902 (о лучшей организаціи поселенія отставныхъ въ Казанской губерніи) въ п. 10 говоритъ о постройкѣ богадѣленъ въ городахъ по указу 1760 г., повидимому какъ о совершившемся фактѣ.

[3]) См. указъ 24 II 1765, 12334. Подробности см. ниже.

Digitized by Google

Когда въ 1762 г. было предписано произвести разборъ отставныхъ, находившихся въ монастыряхъ, то этотъ разборъ было повелѣно распространить и на тѣхъ отставныхъ, которые были помѣщены въ богадѣльни [1]).

Хотя приведенный выше планъ 1760 г. вѣроятно и не былъ осуществленъ, тѣмъ не менѣе со времени его изданія обязанность монастырей давать отставнымъ помѣщеніе прекратилась; послѣдніе уже должны были получать помѣщеніе отъ мѣстныхъ гражданскихъ властей (губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канцелярій) [2]).

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ *о госпиталяхъ*, которые также могли служить учрежденіями для призрѣнія отставныхъ, хотя о нихъ до насъ дошло лишь очень мало свѣдѣній. А именно, морской уставъ 1720 г. предписалъ помѣщать отставныхъ, вслѣдствіе старости или увѣчій уже „никуда не годныхъ“, въ госпиталь, гдѣ и кормить ихъ до смерти; если такое лицо не желало быть помѣщеннымъ въ госпиталь, то предписывалось дать ему годовее жалованье и паспортъ [3]). Затѣмъ и въ изданномъ въ 1735 г. генеральномъ регламентѣ о госпиталяхъ мы встрѣчаемъ постановленіе, чтобы отставные, не имѣющіе своего пропитанія и въ то же время старые и больные, хотя и не нуждающіеся въ „медикаментахъ“, содержались по смерть въ госпиталяхъ, въ которыхъ для нихъ долженъ былъ быть заготовляемъ „особый покой“ [4]). Вотъ все, что до насъ дошло о госпиталяхъ; насколько велико было ихъ значеніе по призрѣнію отставныхъ,—мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. Въ 1750 г. было предписано вмѣсто С.-Петербургскихъ госпиталей содержать отставныхъ въ Тавровѣ вслѣдствіе большей дешевизны тамъ припасовъ [5]) [6]).

---

[1]) Указъ 3 X 1762, 11.674; см. также указъ 22 VIII 1763, 11.902, п. 10.

[2]) См. объ этомъ разъяснительный указъ Синода 1763 г. у *Лебедева*, l. c., 630. Впрочемъ, изъ указа 22 VIII 1763, 11.902 о лучшей организаціи поселенія отставныхъ въ Казанской губ. мы узнаемъ, что еще въ 1760 г. не только по богадѣльнямъ, но и по монастырямъ было распредѣлено особенно большое число отставныхъ. Въ Крестовоздвиженскомъ Бизюковомъ монастырѣ въ 1764 г. оказалось 30 призрѣваемыхъ въ немъ отставныхъ военныхъ, изъ нихъ 5 офицеровъ (Матеріалы для исторіи Крестовоздвиж. Бизюкова мон., собраны *Н. А. Поповымъ*, М. 1892, стр. 29).

[3]) Морской уставъ 13 I 1720, 3485, кн. IV, гл. IV, п. 8.

[4]) Ген. регл. о госп. 24 XII 1735, 6852, гл. X и XII. Здѣсь законодательство подробно указываетъ пищу, которую должны получать отставные, и тѣ легкія работы, которыя могутъ быть на нихъ возлагаемы.

[5]) Указъ 6 VII 1750, 9779.

[6]) Отмѣтимъ здѣсь еще сдѣланную въ 1760 г. попытку учрежденія государственной лотереи, выручка отъ которой должна была пойти на содержаніе отставныхъ и ра-

Digitized by Google

Прежде чѣмъ перейти къ реформѣ 1764 г., мы хотѣли бы упомянуть о тѣхъ органахъ, на которыхъ лежало размѣщеніе присылаемыхъ отъ военныхъ властей для опредѣленія въ монастыри отставныхъ.

Первоначально предписывалось отсылать этихъ отставныхъ въ Синодъ [1]), при чемъ дальнѣйшее отправленіе ихъ по монастырямъ лежало на монастырскомъ приказѣ [2]). Между тѣмъ этотъ приказъ въ 1724 г. былъ переименованъ въ камеръ-контору синод. правительства, которая въ свою очередь въ 1726 г. была переименована въ коллегію экономіи; на послѣднюю, такимъ образомъ, и перешли функціи монастырскаго приказа, между прочимъ и „опредѣленіе на пропитаніе въ монастыри отставныхъ офицеровъ, солдатъ и матросовъ" [3]). Въ 1728 г. было предписано присылать отставныхъ для опредѣленія въ монастыри не въ коллегію экономію, но въ Сенатъ [4]). Между тѣмъ фактически дѣла повидимому оставалось въ рукахъ коллегіи экономіи [5]), что впрочемъ за время послѣ 1738 г. представляется вполнѣ понятнымъ, такъ какъ въ этомъ году коллегія экономіи была передана въ вѣдѣніе Сената. Затѣмъ въ 1742 г. было предписано впредь не посылать отставныхъ нижнихъ чиновъ не изъ дворянъ въ Сенатъ, но посылать ихъ прямо въ коллегію экономіи [6]). При второй ревизіи право отдавать отставныхъ, не имѣющихъ пропитанія, вмѣстѣ съ малолѣтними дѣтьми, въ монастыри, въ 1744 г. было предоставлено ревизоромъ по сношенію съ губернаторами и еп. архіереями [7]); впрочемъ, какъ мы видѣли, черезъ два года это право

ненныхъ офицеровъ и рядовыхъ. Однако, попытка эта кончилась неудачей. Лотерея была учреждена указомъ 15 VII 1760, 11083 (число билетовъ составляло 50.000 по 11 р.; сумма выигрышей составляла 550.000 руб., изъ которыхъ 10% предназначались въ пользу отставныхъ), а указъ 20 III 1764, 12098 сообщаетъ, что вслѣдствіе неисправнаго веденія дѣла лотерея не только не принесла ожидаемой пользы, но причинила убытокъ публикѣ и вредъ государственному кредиту, и предписываетъ Панину ликвидировать ея дѣла.

[1]) Указы 31 VII 1722, 4066, рез. 19 I 1723, 4145, п. 6 и 24 X 1726, 4969.

[2]) Согл. указу 4 IX 1722, 4081 объ инстанціяхъ по духовному вѣдомству къ компетенціи монастырскаго приказа относилось „отправленіе по монастырямъ отставныхъ офицеровъ и драгунъ и солдатъ". *Горчаковъ*, Монастырскій приказъ, 192—5.

[3]) *Горчаковъ*, О земельныхъ владѣніяхъ всеросс. митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода, СПБ., 1871, стр. 517, п. 18.

[4]) Указы 9 X 1728, 5337 и 17 I 1729, 5360.

[5]) Это видно, напр., изъ указовъ 20 V 1731, 5758; 10 II 1733, 6321 и 26 VI 1739, 7843.

[6]) Указъ 10 VI 1742, 8561. Въ Сенатъ и герольдмейстерскую контору было предписано попрежнему посылать лишь отставныхъ изъ дворянъ или хотя бы дослужившихся до оберъ-офицерства. См. также указъ 18 XI 1742, 8662.

[7]) Указъ 2 VII 1744, 8986.

Digitized by Google

было у нихъ отнято [1]). Затѣмъ съ переходомъ коллегіи экономіи въ вѣдѣніе Синода (1744) и отставные стали отсылаться въ Синодъ, пока въ 1745 г. не было предписано для упрощенія дѣлопроизводства отсылать ихъ прямо въ канцелярію синодальнаго экономическаго правленія (такъ была переименована коллегія экономіи въ 1745 г.) [2]). Однако въ 1757 г. (вслѣдствіи случаевъ отказа въ пріемѣ отставныхъ и притѣсненій по отношенію къ нимъ) пріемъ отставныхъ и разсылка ихъ по монастырямъ были возложены непосредственно на Синодъ [3]). Такъ продолжалось до 1762 года, когда при Петрѣ III управленіе духовными имѣніями было возложено на коллегію экономіи, вмѣстѣ съ чѣмъ на нее легла забота о распредѣленіи отставныхъ по монастырямъ, и притомъ независимо отъ Синода [4]). Между тѣмъ въ томъ же году коллегія экономіи была упразднена [5]) и пріемъ и распредѣленіе отставныхъ опять перешли на Синодъ, въ вѣдомствѣ котораго они были возложены попрежнему на канцелярію синод. экон. правленія [6]).

Такъ обстояло дѣло до реформы 1764 г., къ разсмотрѣнію которой мы теперь и переходимъ.

Причины, которыя побудили правительство положить конецъ призрѣнію отставныхъ въ монастыряхъ, выше отчасти уже указаны. Онѣ заключались въ недостаточной обезпеченности, которую эта система давала отставнымъ: какъ мы видѣли, жалованье, которое они получали, было слишкомъ ничтожно для содержанія семьи, почему нѣкоторыя изъ дѣтей отставныхъ пропадали для службы; кромѣ того, жалованіе это уплачивалось монастырями очень неохотно, и, поэтому, неакуратно. Съ другой стороны, это призрѣніе представляло большія неудобства и для самихъ монастырей, которые не всегда могли управиться съ своими призрѣваемыми. Наконецъ, правительство хотѣло также воспользоваться отставными и для нѣкоторыхъ своихъ цѣлей, т. е. для легкихъ карауловъ, посылокъ и т. п. Но, конечно, за всѣми этими мотивами крылось одно главное соображеніе: правительству надо было взять какъ

---

[1]) См. приведенный выше указъ 16 V 1746, 9287.

[2]) Указъ 28 I 1745, 9104; см. также указъ 9 II 1755, 10.355.

[3]) Указъ 18 I 1757, 10.684.

[4]) Указъ 4 V 1762, 11.525.

[5]) Указъ 12 VIII 1762, 11.643.

[6]) См. объ этомъ указъ 15 III 1763, 11.778 (впрочемъ въ 1763 г. коллегія экономія была возстановлена). Въ этомъ указѣ есть жалоба на неудобство того порядка, при которомъ просившіеся на пропитаніе должны были сами идти въ Синодъ, такъ какъ „за крайней ихъ старостью и дряхлостью и имѣющимися у нихъ болѣзньми за дальнимъ разстояніемъ дойтить не могутъ“......

организацію этого призрѣнія, такъ и управленіе и распоряженіе предназначенными для него доходами въ свои руки, чтобы въ этомъ дѣлѣ не зависѣть отъ посторонней власти.

Основныя начала реформы были изложены въ особомъ „Учрежденіи", которое было приложено къ извѣстному указу 26 II 1764 г. [1]). Однако сюда вошла только первая половина реформы, вторая половина ея была проведена двумя мѣсяцами позднѣе, а именно съ не разъ уже упомянутой въ предыдущемъ изложеніи реорганизаціей гарнизонныхъ войскъ [2]).

Согласно первой половинѣ реформы, т. е. „Учрежденію", отсылка отставныхъ на пропитаніе въ монастыри вовсе упразднялась. Вмѣсто этого назначались 31 городъ, въ которыхъ не было военныхъ командъ: здѣсь предписывалось поселить опредѣленное въ особомъ росписаніи число отставныхъ, не имѣвшихъ своего пропитанія [3]), съ тѣмъ чтобы они здѣсь составляли особыя инвалидныя команды [4]). Назначеніе

---

[1]) Прил. В. в. къ закону 26 II 1764, 12.060: „Учрежденіе, учиненное въ общемъ духовной и воинской комиссій собраніи о содержаніи отставныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ и рядовыхъ, также и остающихся послѣ убитыхъ и умершихъ въ службѣ женъ и дѣтей ихъ, никаковыхъ доходовъ къ пропитанію своему не имѣющихъ".

[2]) Выс. утв. докладъ воинской комиссіи 19 IV 1764, 12.135.

[3]) Для офицеровъ была установлена извѣстная норма землевладѣнія (отъ 25 до 40 душъ, включая деревни ихъ женъ), обладая которымъ они не имѣли права быть назначенными въ разсматриваемыя въ текстѣ инвалидныя команды. Для нижнихъ чиновъ подобной нормы установлено не было.

[4]) Отставные изъ гвардейскихъ полковъ въ числѣ 213 чел. (3 оберъ-офицера, 10 унтеръ-офицеровъ и 200 рядовыхъ) должны были быть поселены въ г. Муромѣ. Отставные изъ армейскихъ полковъ должны были быть поселены въ слѣдующихъ 30 городахъ: Алаторѣ, Арзамасѣ, Бѣжецкѣ, Зарайскѣ, Инсарѣ, Кадомѣ, Касимовѣ, Керенскѣ, Козельскѣ, Козловѣ, Козьмодемьянскѣ, Курмышѣ, Лебедяни, Верхнемъ Ломовѣ, Нижнемъ Ломовѣ, Пензѣ, Пронскѣ, Путивлѣ, Ряжскѣ, Саранскѣ, Свіяжскѣ, Слободскомъ, Сызрани, Тамбовѣ, Темниковѣ, Уржумѣ, Хлыновѣ, Чебоксарахъ, Шацкѣ, Ядринѣ. Въ каждомъ изъ этихъ городовъ должно было быть поселено по 138 чел. (по 33 офицера, 5 унтеръ-офицеровъ и 100 капраловъ и рядовыхъ).

Общее число подлежавшихъ распредѣленію по инвалиднымъ командамъ въ названныхъ городахъ должно было составить 4140 изъ армейскихъ полковъ (въ П. С. З., кн. шт., стр. 34 ошибочно сказано 4150) и 213 изъ гвардейскихъ, а всего 4353 чел. Въ эти числа входятъ и отставные адмиралтейскаго вѣдомства и изъ инженернаго и артиллерійскаго корпусовъ. Распредѣленіе отставныхъ изъ этихъ частей и изъ сухопутнаго войска должно было производиться пропорціонально численности этихъ войскъ. Объ отставныхъ морского вѣдомства см. также Реглам. о управл. адм. и флотовъ 24 VIII, 1765, 12459, гл. VIII, п. 3, гдѣ предписывается этихъ отставныхъ, не имѣющихъ пропитанія и непригодныхъ для поселенія, опредѣлять на инвалидное содержаніе по учрежденію 1764 г. „а также въ госпитали и при портахъ".

Digitized by Google

отставныхъ въ эти команды должно было производиться въ военной коллегіей по первенству ихъ просьбы, но только на вакантныя мѣста. Лишь гвардейскія вакансіи должны были замѣщаться гвардейскими полками съ общаго ихъ согласія. Назначенные въ города отставные должны были получать жалованье [1]; кромѣ того, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ они могли пользоваться обывательскими квартирами, послѣ чего унтеръ-офицерамъ, капраламъ и рядовымъ выдавалось по 9 руб. на постройку домовъ. Военной коллегіи предоставлялось выработать правила о порядкѣ назначенія отставныхъ въ города, а также и о внутреннемъ распорядкѣ въ командахъ, а дисциплинѣ въ нихъ, отчетности и т. д. Кромѣ того предписывалось разсмотрѣть вопросъ объ учрежденіи для „неизлѣчимыхъ и крайне престарѣлыхъ" особыхъ богадѣленъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ.

Таковы въ общихъ чертахъ были постановленія учрежденія 26 II 1764 г. Сверхъ того учрежденіе заключало въ себѣ и нѣкоторыя мѣры для призрѣнія вдовъ и сиротъ отставныхъ, о чемъ мы будемъ имѣть случай говорить ниже, и назначало суммы на содержаніе госпиталя и богадѣленъ (между прочимъ и подлежавшихъ учрежденію при архіерейскихъ домахъ богадѣленъ, въ которыя помѣщать отставныхъ было запрещено), а также и на нѣкоторыя пенсіи. Итого по всѣмъ этимъ пунктамъ назначалась ежегодная сумма въ нѣсколько выше 250.000 руб. [2], которая должна была отпускаться изъ средствъ коллегіи экономіи [3].

---

[1]) Жалованье это было опредѣлено въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	Изъ гвардіи.	Изъ прочихъ полковъ.
Штабъ-офицеры	—	100—120
Оберъ-офицеры	100	33—65
Унтеръ-офицеры	20	15
Капралы и рядовые	15	10

На уплату этого жалованья было назначено 80.600 р.

[2]) а именно:

	Р.
На жалованье инвалидамъ	80.600
На содержаніе вдовъ и сиротъ отставныхъ	34.400
Запасная сумма на нихъ же	15.000
На пенсіи въ коммисаріатъ	50.000
„ „ „ адмиралтейство	50.000
На богадѣльни при 26 Арх. домахъ	3.825
На содержаніе богадѣленъ, доколѣ оныя упразднены не будутъ.	15.144
Въ коммисаріатъ на содержаніе Московскаго госпиталя	4.487
Итого	253.456

Сумма 15.144 р. отпускалась повидимому на Московскія богадѣльни, о коихъ говоритъ п. 20 приложеннаго къ закону 26 II 1764, 12.060 Учрежденія о росписаніи домовъ архіерейскихъ и т. д. Кромѣ того—но уже (какъ и ранѣе) отъ камеръ-конторы—на С.-Петербургскія богадѣльни отпускалось болѣе 15.000 р. (см. тамъ же).

[3]) Объ этомъ см. еще инструкцію колл. эк. 6 VI 1763, 11.844, ст. 9, п. 5 и п. 16.

Digitized by Google

Укажемъ въ дополненіе къ сказанному еще на два пункта, которые заключались въ учрежденіи.

Согласно первому изъ нихъ, опредѣленные въ инвалидныя команды отставные, происходившіе изъ разнаго рода государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ и изъ купцовъ, должны были получать увольненіе съ письменными видами, если они сами желали вернуться на прежнія жилища или если ихъ требовали туда помѣщики, управители государственныхъ волостей или родственники. При этомъ они обязывались состоять на прежнемъ жилищѣ въ „надлежащемъ и безпрекословномъ“ повиновеніи помѣщикамъ и управителямъ, а дѣти ихъ, которыя родились бы послѣ упомянутаго увольненія, подлежали тамъ написанію въ подушный окладъ наряду съ прочими крестьянами и посадскими. Другими словами, отставные, назначенные въ инвалидныя команды, могли перейти затѣмъ и „на свое пропитаніе“, и притомъ не только по собственному своему желанію, но и по „требованію“ помѣщиковъ, управителей и родныхъ. Такимъ образомъ и послѣ службы правительство столь же свободно распоряжалось личностью отставного, какъ и во время ея.

Второй пунктъ касается тѣхъ отставныхъ, которые въ моментъ изданія „учрежденія“ уже находились въ монастыряхъ. Хотя они только что были подвергнуты разбору, ихъ все-таки предписывалось вновь разобрать, съ тѣмъ чтобы годныхъ распредѣлить въ службу „по способностямъ и желаніямъ“, а остальныхъ по приведеннымъ выше правиламъ опредѣлить въ инвалидныя команды, за исключеніемъ лишь не могущихъ туда ѣхать „по дряхлости и изнеможенію“: послѣдніе могли остаться на мѣстахъ жительства, съ внесеніемъ однако въ комплектъ инвалидныхъ командъ. Лишь въ томъ случаѣ, если они могли, но почему либо [1]) не хотѣли ѣхать въ назначенные для нихъ города, они могли остаться на прежнемъ мѣстѣ жительства, но уже съ лишеніемъ на этотъ разъ права на жалованье. Подобныя же постановленія были изданы и относительно всѣхъ лицъ об. пола, находившихся въ С.-Пе-

[1]) Здѣсь была сдѣлана Выс. помѣтка: „или не желая оставить своего заведеннаго хозяйства“. Изъ нея мы видимъ, что отставные, находившіеся на пропитаніи въ монастыряхъ, иногда обзаводились собственнымъ хозяйствомъ. Это обстоятельство подтверждается и указомъ 12 V 1764, 12.156, сообщающимъ, что нѣкоторые изъ находящихся въ монастыряхъ отставныхъ гвардейцевъ „уже... дѣйствительно на тѣхъ мѣстахъ обжились, домы и заведенное хозяйство имѣютъ“. Этимъ отставнымъ гвардейцамъ (въ числѣ около 300) названный законъ въ видѣ исключенія назначаетъ пожизненное жалованье за счетъ гвардейскихъ полковъ, освобождая ихъ по просьбѣ этихъ полковъ отъ разбора и оставляя ихъ на мѣстѣ ихъ жительства.

Digitized by Google

тербургскихъ и Московскихъ богадѣльняхъ—и ихъ предписывалось подвергнуть разбору, съ тѣмъ чтобы изъ отставныхъ военныхъ способные къ тому были разосланы по городамъ въ инвалидныя команды, а неспособные (за старостью и т. д.) были пожизненно оставлены въ богадѣльняхъ на прежнемъ жалованіи. Кромѣ того, какъ мы уже выше указали, было предписано разсмотрѣть вопросъ объ учрежденіи подобныхъ богадѣленъ для „неизлѣчимыхъ и крайне престарѣлыхъ“.

Ко второй части реформы, какъ уже сказано выше, мы относимъ учрежденіе инвалидныхъ ротъ при гарнизонныхъ баталіонахъ. Такъ какъ мы объ этой реформѣ уже говорили выше [1]), то здѣсь мы только напомнимъ читателю, что эти роты должны были комплектоваться отставными изъ строевыхъ ротъ гарнизонныхъ баталіоновъ и что на ихъ обязанности лежали легкіе внутренніе караулы. Но вернемся къ первой половинѣ реформы.

Всѣ находившіеся въ монастыряхъ и богадѣльняхъ отставные были подвергнуты разбору и затѣмъ разосланы по назначеннымъ для того городамъ для образованія инвалидныхъ командъ. Лишь неспособные къ путешествію по болѣзнямъ и т. д. были оставлены на прежнихъ мѣстахъ, съ правомъ, однако, на инвалидное жалованіе. Но затѣмъ и послѣ этого въ разныхъ мѣстахъ осталось еще сверхъ комплекта 910 челов. [2]), при чемъ эта цифра относится къ времени, когда еще изъ нѣкоторыхъ мѣстъ не было получено свѣдѣній (впрочемъ, изъ этихъ мѣстъ только въ Иркутской провинціи можно было ждать наличности отставныхъ). Въ виду этого въ 1765 г. было установлено еще 1150 дополнительныхъ—хотя только пожизненныхъ—вакансій въ инвалидныхъ командъ [3]), съ тѣмъ чтобы онѣ были равномѣрно распредѣлены между послѣдними. Для имѣвшихъ замѣстить эти дополнительныя вакансіи инвалидовъ было установлено такое же пожизненное жалованіе, какъ и для остальныхъ [4]).

---

[1]) Стр. 16—17.

[2]) 143 унтеръ-офицера и 767 капраловъ и рядовыхъ. Разсматриваемый здѣсь законъ называетъ еще 579 челов. (7 унтеръ-офицеровъ и 572 капрала и рядовыхъ), оставленныхъ въ Москвѣ „съ причисленіемъ въ инвалидные города для полученія жалованія“. Однако, изъ содержанія закона мы видимъ, что эти 579 чел. тоже были сверхъ инвалиднаго штата. Мы поэтому подозрѣваемъ здѣсь какую нибудь опечатку (быть можетъ вмѣсто „съ причисленіемъ“ должны быть „за причисленіемъ“). См. также ниже, стр. 122, прим. 2).

[3]) Изъ нихъ 150 для унтеръ-офицеровъ, 1000 для капраловъ и рядовыхъ. Изъ этихъ вакансій 240 было оставлено для тѣхъ 23 мѣстъ, изъ которыхъ еще не было получено свѣдѣній.

[4]) Выс. утвержд. докладъ дух. и воинской комиссіи 17 II 1765, 12.329.

Digitized by Google

Приведенная нами цифра интересна потому, что даетъ намъ возможность сдѣлать нѣкоторые выводы относительно числа отставныхъ, находившихся въ моментъ реформы въ монастыряхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если вспомнить, что общее число инвалидныхъ вакансій составляло 4353, что число сверхштатныхъ составило 910 (а считая на названные выше 23 мѣста 240 чел.—1150)—то мы получимъ общую сумму въ 5263 (resp. 5503)[1].

Перейдемъ затѣмъ къ нѣкоторымъ другимъ сторонамъ вопроса. Во исполненіе приведенныхъ выше постановленій объ учрежденіи инвалидныхъ командъ въ 31 городѣ была издана особая „инструкція надъ инвалидами главнымъ командирамъ". Къ сожалѣнію, эта инструкція не вошла въ П. С. З., и мы должны довольствоваться тѣми немногими, и къ тому же мало интересными обрывками ея, которые вошли въ видѣ цитатъ въ другіе законы[2]. Такъ, напр., п. 11 ея запретилъ употреблять инвалидовъ къ „тяжкой службѣ" и разрѣшалъ возлагать на нихъ лишь легкія порученія (какъ, напр., провозъ казенныхъ денегъ, караулы и т. д.). По поводу случаевъ его нарушенія этотъ пунктъ въ 1765 г. былъ подтвержденъ, при чемъ было предписано гражданскимъ властямъ для карауловъ употреблять въ первую очередь губернскія роты и городовыя команды и лишь въ случаѣ ихъ недостаточности требовать инвалидовъ, и то съ соблюденіемъ приведенныхъ выше условій[3].

Выше мы видѣли, что инвалиды должны были строить себѣ дома. Въ виду этого состоявшему при вотчинной коллегіи особому департаменту по межевымъ дѣламъ вскорѣ было предписано разсмотрѣть вопросъ о томъ, имѣются ли въ назначенныхъ для инвалидовъ городахъ или при нихъ свободныя казенныя земли и сколько слѣдуетъ отводить

---

[1]) Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что 1) быть можетъ при разборѣ отставныхъ въ монастыряхъ нѣкоторые были признаны ненуждающимися въ казенномъ пропитаніи, хотя едва ли число ихъ могло быть велико послѣ недавняго разбора 1762 г.; и 2) что въ число 5503 вѣроятно не вошли тѣ 300 отставныхъ изъ гвардіи, о которыхъ говоритъ указъ 12 V 1764, 12.156 (см. выше стр. 113 прим.).

[2]) Кромѣ упоминаемаго въ текстѣ п. 11 этой инструкціи, до насъ дошли еще п. 6 и 13 ея. Послѣдній подтверждаетъ предписаніе „Учрежденія" объ увольненіи инвалидовъ по желанію ихъ на прежнее жительство, а первый предписываетъ инвалиднымъ командирамъ посылать третные и годовые рапорты въ контору военной коллегіи объ инвалидахъ и ихъ дѣтяхъ (см. указы VIII 1797, 18.121 и 10 III 1802, 20.175. Первымъ изъ этихъ указовъ, вслѣдствіе упраздненія военной конторы, предписывалось посылать рапорты въ инспекторскую экспедицію военной коллегіи. Форму для вѣдомостей, которыя инвалидныя команды должны были ежегодно присылать въ эту экспедицію, см. въ указѣ I 1800, 19.262),

[3]) Указъ IV 1765, 12.385. Здѣсь же цитируется п. 11 инструкціи.

Digitized by Google

инвалидамъ каждаго чина земли подъ дворы и огороды [1]). Къ сожалѣнію, результаты этого „разсмотрѣнія“ намъ неизвѣстны. Изъ дальнѣйшихъ узаконеній въ особенности слѣдуетъ указать на межевую инструкцію 1766 г., гдѣ мы находимъ весьма подробныя постановленія о томъ, изъ какихъ земель должны были отводиться необходимые инвалидамъ участки, если при назначенныхъ для этого городахъ не оказывалось порозжихъ государственныхъ земель для поселенія инвалидовъ особыми слободами [2]). Какъ затѣмъ эти земли были отведены и въ какомъ количествѣ—обо всемъ этомъ мы ничего не узнаемъ; мы знаемъ лишь, что земли инвалидамъ были отведены [3]) и что по поводу какъ этихъ земель, такъ и домовъ между инвалидами часто происходили споры [4]). Ничего мы не знаемъ также по интересному вопросу о томъ, переходили ли эти земли и дворы по смерти отставныхъ къ ихъ наслѣдникамъ, или же къ вновь назначеннымъ на ихъ мѣста отставнымъ.

При изученіи государственнаго призрѣнія отставныхъ солдатъ послѣ 1764 г. невольно напрашивается вопросъ: какъ разграничивалась роль инвалидныхъ ротъ гарнизонныхъ баталіоновъ—съ одной стороны, и инвалидныхъ командъ—съ другой? Кто изъ отставныхъ подлежалъ опредѣленію въ первыя, и кто во вторыя?

Дать отвѣтъ на этотъ вопросъ весьма трудно. Въ инвалидныя роты гарнизонныхъ баталіоновъ по буквальному предписанію закона должны были опредѣляться отставные изъ строевыхъ ротъ этихъ же

---

[1]) Указъ 8 X 1764, 12.258.

[2]) Инстр. меж. губ. канц. и пров. конт. 25 V 1766, 12.659, гл. VIII, п, 19. Земли инвалидамъ должны были отводиться 1) изъ порозжихъ земель въ самомъ городѣ или за городомъ (казенныхъ, а также обывательскихъ, если послѣднія пустовали болѣе 6 лѣтъ); 2) изъ выгонныхъ земель, которыя, въ случаѣ недостатка, должны были быть пополнены изъ порозжихъ земель или изъ земель сосѣднихъ казенныхъ селеній, имѣвшихъ болѣе 8 дес. на душу мужского пола по послѣдней ревизіи; 3) изъ порозжихъ земель, отстоявшихъ отъ города не далѣе 2—5 верстъ, или отъ удовлетворявшихъ этому условію казенныхъ селеній, имѣвшихъ болѣе 8 дес. на душу по послѣдней ревизіи. Если же по всѣмъ предыдущимъ пунктамъ не оказывалось излишней земли, то 4) предписывалось „по самой въ томъ необходимости намѣривать подъ поселеніе инвалидовъ какъ изъ выгонныхъ, такъ и смежныхъ казеннаго вѣдомства селеній, раздѣляя по пропорціи настоящихъ выгонныхъ и казенныхъ селеній дачъ“.

[3]) См. указъ 19 XII 1771, 13.719: „въ нѣкоторыхъ городахъ жительства имѣютъ инвалидные штабъ-, оберъ-и унтеръ-офицеры, также и рядовые, которые всѣ опредѣлены и содержатся на отведенныхъ имъ городовыхъ земляхъ“... *Н. Рычковъ* въ своемъ „Журналѣ“ путешествія (1770) среди жителей г. Уржума упоминаетъ и объ „инвалидной коммандѣ, поселившеюся особливою слободою на полуденномъ концѣ города“ (стр. 23—4).

[4]) См. указъ VIII 1797, 18.121.

баталіоновъ; для инвалидныхъ коммандъ такого непосредственнаго предписанія не было; но вѣдь мы знаемъ, что всѣ увольняемые изъ полевыхъ полковъ должны были поступать въ гарнизонную службу и лишь въ случаѣ неспособности къ послѣдней получали полную отставку отъ военной службы. Въ особенности слѣдуетъ здѣсь указать на законъ 1780 г., предписывавшій *„отнюдь и ни подъ какимъ видомъ“* не давать полной отставки изъ полевыхъ полковъ, а опредѣлять всѣхъ увольняемыхъ изъ послѣднихъ въ гарнизонные баталіоны, гдѣ неспособныхъ служить въ строевыхъ ротахъ опредѣлять въ инвалидныя [1]). Кто же послѣ этого подлежалъ опредѣленію въ инвалидныя команды?

Какихъ либо указаній въ законѣ для разрѣшенія этого вопроса мы не находимъ. Повидимому строгаго различенія между инвалидными ротами и командами не проводилось, что и отражалось на законодательствѣ: то оно рядомъ съ инвалидными ротами упоминаетъ инвалидныя команды, примѣняя къ обѣимъ одинаковыя постановленія [2]); то оно говоритъ объ „инвалидахъ“, не указывая при этомъ, какихъ инвалидовъ оно разумѣетъ [3]); то оно, наконецъ, прямо таки смѣшиваетъ роты и комманды, и постановленія, изданныя по поводу однихъ, примѣняетъ по отношенію къ другимъ [4]).

Однако, различіе между инвалидными ротами и командами продолжало существовать, и съ слѣдами этого различія мы иногда встрѣчаемся. Такъ, напр., манифестомъ 1793 г. 25-лѣтній срокъ службы былъ

---

[1]) Указъ 7 XI 1780, 15.081 (этотъ указъ въ свою очередь подтверждаетъ упоминаемые имъ указы 28 VII 1765 и 28 IX 1767, содержаніе которыхъ онъ не приводитъ и которыхъ въ П. С. З. нѣтъ). Какое значеніе этотъ указъ 1780 г. могъ имѣть— не совсѣмъ ясно, такъ какъ имъ же на инвалидныя роты распространялось учрежденіе 1764 г., а согласно этому учрежденію инвалиды по своему желанію или требованію родныхъ и т. д. должны были отпускаться „на свое пропитаніе“...

Добавимъ къ этому, что въ 1803 г. (указомъ изъ военной коллегіи IV 1803, 20.737) было разрѣшено отставлять въ инвалидныя роты или на свое пропитаніе и прямо изъ полевыхъ полковъ, но лишь въ случаѣ обнаруженной посредствомъ освидѣтельствованія увольняемаго неспособности его и къ гарнизонной службѣ.

[2]) Такъ, напр., указъ X 1795, 17.402, которымъ былъ введенъ 25-лѣтній срокъ службы, предписалъ прослужившихъ этотъ срокъ отставныхъ, не могущихъ себя пропитать, „отправить къ опредѣленію въ ближайшіе гарнизоны и инвалидныя команды“.

[3]) Такъ, напр., указъ 21 I 1797, 17.752 говоритъ объ опредѣленіи „въ инвалиды“; см. также приводимыя ниже выдержки изъ воинскихъ уставовъ Павла 29 XI 1796, 17.588 и 17.590, ч. IX, гл. VII, п. 2.

[4]) Такъ, напр., въ цитированномъ нѣсколько выше указѣ 7 XI 1780, 15.081 предписывается поступать съ опредѣляемыми въ инвалидныя роты гарнизонныхъ баталіоновъ по правиламъ „инвалиднаго учрежденія“, изданному, какъ видно изъ предыдущаго, для инвалидныхъ командъ. См. также ниже указъ 29 XI 1796, 17.587, п. 3.

Digitized by Google

установленъ только для тѣхъ солдатъ, которые его уже выслужили въ моментъ изданія манифеста. Вслѣдствіе этого тѣ солдаты, для которыхъ онъ наступилъ послѣ этого момента, увольнялись, въ случаѣ невозможности продолжать гарнизонную службу, въ инвалиды, но не на свое пропитаніе. Лишь въ силу поступавшихъ отъ нихъ просьбъ 25-лѣтній срокъ въ 1797 г. былъ распространенъ на всѣхъ вообще солдатъ [1]). Между тѣмъ мы видѣли, что согласно инвалидному учрежденію каждый инвалидъ могъ по своему желанію получить увольненіе на собственное пропитаніе. Очевидно, что просьбы, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, поступали отъ такихъ инвалидовъ, на которыхъ учрежденіе не распространялось, т.-е., повидимому отъ инвалидовъ инвалидныхъ ротъ.

Важныя измѣненія были затѣмъ произведены въ положеніи инвалидовъ законодательствомъ, изданнымъ въ началѣ царствованія Павла. А именно, еще въ 1796 г., при производившейся тогда реформѣ арміи, было предписано всѣхъ престарѣлыхъ и увѣчныхъ солдатъ размѣстить въ инвалидныя роты гарнизонныхъ баталіоновъ, хотя бы въ числѣ, превышающемъ комплектъ [2]). При этомъ

1) и сверхкомплектные должны были получать равное съ остальными жалованіе и проч. [3]);

2) инвалидамъ, какъ комплектнымъ, такъ и сверхкомплектнымъ, разрѣшалось жить по собственному выбору при ротахъ или въ другомъ мѣстѣ (напр. у родныхъ и т. д.) съ правомъ въ обоихъ случаяхъ получать жалованіе [4]).

Послѣднее постановленіе весьма важно, такъ какъ имъ былъ отмѣненъ прежній порядокъ, по которому инвалиды должны были исправлять мѣстную службу; вмѣстѣ съ тѣмъ оно было распространено и на инвалидныя команды [5]).

---

[1]) Указъ 21 I 1797, 17.752.

[2]) Указъ 29 XI 1796, 17.587, п. 3.

[3]) И здѣсь мы видимъ смѣшеніе инвалидныхъ ротъ и командъ, такъ какъ это жалованіе и проч. предписывалось выплачивать „изъ общей на инвалидовъ по учрежденію объ нихъ положенной“ суммы, тогда какъ вѣдь эта сумма была предназначена на инвалидныя команды, а не роты.

[4]) И здѣсь законъ прибавляетъ: „на основаніи инвалиднаго учрежденія“.

[5]) См. Воинскій уставъ о полевой пѣх. службѣ 29 XI 1796, 17.588 и тоже о полевой кавалерійской службѣ отъ того же числа, 17.590, въ обоихъ ч. IX, гл. VII, п. 2: „выслужившихъ 25 лѣтъ отставлять на инвалидное содержаніе, гдѣ бы они жить ни захотѣли“. Итакъ, здѣсь говорится объ инвалидахъ вообще. См. также указы 21 I 1797, 17.752 и VIII 1797, 18.121. Первый изъ этихъ указовъ, какъ мы видѣли, былъ изданъ на основаніи поступавшихъ отъ инвалидовъ просьбъ объ увольненіи ихъ на свое пропитаніе. Между тѣмъ для насъ не совсѣмъ ясно, какой смыслъ могли имѣть эти просьбы, разъ просители, оставаясь инвалидами, могли жить гдѣ хотѣли, продол-

Digitized by Google

Однако скоро этотъ новый порядокъ претерпѣлъ существенное ограниченіе, при чемъ одновременно была болѣе или менѣе точно разграничена роль инвалидныхъ ротъ и командъ. Дѣло возникло по поводу запроса Бахмутскаго коменданта о томъ, должны ли инвалиды гарнизонныхъ полковъ, живущіе не при полкахъ, но въ другихъ мѣстахъ, получать сверхъ жалованія провіантъ и аммуницію? На это въ ноябрѣ 1797 г. военная коллегія разъяснила: жалованіе, провіантъ и аммуницію могутъ получать лишь тѣ инвалиды гарнизонныхъ баталіоновъ, которые будутъ состоять при своихъ ротахъ и исполнять лежащія на нихъ обязанности по исправленію карауловъ и т. д. Всѣ же инвалиды, которые не пожелаютъ жить при ротахъ, но будутъ просить казеннаго содержанія, должны быть исключаемы изъ инвалидныхъ ротъ и опредѣляемы въ инвалидныя команды, при чемъ лишь тѣмъ изъ нихъ разрѣшается жить не въ самихъ командахъ, а въ другихъ мѣстахъ, которымъ „по дряхлости и изнеможенію ѣхать на назначенныя мѣста будетъ не можно". Всѣ же остальные должны состоять при командахъ[1]).

жая притомъ получать инвалидное жалованіе?.. Единственное объясненіе, которое намъ здѣсь представляется возможнымъ, это то, которое мы привели выше въ текстѣ, а именно, что здѣсь идетъ рѣчь о просьбахъ со стороны инвалидовъ, находившихся въ инвалидныхъ ротахъ, а не въ инвалидныхъ коммандахъ, и что эти просьбы поступили еще до дарованія этимъ инвалидамъ права свободно избирать свое мѣсто жительства (см. выше, стр. 4, прим. 5).

[1]) Указъ изъ военной коллегіи XI 1797, 18.260.

Въ 1802 г. было подтверждено разрѣшеніе отпускать инвалидовъ инвалидныхъ командъ на свое пропитаніе по ихъ просьбѣ или по требованію ихъ помѣщиковъ (указъ 10 III 1802, 20.175). Послѣ только что изложеннаго указа, изданнаго въ ноябрѣ 1797 г., такія просьбы для насъ уже вполнѣ понятны, тѣмъ болѣе, что получаемое въ инвалидныхъ командахъ жалованіе, хотя и увеличенное въ 1764 г. въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, вслѣдствіе вздорожанія жизни уже было недостаточно. См. указъ 25 VI 1802, 20.298, въ которомъ сообщается о просьбѣ состоявшаго на инвалидномъ содержаніи капитана Зеленовскаго, ссылавшагося на то, „что онъ опредѣленнымъ ему инвалиднымъ жалованіемъ, въ разсужденіе возвысившейся на все дороговизны, содержать себя не можетъ". Инвалидныя команды по требованіямъ присутственныхъ мѣстъ могли отсылать инвалидовъ для опредѣленія въ сторожа и другія должности, но лишь съ согласія самихъ инвалидовъ. См. объ этомъ указъ VI 1803, 20.829. Но уже и задолго до этого указа мы находимъ инвалидовъ при присутственныхъ мѣстахъ и въ другихъ употребленіяхъ. См. напр., указы 24 III 1781, 15.139 п. 6. (при пенечныхъ амбарахъ въ С.-Петербургѣ); указъ 30 I 1785, 16.140 объ учрежденіи инвалидной команды при Царскосельской бумажной мельницѣ; указъ 21 IX 1790, 16.906 объ учрежденіи инвалидной команды при ассигнаціонномъ банкѣ; указъ 6 VIII 1797, 18.079 — объ учрежденіи инвалидной команды при межевомъ департаментѣ Сената; Выс. утв. пол. о С.-Петербургскихъ городскихъ амбарахъ 12 XI 1799, 19.188 и т. д. (хотя быть можетъ здѣсь подъ названіемъ инвалидовъ фигурируютъ просто отставные, опредѣленные „къ дѣламъ").

Digitized by Google

Укажемъ еще на два измѣненія, коснувшихся опредѣляемыхъ на инвалидное содержаніе отставныхъ въ подлежащую нашему изученію эпоху. Первое изъ нихъ состояло въ томъ, что съ 1798 г. средства, отпускавшіяся на содержаніе отставныхъ, были болѣе чѣмъ удвоены [1]). Второе коснулось только отставныхъ офицеровъ. Оно состояло въ томъ, что въ 1803 г. при реформѣ призрѣнія отставныхъ офицеровъ число городовъ, въ которые они отправлялись для водворенія, было увеличено на 18 [2]).

Мы приводимъ въ примѣчаніи нѣкоторыя отрывочныя данныя о дѣйствительной численности инвалидовъ по нѣкоторымъ губерніямъ [3]).

---

[1]) Указъ 18 XII 1797, 18.276. По даннымъ этого закона въ то время отпускалось изъ государственныхъ доходовъ на „штатные пенсіоны": по военно-сухопутному вѣдомству — 170.000 (включая 120.000, назначенныхъ Учрежденіемъ на инвалидныя команды, вдовъ и сиротъ [130.000?]), по военно-морскому — 35.000 (50.000?), итого 205.000 р. Теперь предписывалось эти суммы увеличить до 360.000 р. и 75.000 р., а итого до 435.000 р.

[2]) Указы 23 II 1803, 20.631 и 8 X 1803, 20.973. Эти города суть Владиміръ, Вологда, Воронежъ, Вятка, Екатеринославъ, Казань, Кострома, Курскъ, Нижній-Новгородъ, Орелъ, Пермь, Полтава, Рязань, Саратовъ, Симбирскъ, Тобольскъ, Харьковъ, Ярославль. Кромѣ того эти указы называютъ Пензу и Тамбовъ, гдѣ уже существовали инвалидныя команды съ 1764 г. Уже въ октябрѣ 1803 г. въ 10 изъ этихъ городовъ было опредѣлено по 8—10 отставныхъ офицеровъ.

[3]) 1) Согласно „Топогр., истор. и камеральному описанію городовъ и уѣздовъ Тверской губ.", В. Уч. Арх. Гл. Шт. V, 442 и 443 (рук. безъ года, относится къ 1783 г.) въ Бѣжецкѣ числилось:

	м.	ж.
Инвал. команды штабъ и оберъ-офицеровъ и ихъ дѣтей.....	52	60
„ „ унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ и ихъ дѣтей...	151	180

Кромѣ того въ Старицѣ состояло „инвал. команды оберъ-офицеровъ": 1 душа м. п. и 1 ж. п.

2) Согласно „Топогр. описанію Симбирской губ." 1785 г. (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 406, рук.) въ ней состояло:

	м.	ж.
въ Алатырѣ „инвалидовъ штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ съ дѣтьми"........	188	202
въ Курмышѣ „инвалидовъ съ дѣтьми"........	152	126
въ Сызрани „инвалидовъ"........	171	104

3) Согласно представленной Псковскимъ губернаторомъ вѣдомости, помѣщенной въ Арх. Сен., дѣло № 247, 1800 г. „объ осмотрѣ Псковской губ. сен. Кумынинымъ и Кропотовымъ" число инвалидовъ въ губерніи составляло 272, которые распредѣлялись слѣд. образомъ.

Digitized by Google

Общее число инвалидовъ Германъ опредѣлялъ за 1794 г. въ 3829 [1]), сумму, несомнѣнно слишкомъ низкую, а Зябловскій за 1805 г.—въ 1150 офицеровъ и 12.770 солдатъ [2]).

Въ предыдущемъ изложеніи мы коснулись лишь части реформы 1764 г.—увольненія на инвалидное содержаніе. Между тѣмъ и послѣ 1764 г. былъ сохраненъ способъ призрѣнія, существовавшій еще до 1764 г.,—а именно призрѣніе отставныхъ въ богадѣльняхъ. Въ этомъ отношеніи законъ 1764 г. предписалъ съ одной стороны разсмотрѣть вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи богадѣленъ въ качествѣ учрежденія для призрѣнія отставныхъ, а съ другой стороны предписалъ произвести разборъ уже находившихся въ богадѣльняхъ отставныхъ. Разборъ этотъ былъ вскорѣ произведенъ и результаты его по отношенію къ Московскимъ, С.-Петербургскимъ и Казанскимъ богадѣльнямъ дошли до насъ въ двухъ изданныхъ въ февралѣ 1765 г. законахъ. Въ С.-Петербургскихъ богадѣльняхъ при разборѣ оказалось 1972 чел. обоего пола, изъ которыхъ при разборѣ было оставлено 1042 [3]), тогда какъ остальные 930 чел. (ихъ состояніе и полъ не указаны) оказались здоровыми, могущими себя пропитать и поэтому подлежащими исключенію изъ богадѣленъ. Въ Московскихъ богадѣльняхъ всего состояло 2462 чел. обоего пола. Изъ нихъ 1175 человѣкъ были выклю-

---

	городъ	уѣздъ
Псковъ	118	—
Вел. Луки	47	—
Опочка	2	16
Островъ	89	—
	256	16

Здѣсь, однако, очевидно разумѣются не инвалиды инвалидныхъ командъ.

4) Въ 1818 г. число „инвалидовъ, женъ ихъ и дѣтей, живущихъ въ городахъ и слободахъ“ въ Рязанской губ., составляло 640 м. п. и 447 ж. п.; изъ нихъ 519 м. и 402 ж. приходилось на Зарайскъ, Касимовъ, Пронскъ и Ряжскъ, въ которыхъ были инвал. команды („Описаніе Рязанской губ. съ картами и табелями о состояніи ея 1818 г. Соч. Ряз. губ. землемѣръ Андрей Аргилландеръ“ В. Уч. Арх. Гл. Шт. V, 377 В.) Здѣсь же сообщается, что въ Рязанской губ. „нижнихъ служителей при статской службѣ“ состояло 675 чел.

[1]) *Германъ*, Стат. изслѣд., стр. 19.

[2]) *Зябловскій*, Стат. опис. Росс. Имп., ч. II, 91—6.

[3]) „самыхъ дряхлыхъ, увѣчныхъ и пропитанія не имѣющихъ штабъ-, оберъ-и унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ и другихъ чиновъ, въ службѣ государевой бывшихъ мужеска 362, женска 654, да таковыхъ же чиновъ отцовъ и матерей дѣтей 26“.

Digitized by Google

чены [1]) а остальные 1287 оставлены [2]). Итакъ, всего было оставлено въ С.-Петербургскихъ и Московскихъ богадѣльняхъ 2329 человѣкъ. Они получали по 2 коп. въ день (а оберъ-офицеры и ихъ жены—4 коп.).

Таковы были результаты разбора. Каковы же были дальнѣйшія мѣры, принятыя правительствомъ? Прежде всего названныхъ 2329 чел. было повелѣно всѣхъ оставить; впредь же содержать въ Московскихъ богадѣльняхъ 1000 человѣкъ, а (въ С.-Петербургскихъ (на Васильевскомъ островѣ)—500 (поровну женскаго и мужского пола). Эти богадѣленные должны были получать въ Москвѣ — по 12 р., а въ С.-Петербургѣ—по 15 р. въ годъ на пищу (излишніе—половину, что всетаки составляло больше прежнихъ кормовыхъ дачъ) и, кромѣ того, помѣщеніе и деньги на дрова. На убылыя мѣста должны были назначаться отставные нижніе чины, неспособные къ отправленію въ инвалидныя команды, а также и нѣкоторыя другія лица [3]). Итого на эти богадѣльни, которыя должны были состоять въ вѣдомствѣ коллегіи экономіи, предписывалось ежегодно отпускать по 31.418 руб. (кромѣ единовременныхъ 37.080 р. и кромѣ денегъ на сверхкомплектныхъ) [4]).

Что касается Казанскихъ богадѣленъ, то въ нихъ, какъ мы видѣли, было во время реформы 1764 г. 502 чел.: ихъ было предписано тамъ оставить съ жалованьемъ по 5 руб. въ годъ, но съ тѣмъ, „чтобы впредь на упалыя изъ нихъ мѣста никого уже не опредѣлять“, такъ чтобы эти богадѣльни со временемъ совсѣмъ закрылись.

Кромѣ названныхъ мѣръ общаго характера въ теченіе второй

---

[1]) А именно, безъ разбору осталось (неизвѣстно почему) 422, къ разбору не явилось 44; далѣе, изъ 709 женщинъ 219 было назначено къ отправленію въ инвалидныя команды съ мужьями и безъ нихъ, 23 пожелали постричься, а 467—на свое пропитаніе.

[2]) Въ ихъ числѣ состояли и названные выше (стр. 114) 579 инвалидовъ. Замѣтимъ, что не всѣ 2462 человѣка были отставные солдаты, но часть ихъ состояла и изъ разночинцевъ.

[3]) А именно, въ комплектъ предписывалось принимать „унтеръ-офицеровъ и солдатъ самыхъ дряхлыхъ и въ неизлѣчимыхъ болѣзняхъ находящихся, и коихъ ни въ какую службу употребить и въ назначенные по штату о инвалидахъ городы отправить не можно, и ихъ женъ, такъ и изъ разночинцевъ, яко то: нижнихъ приказныхъ чиновъ, въ рангахъ не состоящихъ, и изъ мастеровыхъ, въ службѣ государевой находившихся, всякаго званія обоего пола людей, въ таковыхъ же точно престарѣлыхъ лѣтахъ и въ неизлѣчимыхъ болѣзняхъ состоящихъ и родственниковъ и свойственниковъ, кои бы ихъ содержать могли, не имѣющихъ“....

[4]) Выс. утв. учрежденіе, учиненное въ дух. комиссіи 24 II 1765, 12.334.

Digitized by Google

половины XVIII вѣка принимались и нѣкоторыя мѣры болѣе частнаго характера. Такъ, въ 1775 г. въ вѣдомствѣ московской полиціи была учреждена больница и богадѣльня для ряда лицъ, среди которыхъ названы и отставные солдаты, уволенные на свое пропитаніе [1]); черезъ 2 года было предписано основать въ Москвѣ инвалидный домъ для 25 отставныхъ штабъ-и оберъ-офицеровъ [2]); затѣмъ, еще черезъ два года, учрежденная въ 1775 г. больница (которая здѣсь уже называется больницей для отставныхъ солдатъ) была соединена съ названнымъ инвалиднымъ домомъ въ одно учрежденіе [3]). Далѣе, для отставныхъ морского вѣдомства существовалъ инвалидный домъ въ С.-Петербургѣ на Каменномъ островѣ [4]), а нѣкоторые инвалидные дома содержались на частныя средства [5]).

Затѣмъ мы встрѣчаемся еще съ однимъ способомъ призрѣнія старыхъ, увѣчныхъ и т. д., отставныхъ, а именно съ отсылкой ихъ въ учрежденные при проведеніи губернской реформы 1775 г. *приказы общественнаго призрѣнія*. Впервые мы встрѣчаемся съ этой мѣрой въ 1784 г., когда, по представленію Тобольской казенной палаты, ей было предписано примѣнить ее по отношенію къ „старымъ, дряхлымъ, больнымъ и увѣчнымъ" отставнымъ солдатамъ [6]). Но эта мѣра примѣнялась и въ другихъ частяхъ Имперіи, по крайней мѣрѣ въ концѣ столѣтія, когда правительство нашло себя вынужденнымъ предписать инспекторамъ войскъ не опредѣлять увольняемыхъ нижнихъ чиновъ въ приказы безъ согласія послѣднихъ, такъ какъ могли быть причины, препятствующія приказамъ принимать отставныхъ на свое содержаніе [7]). Въ приказы

---

[1]) Указъ 12 VIII 1775, 14.357.

[2]) Указъ 13 VII 1777, 14.628.

[3]) Указъ 2 IV 1779, 14.859. Вѣроятно, этого же инвалиднаго дома касается указъ 15 V 1790, 16.868, п. 5. Больница впослѣдствіи была названа Екатерининскою. См. Установл. о росс. орденахъ 5 IV 1797, 17.908, п. 29. О домѣ для призрѣнія отставныхъ офицеровъ въ помѣщеніи бывшаго кіевскаго Межигорскаго монастыря см. указъ 10 IV 1786, 16.375.

[4]) О немъ говоритъ указъ 14 I 1797, 17.731.

[5]) О такой богадѣльнѣ для 8 отставныхъ солдатъ въ Костромской губ. на средства купца Сыренкова см. указъ 29 IV 1805, 21.734; объ инвалидномъ домѣ при Сергіевской пустыни по Петергофскому шоссе на 30 отставныхъ (изъ нихъ 24 нижнихъ чина) см. указъ 3 VII 1805, 21.823. Кромѣ того, еще въ 1784 г. кавалерской думой военнаго ордена св. Георгія было опредѣлено отпускать по 5000 руб. въ годъ на призрѣніе заслуженныхъ солдатъ, при чемъ выборъ мѣста для пребыванія послѣднихъ былъ предоставленъ Потемкину (см. указъ 26 II 1784, 15.941).

[6]) Указъ 21 VIII 1784, 16.046.

[7]) Указъ изъ военной коллегіи VIII 1798, 18.649, изданный по представленію Симбирскаго приказа общ. призрѣнія.

Digitized by Google

общественнаго призрѣнія отсылались также и неимѣвшіе пропитанія отставные губернскихъ ротъ и городовыхъ командъ до 1799 г., когда это было признано обременительнымъ для приказовъ, вслѣдствіе ограниченности ихъ средствъ при значительномъ числѣ служащихъ въ названныхъ ротахъ и командахъ и когда было предписано означеннымъ отставнымъ впредь выдавать инвалидное содержаніе изъ общихъ государственныхъ доходовъ съ дарованіемъ имъ права жить, гдѣ они пожелаютъ [1]).

Забота о призрѣніи отставныхъ солдатъ, состоявшихъ на службѣ при присутственныхъ мѣстахъ гражданскаго вѣдомства, въ случаѣ ихъ неспособности продолжать последнюю, лежала уже не на военныхъ, но на гражданскихъ властяхъ. Въ этомъ смыслѣ законъ высказался еще въ 1764 г., когда было разрѣшено помѣщать этихъ отставныхъ въ учрежденныя въ 1764 г. богадѣльни при архіерейскихъ домахъ, которыя, какъ мы видѣли выше, для отставныхъ непосредственно изъ военной службы были закрыты [2]).

Въ заключеніе мы должны еще указать, что особымъ правомъ на призрѣніе со стороны государства съ 1793 г. пользовались нижніе чины, получившіе тяжелыя раны на войнѣ и лишившіеся такимъ образомъ способности продолжать службу. Манифестъ 1793 г. предписалъ этимъ лицамъ пожизненно выплачивать въ видѣ пенсіи полное жалованіе [3]).

VII. Заключеніе.

Если мы попытаемся подвести итогъ всему сказанному объ отставныхъ солдатахъ въ предыдущихъ очеркахъ, то прежде всего обращаетъ на себя вниманіе ихъ слабая матеріальная обезпеченность.

---

[1]) Указъ 27 VII 1799, 19.052. Приказы общ. призр. получили по 15.000 р., а число служащихъ въ губ. ротахъ и городовыхъ командахъ составляло въ 41 губ. 17.928 чел.

[2]) Указъ 6 VII 1764, 12.200. Подобное постановленіе для служащихъ въ вѣдомствѣ главной дворцовой канцеляріи см. въ указѣ 5 III 1774, 14.133.

[3]) Ман. 2 IX 1793, 17.149. Это постановленіе было подтверждено въ воинскихъ уставахъ Павла 29 XI 1796 (17.588, ч. IX, гл. VII, п. 2 и 17.590, гл. XXXIX, п. 2), предписавшихъ давать нижнимъ чинамъ, получившимъ въ дѣйствительной службѣ увѣчья, инвалидное содержаніе, „несмотря на лѣты въ службѣ". Если увѣчье было получено во время ученія, то пострадавшій, согласно указу 25 VI 1799, 19.012, увольнялся на инвалидное содержаніе за счетъ его командира.

Digitized by Google

Если отставные при увольненіи опредѣлялись на службу въ присутственныя мѣста гражданскаго вѣдомства, то имъ предстояла перспектива жить на то ничтожное жалованье, которое они здѣсь получали. Если они увольнялись на свое пропитаніе и возвращались въ свои прежнія селенія, то ихъ преклонный возрастъ и истощенная рабочая сила, въ связи съ потерею привычки къ земледѣльческому труду, являлись такими обстоятельствами, которыя съ самаго начала оставляли имъ мало шансовъ на хозяйственное преуспѣяніе; если затѣмъ къ этому прибавить, что они на прежнихъ жилищахъ должны были столкнуться съ неопредѣленностью своихъ земельныхъ правъ, ставившею ихъ въ большую или меньшую зависимость отъ доброй воли ихъ обществъ, то намъ будетъ вполнѣ понятно, почему главнымъ образомъ изъ этой группы отставныхъ выходили тѣ нищіе, о которыхъ мы слышимъ въ теченіе всего вѣка. Если же отставной, уволенный на свое пропитаніе, посвящалъ себя не земледѣлію, но ремесламъ, то и это занятіе едва ли могло быть для него очень прибыльнымъ при томъ состояніи здоровья и силъ, которое требовалось для полученія отставки. Лучше, вѣроятно, было положеніе уволенныхъ на поселеніи, хотя и здѣсь не могла не вліять отвычка отъ земледѣльческаго труда. Наконецъ, также далеко необезпеченнымъ было положеніе и тѣхъ отставныхъ, которые до 1764 г. опредѣлялись въ монастыри: и они должны были страдать какъ отъ скуднаго содержанія, такъ и отъ неохотной и нерегулярной уплаты его со стороны монастырей, тяготившихся этой обязаностью. Нѣсколько лучше, вѣроятно, было положеніе инвалидовъ послѣ 1764 г.: хотя и ихъ жалованіе было невысоко, но они его по крайней мѣрѣ получали болѣе регулярно, чѣмъ прежде; впрочемъ, на ихъ положеніи долженъ былъ неблагопріятно отразиться характеризующій послѣднюю четверть XVIII в. ростъ цѣнъ.

Итакъ, нашъ выводъ гласитъ, что положеніе отставныхъ въ смыслѣ матеріальной обезпеченности въ XVIII в. и началѣ XIX в. оставляетъ желать многаго. Причина этого явленія ясна: ею является та основная черта, которая красной нитью проходитъ чрезъ всю экономическую жизнь Россіи въ XVIII вѣкѣ, и которая затѣмъ была унаслѣдована и XIX вѣкомъ, а именно коренившаяся въ преобладаніи натуральнаго хозяйства низкая ступень благосостоянія страны и связанный съ нею низкій уровень жизни (standard of life) ея жителей. На этой почвѣ и покоилась та особенность, которая характеризуетъ всю нашу государственную дѣятельность въ теченіе XVIII—и не одного XVIII—вѣка: проникавшій повсюду фискализмъ, чуждый какихъ-либо культурныхъ задачъ. Въ разсматриваемомъ нами вопросѣ эта основная

Digitized by Google

черта оказывала двоякое вліяніе: съ одной стороны государству, при бѣдности плательщиковъ податей, не на что было обезпечивать отставныхъ, какъ бы искренно оно ни задавалось этой цѣлью; съ другой стороны и въ самыхъ стремленіяхъ своихъ оно не могло идти далѣе желанія дать отставнымъ ту низкую норму благосостоянія, которая была удѣломъ тѣхъ группъ населенія, изъ которыхъ они выходили.

Digitized by Google

СОЛДАТСКІЯ ЖЕНЫ И ДѢТИ.

Покончивъ съ положеніемъ солдатъ и отставныхъ солдатъ, мы теперь должны поставить себѣ вопросъ: каково же было сословное положеніе ихъ женъ и дѣтей? Если, напр., крестьянинъ попадалъ въ рекруты, то какова была судьба его семьи, если у него таковая уже имѣлась? Или каково было положеніе его семьи, если онъ обзаводился ею впослѣдствіи? Отвѣтить на эти вопросы составитъ задачу настоящаго очерка.

Мы видѣли, что правительство пыталось всячески использовать рабочую силу человѣка, попадавшаго на военную службу, и что оно выпускало его изъ своихъ рукъ лишь тогда, когда съ него уже нечего было взять. Такъ обстояло дѣло до 1793 г.; однако, и установленный въ этомъ году 25-лѣтній срокъ службы долженъ быть признанъ настолько продолжительнымъ, что и въ теченіе его правительство успѣвало использовать если не все, то во всякомъ случаѣ лучшія силы человѣка. Поэтому отставные оставлялись правительствомъ внѣ рядовъ плательщиковъ подушной подати.

Однако, поступая такъ по отношенію къ отставнымъ, правительство не теряло изъ виду ихъ дѣтей м. пола. Эти дѣти должны были такъ или иначе служить его цѣлямъ, либо военнымъ—путемъ поступленія въ войско, либо финансовымъ—путемъ положенія въ подушный окладъ. Что же касается солдатскихъ женъ, то ихъ, конечно, правительство не привлекало и не намѣревалось привлекать къ обложенію; тѣмъ не менѣе и ихъ положеніе законодательству приходилось дѣлать предметомъ своей регламентаціи. Мы начнемъ съ нихъ.

I. Солдатскія жены.

Солдатскія жены представляютъ изъ себя одну изъ наиболѣе печальныхъ фигуръ XVIII вѣка. Слѣдуютъ ли онѣ въ службу за своими

Digitized by Google

мужьями, чтобы жить на скудное жалованіе послѣднихъ или на какой-нибудь собственный заработокъ; остаются ли онѣ на прежнихъ жилищахъ, чтобы жить вдали отъ мужей и иногда въ теченіе десятилѣтій не имѣть отъ послѣднихъ никакихъ извѣстій—повсюду онѣ возбуждаютъ лишь наше сожалѣніе. Но еще болѣе печальная участь постигала ихъ по смерти ихъ мужей: здѣсь ужъ часто имъ ничего другого не оставалось, какъ бродить безъ опредѣленнаго мѣста жительства и постоянныхъ средствъ къ существованію.

Но обратимся къ фактамъ.

Фундаментальное значеніе для положенія солдатскихъ женъ въ первую половину XVIII в. имѣлъ, кажется, изданный въ 1700 г. указъ „о вольницѣ", согласно которому жены лицъ, взятыхъ въ солдаты, могли слѣдовать за своими мужьями [1]). Какъ это постановленіе примѣнялось—мы въ подробности не знаемъ; лишь въ 1744 г., при производствѣ второй ревизіи, Сенатомъ былъ изданъ указъ, вводившій болѣе точныя правила. Согласно послѣднимъ жены людей, отданныхъ въ рекруты, могли либо слѣдовать за своими мужьями, либо, по желанію, оставаться на прежнихъ жилищахъ, при чемъ помѣщики не имѣли права удерживать ихъ у себя насильно. Право свободнаго выбора прекращалось для женъ отданныхъ въ солдаты мужей лишь со смертью послѣднихъ на службѣ: въ этомъ случаѣ оставшіяся на прежнихъ жилищахъ жены не могли уже болѣе покинуть эти жилища и уже должны были оставаться въ крестьянствѣ [2]). Весьма возможно, что эти правила—по крайней мѣрѣ первая часть ихъ, устанавливавшая свободу солдатскихъ женъ отъ прежнихъ помѣщиковъ—соблюдались уже и до 1744 г., но, повторяемъ, за это время у насъ опредѣленныхъ данныхъ нѣтъ, и мы должны довольствоваться приведенными выше свѣдѣніями. Было бы весьма интересно знать, какъ пользовались жены своимъ правомъ выбора: предпочитали ли онѣ слѣдовать за мужьями, или оставаться на прежнихъ жилищахъ. Между тѣмъ до насъ по этому вопросу дошло

---

[1]) На этотъ указъ ссылается приводимый ниже указъ 22 VIII 1744, 9.019. Здѣсь вѣроятно разумѣется указъ 23 XII 1700, 1.820 о наборѣ въ солдаты вольноопредѣляющихся, хотя въ этомъ узаконеніи мы никакихъ опредѣленныхъ правилъ о солдатскихъ женахъ не находимъ, если не считать косвеннаго указанія п. 3, предписывающаго „новоприборныхъ солдатъ по жены ихъ въ близкіе и въ дальніе города отпускать съ поруками на срокъ".

[2]) См. указъ 22 VIII 1744, 9.019. О нижнихъ чинахъ морского вѣдомства см. указъ 20 V 1723, 4.227, п. 4, предписывавшій отпускать вдовъ этихъ чиновъ „и съ дѣтьми малолѣтними съ отпусками, данными отъ коллегіи, на волю, или къ тѣмъ вотчинникамъ, откуда онѣ взяты".

Digitized by Google

лишь одно извѣстіе, слишкомъ случайное, а притомъ и недостаточно ясное, для того чтобы оно могло служить намъ основаніемъ для какихъ-либо выводовъ [1]).

Каково же было положеніе солдатскихъ женъ?

Обратимся сначала къ тѣмъ изъ нихъ, которыя оставались на прежнихъ жилищахъ. Чтобы понять ихъ положеніе, достаточно вспомнить о безсрочности службы того времени и о томъ состояніи, въ какомъ находились пути сообщенія и средства сношенія. Между мужемъ и женой порывалась всякая связь, жена въ теченіе „5 и 10 и 15 лѣтъ и больше“ оставалась безъ всякихъ извѣстій о мужѣ и не знала даже, живъ ли онъ [2]). А это вело къ тому, что у солдатскихъ женъ появлялись незаконнорожденныя дѣти [3]), что онѣ, „не имѣя съ самой отдачи мужей ихъ въ рекруты достовѣрнаго о жизни или смерти ихъ свѣдѣнія, впадаютъ въ развратную жизнь, а другія вступаютъ по долговременномъ ожиданіи въ беззаконные браки“ [4]). Съ другой стороны ма-

---

[1]) Въ указѣ 20 VIII 1739, 7.875 (объ устроеніи Московской части въ С.-Петербургѣ), п. 4, приведены слѣдующія данныя о численности двухъ гвардейскихъ полковъ:

	Семеновскій.	Измайловскій.
Оберъ-офицеровъ и унтеръ-штаба........	58	58
Нижнихъ чиновъ (унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ и т. д.).....................	2235	2491
Число женатыхъ среди послѣднихъ	1154	383
% женатыхъ	52%	15%

Уже вслѣдствіе большого различія между обоими полками мы здѣсь не можемъ придти къ какому-либо выводу. Кромѣ того здѣсь приведены лишь тѣ женатые, которые имѣли своихъ женъ при себѣ, и мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о тѣхъ нижнихъ чинахъ, жены которыхъ оставались на прежнихъ жилищахъ. Наконецъ, приходится признать, что приведенныя данныя вѣроятно вовсе не относятся къ нашему вопросу, такъ какъ служащими въ гвардейскихъ полкахъ въ большинствѣ случаевъ являлись дворяне (см. *А. Романовичъ-Славатинскій*, Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмѣны крѣпостного права, Спб. 1870, стр. 128).

[2]) См. указъ 11 VII 1744, 8.989.

[3]) Тамъ же.

[4]) Указъ 18 X 1781, 15.257. Во второй половинѣ вѣка были приняты нѣкоторыя мѣры, чтобы оставшіяся на прежнихъ жилищахъ солдатскія жены были освѣдомлены относительно участи ихъ мужей по крайней мѣрѣ въ случаѣ смерти послѣднихъ. А именно, въ инструкціяхъ полковникамъ 8 XII 1764, 12.289 и 14 I 1766, 12.543, гл. II, п. 6 было предписано о смерти солдатъ увѣдомлять ихъ оставшихся на прежнихъ жилищахъ женъ, дабы послѣднія могли выходить замужъ за другихъ. Согласно указу 1777 г. полковые священники для этой цѣли должны были вести особыя книги женатымъ нижнимъ чинамъ съ означеніемъ мѣста пребыванія ихъ женъ. Впрочемъ, добиться исполненія по этому предписанію было весьма трудно, что видно изъ многочисленныхъ

Digitized by Google

теріальное положеніе этой группы солдатскихъ женъ должно было быть весьма шаткимъ. Будучи юридически оторваны какъ отъ своихъ прежнихъ помѣщиковъ или сельскихъ обществъ, такъ и отъ семей, къ которымъ принадлежали ихъ мужья, онѣ въ отношеніи своей матеріальной обезпеченности должны были находиться въ полной зависимости отъ произвола тѣхъ или другихъ. Хотѣла, напр., семья о нихъ позаботиться—и у нихъ были средства къ существованію; не хотѣла—и онѣ должны были жить своимъ собственнымъ заработкомъ или мірскимъ подаяніемъ [1]). Хотя у насъ есть лишь немного указаній, но едва ли будетъ ошибкой, если мы скажемъ, что вторая альтернатива должна была быть преобладающей [2]).

подтвержденій его (см. указы 13 X 1777, 14.664; 13 IX 1779, 14.914; 28 II 1780, 14987; 15 X 1781, 15257; 7 VII 1800, 19.475; 15 X 1800, 19.605).

[1]) Лишь относительно женъ людей, взятыхъ въ солдаты изъ архіерейскихъ домовъ и монастырей, проф. Горчаковъ сообщаетъ, что ихъ бралъ на свое попеченіе монастырскій приказъ (*Горчаковъ.* Монастырскій приказъ, стр. 187).

[2]) См. слѣдующія слова, которыми характеризуется положеніе солдатскихъ женъ и вдовъ въ болѣе позднюю эпоху, а именно ко времени учрежденія министерства гос. им. (1838): „Положеніе солдатскихъ вдовъ и женъ было еще неопредѣленнѣе (scil. чѣмъ положеніе отставныхъ солдатъ): случалось, что родственники вытѣсняли солдатку изъ дома и, если давали ей выдѣлъ, то самый скудный; эти несчастныя, особенно съ дѣтьми, либо жили подаяніемъ, либо терпѣли ужасную нужду“ (Историческое обозрѣніе пятидесятилѣтія Мин. Гос. Им., т. II, ч. I, стр. 37—40).

Можно было бы привести и другія свидѣтельства, относящіяся къ этой эпохѣ. Такъ, напр., „Всеподд. отчетъ Московскаго комитета о просящихъ милостыню за 1841 г.“ среди призрѣваемыхъ имъ лицъ на первомъ мѣстѣ называетъ солдатокъ (Ж. М. В. Д., 1842, I, 225). Любопытно, что на четвертомъ мѣстѣ онъ называетъ отставныхъ солдатъ, указывая, что число ихъ очень значительно, причемъ находящіеся „въ полномъ изнеможеніи“ помѣщаются въ богадѣльни, а изъ другихъ многіе получаютъ пособіе для отправленія на родину, „а не желающіе возвратиться на свою сторону и въ особенности уроженцы здѣшней столицы удерживаются на болѣе или менѣе продолжительные сроки для пріученія ихъ къ нѣкоторому занятію и нравственному, по возможности, исправленію“ (!). (Тамъ же, стр. 228). Нѣтъ сомнѣнія, что приведенныя данныя о положеніи солдатскихъ женъ въ XIX в. могли бы быть примѣнены и ко всему XVIII вѣку. На это, впрочемъ, у насъ есть и нѣкоторыя прямыя указанія. Такъ, напр., о солдатскихъ женахъ въ Архангелогородской губ. при производствѣ второй ревизіи канцелярія ревизіи этой губерніи сообщала, что „всѣ таковыя солдатскія жены... живутъ въ разныхъ мѣстахъ у разныхъ чиновъ людей на подворьяхъ и въ уѣздѣ, а больше бродятъ въ мірѣ, и почти всѣ таковыя никакого призрѣнія и дворовъ своихъ не имѣютъ“. Это побудило Сенатъ между прочимъ предписать, чтобы состоящія при матеряхъ солдатскія дѣти, „коихъ матери... пропитать не могутъ и шатаются въ мірѣ... безъ всякаго призрѣнія, отдавать помѣщикамъ, на заводы и фабрики вѣчно“ (указъ 11 VII 1744, 8.989). Затѣмъ мы въ теченіе XVIII вѣка среди просящихъ милостыню нищихъ неоднократно встрѣчаемъ упоминаніе о солдатскихъ женахъ. Такъ, напр., указъ

Digitized by Google

Обратимся теперь къ тѣмъ солдатскимъ женамъ, которыя жили при своихъ мужьяхъ. Мы почти ничего не знаемъ о нихъ до 1760-ыхъ годовъ—знаемъ только, что онѣ существовали и что, поэтому, обыватели, на которыхъ лежала постойная повинность, должны были строить квартиры и для нихъ съ дѣтьми, или же отводить имъ помѣщеніе въ своихъ крестьянскихъ дворахъ [1]. Нѣсколько болѣе подробныя данныя

---

19 V 1733, 6.406 ссылается на жалобы полицеймейстерской канцеляріи на многочисленность приводимыхъ въ нее нищихъ, среди которыхъ особо упоминаются жены и вдовы отставныхъ солдатъ, и по этому поводу предписываетъ увеличить число богадѣленъ въ С.-Петербургѣ. Далѣе, указъ 1 III 1736, 6.906 среди „Смоленскихъ нищихъ" также называетъ „солдатскихъ женъ вдовъ". Таковыхъ солдатскихъ женъ отсылали въ коллегію экономіи или соотв. ей учрежденія для опредѣленія въ богадѣльни (см., напр., указъ 18 XI 1742, 8662). Между тѣмъ эти учрежденія не особенно охотно ихъ принимали и вступали по поводу ихъ въ пререканія съ присылавшими ихъ полицейскими учрежденіями (см., напр., указъ 18 XI 1742, 8.662). Богадѣльни были переполнены, тогда какъ для помѣщенія въ нихъ продолжали поступать „изъ командъ пойманные бродящіе нищіе, а паче отставные солдаты и солдатскіе жены престарѣлыя и дряхлыя". Вслѣдствіе этого въ 1744 г. было предписано произвести разборъ лицъ, находившихся въ богадѣльняхъ (указъ 26 X 1744, 9.053). Въ 1761 г. канцелярія синодальнаго экономическаго правленія опять отказалась принять присланныхъ къ ней престарѣлыхъ и увѣчныхъ солдатскихъ женъ, жившихъ нищенствомъ, ссылаясь на недостатокъ мѣста въ богадѣльняхъ; такъ какъ однако такой образъ дѣйствія канцеляріи долженъ былъ побудить означенныхъ солдатскихъ женъ „паки, въ противность предписанныхъ указовъ, по улицамъ и по церквамъ бродить и на дорогахъ лежать, а въ случаѣ запрещенія съ голоду и безъ покровительства помирать", то Сенатъ предписалъ канцеляріи распредѣлить ихъ по богадѣльнямъ „безъ всякаго отрицанія" (указъ 21 XII 1761, 11.389). Между тѣмъ на этомъ пререканія не кончились: канцелярія синод. экономическаго правленія изъ присылавшихся ей Московской полиціей „бродящихъ нищихъ солдатскихъ, драгунскихъ, матросскихъ и рекрутскихъ женокъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ," принимала лишь имѣвшихъ паспорты, предоставляя полиціи о не имѣющихъ ихъ производить предварительное разслѣдованіе въ томъ, подлинно ли онѣ солдатскія и т. д. жены. Полиція жаловалась на это Сенату, указывая на то, что у нея нѣтъ суммъ на содержаніе этихъ женъ во время разслѣдованія, отъ чего онѣ „съ голоду прежде времени помирать могутъ". Сенатъ сталъ на сторону полиціи и предписалъ канцеляріи о неимѣющихъ паспортовъ производить разслѣдованіе самой (указъ 14 III 1763, 11.776). Въ дополненіе къ этому было предписано пойманныхъ въ прошеніи милостыни солдатскихъ и т. д. женъ, „кои не увѣчны и работать могутъ", отсылать для работъ на фабрики въ мануфактуръ-коллегію (указъ 11 VI 1763, 11.859). Указъ 29 III 1766, 12.605 также сообщаетъ о безпрестанно вступающихъ изъ разныхъ мѣстъ въ С.-Петербургскую губ. канцелярію и содержащихся въ ней нищихъ и т. п., среди которыхъ онъ называетъ вдовъ, женъ и дочерей служащихъ и отставныхъ солдатъ, взятыхъ за то, что онѣ „обращались здѣсь въ пьянствѣ и въ прочихъ недозволенныхъ поступкахъ и въ прошеніи милостыни." По этому поводу былъ подтвержденъ указъ 14 III 1763, 11.776.

[1]) Объ этомъ см., напр., указъ 19 VII 1726, 4.936, предписывающій, чтобы обывателей, которые не пожелаютъ строить квартиры, „а пожелаютъ держать драгунъ и

Digitized by Google

мы можемъ привести за 1760-ые гг. По дошедшимъ до насъ за это время свѣдѣніямъ, жены лицъ, попавшихъ въ солдаты, могли свободно слѣдовать за своими мужьями, а иногда принуждались къ этому мѣстными властями противъ воли; съ другой стороны онѣ иногда тайно присоединялись къ своимъ мужьямъ, унося или уводя съ собою своихъ рожденныхъ въ крестьянствѣ дѣтей. Находясь затѣмъ при мужьяхъ, онѣ, согласно инструкціямъ полковникамъ пѣхотнаго и коннаго полковъ (1764 и 1766 гг.), должны были жить въ тѣхъ же квартирахъ, въ которыхъ стояли послѣдніе; отлучаться изъ нихъ онѣ могли лишь съ согласія мужей по даннымъ отъ полка паспортамъ. Относительно средствъ къ существованію названныя инструкціи предоставляли имъ находить таковыя собственнымъ трудомъ („своими трудами, работою и ремесломъ"), хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ и предписывали полковнику заботиться о доставленіи имъ заработка при полку путемъ употребленія ихъ къ разнымъ работамъ [1]). Таково было положеніе, едва ли завидное, солдатскихъ женъ въ мирное время [2]); но гораздо тяжелѣе оно становилось въ военное время, когда онѣ оставались однѣ съ дѣтьми на рукахъ, хотя онѣ на послѣднихъ и могли получать пособіе (объ этомъ см. ниже). Поэтому и случалось, что имъ приходилось жить, „шатаясь межъ дворъ по своей волѣ и не найдя иногда пристойнаго себѣ мѣста и пропитанія, привыкнуть въ противность указовъ ходить по міру или впадать въ разныя продерзости".

Однако, свобода солдатскихъ женъ слѣдовать за мужьями была значительно ограничена въ 1772 г., когда былъ изданъ законъ, запретившій отпускать рекрутскихъ женъ съ прежнихъ ихъ жилищъ при первомъ вступленіи ихъ мужей на службу, съ тѣмъ чтобы онѣ могли переселяться къ мужьямъ лишь позднѣе, „когда ихъ мужья въ канто-

---

солдатъ, какъ холостыхъ, *такъ и женатыхъ съ дѣтьми* въ крестьянскихъ дворахъ, тѣхъ строеніемъ не принуждать"...

[1]) „какъ-то напримѣръ: къ шитью и мытью для полковыхъ служителей бѣлья, вязать чулки, шить палатки, пирамидные чехлы и штиблеты (?) и тому подобное". Всѣ эти постановленія см. въ инструкціяхъ 8 XII 1764, 12.289, гл. XI, пп. 1 и 3 и 14 I 1766, 12.543, гл. XXV, пп. 1 и 3. О паспортахъ см. также указъ 29 XII 1772, 13.932.

[2]) Указъ 28 III 1740, 8.056 сообщаетъ о „солдатскихъ, матросскихъ и другихъ въ службѣ обрѣтающихся чиновъ женахъ, которыя за ихъ вины бываютъ пытаны жъ и биты кнутомъ": по закону онѣ подлежали высылкѣ изъ С.-Петербурга. Такъ какъ, однако, у нихъ не было другихъ жилищъ, кромѣ въ С.-Петербургѣ при мужьяхъ, то названный указъ предписалъ оставить ихъ (какъ и нѣкоторыя другія категоріи лицъ) въ С.-Петербургѣ. Вѣроятно, число такихъ солдатскихъ женъ было не малое, такъ какъ иначе едва ли бы указъ выдѣлилъ ихъ въ особую категорію; а въ такомъ случаѣ это бросаетъ нѣкоторый общій свѣтъ на положеніе состоявшихъ при мужьяхъ солдатскихъ женъ.

Digitized by Google

ниръ-квартиры вступить имѣютъ, и не инако, какъ въ сходственность полковничьей инструкціи, по требованію полковъ" [1]). Мотивомъ къ такому ограниченію законъ выставлялъ съ одной стороны остающихся на прежнихъ жилищахъ малолѣтнихъ дѣтей, „коимъ еще до нѣсколькихъ лѣтъ возраста ихъ весьма нужно призрѣніе съ материной стороны", а съ другой стороны—необходимость для мужей осмотрѣться и привыкнуть къ новому состоянію [2]). Итакъ, съ 1772 г., наше законодательство стало ставить препятствія свободному слѣдованію солдатскихъ женъ за мужьями. Эти препятствія, если мы не ошибаемся, были сохранены затѣмъ въ теченіе всей остальной части изучаемой нами эпохи. Лишь въ видѣ исключенія мы встрѣчаемся съ однимъ случаемъ, въ которомъ, вѣроятно, изъ соображеній колонизаціонныхъ были приняты мѣры къ облегченію такого слѣдованія [3]). Въ воинскихъ уставахъ Павла мы встрѣчаемъ лишь лаконическое разрѣшеніе „рядовымъ... женатымъ прежде солдатства имѣть при себѣ женъ" [4]).

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію положенія женъ отставныхъ и умершихъ нижнихъ чиновъ.

Что касается первыхъ, то намъ достаточно указать на характеристику, данную нами въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ имущественному положенію самихъ отставныхъ солдатъ: понятно, что встрѣченныя нами повсюду (кромѣ развѣ Казанскаго поселенія) бѣдность ихъ должна была простираться и на ихъ женъ.

---

[1]) Подобнаго постановленія мы въ полковничьихъ инструкціяхъ найти не могли.

[2]) Указъ 5 VI 1772, 13.816. Законъ этотъ отъ предписаннаго въ немъ ограниченія ожидалъ слѣдующихъ выгодъ: 1) рекрутъ будетъ свободенъ отъ попеченія о женѣ; 2) жены будутъ спокойно жить, не впадая ни въ какіе пороки, на прежнихъ жилищахъ, пока „мужья ихъ не будутъ въ состояніи имѣть способа взять ихъ къ себѣ"; 3) дѣти „способнѣе возрасти могутъ" при матери „подъ наблюденіемъ со стороны помѣщика или тѣхъ селъ и деревень прикащиковъ, старостъ и мірскихъ людей". При этомъ законъ находилъ, что солдатскія жены, „живучи до времени на прежнихъ своихъ мѣстахъ, упражняясь въ обыкновенной своей работѣ или рукодѣліи, имѣя пропитаніе при помощи родственниковъ или тѣхъ селеній жителей, удобно отъ того (т. е. пороковъ) себя сохранить и дѣтей воспитать могутъ" и т. д. За всѣми этими аргументами, которымъ едва ли можно придавать большое значеніе, вѣроятно, скрывались какіе нибудь интересы, быть можетъ стремленіе помѣщиковъ сохранить въ своей власти солдатскихъ женъ или лучше обезпечить за собою солдатскихъ дѣтей.

[3]) См. упоминаемые выше, на стр. 74 указы 14 I 1785, 16.130 и 18 III 1785, 16.167 о переселеніи на югъ рекрутскихъ женъ.

[4]) Воинскіе уставы 29 XI 1796, 17.588, ч. IX, гл. XI и 17590, гл. XLI, п. 3. Послѣдній уставъ въ гл. XLIII, п. 11 заключаетъ въ себѣ слѣдующее не совсѣмъ ясное постановленіе: „Бабамъ въ походѣ не быть при полкахъ, но отводить оныхъ къ генералъ-гевалдигеру и идти онымъ впередъ съ прикомандированными, съ фурьерами".

Digitized by Google

Что же касается вторыхъ, то ихъ положеніе напоминало собой положеніе женъ служащихъ солдатъ, не послѣдовавшихъ за своими мужьями, и если чѣмъ отличалось отъ него, то развѣ что въ худшую сторону. И имъ приходилось часто бродить по міру, прося милостыню и живя случайными подачками [1]). При этомъ правительство до 1760-ыхъ гг. ничего не дѣлало въ пользу этихъ несчастныхъ, чтобы облегчить ихъ участь [2]). Первымъ проблескомъ правительственной заботы являются изданныя въ 1758 г. Выс. утв. для комиссаріатскаго правленія регулы, коими предписывалось единовременно выдавать оставшимся послѣ нижнихъ чиновъ вдовамъ, какихъ бы лѣтъ онѣ ни были, годовое окладное жалованье ихъ мужей [3]). Гораздо болѣе важное значеніе имѣло инвалидное учрежденіе 1764 г. Послѣднимъ было предписано, чтобы вдовы нижнихъ чиновъ, служащихъ въ гарнизонныхъ полкахъ или отставленныхъ на свое пропитаніе, получали пожизненно или по вступленіе въ замужество по 2 р. въ годъ на себя и по 3 р. въ годъ для дѣтей, и притомъ для дѣтей м. п.—до зачисленія ихъ въ школы, а ж. п.—до достиженія ими 12-тилѣтнаго возраста, послѣ чего тѣхъ изъ дѣтей ж. п., которыхъ „никто въ собственное призрѣніе не возьметъ, отдавать на фабрики". Кромѣ того, вдовамъ разрѣшалось вступать въ монашество, въ каковомъ случаѣ, однако, онѣ лишались права на пенсію. Въ этихъ постановленіяхъ инвалиднаго учрежденія остается неяснымъ, почему право на полученіе пенсіи распространялось лишь на вдовъ и дѣтей нижнихъ чиновъ, служившихъ въ гарнизонныхъ полкахъ, и почему этого права не имѣли вдовы и дѣти служащихъ въ полевыхъ полкахъ [4]).

---

[1]) Надо думать, что всѣ приведенныя выше (см. стр. 130, прим. 2) выписки о солдатскихъ женахъ, пойманныхъ въ нищенствѣ, разумѣютъ подъ солдатскими женами женъ не только служащихъ солдатъ, но также и отставныхъ и умершихъ.

[2]) Морской уставъ 13 I 1720, 3.485, кн. IV, гл. IV, п. 8 установилъ пенсіи для вдовъ и сиротъ, остающихся послѣ убитыхъ по морскому вѣдомству; но указъ 20 V 1723, 4.227, п. 4 разъяснилъ, что это постановленіе касается лишь оставшихся послѣ лицъ, имѣвшихъ по меньшей мѣрѣ оберъ-офицерскіе ранги; жены же, оставшіяся послѣ лицъ, не имѣвшихъ этихъ ранговъ, должны были довольствоваться тѣмъ, что имъ предоставлялась свобода быть отпущенными на волю или вернуться къ прежнимъ помѣщикамъ. См. также Выс. утв. докладъ 21 X 1723, 4.330 и указъ 5 XII 1738, 7.697, а также цитируемый въ послѣднемъ указъ 17 I 1724 г., котораго въ П. С. З. нѣтъ. Изданное въ 1739 г. предписаніе помѣщать вдовъ военныхъ чиновъ, достигшихъ 50 лѣтъ и лишенныхъ пропитанія, въ дѣвичьи монастыри на монахинскія порціи, также касалось лишь вдовъ оберъ-офицеровъ (указъ 19 II 1739, 7.761).

[3]) Выс. утв. для комиссаріатскаго правленія регулы 9 I 1758, 10.789, гл. II, ст. 4, п. 5.

[4]) Впрочемъ, послѣднія попрежнему имѣли право на единовременное пособіе въ размѣрѣ годового жалованья умершаго. См. слѣд. прим.

Digitized by Google

Замѣтимъ еще, что не всѣ названныя выше вдовы и дѣти имѣли право на пенсію, но лишь тѣ, которыя входили въ извѣстный, соотвѣтствовавшій ассигнованной на пенсіи суммы, комплектъ, при чемъ на всѣ пенсіи— для вдовъ и дѣтей какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ—была назначена ежегодная сумма въ 34.400 р., за предѣлы которой было строго запрещено выходить [1]). Наконецъ, нѣкоторые зачатки заботливости о солдатскихъ дочеряхъ можно видѣть въ учрежденномъ при Павлѣ въ С.-Петербургѣ военно-сиротскомъ домѣ. Второе отдѣленіе этого дома (недворянское) на ряду съ солдатскими сыновьями (о нихъ см. ниже) должно было принимать и солдатскихъ дочерей въ числѣ 50. Ихъ предписывалось обучать домашней экономіи, закону Божію, чтенію, письму и грамматикѣ, ариѳметикѣ и рисованію, а также „разнымъ подробностямъ домашней экономіи“ и „рукодѣліямъ и искусствамъ, полу ихъ приличнымъ“: для послѣдней цѣли онѣ должны были быть отдаваемы и въ ученье. По достиженіи 16 лѣтъ родители могли ихъ взять, если они имѣли возможность ихъ содержать; въ противномъ случаѣ ихъ оставляли при домѣ, при чемъ особо способныя назначались для присмотра за дѣтьми, а остальныя должны были поступить въ партикулярное услуженіе на урочное время съ договоромъ по паспортамъ отъ дома. Если оказывался подходящій женихъ, онѣ могли выходить замужъ, при чемъ получали денежное приданое отъ дома [2]).

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о бракахъ солдатъ, уже находившихся въ службѣ. Законодательную регламентацію подобныхъ браковъ мы находимъ только начиная съ 1760-ыхъ годовъ: а именно, инструкціи полковникамъ 1764 и 1766 г. дозволяютъ нижнимъ чинамъ жениться лишь съ разрѣшенія полковника, которому предписывается соглашаться на бракъ только въ томъ случаѣ, если „совер-

---

[1]) Инвал. учрежденіе 26 II 1764, 12.060, пп. 12—16.—П. 11, говорящій о пенсіяхъ вдовамъ и дѣтямъ умершихъ и убитыхъ на службѣ, имѣетъ въ виду только вдовъ и дѣтей лицъ, имѣвшихъ не менѣе оберъ-офицерскаго чина. Мы приведемъ въ другомъ мѣстѣ (см. ниже о солдатскихъ дѣтяхъ) нѣкоторыя соображенія въ пользу этого взгляда. Онъ подтверждается и тѣмъ, что регламентъ о управленіи адмиралтействъ и флотовъ 24 VIII 1765, 12.459, гл. 4, п. 16 относитъ постановленіе означеннаго п. 11 только къ вдовамъ „оберъ-офицерскихъ и вышнихъ чиновъ“, а въ п. 17 предписываетъ давать вдовамъ и дѣтямъ убитыхъ или умершимъ въ службѣ нижнихъ чиновъ одно только годовое жалованье умершаго, ограничивая свою дальнѣйшую заботу о нихъ предписаніемъ ихъ „отпустить на волю или отсылать, гдѣ сиротамъ и увѣчнымъ воспитаніе опредѣлено“. См. также указъ 25 II 1769; 13.263, гдѣ вдовѣ и дѣтямъ умершаго на службѣ нижняго чина морского вѣдомства выдается годовое жалованіе.

[2]) Выс. утв. докладъ 23 XII 1798, 18.793, положеніе о Имп. военно-сиротскомъ домѣ, §§ 13—18.

шенно партію сходну увидитъ“ [1]). Подобныя же постановленія заключали въ себѣ и воинскіе уставы Павла [2]).

II. Солдатскія дѣти.

Солдатскія дѣти составляли группу лицъ, заключавшую въ себѣ дѣтей какъ служащихъ, такъ и отставныхъ солдатъ. Правительство, какъ мы уже указали выше, привлекало ихъ либо къ военной службѣ, либо къ подушному окладу, но главнымъ образомъ къ первой.

При производствѣ первой ревизіи солдатскія дѣти сначала не были упомянуты среди лицъ, подлежавшихъ переписи и обложенію, что вполнѣ объясняется тою неподготовленностью, съ которой правительство приступало къ переписи и въ силу которой оно могло намѣтить лишь главныя подлежавшія ей категоріи. Но уже въ 1722 г., при отправкѣ ревизоровъ въ губерніи для свидѣтельства душъ и расположенія полковъ, было предписано дѣтей отставныхъ „драгунъ и солдатъ и матросовъ“ класть въ окладъ съ прочими на ряду [3]). Въ томъ же 1722 г., однако, это правило претерпѣло нѣкоторое ограниченіе: его было предписано примѣнять по отношенію къ дѣтямъ лишь тѣхъ отставныхъ солдатъ, которые происходили „изъ крестьянства и изъ дѣловыхъ людей“; эти дѣти подлежали положенію въ окладъ въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ „отцы ихъ на жеребьяхъ жили“; дѣти же отставныхъ, происходившихъ изъ городского населенія [4]), не подлежали написанію въ раскладку, но *взрослыя* среди нихъ должны были быть написаны въ военную службу, и лишь при неспособности къ ней имъ разрѣшалось писаться „кто къ какому дѣлу похочетъ“, *малолѣтнія* должны были быть написаны въ математическую школу, и, наконецъ, *самыя малолѣтнія*— при отцахъ и матеряхъ.

Итакъ, мы уже здѣсь видимъ приведенные выше два вида использованія солдатскихъ дѣтей со стороны государства, главной заботой

---

[1]) При этомъ у невѣсты должна быть отпускная или письменное свидѣтельство „отъ прикащиковъ, купечества, монастырскихъ властей и прочихъ“, и за нее должны быть уплачены выводныя деньги „по примѣру тутошнихъ мѣстъ“ (инструкціи полковникамъ 8 XII 1764, 12.289, гл. II, п. 6 и 14 I 1766, 12.543, гл. II, п. 6). По поводу случая женитьбы солдата на бѣглой помѣщичьей дѣвкѣ постановленія эти были подтверждены въ указѣ 29 VII 1783, 15.799.

[2]) Воинскіе уставы 29 XI 1796, 17.588, ч. IX, гл.XI и 17.590, гл. XLI, пп. 2 и 3.

[3]) Инструкція ревизорамъ 5 II 1722, 3.901, п. 8.

[4]) Сюда же, вѣроятно, относились дѣти всѣхъ вообще отставныхъ, которые были не на пашнѣ (напримѣръ, дворовыхъ людей). См. рез. 19 I 1723, 4.145, рез. 4.

котораго и по отношенію къ нимъ было, какъ бы кто изъ нихъ не былъ „безъ дѣла и въ гулякахъ“ [1]).

Вскорѣ группа солдатскихъ дѣтей, подлежавшихъ службѣ, а не подушному окладу, была еще расширена, а именно въ январѣ 1723 г. было предписано, чтобы всѣ дѣти вернувшихся въ свои деревни отставныхъ, которыя родились бы послѣ переписи, также были отдаваемы въ солдаты [2]). Послѣ этого изъ всѣхъ дѣтей отставныхъ солдатъ положенію въ окладъ подлежали лишь тѣ, отцы которыхъ вернулись въ свои прежнія деревни и которыя родились до ревизіи; всѣ остальныя были предназначены для военной службы. Что касается тѣхъ дѣтей, отцы которыхъ были опредѣлены въ монастыри и богадѣльни, то о нихъ никакихъ прямыхъ указаній мы не находимъ. Изъ того, что приведенное выше постановленіе инструкціи ревизорамъ 1722 г. носило общій характеръ, можно было бы подумать, что и они подлежали положенію въ подушной окладъ. Между тѣмъ это представляется намъ весьма невѣроятнымъ, такъ какъ ихъ некуда было приписать. Положительныя указанія мы имѣемъ лишь за позднѣйшее время, когда указъ 1731 г. относительно дѣтей отставныхъ, помѣщенныхъ въ богадѣльни, предписалъ, чтобы годныя изъ нихъ были отдаваемы въ службу, а малолѣтнія—въ гарнизонныя школы [3]) Вѣроятно такая же практика примѣнялась и по отношенію къ дѣтямъ отставныхъ, помѣщенныхъ въ монастыри.

Таковы были постановленія о дѣтяхъ отставныхъ солдатъ. Что же касается дѣтей служащихъ солдатъ, то и они, какъ мы тотчасъ же увидимъ, также подлежали службѣ и, поэтому, оставались свободными отъ оклада.

---

[1]) Указъ 31 VII 1722, 4.066. См. также указъ 10 IX 1722, 4.086, п. 1—по отношенію къ дѣтямъ отставныхъ, бывшихъ на пашнѣ, и рез. 19 I 1723, рез. 4—по отношенію къ дѣтямъ, „у которыхъ отцы не пашенные, но изъ людей боярскихъ, посадскихъ и имъ подобныхъ“.

[2]) Рез. 19 I 1723, 4.145, рез. 6. Въ рез. 4 этого закона было предписано всѣхъ солдатскихъ дѣтей, состоявшихъ на фабрикахъ, также подвергнуть переписи, но съ тѣмъ, чтобы они оставались внѣ оклада. Этимъ на нихъ было распространено общее правило, освобождавшее отъ оклада всѣхъ находившихся на фабрикахъ лицъ. — Солдатскія дѣти фигурировали въ качествѣ фабричныхъ и впослѣдствіи. Такъ, извѣстный указъ 7 I 1736, 6.858 сообщаетъ, „что фабриканты для невозможностей своихъ (т. е. отсутствіи рабочихъ. В. Д.) принимали въ ученики солдатскихъ дѣтей, коихъ по указамъ нашимъ повелѣно писать въ службу“. Постановленіе названнаго указа 1736 г. распространялось, повидимому, и на этихъ солдатскихъ дѣтей.

[3]) Указъ 17 V 1731, 5.757.

Digitized by Google

Для того чтобы всѣ названныя нами категоріи солдатскихъ дѣтей, предназначенныхъ для службы, не пропадали для послѣдней, т. е. не ускользали отъ нея и въ то же время могли лучше къ ней подготовиться, еще кажется въ 1720-ыхъ гг. при гарнизонахъ были учреждены особыя школы. Впрочемъ, о началѣ этихъ школъ у насъ имѣются лишь свѣдѣнія неясныя и противорѣчивыя. Болѣе достовѣрныя извѣстія дошли до насъ, лишь начиная съ воинскихъ штатовъ 1731 г. Однако, и здѣсь мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми сомнѣніями. Согласно названнымъ штатамъ, эти школы были обставлены слѣдующимъ образомъ: во всѣхъ гарнизонныхъ пѣхотныхъ полкахъ должно было состоять по 50 (а по нѣкоторымъ другимъ даннымъ—по 64) солдатскихъ вакансій [1]), съ тѣмъ чтобы отпускаемыя на нихъ средства употреблялись на содержаніе солдатскихъ дѣтей и на обученіе ихъ въ школахъ [2]). Число солдатскихъ дѣтей, которыя должны были содержаться на эти средства при каждомъ гарнизонномъ полку, должно было составлять отъ 80 до 82, а всего во всѣхъ полкахъ 4000 [3]). При этомъ въ школы должны были быть отдаваемы дѣти не только служащихъ солдатъ, но и отставныхъ. А именно, въ 1732 г. было предписано при увольненіи солдатъ на свое пропитаніе „брать съ нихъ сказки съ подкрѣпленіемъ,

---

[1]) Для существовавшихъ въ то время 20 остзейскихъ и 29 остальныхъ пѣхотныхъ гарнизонныхъ полковъ и 1 (Великолуцкаго) баталіона это составляло всего 2475 вакансій.

[2]) См. Выс. утв. мнѣніе Сената 14 VII 1731, 5.803 (Кн. Шт. Военн., стр. 59 и 63 [прим. 38], и Выс. утв. табели 28 X 1731, 5.863, п. XXXV, и 5.864 (Кн. Шт. Военн., стр. 175, таблица). Здѣсь вездѣ говорится о 50 вакансіяхъ. Этимъ вполнѣ опредѣленнымъ указаніямъ приведенныхъ узаконеній противорѣчатъ нѣкоторыя данныя, приводимыя въ позднѣйшихъ законахъ. Такъ, указъ 31 X 1745, 9.222 сообщаетъ, будто упомянутыя 50 вакансій были введены еще табелью 1720 г. и что п. 12 воинскаго штата 1732 г. онѣ были увеличины до 64 (послѣднее утверждаетъ и указъ 9 VII 1735, 6,767). Между тѣмъ въ воинской табели 1720 г. мы никакого упоминанія о вакансіяхъ для солдатскихъ дѣтей найти не могли, а о какомъ воинскомъ штатѣ 1732 г. въ названныхъ законахъ идетъ рѣчь—мы также не знаемъ. Ссылку на 12-ый пунктъ (безъ указанія закона) см. также въ п. XXXV табели 28 X 1831, 5.863. См. также указъ 18 XI 1758, 10.901 въ слѣдующемъ примѣчаніи. Что, однако, гарнизонные школы („которыя особливо повелѣно содержать для солдатскихъ дѣтей, дабы оныя по возрастѣ годились въ службу, вмѣсто рекрутъ“) существовали уже и до 1731 г., видно хотя бы изъ указа 21 VI 1730, 5.594, въ которомъ предписывается въ эти школы отдавать малолѣтнихъ нищихъ, не происходящихъ ни изъ помѣщичьихъ крестьянъ, ни изъ посадскихъ. О школѣ, учрежденной Курбатовымъ въ Архангельскѣ для солдатскихъ дѣтей еще до 1714 г., см. *Павловъ-Сильванскій*, Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Вел., Спб., 1897, стр. 60 и приложенія, стр. 76.

[3]) Такъ сообщаютъ указы 9 VII 1735, 6.767 и 18 XI 1758, 10.901. Послѣдній изъ нихъ при этомъ также ссылается на табель 1720 г. и воинскій штатъ 1732 г.

Digitized by Google

чтобы они дѣтей своихъ м. пола, коихъ имѣютъ или впредь будутъ, по 7 лѣтахъ возраста ихъ отдавали въ науку въ учрежденныя для того школы, гдѣ онымъ ихъ дѣтямъ будетъ даваться провіантъ и мундиръ и жалованіе"... [1]) Описанными мѣрами правительство пыталось создать себѣ контингентъ людей, которые, помимо рекрутскихъ наборовъ, могли бы служить ему для укомплектованія арміи.

Весьма важное значеніе въ дальнѣйшей исторіи солдатскихъ дѣтей имѣетъ изданный въ 1732 г. законъ объ устройствѣ гарнизонныхъ школъ, въ которомъ мы находимъ правила распредѣленія дѣтей служащихъ и отставныхъ солдатъ. Основной принципъ, котораго придерживался этотъ законъ и изъ котораго послѣдовательно вытекали всѣ его постановленія, гласилъ: всѣ солдатскія дѣти, рожденныя во время службы отцовъ, „принадлежатъ къ воинской службѣ" [2]). Поэтому, всѣ эти дѣти безъ особыхъ Выс. указовъ „ни въ какіе другіе чины и фабрики и никуда" не должны быть опредѣляемы, но по достиженіи 7-лѣтняго возраста подлежатъ отдачѣ въ гарнизонныя школы. Здѣсь они получаютъ провіантъ и жалованіе, что должно служить облегченіемъ и для ихъ родителей. По достиженіи 15 лѣтъ они должны поступать на службу и тѣмъ ограничивать необходимость въ рекрутскихъ наборахъ.

Такова была участь солдатскихъ дѣтей, рожденныхъ въ службѣ. Впрочемъ, эти постановленія не распространялись на тѣхъ изъ этихъ дѣтей, которыя въ моментъ изданія закона уже состояли на гражданской службѣ, въ купечествѣ и цехахъ или на фабрикахъ, а равно и на тѣхъ, которыя „были воспитаны въ деревняхъ у прежнихъ помѣщиковъ и у прочихъ своихъ владѣльцевъ" и написаны въ подушный окладъ съ расположеніемъ на полки.

Какъ же смотрѣло законодательство на дѣтей, родившихся до вступленія отцовъ въ службу или послѣ ихъ отставки? Относительно первыхъ законъ 1732 г. молчитъ, и лишь изъ дальнѣйшаго законодательства мы знаемъ, что эти дѣти должны были оставаться въ томъ состояніи, къ которому принадлежали ихъ отцы до отдачи въ службу [3]).

---

[1]) Выс. утв. докладъ Сената 9 V 1732, 6.046, п. 8.

[2]) Указъ 21 IX 1732, 6.188. Вотъ соотвѣтствующее мѣсто: „... офицерскія не изъ шляхетства, такожъ драгунскія и солдатскія и прежнихъ службъ, а именно: рейтарскія и городовыхъ казаковъ, стрѣльцовъ, приставовъ, разсыльщиковъ и прочихъ служилыхъ всякихъ чиновъ людей дѣти, коихъ отцы въ подушный окладъ не положены или отцы ихъ послѣ написанія въ подушный окладъ взяты въ военную службу, а дѣти ихъ рождены во время бытія ихъ въ службѣ: тѣ всѣ принадлежатъ къ нашей воинской службѣ.

[3]) Мы разумѣемъ законъ 22 VIII 1744, 9.019. Кажется, однако, что уже и до

Digitized by Google

Что касается вторыхъ, то законъ освобождаетъ отъ службы тѣхъ изъ нихъ, отцы которыхъ возвращались на прежнія жилища (крестьяне — на свои прежнія жеребья, дворовые—къ прежнимъ господамъ, купцы и мастеровые—въ посады) и къ прежнему своему занятію и которыя наслѣдовали это занятіе съ положеніемъ въ соотвѣтствующій окладъ. Рожденныя же послѣ отставки дѣти такихъ отцовъ, которые на прежнія жилища не вернутся, но „станутъ жить въ другихъ мѣстахъ", должны быть взяты въ службу. Правительство, очевидно, боялось, что иначе эти дѣти могли бы оказаться „гулящими" и быть потерянными для его цѣлей какъ военныхъ, такъ и финансовыхъ, и, поэтому, сразу разрубало узелъ и не распространяло на нихъ уступки, которую оно дѣлало по поводу рожденныхъ въ отставкѣ дѣтей, позволяя писать послѣднихъ не въ службу, но въ подушный окладъ [1]).

Остальныя постановленія закона 1732 г. заключаютъ въ себѣ мѣры къ обезпеченія его исполненія. Подлежащія въ военную службу солдатскія дѣти должны всѣ явиться къ мѣстнымъ властямъ, которыя всѣхъ годныхъ должны отослать для опредѣленія въ полевую и гарнизонную службу, недостигшихъ же 15 лѣтъ отправить въ ближайшія гарнизонныя школы (съ дачей имъ провіанта на проходъ „противъ рекрутъ"). Неисполненіе этого предписанія влечетъ за собою: для солдатскихъ дѣтей, достигшихъ 15 лѣтъ,—наказаніе, установленное для бѣглыхъ солдатъ, а для держателей такихъ дѣтей, находящихся въ возрастѣ отъ 7 до 15 лѣтъ—штрафъ какъ за держаніе бѣглыхъ солдатъ (съ вознагражденіемъ доносителя въ размѣрѣ по 10 р. за каждаго человѣка) [2]).

изданія этого закона примѣнялась подобная практика: она покоилась на отсутствіи въ законѣ 1732 г. предписанія объ отдачѣ этой группы дѣтей въ службу, а въ законѣ 1737 г. (6 VII 1737, 7.315)—объ отдачѣ ихъ на поселеніе. См. также инструкціи полковнику 8 XII 1764, 12.289, гл. II, п. 6 и 14 I 1766, 12.543, гл. II, п. 6 („прижитыя же до службы дѣти принадлежатъ всегда той деревни помѣщику"), а также указъ 18 XII 1767, 13.036, предписывавшій при отдачѣ рекрутъ представлять свѣдѣнія о ихъ дѣтяхъ, дабы впослѣдствіи не могло возникать сомнѣній и споровъ (какъ они на практикѣ возникали) о томъ, которыя изъ дѣтей даннаго солдата родились „въ холопствѣ или крестьянствѣ", и которыя—„въ солдатствѣ". Указъ 5 VI 1772, 13.816 также говоритъ, что рожденныя въ крестьянствѣ дѣти всегда принадлежатъ тѣмъ селеніямъ, откуда отцы ихъ отданы въ рекруты.

[1]) Вполнѣ понятно, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ населеніе предпочитало подушный окладъ службѣ. Отсюда жалобы закона 1732 г. на то, что многія изъ солдатскихъ дѣтей, „выучася грамотѣ, отбывая отъ службы вступаютъ въ купечество и въ цехи и въ домы разныхъ чиновъ къ людямъ и въ прочіе чины, а иные, укрываясь, скитаются межъ дворъ"...

[2]) Указомъ 1732 г. было также запрещено опредѣлять учениковъ гарнизонныхъ школъ къ приказнымъ дѣламъ въ виду встрѣчавшейся въ полкахъ нужды въ писаряхъ.

Digitized by Google

Размѣщеніе солдатскихъ дѣтей по гарнизоннымъ школамъ согласно закону 1732 г. пошло, повидимому, весьма успѣшно, такъ какъ уже вскорѣ (въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстахъ) комплектъ ихъ былъ уже заполненъ. Поэтому, уже въ 1735 г. было предписано, чтобы дѣти служилыхъ людей принимались въ эти школы въ любомъ количествѣ, хотя бы и сверхъ комплекта, при чемъ на содержаніе каждаго такого сверхкомплектнаго было назначено по 1 четверику муки и по 30 к. въ мѣсяцъ, а также особая сумма на покупку книгъ и бумаги [1]).

Отличительной чертой закона 1732 г. являлась та точность, съ которой онъ поставилъ границы между разными категоріями солдатскихъ дѣтей, и та ясность, съ которою онъ выразилъ требованія, предъявлявшіяся правительствомъ къ каждой изъ этихъ категорій. При этомъ на первомъ планѣ, какъ мы видѣли, въ законѣ 1732 г. стояло *время рожденія* дѣтей (до или во время службы или послѣ отставки) и только на второмъ планѣ для родившихся послѣ отставки выступало *мѣсто жительства отцовъ* (на прежнихъ жилищахъ или въ другихъ мѣстахъ). Эти постановленія сохранили свою силу и въ дальнѣйшую эпоху. Изданная по поводу второй ревизіи инструкція [2]) внесла въ нихъ лишь незначительныя измѣненія, при чемъ она дополнила ихъ въ томъ отношеніи, что не оставила безъ вниманія и дѣтей отставныхъ, помѣщенныхъ въ монастыри. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, редакція инструкціи должна быть признана крайне неудачной и казуистичной; о законѣ 1732 г. она совсѣмъ не упоминаетъ, хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ законъ ею не отмѣнялся и что она сама всецѣло стоитъ на почвѣ его.

Постановленія инструкціи таковы:

I. Дѣти отставныхъ, опредѣленныхъ въ монастыри, должны быть подвергнуты переписи. Изъ нихъ:

a) малолѣтнія должны быть оставлены при отцахъ, съ тѣмъ чтобы только вѣдомости о ихъ числѣ были представлены въ военную коллегію;

b) изъ взрослыхъ же годныя должны быть отданы въ военную

---

[1]) Указы 9 VII (9 IX) 1735, 6.767 и 1 XII 1736, 7.115. Тѣмъ не менѣе бывали случаи, въ которыхъ солдатскія дѣти, приспѣвшія въ службу, оказывались живущими „праздно“. По поводу такихъ случаевъ, встрѣченныхъ въ Ямбургскомъ у., былъ, напр. изданъ указъ 21 X 1736, 7.082, подтвердившій, чтобы дѣти отставныхъ солдатъ были опредѣляемы, въ зависимости отъ возраста, въ школы или въ солдаты, „ибо“—наставительно прибавляетъ указъ—„отъ такого ихъ празднаго житья не иное что воспослѣдовать можетъ, но токмо одни воровства“. Подтвержденіе „сыскивать“ солдатскихъ дѣтей см. также въ указѣ 16 X 1734, 6.639, п. 2.

[2]) Инструкція 16 XII 1743, 8.836, п. 20.

Digitized by Google

(солдатскую или матросскую) службу, а негодныя должны быть приписаны по ихъ желанію, „кто къ какому дѣлу похочетъ“.

II. Дѣти отставныхъ, вернувшихся добровольно въ свои прежнія деревни, раздѣляются на двѣ категоріи въ зависимости отъ того, вернулись ли ихъ отцы на родину *до* первой ревизіи или *послѣ* нея. При этомъ относящіяся сюда постановленія инструкціи примыкаютъ къ приведеннымъ выше (стр. 137) предписаніямъ резолюціи 19 I 1723 г.[1]). Въ первомъ случаѣ, т.-е. если отцы вернулись на родину до первой ревизіи, родившіяся *послѣ* этой ревизіи дѣти—въ отмѣну предписаній резолюцій 1723 г.—должны быть написаны не въ солдаты, но въ окладъ „съ прочими крестьяны на ряду“. Но то же самое имѣетъ мѣсто и во второмъ случаѣ, т.-е. если отцы вернулись домой послѣ первой ревизіи, относительно какъ приведенныхъ ими съ собою малолѣтнихъ дѣтей, родившихся въ службѣ, такъ и дѣтей, родившихся у нихъ уже въ отставкѣ: и они должны быть положены въ окладъ „съ прочими крестьяны на ряду“.

Итакъ, всѣ приводимыя въ инструкціи категоріи дѣтей отставныхъ, вернувшихся въ свои деревни, подвергаются одной и той же участи. Въ виду этого самое раздѣленіе это на категоріи свидѣтельствуетъ лишь о казуистичности въ редакціи этого пункта инструкціи.

III. Судьба дѣтей такихъ отставныхъ, которые состояли „не на пашнѣ“, зависитъ отъ положенія ихъ отцовъ. Если отцы, имѣя мастерство, запишутся въ цехи, то они могутъ записать въ цехи и своихъ дѣтей; если же отцы, не имѣя ремесла, въ цехи приняты не будутъ, но пойдутъ въ другія какія-либо работы или въ услуженіе, то къ дѣтямъ ихъ должны быть примѣнены приведенныя выше предписанія относительно дѣтей отставныхъ, находившихся въ монастыряхъ (см. выше п. I)[2]).

Если мы вникнемъ въ приведенныя постановленія инструкціи, то увидимъ, что она фактически во всемъ подтверждаетъ законъ 1732 г., за исключеніемъ лишь одного пункта: послѣдній касается родившихся въ службѣ дѣтей, приведенныхъ отцами по полученіи отставки въ прежнія ихъ деревни. По закону 1732 г. эти дѣти безусловно предназна-

[1]) Резол. 19 I 1723, 4.145, п. 6.

[2]) В. Н. Татищевъ считалъ правила, изложенныя въ п. III, неподходящими, находя, что безъ дѣтей никто не возьметъ къ себѣ отставного въ услуженіе.—Любопытно также, что, по его мнѣнію, относительно дѣтей отставныхъ солдатъ „та предосторожность нужна, чтобы нѣкоторые не дерзнули могущихъ служить къ себѣ въ холопство обязывать, какъ то коихъ уже извѣстно особливо канцелярскіе служители при отставкѣ обязываютъ“ (*Поповъ*, Татищевъ и его время, стр. 737 и 752).

чались для службы; по инструкціи они подлежали положенію въ окладъ, если они въ моментъ отставки отцовъ были малолѣтни. Причины этого измѣненія намъ неизвѣстны, но во всякомъ случаѣ, оно не можетъ быть признано существеннымъ.

Приведенныя постановленія инструкціи 1743 г. не заключали въ себѣ никакихъ мѣръ для обезпеченія своевременнаго представленія дѣтей отставныхъ солдатъ въ гарнизонныя школы, если не считать тѣхъ вѣдомостей, которыя должны были быть доставлены объ этихъ дѣтяхъ въ военную коллегію, и по которымъ послѣдняя, зная возрастъ дѣтей, могла за ними слѣдить. Между тѣмъ на основаніи поступившихъ отъ ревизоровъ доношеній было признано необходимымъ по отношенію къ нѣкоторымъ категоріямъ этихъ дѣтей, сверхъ представленія вѣдомостей, принять и другія мѣры. Эти мѣры заключались въ слѣдующемъ.

Выше мы видѣли, что при производствѣ ревизіи въ нѣкоторыхъ губерніяхъ оказались отставные, жившие своею работою, но не имѣвшіе „ремесла“: имъ, согласно ихъ желанію, было разрѣшено не записываться ни въ цехи, ни въ услуженіе. Эти отставные тѣмъ отличались отъ другихъ, что у нихъ, съ точки зрѣнія податной, не было прочной осѣдлости: они никуда не были приписаны. Поэтому, вполнѣ понятно изданное въ 1744 г. предписаніе, чтобы съ этихъ отставныхъ при оставленіи у нихъ дѣтей бралось обязательство въ томъ, что они по достиженіи указнаго возраста представятъ этихъ дѣтей въ ближайшія губ. и воев. канцеляріи для отдачи въ гарнизонныя школы [1]). Но кромѣ того при ревизіи оказалась еще одна категорія малолѣтнихъ солдатскихъ дѣтей, отличавшаяся своимъ особымъ положеніемъ и требовавшая особыхъ мѣръ со стороны законодательства. Выше мы видѣли, въ какомъ печальномъ положеніи часто находились солдатскія жены, жившія врознь отъ своихъ мужей и иногда годами не знавшія ничего о судьбѣ послѣднихъ, а также солдатскія вдовы. Между тѣмъ на попеченіи этихъ солдатскихъ женъ и вдовъ могли быть малолѣтнія дѣти, которыми правительство разсчитывало воспользоваться для цѣлей службы, наравнѣ съ прочими солдатскими дѣтьми. Встрѣчались, далѣе, и круглыя сироты, у которыхъ не было и матерей, а были лишь родные. Всѣ эти дѣти при переписи отдавались матерямъ и роднымъ съ обезпеченнымъ росписками обязательствомъ своевременно представить ихъ въ гарнизонныя школы; кромѣ того, вѣдомости о нихъ представлялись въ военную коллегію. Между тѣмъ этого было недостаточно, такъ какъ при бродячемъ образѣ жизни ихъ матерей могло,

[1]) Указъ 2 VII 1744, 8.986

Digitized by Google

напр., случиться, что „впредь по приспѣянію указныхъ имъ лѣтъ для опредѣленія ихъ въ службу сыскать ихъ будетъ ненадежно; понеже и паки многія за скудностью своею, а иныя уже и за умертвіемъ и матерей ихъ разбредутся врозь“ [1]). Въ виду этого канцелярія ревизіи Архангелогородской губерніи предлагала, напр., таковыхъ дѣтей отдавать въ гарнизонныя школы, хотя бы они и не достигли „указнаго“ возраста, т.-е. 6 лѣтъ. Между тѣмъ Сенатъ не призналъ возможнымъ согласиться съ этимъ предложеніемъ и предписалъ отдавать всѣхъ такихъ дѣтей ихъ матерямъ и роднымъ, готовымъ и могущимъ ихъ содержать, до наступленія указныхъ лѣтъ, съ требованіемъ лишь съ ихъ стороны „обязательныхъ подписокъ и порукъ“ въ томъ, что по достиженіи этихъ лѣтъ они будутъ представлены въ гарнизонныя школы [2]). Но затѣмъ въ разсматриваемой группѣ могли быть такія солдатскія дѣти, матери или родные которыхъ не могли или не хотѣли взять на себя ихъ содержаніе; встрѣчались, наконецъ, и такія, которыя, будучи полными сиротами, не имѣли и родныхъ, такъ что ихъ уже совершенно некому было отдать. По отношенію къ этой категоріи дѣтей Сенатъ рѣшился на отступленіе отъ примѣнявшагося здѣсь принципа: отказываясь отъ ихъ службы, онъ предписалъ такихъ дѣтей отдавать помѣщикамъ или на фабрики и заводы, съ условіемъ только уплаты за нихъ подушной подати [3]). Это отступленіе Сенатъ мотивировалъ тѣмъ, что отдавать такихъ дѣтей въ школы за малолѣтствомъ нельзя; изъ частныхъ людей никто ихъ на воспитаніе не возьметъ, разъ это будетъ связано съ обязанностью отдать ихъ въ школы по наступленіи 6-лѣтняго возраста; казенныхъ же сиротскихъ домовъ и суммъ на ихъ содержаніе нѣтъ; поэтому, по мнѣнію Сената, и оставался только одинъ избранный имъ выходъ, „дабы оныя вовсе безъ пропитанія и призрѣ-

---

[1]) Любопытно, какъ ярко иногда въ редакціи законовъ того времени проявлялась та узко-служебно-фискальная точка зрѣнія, которой держалось правительство въ отношеніи къ населенію. Такъ, напримѣръ, къ приведеннымъ въ текстѣ въ ковычкахъ словамъ канцеляріи ревизіи Архангелогородской губ. послѣдняя прибавляетъ: „и изъ такихъ солдатскихъ дѣтей могутъ легко слѣдовать отъ обывателей рекрутскія подложныя, вмѣсто своихъ крѣпостныхъ людей, отдачи, *и тако и вовсе таковые пропадать будутъ*“. Пропавшимъ считался, такимъ образомъ, всякій человѣкъ, изъ котораго правительству почему либо не удавалось извлечь всѣ тѣ соки, которые по закону изъ него полагалось извлечь согласно его состоянію.

[2]) Эта мѣра распространялась и на незаконнорожденныхъ дѣтей солдатскихъ женъ.

[3]) „... всякаго чина людямъ, имѣющимъ деревни, такожъ на фабрики и заводы, кто ихъ изъ платежа подушнаго оклада взять похочетъ, и писать за ними въ перепись, и давать выписи, и быть онымъ у нихъ вѣчно, равно какъ купленнымъ и крѣпостнымъ ихъ людямъ“.

Digitized by Google

нія пропасть не могли“. При этомъ Сенатъ утѣшался тѣмъ, что, становясь плательщиками подушной подати, они, вѣдь, окончательно для правительства не „пропадали“ [1]).

Правила распредѣленія солдатскихъ дѣтей, какъ они были выражены въ изложенномъ мною законодательствѣ, въ теченіе всей дальнѣйшей подлежащей нашему разсмотрѣнію эпохи не подверглись никакимъ измѣненіямъ. Законодательство по этому вопросу хранитъ молчаніе, если не считать нѣкоторыхъ законовъ, подтверждавшихъ отдѣльныя постановленія закона 1732 г. [2]). Мы отсюда можемъ заключить что, повидимому, на практикѣ не возникало никакихъ затрудненій, такъ какъ послѣднія, безъ сомнѣнія, такъ или иначе всплыли бы на поверхность и сдѣлались бы предметомъ законодательной регламентаціи. Все, что мы находимъ въ Полномъ Собраніи Законовъ о солдатскихъ дѣтяхъ за время послѣ второй ревизіи, касается либо 1) числа вакансій на ихъ содержаніе, либо 2) устройства гарнизонныхъ школъ и преподаванія въ нихъ, либо 3) мѣръ къ обезпеченію своевременнаго представленія дѣтей въ эти школы, либо, наконецъ, 4) оказанія родителямъ помощи въ содержаніи дѣтей до наступленія „указныхъ“ для отдачи въ школы лѣтъ.

Разсмотримъ каждый изъ этихъ вопросовъ въ отдѣльности, причемъ начнемъ съ эпохи до воцаренія Павла.

1) Выше мы уже видѣли неясность въ законодательствѣ относительно опредѣленнаго на содержаніе солдатскихъ дѣтей числа солдатскихъ вакансій въ гарнизонныхъ школахъ. По однимъ свѣдѣніямъ оно

---

[1]) Указъ 11 VII 1744, 8.989.

[2]) Такъ, напр., учрежденіе 1764 г., 12.060, п. 7 подтвердило постановленіе закона 1732 г., чтобы рожденныя въ отставкѣ дѣти солдатъ, уволенныхъ на свое пропитаніе и вернувшихся на прежнія жилища, были „у помѣщиковъ помѣщичьими, а въ архіерейскихъ, монастырскихъ, дворцовыхъ и государственныхъ вотчинахъ тѣхъ вотчинъ крестьянами“ или посадскими въ своихъ посадахъ, „чего ради ихъ при ревизіяхъ и въ подушный окладъ класть въ тѣхъ вотчинахъ съ прочими крестьянами и посадскими наряду“. См., далѣе, инструкціи полковникамъ 8 XII 1764, 12.289, гл. II, п. 6, и 14 I 1766, 12.543, гл. II, п. 6, согласно которымъ родившіяся въ службѣ солдатскія дѣти принадлежатъ службѣ; далѣе, см. приводимыя въ указѣ 21 VIII 1784, 16.046 соображенія Тобольской казенной палаты о привлеченіи къ службѣ, согласно указу 1732 г., рожденныхъ въ службѣ дѣтей отставныхъ солдатъ и о положеніи въ окладъ дѣтей, рожденныхъ въ отставкѣ и находящихся при поселенныхъ въ Сибири, согласно указу 28 I 1766, 12.556, отцахъ; см. также въ этомъ же указѣ предписаніе Сената объ отдачѣ въ военную службу подлежащихъ въ нее дѣтей; наконецъ, см. постановленіе указа 11 II 1787, 16.504 объ отдачѣ въ солдаты всѣхъ солдатскихъ дѣтей, принадлежащихъ къ военной службѣ и не положенныхъ въ подушный окладъ.

Digitized by Google

въ 1731 г. было установлено на уровнѣ 50; а по другимъ оно, согласно предписанію 1732 года, составляло 64. По поводу встрѣтившагося въ этомъ вопросѣ сомнѣнія въ 1745 г. было подтверждено послѣднее число, при чемъ одновременно получило подтвержденіе и то прежнее правило (1735 г.), чтобы въ школы принимались (въ качествѣ сверхкомплектныхъ) и содержались на государственныя средства также и излишнія сверхъ этой нормы дѣти [1]). Затѣмъ, при реформѣ гарнизонныхъ баталіоновъ въ 1764 г., число вакансій на содержаніе „школьниковъ изъ солдатскихъ дѣтей“ было установлено въ размѣрѣ 9 на каждую роту [2]), что на баталіонъ составляло 54, а на всѣ 84 баталіона—4536 вакансій. На получающіяся на эти вакансіи средства должны были содержаться солдатскія дѣти не только даннаго гарнизона, но и сосѣднихъ полевыхъ войскъ [3]). Названное число вакансій для каждаго баталіона сохранилось вплоть до царствованія Павла; такъ какъ однако число баталіоновъ въ теченіе царствованія Екатерины II постепенно расло и къ началу царствованія Павла составляло 108, то и общее число вакансій къ этому времени увеличилось до 5.832 [4]).

Но, спрашивается, какъ велико было дѣйствительно число солдатскихъ дѣтей, помѣщенныхъ въ гарнизонныя школы? По этому вопросу у насъ есть кое-какія данныя за разные годы. Такъ, въ 1758 г. число дѣтей въ школахъ составляло 6.002 чел. Хотя это число превышало комплектъ, но правительство считало его „по числу армейскихъ и гарнизонныхъ полковъ“ весьма незначительнымъ. Въ виду этого было повелѣно, чтобы во всѣхъ воинскихъ частяхъ (какъ гарнизонныхъ такъ и армейскихъ) [5]) велась регистрація рожденныхъ въ службѣ солдатскихъ дѣтей и чтобы по достиженіи указнаго возраста всѣ эти дѣти доставлялись въ ближайшія гарнизонныя школы, гдѣ ихъ предписывалось принимать хотя бы и сверхъ комплекта. Годичные рапорты о числѣ дѣтей въ гарнизонныхъ школахъ съ означеніемъ ихъ возраста

---

[1]) Указъ 31 X 1745, 9.222.

[2]) Въ законѣ сказано 6, но это опечатка, что видно изъ позднѣйшихъ законовъ (см. напр. указъ 7 VI 1765, 12.412, гдѣ общее число вакансій названо также 4.536).

[3]) Выс. утв. докладъ воинской ком. о переформированіи гарнизоновъ 19 IV 1764, 12.135, „Генеральное наставленіе, касающееся до гарнизонныхъ баталіоновъ и солдатскихъ школъ“, п. 15.

[4]) См. Выс. рез. 25 IX 1797, 18.159.

[5]) Включая сюда дѣтей всѣхъ „служилыхъ отцовъ, кромѣ дворянства“, состоящихъ при артиллеріи и адмиралтействѣ, а также въ баталіонахъ, учрежденныхъ при канцеляріи отъ строеній, при Ладожскомъ каналѣ и при канцеляріи отъ строенія государственныхъ дорогъ.

Digitized by Google

военная коллегія должна была доставлять въ Сенатъ [1]). Вѣроятно эти рапорты представлялись въ Сенатъ несвоевременно, потому что въ 1760 г. предписаніе о ихъ представленіи, и на этотъ разъ уже черезъ каждые полгода, было подтверждено [2]).

Одной изъ причинъ, приводившихъ къ тому, что солдатскія дѣти въ значительномъ числѣ „между дворъ шатались и втунѣ пропадали", по мнѣнію правительства, являлись войны и связанныя съ ними постоянныя передвиженія войскъ. Поэтому, мирная политика начала царствованія Екатерины II должна была благопріятно отразиться на численности солдатскихъ дѣтей въ гарнизонныхъ школахъ [3]). И въ самомъ дѣлѣ, въ 1763 г. число солдатскихъ дѣтей въ этихъ школахъ составляло уже 8.755 (не считая 752 дѣтей, состоявшихъ при своихъ отцахъ въ гарнизонныхъ полкахъ и по малолѣтству еще не опредѣленныхъ въ школы) [4]). Черезъ два года число это еще болѣе увеличилось и составляло уже 9.069 (изъ нихъ 4.536 комплектныхъ, 4.533 сверхкомплектныхъ); кромѣ того, при отцахъ и матеряхъ состояло 6.260. Такъ какъ послѣднія—повидимому малолѣтнія—также получали содержаніе (объ этомъ см. ниже), то ассигнованныхъ на то средствъ уже не хватало, и ихъ пришлось увеличить [5]). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1763 г. было издано Выс. повелѣніе объ изысканіи способовъ, „дабы... солдатскія дѣти не пропадали и обучались всего того, что ихъ можетъ сдѣлать способными къ службѣ". Въ виду этого были подтверждены прежнія постановленія о регистраціи солдатскихъ дѣтей въ воинскихъ частяхъ и о полугодовыхъ рапортахъ; кромѣ того эти постановленія были распространены и на дѣтей отставныхъ солдатъ и разсыльщиковъ, состоявшихъ при подушномъ сборѣ и при губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канцеляріяхъ, а также и въ монастыряхъ [6]). Съ введеніемъ губерн-

---

[1]) Указъ 18 XI 1758, 10.901.

[2]) Указъ 12 XII 1760, 11.162.

[3]) См. указъ 7 VI 1765, 12.412. Впрочемъ, приводимая въ текстѣ причина касалась лишь дѣтей служащихъ солдатъ. По отношенію къ дѣтямъ отставленныхъ на свое пропитаніе солдатъ причиной являлась трудность услѣдить за ними. Такъ, напр., при закрытіи въ 1755 г. казенныхъ Низовыхъ винокуренныхъ заводовъ на нихъ оказалось 54 отставныхъ солдата, у которыхъ было 93 чел. дѣтей, положенныхъ въ подушный окладъ и опредѣленныхъ къ работамъ, и 107, по малолѣтству къ работамъ не опредѣленныхъ. Указъ 13 II 1755, 10.356 (о закрытіи заводовъ) предписалъ изъ этихъ солдатскихъ дѣтей положенныхъ въ подушный окладъ причислить къ низовымъ слободамъ, а остальныхъ разобрать и годныхъ написать въ службу, негодныхъ послать на поселеніе въ Казанскую губ., а малолѣтнихъ отдать въ школы.

[4]) Указъ 14 V 1763, 11.816.

[5]) Указъ 7 VI 1765, 12.412.

[6]) Указъ 14 V 1763, 11.816.

Digitized by Google

скихъ ротъ и городовыхъ командъ (1763), а также и инвалидныхъ командъ (1764), дѣтей лицъ, состоявшихъ въ этихъ ротахъ и командахъ, было также предписано отдавать въ гарнизонныя школы [1]). Ко времени вступленія на престолъ Павла число учениковъ во всѣхъ гарнизонныхъ школахъ составляло около 12.000 (включая состоявшихъ на содержаніи родственниковъ) [2]).

2) Относительно внутренняго устройства школъ и постановки въ нихъ преподаванія мы знаемъ лишь очень мало. Мы выше имѣли случай видѣть (см. стр. 44 въ очеркѣ о поселеніи отставныхъ), что гарнизонныя школы считались какъ бы высшими учебными заведеніями, въ которыхъ преподавались „вышнія науки". Но что это были за „вышнія науки", мы точно не знаемъ. Изъ одного указа 1738 г. мы узнаемъ, что ученики дѣлились на двѣ категоріи: однихъ, болѣе способныхъ, предписывалось обучать „грамотѣ и писать и другимъ наукамъ", а другихъ, „не понятныхъ къ тому ученію",—разнымъ „художествамъ и мастерствамъ, какія при арміи и полкахъ потребны". [3]). Болѣе подробныя данныя о преподаваніи и вообще объ устройствѣ школъ мы находимъ въ изданномъ въ 1764 г. законѣ о переформированіи гарнизоновъ. Школы, согласно этому же закону, должны были учреждаться при тѣхъ лишь гарнизонахъ, которые заключали въ себѣ одинъ или болѣе баталіонъ. Если отдѣльныя роты даннаго баталіона были расположены въ разныхъ мѣстахъ, то все же школа должна была учреждаться для нихъ только одна [4]). Для школъ должны были быть сооружаемы ка-

---

[1]) См. инвалидное учрежденія 26 II 1764, 12.060 и указъ 7 VI 1765, 12.412. Тоже о солдатскихъ дѣтяхъ въ Сенатскихъ ротахъ см. въ указѣ 10 IX 1772, 13.864.

[2]) Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, сравнима ли эта цифра, заимствованная изъ Выс. рез. 25 IX 1797, 18.159, съ приведенною выше цифрою за 1765 г. (9.069 + 6.260 = 15, 329); остается, напр., неяснымъ, вошли-ли въ нее дѣти, состоявшія при отцахъ своихъ въ полевыхъ полкахъ, а также дѣти, недостигшія 7 лѣтняго возраста (въ цифру 1765 г. вошли, кажется, и такія малолѣтнія). Замѣтимъ здѣсь кстати, что названная Выс. рез. 1797 г. сообщаетъ, будто учрежденіе 1764 г. о гарнизонахъ разрѣшало „малолѣтнихъ дѣтей, коихъ родители или родственники на своемъ содержаніи и воспитаніи имѣть пожелаютъ, имъ отдавать, но не далѣе, какъ до 15-лѣтняго возраста". Мы этого постановленія въ законѣ 1764 г. о гарнизонахъ найти не могли, но изъ упоминанія о немъ въ Выс. рез. 1797 г. несомнѣнно вытекаетъ, что оно примѣнялось на практикѣ.

[3]) Слесарскому, кузнечному, плотничному, столярному, колесному, портняжному, сапожному и прочимъ. См. указъ 6 VIII 1738, 7.627.

[4]) Выс. утв. докладъ 19 IV 1764, 12.135, генеральное наставленіе, п. 19. Такъ какъ въ Астраханской губ. состояло всего 8 гарнизонныхъ баталіоновъ, изъ которыхъ 4 въ Астрахани, а 4 въ прочихъ городахъ, гдѣ трудно было найти учителей, то въ штатѣ 5 VI 1764, 12.174 было предписано въ послѣднихъ баталіонахъ содержать только

Digitized by Google

менныя зданія; на первое время они могли помѣщаться и въ деревянныхъ [1]). Что касается преподаванія, то школьниковъ предписывалось обучать „всему строевому и до воинской службы и ея порядку принадлежащему, грамотѣ, ариѳметикѣ, музыкѣ, барабанщичьей наукѣ (!), играть на флейтѣ“, а также воинскимъ артикуламъ. Преподавателями должны были служить гарнизонные офицеры, а при недостаткѣ въ нихъ предписывалось требовать преподавателей отъ канцеляріи артиллеріи и фортификаціи [2]). Одежда школьниковъ и ихъ содержаніе должны были отдаваться ихъ родителямъ, если они состояли при батальонѣ; въ противномъ случаѣ для нихъ должны были быть нанимаемы „гарнизонныя бабы, которымъ тѣхъ школьниковъ обшивать и обмывать“ [3]). Замѣтимъ, наконецъ, что главный надзоръ за школами лежалъ на губернаторахъ, оберъ-комендантахъ и комендантахъ [4]).

Изъ предыдущаго изложенія мы видѣли, что солдатскія дѣти должны были быть отдаваемы въ гарнизонныя школы съ наступленіемъ „указныхъ“ лѣтъ, т. е. съ 6 (позднѣе съ 7)-лѣтняго возраста; оставались же они въ нихъ, согласно указу 1732 г., до 15-лѣтъ. Послѣднее правило, повидимому, не всегда строго соблюдалось, и бывали случаи, когда дѣти оставались въ школахъ и болѣе 15 лѣтняго возраста. Такъ, въ 1763 г. по полученнымъ въ военной коллегіи вѣдомостямъ оказалось, что не малое число солдатскихъ и разсыльщиковыхъ

половину учениковъ (по 27 вмѣсто 54), а остальную половину содержать въ Астраханской школѣ, въ которой такимъ образомъ должно было быть всего 324 ученика. Любопытно, что къ послѣднимъ предписывалось присоединить до 200 Астраханскихъ купеческихъ дѣтей и неимѣющихъ пропитанія разночинческихъ и иновѣрческихъ сиротъ. Указъ 8 VIII 1767, 12.955 предписалъ, чтобы дѣти чиновъ состоявшей при Боровицкихъ порогахъ команды (ихъ въ то время было 22 чел.) не были отдаваемы въ гарнизонныя школы, но были обучаемы оберъ-офицерами команды „ариѳметикѣ, геометріи и часть механики, гидравлики и другимъ наукамъ“, съ тѣмъ чтобы по обученіи поступать въ команду и въ ней „служить во всѣхъ работахъ, также и при канцеляріи для письменныхъ дѣлъ“.

[1]) Тамъ же, п. 16.

[2]) Тамъ же, п. 17 согласно инструкціямъ полковникамъ (инстр. 1764 г., гл. XI, п. 5 и 1766 г., гл. XXV, п. 5) солдатскія дѣти должны были быть обучаемы „грамотѣ читать писать и часть ариѳметикѣ“, при чемъ преподаваніе должно бысо вестись „надежными унтеръ-офицерами“ подъ „смотрѣніемъ“ одного офицера и подъ общимъ надзоромъ полковника.

[3]) Тамъ же, п. 18. Уже и раньше отцамъ состоявшихъ въ гарнизонныхъ школахъ дѣтей, предоставлялось содержать послѣднихъ при себѣ или при школѣ; лишь не имѣвшія отцовъ дѣти должны были содержаться при школахъ (указъ 22 V 1740, 8.114, п. 3).

[4]) Указъ 14 V 1763, 11.816.

Digitized by Google

дѣтей въ школахъ состоитъ въ возрастѣ 15 и болѣе лѣтъ: поэтому, генералитету было предписано всѣхъ этихъ школьниковъ пересмотрѣть, съ тѣмъ чтобы неспособныхъ среди нихъ „къ дальнѣйшимъ наукамъ“ распредѣлить въ гарнизонные полки въ качествѣ солдатъ и мастеровыхъ [1]) Впрочемъ, постановленія о возрастѣ, до котораго солдатскія дѣти должны были находиться въ школахъ, не отличались опредѣленностью: такъ, въ законѣ о переформированіи гарнизоновъ этотъ возрастъ былъ установленъ въ 16 лѣтъ, хотя для занятія мѣстъ флейщиковъ, барабанщиковъ, музыкантовъ или писарей полевыхъ полковъ ихъ, по требованію послѣднихъ, разрѣшалось выпускать и ранѣе [2]). Послѣднее постановленіе мы находимъ и въ инструкціяхъ полковникамъ, но здѣсь возрастъ былъ установленъ уже не въ 16 лѣтъ, а въ 15 лѣтъ [3]). Когда въ 1793 г. былъ введенъ 25-лѣтній срокъ службы, то этотъ срокъ былъ установленъ и для солдатскихъ дѣтей, съ тѣмъ, однако, чтобы начало ихъ службы считалось съ достиженія ими „совершенныхъ лѣтъ“, т. е. очевидно 15—16 лѣтняго возраста [4]).

3 и 4) Выше мы видѣли, какія мѣры правительство приняло при производствѣ второй ревизіи для обезпеченія поступленія въ гарнизонныя школы тѣхъ изъ солдатскихъ дѣтей, которыя состояли при матеряхъ или родственникахъ. Между тѣмъ эти мѣры не затрогивали корня зла, а именно той крайней бѣдности, въ которой по большой части находились солдатскія жены и вдовы. Это и приводило къ тому, что многія дѣти все же „пропадали“. Поэтому, въ 1758 г. правительство рѣшилось на болѣе дѣйствительную мѣру и предписало на состоящихъ при матеряхъ или родныхъ солдатскихъ сиротъ, не имѣющихъ пропитанія, до 7-лѣтняго возраста выдавать „противъ школьниковъ гарнизонныхъ школъ нижняго оклада“, съ тѣмъ чтобы по достиженіи 7 лѣтъ эти дѣти отдавались въ гарнизонныя школы. При этомъ о сиротахъ, не имѣющихъ матерей и родныхъ, были подтверждены прежнія поста-

---

[1]) Указъ 14 V 1763, 11.816. Впрочемъ, до 20-лѣтняго возраста ихъ предписывалось употреблять въ полкахъ лишь къ легкимъ работамъ.

[2]) Выс. утв. докладъ 19 IV 1764, 12.135, генер. наставл., пп. 20 и 26.

[3]) Инструкціи полковникамъ 8 XII 1764, 12.289, гл. XI, п. 6, и 14 I 1766, 12.543, гл. XXV, п. 6.—П. 2, гл. XI и XXV этихъ инструкцій подтверждаетъ обязанность солдатскихъ дѣтей по достиженіи 15 лѣтъ являться для опредѣленія въ службу подъ страхомъ наказанія, установленнаго для бѣглыхъ солдатъ.

[4]) Указъ 2 IX 1793, 17.150. Случалось, что родители давали невѣрныя показанія о возрастѣ дѣтей, чтобы ранѣе записать ихъ въ школу и получать на нихъ казенное содержаніе. Поэтому, фактически въ полки назначались и дѣти, не достигшія 15 лѣтъ. Въ 1799 г. были предписаны нѣкоторыя мѣры противъ такого рода злоупотребленій (указъ I 1799, 18.841).

Digitized by Google

новленія [1]). Въ 1761 г. правительство пошло еще далѣе и предписало всѣхъ подобныхъ дѣтей, состоящихъ при неимѣющихъ пропитанія матеряхъ, опредѣлять въ школы, хотя бы они и не достигли 7-лѣтняго возраста, съ произвожденіемъ имъ провіанта и денегъ наравнѣ съ сверхкомплектными дѣтьми по указу 1735 г. [2]). Повидимому, эти постановленія касались только дѣтей отцовъ, умершихъ на дѣйствительной службѣ или по увольненіи ихъ на свое пропитаніе; иначе было бы непонятно постановленіе инвалиднаго учрежденія 1764 г., согласно которому вдовы солдатъ, опредѣленныхъ въ инвалидныя команды или въ гарнизонные полки, должны были получать на каждое дитя м. п. по 3 р. въ годъ, а затѣмъ особое пособіе на доставку ихъ въ школы [3]).

Подробныя постановленія о солдатскихъ дѣтяхъ, не достигшихъ „указнаго" возраста, заключаются, далѣе, въ изданныхъ въ 1764 и 1766 гг. инструкціяхъ полковникамъ пѣхотнаго и коннаго полковъ. Какъ мы знаемъ, солдатскія жены, согласно этимъ инструкціямъ, должны были жить при полкахъ и могли отлучаться отъ нихъ лишь по паспортамъ. Если у нихъ при этомъ были дѣти до 4 лѣтъ, то и ихъ имена должны были заноситься въ эти паспорты, съ подтвержденіемъ объ обязанности представить ихъ для опредѣленія въ школы по достиженіи 7-лѣтняго возраста, въ чемъ матери сверхъ того должны были давать подписку [4]) и о чемъ должно было быть отмѣчаемо въ полковыхъ спискахъ о солдатскихъ дѣтяхъ. Такія же правила были установлены и для солдатскихъ вдовъ: и онѣ могли отлучаться отъ полковъ лишь съ паспортами, въ коихъ означались имена ихъ дѣтей и т. д. Если же вдовы оставались при полку, то онѣ должны были получать для своихъ дѣтей, хотя бы и не достигшихъ указныхъ лѣтъ, если они только достигли 2-лѣтняго возраста, по 1 четверику въ мѣсяцъ (о денежной платѣ наравнѣ съ сверхкомплектными здѣсь уже рѣчи нѣтъ).

---

[1]). Выс. утв. для комиссаріатскаго правленія регулы 9 I 1758, 10.789, гл. II, ст. 4, п. 4.

[2]) Указъ 6 XI 1761, 11.354.

[3]) Учрежденіе 26 II 1764, 12.060, пп. 12 и 13. Указомъ 17 II 1765, 12.331 эти постановленія были распространены и на солдатскихъ дѣтей, имѣвшихся въ Казанскихъ богадѣльняхъ. Постановленія п. 11 инвал. учрежденія 1764 г. о вдовахъ и сиротахъ послѣ умершихъ въ службѣ касаются только дворянъ, какъ видно и изъ упоминаемаго здѣсь 12-лѣтняго возраста для отдачи въ школы. Что это ограниченіе не приведено въ самомъ законѣ, объясняется той небрежностью въ редакціи, которая иногда встрѣчается въ нашихъ законахъ того времени.

[4]) Здѣсь подтверждается также постановленіе закона 1732 г. о недержаніи такихъ дѣтей, достигшихъ 7 лѣтъ, подъ опасеніемъ штрафа, установленнаго за держаніе бѣглыхъ и о вознагражденіи (по 10 р.) за приводъ ихъ.

Digitized by Google

Наконецъ, если въ полку оставались круглыя солдатскія малолѣтнія сироты, то онѣ должны были быть отдаваемы на воспитаніе „доброму и надежному женатому солдату“, съ выдачей ему означеннаго провіанта на каждаго сироту, съ тѣмъ чтобы „ротному командиру о порядочномъ его вскормленіи... имѣть наблюденіе“ и чтобы по достиженіи 7-лѣтняго возраста онъ былъ отданъ въ гарнизонную школу [1]).

При всей своей подробности, приведенныя постановленія инструкцій полковникамъ отличаются, однако, казуистичностью и возбуждаютъ разныя сомнѣнія. Неясно, напр., отмѣнили ли они въ отношеніи къ тѣмъ случаямъ, которыхъ они спеціально не предусмотрѣли, приведенныя выше постановленія указа 1761 г. [2]). Неясно также, въ какомъ отношеніи стоятъ инструкціи къ изданному въ 1765 г. (т.-е. *послѣ* инструкціи 1764 г., но *до* инструкціи 1766 г.) указу, согласно которому въ цѣляхъ „сбереженія“ солдатскихъ дѣтей для арміи предписывалось всѣмъ сверхкомплектнымъ солдатскимъ дѣтямъ въ школахъ кромѣ провіанта выдавать на харчъ и одежду по 20 к. въ мѣс. на каждаго „и принимать оныхъ въ тѣ школы отъ 7 лѣтъ и ниже“.

Съ теченіемъ времени постановленія инструкцій о выдачѣ не достигшимъ 7-лѣтняго возраста дѣтямъ провіанта предписаніями военной коллегіи были распространены и еще на нѣкоторыя категоріи солдатскихъ дѣтей, не предусмотрѣнныя въ инструкціяхъ [3]).

Въ предыдущемъ изложеніи мы привели краткую исторію призрѣнія солдатскихъ дѣтей въ гарнизонныхъ школахъ до царствованія Павла. Однако, гарнизонныя школы являлись не единственными учрежденіями, въ которыхъ обучались солдатскія дѣти, и намъ здѣсь необ-

---

[1]) Инструкція пѣх. полка полковнику 8 XII 1764, 12.289, гл. XI, пп. 1, 3 и 4 и коннаго полка полковнику 14 I 1766, 12.543, гл. XXV, п. 1, 3 и 4.

[2]) Указъ 6 XI 1761, 11.354.

[3]) Такъ, указами военной коллегіи, изданными въ 1769 и 1771 гг., было предписано выдавать по 1 четверику муки и 1/2 гарнцу крупъ въ мѣс. на слѣдующія категоріи дѣтей:

1) на солдатскихъ сыновей, оставшихся при матеряхъ и безъ матерей вслѣдствіе выступленія ихъ отцовъ въ походъ за все время до ихъ возвращенія;

2) на дѣтей, оставшихся „въ баталіонахъ, въ артиллерійской и инженерныхъ командахъ“ послѣ умершихъ, если они не получали сиротскаго жалованія по инвалидному учрежденію 1764 г.;

3) на находящихся въ гарнизонныхъ баталіонахъ и инженерной и артиллерійской командахъ (а согласно предписанію военной коллегіи, изданному въ 1773 г., также и въ губернскихъ ротахъ и городовыхъ командахъ) сыновей военно-служащихъ, имѣющихъ двухъ и болѣе сыновей или имѣющихъ одного только сына, но и дочерей.

Всѣ эти дѣти по достиженію 6 лѣтъ подлежали опредѣленію въ гарнизонныя школы (эти предписанія приведены въ указахъ X 1785, 16.282 и VIII 1799, 19.101).

Digitized by Google

ходимо упомянуть еще о двухъ подобныхъ учрежденіяхъ, имѣвшихъ, впрочемъ, подчиненное значеніе. Какъ мы видѣли, предметомъ преподаванія въ гарнизонныхъ школахъ, согласно указу 1738 г., должны были являться и мастерства. Повидимому здѣсь имѣлись въ виду лишь наиболѣе простыя изъ нихъ, потому что обучать имъ предписывалось лишь неспособныхъ учениковъ. Когда, затѣмъ, въ узаконеніяхъ 1760-хъ годовъ кругъ предметовъ, проходившихся въ гарнизонныхъ школахъ, былъ точнѣе опредѣленъ, то о мастерствахъ, какъ предметѣ преподаванія, въ нихъ уже не упоминалось. Съ другой стороны, однако, при состоявшемъ въ С.-Петербургѣ сухопутномъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ еще съ самаго основанія его было учреждено нѣчто въ родѣ ремесленной школы, въ которой мѣста учителей занимали 10 иностранныхъ ремесленниковъ—представителей разныхъ профессій. Однако, эта школа не оправдала ожиданій: за 30 лѣтъ, прошедшихъ съ основанія корпуса до 1761 г., названные учителя никого не научили. И такой печальный результатъ управленіе корпуса приписывало составу учениковъ: послѣдніе комплектовались изъ рекрутъ, представлявшихъ изъ себя какъ по возрасту (20—35 лѣтъ), такъ и по другимъ свойствамъ весьма мало поддающійся обученію элементъ [1]). Въ виду изложеннаго въ 1761 г. эта школа была преобразована. Вмѣсто рекрутъ было предписано набрать въ нее въ качествѣ учениковъ 150 школьниковъ изъ гарнизонной школы въ возрастѣ 13—15 лѣтъ и впредь замѣщать вакантныя мѣста дѣтьми нижнихъ чиновъ кадетскаго корпуса, а также вольными людьми, не положенными въ подушный окладъ, и желающими изъ солдатскихъ дѣтей гвардейскихъ полковъ; недостающее затѣмъ число должно было и впредь пополняться дѣтьми изъ гарнизонныхъ школъ. Предметами преподаванія, кромѣ мастерствъ, должны были служить: чтеніе, письмо, геометрія, рисованіе, нѣмецкій языкъ (послѣдній вслѣдствіе отсутствія русскихъ книгъ). Школа должна была приготовлять коноваловъ, сѣдельниковъ, шпорныхъ, ложныхъ и ружейныхъ мастеровъ, кузнецовъ, а также и капельмейстеровъ, съ тѣмъ, чтобы имѣть для арміи хорошихъ, а въ то же время и болѣе дешевыхъ, чѣмъ иностранцы, представителей этихъ профессій. Вышедшимъ изъ школы мастерамъ для поощренія отечественной промышленности устанавливался срокъ службы и притомъ сравнительно краткій: а именно, прослуживъ 12 лѣтъ, они могли получить отставку,

[1]) Въ рекруты, по словамъ управленія корпуса, отдавались люди „безграмотные и по большей части такіе, которые помѣщикамъ не надобны, а иные хотя и грамотные, только весьма порочные, потому что ни одинъ помѣщикъ грамотнаго добраго человѣка въ рекруты не отдастъ“.

Digitized by Google

однако съ обязательствомъ записаться въ цехи въ Москвѣ, С.-Петербургѣ или „другихъ знатныхъ городахъ“ [1]).

Названная школа должна была обслуживать главнымъ образомъ конницу; но, кромѣ того, около того же времени такая школа (и притомъ также для „солдатскихъ и другихъ не дворянскихъ дѣтей“ въ числѣ 150) была учреждена и при артиллерійскомъ корпусѣ, для приготовленія мастеровъ къ артиллеріи [2]). Подробности объ этой школѣ мы находимъ въ указѣ 25 X 1762 г., согласно которому она должна была существовать при учрежденномъ этимъ указомъ артиллерійскомъ и интендантскомъ шляхетскомъ корпусѣ. Число учениковъ въ ней должно было составлять 150; они должны были набираться изъ „малолѣтнихъ канонирскихъ и прочихъ служителей артиллерійскаго и инженернаго корпусовъ не дворянскихъ дѣтей“. Изъ нихъ 100 чел. должны были приготовляться къ замѣщенію должностей артиллерійскихъ и инженерныхъ унтеръ-офицеровъ, а 50 чел.—въ мастера и художники. Кончающіе съ успѣхомъ могли получать оберъ-офицерскіе чины [3]).

Прежде чѣмъ перейти къ царствованію Павла, намъ нужно упомянуть о дворянскихъ дѣтяхъ, обучавшихся въ гарнизонныхъ школахъ. Еще въ 1744 г., при производствѣ второй ревизіи, по поводу оказавшихся въ Архангелогородской губ. весьма бѣдныхъ недорослей изъ дворянъ, владѣвшихъ землею, но не имѣвшихъ крестьянъ, было предписано годныхъ изъ нихъ брать въ военную службу, а малолѣтнихъ, начиная съ 8-лѣтняго возраста, опредѣлять въ гарнизонныя школы [4]). При бѣдности значительной части дворянства, случаи помѣщенія дворянскихъ дѣтей въ гарнизонныя школы встрѣчались и послѣ 1744 г., хотя, поскольку они дошли до насъ, они носили спорадическій характеръ [5]). Лишь въ 1774 г. было предписано имѣть въ гарнизон-

---

[1]) Объ этомъ обязательствѣ должно было означаться въ даваемыхъ имъ паспортахъ.—См. обо всемъ этомъ указъ 27 III 1761, 11.224. И впослѣдствіи, послѣ преобразованія гарнизонныхъ школъ въ отдѣленія военно-сиротскаго дома, служители I кадетскаго корпуса (въ который былъ переименованъ сухоп. шляхетскій кад. корпусъ) были освобождены отъ обязанности представлять своихъ дѣтей въ эти отдѣленія, но уже съ другой мотивировкой: какъ говоритъ указъ VI 1805, 21.820, эти дѣти „содержатся и обучаются въ нарочно учрежденной... на иждивеніи корпуса школѣ и пріуготовляются единственно на службу для онаго же“. См. также указъ 14 I 1804, 21.125.

[2]) Объ этой школѣ, какъ недавно основанной, сообщаетъ указъ 24 IV 1762, 11.515. См. также указъ 8 VIII 1762, 11.640.

[3]) Указъ 25 X 1762, 11.696.

[4]) Указъ 7 VIII 1744, 9.013.

[5]) Такъ, напр., въ 1774 г. въ Новгородской школѣ такихъ дѣтей состояло 16.

Digitized by Google

ныхъ школахъ 1000 мѣстъ для дворянъ (въ 11 губерніяхъ, отъ 10 до 200 мѣстъ на губернію) [1]).

Перейдемъ теперь къ царствованію Павла.

Уже въ самомъ началѣ его, а именно въ 1797 г., было издано новое положеніе о гарнизонныхъ школахъ. Согласно этому положенію означенныя школы, въ числѣ 63, попрежнему должны были состоять при гарнизонахъ. Для каждой изъ нихъ устанавливалось штатное число учениковъ въ соотвѣтствіи съ обнаружившимся на практикѣ дѣйствительнымъ числомъ ихъ въ данной школѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, число штатныхъ учениковъ должно было быть ниже дѣйствительнаго: общее число ихъ должно было составлять лишь 8000 [2]), тогда какъ дѣйствительное число ихъ составляло въ то время уже 12.000, и авторы положенія справедливо ожидали, что и это число со временемъ будетъ расти. Поэтому всѣхъ излишнихъ, за вычетомъ тѣхъ, которые будутъ состоять на воспитаніи родныхъ, предписывалось содержать въ школахъ въ качествѣ сверхкомплектныхъ [3]). Школы должны были находиться подъ вѣдомствомъ военныхъ губернаторовъ и комендантовъ [4]); общее наблюденіе надъ ними принадлежало инспекторамъ войскъ и военной коллегіи. Въ школы должны были поступать: 1) дѣти нижнихъ чиновъ даннаго гарнизона, а равно и губернскихъ ротъ и городовыхъ командъ, и 2) рожденныя въ службѣ дѣти живущихъ по городамъ и уѣздамъ отставныхъ военно-служителей. Возрастъ поступленія составлялъ 7 лѣтъ, а при бѣдности родителей и 5 лѣтъ. Если у родителей оказывались и не достигшія 5-лѣтняго возраста дѣти, которыхъ они по бѣдности не могли содержать, то эти дѣти, равно какъ и круглыя сироты этого возраста, должны были отдаваться до 7 лѣтъ на воспи-

---

[1]) Остальныя губерніи не были внесены сюда вслѣдствіе малочисленности дворянства или потому, что онѣ состояли на особыхъ правахъ. Указъ 17 I 1774, 14.105 и 24 II 1774, 14.130. Первый изъ названныхъ указовъ даетъ намъ любопытную картину бѣдности многихъ дворянъ, не имѣвшихъ земли и питавшихся черной работой (напр., препровожденіемъ барокъ изъ Новгородской губ. до С.-Петербурга). Въ гарнизонныхъ школахъ на дворянскихъ дѣтей отпускались тѣ же суммы, какъ и на остальныхъ учениковъ.

[2]) Это штатное число составляло 1000 учениковъ въ Московской школѣ, 500— въ С.-Петербургской, въ остальныхъ городахъ—по 50 или 100 чел. на батальонъ, согласно чему въ 17 среднихъ по числу учениковъ школахъ должно было быть по 150—300 учениковъ, а въ 44 меньшихъ—до 100 учениковъ въ каждой.

[3]) Всего на гарнизонныя школы, включая сверхкомплектныхъ учениковъ, предписывалось отпускать около 175.000 р. въ годъ. При этомъ были приняты во вниманіе и поднявшіяся цѣны.

[4]) Послѣдніе о состояніи школъ должны были подавать государю ежемѣсячные рапорты.

таніе надежному женатому солдату, служащему въ данномъ гарнизонѣ, съ выдачей ему по 1 четверику муки съ пропорціей крупъ въ мѣсяцъ. Что касается дѣтей служащихъ въ полевыхъ полкахъ, то они должны были оставаться при своихъ родителяхъ: „призрѣніе и сохраненіе" ихъ составляло обязанность полковниковъ; съ наступленія указныхъ лѣтъ и до 15-лѣтняго возраста они должны были обучаться „въ нарочныхъ при полкахъ школахъ" [1]). На время отсутствія отцовъ въ походѣ малолѣтнія дѣти м. п., не достигшія 7 лѣтъ, должны были причисляться къ гарнизоннымъ школамъ, съ выдачей имъ провіанта до 6 лѣтъ [2]). Впрочемъ, и подлежавшія въ школы дѣти могли отдаваться на воспитаніе родственникамъ до 15-лѣтняго возраста, но уже безъ всякаго пособія отъ казны и съ тѣмъ условіемъ, чтобы они проходили предметы преподаванія школъ. По достиженіи 15-лѣтняго возраста всѣ солдатскія дѣти, находившіяся какъ въ школахъ, такъ и у родныхъ, должны были отсылаться въ гарнизонные полки для опредѣленія въ службу [3]). Предметы преподаванія были оставлены тѣ же, какіе были установлены въ 1764 г. Однимъ изъ поводовъ реформы было отсутствіе „точнаго положенія" объ учителяхъ. Между тѣмъ и новыя правила по этому пункту были весьма кратки и ограничивались предписаніемъ назначать учителей изъ отставныхъ и вольнонаемныхъ [4]).

Изложенное нами „положеніе" дѣйствовало очень недолго; уже черезъ годъ гарнизонныя школы были подвергнуты дальнѣйшей реформѣ, покоившейся на гораздо болѣе широкихъ началахъ. Эта реформа была тѣсно связана съ существовавшимъ въ С.-Петербургѣ еще раньше сиротскимъ домомъ, учрежденнымъ Павломъ при гвардіи. Павелъ этимъ сиротскимъ домомъ очень дорожилъ, и въ своей резолюціи на изложенное „положеніе" предписалъ, чтобы гарнизонныя школы были учреждены по его образцу и въ качествѣ его отдѣленій. Это предписаніе и легло въ основу новой организаціи гарнизонныхъ школъ.

Согласно послѣдней, всѣ учрежденія для воспитанія солдатскихъ

---

[1]) Объ этомъ см. еще воинскіе уставы полевой пѣх. службы 29 XI 1796, 17.588, ч. IX, гл. XI, пп. 4 и 5 и полевой кавалер. службы 29 XI 1796, 17.590, гл. XLI, пп. 4 и 5.

[2]) По 1 четверику муки, а съ 6 лѣтъ—по 2 четверика (съ пропорціей крупъ).

[3]) При этомъ новое положеніе, въ противоположность прежнему порядку, предписывало отдавать ихъ непремѣнно въ солдаты, а не въ писаря или другія службы. Объ этомъ см. и въ воинскихъ уставахъ (тамъ же). Также была запрещена разрѣшавшаяся прежде отдача до достиженія 15-лѣтняго возраста въ барабанщики, флейщики и т. д.

[4]) Выс. рез. на положеніе военной коллегіи 25 IX 1797, 18.159.

Digitized by Google

дѣтей являются отдѣленіями одного центральнаго учрежденія—военно-сиротскаго дома въ С.-Петербургѣ—и находятся въ вѣдѣніи особой, состоящей при военной коллегіи, экспедиціи о военно-сиротскихъ учрежденіяхъ. Центральное учрежденіе, т. е. Имп. военно-сиротскій домъ, дѣлится на два отдѣленія: первое—для дворянъ (а также для 50 лучшихъ изъ солдатскихъ дѣтей изъ второго отдѣленія), а второе—для солдатскихъ дѣтей (въ особенности сиротъ) безъ ограниченія ихъ возраста и числа. Всѣ гарнизонныя школы переформируются въ мѣстныя отдѣленія военно-сиротскаго дома въ числѣ 66, съ общимъ числомъ учениковъ въ 16.400 [1]). Какъ и гарнизонныя школы, эти отдѣленія находятся въ вѣдѣніи губернаторовъ и комендантовъ, подъ наблюденіемъ инспекторовъ войскъ. Въ отличіе отъ „положенія“ 1797 г., въ нихъ предписывается принимать *всѣхъ* безъ изъятія рожденныхъ въ службѣ солдатскихъ дѣтей (въ частности какъ изъ полевыхъ и гарнизонныхъ полковъ и изъ морского вѣдомства, такъ и изъ губернскихъ ротъ, городовыхъ и т. д. воинскихъ командъ и отъ живущихъ по городамъ и уѣздамъ отставныхъ солдатъ) [2]). Возрастъ поступленія по прежнему остается 7-лѣтній, при чемъ также по прежнему не имѣющія пропитанія дѣти могутъ быть принимаемы и ниже этого возраста, съ тѣмъ чтобы быть отданными на воспитаніе надежнымъ женатымъ солдатамъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ и по положенію 1797 г.[3]). Далѣе, по прежнему, по желанію родныхъ, дѣти могутъ быть отдаваемы имъ на воспитаніе и послѣ 7 лѣтъ [4]). Предметы преподаванія и составъ учителей остаются прежніе. Лишь во второмъ отдѣленіи военно-сиротскаго дома предметами преподаванія сверхъ чтенія, письма и ариѳметики являются еще и нужныя для арміи ремесла [5]). Дальнѣйшимъ отличіемъ отъ „положенія“ 1797 г. является то, что дѣти какъ изъ второго отдѣленія военно-сиротскаго дома, такъ и изъ мѣстныхъ отдѣленій его, должны были выпускаться въ полки (или морскія команды)

---

[1]) Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ—по 1500, въ Кронштадтѣ, Ригѣ и Николаевѣ—по 1000, въ Архангельскѣ—700, Кіевѣ—600, Казани—500, крѣп. св. Димитрія—450; затѣмъ слѣдуютъ 16 среднихъ отдѣленій съ числомъ учениковъ отъ 200 до 400 и 41 меньшихъ съ числомъ учениковъ отъ 50 до 150.

[2]) Указомъ XII 1798, 18.808 было предписано у сосланныхъ въ крѣпости для работъ „невольниковъ“ малолѣтнихъ дѣтей съ 5 лѣтъ отдавать въ гарнизонныя школы.

[3]) Подтвержденіе этого правила по отношенію ко всѣмъ только что названнымъ категоріямъ солдатскихъ дѣтей см. въ указѣ VIII 1799, 19.101.

[4]) Эти дѣти не входятъ въ названное выше число 16.400.

[5]) Въ послѣднемъ отношеніи мы наблюдаемъ возвращеніе къ прежнему порядку, установленному указомъ 1738 г. Для усовершенствованія въ ремеслахъ дѣти могли быть отдаваемы къ мастерамъ на выучку на 6 лѣтъ по контрактамъ съ паспортами.

Digitized by Google

лишь по достиженіи 18-лѣтняго возраста, но что въ барабанщики и и флейщики они могли выпускаться и ранѣе, по достиженіи 15 лѣтъ [1]).

Мы видимъ изъ изложеннаго, что новая организація была построена на болѣе широкихъ началахъ, чѣмъ прежняя: она охватывала и полевые полки, которые страннымъ образомъ были обойдены въ положеніи 1797 г., посвятившемъ имъ лишь нѣсколько общихъ фразъ. Понятно, что эта новая организація должна была вызвать и гораздо болѣе значительныя издержки [2]).

Описанная организація пережила царствованіе Павла. Послѣдующее законодательство касалось главнымъ образомъ лишь двухъ пунктовъ: порядка распредѣленія воспитанниковъ отдѣленій военно-сиротскаго дома по воинскимъ частямъ и вопроса о дѣтяхъ солдатъ, служащихъ въ присутственныхъ мѣстахъ гражданскаго вѣдомства.

По *первому* пункту особенно важенъ Им. указъ 1804 г., согласно которому и военно-сиротскій домъ и его отдѣленія должны были ежегодно доставлять къ 1 января вѣдомости о всѣхъ находящихся въ нихъ дѣтяхъ въ возрастѣ отъ 15 до 18 лѣтъ, а также и о всѣхъ такихъ дѣтяхъ, отданныхъ на воспитаніе роднымъ [3]) или находящимся при полкахъ и командахъ (о послѣднихъ и сами полки и команды должны были доставлять къ этому сроку вѣдомости). Съ другой стороны всѣ воинскія части къ тому же сроку должны извѣщать военную коллегію о числѣ вакансій, подлежавшихъ заполненію воспитанниками. На основаніи этихъ данныхъ военная коллегія и должна была производить распредѣленіе воспитанниковъ. При этомъ всѣ дѣти изъ гвардейскихъ полковъ и изъ артиллерійскаго, инженернаго и морского вѣ-

---

[1]) Вмѣстѣ съ тѣмъ и срокъ ихъ 25-лѣтней службы долженъ былъ начинаться съ достиженія 18-лѣтняго возраста (см. указъ 9 IX 1801, 20.003 и 21 IV 1802, 20.254), хотя солдатскія дѣти еще въ бытность въ военно-сиротскомъ домѣ за прилежаніе могли быть производимы директоромъ въ унтеръ-офицеры. Форму паспорта, даваемаго отставнымъ солдатамъ изъ солдатскихъ дѣтей, см. въ указѣ VI 1802, 20.309).

[2]) Около 650.000 р., изъ которыхъ около 130.000 р. предназначалось для военно-сиротскаго дома, а 520.000 р.—для его отдѣленій, т. е. въ три раза больше, чѣмъ по положенію 1797 г. Выс. утв. докладъ 23 XII 1798, 18.793. Въ 1801 г. военная коллегія опредѣлила принимать въ отдѣленія военно-сиротскаго дома по ихъ желанію и дѣтей дворянъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ (см. указъ X 1805, 21.945). Дѣти штабъ- и оберъ-офицеровъ изъ недворянъ, родившіяся до полученія отцами оберъ-офицерства, подлежали въ отдѣленія военно-сиротскаго дома на общихъ основаніяхъ (см. тамъ же, а также указъ VI 1805, 21.820).

[3]) Эти дѣти по достиженіи 18 лѣтъ должны были представляться въ отдѣленія. За своевременностью такого представленія должна была слѣдить городская и земская полиція.

Digitized by Google

домствъ подлежали распредѣленію по этимъ же полкамъ и вѣдомствамъ. Изъ всѣхъ остальныхъ воспитанниковъ одна половина—и притомъ лучшая (по выбору инспектора артиллеріи)—должна была идти въ артиллерію; другая же—въ полевые и гарнизонные полки. Сказанное касается воспитанниковъ, достигшихъ 18 лѣтъ; изъ состоявшихъ же въ возрастѣ отъ 15 до 17 лѣтъ должны были опредѣляться въ полки, (а именно: въ барабанщики, флейщики и т. д.) лишь тѣ, которые оказались „къ обученію грамотѣ непонятны, тупы и неприлежны“ [1]).

Обратимся ко *второму* пункту. Въ отдѣленія военно-сиротскаго дома должны были отдаваться, какъ мы видѣли, *всѣ* рожденныя въ службѣ солдатскія дѣти. Относились ли сюда, однако, дѣти солдатъ, состоявшихъ на службѣ въ разныхъ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ гражданскаго вѣдомства? О нихъ не упоминали ни законъ 1798 г., ни послѣдующее законодательство, и мы

---

[1]) Им. указъ 14 I 1804, 21.125 (въ немъ приводится и изданный на основаніи его Сен. указъ 30 III 1804 г.). Изъ предшествующихъ законовъ по этому вопросу см. указы VII 1803, 20.877 и 13 X 1803, 20.983.

Приведемъ затѣмъ данныя за два года о фактическомъ ходѣ распредѣленія. За время съ мая 1803 г. по начало 1804 г. требованія, предъявленныя къ военно-сиротскому дому и его отдѣленіямъ отъ полковъ на мѣста унтеръ-офицеровъ, музыкантовъ, барабанщиковъ, флейщиковъ, писарей, кузнецовъ, плотниковъ, ложниковъ и лазаретныхъ служителей, простирались болѣе 500 чел.; затѣмъ къ іюлю 1804 г. оставалось еще неудовлетворенныхъ 398 требованій. Между тѣмъ къ этому же времени число наличныхъ воспитанниковъ, достигшихъ 18 лѣтъ, составляло:

	Способныхъ.	Неспособныхъ.
Въ военно-сир. домѣ и его отдѣленіяхъ......	421	138
У родственниковъ........................	119	14
Итого...	540	152

Въ маѣ 1805 г. число требованій составляло болѣе 500, тогда какъ налицо состояло:

	Способныхъ (18-лѣтнихъ).	Неспособныхъ (15—18-лѣтнихъ).
Въ военно-сир. домѣ и его отдѣленіяхъ .	443	173
У родственниковъ.....................	83	136
Итого	526	309

Эти данныя заимствованы изъ указовъ VII 1804, 21.419 и VI 1805, 21.821. Въ этихъ указахъ между прочимъ предписывается неизлѣчимо больныхъ и совершенно увѣчныхъ, находящихся у родственниковъ, навсегда оставить у нихъ, съ исключеніемъ изъ отдѣленій; если родственники не пожелаютъ ихъ взять—отдать ихъ въ приказы общественнаго призрѣнія; обладающихъ физическими недостатками по возможности употреблять на нестроевыя должности; больныхъ лѣчить въ госпиталѣ и полковыхъ и батальонныхъ лазаретахъ и т. д.

Digitized by Google

не знаемъ, какъ это молчаніе закона толковалось на практикѣ. Такъ обстояло дѣло до 1802 г., когда, по поводу одного частнаго случая, было предписано, чтобы впредь всѣ присутственныя мѣста ежегодно къ январю и іюлю представляли въ экспедицію о военно-сиротскихъ учрежденіяхъ вѣдомости о состоящихъ въ ихъ вѣдомствѣ дѣтяхъ, непричисленныхъ въ военно-сиротскія отдѣленія [1]). При этомъ всѣхъ этихъ дѣтей, рожденныхъ въ солдатствѣ, было предписано причислять къ ближайшимъ отдѣленіямъ военно-сиротскаго дома, которые могли ихъ отпускать съ паспортами, въ каковомъ случаѣ они должны были являться по достиженіи 18-лѣтняго возраста. Исключеніе было сдѣлано лишь для нѣкоторыхъ категорій дѣтей, которыя по особымъ законамъ должны были „обращаться въ прежнія отцовъ ихъ состоянія“ [2]). До насъ дошли итоги вѣдомостей, представленныхъ въ отвѣтъ на эти предписанія отъ разныхъ (къ сожалѣнію, не всѣхъ) присутственныхъ мѣстъ о незаписанныхъ въ отдѣленія военно-сиротскаго дома дѣтяхъ отставныхъ [3]).

---

[1]) Указъ 30 XI 1802, 20.534.

[2]) Къ этимъ категоріямъ принадлежали дѣти:

1) отцовъ съ 15-лѣтнимъ срокомъ службы;
2) инвалидовъ медицинскаго вѣдомства;
3) инвалидовъ совѣта при воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ;
4) нѣкоторыхъ служителей придворной конюшни;
5) служителей почтоваго департамента;
6) служителей I кадетскаго корпуса (о нихъ см. выше);
7) состоящихъ при Старорусскомъ соляномъ заводѣ;
8) служащихъ департамента водяныхъ коммуникацій.

(Эти категоріи перечислены въ указахъ 14 I 1804, 21.125 и VI 1805, 21.820).

[3]) Къ сожалѣнію, вѣдомости по губерніямъ заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія не только о дѣтяхъ состоявшихъ при присутственныхъ мѣстахъ и въ губернскихъ ротахъ и городовыхъ командахъ солдатъ, но и отставныхъ солдатъ, жившихъ „по городамъ и уѣздамъ“, т. е. уволенныхъ на свое пропитаніе. Вотъ эти итоги (см. указъ VI 1805, 21.820).

Архангельская	172	Олонецкая	83	Симбирская	1804
Владимірская	100	Оренбургская	856	Слободско-Украинская	340
Вятская	360	Орловская	568	Смоленская	395
Екатеринославская	488	Пензенская	292	Тверская	53
Курская	267	Пермская	814	Тульская	322
Московская	193	Псковская	586	Ярославская	227
Нижегородская	258	С.-Петербургская	157		

Итого въ 20 губерніяхъ........................ 8.335

Въ среднемъ на губернію это составитъ около 417, чел. дѣтей съ довольно значительными колебаніями отъ 53 до 1.804. Остальныя губерніи, относящіяся къ подле-

Digitized by Google

Мы только что видѣли, что на нѣкоторыхъ изъ рожденныхъ въ службѣ солдатскихъ дѣтей обязанность поступать въ военную службу не распространялась, и они вмѣсто того должны были посвятить себя службѣ въ другихъ вѣдомствахъ,—въ тѣхъ, въ которыхъ находились ихъ отцы. Прежде чѣмъ закончить настоящій очеркъ, мы хотѣли бы еще указать на то обстоятельство, что бывали и другіе случаи, когда солдатскими дѣтьми пользовались для иныхъ цѣлей, кромѣ военной службы. Относительно опредѣленія ихъ въ приказную службу мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ и здѣсь болѣе къ этому вопросу возвращаться не будемъ. Но затѣмъ, въ особенности во второй половинѣ XVIII-го вѣка, мы встрѣчаемся и съ нѣкоторыми другими формами использованія солдатскихъ дѣтей.

Въ началѣ настоящаго очерка мы упомянули о томъ, что въ первой половинѣ XVIII вѣка солдатскія дѣти встрѣчались на фабрикахъ: но то были дѣти, которыхъ фабриканты, побуждаемые недостаткомъ въ рабочихъ, брали вопреки закону. Между тѣмъ въ самой срединѣ столѣтія былъ сдѣланъ опытъ примѣненія солдатскихъ дѣтей для цѣлей *фабричной промышленности* со стороны самого правительства, хотя, правда, въ такой отрасли, которая всегда составляла предметъ особыхъ заботъ послѣдняго вслѣдствіе ея значенія для арміи. Въ 1749 г. главный комиссаріатъ вошелъ въ военную коллегію съ предложеніемъ объ опредѣленіи на Московскую суконную фабрику [1]), дѣла которой, повидимому, вслѣдствіе недостатка въ рабочихъ шли не особенно блестяще, до 400 учениковъ гарнизонныхъ школъ, „непонятныхъ къ наукамъ“, въ возрастѣ 10—20 л. Мысль эта понравилась военной коллегіи, которая дала ей дальнѣйшее движеніе; а такъ какъ въ Московской гарнизонной школѣ было 545 сверхкомплектныхъ учениковъ, то Сенатъ и предписалъ до 400 чел. изъ нихъ опредѣлить на названную фабрику, съ тѣмъ чтобы они на ней оставались до 20-лѣтняго воз-

---

жащей нашему изученію территоріи, либо не доставили никакихъ свѣдѣній (Вологодская, Калужская, Новгородская, Рязанская и Саратовская), либо доставили свѣдѣнія неполныя, а именно губ. Воронежская (274), Костромская (6), Таврическая (6), Тамбовская (2) и Херсонская (9). Въ войскѣ Донскомъ число непричисленныхъ къ отдѣленіямъ военно-сиротскаго дома дѣтей составляло 2. Кромѣ того въ разныхъ центральныхъ и нѣкоторыхъ другихъ учрежденіяхъ находилось солдатскихъ дѣтей: въ С.-Петербургѣ 1.171, въ Москвѣ—69, итого 1.240. Наконецъ, отъ нѣкоторыхъ учрежденій данныхъ еще не было получено (департамента ревизіонъ-коллегіи, гос. Московскаго архива старыхъ дѣлъ, гос. С.-Петербургскаго архива, Бугазской таможенной заставы и Маріупольской и Херсонской отпускныхъ заставъ.

[1]) Эта фабрика была казенная, но находилась въ содержаніи частныхъ фабрикантовъ (въ 1756 г.—„Докучаева съ товарищи“).

Digitized by Google

раста. Военная коллегія отъ такого постановленія ожидала разнообразныхъ выгодъ: съ одной стороны, солдатскія дѣти научатся суконному дѣлу, „зѣло государству полезному“; при этомъ въ воскресные и праздничные дни, „когда отъ публичныхъ работъ свобода дается“, они по нѣскольку часовъ могутъ обучаться и военной экзерциціи, такъ что они, по достиженіи 20 лѣтъ, „въ воинскую службу съ наилучшею пользою вступятъ“; при всемъ томъ они будутъ состоять на „фабрикантскомъ коштѣ“, отчего „въ казнѣ остаться можетъ до 30.000 р.“; кромѣ того, фабриканты не будутъ имѣть отговорокъ, чтобы не представлять ежегодно предписаннаго имъ количества суконъ и каразеи для арміи; наконецъ, и послѣ отставки эти солдатскія дѣти могутъ вернуться къ суконному дѣлу, чтобы отъ него пропитаніе получать, „а не бродягами быть“ [1]), чѣмъ и для фабрикантовъ увеличится число рабочихъ рукъ. Итакъ, 400 чел. солдатскихъ дѣтей поступили въ ряды фабричныхъ.

Случаи отдачи „солдатскихъ и другого чина воинскихъ людей“ дѣтей на фабрики „до указныхъ лѣтъ“ встрѣчались и помимо описаннаго, и притомъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ. Между тѣмъ военная коллегія со временемъ измѣнила свои взгляды по этому вопросу и, вмѣсто прежнихъ радужныхъ ожиданій, стала обнаруживать явное стремленіе положить конецъ этому способу эксплуатаціи подвѣдомственныхъ ей дѣтей. Уже въ 1756 г. военная контора взяла съ названной выше фабрики 102 школьниковъ, хотя послѣдніе и не достигли еще 20 лѣтъ; по этому поводу Сенатъ предписалъ вернуть ихъ на фабрику, прибавивъ, что военной конторѣ ихъ „до пришествія имъ тѣхъ опредѣленныхъ лѣтъ безъ указа собою и отбирать не надлежало“. Между тѣмъ военная коллегія на этомъ не успокоилась: въ 1761 г. она вошла въ Сенатъ съ предложеніемъ не только о производствѣ разбора всѣмъ состоящимъ на фабрикахъ солдатскимъ дѣтямъ (съ тѣмъ чтобы годныя были взяты въ военную службу), но и о томъ, чтобы впредь солдатскія дѣти не были болѣе отдаваемы на фабрики. Сенатъ съ первой частью этого предложенія согласился, однако, съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы съ фабрикъ были взяты только тѣ солдатскія дѣти, которыя уже достигли 20 лѣтъ; вторую же часть онъ не рѣшился сразу принять, но предписалъ военной коллегіи вмѣстѣ съ мануфактуръ-коллегіей разсмотрѣть, не потерпитъ ли Московская суконная фабрика (замѣтимъ, что у нея приписныхъ крестьянъ не было) отъ прекращенія снабженія ея солдатскими дѣтьми какого либо ущерба, и какое вза-

[1]) Эти слова знаменательны для характеристики той участи, которая ожидала отставныхъ солдатъ, уволенныхъ на свое пропитаніе.

Digitized by Google

мѣнъ того она могла бы получить вспоможеніе [1]). Результаты этого разсмотрѣнія, къ сожалѣнію, до насъ не дошли [2]).

Таковы были попытки воспользоваться солдатскими дѣтьми для промышленныхъ цѣлей. Далѣе, солдатскими дѣтьми (на ряду съ дѣтьми духовенства) заполнялись также ряды представителей *медицинской профессіи*. Поэтому, напр., въ упомянутыхъ выше изданныхъ въ 1804 г. правилахъ о распредѣленіи выходящихъ изъ отдѣленій военно - сиротскаго дома воспитанниковъ предписывалось запрашивать и медицинскую управу о числѣ имѣющихся у нея при гошпиталяхъ вакансій, при чемъ послѣднія должны были заполняться изъ „хорошихъ и понятныхъ“ воспитанниковъ [3]).

Наконецъ, правительство воспользовалось солдатскими дѣтьми и для заполненія комплекта лицъ, необходимыхъ ему для *генеральнаго межеванія*. Для послѣдняго правительству нужны были люди съ нѣкоторой спеціальной подготовкой или хотя бы способные къ воспріятію таковой. Между тѣмъ такихъ людей въ Россіи было крайне мало: такъ, напр., одинъ относящійся къ 1768 г. указъ сообщаетъ, что послѣ трехлѣтнихъ вызововъ людей, знающихъ землемѣрную науку, ихъ въ дополненіе къ состоявшимъ уже 137 землемѣрамъ явилось всего только: штабъ-и оберъ-офицеровъ 71, а унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, „знающихъ нѣсколько геометріи“—14 чел. [4]). Вслѣдствіе этого еще въ 1767 г. правительство рѣшилось привлечь къ этому дѣлу солдатскихъ дѣтей и предписало опредѣлить въ межевую канцелярію и межевыя конторы для копированія плановъ 35 чел. „изъ гарнизонныхъ школъ, гдѣ способныхъ изыскать будетъ можно, которые грамотѣ, писать, также ариѳме-

---

[1]) Указъ 4 XII 1761, 11.371.

[2]) Мы знаемъ еще нѣсколько случаевъ промышленнаго употребленія солдатскихъ дѣтей. Такъ, на учрежденную въ 1761 г. въ С.-Петербургѣ типографію нѣкоего Волчкова было опредѣлено 22 ученика изъ гарнизонной школы. Затѣмъ въ 1804 г., при учрежденіи въ Крыму виноградняго училища, въ качествѣ учениковъ для него было опредѣлено 10 солдатскихъ дѣтей изъ военно - сиротскихъ отдѣленій. Они были обязаны прослужить при училищѣ срокъ, установленный для военной службы; дѣти ихъ должны были быть кандидатами на занятіе вакантныхъ мѣстъ въ училищѣ, а неспособные къ тому должны были быть отсылаемы для опредѣленія въ военную службу (см. Выс. утв. доклады мин. внутр. дѣлъ 6 IX 1804, 21.440а, и 4 II 1805, 21.614а).

[3]) Указъ 14 I 1804, 21.125.—Изъ болѣе ранней эпохи укажемъ хотя бы на указъ 9 III 1736, 6.912, согласно которому въ четырехъ полевыхъ аптекахъ ученики и писаря должны были опредѣляться между прочимъ и изъ находящихся въ гарнизонныхъ школахъ солдатскихъ дѣтей, умѣющихъ читать и писать.

[4]) Указъ 28 III 1768, 13.093.

Digitized by Google

тикѣ и черченію плановъ обучены“ [1]. Затѣмъ названный только что указъ 1768 г. прямо высказываетъ, что для замѣщенія должностей землемѣрныхъ помощниковъ и учениковъ „первая надежда получить способныхъ людей изъ солдатскихъ гарнизонныхъ школъ“, почему онъ и предписалъ военной коллегіи, чтобы при предстоявшемъ выпускѣ солдатскихъ дѣтей изъ этихъ школъ пріобрѣтшія среди нихъ нѣкоторыя знанія въ ариѳметикѣ и геометріи не были опредѣлены въ полки, но чтобы именныя вѣдомости о нихъ, съ означеніемъ знаній каждаго, были присланы въ межевую экспедицію Сената, которой предоставлялось выбрать изъ нихъ нужныхъ ей къ землемѣрному дѣлу [2]. Мы не знаемъ, въ какихъ размѣрахъ воспользовалась межевая экспедиція этимъ разрѣшеніемъ; но относительно роли солдатскихъ дѣтей при межеваніи мы имѣемъ свидѣтельство одного указа 1776 г., прямо приписывающаго успѣшный ходъ его при незначительныхъ затратахъ привлеченію къ межевому дѣлу этихъ учениковъ гарнизонныхъ школъ [3].

Замѣтимъ въ заключеніе, что относительно численности солдатскихъ дѣтей мы въ Полномъ Собраніи Законовъ не встрѣчаемъ никакихъ другихъ данныхъ, кромѣ тѣхъ, которыя приведены въ предыду-

---

[1]) Указъ 7 IV 1767, 12.868. Въ то время межеваніе производилось еще въ одной Московской губ.

[2]) Указъ 28 III 1768, 13.093.

[3]) Этотъ указъ приписываетъ успѣшность межеванія тому, что въ началѣ его „съ Выс. дозволенія набрано было изъ гарнизонныхъ школъ солдатскихъ дѣтей нѣсколько человѣкъ и какъ при межевыхъ правительствахъ, также и у землемѣровъ обучаемы они были, во-первыхъ, въ теоріи принадлежащимъ до межеванія наукамъ, а потомъ употребляемы были къ практическому произведенію межеванія и сочиненія плановъ... когда же получали и въ практикѣ довольное познаніе, то опредѣлялись помощниками къ землемѣрамъ для измѣриванія и снятія въ межуемыхъ дачахъ внутренней ситуаціи, напослѣдокъ же при случаѣ ваканціи... межевою экспедиціей производились въ землемѣры второго класса, а и теперь еще изъ тѣхъ помощниковъ довольно такихъ, кои межеваніе земель производить и должность землемѣра отправлять могутъ“ (указъ 24 V 1776, 14.472). Солдатскими же дѣтьми отчасти (наряду съ бѣдными дворянами, разночинцами и дѣтьми нижнихъ служителей межевого вѣдомства) комплектовались и ученики учрежденнаго съ самаго начала межеванія Константиновскаго межевого училища (послѣднее долго существовало на вычеты изъ жалованья нижнихъ чиновъ межевого вѣдомства, пока въ 1796 г. не былъ утвержденъ его штатъ [7 XII 1796, 17.621]); однако, въ 1798 г. это на будущее время было запрещено, а находившимся уже въ училищѣ солдатскимъ дѣтямъ было предписано произвести разборъ, съ тѣмъ чтобы оставить въ немъ лишь пріобрѣтшихъ уже „въ наукахъ довольное познаніе“, а остальныхъ, „которые не оказали въ наукахъ успѣховъ“, отослать для опредѣленія въ воинскую службу (указъ 17 XI 1798, 18.755).

Digitized by Google

щемъ изложеніи; данныя, которыя мы находимъ въ окладныхъ книгахъ, носятъ отрывочный характеръ: они приведены выше въ таблицѣ на стр. 90—1. Нѣкоторыя свѣдѣнія мы находимъ въ литературѣ, но они носятъ огульный характеръ и для насъ недостаточны [1]).

---

[1]) Такъ, по Герману число солдатскихъ дѣтей составляло въ 1794 г. 19.615 чел. (Статистическія изслѣдованія, стр. 19). Въ другой работѣ тотъ же авторъ для начала столѣтія опредѣляетъ число солдатскихъ дѣтей и женъ въ 300.000 чел. (C. T. Hermann, Sur le nombre des habitants de la Russie и т. д. въ Mém. de l'Ac. Imp. des sciences de St.-Pétersbourg, V Série, T. III, 1811, стр. 397 и сл.).

Digitized by Google

ВОЕННОЕ НАСЕЛЕНІЕ И ИНОРОДЦЫ ОРЕНБУРГСКАГО КРАЯ.

I. Введеніе. Возникновеніе Оренбургской линіи.

Говоря о поселеніи отставныхъ солдатъ, мы имѣли уже случай упомянуть о тѣхъ мѣрахъ, которыя наше правительство въ XVII и въ началѣ XVIII вв. принимало для огражденія и расширенія своихъ владѣній на востокѣ. Мы видѣли, что около средины XVII в. была проведена закамская линія, заключавшая въ себѣ рядъ пригородковъ, шедшихъ отъ Волги по Черемшану и далѣе до Мензелинска; мы видѣли, затѣмъ, что въ XVIII в. правительство подвинуло эту линію укрѣпленій впередъ, при чемъ въ самомъ началѣ вѣка возникли Алексѣевскъ и Сергіевскъ, а, затѣмъ, нѣсколько позднѣе (въ 1730-хъ гг.)—новая закамская линія. Прибавимъ къ сказанному, что подобныя же мѣры принимались русскимъ правительствомъ и въ болѣе сѣверной части восточной окраины, въ странѣ башкиръ. Здѣсь еще во второй части XVI в. возникъ рядъ русскихъ городовъ: Оса (1557), Уфа (1574), Мензелинскъ (1584; мы о немъ уже упоминали, какъ о конечномъ пунктѣ старой закамской линіи), а затѣмъ уже въ XVII в.—Бирскъ (1663). Хотя описанныя нами мѣры и должны были обезпечить расположенныя внутри возведенныхъ укрѣпленій мѣстности и, такимъ образомъ, расширить предѣлы русскаго государства, однако онѣ не могли считаться послѣднимъ шагомъ въ этомъ направленіи и не могли получить значенія окончательнаго разрѣшенія вопроса о восточныхъ окраинахъ. Россія попрежнему оставалась безъ непосредственнаго вліянія на тѣ народы, съ которыми она здѣсь граничила, т.-е. киргизовъ, и не имѣла достаточной точки опоры для проявленія своей власти по отношенію къ тѣмъ народамъ, которые уже были въ ея подданствѣ (башкиры и калмыки). Такимъ образомъ, описанныя мѣры далеко не привели къ

Digitized by Google

окончательному успокоенію восточной окраины. Не только во второй половинѣ XVII в., но и въ XVIII в. здѣсь происходили постоянные случаи нападеній на торговые обозы или на мирныхъ жителей. Эти нападенія, конечно, препятствовали распространенію населенія на тѣ мѣстности, которыя еще оставались незаселенными, и развитію хозяйственной жизни въ тѣхъ округахъ, которые уже были заняты. Далѣе, они препятствовали развитію торговли съ Азіей, о которой такъ мечталъ Петръ Великій. Наконецъ, близость безпокойныхъ башкиръ вредила развитію горнаго промысла на среднемъ Уралѣ[1]). Поэтому, вмѣстѣ съ дальнѣйшей колонизаціей рано или поздно долженъ былъ встать на очередь вопросъ о болѣе энергичныхъ мѣрахъ, которыя дали бы Россіи возможность утвердить свою власть у подчиненныхъ уже русскому господству народовъ и распространить ее и на тѣ народы, которые еще стояли внѣ этого господства. Еще Петръ Вел. проектировалъ подобныя мѣры[2]); но имъ было суждено осуществиться лишь при его преемникахъ, хотя очень скоро послѣ него.

---

[1]) См. *Н. Поповъ*, Татищевъ и его время, М. 1861, стр. 168; ср. указъ 16 II (29 V) 1724, 4.518; 14 VI 1725, 4.736, п. 2; 15 III 1728, 5.248; рез. каб.-мин. 26 IX 1738, 7.662; Выс. рез. 4 XI 1741, 8.467. Во всѣхъ этихъ законахъ говорится о мѣрахъ обороны горныхъ заводовъ противъ башкиръ и отчасти киргизъ-кайсаковъ.

[2]) „Его Величество"—говоритъ о немъ *Рычковъ*—„довольно могъ предвидѣть, коимъ образомъ немалая часть имперіи его подвержена опасностямъ отъ многочисленныхъ степныхъ народовъ... Того ради Его Величество, какъ то еще донынѣ, уповаю, многимъ знатнѣйшимъ особамъ извѣстно есть, неоднократное изволилъ имѣть разсужденіе, коимъ бы образомъ отъ сихъ непостоянныхъ народовъ единожды такую безопасность утвердить, которая бъ не только на вѣчныя времена прочна быть могла, но и къ дальнѣйшимъ Его Величества намѣреніямъ чрезъ то бъ основаніе положить... И тако по побѣдоносномъ и торжественномъ окончаніи Шведской войны между протчимъ изволилъ особливое попеченіе имѣть и о томъ, чтобъ вышеписанную безопасность на самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ съ помощью Божьею новая Оренбургская линія строится, дѣйствительно основать и чрезъ то героичнымъ своимъ намѣреніямъ путь во всю полуденную Азію отворить, а своевольный башкирскій народъ на вѣчное время обуздать... Но нечаянная Его И. Величества кончина все оное въ дѣйство произвести не допустила". (*Рычковъ*, Ист. Ор., I, 8—13).

Въ теченіе всего дальнѣйшаго изложенія мы въ своихъ цитатахъ пользуемся нѣкоторыми сокращеніями. Съ одной стороны, мы слѣдующимъ образомъ цитируемъ работы П. И. Рычкова:

Ист. Ор.=„Исторія Оренбургская по учрежденіе Оренбургской губерніи" въ „Сочиненіяхъ и переводахъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ", за 1759 г., въ Спб., при Имп. Акад. Наукъ.

Топ. Ор.=„Топографія Оренбургская, то-есть: обстоятельное описаніе Оренбургской губ.", въ Спб., при Имп. Акад. Наукъ 1762 года (существуетъ и новое изданіе 1887 г.).

Digitized by Google

Первоначально послѣпетровское правительство не предполагало предпринимать какія-либо крупныя мѣропріятія, и еще въ 1732 г. оно начало постройку новой закамской линіи, которая должна была захватить лишь незначительно большее пространство земли, чѣмъ старая. Однако, уже вскорѣ обстоятельства сложились такъ, что правительству пришлось взглянуть на дѣло иначе и дать ему гораздо болѣе радикальное разрѣшеніе, при чемъ и новая закамская линія оказалась ненужною, какъ расположенная въ значительномъ отдаленіи отъ той новой границы, которая при этомъ была создана. Такъ появилась Оренбургская линія. Остановимся вкратцѣ на исторіи ея возникновенія.

Изъ народовъ, жившихъ въ то время на нашей восточной окраинѣ, мы должны упомянуть о трехъ: башкирахъ, киргизъ-кайсакахъ и калмыкахъ. Какъ башкиры, такъ и калмыки занимали въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вв. еще пространство не только по сю, но и по ту сторону отъ рѣки Яика[1]). Башкиры и калмыки уже находились въ русскомъ подданствѣ—первые еще съ XVI, вторые съ XVII вв. Что же касается до киргизъ-кайсаковъ, то они еще сохраняли свою самостоятельность. Между тѣмъ уже въ началѣ XVIII в. этотъ народъ сильно страдалъ отъ междоусобій, чѣмъ не замедлили воспользоваться его враги, окружавшіе его съ разныхъ сторонъ: на востокѣ—зюнгорцы, на сѣверѣ — башкиры, на юго-западѣ — калмыки. Вслѣдствіе враждебныхъ дѣйствій со стороны этихъ народовъ, киргизы еще въ царствованіе Петра обращались за помощью къ Россіи; между тѣмъ эта помощь тогда имъ не была дана[2]). Однако, тѣснимые съ юга занявшими Туркестанъ зюнгорцами, киргизы малой и средней орды въ самомъ концѣ царствованія Петра сильно подвинулись на сѣверъ и сѣверо-западъ и тѣмъ оттѣснили калмыкъ и башкиръ за р. Яикъ, которая сдѣлалась границей между незванными народами[3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ киргизы значительно приблизились къ пре-

---

Далѣе, въ тѣхъ случаяхъ, когда мы цитируемъ г. *Витевскаго* безъ наименованія его сочиненія, мы разумѣемъ его работу: „И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г.“, Казань, 1897, три тома (нумерація страницъ идетъ въ нихъ сплошная отъ начала перваго до конца третьяго тома).

[1]) *А. Левшинъ*, Описаніе киргизъ-казачьихъ или киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей, Спб., 1832, ч. II, стр. 56.

[2]) Причина этого была война съ Швеціей, а отнюдь не отсутствіе интереса къ дѣламъ киргизовъ; напротивъ того, Петръ считалъ, что „всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ оная де орда ключъ и врата“ (*Витевскій*, стр. 136).

[3]) Т.-е. верхнее и среднее теченіе р. Яика стало служить границей между башкирами и киргизами, нижнее же теченіе—между калмыками и киргизами. См. *Левшинъ*, назв. соч., ч. II, стр. 71—2.

Digitized by Google

дѣламъ Россіи. Между тѣмъ враги продолжали тѣснить, и въ 1730 г. ханъ малой орды Абулхаиръ снова обратился къ русскому правительству съ просьбой о принятіи этой орды въ русское подданство. На этотъ разъ русское правительство согласилось, но встрѣтило противодѣйствіе со стороны самихъ подвластныхъ Абулхаиру киргизовъ. Однако, благодаря ловкости русскаго посла Тевкелева, дѣло уладилось, и въ 1733—4 г. малая орда была принята въ русское подданство, при чемъ еще сами киргизы просили русское правительство построить городъ при впаденіи р. Ори въ Яикъ [1]).

Между тѣмъ одного формальнаго принятія въ русское подданство было недостаточно; надо было еще принять мѣры къ фактическому осуществленію русскаго господства и для этого прежде всего построить просимый киргизъ-кайсаками городъ. Эта задача была возложена на ст. сов. *И. Кирилова*, человѣка, который по этому вопросу представилъ обстоятельный проектъ, обнаруживающій въ немъ несомнѣнный государственный умъ [2]). Кириловъ во главѣ посланной съ нимъ экспедиціи, получившей названіе „Оренбургской экспедиціи", 10 ноября 1734 г. прибылъ въ Уфу, и еще въ концѣ того же 1734 г. основалъ Верхнеяицкую крѣпость на верховьяхъ р. Яика. Затѣмъ весною 1735 г. онъ двинулся на югъ для исполненія главной своей задачи—основанія города у впаденія р. Ори въ Яикъ. Между тѣмъ на этомъ пути Кириловъ встрѣтилъ весьма серьезныя затрудненія и припятствія: башкиры, страну которыхъ онъ долженъ былъ пересѣчь, опасаясь, что постройка новыхъ русскихъ укрѣпленій усилить господство надъ ними русскихъ, возстали. Такимъ образомъ, Кирилову приходилось пробираться черезъ враждебную страну: тѣмъ не менѣе 6 августа 1735 г. онъ прибылъ къ мѣсту назначенія, а 15 августа заложилъ здѣсь новую крѣпость, которая получила названіе Оренбургъ [3]).

Насколько плохо русскіе въ то время были знакомы съ географіей восточной окраины, видно изъ того маршрута, который избралъ Кириловъ, вѣроятно лучшій географъ Россіи въ то время, направляясь

---

[1]) Вмѣстѣ съ тѣмъ русское подданство приняли и каракалпаки, жившіе къ востоку отъ Аральскаго моря.

[2]) Проектъ этотъ и резолюція на него помѣщены въ П. С. З. подъ 1 V 1734 6.571.

[3]) Еще ранѣе—7 VI 1734, 6.584—была издана „Привиллегія городу Оренбургу", заключавшая въ себѣ цѣлый рядъ льготъ. Какъ справедливо говоритъ *Рычковъ*, „изъ пожалованной г. Оренбургу привиллегіи ясно можно усмотрѣть, что сей городъ заложенъ наипаче для возстановленія Азіатской коммерціи" (Топ. Ор., I, 216), хотя, конечно, правительство преслѣдовало и другія важныя цѣли.

Digitized by Google

къ устью р. Ори. Путь былъ бы гораздо проще, если бы Кириловъ отправился отъ г. Самары вверхъ по рѣкѣ Самарѣ, въ каковомъ случаѣ, быть можетъ, удалось бы избѣжать и бунта со стороны башкиръ, которыхъ по близости отъ р. Самары не было. Между тѣмъ Кириловъ объ этомъ пути узналъ лишь позднѣе; придавая ему большое значеніе, онъ приступилъ къ созданію по нему ряда укрѣпленій, для которыхъ и при немъ уже были выбраны мѣста [1]). Однако, ему не удалось осуществить многіе изъ своихъ плановъ; во-первыхъ, ему все время пришлось тратить массу усилій на усмиреніе башкиръ, а затѣмъ уже 14 апрѣля 1737 г. онъ скончался въ Самарѣ отъ чахотки [2]). Тѣмъ не менѣе цѣлый рядъ крѣпости возникъ по его инициативѣ: до насъ дошла любопытная табель, приложенная къ доношенію, посланному Кириловымъ въ Кабинетъ отъ 27 октября 1736 г., и заключающая въ себѣ перечисленіе назначенныхъ имъ крѣпостей (въ числѣ 21) [3]). Изъ этого перечисленія мы видимъ, что Кириловъ заботился главнымъ образомъ объ укрѣпленіи средняго теченія Яика и всего теченія р. Самары; здѣсь должно было быть сооружено 13 крѣпостей изъ общей суммы ихъ [4]). Остальныя крѣпости должны были быть сооружены въ самой Башкиріи [5]). Странно, что въ этомъ перечисленіи нѣтъ Верхояицкой крѣп.

---

[1]) Ср. *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 118 и слѣд. Въ особенности Кирилову нравилось расположеніе Красносамарской крѣпости, которую онъ хотѣлъ сдѣлать важнымъ центромъ. Тамъ же, 120—122.

[2]) *Витевскій* (стр. 152) сообщаетъ, что онъ умеръ въ большой бѣдности. Замѣтимъ, что Кириловъ извѣстенъ еще по своему сочиненію: „Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго государства, въ каковое началъ, привелъ и оставилъ неизреченными трудами Петръ Великій, отецъ отечествія, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій" и т. д. Это сочиненіе было издано въ 1831 г. (въ Москвѣ) Погодинымъ.

[3]) *Рычковъ*, Ист. Ор., II, табель къ стр. 219.

[4]) Оренбургъ (позднѣе Орскъ), Губерлинскъ, Озерный, *Средній*, Бердскій, *Крыловъ*, *Караульный*, *Верхній*, Сорочій, Тоцкій, Бузулуцкій, Борскъ, Красносамарскъ. Подчеркнутыя крѣпости не встрѣчаются въ позднѣйшихъ росписяхъ. Съ другой стороны, кромѣ названныхъ, уже при Кириловѣ существовала крѣп. Татищева, но подъ названіемъ Кашшъ-Самары: при Татищевѣ она получила лишь свое настоящее названіе (*Рычковъ*, Топ. Ор., II, 95).

[5]) Табынскъ, Красноуфимскъ, Ельдяцкая, *Кубовская* (Килекей-Кубово: см. *Витевскій*, стр. 148), *Калмыцкій бродъ*, Міасскій, *Кизылътажскій* и Чебаркульскій. О подчеркнутыхъ названіяхъ см. пред. прим. Въ росписи не названа крѣпость Нагайбацкая, хотя она была основана уже въ 1736 г. (*Рычковъ*, Топ. Ор., II, 205). *Ф. Стариковъ*, Историко-статическій очеркъ Оренбургскаго казачьяго войска, Оренбургъ 1891. Стр. 53) сообщаетъ, что крѣп. Міасская и Бродокалмацкая были основаны въ мѣстахъ, гдѣ уже ранѣе стояли укрѣпленія, построенныя Исетскими казаками. Тоже самое *Стариковъ* (тамъ же) говоритъ объ основанномъ тогда же укрѣпленіи Александровскомъ, впослѣдствіи названномъ Челябинскомъ.

Digitized by Google

(перваго среди всѣхъ возведенныхъ Кириловымъ укрѣпленій, и притомъ единственнаго, возведеннаго имъ по верхнему теченіи Яика), а также и Карагайской (Уклыкарагайской), основанной около верховьевъ Яика еще въ 1735 г. полк. Татищевымъ [1]).

Кирилова замѣстилъ *В. Н. Татищевъ*, извѣстный историкъ и начальникъ Екатеринбургскихъ горныхъ заводовъ [2]). Однако и ему пришлось пробыть во главѣ Оренбургской экспедиціи, переименованной при немъ въ „Оренбургскую комиссію“, лишь весьма недолго, а именно всего только два года. За это время онъ успѣлъ построить 5 новыхъ крѣпостей, главнымъ образомъ опять по р. Самарѣ и среднему теченію р. Яика [3]).

Преемникъ Татищева, *кн. В. А. Урусовъ*, также пробылъ во главѣ комиссіи лишь два года [4]). Понятно, что за столь короткое время онъ успѣлъ сдѣлать лишь очень немного, тѣмъ болѣе что вскорѣ послѣ его назначенія начался новый башкирскій бунтъ, усмиреніе котораго поглотило главную часть его силъ. Урусовымъ были основаны лишь двѣ крѣпости, которыя, однако, впослѣдствіи были упразднены [5]). Кромѣ того, Урусовъ предполагалъ построить девять крѣпостей по р. Сакмарѣ и заселить ихъ ландмилицкими полками: между тѣмъ онъ не успѣлъ привести этотъ планъ въ исполненіе, а преемникъ Урусова, Неплюевъ, призналъ его нецѣлесообразнымъ [6]). Итакъ, кн. Урусовъ успѣлъ лишь мало сдѣлать въ теченіе своего кратковременнаго завѣдыванія Оренбургскими дѣлами. Между тѣмъ при его назначеніи на него были возложены весьма важныя задачи: перенести г. Оренбургъ на новое мѣсто и затѣмъ построить линіи крѣпостей по верхнему теченію Яика, по

---

[1]) *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 148. „Сія крѣпость изъ всѣхъ по Уйской линіи имѣющихся послѣ Верхояицкой есть старѣе. Она полковникомъ Иваномъ Татищевымъ застроена“ и т. д. Полк. Татищева не слѣдуетъ смѣшивать съ будущимъ начальникомъ Оренбурскаго края В. Н. Татищевымъ. *Витевскій* (стр. 161) неправильно приписываетъ основаніе Карагайской крѣпости послѣднему.

[2]) Назначеніе Татищева состоялось 10 мая 1737 г. О его дѣятельности въ Оренбургскомъ краѣ см. *Н. Поповъ*, Татищевъ и его время, М. 1861, 168—192.

[3]) Здѣсь было основано Татищевымъ 4 крѣпости: Ольшанская, Тевкелевъ Бродъ (впослѣдствіи Новосергіевская), Переволоцкая и Чернорѣченская; кромѣ того въ Башкиріи была основана крѣп. Эткульская. См. *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 128—9; Ист. Ор., I, 311 и 388. *Витевскій*, стр. 161 (см. у него также приложеніе 26, стр. 16).

[4]) Назначеніе его состоялось 17 Іюня 1739 г., а скончался онъ (отъ цынги) 20 іюля 1741 г.

[5]) Мы разумѣемъ крѣпость на р. Кутулукѣ въ 25 в. отъ Борской крѣп., расположенной по Самарской линіи (*Рычковъ*, Топ. Ор., II, 124), и крѣпость на р. Чебаклѣ, недалеко отъ Губерлинской крѣп. (тамъ же, стр. 139—140).

[6]) *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 130—1.

Digitized by Google

Ую и по Тоболу до Царева Городища [1]). Привести эти задачи въ исполненіе выпало на долю знаменитаго преемника кн. Урусова, т. сов. *И. И. Неплюева* [2]).

Неплюевъ былъ счастливѣе своихъ предшественниковъ: онъ пробылъ во главѣ Оренбургскихъ дѣлъ 16 лѣтъ и въ теченіе этого времени успѣлъ очень много сдѣлать для этого края. Поэтому на его дѣятельности мы остановимся нѣсколько подробнѣе.

Еще Татищевъ находилъ, что мѣсто, на которомъ былъ построенъ Оренбургъ, представляло значительныя неудобства какъ по физическимъ условіямъ окружавшей его природы (сильному разлитію рѣкъ весною, отсутствію лѣса, дурной почвѣ), такъ и по своей отдаленности и по трудности подниматься вверхъ по Яику. Благодаря послѣднему обстоятельству было весьма затруднительно доставлять въ Оренбургъ необходимые припасы, а зимой сообщеніе съ нимъ даже вовсе прерывалось. Вслѣдствіе этого Татищевымъ въ 1738 г. для Оренбурга было избрано другое мѣсто, расположенное у Яика на 140 в. ниже прежняго, при урочищѣ Красная Гора [3]). Между тѣмъ Татищеву уже не удалось самому осуществить этотъ проектъ, почему это дѣло и было возложено на Урусова. Въ указѣ, данномъ послѣднему при его назначеніи, предписывалось основать Оренбургъ на этомъ новомъ мѣстѣ, а старый Оренбургъ переименовать Орской крѣпостью [4]). Закладка новаго города состоялась въ августѣ 1741 г. Между тѣмъ еще до этого Урусовъ умеръ; преемнику же его, Неплюеву, мѣсто, избранное Татищевымъ, показалось въ высшей степени неудобнымъ, почему онъ, вмѣстѣ съ своимъ штабомъ, избралъ новое мѣсто, расположенное еще ниже по теченію Яика, въ 75 в. отъ Красной Горы и представлявшео значительныя удобства. Правительство согласилось съ доводами Неплюева, тѣмъ болѣе что работы на Красной Горѣ едва только были начаты, и, такимъ образомъ, наконецъ, Оренбургъ было рѣшено воздвигнуть на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ и до настоящаго времени [5]). На Красной же Горѣ была воздвигнута крѣпость, которая получила названіе Красногорской.

---

[1]) Указъ 20 VIII 1739, 7.876, п. 1. Здѣсь говорится также о постройкѣ крѣпостей по среднему теченію Яика и по Самарѣ, на которыхъ уже былъ рядъ крѣпостей.

[2]) Послѣ смерти Урусова Оренбургскими дѣлами временно завѣдывалъ ген.-лейт. Соймоновъ, но уже 25 апрѣля 1742 г. Неплюевъ прибылъ въ Самару, которая тогда считалась административнымъ центромъ Оренбургскаго края.

[3]) *Рычковъ*, Ист. Ор., I, 298 и 314.

[4]) Указъ 20 VIII 1739, 7.876, п. 1. Ср. *Рычковъ*, Топ. Ор., I, 8 и II, 11.

[5]) Указъ 15 X 1742, 8.630. Ср. *Рычковъ*, Ист. Ор., I, 485 и 493 и II, 3 и слѣд. На этомъ новомъ мѣстѣ Оренбургъ пришелъ въ быстрое процвѣтаніе. По донесенію Не-

Digitized by Google

Но гораздо важнѣе, конечно, была вторая задача, предстоявшая Неплюеву, а именно постройка крѣпостей на тѣхъ частяхъ линіи, которыя еще оставались беззащитными, т. е. по нижнему и верхнему теченію Яика и по Ую. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы окончательно успокоить Башкирію, надо было охватить ее со всѣхъ сторонъ; съ другой стороны, и для того чтобы имѣть возможность контролировать взаимныя сношенія башкиръ съ киргизами необходимо было имѣть укрѣпленія на всемъ протяженіи границы между этими двумя народами. Для исполненія этой задачи Неплюевъ лѣтомъ 1743 г. объѣздилъ верхнее теченіе Яика (начиная отъ Орска) и теченіе Уя, на которыхъ тогда было только два укрѣпленія [1]), и во время этой поѣздки лично положилъ основаніе многимъ крѣпостямъ и редутамъ, такъ что впослѣдствіи въ этомъ отношеніи пришлось сдѣлать лишь сравнительно ничтожныя измѣненія. Всего въ эту поѣздку Неплюевымъ было положено начало 26 укрѣпленіямъ (8 крѣпостямъ и 18 редутамъ) [2])

Однако, предметомъ заботъ Неплюева было не только созданіе новыхъ крѣпостей, но и исправленіе старыхъ. Еще въ 1742 г. онъ объѣздилъ эти крѣпости; положеніе, въ какомъ онъ ихъ засталъ, было далеко не удовлетворительно: „на громадномъ пространствѣ отъ Каспійскаго моря до Аральскаго и отъ Оренбурга (нынѣшняго Орска) до Самары не было почти ни одного хорошо укрѣпленнаго пункта; самый

плюева отъ 20 XI 1744 г. въ немъ въ то время было 417 дворовъ; въ началѣ марта 1746 г. число дворовъ составляло уже 628, къ которымъ надо еще прибавить 44 лавки въ городѣ и 131 лавку за Яикомъ на „мѣновномъ дворѣ“. См. эти донесенія Неплюева въ указѣ 28 IX 1747, 9.444. У *Витевскаго*, стр. 189, эти цифры переданы не совсѣмъ вѣрно. Въ 1760 г. число домовъ Оренбурга внутри и внѣ города (кромѣ расположенныхъ за городомъ землянокъ) составляла уже 2.866 (*Рычковъ*, Топ. Ор., II, 15). Эти дома принадлежали „всякаго званія людямъ, а по б. ч. служивымъ воинскимъ и статскимъ чинамъ“.

[1]) Крѣпости Верхояицкая и Карагайская. *Витевскій* (стр. 184) говоритъ, что въ то время была только одна крѣпость—Верхояицкая; но въ то же время онъ среди крѣпостей, основанныхъ уже Татищевымъ, упоминаетъ Карагайскую (Уклыкарагайскую), расположенную между верховьями Яика и Уя (см. объ этомъ выше стр., 171).

[2]) Эти укрѣпленія, начиная отъ Орской крѣпости, шли въ такомъ порядкѣ: *по верхнему Яику*: редуты Калпацкій и Тераклинскій, крѣп. Таналыцкая, ред. Орловскій и Березовскій, крѣп. Урдасымская, ред. Грязнушинскій, крѣп. Кизильская, ред. Сыртинскій и Ангильскій, крѣп. Магнитная, ред. Верхокизильскій и Спасскій (затѣмъ слѣдовала крѣп. Верхояицкая). Далѣе *между верховьями Яика и Уя* шли ред. Свіяжскій и Ерзединскій (тутъ же уже ранѣе была построена крѣп. Уклыкарагайская). Затѣмъ слѣдовали *по теченію Уя*: ред. Подгорный и Санарскій, крѣп. Троицкая, ред. Ключевской, крѣп. Каракульская, ред. Березовскій, крѣп. Крутоярская, ред. Луговой, крѣп. Усть-Уйская и редуты Качардыцкій и Озерный. См. также указъ 28 IX 1747, 9.444.

Digitized by Google

Оренбургъ, кромѣ командирскаго дома, состоялъ исключительно изъ бѣдныхъ землянокъ; крѣпость была окружена плетнемъ, находившимся на верху земляного вала, и охранялась небольшимъ гарнизономъ; нѣсколько лучше другихъ пунктовъ былъ укрѣпленъ Яицкій городокъ или нынѣшній Уральскъ“ [1]). По этой причинѣ Неплюевъ во время этой поѣздки и предписалъ какъ уже существовавшія въ то время крѣпости, такъ и вновь назначенныя „укрѣпить по правиламъ фортификаціоннымъ и отъ степного народа къ оборонѣ достаточнымъ“ [2]).

Выше мы видѣли, что Неплюевъ не одобрилъ мысли Урусова о постройкѣ ряда крѣпостей (всего 9) на р. Сакмарѣ. Тѣмъ не менѣе, въ 1742 году имъ были созданы по теченію этой рѣки 4 укрѣпленія [3]).

Таковы были мѣры Неплюева, принятыя имъ въ самомъ началѣ его дѣятельности для обороны линіи. Но при Неплюевѣ получило свое завершеніе и административное устройство края. Послѣдній уже издавна, поскольку на него простиралось русское господство, находился въ вѣдѣніи Уфимскаго воеводства [4]), которое при губернской реформѣ Петра (1708) было переименовано провинціей. Уфимская провинція въ теченіе 20 лѣтъ состояла въ вѣдомствѣ Казанской губерніи, но въ 1728 г. была передана въ непосредственное вѣдомство Сената [5]). Затѣмъ въ 1737 г., по представленію Татищева, изъ нѣкоторыхъ частей Сибирской губ. была учреждена Исетская провинція, съ передачей въ ея вѣдомство зауральскихъ башкиръ и съ подчиненіемъ ея Оренбургскому начальству [6]). Однако, центральное управленіе краемъ получило

---

[1]) *Витевскій*, стр. 181.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Крѣп. Пречистенская, ред. Никитскій, крѣп. Воздвиженская и ред. Желтый. *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 180 и слѣд.

[4]) Воеводы назначались въ Уфу со времени основанія послѣдней. Въ ихъ вѣдомствѣ находился и Уфимскій уѣздъ, заключавшій въ себѣ всю нынѣшнюю Уфимскую губ., Осинскій у. Пермской губ. и бóльшую часть уѣздовъ Верхнеуральскаго, Троицкаго и Челябинскаго Оренбургской губ. (*В. А. Новиковъ*, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Уфимскаго дворянства, Уфа, 1879, стр. 14).

[5]) Указъ 27 VII 1728, 5316. Ср. *Н. А. Ѳирсовъ*, Инородческое населеніе, стр. 225—6. Къ Уфимской провинціи въ 1708 г. были отнесены Самара, Бирскъ, Мензелинскъ, Заинскъ, Оса, Билярскъ, Табынскъ и село Каракулино (послѣднее состоитъ теперь въ Вятской губ.) (*Витевскій*, стр. 388). Впрочемъ, въ 1719 г. Самара состояла уже въ вѣдѣніи Астраханской губ. (см. указъ 17 V 1719, 3374 и *Арсеньевъ*, Статистическіе очерки Россіи, СПБ., 1848, стр. 76).

[6]) Указъ 13 VIII 1737, 7347, п. 7. Новая провинція была составлена изъ трехъ дистриктовъ, отдѣленныхъ отъ Сибирской губ. (впослѣдствіи былъ образованъ еще чет-

Digitized by Google

окончательную организацію лишь при Неплюевѣ, по представленію котораго была учреждена особая, Оренбургская, губернія [1]). Въ вѣдомство новой губерніи вошли всѣ вновь построенныя Оренбургскія крѣпости съ находившимися въ нихъ регулярными и нерегулярными войсками, далѣе, Исетская провинція съ зауральскими башкирами и Уфимская пров.; кромѣ того часть губерніи была приписана непосредственно къ г. Оренбургу; наконецъ, въ вѣдомство Оренбургскаго губернатора были отданы и Яицкое войско, киргизскій народъ и всѣ пограничныя дѣла [2]). Прибавимъ къ сказанному, что въ 1745 г. былъ образованъ и подчиненъ Оренбургской губ. новый, Ставропольскій, уѣздъ съ поселенными въ немъ крещеными калмыками.

Но вернемся къ мѣрамъ, принятымъ Неплюевымъ для завершенія начатой его предшественниками цѣпи крѣпостей. Можно сказать, что по приведеніи ихъ въ исполненіе оборона Оренбургскаго края была въ общихъ чертахъ завершена; мы уже упомянули о томъ, что измѣненія, произведенныя впослѣдствіи, касались лишь деталей [3]). Подробныя свѣдѣнія о томъ, каково было состояніе линіи 1) во второй половинѣ 1740-хъ или началѣ 1750 гг. и 2) въ концѣ 1750-хъ гг.,—мы находимъ въ трудахъ Рычкова. Прежде всего, въ его „Исторіи Оренбургской“ помѣщена „табель“, которая относится вѣроятно къ второй половинѣ 1740-хъ или началу 1750-хъ гг. [4]); съ другой стороны, въ

вертый, Куртамышскій) и изъ зауральскихъ башкиръ по р. Ую и верхнему Яику; она была подчинена Оренбургу. Ср. *Рычковъ*, Топ. Ор., I, 50.

[1]) При Кириловѣ, какъ мы видѣли, управленіе Оренбургскими дѣлами носило названіе „Оренбургской экспедиціи“, при Татищевѣ и Урусовѣ — „Оренбургской коммиссіи“.

[2]) Указъ 15 III 1744, 8.901; см. также *Рычковъ*, Топ. Ор., I, 8—10 и 49—51 и *Витевскій*, стр. 219—20. Вмѣстѣ съ образованіемъ Оренбургской губ. въ Оренбургъ былъ перенесенъ административный центръ края, бывшій до того въ Самарѣ, хотя послѣдняя принадлежала къ Симбирской пров. Казанской губ. (см. *Рычковъ*, Ист. Ор., II, 32 и Топ. Ор., II, 103 и 121—2; *Витевскій*, стр. 151 и 178).

[3]) Напр., изъ указа 19 VIII 1807, 22.592 мы видимъ, что во время его изданія на Нижнеяицкой, Красногорской, Орской и обѣихъ Уйскихъ дистанціяхъ (см. ниже) въ 1807 г. были тѣ же крѣпости, которыя мы по Рычкову встрѣчаемъ около 1760 г., исключая только Переволоцкой и Уклыкарагайской.

[4]) Ист. Ор., II, 128—134. Табель эта озаглавлена слѣд. образомъ: „Табель о состояніи Оренбургской линіи, которая въ 1734 г. начало свое возымѣла и служитъ какъ къ содержанію и управленію состоящихъ въ вѣдомствѣ Оренбургской губ. Киргизъ-Кайсацкаго, Каракалпацкаго и Башкирскаго народовъ, такъ и къ безопасности границы отъ прежде бывшихъ въ Казанскую и Сибирскую губ. воровскихъ непріятельскихъ впаденій и къ произведенію съ разными Азіатскими народами коммерціи“. Къ сожалѣнію, время, къ которому относится эта таблица, на ней не означено. *Бородинъ*,

Digitized by Google

„Топографіи Оренбургской“, мы встрѣчаемъ данныя, относящіяся къ самому концу 1750-хъ гг. [1]). Мы подробнѣе остановимся на томъ положеніи, въ которомъ находились Оренбургскія укрѣпленія въ концѣ 1750-хъ годовъ, хотя попутно укажемъ и на тѣ измѣненія, которыя оно обнаруживало въ сравненіи съ болѣе ранними данными, помѣщенными въ табели [2]).

Въ концѣ 1750-ыхъ гг. линія крѣпостей тянулась отъ г. Самары до Усть-Уйской крѣпости и, такимъ образомъ, ограждала все теченіе Самары, средняго и верхняго Яика и Уя. Кромѣ того, рядъ крѣпостей былъ расположенъ за этой линіей, а именно по р. Сакмарѣ и въ Уфимской и Исетской пров. Укрѣпленія, расположенныя по линіи, дѣлились на слѣдующія шесть дистанцій: *Самарскую* съ гор. Самарой, приг. Алексѣевскимъ, 7 крѣпостями и 3 редутами [3]), *Нижнеяицкую* съ 5 крѣпостями [4]), *Красногорскую* съ 4 крѣпостями и 5 редутами [5]), *Орскую* съ

Уральское казачье войско, т. I, Уральскъ, 1891, стр. 4 относитъ ее къ 1734 г., что есть несомнѣнная ошибка, если не опечатка. Во всякомъ случаѣ таблица относится ко времени не ранѣе 1744 г., когда была основана Оренбургская губ.; съ другой стороны она относится ко времени не позднѣе 1753 г. такъ какъ въ ней не названы Звѣриноловская крѣп., построенная въ 1753 г. (см. *Витевскій*, стр. 292) и переданная въ томъ же году изъ Сибирскаго вѣдомства въ Оренбургское (см. *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 152—3), и Илецкая Крѣпостца или Защита, построенная въ 1753 г. (тамъ же, 25—27), не говоря уже о Нижнеозерной, построенной въ 1754 г. (тамъ же, 94—5), и Зелаирской, построенной въ 1755 г. (тамъ же, 32). Не названа въ таблицѣ также и Сеитова (Каргалинская) слобода торговыхъ татаръ, основанная по указу 8 III 1744, 8.893, но она не представляла изъ себя крѣпости.

[1]) Хотя оба тома „Топографіи“ и помѣчены 1762 г., но печатаніе ихъ вѣроятно тянулось довольно долго, такъ какъ предисловіе къ II тому датировано 22 апрѣля 1760 г. Относительно таблицы укрѣпленій по нижнему Яику *Рычковъ* прямо заявляетъ, что она исправлена по свѣдѣніямъ за 1759 г. (Топ. Ор., II, 85).

[2]) Замѣтимъ кстати, что *Витевскій*, перечисляя Оренбургскія укрѣпленія (стр. 277), отмѣчаетъ различныя ошибки, найденныя имъ въ перечисленіи, имѣющемся въ книгѣ *Н. А. Ѳирсова* „Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства“. Между тѣмъ у Ѳирсова никакихъ ошибокъ нѣтъ, а несовпаденіе его данныхъ съ данными Витевскаго вытекаетъ изъ того, что онъ пользовался табелью „Ист. Ор.“ (См. *Ѳирсовъ*, назв. соч., стр. 335 и сл.), а Витевскій—данными „Топ. Ор.“.

[3]) Крѣп. Красносамарская, Борская, Ольшанская и Бузулуцкая, ред. Погромный, крѣп. Тоцкая и Сорочинская, ред. Честнаго Креста (Крестовый), крѣп. Новосергіевская (бывшая Тевкелевъ бродъ) и ред. Полтавскій. По „Табели“ сюда принадлежала еще крѣп. Переволоцкая, которая по „Топ. Ор.“ отнесена къ Нижнеяицкой дистанціи.

[4]) Разсыпная, Нижнеозерная, Татищева, Чернорѣченская, Переволоцкая. Въ „Табели“ нѣтъ Нижнеозерной.

[5]) Ред. Нѣжинскій и Вязовскій, крѣп. Красногорская, ред. Гирьяльскій, крѣп. Верхнеозерная, ред. Никольскій, крѣп. Ильинская, ред. Подгорный, крѣп. Губерлинская. Въ „Табели“ сверхъ того названъ редутъ Володимірскій между крѣп. Красногорской и

Digitized by Google

5 крѣпостями и 11 редутами [1]); далѣе слѣдовала *Уйская* линія съ 8 крѣпостями и 9 редутами, распадавшаяся на двѣ дистанціи: первую съ 4 крѣпостями и 4 редутами [2]) и вторую (*Нижнеуйскую*) съ 5 крѣпостями и 5 редутами [3]). Сюда надо присоединить еще Оренбургъ и состоявшую въ его непосредственномъ вѣдомствѣ крѣп. Бердскую слободу [4]). Вся эта линія укрѣпленій тянулась на громадномъ протяженіи 1837 верстъ [5]) и заключала въ себѣ всего 34 крѣпости (если относить къ числу крѣпостей и г. Самару и приг. Алексѣевскій) и 28 редутовъ, итого 62 укрѣпленія. Такимъ образомъ, на каждую крѣпость въ среднемъ приходилось 54 версты, на каждое укрѣпленіе—около 30 в. Если прибавить сюда еще нижнее теченіе р. Яики, тянувшееся отъ крѣп. Разсыпной на 643 в. и заключавшее въ себѣ на этомъ протяженіи 5 крѣпостей и 19 форпостовъ, то мы получимъ общее протяженіе линіи въ 2480 в. съ 39 крѣпостями и 47 редутами или форпостами, итого 86 укрѣпленій (по 64 в. на каждую крѣпость и по 29 в. на укрѣпленіе) [6]).

ред. Гирьяльскимъ (не здѣсь ли находилась еще населенная черкасами слобода Володимірская, о которой упоминаетъ указъ 6 III 1744, 8.887?), а послѣдній редутъ названъ Гильярскимъ.

[1]) Крѣп. Верхояицкая, ред. Свіяжскій, крѣп. Уклыкарагайская, ред. Ерзединскій, крѣп. Петропавловская и Степная, ред. Подгорный и Санарскій. Въ „Табели“ сюда отнесена еще крѣп. Уйская, которая въ Топ. Ор. отнесена къ Исетскимъ крѣпостямъ (впрочемъ, и здѣсь иногда Уйская крѣп. относится къ Уйской линіи. См., напр., I, 229).

[2]) Ред. Разбойный (нынѣ Хабарный поселокъ: см. *Стариковъ*, Истор.-стакт. очеркъ, стр. 58), крѣп. Орская, ред. Калпацкій и Тераклинскій, крѣп. Таналыцкая, ред. Орловскій, крѣп. Урдасымская, ред. Березовскій, Грязнушинскій и Урдасымскій, крѣп. Кизыльская, ред. Сыртынскій и Ангильскій, крѣп. Магнитная, ред. Верхокизыльскій и Спасскій. Изъ этихъ укрѣпленій въ „Табели“ нѣтъ ред. Орловскаго, а нѣкоторыя укрѣпленія названы нѣсколько иначе, напр., Ангильскій ред. — Яйгильскимъ, Сыртынскій—Сыртенскимъ и т. д. Кромѣ того, Березовскій ред. неправильно помѣщенъ между крѣп. Таналыцкой и Урдасымской. Съ другой стороны, въ Топ. Ор., II, 144 редутъ Урдасымскій пропущенъ, хотя здѣсь сказано, что между крѣп. Урдасымской и Кизыльской имѣется 3 редута.

[3]) Крѣп. Троицкая, ред. Ключевской, крѣп. Каракульская, ред. Березовскій, крѣп. Крутоярская, ред. Луговой, крѣп. Усть-Уйская, ред. Качардыцкій и Озерный, крѣп. Звѣриноголовская. Въ „Табели“ не было крѣп. Звѣриноголовской, но зато названы крѣп. Бакланская, ред. Прочетный (Проточный?), крѣп. Куртамышская, ред. Лебяжій и форп. Утятскій, находившіеся уже въ вѣдомствѣ Сибирской губ.

[4]) Оба они названы и въ „Табели“.

[5]) Отъ Самары до Оренбурга было 421½ в., отъ Разсыпной до Оренбурга—101 в., отъ Оренбурга до крѣп. Орской 252½ в., отъ Орской крѣп. до Верхояицкой—309 в., отъ Верхояицкой крѣп. до Звѣриноголовской—753 в.

[6]) Въ этотъ разсчетъ не вошли еще 4 укрѣпленія Сакмарской дистанціи, упоминаемыя ниже. Кромѣ того, впослѣдствіи была образована еще особая Верхояицкая дист., такъ что при Рычковѣ всѣ крѣпости дѣлились на 8 дистанцій (*Рычковъ*, Топ. Ор., I, 51).

Digitized by Google

Однако, кромѣ перечисленныхъ крѣпостей, расположенныхъ по линіи, мы должны назвать еще цѣлый рядъ укрѣпленій, расположенныхъ въ другихъ частяхъ Оренбургскаго вѣдомства. Сюда относится прежде всего Сакмарская дистанція съ ея 2 крѣпостями и 2 редутами [1]), къ которымъ слѣдуетъ присоединить еще Сакмарскій городокъ (вѣдомства Уральскаго войска); далѣе, сюда относятся крѣпости, непосредственно подчиненныя Оренбургу, т. е. сверхъ Оренбурга и крѣп. Бердской слободы, названныхъ уже выше, Илецкая Крѣпостца или Защита, построенная въ 1753 г. въ 62 в. отъ Оренбурга, и Зелаирская крѣп., построенная въ 1755 г., вслѣдствіе бывшаго въ томъ году башкирскаго бунта, въ 229 в. отъ Оренбурга [2]). Далѣе, сюда относятся 8 крѣпостей, расположенныхъ въ Исетской пров. [3]) и гор. Уфа и 4 крѣпости—въ Уфимской [4]).

Такова была сѣть укрѣпленій, которую мы встрѣчаемъ въ Оренбургскомъ краѣ въ концѣ 1750-ыхъ гг. Если мы такъ подробно останавливались на ихъ возникновеніи, то это потому, что въ тѣсной связи съ появленіемъ этихъ укрѣпленій находилось первоначальное заселеніе края русскими элементами. Эти элементы были довольно разнообразны, и къ ихъ разсмотрѣнію мы теперь и переходимъ.

II. Уфимскіе, Бирскіе и Мензелинскіе служилые люди и Закамская ландмилиція.

Русское правительство вплоть до начала XVIII в., основывая города въ пограничныхъ и малонаселенныхъ или населенныхъ враждебными племенами мѣстностяхъ, заселяло ихъ воинскими людьми, переводившимися изъ болѣе центральныхъ мѣстностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно при первой возможности старалось замѣнить вознагражденіе деньгами, которыхъ у него было мало, и хлѣбомъ, который доставлять на окраины было трудно, вознагражденіемъ землею. Итакъ, служилые люди являлись первыми русскими колонизаторами края.

---

[1]) Крѣп. Пречистенская, ред. Никитскій, крѣп. Воздвиженская, ред. Желтый.

[2]) Кромѣ того, въ непосредственномъ вѣдомствѣ Оренбурга былъ Гурьевъ городокъ, который уже вошелъ въ перечисленіе укрѣпленій Яицкаго войска.

[3]) Крѣп. Міясская, Челябинская, Эткульская, Чебаркульская, Уйская, Коельская, Санарская и Кичигинская. Изъ нихъ въ „Табели“ нѣтъ трехъ послѣднихъ, Уйская же названа среди крѣпостей, расположенныхъ по р. Ую.

[4]) Крѣп. Табынскъ, Красноуфимская, Ельдяцкая и Нагайбацкая. Всѣ онѣ названы въ „Табели“.

Digitized by Google

Такъ же, какъ и на другихъ окраинахъ, правительство поступало и на восточной окраинѣ. Мы уже имѣли случай привести наглядный примѣръ такого образа дѣйствія, когда, говоря о поселеніи отставныхъ, упоминали о тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ составилось населеніе укрѣпленій старой закамской черты. Но то же самое можно было бы сказать и о другихъ укрѣпленіяхъ на востокѣ: и здѣсь служилые люди явились въ качествѣ перваго населенія. Такъ, въ Алексѣевскѣ, при его основаніи, было помѣщено 100 чел. жалованныхъ казаковъ, приписанныхъ къ вѣдомству Самарскаго атамана [1]); также и въ Сергіевскѣ было переведено 215 семей служилыхъ людей изъ закамскихъ пригородковъ [2]), атаманъ и 2 казака изъ Самарскихъ иноземцевъ и 100 чел. дворцовыхъ крестьянъ Самарскаго уѣзда, „коимъ велѣно быть тутъ станишниками". Далѣе, въ томъ же 1703 г. было повелѣно перевести на р. Сокъ и поселить около Сергіевска съ надѣленіемъ ихъ пашней 1280 чел. изъ рейтаръ, драгунъ и недорослей разныхъ низовыхъ городовъ. Какія поселенія были основаны послѣдними—мы не знаемъ [3]). Наконецъ, служилые люди составили первоначальное населеніе и въ Уфѣ и Бирскѣ, а также и въ тѣхъ городахъ, которые въ XVII в. создались по такъ наз. Симбирской и Сызранской линіямъ и т. д. на правомъ берегу Волги. Для насъ здѣсь всѣ приведенные факты представляютъ интересъ потому, что служилое населеніе, поселенное въ крѣпостяхъ на восточной окраинѣ, явилось важнымъ элементомъ и при заселеніи Оренбургскихъ крѣпостей. Въ виду этого мы должны нѣсколько подробнѣе остановиться на историческихъ судьбахъ этихъ служилыхъ людей, поскольку онѣ не выяснены нами въ предыдущемъ изложеніи.

Какъ мы увидимъ подробнѣе при изученіи исторіи однодворцевъ, къ концу царствованія Петра Вел. служба многихъ изъ служилыхъ людей, населявшихъ города разныхъ частей русскаго государства, сдѣлалась ненужною; вслѣдствіе этого эти служилые люди уже носили тогда названіе „старыхъ службъ служилыхъ людей", а при введеніи въ 1724 г. подушной подати они были положены въ подушный окладъ съ обращеніемъ въ государственные крестьяне. Этой участи подверглись въ большинствѣ случаевъ и служилые люди восточной окраины, въ томъ числѣ и тѣ изъ нихъ, которые защищали закамскую линію и населяли расположенные по ней пригородки. Между тѣмъ вскорѣ—мы не

---

[1]) *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 108.

[2]) „Ерыклинска, Тіинска, Билярска, Старошешминска, Новошешминска, Заинска, Мензелинска, Арска, Малмыжа и изъ Алатъ" (*Рычковъ*, Топ. Ор., II, 113).

[3]) Тамъ же, 114.

знаемъ въ точности, когда, но во всякомъ случаѣ до 1731 г.—правительство должно было отступить отъ своего принципа: служилые люди восьми изъ названныхъ пригородковъ [1]) были вновь выключены изъ оклада. Причина этого заключалась въ томъ, что правительство попрежнему нуждалось еще въ ихъ службѣ [2]). Въ остальныхъ же частяхъ востока старыхъ службъ служилые люди такъ и остались положенными въ окладъ, за тѣми исключеніями, которыя будутъ приведены въ дальнѣйшемъ изложеніи. Такъ обстояло дѣло въ 1730-хъ гг., когда правительство принялось за постройку новой закамской линіи, которая должна была охватить часть пространства, лежавшаго внѣ старой черты. Это предпріятіе имѣло важное значеніе для разсматриваемой здѣсь группы служилыхъ людей, почему намъ и необходимо остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

Руководство вновь задуманнымъ предпріятіемъ было возложено на т. сов. Наумова, которому въ 1731 г. было поручено какъ строеніе новой линіи и входившихъ въ ея составъ крѣпостей, такъ и образованіе ландмилицкихъ полковъ для ея защиты. Съ этой цѣлью Наумову 19 II 1731 г. была дана особая инструкція, которая, къ сожалѣнію до насъ не дошла, такъ что мы знакомы только съ выдержками изъ нея. Новая линія должна была начинаться у Алексѣевскаго (недалеко отъ Самары), а оттуда идти на Красный Яръ и по р. Соку до Сергіевска, а затѣмъ черезъ Тарханскій лѣсъ до р. Кичуя; она не должна была захватывать владѣнія башкиръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ должна была прикрыть расположенныя на верховьяхъ р. Зай поселенія, если бы они оказались русскими, а не башкирскими (о чемъ правительство въ то время еще не имѣло свѣдѣній), и въ такомъ случаѣ протянуться до верховьевъ рѣки Мензелы [3]). Постройка линіи должна была быть начата лѣтомъ 1731 г.; она должна была производиться съ одной стороны служилыми людьми закамскихъ пригородковъ, а кромѣ того для нея должно было быть наряжено 3000 чел. изъ закамскихъ уѣздныхъ жителей Казанскаго уѣзда [4]). Таковы были предписанія закона. До насъ дошло подробное описаніе линіи, сдѣланное Рычковымъ

---

[1]) Новошешминска, Старошешминска, Билярска, Тіинска, Заинска, Сергіевска, Бирска и Мензелинска.

[2]) Эти свѣдѣнія заимствованы изъ указа 5 V 1747, 9399.

[3]) Указы 27 VII 1731, 5808 и 18 III 1732, 5993.

[4]) Указъ 27 VII 1731, 5808. Эти наряженные отъ уѣздныхъ жителей должны были получать по 20 алтынъ въ мѣс. изъ 4-гривеннаго сбора съ служилыхъ людей Казанской губ.

Digitized by Google

и дающее намъ представленіе о томъ видѣ, который она имѣла послѣ окончанія ея постройки. Мы приводимъ его въ примѣчаніи [1]).

Но постройки новой линіи было мало; нужно было ее еще заселить. Для этой цѣли было предписано образовать 4 ландмилицкихъ полка (три конныхъ и одинъ пѣхотный) изъ жившихъ въ тѣхъ мѣстахъ старыхъ службъ служилыхъ людей. Между тѣмъ послѣдніе, какъ мы видѣли, въ то время дѣлились на двѣ группы: первая была положена въ подушный (7-и 4-гривенный) окладъ и заключала въ себѣ прежнихъ службъ служилыхъ людей въ городахъ, пригородахъ, селахъ и деревняхъ разныхъ провинцій Казанской губ., исключая восьми закамскихъ пригородковъ [2]), а вторая была изъята отъ обложенія и заключала въ себѣ служилыхъ людей восьми закамскихъ пригородковъ. Правительство воспользовалось обѣими.

Изъ *первой* было образовано два ландмилицкихъ полка, одинъ конный (Сергіевскій) и одинъ пѣхотный (Алексѣевскій) [3]). При этомъ прежнихъ службъ служилымъ людямъ, которые должны были комплектовать эти два полка, въ вознагражденіе за эту службу предписывалось впредь уже болѣе не называться государственными крестьянами. Такое же постановленіе, какъ мы увидимъ въ другомъ мѣстѣ, было издано и относительно однодворцевъ, когда изъ нихъ въ 1731 г. было предписано комплектовать 20 ландмилицкихъ полковъ вмѣсто 10 [4]);

---

[1]) Линія начиналась у впаденія р. Кинели въ р. Самару у Алексѣевска, гдѣ былъ построенъ ред. Кинельскій. Отсюда она шла къ мѣсту впаденія р. Кондурчи въ р. Сокъ, заключая въ себѣ на этомъ пути ред. Красный. У устья Кондурчи была построена крѣп. Красноярская, отъ которой линія шла вверхъ по правому берегу р. Сокъ заключая въ себѣ здѣсь ред. Хорошій, фельдшанецъ Черный, два редута по р. Орлянкѣ и одинъ по р. Соку противъ Сергіевска, до приг. Сергіевска. Здѣсь линія пересѣкала р. Сокъ и затѣмъ, пересѣкая вершины рѣчекъ Липовки, Боровки и Суруша, гдѣ было построено 2 редута и сдѣлана засѣка въ 12 верстъ, шла на р. Кондурчу, при которой былъ построенъ фельдшанецъ. Отсюда шла засѣка верстъ въ 30 черезъ Большой Тарханскій лѣсъ, за которымъ находился ред. Тарханскій. Затѣмъ линія пересѣкала р. Черемшанъ, гдѣ была построена крѣп. Черемшанская, р. Шешму, на которой находился Шешминскій фельдшанецъ и отъ которой шла третья засѣка, и кончалась при р. Кичуѣ, гдѣ былъ сдѣланъ послѣдній фельдшанецъ (*Рычковъ*, Топ. Ор., II, 110—112).

[2]) Казанская губ. того времени заключала въ себѣ изъ современныхъ губерній всю Казанскую, Нижегородскую, Симбирскую и Уфимскую, и части Саратовской, Пензенской, Тамбовской, Рязанской, Владимірской, Костромской, Вятской и Пермской.

[3]) Эти два полка уже были набраны и должны были быть переведены для поселенія на Царицынскую линію, что теперь было отмѣнено. Они должны были получать такое же жалованіе, какъ и украинскіе ландмилицкіе полки.

[4]) Законъ 15 I 1731, 5678. Иногда эту группу законъ также называетъ однодворцами: см., напр., указъ 12 X 1732, 6227; но это названіе встрѣчается крайне

однако, какъ тамъ, такъ и здѣсь оно носило чисто формальный характеръ и ни въ чемъ не измѣняло податного положенія переименованной группы, которая попрежнему должна была платить и 7-, и 4-гривенный сборъ. Численность этой первой группы составляла тогда около 29.000 душъ мужскаго пола, и при наборѣ двухъ названныхъ полковъ съ нихъ было взято съ 30 душъ по человѣку [1]).

Вторую группу составляли неположенные въ подушный окладъ служилые люди закамскихъ пригородковъ. Изъ этихъ пригородковъ—за исключеніемъ Мензелинска и Бирска, и съ присоединеніемъ къ нимъ Ерыклинска, который при этомъ былъ выключенъ изъ подушнаго оклада—также было образовано два ландмилицкихъ (оба конныхъ) полка. Численность этой группы составляла нѣсколько больше 5000 душъ; при наборѣ всѣ годные были взяты въ службу [2]).

На содержаніе четырехъ закамскихъ ландмилицкихъ полковъ было назначено въ 1732 г. около 48.000 р.[3]) (по штату 1736 г.[4]) нѣсколько менѣе, а именно 46.196 р.); провіантъ они должны были получать только въ случаѣ дальнихъ походовъ. Какъ эти четыре полка, такъ и всѣ жители тѣхъ семи пригородковъ, изъ которыхъ должны были комплектоваться два изъ нихъ, и должны были быть переведены на новую линію для поселенія на ней пригородками въ 500 душъ каждый [5]).

рѣдко (если мы не ошибаемся еще лишь въ указѣ 19 III 1736, 6925): законъ его какъ бы избѣгаетъ.

[1]) Эта пропорція, приводимая въ указѣ 5 V 1747, 9399, представляется сомнительною, такъ какъ два ландмилицкихъ полка не могли заключать въ себѣ только около 1000 челов.

[2]) См. выдержки изъ инструкціи Наумову 19 II 1731 г. въ указѣ 5 V 1747, 9399 и указы 18 III 1732, 5993 и 7 V 1733, 6388. Указъ 2 XI 1750, 9817 называетъ разсматриваемую здѣсь группу служилыхъ людей „бѣлопашенными казаками“.

[3]) Указъ 12 X 1732, 6.227. Изъ 48.000 р. 9.811 р. 60 к. должны были покрываться 40-коп. сборомъ съ тѣхъ „однодворцевъ“, изъ которыхъ эти полки должны были комплектоваться, „за вычетомъ тѣхъ, кои служить будутъ“. Такимъ образомъ число этихъ „однодворцевъ“ составляло 24.529. По *В. И. Семевскому* число однодворцевъ, содержавшихъ закамскую ландмилицію, по второй ревизіи составляло 34.146 (въ Казанской губ. 34.080, въ Оренбургской 66), по третьей ревизіи—43.617 (resp. 42.806 и 811) (Р. Стар., 1879 г.). Приведенное постановленіе 1732 г. показываетъ также, что и здѣсь, какъ и на югѣ, служившіе въ ландмилиціи освобождались отъ 40-коп. сбора, хотя указъ 11 II 1724, 4.471 относился только къ украинской ландмилиціи.

[4]) Штатъ 19 III 1736, 6.925. Странно, что здѣсь (Кн. Шт. Военн., 221) говорится объ *одномъ* конномъ и *трехъ* пѣхотныхъ полкахъ. Какъ сообщаетъ указъ 12 XII 1748, 9.561, эти 46.196 р. должны были покрываться „изъ собираемыхъ однодворскихъ четырехъ- и семигривенныхъ подушныхъ денегъ“.

[5]) Указъ 18 III 1732, 5.993. Впрочемъ, въ приг. Заинскѣ жили польской націи

Digitized by Google

Къ 1733 г. линія еще не была готова; по крайней мѣрѣ, въ началѣ этого года былъ изданъ указъ, предписывавшій съ весны вывести всѣ четыре ландмилицкихъ полка на линію „въ кампаменты", откуда половина ихъ людей должна была быть по очереди посылаема „на линейную работу и для строенія слободъ". Кромѣ того изъ Казанской губ. какъ въ 1732, такъ и въ 1733 г. для работъ по линіи было наряжено по 15.000 чел. (въ двѣ перемѣны по 7.500 чел. въ каждой). Какъ они, такъ и служащіе въ ландмилиціи за работы на линіи получали заработныя деньги по плакату 1724 г. [1]). Когда поселеніе на новую линію было закончено, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ оно состоялось, хотя быть можетъ не на всемъ протяженіи линіи [2]).

За названными нами категоріями служилыхъ людей старой закамской линіи, подлежавшихъ переводу на новую линію, оставались еще исключенные изъ оклада служилые люди Бирска и Мензелинска. Далѣе внѣ оклада оставались также служилые люди и нѣкоторыхъ другихъ городовъ, какъ, напр., Уфы [3]) и Самары.

Таково было положеніе дѣлъ къ серединѣ 1730-ыхъ гг., когда правительство принялось болѣе энергично утверждать свою власть на востокѣ и для этой цѣли начало постепенно сооружать Оренбургскую линію. Созданіе послѣдней имѣло важное значеніе для всѣхъ упомяну-

---

и русскіе бывшіе служилые люди, положенные въ подушный окладъ, которыхъ велѣно было оставить въ этомъ пригородкѣ.

[1]) Указъ 27 I 1733, 6.315.

[2]) Данныя, даваемыя намъ по этому вопросу *Рычковымъ*, къ сожалѣнію, не всегда опредѣленны. Такъ, относительно Красноярской крѣп. онъ говоритъ, что „въ ней назначено, да и дѣйствительно было поселеніе ландмилиціи". Относительно же другихъ укрѣпленій онъ только сообщаетъ, что въ нихъ было *назначено* поселеніе ландмилиціи; но состоялось ли оно—объ этомъ онъ, къ сожалѣнію, умалчиваетъ (*Рычковъ*, Топ. Ор., II, 110—112). Иногда при этомъ ландмилиціонерамъ отводились земли, которыя раньше были заняты другими поселенцами. Такъ, напр., имъ были отведены земли находившихся при сѣрныхъ заводахъ жителей пригорода Сергіевска, которымъ за то было намежевано такое же количество земли „въ урочищахъ по рѣчкѣ Кандабулака" (указъ 25 VI 1735, 6755).

[3]) Еще Выс. утв. мнѣніе Сената 14 VII 1731, 5.803, разсматривая въ ст. XV расположеніе гарнизонныхъ полковъ, на предложеніе о бытіи въ Уфѣ одного пѣхотнаго полка и трехъ ротъ драгунскихъ, предписываетъ: „на Уфѣ быть тому полку, который и нынѣ тамъ обрѣтается,....а драгунъ не посылать, понеже тамо имѣются прежнихъ службъ служилые люди" (Кн. Шт. Военн., стр. 67). Эти служилые люди г. Уфы были переведены изъ разныхъ Великороссійскихъ городовъ при основаніи города и служили въ немъ „конныя и пѣшія стрѣлецкія службы". Затѣмъ изъ пѣшихъ были созданы солдатскіе полки, конные же были переименованы служилыми казаками. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились переведенные „изъ верховыхъ городовъ нѣсколько дворянъ и изъ польской шляхты" (*Рычковъ*, Топ. Ор., I, 115).

Digitized by Google

тыхъ категорій служилыхъ людей, такъ какъ правительство всѣми ими воспользовалось для ея заселенія и обороны. Начнемъ съ *служилыхъ людей Уфы, Бирска и Мензелинска.*

Еще Кириловъ въ своемъ проектѣ посылки экспедиціи для постройки города на устьѣ р. Ори предлагалъ обойтись при этомъ безъ привлеченія армейскихъ полковъ, но включить въ составъ экспедиціи баталіонъ Уфимскаго гарнизоннаго полка [1]), казаковъ, башкирскихъ тархановъ и мещеряковъ *„и половину дворянскихъ ротъ и казаковъ съ недорослями"* [2]). Резолюція на проектъ, возложившая приведеніе его въ исполненіе на самаго Кирилова, разрѣшила ему воспользоваться всѣми названными имъ воинскими частями, въ томъ числѣ и „изъ Уфы половиной драгунскихъ ротъ и казаковъ и недорослей Уфимскихъ и Мензелинскихъ" [3]). Это постановленіе было затѣмъ повторено и въ данной Кирилову нѣсколько недѣль послѣ того инструкціи [4]). Прибывъ 10 ноября 1734 г. въ Уфу, Кириловъ въ теченіе всей зимы готовился къ весеннему походу. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣшилъ преобразовать Мензелинскихъ и Уфимскихъ служилыхъ людей, также какъ и Бирскихъ, и составить изъ нихъ 5 драгунскихъ ротъ. Поэтому онъ вошелъ съ соотвѣтствующимъ представленіемъ къ высшему правительству, но въ отвѣтъ на это получилъ предписаніе „до будущаго объ нихъ опредѣленія" оставить ихъ служить „такъ, какъ понынѣ служили", и ограничиться тѣмъ, чтобы ихъ укомплектовать недорослями изъ ихъ дѣтей [5]). Между тѣмъ Кириловъ, повидимому въ интересахъ успѣшности своей экспедиціи, все же счелъ себя вынужденымъ поступить по своему, т. е. учредить изъ этихъ служилыхъ людей и недорослей пять драгунскихъ ротъ [6]),

---

[1]) См. о немъ пред. прим.

[2]) П. 4 проекта (1 V 1734, 6.571).

[3]) Резол. 1 V 1734, 6.571, пп. 4—7. Сверхъ того Кирилову было разрѣшено взять еще одинъ или два полка изъ Казанскаго гарнизона. Изъ этихъ полковъ онъ фактически получилъ въ свое распоряженіе Пензенскій полкъ.

[4]) Инструкція 18 V 1734, 6.576, п. 33. Здѣсь только послѣ слова „недорослей" пропущено слово „Уфимскихъ" и прямо сказано „недорослей и Мензелинскихъ". Это, очевидно, должно быть приписано ошибкѣ, такъ какъ и въ указѣ 5 V 1747, 9.399, гдѣ этотъ пунктъ цитируется, послѣ слова „недорослей" сказано „Уфимскихъ и Мензелинскихъ". Впрочемъ, какъ увидимъ ниже, фактически названное постановленіе распространялось и на Бирскихъ служилыхъ людей. Прибавимъ, что § 37 инструкціи Кирилову предписывалъ отпустить оружія чел. на 1000, „ежели паче чаянія найдутся Уфимскіе дворяне и казаки и недоросли Уфимскіе и Мензелинскіе, также Сакмарскіе казаки не оружены".

[5]) Этотъ указъ до насъ не дошелъ и мы знаемъ содержаніе его лишь изъ указовъ 20 IV 1735, 6.721, п. 3, и 5 V 1747, 9.399, гдѣ онъ цитируется.

[6]) Ср. *Рычковъ*, Ист. Ор., I, 125.—*Витевскій* (стр. 140—1) неправильно гово-

Digitized by Google

и правительство на этотъ разъ не только одобрило его образъ дѣйствія, но по его представленію предписало ему сверхъ того учредить роты (по примѣру закамскихъ ландмилицкихъ полковъ) и „изъ оставшихъ за вышеписанными пятью ротами Уфимскихъ, Бирскихъ, Мензелинскихъ служилыхъ людей“ [1]). Однако, и на этомъ дѣло не кончилось: не прошло и года, какъ къ названнымъ выше пяти ротамъ было предписано прибавить „столько жъ ротъ изъ прежде опредѣленныхъ Сибирскихъ недорослей“ и образовать такимъ образомъ уже цѣлый драгунскій полкъ, подъ именемъ Оренбургскаго [2]). Одновременно съ этимъ изъ тѣхъ же Уфимскихъ, Бирскихъ и Мензелинскихъ служилыхъ людей былъ сформированъ еще одинъ драгунскій полкъ, который получилъ названіе Уфимскаго [3]).

Оба полка были отнесены къ разряду гарнизонныхъ [4]). Для насъ они представляютъ интересъ потому, что они составили одинъ изъ элементовъ, которымъ правительство воспользовалось для заселенія Оренбургскихъ крѣпостей [5]). О связанныхъ съ этимъ поселеніемъ подробно-

---

ритъ только о двухъ ротахъ. Изъ данныхъ, сообщенныхъ Рычковымъ въ другомъ мѣстѣ (Топ. Ор., II, 199), видно, что уже раньше изъ Уфимскихъ дворянъ были учреждены 2 драгунскія роты, а изъ Полоцкой шляхты—1 рота иноземческая. Служащіе въ нихъ получили земли около Уфы и заселили ихъ крестьянами, число которыхъ по *Рычкову* (тамъ же) составляло 636 душъ.

[1]) Указъ 20 IV 1735, 6.721, пп. 3 и 4. На укомплектованіе какъ этихъ, такъ и образованныхъ позднѣе ротъ изъ Уфимскихъ служилыхъ людей пошли, кажется, только дворяне, потому что, какъ мы увидимъ ниже, половина Уфимскихъ казаковъ была переведена въ Оренбургъ, а другая попрежнему осталась въ Уфѣ. См. указъ 20 IV 1735, 6.721, п. 4 и *Рычковъ*, Ист. Ор., I, 125. Любопытнымъ примѣромъ встрѣчающихся въ П. С. З. ошибокъ можетъ служить то обстоятельство, что экспедиція Кирилова въ указѣ 20 IV 1735, 6.721 названа „экспедиціей по Корѣ рѣкѣ“ (должно быть: „экспедиція къ Ори рѣкѣ“).

[2]) Указъ Кирилову 11 II 1736, 6.889, п. 28; см. также указъ 5 V 1747, 9.399.

[3]) Вѣроятно, этотъ полкъ имѣется въ виду въ сообщеніи изъ Кабинета Ея Вел. въ Сенатъ 13 VIII 1737, 7.347, п. 10, гдѣ говорится о томъ, что „въ новособираемый въ Уфѣ ст. сов. Шемякинымъ драгунскій ландмилицкій полкъ набрано съ 500 чел.“ Объ образованіи Оренбургскаго и Уфимскаго полка говоритъ и *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 198, 200 и 203. Эти полки не были положены „въ военную сумму“ и содержались изъ нѣкоторыхъ особыхъ доходовъ (см. объ этомъ указы 20 VIII 1739, 7.876, п. 14; 26 VIII 1739, 7.885 п. 9; 31 V 1740, 8.121 и 13 X 1747, 9.447).

[4]) Таковыми ихъ называетъ, напр., указъ 5 V 1747, 9.399. Странно, что *В. А. Новиковъ* въ своемъ „Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Уфимскаго дворянства“ ни словомъ не упоминаетъ объ этихъ полкахъ, хотя онъ подробно останавливается на исторіи Уфимскихъ и Мензелинскихъ служилыхъ людей.

[5]) Такъ, напр., указъ 15 III 1744, 8.902 говоритъ о поселеніи ихъ наряду съ ландмилицкими „по Самарѣ и Ульѣ (должно быть: Ую) и Яику, въ строющихся вновь крѣпостяхъ“.

Digitized by Google

стяхъ, поскольку онѣ до насъ дошли, мы скажемъ нѣсколько ниже, одновременно съ разсмотрѣніемъ поселенія ландмилицкихъ полковъ. Здѣсь же замѣтимъ, что, согласно указу 1743 г., они и послѣ своего учрежденія продолжали комплектоваться не рекрутами, но „изъ тѣхъ же мѣстъ, изъ коихъ они были набираны“ [1]). При этомъ на службу въ эти полки брались поголовно всѣ годные среди комплектовавшихъ ихъ служилыхъ людей и ихъ дѣтей. Такъ, по крайней мѣрѣ, обстояло дѣло въ Бирскѣ, о которомъ до насъ дошли точныя свѣдѣнія. Этимъ объясняется, почему въ этомъ пригородкѣ число душъ съ первой до второй ревизіи упало съ 800 до 487 чел.[2]). Но, разъ означенные служилые люди должны были нести поголовную службу, то они—согласно одному изъ основныхъ положеній подушной податной системы—не подлежали положенію въ подушный окладъ, что и было подтверждено Сенатомъ при производствѣ второй ревизіи [3]). Для дѣтей же ихъ въ 1743 г. было предписано въ Бирскѣ и Мензелинскѣ открыть школы, „гдѣ ихъ на коштѣ отцовомъ и обучать“ [4]).

Второй элементъ, которымъ правительство воспользовалось для заселенія Оренбургскихъ крѣпостей, представляютъ закамскіе ландмилицкіе полки. Мы видѣли, что эти полки должны были ограждать новую закамскую линію, сооруженную въ началѣ 1730-хъ гг. Между

[1]) Означенный указъ 1743 года приведенъ въ указѣ 5 V 1747, 9.399. См. также *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 200 (Бирскъ) и 203 (Мензелинскъ). *Витевскій*, стр. 187 сообщаетъ, что 7 февраля 1743 г. Неплюевъ отправилъ въ Сенатъ представленіе по разнымъ вопросамъ, между прочимъ „о Мензелинскихъ и Бирскихъ служилыхъ людяхъ, отставныхъ, ихъ дѣтяхъ и объ отшедшихъ въ Мензелинское вѣдомство воеводское“, но, къ сожалѣнію, мы не узнаемъ содержанія этого представленія, которое Сенатъ утвердилъ.

[2]) Изъ 800 душъ за это время убыло 641, прибыло 6, родилось 322: см. указъ 5 V 1747, 9.399. *Рычковъ* (Топ. Ор., II, 200) также сообщаетъ, что число дворовъ въ Бирскѣ упало съ 700 до 400, но кромѣ приводимой въ текстѣ причины указываетъ и на то, что изъ населявшихъ Бирскъ дворцовыхъ крестьянъ „пожиточные по 6. ч. выѣхали на житье въ близъ лежащія отъ города деревни“... *Рычковъ-сынъ* (1770) засталъ въ Бирскѣ уже только 250 дворовъ отставныхъ солдатъ и дворцовыхъ крестьянъ (см. его „Журналъ“, стр. 168).

[3]) Дѣло въ томъ, что при производствѣ второй ревизіи бригадиръ Бардукѣевичъ (ревизоръ Казанской губ.) возбудилъ вопросъ о положеніи въ окладъ Бирскихъ служилыхъ людей, свободныхъ отъ оклада по первой ревизіи, ссылаясь на то, что у нихъ были пахотныя земли. Однако Сенатъ, имѣя въ виду поголовный характеръ ихъ службы (при чемъ годными комплектовались названныя два полка, а престарѣлые служили въ городахъ), предписалъ попрежнему оставить ихъ внѣ оклада (указъ 5 V 1747, 9.399). Это постановленіе было издано спеціально по поводу служилыхъ людей приг. Бирска; нѣтъ сомнѣнія, однако, что оно распространялось и на Уфимскихъ и Мензелинскихъ служилыхъ людей.

[4]) Объ этомъ сообщаетъ указъ 5 V 1747, 9.399.

Digitized by Google

тѣмъ, какъ мы знаемъ, въ 1734 г. было приступлено къ постепенному сооруженію Оренбургской линіи, которая должна была сразу оградить значительную часть прежде неогражденной территоріи, такъ что вся закамская линія оказалась далеко внутри новой границы. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Оренбургскихъ крѣпостяхъ чувствовался крайній недостатокъ въ людяхъ. Вслѣдствіе этого на совѣтѣ, состоявшемся у Татищева въ Самарѣ съ его штабъ-офицерами въ концѣ 1737 г., было признано, что новая закамская линія „нынѣ не нужна, ибо осталась въ серединѣ подъ защитой", почему и было постановлено, „чтобы всѣ по ней учрежденные ландмилицкіе полки, также инженерныхъ и артиллерійскихъ служителей съ тамошней артиллеріей на ту новую линію перевести" [1]). Это постановленіе получило Выс. утвержденіе, при чемъ Татищеву было повелѣно представить подробный проектъ поселенія, „съ показаніемъ находящихся къ тому способовъ и удобностей, съ потребными чертежами" [2]). Такой проектъ и былъ представленъ Татищевымъ въ бытность его въ С.-Петербургѣ въ началѣ 1739 г., когда имъ было предложено продолжить линію по верхнему Яику и Ую до Царева Городища и на р. Сакмарѣ и поселить на этомъ протяженіи гарнизонные и ландмилицкіе полки [3]). Итакъ, недавно поселенные жители новой закамской линіи вновь должны были переселиться, и на этотъ разъ на Оренбургскую линію. Замѣтимъ, что къ этому времени поселеніе на новой закамской линіи носило еще весьма непрочный характеръ и хлѣбопашество на ней не получило еще никакого развитія. Въ самомъ дѣлѣ, по первоначальнымъ предположеніямъ, ландмилицкіе полки совершенно не должны были получать провіантъ, ибо при учрежденіи ихъ „Наумову, поселя ихъ по закамской линіи, велѣно было пахать имъ пашню и на первое обселеніе ихъ раздать имъ казенныя сѣмена"; между тѣмъ уже въ 1736 г. было предписано отложить покупку сѣмянъ „для башкирскаго неспокойства и высокой хлѣба цѣны", и фактически ландмилицкіе полки получали казенный провіантъ за все время ихъ пребываніи на новой линіи [4]).

Между тѣмъ Татищеву не пришлось самому привести свой планъ въ исполненіе [5]); мы знаемъ, что онъ лишь недолго пробылъ во главѣ

---

[1]) *Рычковъ*, Ист. Ор., I, 304.

[2]) Указъ Татищеву 15 II 1738, 7514, пп. 8 и 9.

[3]) *Рычковъ*, Ист. Ор., I, 392.

[4]) См. указъ 12 XII 1748, 9561. Прибавимъ здѣсь кстати, что въ 1737 г. было предписано учредить закамскіе ландмилицкіе полки регулярными (указомъ 18 X 1737 г., который цитируется въ указѣ 12 XII 1748, 9561).

[5]) Быстрому исполненію его препятствовали постоянные марши, въ которыхъ на-

Digitized by Google

Оренбургскихъ дѣлъ и что его скоро замѣстилъ Урусовъ. Въ данномъ послѣднему, при вступленіи его въ должность, указѣ предписывалось по всей линіи, начиная отъ Самары и кончая Царевымъ Городищемъ на Тоболѣ, построить крѣпостцы, а если пространство между послѣдними превышало 40—50 в. — то между ними еще и „малые редуты" съ караульнями на столбахъ. При этихъ крѣпостцахъ Урусову и предписывалось селить „ландмилицкіе закамскіе полки и прочихъ старыхъ службъ, изъ которыхъ тѣ полки набираны и казаковъ не меньше двухъ ротъ на одномъ мѣстѣ, дабы всякій одинъ полкъ не распространялся далѣе 100 верстъ" [1]). При этомъ, согласно уже извѣстному намъ проекту Урусова создать рядъ поселеній (9 крѣпостей) по р. Сакмарѣ, ему было повелѣно поселить по этой рѣкѣ три драгунскихъ ландмилицкихъ полка" [2]). Любопытно, что въ этомъ же законѣ предписывалось поселить при крѣпостяхъ Оренбургской линіи до 3000 семей „изъ городовыхъ Казанской и другихъ губерній старыхъ службъ служилыхъ людей, которые въ подушный окладъ и въ Ландмилицію не написаны" [3]).

Земли, оставшіяся на новой закамской линіи послѣ переведенныхъ на Оренбургкую линію поселенцевъ, было первоначально предписано описать, построенныя на нихъ для драгунъ и солдатъ казенныя постройки — продать, собственныя постройки ландмилиціонеровъ послѣднимъ также было позволено продать[4]). Въ 1744 г., однако, эти земли вмѣстѣ съ постройками были отданы въ вѣдомство управленія поселенія отставныхъ [5]), за исключеніемъ части этихъ земель, которыя въ томъ же году были переданы въ вѣдомство Ставропольскаго калмыцкаго поселенія[6]).

ходились и ландмилицкіе, и гарнизонные полки вслѣдствіе „башкирскихъ замѣшаній" (см., напр., указъ 15 II 1738, 7514, п. 11).

[1]) Указъ ген.-лейт. кн. Урусову 20 VIII 1739, 7876, п. 1. Этотъ разсчетъ не совсѣмъ ясенъ. Цифра „100" есть вѣроятно результатъ опечатки.

[2]) Тамъ же, п. 13, гдѣ говорится о р. Самарѣ, что есть несомнѣнная опечатка. При этомъ солдатамъ предписывалось выдавать „для заведенія пашенъ" лошадей, съ тѣмъ чтобы ихъ цѣнность (по 6 руб. за каждую) была вычитаема изъ жалованія солдатъ въ теченіе 3—4 лѣтъ.

[3]) Тамъ же, п. 15.

[4]) Тамъ же, п. 2 и 3. Замѣтимъ, что вскорѣ, а именно указомъ 23 I 1740, 8011, п. 6, на основаніи новыхъ донесеній, полученныхъ отъ Урусова послѣ изданія указа 1739 г., ему было предписано всѣ только что затронутые вопросы (т. е. о строеніи линіи по Яику и Самарѣ, о поселеніи на ней закамскихъ ландмилицкихъ полковъ, о раздачѣ оставшихся послѣ послѣднихъ земель и о продажѣ стоявшихъ на послѣднихъ построекъ) подвергнуть новому обсужденію и представить свои заключенія. Эти заключенія, если они и были представлены, до насъ не дошли.

[5]) Указъ 8 III 1744, 8892. См. выше, стр. 50.

[6]) Указъ 15 II 1745, 9110, п. 5.

Digitized by Google

Что касается самаго хода поселенія, то дошедшія до насъ свѣдѣнія, къ сожалѣнію, не всегда отличаются ясностью, почему многіе вопросы остаются подъ сомнѣніемъ. Прежде всего возбуждаетъ недоумѣніе одно дошедшее до насъ черезъ Рычкова извѣстіе. Послѣдній, говоря объ удачѣ, которою увѣнчивались всѣ начинанія Урусова, указываетъ между прочимъ на „начатое имъ поселеніе гарнизонныхъ и ландмилицкихъ полковъ, которые предъ его кончиною на совершенное поселеніе въ новыя крѣпости были расположены“ [1]). Прежде всего, при Урусовѣ не было еще крѣпостей ни на Уѣ, ни по верхнему теченію Урала, ни по Сакмарѣ: на послѣдней рѣкѣ Урусовъ, какъ мы знаемъ, хотѣлъ построить 9 крѣпостей и поселить въ нихъ ландмилицію, но не привелъ этого плана въ исполненіе. Итакъ, сообщеніе Рычкова представляетъ изъ себя явную ошибку. Что же касается другихъ источниковъ, то въ одномъ указѣ 1739 г. ходъ передвиженія ландмилиціи съ новой закамской линіи въ Оренбургскія крѣпости былъ намѣченъ слѣдующимъ образомъ: по поселеніи ландмилиціи въ новыхъ мѣстахъ туда должны быть переведены и ихъ семьи, т. е. „отцы ихъ и братья, которые съ ними въ однихъ домахъ жили“; также и имѣющихъ быть уволенными со службы ландмиліціонеровъ предписывалось впредь уже не отпускать на прежнія мѣста, но оставлять на новыхъ мѣстахъ [2]). Это предписаніе было повторено въ 1742 г., съ подтвержденіемъ, чтобы до окончательнаго поселенія ландмилиціи на новыхъ мѣстахъ семьи ихъ и отставные съ ихъ семьями не переводились: отсюда видно, что къ тому времени переводъ этотъ еще не закончился [3]). Онъ не совершился окончательно еще и къ 1744 г. [4]), но къ 1747 г. онъ уже былъ законченъ [5]).

Таковы данныя, которыя мы находимъ въ Полномъ Собраніи Законовъ. Но и по свидѣтельству самого Рычкова вскорѣ по вступленіи Неплюева въ должность ему было предписано озаботиться, чтобы какъ ландмилицкіе, такъ и гарнизонные полки были поселены въ три года, въ теченіе которыхъ они должны были попрежнему получать Остзейское жалованіе „за новость и для отдаленія мѣстъ“ [6]). Между тѣмъ,

---

[1]) *Рычковъ*, Ист. Ор., I, 491—2.

[2]) Указъ 28 VIII 1739, 7885, п. 11.

[3]) Указъ 27 IX 1742, 8623, п. 2.

[4]) См. указы 15 III 1744, 8902 и 15 II 1745, 9110, п. 10.

[5]) См. въ указѣ 5 V 1747, 9399 доношеніе бриг. Бардукѣевича, сообщающаго, что „оныхъ пригородковъ служилые люди всѣ поголовно уже переведены на новыя ихъ дачи къ Оренбургской линіи“, а также указъ 14 VII 1747, 9420, сообщающій, что „новая закамская линія испражнена и по силѣ указовъ совершенно оставлена“.

[6]) *Рычковъ*, Ист. Ор., II, 4—5.

Digitized by Google

такъ какъ, повидимому, дѣло поселенія затянулось, то въ 1744 г. было предписано производить Остзейское жалованье поселяемымъ на линіяхъ (кромѣ Самарской и въ Башкиріи) полкамъ „до тѣхъ поръ, пока оныя команды дѣйствительно въ тѣхъ имъ назначенныхъ ко всегдашнему жительству крѣпостяхъ обселяться и прямыми гарнизонами быть станутъ и отъ тамошняго довольства земель и всякихъ угодій и прочаго къ содержанію своему удовольствіе получать“ [1]). Прибавимъ, что въ началѣ 1740 г. была учреждена особая контора экономіи „для порядочнаго поселенія и содержанія купечества и служилыхъ казаковъ и для произведенія казенной и партикулярной пашни при новыхъ крѣпостяхъ и для всѣхъ строеній“ [2]).

Но спрашивается: какъ осуществилось это поселеніе? Этотъ вопросъ въ свою очередь распадается на нѣсколько вопросовъ, изъ которыхъ первымъ является вопросъ: *кто* подлежалъ переселенію въ Оренбургскія крѣпости?

Къ сожалѣнію, опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ мы дать не можемъ и можемъ отвѣтить лишь предположеніями. Какъ мы знаемъ, лица, изъ которыхъ комплектовались ландмилицкіе полки, дѣлились на двѣ категоріи, которыя надо строго различать: одни были свободны отъ подушнаго обложенія, но зато должны были служить поголовно; для другихъ же, положенныхъ въ подушный окладъ, комплектованіе двухъ ландмилицкихъ полковъ замѣняло лишь рекрутскую повинность. Это различіе, какъ мы видѣли, отразилось и на порядкѣ заселенія новой закамской линіи: тогда какъ первая категорія должна была быть переведена на эту линію и фактически была переведена цѣликомъ [3]), изъ второй категоріи должны были быть поселены на ней только укомплектованные ею ландмилицкіе полки [4]). Когда затѣмъ было повелѣно вновь переселить ландмилицію, и при томъ на этотъ разъ въ Оренбургскія крѣпости, то никакихъ болѣе подробныхъ указаній по интересующему насъ здѣсь вопросу сдѣлано не было. Впрочемъ, относительно первой категоріи лицъ—жителей старыхъ пригородковъ—у насъ никакихъ сомнѣній нѣтъ: они всѣ были выселены съ новой закамской

---

[1]) *Рычковъ*, Ист. Ор., II, 127; указъ 15 III 1744, 8902. Что во время изданія этого указа поселеніе служилыхъ людей старыхъ пригородковъ еще и не начиналось, видно изъ того, что лишь въ маѣ и октябрѣ 1744 г. Оренбургская губ. канцелярія опредѣлила переводить и селить ихъ особыми слободами (*Рычковъ*, Ист. Ор., II, 300. Здѣсь рѣчь идетъ о поселеніи Шешминскаго и Сергіевскаго полковъ).

[2]) *Рычковъ*, Ист. Ор., I, 402.

[3]) См. выше, доношеніе Бардукѣевича на стр. 189, прим. 5).

[4]) Указъ 18 III 1732, 5993, п. 6.

Digitized by Google

линіи [1]). Но относительно второй группы у насъ опредѣленныхъ данныхъ нѣтъ [2]), и, поэтому, здѣсь открыть путь для догадокъ. Мы склоняемся къ тому мнѣнію, что вторая группа лицъ не была переведена въ Оренбургскія крѣпости и что въ послѣднихъ были помѣщены лишь тѣ два ландмилицкихъ полка, которые ею комплектовались. Въ нашемъ мнѣніи насъ поддерживаютъ слѣдующія соображенія. Какъ мы видѣли, еще при созданіи новой закамской линіи численность этой группы составляла 29.000 чел. Едва ли можно думать, что правительство рѣшилось перевести такую массу лицъ, да и при томъ еще положенныхъ въ подушный окладъ. Но, быть можетъ, въ Оренбургскія крѣпости была поселена не вся эта группа, но лишь семьи тѣхъ изъ ея членовъ, которыя попали въ ландмилицкіе полки. Этотъ взглядъ представлялся бы уже болѣе вѣроятнымъ; къ тому же въ пользу него говоритъ и сообщеніе Рычкова, которое мы приведемъ нѣсколько ниже, будто въ расположенныхъ въ Оренбургской губ. слободахъ были поселены семьи, изъ которыхъ комплектовались Сергіевскій и Алексѣевскій ландмилицкіе полки [3]). Но послѣднее сообщеніе представляется намъ ошибочнымъ въ виду категорическаго заявленія противоположнаго свойства, дошедшаго до насъ изъ устъ ревизора Казанской губ., бриг. Бардукѣевича [4]). Впрочемъ, въ виду такого разногласія этотъ вопросъ мы не можемъ считать окончательно разрѣшеннымъ. Что касается до тѣхъ служилыхъ людей, изъ которыхъ комплектовались Оренбургскій и Уфимскій гарнизонные полки, то, на основаніи показаній Рычкова, мы должны думать, что они попрежнему остались жить въ Уфѣ и т. д. и не были переведены въ Оренбургскія крѣпости [5]).

---

[1]) См. опять доношеніе Бардукѣевича на стр. 189, прим. 5); также и *Рычковъ*, говоря о Красноярской крѣп., сообщаетъ, что въ ней „было поселеніе ландмилиціи, а нынѣ живутъ тутъ крещеные калмыки“ (Топ. Ор., II, 110).

[2]) Указъ Урусову 20 VIII 1739, 7876, п. 1 неопредѣленно говоритъ „селить при тѣхъ крѣпостяхъ ландмилицкіе закамскіе полки и *прочихъ старыхъ службъ, изъ которыхъ тѣ полки набираны*, и казаковъ“....

[3]) См. ниже стр. 193 прим.

[4]) Вотъ относящаяся къ 1747 г. выдержка изъ одного доношенія Бардукѣевича: „и симъ оная ландмилиція разнствуется: одни изъ подушнаго оклада выключены и къ линіи на границу переведены, а другіе въ подушномъ окладѣ *и живутъ въ прежнихъ своихъ мѣстахъ внутрь Россіи*“.

Возможно еще одно объясненіе: а именно, что переводъ служилыхъ людей этой категоріи совершился за время отъ 1747 до 1760 г. (годъ, когда написана Топ. Ор.). Но мы должны считать совершенно невѣроятнымъ, чтобы этотъ переводъ совершился безъ того, чтобы до насъ дошли какіе-либо слѣды о немъ, кромѣ приведеннаго замѣчанія Рычкова.

[5]) Рычковъ прямо говоритъ, что эти два полка „комплектуются *оставшими* въ

Digitized by Google

Намъ остается сказать два слова еще объ одной категоріи лицъ. Мы видѣли выше, что Урусову было повелѣно для заселенія Оренбургскихъ крѣпостей перевести до 3000 семей „изъ городовыхъ Казанской и другихъ губерній старыхъ службъ служилыхъ людей, которые въ подушный окладъ и въ ландмилицію не написаны“ [1]). Очевидно, цѣль этого перевода должна была состоять въ томъ, чтобы образовать изъ этихъ лицъ какія-либо воинскія части: между тѣмъ ни о томъ, когда и какъ состоялось это переселеніе и состоялось ли оно вообще, ни о томъ, какія воинскія части изъ этихъ людей были образованы, мы ничего не узнаемъ, такъ что мы думаемъ даже, что это переселеніе вовсе не состоялось [2]).

Затѣмъ представляется слѣдующій важный вопросъ: *гдѣ*, въ какихъ частяхъ Оренбургскаго края, были поселены ландмилицкіе, а также и гарнизонные полки? Мы уже не разъ говорили о принадлежавшемъ Урусову проектѣ поселенія ландмилиціи по р. Сакмарѣ. Мы знаемъ, однако, что Урусовъ умеръ, не осуществивъ своего плана, и что послѣдній былъ приведенъ въ исполненіе Неплюевымъ, но уже въ гораздо меньшихъ размѣрахъ: здѣсь былъ поселенъ только Шешминскій ландмилицкій полкъ [3]). Что же касается Билярскаго полка, который также комплектовался служилыми людьми старыхъ пригородковъ, то мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, въ какихъ частяхъ линіи онъ былъ поселенъ. Но затѣмъ возникаетъ вопросъ о самомъ характерѣ поселенія. Урусовъ видѣлъ достоинство своего проекта (поселенія ландмилиціи на р. Сакмарѣ) въ томъ, что „они тамъ, будучи прикрыты Яицкими крѣпостями, свободно и безопасно могутъ хлѣбопашество и всякую экономію производить“ [4]). На основаніи послѣднихъ словъ можно было бы подумать, что Урусовъ хотѣлъ поселить здѣсь ландмилицію съ семья-

---

Уфѣ, Бирску и Мензелинску“ (Топ. Ор., II, 199; то же относительно Бирска: тамъ-же, 200 и Мензелинска: тамъ-же, 203). Также и *Рычковъ-сынъ* говоритъ о Мензелинскѣ, что „поселяне его суть отставные солдаты, производящіе начало свое отъ смоленскихъ дворянъ и называющіе себя донынѣ панами“ („Журналъ“ его, стр. 60).

[1]) Указъ 20 VIII 1739, 7876, п. 15.

[2]) Въ этомъ убѣждаетъ насъ и то обстоятельство, что, какъ мы увидимъ въ другомъ мѣстѣ, мы въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи знаемъ группу служилыхъ людей, „въ подушный окладъ и въ ландмилицію не написанныхъ“; но о томъ, чтобы члены этой группы были переселены на Оренбургскую окраину, мы никакихъ слѣдовъ не находимъ.

[3]) Это рѣшеніе было принято на совѣтѣ Неплюева съ штабъ-офицерами 29 VI 1742 г., почему тогда же были посланы офицеры для осмотра мѣстъ и приготовленія лѣсовъ (*Рычковъ*, Ист. Ор., II, 5—6). Самъ Неплюевъ посѣтилъ подлежавшія заселенію мѣста въ сентябрѣ того же года (тамъ же, 27).

[4]) *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 130.

Digitized by Google

ми, что впослѣдствіи, дѣйствительно, здѣсь были поселены не только ландмилиціонеры Шешминскаго полка, но и ихъ семьи, и что то же самое было сдѣлано—только въ другихъ частяхъ линіи—и по отношенію къ Билярскому полку. Есть, однако, неопровержимыя данныя въ пользу того, что въ Оренбургскія крѣпости были переведены лишь сами ландмилиціонеры и что ихъ семьи, хотя онѣ и были сведены съ новой закамской линіи, были, однако, поселены не на Оренбургской линіи, но въ Бугульмѣ и Бугурусланѣ и ихъ окрестностяхъ. Сюда же, если вѣрить Рычкову, были переведены семьи, изъ которыхъ комплектовались Алексѣевскій и Сергіевскій ландмилицкіе полки [1]). Итакъ, мы видимъ,

[1]) Такъ, Рычковъ упоминаетъ о состоявшихся въ маѣ и октябрѣ 1744 г. опредѣленіяхъ Оренбургской губ. канцеляріи, касавшихся поселенія служилыхъ людей, коими комплектовался Шешминскій полкъ, *особыми слободами въ Оренбургской губ.* (*Рычковъ*, Ист. Ор., II, 300). Вѣроятно это тѣ же самыя слободы, о которыхъ Рычковъ говоритъ по поводу другихъ ландмилицкихъ полковъ. А именно, говоря о населенныхъ мѣстахъ Ставропольскаго вѣдомства, *Рычковъ* называетъ „новопоселенныя по р. Кинелю и по впадающимъ въ нее рѣчкамъ *ландмилицкія слободы*, изъ которыхъ молодыми людьми комплектуются расположенные въ Оренбургскихъ крѣпостяхъ *Билярскій, Сергіевскій* и *Алексѣевскій* ландмилицкіе полки“, а именно слоб. Криволуцкая (близъ Алексѣевска), Саврушская, Сарбайская и Аманакская (между Сергіевскомъ и Бугурусланомъ) (*Рычковъ*, Топ. Ор., II, 116). Названныя здѣсь слободы упоминаются и въ „Спискахъ населенныхъ мѣстъ“ по Саратовской губ. [Спб., 1864, стр. XXI] подъ именемъ „ландмилицкихъ слободъ“, основанныхъ уже во время проведенія новой закамской линіи (при чемъ къ нимъ неправильно отнесена и слоб. Кинель Черкасская). Въ нихъ, говорится здѣсь, „переведены были частью чуваши изъ сѣверныхъ уѣздовъ Казанской губ., частью слобожане старой закамской черты. Потомки этихъ поселенцевъ, подъ именемъ „малолѣтковъ“, состояли на особомъ положеніи до времени учрежденія министерства гос. им., когда зачислены были въ сословіе государственныхъ крестьянъ“. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о слоб. Бугульминской, Письмянской, Кувацкой и Бугурусланской, *Рычковъ* сообщаетъ, что „жители ихъ по большей части переведены по застроеніи уже отъ Оренбурга и по расположеніи ландмилицкихъ полковъ въ Оренбургскихъ крѣпостяхъ на фундаментальное поселеніе, изъ пригородовъ закамской линіи, а именно изъ Старошешминска, Новошешминска, Заинска, Тіинска и Ерыклинска; ибо дѣтьми ихъ оные полки комплектуются, а престарѣлые и служить не могущіе по отставкѣ ихъ обыкновенно въ тѣ слободы на житіе отпускаются“. Изъ послѣдней выдержки вполнѣ ясно, что подъ „фундаментальнымъ поселеніемъ“ разумѣлось вовсе не поселеніе семей (Топ. Ор., II, 47). Согласно *Витевскому*, стр. 491, Бугурусланъ былъ заселенъ въ 1742 г. отставными солдатами и непомнящими родства, Бугульма въ 1745 г.—бѣлопахатными солдатами. Согласно „Спискамъ населенныхъ мѣстъ“ по Саратовской губ. (стр. XXIII) слободы Бугульминская, Кувацкая, Письмянская, Кандызская и другія были основаны въ промежутокъ 1745—1750 г.г., при чемъ онѣ были заселены переведенными съ старой закамской линіи (изъ пригор. Старошешминска, Новошешминска, Заинска и Тіинска), а отчасти съ Яика пахатными солдатами, особенно отставными, во избѣжаніе нищенства и бродяжничества. Указъ 5 V 1747, 9399 сообщаетъ, что набран-

что семьи, изъ которыхъ комплектовались ландмилицкіе, а также и Оренбургскій и Уфимскій гарнизонные полки, жили не тамъ, гдѣ находились сами полки. Почему же въ такомъ случаѣ и правительство, и Рычковъ говорятъ о „фундаментальномъ" поселеніи самихъ полковъ? Почему правительство разсчитывало, что на ряду съ службой солдаты будутъ заниматься земледѣліемъ? [1]) Мы затрудняемся дать на этотъ вопросъ окончательный отвѣтъ. По всѣмъ вѣроятіямъ съ солдатами переводились на линію только ихъ жены и дѣти, а остальныя семьи оставались жить въ названныхъ выше слободахъ, куда возвращались и отставные [2]).

Спрашивается, далѣе, какъ были распредѣлены по линіямъ и крѣпостямъ остальные полки, кромѣ Шешминскаго и Билярскаго, о которыхъ рѣчь была уже выше? Точный и въ то же время исчерпывающій отвѣтъ мы дать не можемъ. Мы знаемъ, что они были размѣщены по Самарѣ, Сакмарѣ, Яику и Ую [3]). Спеціально объ Оренбургскомъ и Уфимскомъ полкахъ мы знаемъ, что они были поселены въ

ные въ Шешминскій и Билярскій полки солдаты старыхъ пригородковъ „переведены и поселены по (Оренбургской. В. Д.) линіи, и престарѣлые и увѣчные и отставные изъ нихъ же переселяются въ тамошнія губерніи въ другихъ мѣстахъ, а самые малолѣтные опредѣлены въ школы"... Здѣсь же сообщается, что лица, комплектующія Сергіевскій и Алексѣевскій полки, „живутъ въ прежнихъ своихъ мѣстахъ внутри Россіи".

[1]) „Когда время допуститъ, тогда въ тамошнихъ мѣстахъ заводить пашню и хлѣбъ солдатами и драгунами, ибо работа временная, имѣть изъ того расходъ въ дачи мѣсячныя на нихъ же и на женъ и дѣтей" (указъ 11 II 1736, 6890, п. 30). См. также указъ 15 III 1744, 8902, гдѣ предписывается платить остзейское жалованіе поселяемымъ въ Оренбургскомъ краѣ гарнизоннымъ и ландмилицкимъ командамъ „до тѣхъ поръ, пока оныя команды дѣйствительно въ тѣхъ имъ назначенныхъ ко всегдашнему жительству крѣпостяхъ обселятся и прямыми гарнизонами быть станутъ и отъ тамошняго довольства земель и всякихъ угодій и прочаго къ содержанію свое удовольствіе получать".

[2]) Иногда, впрочемъ, отставные оставались жить на линіи. Такъ, по *Рычкову*, семьи отставныхъ драгунъ и солдатъ встрѣчались въ крѣп. Верхояицкой, Уклыкарагайской, Петропавловской и Степной (Топ. Ор., II, 146—149). *Рычковъ-сынъ* засталъ (въ 1771 г.) въ крѣп. Усть-Уйской поселенныхъ въ ней отставныхъ солдатъ, о которыхъ онъ говоритъ слѣдующее: „Поселенные тамо отставные солдаты, имѣя во владѣніи своемъ самыя хлѣбороднѣйшія мѣста, препровождаютъ жизнь свою въ лучшемъ изобиліи и удовольствіи, нежели другіе, живущіе въ крѣпостяхъ, лежащихъ внизъ по р. Яику"; у нихъ есть избытки хлѣба, которые они могутъ продавать („Дневныя записки путешествія кап. Николая Рычкова въ киргизъ-кайсацкой степи 1771 г." въ Спб-ѣ, при Имп. Акад. Наукъ, 1772 г.).

[3]) Близость названій Сакмара и Самара ведетъ иногда къ досаднымъ недоразумѣніямъ. Такъ, указъ 15 III 1744, 8.902 говоритъ о поселеніи гарнизонныхъ и ландмилицкихъ полковъ по *Самарѣ*, Ую и Яику, Рычковъ же, приводя этотъ же указъ, приписываетъ ему предписаніе о поселеніи ихъ по *Сакмарѣ*, Ую и Яику. Между тѣмъ

Digitized by Google

крѣпостяхъ Уйской линіи [1]); данныя же подобнаго рода, имѣющіяся у насъ о ландмилицкихъ полкахъ, носятъ случайный характеръ [2]). Но за то мы можемъ привести полныя данныя о числѣ войсковыхъ частей, находившихся въ Оренбургскихъ крѣпостяхъ около 1760 г., такъ какъ мы у Рычкова находимъ такія данныя для каждой изъ этихъ крѣпостей, кромѣ Оренбурга [3]). Мы свели эти данныя въ слѣдующей таблицѣ:

Дистанціи.	Роты.			
	Драгунскія.	Пѣхотныя.	Регулярныя [4]).	Итого.
1. Самарская [5])	6	$7^1/_2$	—	$13^1/_2$
2. Нижнеяицкая....	2	3	3	8
3. Красногорская...	6	2	—	8
4. Орская	9	$2^1/_2$	—	$11^1/_2$
5. Уйская I........	8	$2^1/_4$	—	$10^1/_4$
6. Уйская II	$10^1/_2$	3	—	$13^1/_2$
7. Сакмарская	10	2	—	12
8. Вѣдомства непосредств. Оренбургскаго [6])....	1	4	—	5
9. Исетская пров. ..	1 [7])	—	—	1
10. Уфимская пров...	2	2	—	4
11. Ставрополь	—	2	—	2
Итого	$55^1/_2$	$30^1/_4$	3	$88^3/_4$

въ данномъ случаѣ изъ свѣдѣній, приводимыхъ самимъ же Рычковымъ при перечисленіи гарнизоновъ отдѣльныхъ крѣпостей, мы видимъ, эти полки помѣщались и по Самарѣ и по Сакмарѣ.

[1]) *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 199. Указъ 13 II 1748, 9.484 говоритъ, что эти полки „расположены и поселены" на *Уфимской* линіи; но это несомнѣнно опечатка.

[2]) Такъ, мы узнаемъ, что въ крѣп. Пречистенской и Воздвиженской стояло по 5 ротъ Шешминскаго и по 1 ротѣ Алексѣевскаго полка; въ Илецкой защитѣ—1 рота Алексѣевскаго полка; въ Красногорской крѣп.—2 роты Сергіевскаго полка (*Рычковъ*, Топ. Ор., II, стр. 25—7; 131, 135—6). Въ основанную Урусовымъ крѣп. при р. Кутулукѣ была помѣщена 1 рота Сергіевскаго полка, но затѣмъ крѣпость эта была упразднена (тамъ же, стр. 124). Этимъ наши свѣдѣнія исчерпываются.

[3]) Во второй части Топ. Ор., при описаніи отдѣльныхъ крѣпостей.

[4]) Безъ обозначенія, драгунскія ли или пѣхотныя.

[5]) Для большинства Самарскихъ крѣпостей данныхъ о численности гарнизоновъ у Рычкова нѣтъ; но за то, говоря о Красносамарской крѣп., онъ сообщаетъ, что во всѣхъ Самарскихъ и Нижнеяицкихъ крѣпостяхъ гарнизонъ состоитъ изъ 1 роты драгунской и 1½ роты пѣхотныхъ (Топ. Ор., II, 122). Эту численность мы и приняли для Самарскихъ крѣпостей, кромѣ Красносамарской и Борской, изъ которыхъ гарнизонъ или часть его были выведены въ Зелаирскую крѣпость.

[6]) Безъ гор. Оренбурга.

[7]) „Провинціальная рота" при пров. канцеляріи въ Челябинскѣ. Эта рота была

Digitized by Google

Итакъ мы видимъ, что во всѣхъ Оренбургскихъ крѣпостяхъ, безъ Оренбурга, было помѣщено $88^{3}/_{4}$ роты, а не считая Исецкой пров. роты—$87^{3}/_{4}$ роты, изъ коихъ $55^{1}/_{2}$ драгунскихъ, $30^{1}/_{4}$ пѣхотныхъ, а о принадлежности 3 ротъ къ пѣхотѣ или конницѣ свѣдѣній нѣтъ. Такъ какъ въ конномъ полку было 10 ротъ, въ пѣхотномъ—12, то мы видимъ, что въ названныхъ Оренбургскихъ крѣпостяхъ было помѣщено болѣе 5 конныхъ и 2 пѣхотныхъ полковъ. Изъ предыдущаго изложенія мы знаемъ о существованіи 5 конныхъ и 1 пѣхотнаго полковъ. Такимъ образомъ, въ Оренбургскихъ крѣпостяхъ находились и другіе полки. И въ самомъ дѣлѣ, мы напр., уже видѣли, что по штату 1731 г. въ Уфѣ помѣщался Уфимскій гарнизонный пѣхотный полкъ; одинъ изъ его баталіоновъ былъ взятъ Кириловымъ въ его „экспедицію", также, какъ и присланный ему изъ Казани Пензенскій гарниз. полкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пребываніе этихъ полковъ въ Оренбургскомъ краѣ носило не временный, но длительный характеръ. Такъ, въ 1748 г. Пензенскій пѣх. полкъ находился въ Оренбургѣ, а баталіонъ Уфимскаго пѣх. гарниз. полка былъ „расположенъ и поселенъ" на Уйской линіи [1]. Далѣе, въ указѣ 20 VIII 1739, данномъ Урусову при его вступленіи въ должность, говорится о переводѣ изъ Тобольскаго гарнизона одного батальона въ Чебаркульскую крѣп. [2]; такихъ примѣровъ, безъ сомнѣнія, можно было бы привести и еще [3]. Поэтому, напр., въ 1760 г., по даннымъ Рычкова, въ Оренбургской губ. находилось „10 полковъ регулярныхъ (6 гарнизонныхъ, да 4 ландмилицкихъ), не считая тѣхъ армейскихъ командъ, которыя повсегодно въ лѣтнія времена къ содержанію форпостовъ командируемы бываютъ" [4].

учреждена по указу 22 IX 1743, 8.783, п. 4, „для внутреннихъ дѣлъ и карауловъ, яко же и для конвоированія отправляемой денежной казны и для другихъ потребностей". При этомъ ее было предписано набрать „изъ дѣтей Исетской провинціи отставныхъ драгунъ и солдатъ и прежнихъ службъ служилыхъ людей, въ подушный окладъ не положенныхъ", съ тѣмъ чтобы она впредь комплектовалась „дѣтьми или охотниками изъ казачьихъ". Солдаты этой роты получали жалованіе (по 1 р. 50 к. въ годъ) и провіантъ, а сверхъ того имѣли собственную пашню.

[1]) См. указъ 13 II 1748, 9.484. Кромѣ того, еще указы 28 IX 1747, 9.444 и 13 II 1748, 9.484 говорятъ о поселенномъ въ Оренбургскихъ крѣпостяхъ Пензенскомъ гарниз. полкѣ.

[2]) Указъ 20 VIII 1739, 7.876, п. 14.

[3]) Такъ, указъ 15 II 1745, 9.110, п. 28 предписываетъ передать состоявшій въ Казанскомъ вѣдомствѣ Нижегородскій гарнизонный полкъ въ вѣдомство Оренбургской губ. Полкъ этотъ былъ размѣщенъ въ Ставрополѣ, Самарѣ и Уфѣ. О двухъ ротахъ его въ Ставрополѣ см. *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 102.

[4]) Топ. Ор., I, 70. Согласно даннымъ, заимствованнымъ *Витевскимъ* изъ Тургайскаго архива, войска, бывшія въ распоряженіи Неплюева въ началѣ башкирскаго

Digitized by Google

Какъ мы видѣли, правительство ожидало, что у „поселенныхъ“ въ крѣпостяхъ Оренбургскаго края ландмилицкихъ и гарнизонныхъ полковъ заведется свое хлѣбопашество, которое избавитъ правительство отъ необходимости давать имъ провіантъ. Между тѣмъ эти ожиданія, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, не оправдались; поселеніе не сопровождалось развитіемъ хлѣбопашества, которому мѣшалъ, повидимому, самый характеръ поселенія, нами уже отмѣченный, и весьма тяжелая служба на линіи. Поэтому всѣ четыре ландмилицкихъ полка продолжали получать казенный провіантъ, а въ концѣ 1748 г. этотъ расходъ на провіантъ, а также и на фуражъ (въ размѣрѣ около 17.000 р.) былъ сдѣланъ постояннымъ [1]). Что хлѣбопашества въ то время въ Оренбургскихъ крѣпостяхъ еще не было, видно и изъ того, что въ томъ же 1748 г. было предписано попрежнему платить гарнизонамъ по Яику, Сакмарѣ и верховьямъ Самары вмѣсто гарнизоннаго болѣе высокое остзейское жалованіе, при чемъ это постановленіе было мотивировано тѣмъ, что въ Оренбургскихъ крѣпостяхъ, „яко же въ самомъ Оренбургѣ, хлѣбъ, харчъ и все нынѣ завозное есть и продается предъ внутренними мѣстами цѣною не малою“. Исключеніе представляла лишь Уйская линія, на которой были поселены Оренбургскій и Уфимскій драгунскіе гарниз. полки и баталіонъ Уфимскаго пѣхотнаго полка, „понеже оные отъ хлѣбныхъ мѣстъ не въ дальности и къ хлѣбопашеству на весьма добрыхъ земляхъ находятся“; поэтому, этимъ гарнизонамъ было предписано выдавать впредь лишь гарнизонное жалованье, какъ это въ то время уже дѣлалось относительно гарнизоновъ Самарскихъ крѣпостей (кромѣ двухъ верхнихъ) [2]).

Какова же, спрашивается, была дальнѣйшая судьба разсмотрѣнныхъ нами двухъ гарнизонныхъ и четырехъ ландмилицкихъ полковъ [3])?

Что касается прежде всего Оренбургскаго и Уфимскаго гарнизонныхъ полковъ, то они въ 1764 г. были переименованы драгунскими,

---

бунта 1755 г., состояли изъ 3 полевыхъ драгунскихъ, 2 гарнизонныхъ драгунскихъ, 3 конныхъ ландмилицкихъ и 4 пѣхотныхъ полковъ (*Витевскій*, стр. 861, прим. f).

[1]) Указъ 12 XII 1748, 9561. Вотъ какъ этотъ указъ мотивируетъ названную мѣру: „всѣ тѣ четыре ландмилицкіе полка съ прежней закамской выведены и расположены обще съ гарнизонами въ новыхъ крѣпостахъ по Оренбургской линіи на самой границѣ, гдѣ оной (sic), такъ, какъ и гарнизонные, употребляются для всегдашней осторожности во всегдашнихъ караулахъ и разъѣздахъ и въ частыхъ пограничныхъ командированіяхъ, и суть уже весьма не на томъ основаніи, какъ они сначала были учреждены, дабы имъ пропитаніе свое отъ своихъ пашенъ имѣть“...

[2]) Указъ 13 II 1748, 9.484.

[3]) Остальные полки, помѣщавшіеся въ Оренбургскомъ краѣ, не представляютъ для насъ интереса, такъ какъ они комплектовались обычнымъ порядкомъ, т. е. рекрутами;

Digitized by Google

при чемъ имъ были установлены непремѣнныя квартиры: Уфимскому—въ Оренбургѣ, Оренбургскому—по назначенія губернатора [1]).

Что же касается четырехъ ландмилицкихъ полковъ, то реформа, которой въ 1764 г. подверглись украинскіе ландмилицкіе полки, коснулась и закамскихъ полковъ. Число послѣднихъ было сохранено прежнее: три конныхъ и одинъ пѣхотный; какъ и украинскіе полки, они впредь должны были содержаться по новымъ штатамъ [2]), и притомъ наравнѣ съ полевыми армейскими полками; формированіе ихъ (посредствомъ наборовъ черезъ каждые 5 лѣтъ) также должно было производиться на тѣхъ же началахъ, которыя были установлены для украинскихъ полковъ [3]). Какъ и послѣдніе, они должны были получить непремѣнныя квартиры, а именно по назначенію командующаго въ Оренбургѣ генералитета вмѣстѣ съ губернаторомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они должны были комплектоваться и получать содержаніе попрежнему отъ „тѣхъ же служилыхъ людей дѣтей,... крещеныхъ и некрещеныхъ иновѣрцевъ, бобылей и разночинцевъ, изъ которыхъ они и донынѣ комплектовались и содержались, во всемъ безотмѣнно въ тѣхъ прежнихъ основаніяхъ, по прежнимъ съ тѣхъ иновѣрцевъ и бобылей положеннымъ донынѣ

---

[1]) Выс. утв. докладъ воинской комиссіи 13 V 1764, 12.157 (Кн. Шт. Военн., стр. 76 и 91). У *Новикова* (Сборникъ матеріаловъ для исторіи Уфимскаго дворянства, стр. 83) приведенъ наказъ мензелинскаго шляхетства своему депутату въ комиссію уложенія. Въ этомъ наказѣ между прочимъ сообщается, что въ началѣ XVIII в. часть шляхтичей была набрана въ Преображенскій и Семеновскій полки; „а оставшіе здѣсь", продолжаетъ наказъ, „какъ и выше значитъ, при содержаніи здѣшней границы и понынѣ въ разныхъ полкахъ служили и нынѣ служатъ". Подписи показываютъ, что большинство дворянъ находились въ чинѣ капраловъ или рядовыхъ. О дальнѣйшей судьбѣ Смоленской шляхты мы уже говорили выше (стр. 38, прим. 2). Что же касается состоявшихъ въ Мензелинскѣ конныхъ стрѣльцовъ, то ихъ потомки впослѣдствіи назывались бѣлопахатными солдатами и до 1842 г. не состояли ни въ какомъ окладѣ; въ 1842 г. имъ было предписано избрать родъ жизни, при чемъ 405 чел. изъ нихъ поступили въ казаки, а 267 чел.—въ казенные крестьяне (по Покровской волости) (*Ивановъ*, назв. соч. въ Ж. М. В. Д., 1850, I).

[2]) См. штаты 15 XII 1763, 11.990. Считая по 2282 чел. въ пѣхотномъ полку и 900 въ конномъ, мы для всѣхъ четырехъ полковъ получимъ общую численность въ 4982 чел. (всѣхъ чиновъ). До реформы численность всѣхъ чиновъ въ этихъ полкахъ составляла: въ пѣхотномъ 1282 (рядовыхъ 1168) а въ 3 конныхъ—3180 (рядовыхъ 2760), итого 4462 чел., т. е. нѣсколько меньше („Вѣдомость, въ коликомъ числѣ людей состояли ландмилицкіе полки прежде переформированію ихъ по нынѣшнему штату", въ В. Уч. Арх. Гл. Шт., III, 198).

[3]) До этого и для комплектованія закамской ландмилиціи наборы производились гораздо чаще и были весьма отяготительны (напр., въ Казанскомъ и Свіяжскомъ у.у.—по 1 чел. съ 47—152 душъ въ годъ). См. объ этомъ *В. И. Семевскій*, Р. Ст., 1879, IV, 624.

Digitized by Google

сборамъ"... [1]). Въ 1769 г. закамскіе ландмилицкіе полки, также какъ и украинскіе, было предписано впредь именовать полевыми, и притомъ конные—драгунскими, пѣшій—пѣхотнымъ [2]). Изъ этихъ полковъ дальнѣйшую судьбу пѣхотнаго (Алексѣевскаго) намъ прослѣдить не удалось; что же касается трехъ драгунскихъ, то они въ 1771 г. были преобразованы въ 5 гарнизонныхъ батальоновъ [3]).

Мы видѣли, что въ приведенной выше выдержкѣ изъ пунктовъ 1764 г. лица, комплектовавшія закамскіе ландмилицкіе полки, разсматривались какъ одна нераздѣльная группа [4]), тогда какъ мы знаемъ, что они дѣлились на двѣ совершенно разнородныя категоріи: положенныхъ въ окладъ — съ одной стороны, и неположенныхъ, но несущихъ поголовную службу,—съ другой. Въ такомъ же положеніи, какъ и эта послѣдняя категорія, находилась и третья категорія лицъ, а именно тѣ, коими комплектовались Оренбургскій и Уфимскій гарнизонные полки.

---

[1]) Пункты 16 VI 1764, 12.185, п. 10—14.

[2]) Указъ 16 I 1769, 13.230.

[3]) Выс. утв. докладъ военной коллегіи 31 VIII 1771, 13.649. Въ то время въ Оренбургскомъ краѣ находилось 5 гарнизонныхъ батальоновъ: 4 въ Оренбургѣ и одинъ въ Ставрополѣ (по штату 19 IV 1764, 12.135 послѣдній считался въ Гурьевѣ). Кромѣ того, линія на протяженіи 1300 в. „отъ Яика (Оренбурга или Разсыпной?) до Звѣриноголовской крѣпости" защищалась Оренбургскими казаками, драгунами и тремя конными ландмилицкими полками (которыхъ, такимъ образомъ, и послѣ 1769 г. продолжали называть такъ). Однако, бѣгство Волжскихъ калмыкъ въ Китай въ 1771 г. доказало, что организація войскъ по Оренбургской линіи страдала существенными недостатками. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ „насилу съ обнаженіемъ многихъ по Оренбургской линіи крѣпостей, возможно было отъ всѣхъ расположенныхъ по оной драгунскихъ полковъ собрать у Орской крѣп. до 500 чел. драгунъ" для преслѣдованія калмыкъ. Причина этого, съ одной стороны, состояла въ недостаткѣ гарнизонныхъ войскъ, которыя приходилось замѣнять драгунами (послѣдніе однако, вслѣдствіе этой несвойственной имъ роли, по словамъ закона 31 VIII 1771 г., „не будучи исправными гарнизонными солдатами, остаются еще худшими драгунами"); съ другой стороны—въ недостаткѣ запасныхъ полевыхъ войскъ. Вслѣдствіе этого закономъ 1771 г. 3 ландмилицкихъ полка и были преобразованы въ 5 гарнизонныхъ батальоновъ, а сверхъ того были образованы три полевыя легкія команды изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія для помѣщенія въ Оренбургѣ, крѣп. Орской и Троицкой. Эти 5 гарнизонныхъ баталіоновъ должны были имѣть квартирами крѣп. Озерную, Кизильскую, Верхояицкую, Троицкую и Звѣриноголовскую. Такое же число гарнизонныхъ баталіоновъ (10) и съ тѣмъ же размѣщеніемъ мы встрѣчаемъ въ Оренбургскомъ краѣ и при Павлѣ (см. Кн. Шт. Военн., стр. 20). О четвертомъ, пѣшемъ, полкѣ законъ 1771 г. вовсе не упоминаетъ; мы думаемъ, что онъ стоялъ по Самарской линіи, которая въ то время имѣла уже меньшее значеніе и на которой сверхъ Самары была лишь одна крѣпость—Бузулуцкая (см. Кн. Шт. Военн., 285).

[4]) Если не видѣть нѣкотораго намека на разнородность ея въ томъ, что въ упомянутой выдержкѣ говорится лишь о сборахъ съ „иновѣрцевъ и бобылей", а не съ „служилыхъ людей дѣтей".

Digitized by Google

Разсмотримъ дальнѣйшую судьбу каждой изъ этихъ категорій, при чемъ начнемъ съ двухъ послѣднихъ, неположенныхъ въ окладъ.

Къ сожалѣнію, мы въ дальнѣйшемъ законодательствѣ никакихъ прямыхъ данныхъ объ этихъ двухъ категоріяхъ не находимъ, и должны по этому удовольствоваться косвенными. Эти данныя, какъ мы думаемъ, слѣдуетъ искать среди тѣхъ свѣдѣній, которыя дошли до насъ объ отставныхъ поселенныхъ солдатахъ. Дѣло въ томъ, что, какъ заставляютъ насъ думать всѣ признаки, въ послѣдней четверти XVIII в., а особенно въ самомъ концѣ его, служилыхъ людей двухъ разсматриваемыхъ нами категорій смѣшивали съ отставными поселенными солдатами. Такое смѣшеніе вполнѣ понятно, такъ какъ между обѣими группами дѣйствительно было несомнѣнное сходство. Послѣднее заключалось въ томъ, что вѣдь у служилыхъ людей этихъ двухъ категорій дóма, т. е. не на службѣ, находились только отставные и ихъ „недоросли" или „малолѣтки", другими словами только неспособные къ службѣ вслѣдствіе молодости или старости. Въ силу поголовнаго характера службы всѣ остальные находились въ полкахъ. Такимъ образомъ, при всемъ глубокомъ генетическомъ различіи получалось большое внѣшнее сходство съ отставными поселенными солдатами. Поэтому и въ законодательствѣ эти служилые люди иногда трактовались совмѣстно съ послѣдними [1]). Въ особенности это слѣдуетъ сказать о законѣ 3 XII 1786 г.,

[1]) См. напр. указъ 3 XII 1786, 16.467. Въ приводимомъ здѣсь рапортѣ Уфимскаго и Симбирскаго генералъ-губернатора бар. Игельстрома сообщается, что въ Уфимскомъ нам. общее число отставныхъ составляло 3438, а ихъ дѣтей 5904. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако эти отставные распадались на слѣдующія категоріи:

	Отставные.	Ихъ дѣти.
Отставные изъ неположенныхъ въ подушный окладъ солдатскихъ дѣтей	1.936	2.922
Отставные изъ казачьихъ дѣтей	1	—
Отставные изъ церковниковъ	4	—
Отставные изъ рекрутъ достаточныхъ (?) изъ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ	465	213
Отставные изъ дѣтей пушкарскихъ	13	—
„ „ „ подьяческихъ	1	—
Отставные изъ Смоленскаго шляхетства	185	135
„ „ польскихъ плѣнныхъ конфедератовъ	12	—
„ „ монастырскихъ служителей	1	—
Отставные поселенные изъ гвардейскихъ полковъ	820	2.634
Итого	3.438	5.904

Затѣмъ къ этимъ категоріямъ рапортъ Игельстрома присоединяетъ еще слѣдующія:

Digitized by Google

привлекшемъ поселенныхъ въ Уфимскомъ нам. отставныхъ солдатъ къ подушному обложенію и къ рекрутской повинности: этотъ законъ касался и прежнихъ службъ служилыхъ людей, которыхъ онъ вмѣстѣ съ дѣтьми предписывалъ удовольствовать землями, съ положеніемъ въ равный съ государственными крестьянами подушный окладъ. При этомъ, однако, живущихъ въ городахъ имъ было предписано причислить „въ мѣщане и цехи, кто въ какое состояніе самъ пожелаетъ", съ взятіемъ съ нихъ рекрутъ по общимъ правиламъ наравнѣ съ другими [1]). Между тѣмъ мы уже знаемъ, что названный законъ 1786 г. по отношенію къ отставнымъ поселеннымъ солдатамъ примѣнялся недолго и что уже указомъ 23 I 1789 г. они опять были освобождены и отъ подушнаго оклада, и отъ рекрутской повинности [2]). Хотя въ этомъ указѣ о служилыхъ людяхъ и не упоминается, однако мы думаемъ, что и онъ распространялся на разсматриваемыя въ настоящее время категоріи ихъ, ибо, какъ мы увидимъ ниже, эти категоріи до 1816 г. были изъяты отъ обложенія. Но если это такъ, то дѣйствительно можно сказать, что обѣ категоріи слились: обѣ были изъяты отъ подушнаго оклада, обѣ должны были поголовно служить по 15 лѣтъ, за исключеніемъ одного сына, оставляемаго при отцѣ для хлѣбопашества; въ обѣихъ служащіе, по возвращеніи со службы, получали землю; для обѣихъ была введена регистрація дѣтей мужского пола.

	Изъ однодворцевъ.		Изъ пахатныхъ солдатъ.		Изъ старыхъ службъ солдатскихъ дѣтей.	
	Отст.	ихъ дѣтей.	Отст.	ихъ дѣтей.	Отст.	ихъ дѣтей.
По Бузулуцкой округѣ.....	6	15	70	137	—	—
По Сергіевской округѣ	2	8	—	—	362	1.092
Итого........	8	18	70	137	362	1.092

Общая сумма для всѣхъ составляетъ 11.029. Такимъ образомъ здѣсь къ отставнымъ отнесены не только поселенные отставные, число которыхъ составляло лишь 3454, но и разные служилые люди. Да и самый законъ, изданный по поводу рапорта Игельстрома, касался и тѣхъ и другихъ.

[1]) Указъ 3 XII 1786, 16.467.

[2]) Указъ 23 I 1789, 16.741. Какъ сообщаетъ „Топографическое описаніе Оренбургской губ." (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 312, рук.), согласно указу Сената 20 VI 1783 г. отставнымъ (рѣчь идетъ только объ Оренбургской губ.) была произведена особая перепись, при чемъ „оказалось старыхъ службъ изъ солдатскихъ дѣтей, содержащихъ прежде сего ландмилицію": такъ какъ они по пунктамъ 1763 г. о ландмилиціи подлежали положенію въ окладъ, то Сенатъ (здѣсь очевидно имѣется въ виду приводимый въ текстѣ указъ 1786 г.) предписалъ, чтобы среди нихъ, для сравненія съ однодворцами, живущіе въ городахъ были написаны въ мѣщанство, а поселяне — въ число государственныхъ крестьянъ.

Digitized by Google

Если мы затѣмъ заглянемъ въ цифровыя данныя гос. окладныхъ книгъ, то въ нихъ мы никакихъ свѣдѣній о разсматриваемыхъ здѣсь двухъ категоріяхъ не найдемъ. Однако, если сказанное въ предыдущемъ изложеніи справедливо, то эти свѣдѣнія мы должны искать среди данныхъ объ отставныхъ поселенныхъ солдатахъ. И въ самомъ дѣлѣ, уже самый бѣглый обзоръ цифръ гос. окладныхъ книгъ объ этихъ солдатахъ показываетъ, что этотъ путь долженъ быть признанъ правильнымъ. Дѣйствительно, мы видѣли, что въ 1786 г. общее число отставныхъ Уфимскаго нам. составляло 11.029, изъ коихъ на долю поселенныхъ отставныхъ приходилось лишь 3454 души [1]). По пятой ревизіи, согласно даннымъ гос. окладныхъ книгъ, число отставныхъ составляло около 10.500 [2]). Думать, что съ четвертой до пятой ревизіи численность поселенныхъ отставныхъ выросла съ 3454 до 10.500, конечно, нельзя. Отсюда выводъ, что въ это число входили и разсматриваемые нами здѣсь служилые люди [3]). Но въ этомъ убѣждаетъ насъ и болѣе детальный анализъ данныхъ пятой ревизіи [4]). Въ самомъ дѣлѣ, изъ цифръ, приведен-

---

[1]) См. выше стр. 200 прим. [1]).

[2]) Въ гос. окладной книгѣ 1797 г.—10.695, въ книгѣ 1806 г.—10.471. Согласно обѣимъ книгамъ они отнесены къ неположеннымъ въ окладъ, при чемъ книга 1797 г. прямо ссылается по этому поводу на указъ 23 I 1789, 16.741: послѣднее обстоятельство между прочимъ служитъ подтвержденіемъ нашего взгляда, что этотъ указъ распространялся и на разсматриваемыя нами здѣсь категоріи служилыхъ людей.

[3]) Чѣмъ объяснить сокращеніе числа ихъ съ 11.029 до 10.695 и 10.471,—мы не беремся рѣшать. Быть можетъ, это объясняется тѣмъ, что въ первую цифру входили и такіе отставные, которые въ цифры 1797 и 1806 гг. не вошли.

[4]) Вотъ данныя по уѣздамъ.

	Гос. окладныя книги.		В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 312.	
Уѣзды:	1797.	1806.	м. п.	ж. п.
Белебеевскій	36	—	—	—
Бирскій	372	363	389	299
Бугульминскій	3.205	4.378	—	—
Бугурусланскій	886	—	—	—
Бузулукскій	1.193	2.879	2.796	3.103
Верхнеуральскій ...	201	197	285	266
Мензелинскій	1.549	1.527	1.566	1.876
Оренбургскій	193	192	202	177
Сергіевскій	2.107	—	—	—
Стерлитамакскій ...	27	27	106	120
Троицкій	159	157	217	178
Уфимскій	437	427	467	476
Челябинскій	330	324	330	383
Итого	10.695	10.471	6.356	6.878

Digitized by Google

ныхъ въ примѣчаніи, мы видимъ, что главная масса „отставныхъ“ приходилась на уѣзды, служившіе мѣстомъ поселенія служилыхъ людей, комплектовавшихъ ландмилицкіе полки: Бузулукскій, Бугульминскій, Бугурусланскій и Сергіевскій. Затѣмъ слѣдуютъ тѣ уѣзды, служилыми людьми которыхъ комплектовались Оренбургскій и Уфимскій полки: Бирскій, Мензелинскій и Уфимскій. Правда, что къ нѣкоторымъ изъ этихъ уѣздовъ отошла часть поселенныхъ въ Казанской губ. отставныхъ: но послѣдніе, какъ мы уже видѣли, не могли быть многочисленны. Итакъ, мы приходимъ къ выводу, что неположенные въ окладъ служилые люди, комплектовавшіе два ландмилицкихъ и два гарнизонныхъ полка, въ 1786 г. были привлечены къ подушному обложенію и рекрутской повинности, что въ 1789 г. они были освобождены отъ того и другого съ возстановленіемъ прежняго положенія и что при этомъ они слились съ поселенными отставными и ихъ потомками, почему при пятой ревизіи данныя о тѣхъ и другихъ приводились нераздѣльно [1]).

Эти данныя показываютъ, что отставные солдаты упраздненныхъ уѣздовъ перешли къ Бузулуцкому и Бугульминскому уу. Данныя послѣднихъ двухъ графъ заимствованы изъ „Топографическаго описанія Оренбургской губ.“ (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 312, рук.), которое относится ко времени отъ 1797 до 1800 г. Они близко сходятся съ данными гос. окладной книги за 1806 г., съ тѣмъ лишь исключеніемъ, что въ нихъ упущены свѣдѣнія по Бугульминскому у. (въ подлинникѣ итоги сведены невѣрно, а именно 6486 для м. п. и 7095 для ж. п.). И при описаніи отдѣльныхъ уѣздныхъ городовъ среди жителей послѣднихъ (въ томъ числѣ и Бугульмы) въ этомъ „Топогр. опис.“ названы—и притомъ по б. ч. на первомъ мѣстѣ—отставные солдаты. Какъ казаки, такъ и отставные солдаты—согласно „Топогр. описанію“—при пятой ревизіи были подвергнуты переписи, но только для свѣдѣнія. Любопытно, что согласно этому же „Топогр. описанію“ жившіе въ Оренбургской губ. „казаки, также и поселенные здѣсь отставные солдаты, какъ народъ военный, хотя и упражняются первые на хуторахъ своихъ, а другіе въ селеніяхъ, въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ, однакожъ по б. ч. дѣлаютъ то наймомъ“...

[1]) Спеціальное упоминаніе о какой-либо изъ группъ Оренбургскихъ служилыхъ людей, не положенныхъ въ окладъ, мы съ 1750-ыхъ гг. встрѣчаемъ въ П. С. З. лишь одинъ разъ. А именно въ указѣ 11 II 1787, 16.504 сообщается судьба 43 дѣтей бѣлопахатныхъ солдатъ Мензелинской городовой роты: по желанію отцовъ своихъ они были записаны въ мѣщанство „въ слѣдствіе указа Сената“ и положены въ окладъ; между тѣмъ послѣ этого правящій должность Оренбургскаго ген.-губернатора опредѣлилъ ихъ въ Оренбургскіе полевые баталіоны. Однако, Сенатъ 8 X 1786 г. предписалъ этихъ дѣтей, „такъ какъ единожды навсегда въ окладъ поступившихъ,.... оставить въ нынѣшнемъ ихъ состояніи“, такъ какъ „и выключка.... изъ оклада зависитъ единственно отъ Выс. власти“, „а для наполненія Оренбургскихъ баталіоновъ требовать людей отъ военной коллегіи“. Изъ этого постановленія мы между прочимъ видимъ, что въ то время Мензелинскими старыхъ службъ служилыми людьми комплектовались уже другія воинскія части, чѣмъ прежде.

Digitized by Google

Въ 1797 г. было повелѣно, чтобы дѣтьми поселенныхъ пахотныхъ солдатъ комплектовались полки Оренбургской инспекціи. Когда затѣмъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв. регулярныя войска были выведены изъ Оренбургскаго края на западную границу, тогда какъ одновременно съ этимъ усилились и „хищничества“ киргизъ-кайсаковъ, то для защиты линіи, сверхъ перевода на нее казаковъ изъ внутреннихъ кантоновъ, было предписано образовать и поселить на ней четыре новыхъ баталіона подъ именемъ линейнымъ Оренбургскихъ баталіоновъ (1-го, 2-го, 3-го и 4-го). Эти новые баталіоны было предписано укомплектовать отставными, уволенными отъ полевой службы, далѣе рекрутами предстоявшаго въ 1805 г. набора и, наконецъ, дѣтьми поселенныхъ пахотныхъ солдатъ, съ тѣмъ только, „чтобы при отцахъ оставалось всегда по одному сыну для размноженія въ настоящемъ ихъ пребываніи хлѣбопашества“ [1]).

Скажемъ нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ разсматриваемыхъ нами категорій населенія. Прежде всего въ 1837 г. названные нами четыре поселенныхъ Оренбургскихъ линейныхъ баталіона вмѣстѣ съ ихъ семьями были переведены съ старой линіи на вновь учрежденную въ 1835 г. новую линію съ зачисленіемъ ихъ въ казаки [2]). Еще ранѣе того, въ 1816 г. былъ изданъ законъ, коимъ предписывалось положить въ окладъ наравнѣ съ государственными крестьянами (съ привлеченіемъ ихъ къ отбыванію рекрутской повинности) пахотныхъ солдатъ съ ихъ дѣтьми въ губ. Казанской, Симбирской и Оренбургской, отставныхъ солдатъ съ ихъ дѣтьми, поселенныхъ въ разныхъ частяхъ Россіи, и надѣленныхъ землею пушкарскихъ дѣтей въ Оренбургской губ. [3]). Однако, уже въ 1818 г. сборъ податей и рекрутъ съ этихъ лицъ былъ пріостановленъ; что касается спеціально пахотныхъ солдатъ, поселенныхъ въ Оренбургской губ. подъ именемъ солдатскихъ малолѣтковъ и пушкарскихъ дѣтей, то министръ финансовъ въ 1826 г. предлагалъ ихъ

---

[1]) Извлеч. изъ инстр. Оренбургскому военному губернатору 16 IX 1803, 20.938, Выс. утв. правила 19 VIII 1804, 21.426 и указъ 28 XI 1804, 21.533. Новые баталіоны должны были быть поселены: первый — по Верхнеозерной дист., второй — по Орской, третій—по Верхнеуральской и четвертый—по Троицкой (ср. указъ 19 VIII 1807, 22.592). Ихъ предписывалось „заохочивать къ заведенію по крѣпостямъ домовъ, а на прилежащихъ земляхъ хлѣбопашества, скотоводства и прочаго хозяйства“, при чемъ они должны были получить для этой цѣли вспомоществованіе отъ казны.

[2]) „Списки населенныхъ мѣстъ“, Оренбургская губ., Спб. 1871, стр. LIV и LXXIX; *Стариковъ*, Откуда взялись казаки, 147—9 и 151—2. См. также т. I наст. сочиненія, стр. 178.

[3]) Указъ 26 VII 1816, 26.376.

Digitized by Google

все же положить въ окладъ, тогда какъ Оренбургскій военный губернаторъ Эссенъ совѣтовалъ причислить ихъ къ Оренбургскому казачьему войску. По этому поводу въ томъ же 1826 г. было повелѣно приписать изъ нихъ къ Оренбургскому войску 1927 челов.[1]) (общее число ихъ составляло по седьмой ревизіи 13.398 душъ)[2]), объ остальныхъ же дѣло было отложено и такъ и оставалось неразрѣшеннымъ до 1831 г., когда и ихъ было повелѣно причислить къ Оренбургскимъ казакамъ, при чемъ однако значительная часть ихъ оставалась жить въ уу. Бузулуцкомъ, Бугульминскомъ и Мензелинскомъ, откуда они, въ числѣ 1892 семей и 7109 душъ м. п., только въ 1842 г. были переселены на Оренбургскую линію. Здѣсь они были поселены гл. обр. въ т. наз. Новолинейномъ районѣ[3]).

Обратимся теперь къ первой категоріи служилыхъ людей, т. е. къ тѣмъ, которые были положены въ подушный окладъ и для которыхъ комплектованіе двухъ ландмилицкихъ полковъ служило лишь замѣной рекрутской повинности. При упомянутой нами выше реформѣ 1764 г. обязанность комплектовать ландмилицкіе полки была оставлена на нихъ попрежнему. Долженъ ли былъ при этомъ на нихъ распространяться 15-лѣтній срокъ службы, установленный реформою 1764 г. для украинскихъ однодворцевъ, остается неяснымъ[4]). Впрочемъ, мы думаемъ, что и для разсматриваемой здѣсь категоріи служилыхъ людей срокъ службы былъ установленъ 15-лѣтній, и въ этомъ насъ убѣждаетъ слѣдующее обстоятельство. Когда манифестомъ 1787 г. было предписано всѣхъ уволенныхъ или имѣющихъ впредь быть уволенными въ отставку лицъ, прослужившихъ не менѣе 25 лѣтъ, освобождать отъ всякихъ личныхъ податей, то въ Уфимской губ. оказалось 225 государственныхъ крестьянъ, которые были положены въ подушный окладъ и на кото-

[1]) Изъ нихъ 142 души были причислены къ казачьему атаманскому полку, а 1785 душъ, жившихъ уже по линіи,—къ разнымъ казачьимъ станицамъ.

[2]) Изъ нихъ отставныхъ солдатъ 4217, малолѣтковъ 9181. У *Старикова*, Истор.-статист. очеркъ, стр. 97, приведена цифра 13.334.

[3]) *Стариковъ*, тамъ же, 97 и слѣд. и 109. *Его же*. Откуда взялись казаки, 184—7. „Списки насел. мѣстъ“, Оренбургская губ., 1871, стр. LIV и LXXIX (въ послѣднемъ сочиненіи они фигурируютъ подъ именемъ бѣлопахотныхъ солдатъ и ихъ малолѣтковъ). См. также т. I наст. сочиненія, стр. 178 и Архивъ Деп. Окл. Сбор., дѣло № 79 „о податяхъ и повинностяхъ съ отставныхъ пахотныхъ солдатъ“, часть I. Это громадное дѣло (802 листа) заключаетъ въ себѣ богатый матеріалъ по исторіи отставныхъ поселенныхъ солдатъ и неположенныхъ въ окладъ старыхъ службъ служилыхъ людей за эпоху съ 1816 по 1831 годъ.

[4]) П. 11 закона устанавливаетъ этотъ срокъ лишь для „помянутыхъ однодворцевъ“ (т. е. Украинскихъ).

Digitized by Google

рыхъ распространялось дѣйствіе этого манифеста: очевидно, что это все были отставные прежнихъ службъ служилые люди, послѣ отставки положенные въ окладъ [1]). Другой не совсѣмъ ясный вопросъ — это вопросъ о высотѣ лежавшихъ на нихъ сборовъ. Въ 1760 г. 40-коп. сборъ былъ повышенъ для государственныхъ и т. д. крестьянъ, кромѣ „однодворцевъ, содержащихъ ландмилицію" и нѣкоторыхъ другихъ категорій. Такъ какъ, однако, наше законодательство того времени кажется нигдѣ, кромѣ двухъ приведенныхъ выше случаевъ [2]), не называетъ лицъ, комплектующихъ и содержащихъ закамскіе полки, однодворцами, то мы думаемъ, что это повышеніе коснулось и ихъ [3]). Въ справедливости этого предположенія насъ убѣждаетъ и то обстоятельство, что законъ 1764 г., говоря о повышеніи 40-коп. сбора до 1 р., имѣетъ въ виду лишь однодворцевъ, содержащихъ *украинскіе* ландмилицкіе полки, для лицъ же, содержащихъ закамскую ландмилицію, предписываетъ, какъ мы видѣли изъ приведенной выше выдержки, оставить прежніе сборы. Но если повышеніе 1760 г., какъ мы думаемъ, коснулось и лицъ, содержавшихъ закамскую ландмилицію, то повышеніе 1768 г. (съ 1 р. до 2 р.) на нихъ не распространялось. Это видно изъ того, что повышеніе это было предписано для разныхъ категорій крестьянъ, „окромѣ содержащихъ ландмилицію, отъ коихъ она и рекрутами комплектуется". Здѣсь, такимъ образомъ, законъ имѣетъ въ виду всѣхъ содержащихъ ландмилицію, а не только однодворцевъ [4]). Подтвержденіе нашего взгляда мы находимъ еще и въ слѣдующемъ обстоятельствѣ: въ 1782 г. въ Казанскомъ нам. оказалось 1156 душъ однодворцевъ и пахотныхъ солдатъ, а въ Симбирскомъ—22.860 душъ однодворцевъ, пахотныхъ солдатъ и прежнихъ службъ служилыхъ людей, которые всѣ состояли лишь въ рублевомъ окладѣ. Между тѣмъ первые, Казанскіе, не содержали ландмилиціи, а о вторыхъ, Симбирскихъ [5]), въ полученныхъ въ С.-Петербургѣ вѣдомостяхъ не было обозначено, содержали ли они ее или нѣтъ. По поводу этого Сенатъ разъяснилъ, что согласно указу 1768 г. отъ добавочнаго (второго) рубля должны

---

[1]) Маниф. 28 VI 1787, 16.551 и указъ 22 V 1788, 16.670. Любопытно, что, какъ разъяснилъ законъ 1788 г., эта свобода не распространялась на записавшихся въ мѣщанство (указъ 22 V 1788, 16.670).

[2]) См. выше, стр. 181 прим. 4; оба приведенныхъ здѣсь случая относятся къ 1730-ымъ гг.

[3]) Указъ 13 X 1760, 11.120.

[4]) Указъ 13 XI 1768, 13.194.

[5]) Напомнимъ здѣсь, что Симбирская губ. первоначально входила въ составъ Казанской.

Digitized by Google

быть свободны всѣ тѣ изъ названныхъ категорій людей, которые содержатъ ландмилицію; остальные же должны быть къ нему привлечены наравнѣ съ государственными и т. д. крестьянами [1]). Предписаный въ 1764 г. пятилѣтній срокъ набора для закамскихъ полковъ — по крайней мѣрѣ въ 1760-ыхъ гг. — не соблюдался. Въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ 1768 г., когда этотъ срокъ приближался, обнаружилось, что недавно предъ этимъ было произведено укомплектованіе этихъ полковъ, и что они состоятъ почти въ полномъ комплектѣ, почему въ новомъ наборѣ, надобности не оказалось [2]). Наконецъ, указъ 1783 г. уравнялъ всѣхъ государственныхъ крестьянъ, въ томъ числѣ и содержавшихъ ландмилицію, обложивъ ихъ 3-рублевымъ сборомъ. Но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ подвергъ однодворцевъ рекрутскимъ наборамъ на общемъ основаніи, сохранивъ для нихъ лишь 15-лѣтній срокъ службы, для остальныхъ сословій тогда еще безсрочной. О лицахъ, содержавшихъ закамскую ландмилицію, названный законъ вовсе не упоминаетъ [3]). Тѣмъ не менѣе и эти лица должны были быть положены въ равный съ государственными крестьянами окладъ, какъ мы узнаемъ изъ указа 12 III 1786 г.: послѣдній предписалъ Казанской, Симбирской, Уфимской, Пермской, Тобольской и Иркутской каз. палатамъ, чтобы всѣ состоящіе въ ихъ вѣдомствѣ старыхъ службъ служилые люди, еще не обложенные податями согласно указу 1783 г., были обложены ими наравнѣ съ государственными крестьянами [4]). Затѣмъ въ 1787 г. было предписано, чтобы и рекруты брались съ нихъ наравнѣ съ прочими поселянами [5]). Былъ ли, однако, для нихъ установленъ 15-лѣтній срокъ службы, или нѣтъ, мы не знаемъ [6]).

---

[1]) Указъ 29 IV 1782, 15.388.

[2]) Указъ 10 X 1768, 13.175. До 1747 г. съ положенныхъ въ окладъ старыхъ службъ служилыхъ людей на комплектованіе ландмилицкихъ полковъ въ среднемъ бралось приблизительно по 1 чел. съ 100 душъ въ годъ (см. указъ 5 V 1747, 9399). См. также заимствованныя у *В. И. Семевскаго* данныя, приведенныя выше, стр. 198, прим. 3.

[3]) Указъ 3 V 1783, 15.723.

[4]) Указъ 12 III 1786 г. цитированъ въ указѣ 3 VI 1787, 16.546. Также и указъ 3 XII 1786, 16.467 предписалъ „прежнихъ службъ служилыхъ людей самихъ и съ дѣтьми ихъ, удовольствовавъ землями, положить въ *равный* со всѣми государственными поселянами окладъ, а жительствующихъ по городамъ причислить въ мѣщане и цехи, кто въ какое состояніе самъ пожелаетъ". Такимъ образомъ, здѣсь рѣчь шла о всѣхъ старыхъ службъ служилыхъ людяхъ названныхъ губерній: однако мы изъ предыдущаго изложенія уже знаемъ, что послѣ этого (въ 1789 г.) часть прежнихъ службъ служилыхъ людей на востокѣ была вновь исключена изъ оклада.

[5]) Указъ 3 VI 1787, 16.546.

[6]) На численности разсматриваемой здѣсь категоріи служилыхъ людей мы остановимся при изученіи численности украинскихъ однодворцевъ.

Digitized by Google

III. Оренбургское казачье войско.

Важнымъ элементомъ заселенія Оренбургскаго края—на ряду съ служилыми людьми, разсмотрѣнными нами въ предыдущемъ очеркѣ,—явилось Оренбургское казачье войско. Послѣднее образовалось изъ цѣлаго ряда составныхъ частей, которыя первоначально вели самостоятельное существованіе и лишь впослѣдствіи слились въ одно цѣлое. Каковы были эти части и какъ произошло ихъ сліяніе?

Еще съ самаго начала Оренбургской экспедиціи у руководителя ея Кирилова существовало намѣреніе создать для заселенія и обороны Оренбургскихъ крѣпостей иррегулярныя воинскія части. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже извѣстная намъ табель (см. выше, стр. 170), представленная Кириловымъ въ концѣ 1736 г. Кабинету и сообщенная намъ Рычковымъ [1]). Здѣсь мы находимъ списокъ крѣпостей, которыя въ то время существовали въ Оренбургскомъ краѣ, и тѣхъ войскъ, которыя въ нихъ должны были быть помѣщены. Согласно этой табели въ однѣхъ 13 крѣпостяхъ, расположенныхъ отъ Самары до Оренбурга (Орска), Кириловъ считалъ нужнымъ поселить 3.000 казаковъ; насколько, однако, правительство въ то время нуждалось въ людяхъ для заселенія этихъ новыхъ крѣпостей, видно изъ того, что изъ этихъ 3.000 казаковъ налицо было только 455 чел. (кромѣ того 424 чел. казаковъ находилось въ крѣпостяхъ Табынской и Красноуфимской). Правда, что впослѣдствіи правительство помѣстило въ названныхъ Самарскихъ крѣпостяхъ гораздо меньшее число казаковъ, чѣмъ то, которое представлялось необходимымъ Кирилову, но зато число крѣпостей въ другихъ частяхъ края значительно увеличилось. Если мы возьмемъ данныя Рычкова, относящіяся ко времени около 1760 г., то увидимъ, что въ это время въ отдѣльныхъ частяхъ Оренбургскаго края находилось слѣдующее число казаковъ:

Самарская дистанція	650	чел. [2]).
Нижнеяицкая „	150	„ [3]).
Красногорская „	100	„ [4]).

---

[1]) Ист. Ор., I, 219.

[2]) 100 чел. въ Самарѣ, 100—въ Алексѣевскѣ, 100—въ Мочинской Слободѣ и по 50 чел. въ каждой изъ отдѣльныхъ крѣпостей Самарской линіи (*Рычковъ*, Топ. Ор., II, 123).

[3]) Не считая крѣпости Нижнеозерной, для которой численность казаковъ не приведена.

[4]) Кромѣ служившихъ казачью службу башкиръ дер. Канчурина.

Digitized by Google

Орская дистанція		50	чел.
Уйская „		—	„
Уфимская провинція		2009	„
Исетская „		1476	„
Ставрополь		100	„
	Итого........	4535	„ [1]).

Такимъ образомъ, общее число казаковъ въ Оренбугскомъ краѣ около 1760 г. составляло 4.535 чел., при чемъ въ эту сумму, кромѣ крѣпости Нижнеозерной, не вошли также и казаки города Оренбурга, о которыхъ свѣдѣній нѣтъ. Спрашивается: кѣмъ было заполнено это число? Далѣе, изъ кого составились тѣ 879 чел., которые, согласно даннымъ Кирилова, уже были налицо въ 1736 г.? Отвѣтъ на эти вопросы составитъ содержаніе дальнѣйшаго изложенія. Въ немъ мы постараемся послѣдовательно разсмотрѣть всѣ тѣ элементы, изъ которыхъ составилось Оренбургское казачье войско.

1. *Самарскіе казаки.* Какъ и всѣ города на окраинахъ, Самара первоначально была заселена служилыми людьми: по свидѣтельству Рычкова послѣдніе состояли здѣсь изъ 33 дворянъ, 65 иноземцовъ и 200 казаковъ [2]). Съ основаніемъ приг. Алексѣевска (1700) въ немъ также было помѣщено 100 казаковъ [3]). Съ постройкой новой закамской линіи всѣ эти служилые люди были переданы въ ея вѣдомство, при чемъ они были подвергнуты переписи. Согласно послѣдней число дѣйствительно служащихъ оказалось: дворянъ 18, иноземцевъ 15, казаковъ 335, итого 368 чел. Затѣмъ былъ составленъ штатъ, по которому они были раздѣлены: казаки на 4 роты, дворяне на 2 (по 100 чел. въ ротѣ) [4]).

---

[1]) Всѣ эти данныя взяты у *Рычкова*, Топ. Ор., passim. На Уйской линіи казаковъ не было; по словамъ *Старикова*, туда ежегодно командировались Исетскіе казаки (Истор.-статист. очеркъ, стр. 72). По приводимымъ *Витевскимъ* даннымъ Тургайскаго архива, въ моментъ начатія башкирскаго бунта 1755 г. число казаковъ составляло въ Оренбургѣ 1094, а въ Оренбургскомъ краѣ 3.782 чел. (стр. 861, прим. g.).

[2]) *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 104.

[3]) Тамъ же, 108—9.

[4]) *Стариковъ*, Истор.-статист. очеркъ, стр. 38—9. Предписаніе образовать изъ дворянъ 2 роты (приводя его, Стариковъ ссылается на дѣло войсковой (?) канцеляріи 1735 г., № 3) противорѣчитъ указу 24 IV 1735, 6726, повелѣвавшему „въ Самарѣ и въ Алексѣевску.... быть *одной* дворянской ротѣ въ числѣ 100 чел.", въ каковое число предписывалось „приверстать закомплектныхъ дворянскихъ и иноземческихъ дѣтей 33 чел., а достальныхъ набрать и впредь на убылыя мѣста опредѣлять изъ недорослей, ихъ же дворянскихъ и иноземческихъ дѣтей".

Digitized by Google

Между тѣмъ съ постройкой новыхъ Оренбургскихъ крѣпостей эти служилые люди оказывались уже болѣе ненужными въ мѣстѣ ихъ пребыванія, почему Татищевъ и рѣшилъ воспользоваться ими для заселенія нижняго теченія Яика. Этотъ планъ, на которомъ мы подробнѣе остановимся ниже, въ 1739 г. былъ утвержденъ Кабинетомъ [1]), но затѣмъ при Неплюевѣ былъ оставленъ, вмѣсто чего съ 1743 г. защита нижняго Яика была возложена на Яицкое войско [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, было предписано перевести Самарскихъ и Алексѣевскихъ дворянъ и казаковъ въ Оренбургъ [3]), при чемъ, какъ сообщаетъ Рычковъ, Алексѣевскіе казаки были замѣнены другими, а въ Самару было переведено 100 чел. изъ упраздненной татарской Мочинской слободы [4]). Кромѣ того казачью службу должны были отбывать (безъ жалованія) 100 чел. татаръ новой Мочинской слободы [5]).

2. *Уфимскіе казаки.* Еще до Оренбургской экспедиціи въ г. Уфѣ имѣлись казаки въ числѣ 300 чел.: изъ нихъ половина была взята Кириловымъ въ Оренбургъ, а половина оставлена въ Уфѣ [6]). Затѣмъ въ теченіе 1735 и 1736 гг. въ Уфимскомъ краѣ были построены четыре крѣпости: Ельдяцкая, Красноуфимская, Табынская и Нагайбацкая. Ко времени около 1760 г. въ первыхъ трехъ изъ этихъ крѣпостей, по даннымъ Рычкова, состояло 500 казаковъ, которые уже должны были быть набраны изъ новыхъ элементовъ [7]).

---

[1]) Указъ 21 I 1739, 7735.

[2]) Указъ 11 IV 1743, 8720. Въ ноябрѣ 1743 г. число казаковъ въ Самарѣ составляло 314 (см. докладъ Татищева отъ 31 XI 1743 г. у *Н. Попова*, Татищевъ и его время, М., 1861, стр. 647).

[3]) *Рычковъ*, Ист. Ор., I, 495 (здѣсь сообщается, что объ этомъ переводѣ въ Оренбургъ представлялъ еще Соймоновъ), а также II, 29—30, 104 и 108.

[4]) Указъ 28 IX 1747, 9444 также упоминаетъ о казакахъ, „переведенныхъ на Самарскую дистанцію изъ прежде бывшей Мочинской крѣп.“ (число ихъ составляло по даннымъ этого указа 135).

[5]) *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 104—5 и 108—9. Среди Самарскихъ казаковъ, также какъ и среди Уфимскихъ, были дворяне, и на ихъ потомковъ также распространялось приведенное нѣсколько ниже (прим. 7) постановленіе закона 8 VI 1803, 20.786.

[6]) П. 4 проекта Кирилова и п. 6 резолюціи на него 1 V 1734, 6571; *Рычковъ*, Ист. Ор., I, 115 и 125. Вѣроятно въ Уфѣ въ началѣ Оренбургской экспедиціи было больше 300 казаковъ, такъ какъ согласно табели, представленной Кириловымъ въ Кабинетъ 27 X 1736 г., сверхъ 150 чел., взятыхъ въ Оренбургъ, 24 было помѣщено въ крѣпости Озерной.

[7]) Топ. Ор., II, 209—213. Среди вошедшихъ въ составъ Оренбургскаго казачьяго войска служилыхъ людей „дворянскихъ и иноземческихъ ротъ“ г. Уфы были также и дворяне. Законъ 8 VI 1803, 20.786 постановилъ, что ихъ потомки, если они докажутъ дворянство, пріобрѣтаютъ дворянскія права и поэтому могутъ по желанію оставаться въ войскѣ или выйти изъ него.

Digitized by Google

Что же касается казаковъ Нагайбацкой крѣпости, то они занимали особое положеніе. Жители этой крѣпости, основанной въ 1736 г., и ея окрестностей можно было въ то время раздѣлить на двѣ категоріи: крещеныхъ и некрещеныхъ. Первые по своему происхожденію представляли изъ себя пеструю смѣсь національностей; первоначальное ядро ихъ состояло изъ магометанъ и язычниковъ, принявшихъ (хотя чисто формально) крещеніе еще при Іоаннѣ Грозномъ; затѣмъ съ теченіемъ времени къ нимъ присоединяли всѣхъ желавшихъ креститься выходцевъ изъ киргизскаго плѣна, къ каковымъ принадлежали лица самыхъ разнообразныхъ національностей (персіяне, арабы, авганцы и т. д. [1]). Всѣ эти крещеные жители крѣпости и окружающихъ ея деревень жили на башкирскихъ земляхъ, платя за нихъ оброкъ; въ казну же они платили ясакъ. Однако, въ 1736 г. за вѣрность во время башкирскаго бунта они были освобождены отъ ясака, а земли были даны имъ въ собственность. Вмѣстѣ съ тѣмъ они были обращены въ казаковъ [2]): а именно, кажется, еще при Кириловѣ 261 чел. изъ нихъ были размѣщены въ качествѣ таковыхъ по Оренбургскимъ крѣпостямъ [3]); во время Рычкова они состояли уже въ числѣ 1.359 казаковъ. Эти казаки отбывали службу за землю [4]); жалованіе, провіантъ и фуражъ они получали лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ командировали далѣе 100 в. отъ ихъ жилищъ. Таковы были крещеные жители Нагайбацкой крѣпости и ея окрестностей. Замѣтимъ уже здѣсь, что они въ 1840-хъ гг. изъ третьяго кантона Оренбурскаго войска, въ который они тогда входили въ числѣ 1.250 душъ, были переведены въ Верхнеуральскій у. Оренбургской губ., гдѣ были поселены во вновь основанныхъ между

---

[1]) *Рычковъ*, Топ. Ор., I, 190—2. Этихъ выходцевъ кромѣ того селили и въ Ставропольскомъ вѣдомствѣ. См. тамъ же, II, 118.

[2]) Слѣдующее постановленіе указа 11 II 1736, 6890, п. 12 касается, безъ сомнѣнія, именно этихъ „Нагайбаковъ“: „Уфимскихъ новокрещеныхъ, за ихъ вѣрную службу, опредѣлить въ службу казацкую, и служить имъ по Мензелинску и по строющимся новымъ городкамъ въ вершинахъ Ицкихъ и между Уфы и Мензелинска, а ясакъ съ нихъ снять“.

[3]) Изъ нихъ 241—въ Табынскѣ, 19—въ Бузулуцкой крѣпости, а 1 въ таблицѣ пропущенъ. См. табель, представленную Кириловымъ въ кабинетъ 27 X 1736 г., у *Рычкова*, Ист. Ор., I, 219. Здѣсь эти 261 чел. помѣщены въ графѣ съ сокращенною надписью „татаръ Уеинскихъ Нагайц“: послѣднее слово вѣроятно есть испорченное „Нагайбацкихъ“. Иначе намъ совершенно непонятно, о какихъ „нагайцахъ“ тутъ идетъ рѣчь.

[4]) Согласно указу 28 IX 1747, 9.444 въ 1747 г. 100 чел. нагайбаковъ были командированы на линію (между прочимъ въ плотничью работу, за которую они должны были получать заработныя деньги).

Digitized by Google

новой и старой линіей поселеніяхъ, а на ихъ мѣста были поселены пришлые иновѣрцы [1]).

Что же касается некрещеныхъ жителей Нагайбацкой крѣп., то они при производствѣ второй ревизіи были раздѣлены на двѣ группы: пришедшіе сюда послѣ первой ревизіи и положенные въ окладъ на прежнихъ жилищахъ туда и были высланы; пришедшіе же до первой ревизіи и неположенные въ окладъ на прежнихъ жилищахъ были поселены по большой Московской дорогѣ между Оренбургомъ и Казанью. Къ этой группѣ намъ придется еще вернуться въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи.

3. *Исетскіе казаки.* Возникновеніе Исетскихъ казаковъ тѣсно связано съ завоеваніемъ Сибири Ермакомъ въ 1581 году. Вслѣдъ за послѣднимъ началась и колонизація вновь завоеванныхъ мѣстностей, т.-е. теченія Оби, Иртыша, Тобола и, что для насъ особенно важно, лѣвыхъ притоковъ послѣдняго. Какъ и на другихъ нашихъ окраинахъ, эта колонизація выразилась въ возникновеніи укрѣпленныхъ городовъ и остроговъ. Такъ были основаны Тюмень (1586), Тобольскъ (1587), Верхотурье (1598), Туринскъ (1601). Однимъ изъ элементовъ этой колонизаціи явились и казаки—сподвижники Ермака и ихъ потомки. Между прочимъ мы встрѣчаемъ ихъ осѣвшими при устьѣ рѣки Исети, откуда они около половины XVII в. стали постепенно подвигаться вверхъ по р. Исети, пока не образовали цѣлой линіи крѣпостей, какъ по этой рѣкѣ, такъ и по впадающей въ нее рѣкѣ Міясу.

Важный толчекъ для колонизаціи края дало основаніе въ 7152 (1644) году Долматова монастыря [2]). Вслѣдъ за этимъ казаки въ 1649 г. основали Красный Боръ [3]), а въ 1650 г. ими были основаны острожки Исетскій (недалеко отъ устья рѣки Исети) [4]) и Колчаданскій (на рѣкѣ Колчаданкѣ, притокѣ р. Исети) [5]). Затѣмъ возникъ рядъ другихъ укрѣпленій, основанныхъ въ теченіе второй половины XVII в. и располо-

---

[1]) См. указъ 6 VI 1757, 10.735 и *Рычковъ*, Топ., Ор. II, 208—9. Вообще о Нагайбацкой крѣпости и Нагайбакахъ см. *Рычковъ*, Топ. Ор., II 204—209, *Витевскій*, 439—447, *Стариковъ*, Откуда взялись казаки, 184—5. См. также т. I наст. сочиненія, стр. 179.

[2]) *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 171.

[3]) *Стариковъ*, Истор.-статист. очеркъ, стр. 23.

[4]) *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 158.

[5]) *Стариковъ*, Истор.-стат. очеркъ, стр. 24. Названный авторъ (тамъ же) относитъ къ 1650 г. основаніе и Усть-Міасскаго острога, при чемъ ссылается на Рычкова: между тѣмъ по Рычкову Усть-Міасскій острогъ былъ основанъ только въ 1670 (7178) г. *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 163.

Digitized by Google

женныхъ по рр. Исети и Міясу [1]). Жители всѣхъ этихъ новозаселяемыхъ мѣстъ составлялись изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ: основателямъ ихъ разрѣшалось „набирать охотниковъ изъ вольныхъ, гулящихъ людей Сибирскихъ городковъ и слободъ, такожъ и изъ великороссійскихъ“ (такъ было при основаніи Шадринска и Окунева) [2]), и изъ иновѣрцевъ и пришлыхъ государственныхъ крестьянъ (такъ было при основаніи Исетскаго острога) [3]); кромѣ того, сюда же стекались бѣглые разныхъ категорій. Новымъ поселенцамъ приходилось жить въ довольно тяжелыхъ условіяхъ, такъ какъ они со всѣхъ сторонъ были окружены враждебно относившимся къ нимъ мѣстнымъ населеніемъ, съ которымъ имъ часто приходилось имѣть кровавыя столкновенія [4]). Такимъ образомъ возникло Исетское казачье войско, которое, однако, не составляло одного цѣлаго, но распадалось на самостоятельныя общины [5]).

Мы видѣли, какія измѣненія повлекла за собою новая политика правительства на востокѣ, связанная съ экспедиціей Кирилова и послѣдовавшими за нею событіями. Въ краѣ, непосредственно съ юга примыкавшемъ къ странѣ Исетскихъ казаковъ, начиная съ 1735 г. возникаютъ новыя крѣпости, а въ 1737 г. изъ этого края была учреждена Исетская провинція, заключавшая въ себѣ три дистрикта (Исетскій, Шадринскій и Окуневскій), а равно и зауральскихъ башкиръ, и подчиненная Оренбургу [6]). Къ 1760 г., т.-е. къ тому времени, когда Рычковъ закончилъ свою Топ. Ор., въ этихъ новыхъ крѣпостяхъ (ихъ всего было восемь), находилось 1.476 казаковъ [7]). Спрашивается: изъ кого

---

[1]) Мехонскій острогъ (1660), Шадринскій (1662), Башкильскій, Терсюцкій, Маслянскій (1668), Усть-Міасскій (1670), Красногорскій (1671) Ингалинскій и Окуневскій (1676), Барневскій (1686). См. *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 161—173. У *Старикова* и *Витевскаго* (стр. 452—3) приведены иногда другіе годы основанія. Кромѣ того *Стариковъ* (тамъ же, стр. 24—5) называетъ еще остроги: Катайскій (1659), Чумляцкій (1679), Бѣлоярскій (1682), Міасскій (1685), Бродо-Калмацкій (1686), Богоряцкій и Новопесчанскій (1687) и Александровскій (1696—1700). Эти данныя взяты изъ книги *Старикова* Истор.-стат. очеркъ и т. д. (стр. 24—5 и 53), съ которыми данныя его другой, болѣе ранней книги: Откуда взялись казаки (стр. 90—92) не всегда совпадаютъ. У *Витевскаго* (стр. 453) названы лишь нѣкоторыя изъ этихъ поселеній но зато названы еще и нѣкоторыя другія слободы, которыхъ нѣтъ ни у Рычкова, ни у Старикова.

[2]) *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 168 и 174.

[3]) *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 158.

[4]) *Стариковъ*, Истор.-стат. очеркъ, стр. 23.

[5]) Тамъ же, 25—27. Лишь въ 1736 г. былъ изданъ временный штатъ, который соединилъ эти общины и составилъ изъ нихъ одно войско (тамъ же, 27).

[6]) Указъ 13 VIII 1737, 7347, п. 7. Центромъ новой провинціи былъ сначала Шадринскъ, затѣмъ Чебаркульская крѣпость, далѣе Течинская слобода, а съ 1743 г.— Челябинская крѣпость (*Витевскій*, стр. 459).

[7]) Они слѣдующимъ образомъ распредѣлялись по отдѣльнымъ крѣпостямъ: Че-

Digitized by Google

составилось казачье населеніе этихъ крѣпостей? Съ другой стороны обращаетъ на себя вниманіе и то обстоятельство, что, давая статистическія данныя о разныхъ категоріяхъ населенія старыхъ укрѣпленій Исетскихъ казаковъ (по Исети и Міясу), Рычковъ о казакахъ уже вовсе не упоминаетъ. Въ виду этого возникаетъ еще второй вопросъ: куда дѣвались казаки этихъ старыхъ укрѣпленій? Мы постараемся отвѣтить на оба эти вопроса.

Еще въ своемъ проектѣ экспедиціи для основанія города при устьѣ р. Ори Кириловъ среди войсковыхъ частей, которыми онъ считалъ удобнымъ воспользоваться для этой цѣли, называетъ и слѣдующую: „да изъ казацкаго гарнизона, который сталъ быть внутрь Россіи, одинъ или два полка“ [1]). Спрашивается: къ какимъ казакамъ относятся эти слова? Мы думаемъ, что подъ этими неясными для насъ выраженіями Кириловъ имѣлъ въ виду именно Исетскихъ казаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, Яицкихъ и Сакмарскихъ казаковъ онъ не могъ здѣсь разумѣть, такъ какъ о нихъ онъ упоминаетъ особо, да они и не оставались „внутрь Россіи“; о Самарскихъ и Алексѣевскихъ казакахъ здѣсь также не могла быть рѣчь, такъ какъ они были слишкомъ малочисленны, чтобы изъ нихъ можно было учредить хотя бы и одинъ полкъ; кромѣ того, они—до построенія Самарской линіи, о которой тогда никто еще и не думалъ—также не оставались „внутрь Россіи“. Итакъ, здѣсь рѣчь могла идти только объ Исетскихъ казакахъ; они дѣйствительно съ созданіемъ новаго города могли перестать быть *пограничнымъ* войскомъ. Между тѣмъ резолюція на проектъ Кирилова объ этихъ казакахъ, которыми онъ предлагалъ воспользоваться при основаніи новаго города, не говоритъ ни слова. Но, съ другой стороны, изданный въ февралѣ 1736 г. указъ предписываетъ „для поселенія при Оренбургѣ и другихъ городахъ легкихъ войскъ“ взять, между прочимъ, и „изъ Сибирскихъ ближнихъ городовъ казачьихъ и дворянскихъ дѣтей, не верстанныхъ и не положенныхъ въ подушной окладъ, до 1000“ [2]). Если мы вспомнимъ, что Исетская и Міясская линіи въ то время находились еще въ Сибирскомъ вѣдомствѣ, то для насъ станетъ ясно, что подъ казаками „Сибирскихъ ближнихъ городовъ“ разумѣлись—если

лябинская 354, Эткульская 309, Чебаркульская 291, Міясская 148, Уйская 137, Коельская 94, Кичигинская 78, Санарская 56—итого 1.462; остальные 14 составляли повидимому администрацію (*Рычковъ*, Топ. Ор., II, 183—191). Кромѣ того Рычковъ называетъ 166 дворовъ служилыхъ Мещеряковъ (тамъ же).

[1]) Проектъ Кириловъ 1 V 1734, 6571, п. 4.

[2]) Указъ 11 II 1736, 6.890, п. 20 (см. также указъ 15 II 1738, 7.514, часть вторая, п. 3).

Digitized by Google

не всецѣло, то главнымъ образомъ—Исетскіе казаки. Кромѣ того, въ 1736 г. было предписано поселить по рр. Тоболу и Ишиму для разъѣздовъ по нимъ до тысячи чел. охотниковъ изъ крестьянъ „крайнихъ Сибирскихъ" слободъ, также какъ и изъ Течинской слободы, съ зачисленіемъ ихъ въ казаки и исключеніемъ изъ подушнаго оклада. Вмѣстѣ съ тѣмъ на освободившіяся послѣ нихъ мѣста предполагалось поселить, „изъ Сибирскихъ недорослей казачьихъ дѣтей живущихъ праздно", съ положеніемъ ихъ въ подушный окладъ [1]). Какими соображеніями вызывалась эта странная для насъ комбинація—мы не знаемъ Затѣмъ, когда въ 1739 г. былъ предписанъ рекрутскій наборъ, отъ него была изъята Сибирская губернія; но вмѣсто того было повелѣно набрать съ жившихъ въ этой губерніи крестьянъ (включая приписныхъ къ казеннымъ и партикулярнымъ заводамъ) по одному человѣку съ 240 душъ и перевести ихъ съ женами и дѣтьми „на поселеніе въ Оренбургъ и другія новостроящіяся крѣпости по Яику и прочимъ рѣкамъ, какъ въ особливомъ о томъ указѣ изображено" [2]). Выбираться должны были люди „добрые, здоровые и не старые", къ тому же и семьянистые. При этомъ было предписано „всеконечно стараться, чтобъ оные люди были поселены какъ наискорѣе по разсужденію и требованію ген.-лейт. кн. Урусова, чтобъ могли благовременно пашню заводить и всѣ потребныя вещи для содержанія домовъ своихъ исправить" [3]). Между тѣмъ уже черезъ 3 недѣли послѣ этого закона предписаніе о поселеніи Сибирскихъ крестьянъ съ военными цѣлями на границѣ было отмѣнено: вмѣсто того было повелѣно выбрать до 2.000 чел. изъ Сибирскихъ казачьихъ дѣтей и опредѣлить ихъ въ казаки безъ жалованія, [4]). Итакъ, первоначально предполагалось поверстать въ казаки 1000 Сибирскихъ недорослей, а 1000—опредѣлить въ крестьянство съ положеніемъ въ подушный окладъ, теперь же предписывалось всѣхъ 2000 чел. обратить въ казачество. При этомъ первоначально шла рѣчь о дворянскихъ и казачьихъ недоросляхъ, теперь же говорилось уже объ однихъ казачьихъ дѣтяхъ. Прибавимъ къ сказанному, что еще въ 1736 г. въ Сибирской губ. изъ Сибирскихъ дворянъ и казаковъ и ихъ дѣтей были учреждены 1 драгунскій полкъ и 1 пѣхотный баталіонъ,

---

[1]) Такъ мы понимаемъ п. 23 указа 11 II 1736, 6.890.

[2]) Къ сожалѣнію, этотъ „особливый" указъ мы въ П. С. З. найти не могли.

[3]) Указъ 31 VII 1739, 7861. Этотъ законъ приведенъ у *Ешевскаго*, Сочиненія по русской ист., стр. 29, но безъ упоминанія о томъ, что онъ не былъ приведенъ въ исполненіе.

[4]) Указъ 20 VIII 1739, 7876, п. 14.

Digitized by Google

которые должны были содержаться наравнѣ съ гарнизонными полками [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло шло—опять таки если не всецѣло, то въ значительной степени—объ Исетскихъ казакахъ и ихъ дѣтяхъ [2]). А если это такъ, то мы приходимъ къ выводу, что Исетскіе казаки или, по крайней мѣрѣ, ихъ потомство, изъ старыхъ Исетскихъ укрѣпленій были переведены въ новыя крѣпости, возникшія для защиты вновь захваченныхъ территорій Оренбургскаго края. Справедливость изложеннаго подтверждается и упомянутой уже выше табелью, представленной Кириловымъ въ кабинетъ въ концѣ 1736 г., такъ какъ здѣсь по поводу заселенія четырехъ новыхъ крѣпостей, построенныхъ въ Исетскомъ краѣ [3]), мы встрѣчаемъ слѣдующее замѣчаніе: „опредѣленіе еще не учинено, коликому числу въ нихъ быть нерегулярнымъ, а казаки по Именному Ея И. В. указу къ поселенію назначены изъ Сибирскихъ недорослей“. Этимъ же объясняется, почему къ 1760 г. въ старыхъ Исетскихъ укрѣпленіяхъ уже не оставалось казачьяго населенія [4]).

Въ 1743 г. Неплюевъ объѣздилъ новыя крѣпости Исетской провинціи и распредѣлилъ между ними 1360 казаковъ, при чемъ мѣстопребываніемъ управленія новаго Исетскаго казачьяго войска была назначена крѣпость Челябинская. Здѣсь находились атаманъ войска, есаулъ, писарь, 8 старшинъ и войсковая изба [5]). При Рычковѣ, повторяемъ, число казаковъ въ нихъ составляло 1476 чел. [6]).

---

[1]) Указъ 7 IX 1736, 7051.

[2]) Правда, что въ то время Исетская провинція уже не принадлежала болѣе къ Сибири, но эта передача произошла лишь незадолго до того (въ 1737 г.) и старое названіе легко могло удержаться и послѣ переименованія, чему мы въ XVIII в. встрѣчаемъ и другіе примѣры (такъ, ландмилицкіе полки сохраняли въ законахъ свое старое названіе и послѣ ихъ переименованія полевыми).

[3]) Калмыцкій Бродъ, Міясская, Кизильтажская, Чебаркульская.

[4]) *Рычковъ* въ Топ. Ор., II, 157 сообщаетъ, что новыя Исетскія крѣпости были населены набранными изъ Сибирскихъ крестьянъ казаками. Если сказанное въ текстѣ вѣрно, то это сообщеніе Рычкова должно быть признано ошибкой. Въ таковую, быть можетъ, его ввело упомянутое выше не совсѣмъ для насъ понятное постановленіе указа 11 II 1736, 6890, п. 23.

Изъ сказаннаго въ текстѣ также вытекаетъ, что старыя Исетскія укрѣпленія при Неплюевѣ уже не имѣли стратегическаго значенія (иначе см. у *Витевскаго*, стр. 278).

[5]) *Стариковъ*, Истор.-статист. очеркъ, стр. 28.

[6]) Исетскіе казаки отбывали службу не только въ Исетскихъ крѣпостяхъ, но и командировались на линію. Такъ, указъ 28 IX 1747, 9.444 предписываетъ: „а на Уйской линіи какъ изъ казаковъ, такъ и изъ башкирцевъ.... нарядъ имѣетъ быть учиненъ по силѣ прошлогодскаго-жъ и учененныхъ объ Исетской провинціи опредѣленій, кои Пр. Сенатомъ аппробованы“. Ср. *Стариковъ*, Истор.-статист. очеркъ, стр. 72).

Digitized by Google

4. *Ссыльные.* Таковы тѣ казачьи элементы, которые вошли въ Оренбургское казачье войско. Сюда относятся Самарскіе и Алексѣевскіе дворяне и казаки, Уфимскіе казаки и Нагайбаки и Сибирскіе недоросли. Но всѣхъ ихъ было недостаточно, и правительству пришлось прибѣгнуть и къ другимъ элементамъ. Однимъ изъ такихъ элементовъ явились *ссыльные* [1]).

Еще въ началѣ 1736 г. было предписано посылать ссыльныхъ вмѣсто Сибири въ Оренбургъ къ Кирилову, съ тѣмъ чтобы годные среди нихъ были опредѣляемы въ нерегулярную службу [2]). По табели, представленной Кириловымъ въ кабинетъ въ октябрѣ 1736 г., число ссыльныхъ, опредѣленныхъ къ тому времени въ казаки, составляло 125 [3]). Въ 1739 году было предписано, чтобы изъ посылаемыхъ въ Оренбургъ ссыльныхъ были опредѣляемы „къ дѣламъ лишь тѣ, которые не въ важныхъ винахъ", и чтобы впредь ссыльные были отсылаемы въ Оренбургъ съ женами и дѣтьми [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ въ Оренбургъ среди ссыльныхъ присылались многіе престарѣлые, непригодные для какого-либо употребленія, то въ 1740 г. было предписано, чтобы въ Оренбургъ ссылались лишь „годные въ нерегулярную

---

[1]) Ср. *Н. А. Өирсовъ*, Инородческое населеніе и т. д., стр. 380—2.

[2]) Указъ ген. Румянцеву и ст. сов. Кирилову 11 II 1736, 6890, п. 21. Остальныхъ было повелѣно опредѣлять на пашню, а ненадежныхъ—„въ шахты", и лишь излишнихъ—въ Сибирь на казенные заводы. Всѣ эти постановленія были подтверждены въ указѣ 28 III 1736, 6.929. Указъ 3 VIII 1736, 7025 предписалъ ускорить отправку ссыльныхъ; въ Казани имъ долженъ былъ производиться разборъ, для отдѣленія излишнихъ, подлежавшихъ отсылкѣ въ Сибирь; оттуда назначенные въ Оренбургскій край должны были быть отправляемы въ Уфу и Самару для сдачи ихъ тамъ офицерамъ Кирилова.

[3]) *Рычковъ*, Ист. Ор., I, 219; изъ нихъ 84 въ Табынскѣ. О послѣднихъ см. также указъ 11 II 1736, 6890, п. 10. Здѣсь же, по поводу возобновленія г. Осы, предписывается населить его служилыми людьми, „прибавя къ тому изъ ссылочныхъ". Впослѣдствіи жители г. Осы, по свидѣтельству *Рычкова*, употреблялись „въ службу, въ ландмилицкіе полки, по нарядамъ отъ Казанской губ. канцеляріи" (Топ. Ор., II, 203).— Далѣе, у Рычкова (Топ. Ор., II, 94) среди казаковъ крѣп. Нижнеозерной упоминаются изъ „ссылочныхъ своекоштные".

[4]) Указъ 26 VIII 1739, 7.885, п. 10 (это постановленіе было подтверждено и въ указѣ 28 I 1740, 8011, п. 5). Оставшихся на прежнихъ жилищахъ женъ и дѣтей уже отправленныхъ въ Оренбургъ ссыльныхъ также предписывалось выслать туда, „кромѣ тѣхъ, кои подушному платежу помѣщикамъ принадлежатъ". Если бы среди находившихся въ Оренбургѣ дѣтей ссыльныхъ оказались принадлежащіе помѣщикамъ, то ихъ также предписывалось возвращать послѣднимъ по ихъ требованію, но съ тѣмъ, чтобы помѣщики уплатили казнѣ сдѣланные ею на нихъ расходы (указъ 18 XI 1748, 9553). Странно, что здѣсь говорится лишь о помѣщичьихъ крестьянахъ, а не о другихъ категоріяхъ, какъ, напр., дворцовыхъ и т. д.

Digitized by Google

службу и на пашню и въ работу“ [1]). Дѣти ссыльныхъ, опредѣленныхъ въ казаки, также должны были уже оставаться въ казачьемъ званіи; ими долженъ былъ заполняться казачій комплектъ какъ въ крѣпостяхъ, въ которыхъ служили ихъ отцы, такъ и въ другихъ крѣпостяхъ. Вѣдомости какъ о нихъ, такъ и о другихъ казачьихъ дѣтяхъ, должны были присылаться въ Оренбургскую губ. канцелярію [2]).

Между тѣмъ, какъ мы видѣли, не всѣ прибывавшіе въ Оренбургскій край ссыльные верстались въ казаки. Были и такіе, которыхъ было велѣно опредѣлить на пашню или въ работу [3]). У нихъ также были дѣти, которые такъ же, какъ и ихъ отцы, не были положены въ подушный окладъ при второй ревизіи. Изъ послѣдняго обстоятельства Оренбургская губ. канцелярія—въ полномъ соотвѣтствіи съ основными началами подушнаго обложенія — выводила, что эти дѣти должны „остаться... къ казенному употребленію, кто къ чему по возрастѣ ихъ явится способенъ“. Поэтому для нихъ была учреждена особая школа, въ которую должны были быть опредѣлены находившіеся въ возрастѣ отъ 7 до 15 л.; въ школѣ они должны были пробыть до 18 л. [4]), по-

---

[1]) Указъ 4 V 1740, 8.093.

[2]) Указъ 18 XI 1748, 9.553, п. 5. Къ сожалѣнію, здѣсь сообщаются данныя о такихъ дѣтяхъ только для Красногорской крѣп., гдѣ число ихъ составляло 7.

[3]) Манифестомъ 15 VII 1744, 8.992 всѣ приговоренные къ каторжнымъ работамъ были отъ нихъ освобождены, при чемъ было повелѣно тѣхъ изъ нихъ, „у которыхъ ноздри вынуты или другіе знаки положены,... послать въ Оренбургъ на поселеніе въ тамошнія мѣста и крѣпости“. Между тѣмъ, по просьбѣ Оренбургской губ. канцеляріи (находившей, что, живя на поселеніи безъ уплаты податей, они отъ праздности впадаютъ „въ воровства и другія непотребства“) Сенатъ 26 V 1747 г., предписалъ употреблять этихъ ссыльныхъ „въ тамошнія городовыя работы съ платежемъ заработныхъ денегъ по плакату“. Впрочемъ, согласно указу 7 VI 1745, 9.170, ихъ оставалось всего только „не болѣе 50 чел.“. Поэтому этотъ указъ подтвердилъ предписаніе о томъ, чтобы ссыльные отправлялись не въ Сибирь, но въ Оренбургъ.—Однако, на ряду съ этими „работными“ ссыльными упоминаются еще и „своекоштные“ ссыльные. Не входили ли въ послѣднюю категорію тѣ, которые были опредѣлены на пашню? Быть можетъ къ нимъ относились и тѣ ссыльные купецкіе, мастеровые и ремесленные люди, которыхъ указомъ 19 III 1744 г. было предписано вмѣсто Сибири посылать въ Оренбургъ на житіе. Число дѣтей у „своекоштныхъ“ и у „работныхъ“ въ вѣдѣніи конторы отъ строеній, а также въ Бердской слоб. и Чернорѣченской крѣп., составляло 188. Часть ихъ находилась въ Шешминскихъ поселеніяхъ (по Сакмарѣ). Были ли у нихъ сверхъ того дѣти въ другихъ мѣстахъ, мы не знаемъ.

[4]) Провіантъ. мундиръ, денежное жалованіе и книги они должны были получать „во всемъ противъ того, какъ въ гарнизонныхъ школахъ положено“. Предметами преподаванія должны были служить обученіе „россійской грамотѣ, чистому письму, нотному пѣнію, исповѣданію православной вѣры, такожъ и первой части ариѳметики“. При основаніи этой школы (какъ и вообще при основаніи подобныхъ школъ въ XVIII в.)

Digitized by Google

слѣ чего они подлежали отдачѣ въ службу по губернскому штату, а излишніе или неспособные—„въ военную регулярную и нерегулярную службу“. Достигшихъ же 15 лѣтъ уже теперь предписывалось подвергнуть смотру и разобрать, и при томъ также для опредѣленія ихъ „въ регулярную и нерегулярную службу“ [1]). Итакъ мы видѣли, что въ казачье званіе могли поступать дѣти и тѣхъ ссыльныхъ, которые не были сами опредѣлены въ казачество.

Ссылка въ Оренбургскій край продолжалась, если мы не ошибаемся, въ теченіе всего XVIII вѣка [2]). Къ сожалѣнію, однако, у насъ нѣтъ данныхъ, чтобы опредѣлить, продолжалось ли верстаніе ссыльныхъ въ казаки въ теченіе всего этого періода, и въ какомъ числѣ ссыльные вошли въ составъ Оренбургскаго казачества.

5. Бѣглые. Дальнѣйшей категоріей людей, которые были подверстаны въ казаки, и при томъ въ значительномъ числѣ, были *бѣглые.* Еще въ началѣ 1736 г. Кирилову было предписано объявить подъ рукою многочисленнымъ бѣглымъ, находившимся на Яикѣ, чтобы они шли для службы въ Оренбургъ и другія Оренбургскія крѣпости, гдѣ ихъ и опредѣлятъ въ казаки [3]). Однако, и помимо этого предписанія многіе бѣглые были приняты въ казаки. Случилось это слѣдующимъ образомъ. Весьма распространеннымъ явленіемъ въ Россіи XVIII в. было нищенство и бродяжество, какъ можно судить по массѣ дошедшихъ до насъ по поводу нихъ указовъ. Одинъ изъ такихъ указовъ былъ изданъ въ августѣ 1736 г. Исходя изъ той мысли, что отъ нищихъ и бродягъ „помѣщики никакого себѣ прибытка не получаютъ, а прочіе ихъ люди и крестьяне отъ поставки несутъ великую тягость“, названный указъ предписывалъ отдавать годныхъ изъ „такихъ бѣглыхъ“ въ солдаты (съ зачетомъ въ рекрутскіе наборы), если они не были публично наказаны, а въ противномъ случаѣ „холостыхъ упо-

---

правительство руководствовалось по какимъ-либо „высоконравственными побужденіями“, какъ думаетъ *Ѳирсовъ* (Инородческое населеніе, стр. 382) и вслѣдъ за нимъ г. *Витевскій* (стр. 466), а просто желаніемъ сохранить данную группу дѣтей для казенной службы, т. е. тѣми же самыми побужденіями, какъ и при основаніи гарнизонныхъ школъ.

[1]) Указъ 18 XI 1748, 9.553.

[2]) См. указы 31 VII 1751, 9871; 18 VI 1753, 10.113; 10 XI 1755, 10.482; Уставъ о винокуреніи 9 VIII 1765, 12.448, гл. II, п. 1; указъ 28 I 1766, 12.555. Ссылка въ Оренбургъ и въ Сибирь была отмѣнена указомъ 30 XI 1773, 14.077, но была возстановлена указомъ 20 (31) III 1775, 14.286. См. также ман. 17 III 1775, 14.275, п. 40, и указы 31 X 1776, 14.528, п. 4 и 31 V 1780, 15.020.

[3]) Указъ 11 II 1736, 6.893. Изъ предосторожности правительство предписывало держать этихъ новопріверстанныхъ казаковъ подъ командою не однихъ ихъ атамановъ, но и офицеровъ.

Digitized by Google

треблять въ каторжную и въ другія казенныя работы, а женатыхъ посылать въ работу въ Оренбургъ и на другіе казенные заводы [1]). Такихъ бѣглыхъ въ Оренбургскомъ краѣ было много. Мы видѣли, что среди нихъ годные въ службу, не подвергшіеся публичному наказанію, должны были быть написаны въ регулярные полки. Между тѣмъ Кириловъ, имѣя въ виду, что въ Оренбургскихъ крѣпостяхъ „для скорѣйшаго ихъ, по силѣ Им. указовъ, основанія и учрежденія такіе люди не меньше того, какъ въ полки, были нужны" собственною властью написалъ ихъ въ эти крѣпости въ казачью службу. При этомъ всѣ эти бѣглые показывали о себѣ, что они „не положенные въ подушный окладъ, но прописные" [2]).

Этимъ путемъ большое число людей попало въ казаки. По табели, составленной въ 1741 г., всего въ Оренбургскихъ крѣпостяхъ было записано сходцевъ въ регулярныя и нерегулярныя службы 5.154 чел. [3]). Впослѣдствіи, однако, оказалось, что многіе изъ нихъ были положены въ подушный окладъ и подлежали возвращенію помѣщикамъ [4]).

---

[1]) Указъ 28 VIII 1736, 7.041.

[2]) См. *Рычковъ*, Ист. Ор., I, 222, гдѣ сообщается, что Кириловъ „къ поселенію-жъ въ новыхъ крѣпостяхъ принималъ изъ разныхъ людей охотниковъ, а больше бродящихъ и объявляющихъ о себѣ, что прописные отъ подушнаго оклада, коихъ тогда не малое число имъ Кириловымъ записано и въ тѣ крѣпости съ надлежащею ссудою деньгами и провіантомъ на поселеніе отправлены". И въ знакомой намъ табели, посланной Кириловымъ кабинету осенью 1736 г., среди казаковъ разныхъ крѣпостей значатся „разночинцы, не положенные въ подушный окладъ" въ числѣ 186 чел.: подъ ними, безъ сомнѣнія, разумѣются упоминаемые въ текстѣ бѣглые.

[3]) Изъ нихъ

крестьянъ дворцовыхъ		2.779
„ „ синодальныхъ и монастырскихъ		591
„ „ помѣщиковыхъ		308
„ „ купечества		54
„ „ разночинцевъ		1.422
	Итого	5.154.

Къ сожалѣнію, отдѣльные виды службы не выдѣлены въ особыя категоріи, почему мы и не знаемъ, сколько чел. изъ приведенной суммы вошли въ составъ Оренбургскаго казачества.—И по словамъ *І. Г. Георги* (Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ, въ Спб., при Имп. Акад. Наукъ, 1799 г., IV, стр. 220—221) по переводѣ Самарскихъ казаковъ на Оренбургскую линію „многіе изъ Донского войска и изъ другихъ вольныхъ людей къ нимъ присоединены".

[4]) Такъ выражается законъ 27 VII 1744, 9.006, ссылаясь на неизвѣстный намъ указъ 20 IX 1729 г. (не указъ ли 20 IX 1727, 5161 ?). Для насъ это постановленіе не совсѣмъ ясно, такъ какъ приведенный въ текстѣ указъ 28 VIII 1736, 7.041 разрѣшилъ отдавать бѣглыхъ въ солдаты съ зачетомъ ихъ въ рекруты, а что эти бѣглые были отданы не въ солдаты, а въ казаки, для помѣщиковъ могло быть безразличнымъ.

Digitized by Google

Между тѣмъ, какъ писалъ уже Неплюевъ, при которомъ это дѣло было возбуждено, въ случаѣ такого возвращенія въ Оренбургскихъ крѣпостяхъ осталось бы „самое малолюдство, издержанная на обзаведеніе ихъ въ тѣхъ крѣпостяхъ денежная и провіантская сумма пропадетъ тунѣ“, тогда какъ на Оренбургской окраинѣ нужны и нерегулярныя войска для разъѣздовъ и т. д., и обыватели для заведенія хлѣбопашества. Въ виду этого Неплюевъ просилъ Сенатъ, чтобы эти бѣглые, положенные въ подушный окладъ на прежнихъ жилищахъ и въ 1736 г. записанные въ казаки, были оставлены въ Оренбургскихъ крѣпостяхъ, съ зачетомъ ихъ въ рекруты согласно указу 28 VIII 1736 г. (за исключеніемъ бѣглыхъ, записавшихся въ новыя крѣпости на Сибирской сторонѣ, которыхъ Неплюевъ уже предписалъ возвращать на прежнія жилища по указу 5 II 1743, 8.699). Изданный по поводу этого представленія законъ [1]) призналъ силу доводовъ Неплюева и предписалъ, чтобы бѣглые, „которые.... записаны въ новопостроенныхъ по линіи къ Оренбургу крѣпостяхъ въ казаки и тамо уже обселились и дѣйствительно службы служатъ“, были тамъ оставлены съ зачетомъ въ рекруты „помѣщикамъ и другимъ владѣтелямъ, кромѣ разночинцевъ“ [2]).

Итакъ, здѣсь правительство допустило исключеніе изъ общаго правила, согласно которому бѣглые должны были быть возвращаемы на прежнія жилища. Въ остальныхъ случаяхъ, однако, оно и для Оренбургскаго края поддерживало запрещеніе пріема бѣглыхъ въ казаки, что особенно выразилось по поводу слѣдующаго случая. Съ разрѣшенія Татищева въ Оренбургскомъ краѣ поселилось до 2000 чел. русскихъ и малороссіянъ, которые заявили себя вольными людьми, не положенными въ подушный окладъ. Нѣкоторые изъ нихъ были даже отпущены на прежнія жилища, „для забранія женъ и дѣтей, скота и прочаго“, а такъ какъ имъ мѣстныя власти стали препятствовать въ исполненіи ихъ намѣренія, то Татищевъ просилъ высшее правительство публиковать въ народъ, „дабы такого задержанія не было“. Между тѣмъ нѣкоторые изъ принятыхъ Татищевымъ великороссійскихъ людей оказались бѣглыми [3]), почему ему и былъ сдѣланъ строгій выговоръ,

[1]) Выс. утв. докладъ Сената 27 VII 1744, 9.006.

[2]) На основаніи этого постановленія въ 1745 г. было зачтено 2.415 чел. (см. Выс. утв. докладъ военной коллегіи 8 VI 1803, 20.786). Неплюевъ предлагалъ зачесть въ рекруты только тѣхъ бѣглыхъ, которые были положены въ подушный окладъ на прежнихъ жилищахъ, а за тѣхъ, которые не были положены въ подушный окладъ, предлагалъ давать владѣльцамъ по 10 р. за душу м. п. и по 5 р. за душу ж. пола. Между тѣмъ указъ 27 VII 1744, 9.006 этого различія не дѣлаетъ и такимъ образомъ всѣхъ велитъ зачесть въ рекруты.

[3]) Одинъ помѣщикъ жаловался, что „такіе бѣглые, пріѣзжая на прежнія жилища,

Digitized by Google

съ указаніемъ на то, что „о принятіи и о поселеніи тамо великороссійскихъ людей позволенія и Нашего указа не было", и съ предписаніемъ о всѣхъ уже принятыхъ произвести разслѣдованіе и разослать всѣхъ бѣглыхъ на прежнія жилища за счетъ управителей, принявшихъ ихъ, „не справясь о нихъ подлинно". При этомъ квитанціи объ ихъ отдачѣ на прежнихъ жилищахъ должны были быть доставлены въ Кабинетъ [1]). Иначе правительство посмотрѣло на поселеніе малороссіянъ, не положенныхъ въ подушный окладъ; ихъ Татищеву было позволено принимать „собственнымъ ихъ извѣстіемъ" [2]). Въ дополненіе къ этому было предписано, чтобы впредь для заселенія Оренбургскихъ крѣпостей были принимаемы лишь такіе малороссы, которые предъявятъ паспорты, выданные имъ для этой цѣли отъ Малороссійской войсковой канцеляріи или отъ канцеляріи комиссіи Слободскихъ полковъ [3]).

Впрочемъ, правительство не только допускало поселеніе малороссіянъ въ Оренбургскомъ краѣ, но даже покровительствовало ему и торопило его. Поэтому въ началѣ 1740 г. было предписано публиковать въ Малороссіи объявленія, приглашавшія ихъ переселяться въ Оренбургскія крѣпости [4]), а затѣмъ, по предписанію высшаго правительства, Урусовымъ былъ посланъ въ Малороссію кап. Калачевъ для призыва ихъ и отвоза въ Оренбургскій край [5]). Малороссы—по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—очень охотно пошли навстрѣчу предложенію правительства; поэтому, еще въ томъ же 1740 г. послѣднее было вынуждено предписать, чтобы на поселеніе въ Оренбургъ прини-

---

разоряя своихъ помѣщиковъ деревни, другихъ съ собою подговариваютъ и увозятъ, отчего на прежнихъ ихъ жилищахъ многія деревни и домы запустѣли и въ сборахъ государственныхъ податей доимка"....

[1]) Указъ 15 II 1738, 7.514, часть вторая, п. 3. Запрещеніе принимать бѣглыхъ было повторено и въ указѣ 20 VIII 1739, 7.876, п. 15. Указъ 16 IX 1738, 7.657, п. 10 предписалъ относительно 7 казанскихъ татаръ, поселившихся въ Башкиріи еще до бунта, чтобы въ томъ случаѣ, если бы они оказались написанными въ окладъ на прежнихъ жилищахъ, они не были опредѣлены въ казаки, но возвращены на прежнія жилища. Мотивы: съ одной стороны необходимость платить за нихъ подати на прежнихъ жилищахъ, а съ другой—„другія опаснѣйшія причины, отъ которыхъ иногда вредъ воспослѣдовать можетъ". Затѣмъ указомъ 23 I 1740, 8.011, п. 10 было предписано произвести въ Оренбургскихъ крѣпостяхъ перепись всѣхъ бѣглыхъ, не исключая и записавшихся уже въ казаки, съ угрозой, что виновные въ подачѣ невѣрныхъ сказокъ „съ жестокимъ наказаніемъ отданы будутъ помѣщикамъ ихъ попрежнему". Какую цѣль преслѣдовала эта перепись—мы не знаемъ, быть можетъ зачетъ бѣглыхъ за рекрутъ.

[2]) Указъ 15 II 1738, 7.514, вторая часть, п. 3.

[3]) Указъ 20 VIII 1739, 7.876, п. 15.

[4]) Указъ 23 I 1740, 8.011, п. 10.

[5]) Тамъ же.

Digitized by Google

мались лишь „изъ казаковъ до четвертой доли одной сотни, а изъ мужиковъ—до четвертой доли каждаго села“ [1]). Но если само населеніе охотно рѣшалось на переселеніе, то старшина и владѣльцы малороссійскіе отнеслись къ нему далеко несочувственно, что и послужило поводомъ къ изданію въ 1741 г. особаго указа, запрещавшаго причинять переселенцамъ какія-либо притѣсненія, препятствовать имъ въ продажѣ ихъ земель, дворовъ и прочаго имущества и т. д. и предписывавшаго предоставить рѣшеніе вопроса о переселеніи всецѣло ихъ свободному выбору [2]). Съ другой стороны, впрочемъ, и Калачевъ, кажется, вышелъ изъ предѣловъ его полномочій, такъ какъ онъ обнадеживалъ черкасъ, что переселяющіеся будутъ избавлены отъ обязанности платить по своимъ долгамъ, что каждый изъ нихъ (м. п.) получитъ по 2 р. на дорогу и т. д. Въ виду этого было предписано сдѣлать у него запросъ, по какому указу онъ даетъ эти обѣщанія [3])?

О готовности, съ которой малороссы шли навстрѣчу предложенію. правительства переселиться въ Оренбургскій край, свидѣтельствуетъ и слѣдующій случай. Одинъ малороссіянинъ, Ѳеодоръ Милостивый, въ 1741 г. предложилъ ген. Соймонову набрать до 1000 семей въ Малороссіи и Слободскихъ полкахъ, желающихъ переселиться въ Оренбургскій край [4]). Соймоновъ считалъ осуществленіе этого предложенія весьма полезнымъ и желательнымъ; между тѣмъ Сенатъ не согласился съ этимъ, считая переселеніе малороссіянъ вреднымъ для поступленія тѣхъ сборовъ и повинностей, которые лежали на Малороссіи. Поэтому Милостивому было отказано, и вмѣсто этихъ малороссовъ было повелѣно селить въ Оренбургскомъ краѣ грузинцевъ и волоховъ [5]).

---

[1]) Рез. каб.-мин. 21 V 1740, 8.111.

[2]) Указъ 23 VII 1741, 8.421.

[3]) Тамъ же. Указъ 6 III 1744, 8.887 показываетъ, что Калачевъ руководствовался въ этомъ случаѣ данной ему инструкціей, которая кромѣ того обѣщала новымъ пришельцамъ и ссуду. Странно, что Калачева было повелѣно запросить и о томъ, по какому указу онъ обнадеживалъ малороссіянъ, что переселяющіеся будутъ имѣть право продавать свое имущество. Но въ томъ же указѣ, какъ мы видѣли, запрещается малороссійскому старшинѣ и владѣльцамъ препятствовать переселяющимся въ этомъ.

[4]) Согласно этому предложенію, переселенцы должны были на новыхъ мѣстахъ служить „на собственномъ своемъ содержаніи, только бы имъ во всякихъ промыслахъ, какъ на Малой Россіи обыкновенно есть, дать позволеніе, и съ торговъ ихъ пошлинъ не брать и отъ службы и отъ работъ дать бы имъ сроку на 10 лѣтъ, и поселить ихъ, гдѣ они изберутъ себѣ пристойное мѣсто; а ежели такого позволенія дано имъ не будетъ, то бъ обнадежить ихъ впредь денежнымъ и хлѣбнымъ жалованіемъ“.

[5]) Указъ 17 IX 1742, 8.616. Планъ поселенія волоховъ и грузинцевъ не былъ осуществленъ (*Витевскій*, стр. 178). О неудачной попыткѣ поселенія въ Оренбургскомъ

Поселенія малороссіянъ были учреждены въ слѣдующихъ Оренбургскихъ крѣпостяхъ: Разсыпной (до 100 дворовъ), Татищевой (до 100 семей), Чернорѣченской и, наконецъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи стоялъ Нѣжинскій редутъ (Нѣжинская слобода)[1]). Въ нихъ было поселено 209 семей, изъ которыхъ „дѣйствительными" казаками было написано 849 чел.[2]). Между тѣмъ это начинаніе кончилось полной неудачей. Съ одной стороны, малороссіяне прибыли на мѣсто назначенія въ состояніи крайней бѣдности. Вслѣдствіе этого, сверхъ выданной ими до 1742 г. ссуды, еще Соймоновымъ было предписано дать имъ на 1742 г. жалованіе по 4 р. и провіантъ; вслѣдствіе ихъ бѣдственнаго положенія это постановленіе было подтверждено и Неплюевымъ, который хотѣлъ этимъ привести ихъ „единожды въ прочное состояніе" и поддержать и въ другихъ малороссіянахъ стремленіе къ поселенію на Оренбургской окраинѣ. Между тѣмъ это не помогло. Новые поселенцы продолжали нуждаться въ правительственной помощи, причемъ они не только не представляли изъ себя военной силы, но, напротивъ того, правительство было вынуждено „еще и жительство ихъ... другими командированными регулярными и нерегулярными людьми съ особливымъ на то казеннымъ же расходомъ охранять". Въ виду этого, для того чтобы выяснить положеніе, Неплюевъ обратился къ новымъ поселенцамъ съ рядомъ вопросныхъ пунктовъ, предлагая имъ въ то же время жалованье по 4 р. (безъ казеннаго провіанта). На это жители Нѣжинской слободы отвѣтили, что они безъ казеннаго провіанта (сверхъ 4-рублеваго жалованья) прожить не могутъ и, поэтому, просятъ вернуть ихъ въ Малороссію; жители же Татищевой, Чернорѣченской и Разсыпной крѣпостей просили, чтобы имъ выплачивалось 12-рублевое годичное жалованіе, будто бы обѣщанное имъ кап. Калачевымъ. Послѣ этого Неплюевъ предписалъ всѣмъ поселеннымъ малороссіянамъ „льготу дать и изъ за того быть имъ на двуекоштномъ содержаніи, чего ради ни въ какіе наряды ихъ не употреблять и подводъ отъ нихъ никому не имать, ихъ же черкасъ по желанію ихъ для промысловъ и военнаго пропитанія отпущать въ Россійскіе города", о чемъ Неплюевъ и донесъ 30 сентября 1743 г. Между тѣмъ и это мало помогло, и поэтому

краѣ черногорцевъ и албанцевъ см. *Витевскій*, стр. 470—482, *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 105, прим.

[1]) *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 93—4, 97, 99 и 135. См. также указъ 6 III 1744, 8.887, въ которомъ, кромѣ названныхъ въ текстѣ, упоминаются еще и Володимірская слобода и Красносамарскъ.

[2]) Общее число ихъ по *Рычкову* составляло нѣсколько тысячъ душъ (Ист. Ор. II, 124; ср. тамъ же, 299).

Digitized by Google

Неплюевъ, потерявъ терпѣніе, а быть можетъ и просто считая невыгоднымъ содержать малороссіянъ на высокомъ жалованіи безъ всякой пользы для казны [1]), въ февралѣ 1744 г. рѣшилъ сразу покончить съ этимъ экспериментомъ. Въ этомъ намѣреніи его поддержали новыя просьбы малороссіянъ, изъ которыхъ одни просили о поселеніи ихъ внутри линіи на р. Кинели, а другіе—о возвращеніи ихъ на родину. Кромѣ того неосторожность малороссіянъ приводила къ тому, что они сильно терпѣли отъ нападеній киргизъ-кайсаковъ, что имѣло мѣсто въ особенности въ Разсыпной, гдѣ, напр., въ 1743 г., послѣдніе захватили въ плѣнъ 82 чел. м. и ж. п. „изъ бывшихъ на жнитвѣ хлѣба безоружейно“ [2]). При такихъ условіяхъ Неплюевъ собственною властью разрѣшилъ жителямъ Разсыпной переселиться на р. Кинель и просилъ Сенатъ, чтобы и остальнымъ было позволено переселиться туда же или вернуться на родину. Сенатъ согласился съ доводами Неплюева, и такимъ образомъ малороссійскому поселенію въ Оренбургскомъ краѣ былъ положенъ конецъ [3]).

46 семей переселились на р. Кинель, гдѣ и образовали особую слободу Кинельско-Черкасскую. Эта слобода существуетъ и теперь въ Бугурусланскомъ уѣздѣ Самарской губерніи [4]).

Какая же была причина описанной неудачи? Отвѣты на этотъ вопросъ мы встрѣчаемъ разные. Неплюевъ видѣлъ эту причину въ отсутствіи у новыхъ поселенцевъ старанія „чрезъ свое домостроительство

---

[1]) Уже до сентября 1743 г. на малороссіянъ было затрачено „гораздо уже болѣе 30.000 р.“ И впредь, по разсчету Неплюева, жалованіе (по 4 р. на казака) и провіантъ (по 2 р. 80 к. за четверть) должны были составить 12.121 р. въ годъ. Странно, что во время составленія этого разсчета (сентябрь 1743) число наличныхъ казаковъ составляло уже только 676 чел.

[2]) *Рычковъ*, Ист. Ор., II, 117.

[3]) Указъ 6 III 1744, 8.887.

[4]) *Рычковъ*, Ист. Ор., II, 125. *Витевскій*, стр. 470. При Рычковѣ въ этой слободѣ было около 150 дворовъ. Вотъ какъ говоритъ о ея жителяхъ относящееся къ самому концу XVIII в. „Топографическое описаніе Оренбургской губ.“ (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 312): „Черкасы, живущіе въ здѣшней губерніи въ Бузулуцкой округѣ, есть также перешедшіе изъ Малороссіи; сей народъ хотя и не малое уже время живетъ въ сихъ мѣстахъ, но въ нравахъ, образѣ жизни, одеждѣ, языкѣ и во всемъ сохраняетъ прежнеи свои обычаи, даже и въ нѣкоторыхъ обрядахъ вѣры, употребляемыхъ въ сходствѣ малороссійскихъ провинцій; они смирны, послушны, любятъ веселиться, живутъ чисто, избы имѣютъ бѣлыя, хлѣба пашутъ довольно, только употребляютъ на сіе быковъ, а не лошадей, и новыя мѣста распахиваютъ плугами, паханную землю подымаютъ сохами, скота водятъ довольно и кромѣ хлѣбопашества ни въ чемъ не упражняются, всѣ земледѣльные инструменты и упряжки покупаютъ въ сосѣдственныхъ городахъ, куда хлѣбъ и протчія земныя произведеніи отвозятъ на продажу“.

Digitized by Google

работою или какимъ-либо промысломъ въ лучшее состояніе себя приводить“ [1]); жители же Нѣжинской слободы заявляли: „что они въ новомъ поселеніи отъ подводной и почтовой гоньбы, а паче за недородою хлѣба безъ выдачи къ четырерублевому окладу провіанта на нихъ, женъ и дѣтей ихъ прожить никакъ не могутъ“ [2]; наконецъ, Рычковъ видѣлъ причину неудачи въ „неспособности ихъ къ тутошнему пограничному пребыванію“ и въ ихъ оплошности по отношенію къ киргизъ-кайсакамъ [3]).

6. *Яицкіе казаки и служилые мещеряки.* Дальнѣйшимъ элементомъ при заселеніи Оренбургскихъ крѣпостей являются *Яицкіе казаки.* Еще въ 1736 г. Кирилову было разрѣшено принять для поселенія въ Оренбургскихъ крѣпостяхъ въ качествѣ легкихъ войскъ охотниковъ изъ Яицкихъ казаковъ въ числѣ до 500 чел. [4]). Относительно того, въ какомъ размѣрѣ Оренбургскіе начальники воспользовались этимъ разрѣшеніемъ, мы точныхъ данныхъ не имѣемъ. Мы знаемъ только, что по табели, представленной Кириловымъ въ Кабинетъ въ концѣ 1736 г., число Яицкихъ и Сакмарскихъ казаковъ, находившихся въ то время въ Оренбургскихъ крѣпостяхъ, составляло 109, изъ которыхъ 78 находилось въ крѣп. Бузулуцкой и 22—въ Озерной [5]).

Въ качествѣ дальнѣйшей категоріи слѣдуетъ назвать *Уфимскихъ служилыхъ мещеряковъ.* Еще въ своемъ проектѣ Кириловъ указывалъ на то, что „башкирскіе тарханы и мещеряки сами съ охотою, сколько потребно, служить могутъ и почтутъ за домашнюю службу“, на что п. 7 резолюціи предписывалъ „башкирскихъ тархановъ и мещеряковъ нарядить столько, сколько нужда требовать будетъ“ [6]), при чемъ, какъ разъяснила инструкція Кирилову, службу эту они должны были нести безъ жалованія, за исключеніемъ дальнихъ посылокъ и особыхъ подвиговъ [7]). Должны ли были при этомъ означенныя лица войти въ составъ казаковъ, мы не знаемъ, но за то въ изданномъ въ февралѣ 1736 г. указѣ среди лицъ, предназначенныхъ для поселенія въ Оренбургскихъ крѣпостяхъ въ качествѣ легкихъ войскъ названы и Уфимскіе служилые

---

[1]) Указъ 6 III 1744, 8.887.

[2]) Тамъ же.

[3]) *Рычковъ.* Топ. Ор., II, 94, 117 и 135. О поселеніи малороссіянъ въ Оренбургскомъ краѣ см. также *Н. А. Ѳирсовъ,* Инородческое населеніе, стр. 383—8.

[4]) Указъ 11 II 1736, 6.890, п. 20. См. также указъ 15 II 1738, 7.514, часть вторая, п. 3.

[5]) *Рычковъ,* Ист. Ор., I, 219. Итогъ 169, помѣщенный въ табели, невѣренъ. См. также Топ. Ор., II, 125 и 136.

[6]) Проектъ Кирилова 1 V 1734, 6.571, п. 4.

[7]) Инстр. Кирилову 18 V 1734, 6.576, п. 12.

Digitized by Google

мещеряки [1]), да и въ табели Кирилова мы по отношенію къ расположеннымъ въ Уфимской провинціи крѣп. Ельдяцкой и Кубовской находимъ слѣдующую помѣтку: „Сколькимъ быть нерегулярнымъ, о томъ не опредѣлено, однако въ тѣхъ мѣстахъ развѣ малое число ихъ потребно; ибо довольно есть мещеряковъ“. Весьма возможно, что позднѣе и въ другихъ Уфимскихъ крѣпостяхъ казаки вербовались изъ мещеряковъ [2]).

Предыдущее изложеніе показало намъ, какъ разнообразны были элементы, изъ которыхъ сложились казачьи гарнизоны Оренбургскихъ крѣпостей. Съ одной стороны сюда вошли части находившихся уже здѣсь казачьихъ войскъ (Исетскіе и Яицкіе казаки); съ другой стороны правительство воспользовалось нѣкоторыми категоріями старыхъ службъ служилыхъ людей, размѣщенныхъ по восточной окраинѣ (Уфимскіе казаки и Самарскіе казаки и дворяне); наконецъ, правительство верстало въ казаки вольныхъ людей (въ томъ числѣ и бѣглыхъ), ссыльныхъ и ихъ дѣтей, а равно и нѣкоторыя категоріи мѣстныхъ жителей какъ иновѣрцевъ (Уфимскихъ мещеряковъ, Мочинскихъ татаръ), такъ и новокрещенъ (Нагайбаковъ) [3]).

Если бы мы задались вопросомъ о національномъ составѣ тѣхъ

---

[1]) Указъ 11 II 1736, 6.890, п. 20 (ср. указъ 15 II 1738, 7.514, часть вторая, п. 3). Въ п. 10 этого же указа предписывается въ крѣп. Табынскѣ „учредить служилыхъ мещеряковъ, охотниковъ и казаковъ и ссылочныхъ до 300 человѣкъ“. Изъ одного позднѣйшаго указа мы узнаемъ, что въ Табынскѣ дѣйствительно было набрано до 200 казаковъ, но что „изъ того числа нѣсколько разбрелось затѣмъ, что были безъ пропитанія“, такъ какъ назначенное имъ жалованіе съ 1737 г. имъ не выдавалось. Поэтому, осталось лишь 75 казаковъ (изъ нихъ рядовыхъ 69). Указъ 5 III 1741, 8.346 предписалъ дополнить это число казаковъ и выдать, а также и впредь выдавать имъ назначенное жалованіе. При Неплюевѣ гарнизонъ Табынска былъ уменьшенъ до уровня 1 роты регул. войскъ и около 100 чел. казаковъ (*Витевскій*, стр. 408—9). Акад. *И. Лепехинъ* въ Табынскѣ засталъ „100 чел. служивыхъ казаковъ и нѣсколько отставныхъ“ (Вторая часть дневныхъ записокъ путешествія академика и медицины доктора *Ив. Лепехина*, вторымъ тисненіемъ, въ Спб., при Имп. Акад. Наукъ, 1802, стр. 2).

[2]) Замѣтимъ, что указомъ 11 II 1736, 6.890, п. 20, мещеряковъ было повелѣно все же селить между русскими.

[3]) Мы можемъ назвать здѣсь еще одну категорію, о которой уже шла рѣчь выше: а именно, мы видѣли, что для заселенія Оренбургскихъ крѣпостей было предписано перевести до 3000 семей изъ ненаписанныхъ въ подушный окладъ и въ ландмилицію городовыхъ старыхъ службъ служилыхъ людей Казанской и другихъ губерній—мы уже привели причины, заставляющія насъ сомнѣваться въ томъ, чтобы это предписаніе было исполнено (указъ 20 VIII 1739, 7.876, п. 14. Это предписаніе было повторено въ указѣ 23 I 1740, 8.011, п. 10 котораго предписалъ даже ускорить заселеніе крѣпостей этими служилыми людьми).

Digitized by Google

элементовъ, изъ которыхъ сложилось Оренбургское казачье войско, то, къ сожалѣнію, сколько-нибудь точный и исчерпывающій отвѣтъ на этотъ вопросъ мы бы дать не могли. У Рычкова, напр., мы находимъ лишь отрывочныя и случайныя данныя [1]); свѣдѣнія, которыя мы встрѣчаемъ въ другихъ источникахъ, также не могутъ считаться достаточными [2]).

Обращаясь затѣмъ къ вопросу о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ отбывалась казачья служба, мы должны прежде всего замѣтить, что казаки были свободны отъ подушнаго оклада и какихъ-либо податей [3]); далѣе, они дѣлились на двѣ категоріи: на жалованныхъ (т. е. получавшихъ жалованіе) и на своекоштныхъ (т. е. неполучавшихъ жалованія) [4]). Чѣмъ руководствовалось правительство при этомъ раздѣленіи и сколько казаковъ первоначально принадлежало къ каждой изъ этихъ группъ,—мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. Впрочемъ, и для казаковъ, которые состояли на жалованіи, послѣдняго не было достаточно: поэтому, имъ отводились и земли, служившія главнымъ источникомъ

---

[1]) Такъ, напр., онъ сообщаетъ, что въ крѣп. Орской почти всѣ казаки (ихъ всего было 50) состояли изъ иновѣрцевъ и что въ крѣп. Красногорской, Верхнеозерной и Борской они состояли изъ русскихъ и татаръ. Быть можетъ и это были первоначально служилые мещеряки. Далѣе, онъ указываетъ на татаръ Мочинской слободы и на башкиръ дер. Канчурина, которые отбывали казачью службу (послѣдніе — въ крѣп. Верхнеозерной) (Топ. Ор., II, 137), а также на крещеныхъ и некрещеныхъ калмыкъ, упоминаемыхъ Кириловымъ въ его табели (Ист. Ор., I, 219).

[2]) *Стариковъ*, изъ приводимаго имъ для времени Неплюева общаго числа казаковъ (4493 чел.; см. ниже), 2250 чел. считаетъ природными казаками (Уфимскими, Самарскими, Исетскими и т. д.); что касается остающихся 2243 чел., то изъ нихъ, по его словамъ, 1394 чел. приходилось „на долю разночинцевъ, т. е. нагайбакъ, татаръ, калмыкъ, мещеряковъ и крестьянъ“, тогда какъ остальные 849 чел. состояли изъ казаковъ малороссійскихъ, городовыхъ и станичниковъ, переведенныхъ съ линій Бѣлгородской, Симбирской, Корсунской и другихъ (*Стариковъ*, Истор.-статист. очеркъ, стр. 75). Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ источниковъ, изъ которыхъ онъ заимствовалъ свѣдѣнія объ этомъ переводѣ; въ имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи матеріалахъ мы никакихъ указаній на этотъ переводъ не нашли. Вообще приведенный разсчетъ г. Старикова не поддается нашей провѣркѣ.

Также никакихъ данныхъ мы не нашли и относительно переселенія и перечисленія въ составъ Оренбургскаго войска казаковъ съ новой закамской линіи и дворянъ и малолѣтковъ изъ Саратовскаго края, о которыхъ, къ сожалѣнію также безъ указанія источниковъ, говорятъ: о первомъ—*Витевскій* (стр. 289), а о второмъ, пріурочивая его къ 1765 г.,—*Стариковъ* (Откуда взялись казаки, стр. 77).

[3]) См., напр., указъ 13 II 1748, 9.484.

[4]) И послѣдніе получали жалованіе въ тѣхъ случаяхъ, когда командировались далѣе 100 в. отъ дома.—Казаки, кромѣ службы, должны были отбывать подводную повинность, участвовать въ городовыхъ работахъ (ср. указъ 23 I 1740, 8.011, п.п. 13 и 14), возить почту (см. указъ 6 VI 1757, 10.735) и т. д.

Digitized by Google

ихъ существованія [1]). Эти земли и образовали „землю Оренбургскаго казачьяго войска“, составлявшаго, какъ мы знаемъ, въ теченіе долгаго времени самостоятельную административную единицу. Кромѣ того казаки имѣли право „торговать и всякимъ ремесломъ промышлять“: мы не знаемъ, когда это право имъ было дано, но о немъ упоминаетъ одинъ законъ 1803 г., какъ о существующемъ фактѣ [2]).

Намъ необходимо теперь разсмотрѣть административную организацію Оренбургскихъ казаковъ. Къ сожалѣнію, мы здѣсь—въ особенности для перваго времени—можемъ говорить лишь въ общихъ чертахъ, такъ какъ этотъ вопросъ долженъ считаться довольно темнымъ и не выясненнымъ. До 1748 г. казаки Оренбургскаго края не составляли одного цѣлаго и не имѣли самостоятельнаго управленія; одни были подчинены воеводамъ, другіе—командирамъ ландмилицкихъ полковъ и т. д., смотря по мѣстнымъ условіямъ. Сосредоточенные въ Оренбургѣ казаки, собранные изъ Самары, Уфы и т. д., уже вскорѣ послѣ вступленія Неплюева въ управленіе краемъ, составили особый „Оренбургскій нерегулярный корпусъ“, дѣлившійся на сотни. Въ 1744 г. во главѣ этого корпуса было поставлено особое должностное лицо, получившее названіе войскового атамана Оренбургскаго казачьяго войска [3]). Однако, Неплюевъ хотѣлъ объединить всѣхъ казаковъ Оренбургскаго края въ одно войско, и согласно его представленію военная коллегія въ 1748 г. предписала ему представить штатъ этого войска, что Неплюевымъ и было исполнено тогда же. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ томъ же 1748 г. было предписано, чтобы всѣ казаки Оренбургскаго края назывались Оренбургскими, а во главѣ ихъ былъ поставленъ въ каче-

---

[1]) Въ законодательствѣ мы неоднократно встрѣчаемся съ указаніями о надѣленіи казаковъ землею: см., напр., указы 11 II 1736, 6.890, п.п. 10 и 20; 23 I 1740, 8.011, п. 14; 15 II 1745, 9.110, п. 28 (послѣдній указъ касался казаковъ Ставропольскаго вѣдомства). Отчасти для поселенія казаковъ была учреждена въ 1740 г. особая контора экономіи, о которой мы уже упоминали выше (*Рычковъ*, Ист. Ор., I, 402). Иногда идетъ рѣчь о пособіи и на построеніе домовъ, даваемомъ казакамъ при поселеніи (указъ 11 II 1736, 6.890, п. 20; см. также приведенную выше, стр. 220 прим. 2, выдержку изъ *Рычкова*, Ист. Ор., I, 222). По словамъ *I. Г. Георги* (назв. соч., т. IV, стр. 221) главнымъ занятіемъ казаковъ по линіи, вслѣдствіе недостатка въ удобныхъ земляхъ, являлось скотоводство, а у многихъ также и торговля, тогда какъ казаки Уфимской и Исетской пров. занимались главнымъ образомъ земледѣліемъ (хотя и звѣроловствомъ) и отъ продажи на линіи избытковъ хлѣба пріобрѣтали „изрядныя деньги“. Вообще Георги считалъ Оренбургскихъ казаковъ болѣе зажиточными, чѣмъ Донскихъ (всѣ эти данныя относятся къ концу XVIII вѣка).

[2]) Выс. утв. докладъ военной колл. 8 VI 1803, 20.786.

[3]) *Стариковъ*, Истор.-стат. очеркъ, стр. 65. Эту должность занималъ Матвѣй Шиловъ съ 1744 по 1748 г. и Василій Могутовъ съ 1748 по 1778 г.

Digitized by Google

ствѣ войскового атамана Василій Могутовъ. Согласно представленному Неплюевымъ штату общее число казаковъ должно было составлять 4.493 чел., изъ коихъ 1.413 жалованныхъ и 3.080 безжалованныхъ [1]).

Разсмотрѣніе Неплюевскаго штата въ военной коллегіи затянулось почти на цѣлыхъ 7 лѣтъ, въ теченіе которыхъ Неплюевъ (въ 1754 г.) вошелъ съ дополнительнымъ представленіемъ объ увеличеніи численности Оренбургскаго корпуса въ сравненіи съ первоначальными его предположеніями (до 1.000 рядовыхъ, включая Оренбургскихъ крещеныхъ калмыкъ). Наконецъ, въ 1755 г. штатъ былъ утвержденъ, при чемъ численность войска была увеличена до 5877 чиновъ (изъ нихъ 1797 жалованныхъ и 4.080 безжалованныхъ). Во главѣ войска была поставлена войсковая изба (канцелярія), состоявшая изъ войсковаго атамана, есаула и писаря [2]). При этомъ по новому штату казаки дѣлились на три категоріи: жалованныхъ, къ которымъ принадлежали казаки Оренбургскаго корпуса (они должны были выставлять на службу половинное число людей), далѣе, маложалованныхъ (которые должны были выставлять треть людей) и, наконецъ, безжалованныхъ (которые должны были выставлять не болѣе четверти людей). Въ составъ казаковъ предписывалось набирать „природныхъ казаковъ, какъ то: казачьихъ дѣтей, достигшихъ 17 лѣтъ, дворянъ и другихъ лицъ, непричисленныхъ ни къ какому сословію и проживавшихъ въ городахъ Царицынѣ, Саратовѣ, Камышинѣ, Сызрани, Ставрополѣ, Сенгилеѣ, Самарѣ и Алексѣевскѣ „дабы они въ тѣхъ мѣстахъ праздно не шатались и, живучи при Волгѣ, въ воровство и другія непотребства впадать не могли““ [3]). Далѣе, у безжалованныхъ казаковъ всѣ дѣти, достигшія 17

---

[1]) *Рычковъ*, Ист. Ор., II, 395. При этомъ, согласно *Старикову*, Оренбургскій корпусъ, включавшій и казаковъ Бердской слободы, долженъ былъ заключать въ себѣ 813 чел., Исетская провинція 1.380 чел., Уфимская провинція 1.250 чел.; остальныя крѣпости по линіи 1.050 чел.—итого 4.493 чел. (*Стариковъ*, Истор.-статист. очеркъ, стр. 73—5).

[2]) *Стариковъ*, Истор.-статист. очеркъ, стр. 75—6. Часть этого штата см. у *Старикова*, Откуда взялись казаки, стр. 135. См. также приводимый у *Рябинина* (Уральское казачье войско, 1866, II, стр. 8—10) указъ 14 IV 1755 г., въ которомъ число Оренбургскихъ казаковъ по новому штату опредѣлено въ 1797 жалованныхъ и 3.800 (3.080?) безжалованныхъ, при чемъ приведенъ невѣрный итогъ (4.877 вмѣсто 5.597). Въ дѣйствительности число казаковъ въ 1748 г. составляло: въ Исетской пров. 1.230 чел., въ Уфимской—1.150, въ Оренбургѣ и Бердской слоб. 650, по линіямъ— 1.020, а всего 4.050 чел., изъ коихъ жалованныхъ 1.702 чел., а безжалованныхъ—2348 (*Стариковъ*, Откуда взялись казаки, стр. 132).

[3]) *Стариковъ*, Истор.-статист. очеркъ, стр. 76—8. На линію, по словамъ Старикова, ежегодно наряжалось 1229 чел. казаковъ; очевидно, часть казаковъ несла службу въ другихъ мѣстахъ, кромѣ линіи (см. объ этомъ напр. Выс. утв. докл. военной

Digitized by Google

лѣтъ, должны были писаться въ казаки, хотя бы и свыше опредѣленнаго въ штатѣ числа [1]).

Таковы данныя о новомъ штатѣ, приводимыя Стариковымъ; къ сожалѣнію, однако, они не всегда совпадаютъ съ другими дошедшими до насъ свѣдѣніями. Такія свѣдѣнія мы прежде всего находимъ въ указѣ 28 X 1758 г., предписывающемъ увеличить содержаніе разныхъ категорій Оренбургскихъ казаковъ; хотя этотъ указъ и изданъ послѣ штата 1755 г., тѣмъ не менѣе приведенное въ немъ общее число казаковъ, исключая Оренбургскаго корпуса, составляетъ лишь 3.793 (съ 92 сверхштатными—3.885) чел. [2]). Если къ этой суммѣ и прибавить Оренбургскій тысячный корпусъ, то все же получится лишь около 4800—4900 чел. Очень близка къ этой суммѣ относящаяся къ 1755 г. цифра, заимствованная Витевскимъ изъ Тургайскаго архива и составлявшая для Оренбурга 1094 чел. а для губерніи 3.782 чел., а всего 4.876 чел. [3]). Гораздо ближе къ штату 1755 г. данныя Рычкова, относящіяся къ концу 1750-хъ гг.: по этимъ даннымъ общее число казаковъ, какъ мы видѣли, составляло 4.535 чел. (безъ Оренбургскаго корпуса), что вмѣстѣ съ Оренбургскимъ корпусомъ составитъ около 5.550—5.600 чел. Эта цифра однако тоже ниже штата 1755 г.

Если мы затѣмъ обратимся къ болѣе позднему времени, то къ 1 января 1768 г. Оренбургское войско заключало въ себѣ 13.769 душъ м. п., среди коихъ число строевыхъ составляло 3877, отставныхъ—2.433, а малолѣтковъ—5459 чел. [4]). Законъ 31 VIII 1771 г., увели-

---

коллегіи 31 VIII 1771, 13.469, гдѣ сказано, что нерегулярныя Оренбургскія войска „употребляются къ разнымъ посылкамъ и разъѣздамъ какъ внутри губерніи, такъ и по линіи"). Въ другой своей книгѣ (Откуда взялись козаки, стр. 139) Стариковъ сообщаетъ, что для охраненія линіи каждое лѣто въ обыкновенное время наряжалось по 1926 Оренбургскихъ казаковъ.

[1]) *Стариковъ*, Откуда взялись казаки, стр. 136.

[2]) А именно: по Яику и Самарѣ на жалованіи 553 чел., безъ жалованія 545 чел., далѣе безъ жалованія же въ Уфимской пров.—1.019, въ Исетской—1526, далѣе, въ Уфѣ на жалованіи 150 чел., итого на жалованіи 703, безъ жалованія 3.090 чел. и 92 сверхштатныхъ казаковъ въ крѣп. Нижнеозерной и Ильинской. Всѣ эти цифры взяты изъ указа 28 X 1758, 10.894; возможно, что онѣ касаются не всѣхъ крѣпостей Оренбургскаго края; но жаль, что у г. Старикова этотъ вопросъ не выясняется, тѣмъ болѣе что онъ тутъ же ссылается на этотъ указъ (называя его только невѣрно указомъ № 10.886) (Истор.-статист. очеркъ, стр. 79). Для войска этотъ указъ имѣлъ важное значеніе, такъ какъ онъ во многихъ случаяхъ уравнивалъ Оренбургскихъ казаковъ съ Донскими и Яицкими относительно жалованія и т. д. Жалованіе Исетскимъ казакамъ было установлено въ указѣ 15 III 1761 г.: См. объ этомъ Выс. утв. докладъ военной коллегіи 8 VI 1803, 20.786.

[3]) *Витевскій*, стр. 861, прим. g.

[4]) *Стариковъ*, Истор.-статист. очеркъ, стр. 79. Въ 1771 г. общее число Орен-

Digitized by Google

чившій (вслѣдствіе бѣгства калмыкъ въ Китай) численность гарнизонныхъ и полевыхъ войскъ въ Оренбургскомъ краѣ, находилъ, что число какъ Яицкихъ, такъ и Оренбургскихъ казаковъ вполнѣ достаточно для защиты крѣпостей Оренбургскаго края [1]). Такъ обстояли дѣла въ самомъ началѣ 1770-хъ гг. Вскорѣ послѣ того надъ Оренбургскимъ краемъ разразился Пугачевскій бунтъ, который не могъ не отозваться на положеніи Оренбургскихъ казаковъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ его усмиреніи. Однако, въ самомъ устройствѣ войска мы никакихъ перемѣнъ не видимъ вплоть до конца XVIII вѣка. Лишь въ 1798 г. было издано важное положеніе, касавшееся организаціи всѣхъ иррегулярныхъ войскъ, несшихъ службу на Оренбургской линіи. Въ общемъ этотъ законъ признавалъ, что стража на линіи „достаточна и содержится такъ, какъ надобно". Недостатками существующаго устройства законъ признавалъ отдаленность казачьихъ жилищъ отъ линіи (вслѣдствіе которой казаки являлись на послѣднюю съ изнуренными лошадьми или вовсе теряли послѣднихъ), а также вредное вліяніе службы на хозяйство казаковъ, вслѣдствіе котораго нѣкоторые казаки впадали въ совершенную бѣдность. Для устраненія этихъ недостатковъ, а равно и разныхъ неустройствъ у башкиръ и мещеряковъ, также несшихъ слу-

---

бургскихъ казаковъ составляло 13.874 чел., изъ которыхъ строевыхъ 5.193 чел. (тамъ же, стр. 82). Въ другой книгѣ Старикова (Откуда взялись казаки, стр. 140) эта сумма (13.874) отнесена къ 1 января 1764 г. Которой изъ всѣхъ этихъ цифръ вѣрить— сказать трудно.

[1]) Выс. утв. докладъ военной коллегіи 31 VIII 1771, 13.649. О численности казаковъ съ 1780-хъ гг. мы имѣемъ лишь нѣкоторыя, и то противорѣчивыя данныя по Симбирской губ., встрѣчающіяся въ „Топографическомъ описаніи Симбирской губ." за 1785 г. (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 406). Согласно заключающейся въ этомъ „Описаніи" таблицѣ населенія губерніи по сословіямъ, число казаковъ составляло:

	м. п.	ж. п.
Отставныхъ	171	164
Служащихъ и не служащихъ	199	213
Итого	370	377

Съ этими данными однако не совпадаютъ свѣдѣнія, сообщаемыя при описаніи отдѣльныхъ городовъ: согласно этимъ свѣдѣніямъ число „казаковъ" составляло:

	м. п.	ж. п.
Алатырь	213	248
Курмышъ	84	92
Ставрополь	69	76
Самара („отставныхъ казаковъ")	164	156
Итого	530	572

Digitized by Google

жбу на линіи, законъ 1798 г. ввелъ рядъ нововведеній, которыя заключались въ слѣдующемъ.

Вся линія отъ Усть-Уйской крѣп. до Гурьева была раздѣлена на пять дистанцій [1]). Всѣ служившіе на линіи нерегулярныя войска были раздѣлены на кантоны съ кантонными начальниками во главѣ, при чемъ Оренбургское войско было раздѣлено на пять кантоновъ [2]). Служба на линіи должна была быть распредѣлена между кантонами въ зависимости отъ разстоянія ихъ отъ линіи, при чемъ было установлено число людей, которое каждый изъ нихъ долженъ былъ высылать на нее. Производство нарядовъ было возложено на кантонныхъ начальниковъ; наряжаемые должны были получать путевое продовольствіе отъ всего общества, которое и по дорогѣ къ линіи должно было учреждать особыя станціи или пристанища; кантонные начальники должны были заботиться о хозяйствѣ наряженныхъ на службу, особенно во время жатвы и сѣнокоса; для каждой дистанціи учреждалась должность походнаго начальника, который долженъ былъ принимать наряженныхъ и завѣдывать службой на линіи. Для приведенія всѣхъ этихъ мѣръ въ исполненіе было предписано произвести перепись казаковъ, могущихъ нести службу, т. е. въ возрастѣ отъ 20 до 50 лѣтъ [3]). Таковы были постановленія закона 1798 г. Во исполненіе ихъ начальникъ Оренбургскаго края, баронъ Игельстромъ, издалъ слѣдующія предписанія на имя Оренбургской войсковой канцеляріи. Всѣ кантонные начальники должны потребовать отъ крѣпостныхъ атамановъ свѣдѣнія о служащихъ и отставныхъ казакахъ и о казачьихъ малолѣткахъ, для представленія ихъ въ Оренбургъ; кромѣ того впредь крѣпостные атаманы должны ежемѣсячно представлять подобныя свѣдѣнія кантоннымъ начальникамъ (съ означеніемъ убыли и прибыли), съ тѣмъ чтобы послѣдніе представляли ежемѣсячныя генеральныя вѣдомости о томъ въ Оренбургъ. Нарядъ на службу въ каждомъ кантонѣ долженъ производиться кантоннымъ начальникомъ въ общемъ собраніи станичныхъ атамановъ по числу населенія (т. е. служащихъ и отставныхъ казаковъ и малолѣт-

---

[1]) 1. Отъ Усть-Уйской крѣпости до Верхоуральской; 2. отъ Верхоуральской до Орской; 3. Отъ Орской до Оренбурга; 4. Отъ Оренбурга до г. Урала; 5. Отъ г. Урала до Гурьева.

[2]) Во главѣ 1-го кантона былъ поставленъ войсковой атаманъ Исетскихъ казаковъ; 2-го—Чебаркульскій станичный атаманъ; 3-го—Уральскій станичный атаманъ; 4-го—войсковой атаманъ всего Оренбургскаго войска, и 5-го—атаманъ Самарскихъ казаковъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и кантоны носили названія Исетскаго, Чебаркульскаго, Уфимскаго, Оренбургскаго и Самарскаго. *Стариковъ*, Откуда взялись казаки, стр. 141. Ср. т. I настоящаго сочиненія, стр. 307—8.

[3]) Указъ 10 IV 1798, 18.477.

ковъ), и притомъ по очереди; наряжаемые должны состоять въ возрастѣ отъ 20 до 50 л. и обладать достаточнымъ вооруженіямъ и одеждой и двумя лошадьми; все это—т. е. и одежду, и вооруженіе, и лошадей — они должны получать отъ общества, для чего весь необходимый на это расходъ долженъ быть разложенъ между всѣми казаками (включая сюда и самихъ выкомандированныхъ) по ихъ имущественному достатку. Наряженные казаки должны прибывать на мѣсто службы ежегодно къ 16 мая и оставаться на немъ до 16 ноября; во все это время всѣ наряженные отъ даннаго кантона казаки должны состоять подъ начальствомъ двухъ или трехъ походныхъ начальниковъ, преим. изъ атамановъ, которые въ свою очередь во все время службы должны состоять подъ начальствомъ дистаночныхъ начальниковъ. Далѣе, предписаніе Игельстрома заключало въ себѣ и нѣкоторыя болѣе подробныя постановленія о судебной компетенціи кантонныхъ начальниковъ[1], объ обязанности ихъ слѣдить за хозяйствомъ каждаго казака и т. д. [2]).

Кромѣ службы на линіи казаки должны были еще содержать городовые внутренніе и внѣшніе караулы; изъ нихъ же составлялись команды для разныхъ конвоевъ внутри губерніи, а, въ случаѣ нападеній, команды для преслѣдованія кочевниковъ внѣ губерніи, въ степи[3]). При этомъ попрежнему дѣйствовалъ штатъ 1755 г., а жалованіе также попрежнему уплачивалось казакамъ по правиламъ, установленнымъ въ указахъ 1758 и 1761 гг. [4]).

Прежде чѣмъ перейти къ статистикѣ Оренбургскаго войска въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв., мы хотѣли бы указать еще на два ряда измѣненій, относящихся къ концу изучаемой нами эпохи (послѣ закона 1798 г.).

А именно, съ одной стороны закономъ 1803 г. были внесены нѣкоторыя измѣненія въ устройство Оренбурскаго войска. Часть этихъ измѣненій мы уже знаемъ изъ 1-го тома настоящаго сочиненія (стр. 162 и 309): они заключались въ томъ, что войсковая канцелярія была

---

[1]) Онъ могъ судить дѣла по маловажнымъ преступленіямъ; дѣла по важнымъ преступленіямъ подлежали суду войсковой канцеляріи и главнаго военнаго начальника края; гражданскія же дѣла подлежали суду гражданскаго правительства.

[2]) Это предписаніе приведено въ Выс. утв. докладѣ военной коллегіи 8 VI 1803, 20.786.

[3]) Выс. утв. докладъ военной коллегіи 8 VI 1803, 20.786. — Съ конца XVIII в Оренбургскіе казаки стали принимать участіе и во внѣшнихъ войнахъ Россіи на западѣ. Первый случай подобнаго участія относится къ войнѣ съ Швеціей 1790 г., послѣ чего наступилъ перерывъ до 1807 г., когда было командировано въ Пруссію два полка (*Стариковъ*, Истор.-статист. очеркъ, стр. 94; *Его же*, Откуда взялись казаки, стр. 259).

[4]) Выс. утв. докладъ военной коллегіи 8 VI 1803, 20.786.

Digitized by Google

преобразована, при чемъ она была поставлена въ зависимость по воинскимъ дѣламъ отъ инспектора Оренбургской инспекціи, а по гражданскимъ — отъ Оренбургскаго губ. начальства. Одновременно съ этимъ Оренбургскому военному губернатору вмѣстѣ съ войсковой канцеляріей было повелѣно выработать для войска новый штатъ съ назначеніемъ казакамъ „безобиднаго однимъ предъ другими отъ казны содержанія“. Послѣднее предписаніе нашло однако свое осуществленіе лишь въ 1840 г. [1]). Затѣмъ были внесены и нѣкоторыя другія измѣненія: такъ, напр., въ силу свободы войска отъ податей (кромѣ нѣкоторыхъ повинностей) казакамъ было дозволено получать отставку лишь по старости или болѣзнямъ и т. д.

Второе измѣненіе коснулось разселенія казаковъ по территоріи Оренбургскаго края. А именно, въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв. охранявшія край регулярныя войска были выведены изъ Оренбургской губ. на западную границу, гдѣ безъ нихъ въ то время обойтись не могли; вмѣстѣ съ этимъ, однако, прикрытіе линіи сдѣлалось недостаточнымъ. Вслѣдствіе этого въ 1804 г. было повелѣно нѣкоторыхъ казаковъ внутреннихъ кантоновъ, жившихъ на Самарской линіи и внутри губерніи, поселить по линіи между Оренбургомъ и крѣп. Звѣриноголовскою. На основаніи этого предписанія въ 1805 г. на линію было переселено 1181 чел. казаковъ изъ Исетскихъ станицъ [2]), а въ 1806 г. — 755 (455?) чел. изъ Уфимскихъ станицъ [3]). Переселенію подлежали только желающіе, но такъ какъ въ Исетскомъ вѣдомствѣ они должны были получать подмогу, и при томъ довольно значительную, отъ своихъ обществъ, то это вызвало волненія между Исетскими казаками, такъ что пришлось даже прибѣгнуть къ суровымъ мѣрамъ. Уфимскіе казаки были переселены безъ пособія отъ ихъ обществъ [4]).

Далѣе, на линію была переведена и часть татаръ Сеитовской слободы[5]).

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію численности Оренбургскихъ казаковъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв. Согласно Старикову перепись, произведенная по указу 1798 г., дала слѣдующіе результаты: общее число казаковъ составляло 20.519 душъ м. п., изъ нихъ служа-

---

[1]) А именно въ Выс. утв. положеніи объ Оренбургскомъ каз. войскѣ 12 XII 1840, П 14.041.

[2]) Уйской, Кичигинской, Чебаркульской, Коельской, Челябинской, Міасской, Эткульской, Еманжелинской.

[3]) Уфы, Красноуфимска и стан. Ельдяцкой и Табынской.

[4]) *Стариковъ*, Откуда взялись казаки, стр. 106—7 и 147.

[5]) Тамъ же, 93—94.

Digitized by Google

щихъ 5.954, отставныхъ 3.121, а малолѣтковъ 11.444 чел. Все это население жило въ 39 станицахъ, которыя и были распредѣлены по пяти кантонамъ [1]).

Дальнѣйшія свѣдѣнія о численности Оренбургскаго казачества мы находимъ въ изложенномъ выше законѣ 1803 г.: согласно послѣднему во всѣхъ пяти кантонахъ число служащихъ составляло 8250 (изъ нихъ старшинъ 227, урядниковъ 517, казаковъ 7.506), число отставныхъ—3001, а малолѣтковъ 9.976, итого 21.227 чел. м. п. Сюда надо еще прибавить стоявшій въ Оренбургѣ казачій корпусъ, состоявшій изъ 2.100 чел. и выставлявшій полкъ въ 1090 чел. [2]).

Всего это составитъ 23.327 чел., изъ коихъ 9.340 служащихъ и 13.987 отставныхъ и малолѣтковъ.

Наконецъ. по гос. окладной книгѣ за 1806 г. общая численность казаковъ въ губ. Оренбургской, Пермской и Симбирской составляла 20.158. Разница, замѣчаемая между цифрами 1803 и 1806 г. г. легко объясняется: въ цифру 1803 г. (какъ видно и изъ текста закона 1803 г., который ее приводитъ) входили и причисленные въ 1792 г. къ Оренбургскому войску Сеитовскіе татары [3]), которые въ окладной же книгѣ 1806 г. значатся особо въ числѣ 3.180 чел. Если эту сумму

---

[1]) *Стариковъ*. Истор.-статист. очеркъ, стр. 89. Изъ 5.954 служ. казаковъ 2.674 чел. ежегодно наряжались на Уральскую и Уйскую линію (тамъ же, стр. 94). *Шторхъ* находилъ, что Оренбургское войско легко можетъ выставить до 20.000 вооруженныхъ людей, хотя въ службѣ числилось только 8—10.000 чел. (*Storch*, Historisch-statistisches Gemälde, I Theil, Riga 1797, стр. 91). То же самое говоритъ и *Георги* (назв. соч., стр. 220—1. „Они"—прибавляетъ послѣдній авторъ объ Оренбургскихъ казакахъ—„столько же войскъ различныхъ составляютъ, сколько занимаютъ крѣпостей,и не считаются полками", хотя и состоятъ всѣ подъ начальствомъ войскового атамана въ Оренбургѣ).

По гос. окладной книгѣ за 1797 г. число „отставныхъ казаковъ и ихъ дѣтей" составляло всего 7.515 чел. Но эта цифра относится ко времени до переписи 1798 г.; далѣе, какъ видно изъ надписи, она не заключаетъ въ себѣ служащихъ казаковъ; наконецъ, она касается лишь Оренбургской губ., а данныхъ о Симбирской и Пермской губ., какъ и вообще данныхъ о числѣ неположенныхъ въ окладъ въ этихъ двухъ губерніяхъ, въ книгѣ за 1797 г. нѣтъ.

[2]) Этотъ полкъ не принадлежалъ ни къ одному изъ кантоновъ и состоялъ на особыхъ условіяхъ, такъ какъ долженъ былъ всегда быть готовымъ къ выступленію, „если бы того заграничныя обстоятельства потребовали." Законъ 1803 г. заключалъ въ себѣ новый штатъ для него (въ 1.074 чел.) и предписывалъ комплектовать его изъ названныхъ 2.100 чел., а въ случаѣ надобности и изъ причисленныхъ къ кантонамъ семей съ переводомъ ихъ въ такомъ случаѣ въ Оренбургъ (Выс. утв. докладъ военной коллегіи 8VI 1803, 20.786).

[3]) Мы нашли болѣе удобнымъ выдѣлить ихъ въ особую категорію населенія и посвятить имъ отдѣльный очеркъ.

Digitized by Google

прибавить къ числу казаковъ по окладной книгѣ за 1806 г. (20.158), то мы получимъ цифру 23.338, почти совпадающую съ цифрой 1803 г. [1]).

[1]) Вотъ какъ казаки распредѣлялись по уѣздамъ:

ГУБЕРНІИ:	УѢЗДЫ:	Окладныя книги. 1797	Окладныя книги. 1806	В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 312 М.	В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 312 Ж.
Оренбургская (Уфимская).	Белебеевскій	840	упр.	упр.	упр.
	Бирскій	—	782	—	—
	Бугульминскій	—	—	—	—
	Бугурусланскій	—	упр.	упр.	упр.
	Бузулукскій	—	1819	66	78
	Верхнеуральскій	—	44	—	—
	Мензелинскій	—	1320	—	—
	Оренбургскій	513	5221	352	418
	Сергіевскій	96	упр.	упр.	упр.
	Стерлитамакскій	—	436	—	—
	Троицкій	3513	5245	3513	3719
	Уфимскій	218	759	220	262
	Челябинскій	2335	2704	2333	2618
				6484	7095
Пермская.	Верхотурскій	Нѣтъ свѣдѣній.	28		
	Красноуфимскій		1009		
Симбирская.	Самарской		706		
	Ставропольскій		85		
	Итого	7515.	20.158.		

Казаки Оренбургской губ. и въ гос. окладной книгѣ за 1806 г. (какъ и въ книгѣ за 1797 г.) приведены подъ рубрикой „отставныхъ казаковъ и ихъ дѣтей“; но это объясняется тѣмъ, что рубрики эти были напечатаны и переходили изъ года въ годъ; прежде, вѣроятно, дѣйствительно приводились въ окладныхъ книгахъ данныя лишь объ отставныхъ и ихъ дѣтяхъ; что же касается данныхъ за 1806 г., то какъ просмотръ цифръ отдѣльныхъ уѣздовъ (напр. Оренбургскаго) и сопоставленіе ихъ съ соотв. данными за 1797 г., такъ и сравненіе общей суммы за 1806 г. съ цифрой 1803 г. показываютъ, что здѣсь вошли въ счетъ и служащіе казаки. И въ В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 312 казаки приведены подъ рубрикой „отставныхъ казаковъ и ихъ дѣтей“.

Относительно казаковъ, жившихъ въ городахъ Оренбургской губ., мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія въ Арх. Сен., дѣло № 253, 1800 г., „по рапорту сен. Спиридова и Лопухина объ осмотрѣ Оренбургской губ.“:

	Казаковъ и ихъ дѣтей. Служащихъ.	Казаковъ и ихъ дѣтей. Отставныхъ.
Бузулукъ	107	30
Верхнеуральскъ	44 (вмѣстѣ)	
Оренбургъ	1117	571
Троицкъ	110 (вмѣстѣ)	
Уфа	293	220
Челябинскъ	68	606

Въ остальныхъ городахъ казачьяго населенія не значится.

Digitized by Google

Если мы сравнимъ данныя 1803—6 г.г. (безъ Сеитовскихъ татаръ) съ приведенной выше цифрой 1768 г. (13.769), то увидимъ, что за этотъ 35—38-лѣтній періодъ численность войска увеличилась на 46,4%. Однако это нельзя приписать одному естественному приросту, такъ какъ въ теченіе названнаго періода, какъ и до него, были случаи причисленія къ войску новыхъ элементовъ. Такъ, въ 1765 г. было позволено Ставропольскимъ калмыкамъ въ числѣ до 200 семей переселится къ своимъ роднымъ въ Оренбургъ, съ тѣмъ чтобы годные были причислены къ Оренбургскому нерегулярному корпусу [1]); далѣе, законъ 1803 г. сообщаетъ, что послѣ 1745 г. „причисляемы въ сіе войско были люди разнаго состоянія и казенные и помѣщичьи крестьяне и торговые и служилые татары"; въ другомъ мѣстѣ этотъ указъ говоритъ, что такія причисленія имѣли мѣсто особенно въ 1798 и 1799 г.г. по Выс. указамъ [2]).

IV. Яицкое (Уральское) казачье войско [3]).

Происхожденіе Яицкаго войска всѣ изслѣдователи его исторіи относятъ къ концу XVI в., а именно ко времени около 1580 г., когда часть Волжскихъ казаковъ, бѣжавшихъ отъ посланнаго противъ нихъ

---

[1]) Указъ 20 I 1765, 12.317. Это разрѣшеніе было мотивировано слѣдующимъ образомъ: „хотя по учиненному о тамошнихъ нерегулярныхъ войскахъ штату и положено содержать тамъ казаковъ 1000 чел., комплектуя изъ дѣтей казачьихъ и ссыльныхъ: токмо, за недостаткомъ оныхъ, никогда тамъ полнаго числа не бываетъ; а какъ Оренбургскія линіи отъ степныхъ и легкомысленныхъ народовъ всегдашней предосторожности подвержены: того ради оные калмыки конечно тамъ надобны, для того что можно будетъ изъ нихъ годныхъ выбирать и то казачье число наполнять, какъ изъ родственниковъ ихъ, тамъ находящихся, нѣкоторые помѣщены,.... а прочіе могутъ число тамошнихъ жителей умножать..."

[2]) Выс. утв. докладъ военной коллегіи 8 VI 1803, 20.786.—До насъ дошелъ одинъ изъ этихъ Выс. указовъ, а именно указъ 12 X 1799, 19.150, коимъ ясачные крестьяне и татары Никитинскаго и Желтаго редутовъ были причислены къ Оренбургскому казачьему войску, съ исключеніемъ ихъ изъ подушнаго оклада. По сообщенію *Старикова*, къ Оренбургскому войску были еще причислены служилые татары дер. Зубочистки (Откуда взялись казаки, стр. 140; годъ причисленія не означенъ); далѣе, въ 1896 г. 141 семья (съ 578 душами об. п.) Донскихъ казаковъ, за участіе въ бунтѣ 5 станицъ при переселеніи на Кавказкую линію, было переселено на Оренбургскую линію, гдѣ они были размѣщены въ 15 крѣпостяхъ между крѣп. Верхнеуральской и Звѣриноголовской (тамъ же; ср. „Списки населенныхъ мѣстъ," Оренбургская губ., стр. LXXIX); наконецъ, въ 1802 г. казаки г. Ставрополя были переселены въ стан. Нижнеозерную (*Стариковъ*, тамъ-же, стр. 142).

[3]) Изъ литературы по исторіи Яицкихъ (Уральскихъ) казаковъ можно указать на слѣдующія сочиненія: *А. Левшинъ*, Историко-статистическое обозрѣніе Уральскихъ

Digitized by Google

въ 1577 г. отряда ратныхъ людей, перешла на Яикъ, заняла столицу ногайцевъ, Сарайчикъ, и рѣшила затѣмъ окончательно поселиться на этой рѣкѣ [1]). Далѣе, всѣ изслѣдователи согласны и въ томъ, что первоначальное поселеніе казаковъ находилось выше современнаго Уральска [2]), что они затѣмъ постепенно подвигали свое мѣсто жительства внизъ по теченію Яика, пока они въ XVII в. не остановили своего выбора на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ г. Уральскъ (при впаденіи р. Чагана въ Уралъ) [3]) и не основали тамъ Яицкій городокъ. Послѣдній въ теченіе долгаго времени—между прочимъ и въ первой четверти XVIII в.—былъ единственнымъ поселеніемъ Яицкихъ казаковъ.

Уже въ 1591 г. упоминается отрядъ въ 500 Яицкихъ казаковъ, который было предписано взять въ походъ противъ „царскаго непослушника" Шахмала [4]). Это показываетъ намъ, что уже тогда Яицкіе казаки должны были быть довольно многочисленны, не смотря на свое недавнее появленіе, и что уже тогда у нихъ были сношенія съ Московскимъ правительствомъ, носившія характеръ нѣкоторой зависимости войска отъ Москвы. Впрочемъ, эта зависимость облеклась въ извѣстную форму только позднѣе, а именно въ XVII в., и при томъ вѣроятно уже въ первой половинѣ его. Сохранилось преданіе, что казаки сами просили царя Михаила Θеодоровича принять ихъ подъ свою власть и что въ отвѣтъ на это они получили жалованную грамоту на владѣніе рѣкой Яикомъ „съ сущими при ней рѣки и притоки и со всякими угодьи отъ вершинъ той рѣки до устья", „чтобы имъ на этой рѣкѣ жить и владѣть и ему Великому Государю служить казачью службу и набираться на житіе вольными людьми" [5]). Правительству, конечно,

казаковъ, Спб., 1823; *А. С. Пушкинъ*, Исторія Пугачевскаго бунта, гл. I; *Рябининъ*, Уральское казачье войско, два тома, Спб., 1866 (въ Матеріалахъ для географіи и статистики Россіи); *Н. А. Θирсовъ*, Инородческое населеніе, стр. 315—333; *Витевскій*, Яицкое войско до появленія Пугачева (Р. Архивъ, 1879, кн. III, IV, VIII и X—XII); *Его же*, И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край, Казань, 1897, особ. гл. IX—XII и XXI; *Стариковъ*, Откуда взялись казаки, 2-ое изданіе, 1884, стр. 289—297; *Н. Бородинъ*, Уральское казачье войско, т. I, Уральскъ, 1891. Нѣкоторыя свѣдѣнія можно найти также въ книгѣ *Хорошхина*: Казачьи войска. Опытъ военно-статистическаго описанія, Спб., 1881.

[1]) См. *Левшинъ*, стр. 10, *Рябининъ*, т. I, стр. 5.

[2]) См. тамъ же.

[3]) При этомъ *Левшинъ* (стр. 15) относитъ перенесеніе города на это мѣсто къ 1622 г., *Витевскій*—къ серединѣ XVII в. (см. также *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 80 и *Рябининъ*, т. I, стр. 14—15).

[4]) Къ этому году пріурочивается оффиціальное начало Яицкаго войска, которое, поэтому, въ 1891 году праздновало свое 300-лѣтіе.

[5]) Еще раньше, уже въ царствованіи Іоанна Грознаго, послѣ покоренія Казани

Digitized by Google

должно было быть выгодно образованіе русскихъ поселеній на этой отдаленной окраинѣ, служившей постояннымъ мѣстомъ вторженія азіатскихъ кочевниковъ. Между тѣмъ въ концѣ XVII в. названная грамота сгорѣла, и даже утерялась память о томъ, въ чье царствованіе она была дана — Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича, Ѳеодора Алексѣевича или царевны Софіи. Многое, однако, говоритъ за то, что она была дана уже при царѣ Михаилѣ и что она затѣмъ подтверждалась каждымъ изъ его преемниковъ [1]).

Впрочемъ и послѣ того какъ зависимость Яицкихъ казаковъ отъ Москвы оформилась, власть послѣдней по отношенію къ нимъ въ теченіе долгаго времени продолжала быть въ высшей степени слабой. Казаки держали себя совершенно самостоятельно, часто грабили аулы сосѣднихъ кочевыхъ народовъ (калмыкъ и киргизовъ) и смежныя русскія селенія, разбойничали на Волгѣ и на Каспійскомъ морѣ и, наконецъ, принимали дѣятельное участіе и въ бунтахъ противъ русской власти какъ въ началѣ XVII в. (смутное время), такъ и во второй половинѣ его (Стенька Разинъ). Съ другой стороны и внутреннее управленіе у казаковъ носило характеръ вполнѣ независимый отъ Москвы: важнѣйшія дѣла рѣшались войсковымъ кругомъ, текущее же управленіе было возложено на выборныхъ лицъ, а именно на атамана и его помощниковъ, войсковыхъ старшинъ. Московскіе же приказы, вѣдавшіе Яицкихъ казаковъ, касались по большей части лишь назначенія составленныхъ изъ нихъ отрядовъ на службу [2]).

Между тѣмъ время брало свое: русское государство расло и крѣпло, а вмѣстѣ съ тѣмъ расли и притязанія его по отношенію къ Яицкой казачьей общинѣ. Въ особенности это становится замѣтнымъ во вторую половину царствованія Петра. Новое направленіе нашло свое выраженіе въ томъ, что въ 1721 г. Яицкое войско, которое съ 1719 г. находилось въ вѣдомствѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, было подчинено

верховья и среднее теченія Яика были пожалованы особою грамотою башкирамъ. *Рябининъ*, т. I, стр. 16—17 и т. II, стр. 3—4.

[1]) Въ пользу этого взгляда говоритъ съ одной стороны то обстоятельство, что уже начиная съ 1629 г. отряды Яицкихъ казаковъ неоднократно участвовали въ походахъ русскихъ войскъ, а съ другой, что въ одномъ поданномъ въ 1720 году прошеніи казаки сообщаютъ, что прежняя грамота имъ дана за 40 лѣтъ передъ тѣмъ.

[2]) Съ 1623 до 1680 г. Яицкое войско было подчинено посольскому приказу, а съ 1680 г. — Казанскому; затѣмъ уже въ XVIII в., вскорѣ по учрежденіи Сената, оно было передано въ его вѣдомство. По даннымъ, приводимымъ въ Ур. Войск. Вѣд. за 1869 г., № 33, точно установить время, когда состоялась эта передача въ вѣдѣніе Сената, нельзя.

Digitized by Google

военной коллегіи [1]). Послѣдняя, какъ представительница военныхъ интересовъ центральнаго правительства, не могла сочувствовать тому самостоятельному положенію, которое занимало войско и, конечно, должна была пытаться подчинить казаковъ своему вліянію и создать изъ нихъ постоянную военную силу, на которую правительство могло бы во всякое время разсчитывать. Вслѣдствіе этого казаки посмотрѣли на новую мѣру правительства крайне враждебно. Видя въ ней нарушеніе своихъ правъ и опасаясь посягательствъ со стороны правительства на казачьи вольности, они подняли мятежъ. Говорятъ, что, не надѣясь въ то же время на свои силы, они подожгли въ 1722 г. Яицкій городокъ, который сгорѣлъ до тла, и намѣревались переселиться въ киргизскія степи, чтобы основаться тамъ независимымъ поселеніемъ. Впрочемъ, у казаковъ и помимо передачи въ вѣдомство военной коллегіи были другія причины недовольства. Съ 1718 г. въ городѣ Уральскѣ тянулось слѣдствіе по поданному однимъ казакомъ доносу на войскового атамана Меркурьева въ невозвращеніи бѣглыхъ. Слѣдствіе это обошлось войску очень дорого по причинѣ своеволія и лихоимства присылавшихся изъ Москвы слѣдователей [2]). Подъ вліяніемъ описаннаго мятежа въ 1723 г. въ Яицкій городокъ былъ посланъ полковникъ Захаровъ съ военнымъ отрядомъ; Захаровъ произвелъ разслѣдованіе, въ результатѣ котораго восторжествовалъ атаманъ Меркурьевъ и его сторонники; при этомъ многіе изъ враговъ послѣдняго были казнены, сосланы или наказаны плетьми. Вмѣстѣ съ тѣмъ противъ казаковъ была принята еще одна мѣра, подорвавшая въ значительной степени ихъ старинное самоуправленіе: а именно, было предписано, чтобы впредь войсковые атаманы подлежали утвержденію со стороны верховной власти [3]).

---

[1]) Указы 21 XII 1719, 3.472 и 3 III 1721, 3.750. Изъ мѣстныхъ властей войско съ 1708 г. по 1720 г. находилось въ вѣдѣніи Казанскаго губернатора, а въ 1720 г. оно было поставлено въ зависимость отъ Астраханскаго губернатора. Однако, эта зависимость касалась только дѣлъ уголовныхъ, неподвѣдомственныхъ войсковому кругу (*Витевскій*, стр. 228).

[2]) Существуетъ даже мнѣніе, что волненіе въ войскѣ было вызвано не передачей въ вѣдомство военной коллегіи, а присылкой слѣдователей. См. Ур. Войск. Вѣд., 1869, № 20 и 37; *Витевскій*, стр. 228 и слѣд. *Его же*, Яицкое войско до появленія Пугачева, Р. Арх., 1879, IV, стр. 401 и слѣд. Далѣе, и относительно самого бунта существуетъ сомнѣніе: Витевскій считаетъ даже возможнымъ предположеніе, что и самого бунта не было, „а былъ лишь со стороны нѣкоторыхъ казаковъ протестъ противъ переписи и формулярныхъ списковъ“ (Р. Арх., 1879, IV, стр. 432, прим. 50. См. также Ур. Войск. Вѣд., 1871, № 20).

[3]) *Рябининъ*, т. I, стр. 30. При этомъ Войсковымъ атаманомъ былъ утвержденъ Меркурьевъ (1723); впослѣдствіе это званіе было оставлено за нимъ пожизненно (Ур.

Digitized by Google

Появленіе Захарова на Яикѣ представляетъ для насъ особый интересъ, потому что Захарову, наряду съ главной цѣлью его миссіи, было предписано произвести и *перепись казаковъ* [1]). Въ „послушной" грамотѣ, посланной по этому поводу войску, правительство старалось оправдать перепись ссылкой на то, что оно предполагало увеличить жалованіе, отпускавшееся войску только на 600 чел., въ соразмѣрности съ дѣйствительной численностью войска. При этомъ было повелѣно всѣхъ бѣглыхъ, имѣющихъ быть найденными на Яикѣ при переписи, оставить тамъ „до указу" [2]). Перепись казаковъ была начата въ сентябрѣ 1723 г. Прежде всего, согласно § 11 полученной Захаровымъ инструкціи еще до начала переписи Захарову былъ поданъ списокъ, перечислявшій всѣхъ казаковъ, съ особымъ означеніемъ отлучныхъ; затѣмъ въ наиболѣе людныхъ частяхъ города были расклеены объявленія, приглашавшія казаковъ подавать сказки. Въ этихъ сказкахъ должно было быть означено, „кто откуда родомъ и сколь давно на Яикѣ живутъ они или ихъ отцы и дѣды и изъ-за кого пришли и въ которомъ годѣ именно". За утайку и невѣрное показаніе назначалась смертная казнь [3]). Наконецъ, на основаніи списка и сказокъ За-

---

Войск. Вѣд., 1869, № 37). Замѣтимъ здѣсь, что матеріалы по исторіи Уральскаго войска, напечатанная въ Ур. Войск. Вѣд. за 1869 и 1870 г., б. ч. были собраны I. И. Желѣзновымъ (см. объ этомъ *Витевскій* въ Р. Арх., 1879, т. III, стр. 278).

[1]) Въ 1722 г. „велѣно полковнику и л.-гв. капитану Захарову съ товарищи на Яикѣ старыхъ и пришлыхъ казаковъ и ихъ дѣтей, въ службу годныхъ и малолѣтнихъ, переписать по именамъ: кто откуда пришелъ и съ котораго году, также у нихъ казаковъ и батраковъ и работниковъ потому жъ всѣхъ переписать же и кто въ которомъ году откуда къ нимъ пришелъ и прежде сего чьи они были" (Ур. Войск. Вѣд., 1769, № 20).

[2]) „И хотя у нихъ казаковъ какіе бѣглые солдаты и прочихъ чиновъ и крестьяне чьи явятся, и имъ велѣно у нихъ служить по прежнему до указу въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ кто жилъ" (тамъ же). См. также *Витевскій*, стр. 241, прим. а, и 343. Этимъ даннымъ противорѣчитъ указъ 8 XI 1726, 4.976, коимъ было предписано отдавать помѣщикамъ всѣхъ тѣхъ бѣглыхъ людей ихъ, которые бѣжали на Яикъ послѣ 1695 г. Какъ примирить это противорѣчіе, мы не знаемъ.

[3]) Вотъ образчикъ сказки, взятый нами изъ Ур. Войск. Вѣд. за 1769 г.: „1723 году октября въ 10 день, по указу Его И. В., на Яикѣ въ розыскной канцеляріи, предъ господами полковникомъ и л.-гв. капитаномъ Захаровымъ съ товарищи, первой на десять сотни казакъ Данила Тимофѣевъ Мясникъ, по Евангельской заповѣди Господней, еже ей-ей, вправду сказалъ: отъ роду мнѣ 60 лѣтъ, дѣдъ и отецъ мой и я родиною города Симбирска посадскіе люди, и дѣдъ и отецъ мой померли въ томъ городѣ, а я изъ того города пришелъ за Яикъ въ прошломъ 1686 г., а въ казачью службу приверстанъ служить съ другими казаками тому 35 лѣтъ при атаманѣ Осипѣ Бѣлоусовѣ, у меня дѣти Калина, Григорій служатъ въ казакахъ, у меня же Аѳанасій, Нестеръ, а ежели же я, Данила, сказалъ неправду, а послѣ обо мнѣ кто донесетъ и за то мнѣ

Digitized by Google

харовъ „съ товарищи" подвергли осмотру всѣхъ казаковъ—какъ служащихъ, такъ и отставныхъ—и ихъ дѣтей, а равно и „пришлыхъ, которые живутъ своими дворами, также и у казаковъ въ работѣ". Результаты переписи были внесены въ особую книгу, сохранившуюся въ архивѣ военной коллегіи [1]). Всего по переписи оказалось:

Казаковъ, годныхъ въ службу (включая одного атамана)	3.196
Отставныхъ казаковъ	219
Казачьихъ дѣтей и братьевъ, племянниковъ и шурьевъ. за малолѣтствомъ въ службу не годныхъ.	2.357
Итого	5.771 [2])
Пришлыхъ, которые живутъ своими дворами (но не казаковъ), батраковъ и работниковъ	324
У нихъ дѣтей м. п.	29
Итого	353
А всего	6.124 [3]).

Перепись Захарова обнаружила удивительное разнообразіе происхожденія (какъ относительно національности, такъ и относительно состоянія) лицъ, изъ которыхъ составилось Яицкое войско [4]). Всѣ ока-

учинить смертную казнь". У нѣкоторыхъ прибавка: „батраковъ и работниковъ у меня нѣтъ" или: „у меня работникъ Иванъ Карповъ" и т. д. (Ур. Войск. Вѣд., 1869, № 21).

[1]) „Книга переписная переписи г. полковника и л.-гв. капитана Захарова съ товарищи Яицкимъ казакамъ 1723 и 1724 г.". Выписки изъ нея приведены въ Ур. Войск. Вѣд., 1869, №№ 20—24. Находившіеся въ отлучкѣ подвергались осмотру по возвращеніи, почему, какъ видно изъ книги, нѣкоторые уволенные по паспортамъ явились къ смотру лишь въ іюлѣ 1724 г.

[2]) Въ этомъ подсчетѣ, заимствованномъ изъ Ур. Войск. Вѣд. за 1869 г., № 24, есть ариѳметическая неточность: очевидно въ счетъ не вошелъ атаманъ (съ нимъ сумма составляетъ 5772).

[3]) За промежутокъ времени отъ представленія Захарову именныхъ списковъ и до подачи сказокъ бѣжало: служащихъ казаковъ 107, отставныхъ 3, пришлыхъ 112 чел., умерло: казаковъ 54, пришлыхъ 34 (Ур. Войск. Вѣд., 1869, № 22).

Опредѣленнаго срока службы у казаковъ не было, и многіе служили до крайней старости, что объяснялось слабымъ развитіемъ хозяйства и связаннымъ съ этимъ желаніемъ получать жалованіе. Съ 1760-ыхъ гг., съ большимъ развитіемъ хозяйственной жизни, казаки стали выходить въ отставку раньше. Поэтому число служилыхъ казаковъ росло медленнѣе роста всего казачьяго населенія (тамъ-же).

[4]) Въ немъ оказались разнаго рода служилые люди изъ разныхъ мѣстъ (дворяне, пушкари, конные стрѣльцы, станишные, конные и пахотные казаки, далѣе казаки

Digitized by Google

з а в шіеся при переписи служилые казаки, число которыхъ, какъ мы видѣли, составляло 3.196 чел., были раздѣлены Захаровымъ на сотни и десятки, при чемъ жалованіе имъ было увеличено [1]). При оцѣнкѣ приведенныхъ цифръ надо имѣть въ виду, что въ походѣ 1717 г. кн. Бековича Черкасскаго на Хиву было 1500 служилыхъ казаковъ съ Яика, которые всѣ погибли [2]).

Перепись Захарова преслѣдовала, конечно, прежде всего цѣли военныя и политическія: правительству важно было знать численный составъ войска, охранявшаго часть его юго-восточной границы и дѣлавшаго ненужнымъ содержаніе на ней регулярнаго войска [3]). Но, съ другой стороны, она ставила себѣ задачей также и положить предѣлъ пріему бѣглыхъ, практиковавшемуся въ Яицкомъ войскѣ—такъ же, какъ и въ Донскомъ—въ широкихъ размѣрахъ. Перепись Захарова и связанныя съ нею мѣропріятія имѣли для всей дальнѣйшей судьбы Яицкихъ казаковъ весьма важное значеніе. Вмѣшательство правительства съ этого времени явилось новымъ элементомъ, нарушившимъ основныя начала прежняго соціальнаго устройства войска. Въ самомъ

донскіе, гребенскіе, запорожскіе), татары (трухменскіе, крымскіе, ногайскіе, астраханскіе, юртовые), башкиры, чуваши, мордва, горскіе черкасы, калмыки, шведы Выборгскаго у. (вѣроятно финны, забранные участвовавшими въ 1706 г. въ Шведской войнѣ Яицкими казаками и впослѣдствіи приверстанные въ казачью службу), поляки, завоеванные подъ Смоленскомъ, Бѣлогородскіе черкасы (изъ Аккермана), волохи, подъячіе, посадскіе, разныя категоріи крестьянъ (дворцовые, архіерейскіе, крѣпостные). При этомъ мы встрѣчаемся съ пришлыми изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстъ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какую долю среди всѣхъ этихъ многочисленныхъ категорій составляли „старинные Яицкаго городка казаки“ (Ур. Войск. Вѣд., 1869, №№ 20—24). Впрочемъ, и эти старинные казаки заключали въ себѣ инородческіе элементы (*Рычковъ*, Топ. Ор., II, 68), Главную массу пришлыхъ составляли помѣщичьи крестьяне (тамъ же, № 22). Число тѣхъ изъ нихъ, которые пришли на Яикъ съ 7203 (1695) г. по 1707 г., составляло 680 чел. (см. указъ 8 XI 1726, 4976).

[1]) *Витевскій*, стр. 237 сообщаетъ, что имъ было назначено жалованіе 1500 р. въ годъ на всѣхъ и по осьминѣ хлѣба на каждаго казака. Между тѣмъ указъ 20 III 1725, 4.685 предписываетъ лишь давать „Яицкимъ казакамъ окладного жалованія и пріѣзжимъ зимовымъ и легкимъ станицамъ кормовыхъ и за сукна... по 1500 р., а за пріѣзды ихъ съ послугами давать кормовыя деньги и за питьи, сверхъ вышеозначеннаго окладнаго жалованія, попрежнему противъ пріѣзжихъ же съ Дону легкихъ станицъ“ (до этого Яицкіе казаки вмѣсто 1500 р. получали 1056 р. 34 к.). Лишь указомъ 24 III 1734, 6.562 Яицкимъ казакамъ было повелѣно выдавать, по примѣру Донскихъ, по осьминѣ ржи или муки на чел. деньгами (на 3196 чел.) и 100 ведеръ вина. Все это вмѣстѣ по *Рычкову* (Топ. Ор., II, 87) составляло 4188 р. 30 к. Эта же сумма названа и въ указѣ 12 IV 1744, 8.918.

[2]) Ур. Войск. Вѣд., 1869, № 22.

[3]) См. объ этомъ Выс. утв. мн. Сената 14 VII 1731, 5.803, XV.

Digitized by Google

дѣлѣ, до переписи между казаками господствовало полное равенство. Должностныя лица были отвѣтственны только передъ казачествомъ; если ихъ при новыхъ выборахъ не выбирали, они опять становились въ ряды простыхъ казаковъ (исключая лицъ, занимавшихъ почетную должность войсковыхъ старшинъ, носившую пожизненный характеръ). Поэтому, они „сливались съ народомъ и отдѣляться отъ него не могли, не опасаясь потерять свое значеніе и вѣсъ: страхъ народнаго суда держалъ ихъ въ уздѣ. Когда же выборы стали производиться подъ опекой административныхъ учрежденій и лицъ, то богатые и вліятельные казаки тотчасъ отстали отъ народа и старались заявить свой благонамѣренный образъ мыслей передъ правительствомъ, разсчитывая, что тогда выборъ можетъ пасть на нихъ исключительно и дастъ имъ возможность наживаться на войсковой счетъ, не рискуя почти ничѣмъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться привиллегіями правительственныхъ чиновниковъ. Разсчетъ оказался вѣрнымъ, и хотя офиціальнымъ путемъ сословіе Яицкихъ чиновниковъ было признано гораздо позже, но званія старшинъ, есауловъ и сотниковъ мало по малу переходятъ въ ранги и пріобрѣтшія ихъ лица сохраняютъ свои преимущества даже и по смѣнѣ. Начиная со второй четверти столѣтія въ грамотахъ и указахъ о чиновникахъ упоминается какъ бы уже о сословіи“ [1]). Такимъ образомъ было положено начало появленію на Яикѣ двухъ партій: старшинской или атаманской и народной. Борьба этихъ двухъ партій имѣетъ весьма важное значеніе въ дальнѣйшей исторіи войска. Немногочисленные, но вліятельные представители первой „понимали выгоду своего положенія, были увѣрены въ безнаказанности до тѣхъ поръ, пока останутся въ ладахъ съ правительствомъ, а потому грабили безъ зазрѣнія совѣсти“ [2]). Когда же недовольная этимъ народная партія пыталась привлечь ихъ за это къ отвѣту, то сторонники другой партіи почти всегда умѣли одерживать верхъ. Лишь рѣдко происходило противоположное: такъ, въ 1740 г., по жалобѣ войска на злоупотребленія Меркурьева, послѣдній былъ смѣненъ и висланъ. Впрочемъ, и здѣсь побѣда народной партіи носила лишь временный характеръ: Меркурьевъ скоро былъ возвращенъ, а въ 1749 г. онъ вновь былъ назначенъ атаманомъ. Указомъ 1740 г. предписаніе объ утвержденіи атамана верховной властью было подтверждено, при чемъ за войскомъ было оставлено лишь право представлять трехъ кандидатовъ; далѣе, было предписано собрать свѣдѣнія о казакахъ и составить новое положеніе объ

[1]) *Рябининъ*, т. I, стр. 31—2.
[2]) Тамъ же, стр. 30.

Digitized by Google

управленіи войскомъ [1]). Однако, послѣднее предписаніе не было приведено въ исполненіе.

Перепись Захарова, какъ мы видѣли, относительно бѣглыхъ признала status quo, т. е. всѣмъ бѣглымъ, пришедшимъ на Яикъ до переписи, было позволено остаться тамъ съ зачисленіемъ въ составъ войска. Однако, на будущее время данная Захарову инструкція запрещала казакамъ принимать бѣглыхъ подъ страхомъ смертной казни. Между тѣмъ пріемъ бѣглыхъ и послѣ 1723 г. не прекратился, какъ видно, напр., и изъ слѣдствія, произведеннаго по поводу новаго доноса, поданнаго въ 1730 г. на того же Меркурьева въ пріемѣ бѣглыхъ. Въ результатѣ этого слѣдствія былъ изданъ указъ, предписавшій, чтобы всѣ бѣглые дворцовые, монастырскіе и помѣщиковы крестьяне, пришедшіе на Яикъ послѣ переписи Захарова, были разосланы на прежнія жилища, но чтобы при этомъ, согласно указу 1722 г., были оставлены тѣ пришлые „солдатскія дѣти, шведы и татары", которые записаны въ казаки и дѣйствительно служатъ [2]). Такимъ образомъ мы здѣсь снова видимъ уступку, но на будущее время пріемъ бѣглыхъ былъ запрещенъ „подъ опасеніемъ Ея И. В. гнѣва". Еще ранѣе того, въ 1727 г., въ Сакмарскій городокъ былъ отправленъ отрядъ для захвата и отсылки на прежнія жилища поселившихся здѣсь бѣглыхъ. При этомъ были найдены бѣглые самыхъ разнообразныхъ категорій (крестьяне заводскіе, помѣщичьи, дворцовые, архіерейскіе и т. д.) и изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстъ [3]). Затѣмъ въ 1736 г. было предписано учредить въ Самарѣ и Сызрани заставы и разъѣзды для задержанія бѣглыхъ, направляющихся на Яикъ, и слѣдить, чтобы зимніе обозы, идущіе на Яикъ съ хлѣбомъ и за рыбой, сопровождались на обратномъ пути такимъ же числомъ людей, какое проѣхало туда [4]). Далѣе, въ 1741 г. вновь былъ изданъ указъ, предписывавшій собрать всѣхъ бѣглыхъ дворцовыхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, пришедшихъ на Яикъ и записанныхъ въ казаки послѣ переписи Захарова, и выслать ихъ за счетъ казаковъ въ Казань, гдѣ ихъ раздать по принадлежности подъ росписки; и этотъ указъ запрещалъ на будущее время принимать бѣглыхъ подъ страхомъ „наистро-

---

[1]) Указъ 25 VIII 1740, 8.215. *Рябининъ*, (т. I, стр. 33), а вслѣдъ за нимъ и *Витевскій* (стр. 247), сообщаютъ, что всѣ эти постановленія, какъ изданныя въ правленіе Анны Леопольдовны, были признаны недѣйствительными при Елизаветѣ Петровнѣ. Между тѣмъ здѣсь кроется явная ошибка, такъ какъ правленіе Анны Леопольдовны началось лишь 11 ноября 1740 г.

[2]) *Витевскій*, стр. 241. Къ сожалѣнію, здѣсь не указана дата этого постановленія.

[3]) Указъ 6 XI 1727, 5.197.

[4]) Указъ 11 II 1736, 6.893.

Digitized by Google

жайшаго наказанія и платежа помѣщикамъ по указу пожилыхъ денегъ“ [1]). Между тѣмъ всѣ эти предписанія мало помогали. Яицкіе казаки попрежнему охотно принимали бѣглыхъ, такъ какъ извлекали изъ этого разнообразныя выгоды [2]). Но этотъ неуспѣхъ не останавливалъ правительства, которое продолжало упорно бороться съ пріемомъ бѣглыхъ со стороны казаковъ. Такъ, въ ноябрѣ 1746 г. Неплюеву указомъ военной коллегіи было предписано отправить на Яикъ особаго штабъ-офицера съ командою для отысканія и высылки за счетъ войска всѣхъ бѣглыхъ, поступившихъ въ число казаковъ послѣ 203 (1695) г. Такъ какъ при производствѣ переписи Захарова всѣмъ бѣглымъ, къ моменту переписи уже записавшимся въ казаки, было разрѣшено остаться на Яикѣ, то Неплюевъ счелъ себя вынужденнымъ сдѣлать запросъ въ военной коллегіи, „не опискою ли означенный въ полученномъ указѣ 203 г. разумѣется?“ Отвѣта на этотъ запросъ не воспослѣдовало. Съ своей стороны войско увѣдомило Неплюева, что согласно указу 1743 г.[3]) всѣ пришлые на Яикъ послѣ переписи Захарова отвезены по принадлежности за счетъ держателей. Для насъ названный указъ военной коллегіи 1746 г. представляетъ особый интересъ потому, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ заключалъ въ себѣ предписаніе произвести въ войскѣ новую перепись [4]). Послѣдняя дѣйствительно и была произведена, при чемъ она для Яицкаго войска, со включеніемъ Сакмарской и Илецкой станицъ, дала слѣдующіе результаты.

Лица, вошедшія въ перепись Захарова, и ихъ потомство 4.037

---

[1]) Указъ 7 IV 1741, 8.359. Впрочемъ, не всегда правительство предписывало возвращать бѣглыхъ на ихъ прежнія жилища: такъ, указъ 11 II 1736, 6.893, о которомъ у насъ уже была рѣчь выше, сообщаетъ, что на Яикѣ живутъ многіе бѣглые безъ службы и безъ податей, работая только на казаковъ, и предписываетъ объявить имъ подъ рукой, чтобы они шли для службы въ Оренбургъ, съ тѣмъ чтобы быть зачтенными помѣщикамъ въ рекруты.

[2]) „Хотя бѣглыхъ и безпаспортныхъ людей во всемъ государствѣ, слѣдственно и въ вѣдомствѣ Яицкаго войска, держать многими и крѣпкими указами запрещено, но въ Яицкомъ городкѣ и въ вѣдомствѣ онаго, какъ государственнымъ, такъ и прочимъ крестьянамъ и всякаго званія людямъ всегда знатныя убѣжища бывали“(проектъ Неплюева 1748 г. о реорганизаціи Яицкаго войска, § 23 въ Р. Арх., 1878, II, стр. 31). Выгоды, которыя Яицкія казаки извлекали изъ пріема бѣглыхъ, заключались въ томъ, что они „посылали ихъ въ разныя службы по нарядамъ правительства и не только безъ подмоги отъ войска, но брали съ нихъ же“ (Ур. Войск. Вѣд., 1869, № 37).

[3]) Указъ 5 II 1743, 8.699.

[4]) См. объ этомъ § 23 проекта Неплюева 1748 г. *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 82.

Digitized by Google

Лица, бывшія во время переписи Захарова казаками, но не вошедшіе въ нее за отлучками	176
Лица, поселившіяся на Яикѣ послѣ переписи Захарова	519 [1]).
Итого	4.732

Можно было бы подумать, что эти цифры означали сильное сокращеніе числа казаковъ въ сравненіи съ переписью Захарова: по послѣдней это число составляло 6.124 чел., тогда какъ теперь оно—безъ вновь пришедшихъ—составляло лишь 4.213 чел. Однако, нѣтъ сомнѣнія, что число 4.213 означало лишь дѣйствительно служившихъ казаковъ, которыхъ во время Захарова было всего только 3.196 чел. Въ пользу такого пониманія говоритъ то обстоятельство, что число однихъ жалованныхъ (т. е. получавшихъ жалованіе) казаковъ въ первой половинѣ 1750-ыхъ годовъ составляло 4000 чел. [2]), а въ 1767—1768 гг.—4200 чел. [3]).

Таковы были результаты переписи. Что же касается бѣглыхъ, то Неплюевъ, вопреки мнѣнію военной коллегіи, высказался за оставле-

---

[1]) Среди послѣднихъ было:

Посадскихъ, дворцовыхъ, ясачныхъ, бобылей, непомнящихъ родства и ямщиковъ	194
Разночинцевъ	149
Синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ	42
Помѣщичьихъ	81
Не допрошенныхъ	48
Итого	519

[2]) *Витевскій*, стр. 358. Приведенныя свѣдѣнія о переписи также заимствованы у названнаго автора (стр. 343—5). См. также *Рябининъ*, т. I, стр. 46.

[3]) Для 1768 г. см. Ур. Войск. Вѣд., 1869, № 22, а для 1767 г. см. приводимое у *Рябинина* (т. II, стр. 68) наставленіе (отъ 10 іюля 1767 г.) депутатамъ отъ войска въ комиссію уложенія. Здѣсь сообщается, что „нынѣ по комплекту войска Яицкаго служащихъ старшинъ и казаковъ состоитъ всѣхъ, въ томъ числѣ и съ находящимися на форпостахъ и Гурьевѣ командами, 4200 чел." (сюда входятъ и 256 чел. Сакмарской станицы). Между тѣмъ жалованіе войско получало прежнее, установленное при переписи Захарова. Далѣе, и *Рычковъ* (Ист. Ор., I, 307, прим. 9) сообщаетъ, что въ Яицкомъ городкѣ „нерегулярныхъ, но весьма исправныхъ воинскихъ людей находится нынѣ корпусъ въ числѣ 3.297 записныхъ казаковъ, а съ незаписными, также и съ кочующими около онаго городка Волскими калмыками и гораздо того болѣе". Число дворовъ въ Яицкомъ городкѣ, согл. *Рычкову* (Топ. Ор., II, 80), составляло около 3000, а въ Сакмарскомъ городкѣ, согласно ему же (Ист. Ор., I, 311, прим. 10),—около 300.

Напомнимъ здѣсь еще разъ, что съ развитіемъ хозяйственной жизни на Яикѣ число служащихъ казаковъ по отношенію ко всему казачьему населенію имѣло тенденцію сокращаться.

Digitized by Google

ніе на Яикѣ и тѣхъ изъ нихъ, которые пришли послѣ переписи Захарова, ссылаясь на значеніе Яицкаго войска „не только для здѣшней безопасности отъ степныхъ кочующихъ народовъ но и для другихъ государственныхъ пользъ". Какъ сообщаетъ Витевскій [1]). коллегія на это ничего не отвѣтила, и дѣло было на время забыто. Въ выработанномъ Неплюевымъ въ 1748 г. проектѣ реорганизаціи войска мы опять находимъ запрещеніе на будущее время пріема бѣглыхъ и безпаспортныхъ людей (кромѣ калмыкъ, о которыхъ рѣчь будетъ въ другомъ мѣстѣ), подъ опасеніемъ уплаты за держаніе бѣглыхъ штрафа и пожилыхъ на основаніи общихъ законовъ [2]).

---

[1]) Стр. 344—5.

[2]) § 23 проекта (Р. Арх., 1878, II, стр. 31).

Одновременно съ мѣрами противъ бѣглыхъ въ Яицкомъ войскѣ принимались мѣры противъ раскола. Какъ извѣстно, раскольники въ большомъ числѣ стремились къ приволью восточныхъ и южныхъ окраинъ, между прочимъ и на берега нижняго Яика, гдѣ они могли укрываться отъ преслѣдованій, грозившихъ имъ въ центрѣ. Между тѣмъ въ 1740-ыхъ и 1750-ыхъ гг. начинаются гоненія и противъ жившихъ на Яикѣ раскольниковъ. Въ Яицкомъ городкѣ была особая раскольничья слобода—такъ наз. Шацкій монастырь. Въ 1741 г., туда былъ командированъ майоръ Дурасовъ, который всѣхъ находившихся здѣсь старообрядцевъ забралъ, при чемъ Шацкій монастырь былъ уничтоженъ. Были ли при этомъ приняты какія нибудь мѣры и въ другихъ частяхъ войска, мы не знаемъ. Съ новой силой гоненіе произошло въ періодъ 1752—6 гг. по поводу дошедшихъ до военной коллегіи свѣдѣній о намѣреніи Яицкихъ раскольническихъ старцевъ и старицъ (число ихъ опредѣлялось въ 200) удалиться на Кубань. Военная коллегія въ началѣ 1753 г. предписала „забрать подъ крѣпкій караулъ" и прислать въ военную коллегію всѣхъ „раскольнической ереси наставниковъ и укрывателей", жившихъ въ Яицкомъ войскѣ. Исполненіе этого порученія было возложено на особую команду изъ 3-хъ офицеровъ и 120 солдатъ. Эта команда захватила 144 чел., изъ которыхъ 42 были отправлены въ военную коллегію, 1—въ Нижегородскую духовную консисторію, а остальные на каторжныя работы въ Оренбургъ. Кромѣ того нѣкоторые погибли: замерзли, утонули или добровольно уморили себя голодомъ. Въ теченіе дальнѣйшихъ лѣтъ было еще захвачено и отправлено въ Оренбургъ 165 чел., въ каковую сумму входили, однако, не только раскольники, но и бѣглые. Конечно, этими захваченными раскольниками число проверженцевъ раскола, въ Яицкомъ войскѣ очень распространеннаго, не ограничивалось; многимъ удавалось укрыться отъ розыска. Въ 1756 г. послѣдній, впрочемъ, вовсе прекратился благодаря настояніемъ Неплюева, все время старавшагося смягчить суровость предписываемыхъ мѣръ. При этомъ послѣднія не только не ослабили раскола на Яикѣ, но даже способствовали его росту и укрѣпленію. Сверхъ описанныхъ мѣръ Казанскій архіепископъ Лука хотѣлъ еще основать на Яикѣ особое духовное правленіе, а до этого переписать все населеніе войска „до сущаго младенца" въ цѣляхъ контроля за посѣщеніемъ церкви и за бытіемъ у исповѣди. Первая изъ этихъ мѣръ не была осуществлена, но была ли приведена въ исполненіе вторая, — мы не знаемъ: обѣ встрѣтили сопротивленіе какъ со стороны войска, такъ и со стороны Неплюева, боявшагося, чтобы всѣ эти преслѣдованія не привели къ побѣгамъ и самосожженію (примѣры послѣдняго были въ Исетской провинціи, *Витевскій*, глава XII).

Digitized by Google

Обратимся теперь къ тѣмъ службамъ, которыя должно было нести Яицкое войско. Эти службы могутъ быть сведены къ двумъ категоріямъ: съ одной стороны—къ огражденію части нашей юго-восточной окраины и къ борьбѣ съ тѣми кочевниками, которые здѣсь обитали (киргизами, каракалпаками, калмыками); съ другой стороны—къ участію въ разныхъ походахъ. Мы сначала скажемъ нѣсколько словъ о послѣдней изъ этихъ службъ, чтобы затѣмъ подробнѣе остановиться на первой.

Правительство довольно часто привлекало Яицкихъ казаковъ къ участію въ разныхъ походахъ. Въ качествѣ примѣра можно указать хотя бы на то, что за время съ 1724 по 1774 г. Яицкіе казаки постоянно содержали отъ 400 до 1000 чел. въ такъ наз. Низовомъ корпусѣ на Кавказѣ. Эта служба была весьма тяжела и вмѣстѣ съ тѣмъ была сопряжена съ большими потерями въ людяхъ [1]). Но кромѣ того войско должно было участвовать и во многихъ другихъ походахъ, которые также стоили ему не мало какъ человѣческихъ жертвъ, такъ и денегъ [2]).

Что касается затѣмъ службы войска по огражденію юго-восточной окраины Россіи, то до 1740-ыхъ гг. эта служба не имѣла организованнаго характера. Между тѣмъ начиная съ 1742 года дѣло мѣняется: въ этомъ году въ управленіе Оренбургскимъ краемъ вступилъ И. И. Неплюевъ, въ зависимость отъ котораго было поставлено и Яицкое войско, и это имѣло важное значеніе для дальнѣйшей организаціи пограничной службы войска. Какъ мы уже знаемъ, на долю Неплюева выпало приведеніе въ исполненіе дѣла, начатаго еще въ 1734 г. его предшественниками по управленію Оренбургской окраиной, а именно возведеніе ряда укрѣпленій, которыя должны были окончательно упрочить здѣсь русское господство. Мы уже ознакомились съ тѣми укрѣпленіями, которыя возникли по Ую и по верхнему и среднему теченію Яика; теперь мы должны остановиться на нижнемъ теченіи этой рѣки, начинавшемся

---

[1]) *Витевскій*, стр. 239 и прилож., стр. 23—24. Ср. Ур. Войск. Вѣд., 1869, №№ 35—6. Въ командировкахъ казаки получали особое жалованіе: см. объ этомъ, напр., указъ 21 III 1732, 5.996 о 500 казакахъ, командированныхъ въ 1730 г. въ Низовый корпусъ.

[2]) *Витевскій*, стр. 363—5. Денежные расходы войска состояли изъ наемной платы при наемкѣ служащихъ, а также изъ подмоги отъ всего войска. Г. *Витевскій* (l. c.) дѣлаетъ подсчетъ, сколько людей въ среднемъ въ годъ должно было выставлять Яицкое войско, и приходитъ къ выводу, что за 29 лѣтъ царствованія Петра онъ должно было выставить всего 12.865 чел., т. е. около 445 чел. въ годъ. Между тѣмъ этотъ разсчетъ не можетъ претендовать на какую либо точность, такъ какъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ—продолжительность походовъ—остается неизвѣстнымъ.

у крѣп. Разсыпной и тянувшемся на протяженіи 600 в. до ея устья На всемъ этомъ пространствѣ при вступленіи Неплюева въ должность было всего только два укрѣпленія: Яицкій городокъ, служившій мѣстомъ пребыванія Яицкаго войска, и Гурьевъ городокъ, въ которомъ для защиты рыбопромышленниковъ отъ кочевниковъ была расположена рота Астраханскаго гарнизона [1]).

Правда, что у Яицкихъ казаковъ въ то время было еще два укрѣпленныхъ поселенія, но они были расположены не на разсматриваемой нами здѣсь части теченія рѣки Яика, но выше ея. Эти два поселенія были: *Сакмарскій казачій городокъ* и *Илецкій городокъ*. *Первый* офиціально возникъ въ 1725 г., когда особой грамотой Яицкому атаману Василію Арапову „съ товарищи" было разрѣшено построить крѣпость у устья рѣки Сакмары [2]), съ тѣмъ чтобы какъ крѣпость, такъ и ея населеніе находились „подъ смотрѣніемъ атамана и другихъ Яицкихъ старшинъ и казаковъ" [3]). Фактически Сакмарскій городокъ возникъ еще нѣсколько раньше, а именно въ 1720 г., при чемъ былъ основанъ сходцами изъ Сибири, къ которымъ затѣмъ стали присоединяться и Яицкіе казаки [4]). Городокъ росъ, и въ 1727 г. Яицкому войску было позволено поселить въ немъ „Яицкихъ казаковъ до 300 чел. или больше" [5]), а въ 1736 г. было повелѣно, чтобы въ Сакмарскѣ состояло 300 казаковъ, при чемъ недостатокъ было предписано заполнить Яицкими казаками. Всѣмъ имъ было повелѣно давать жалованіе, „отдѣля изъ оклада на Яицкое войско, противъ ихъ равное" [6]). Хотя Сакмарскіе казаки составляли часть Яицкаго войска, однако иногда они

---

[1]) Гурьевъ городокъ, расположенный у устья Яика, былъ основанъ (вѣроятно въ XVII в.) купцомъ Гурьевымъ для защиты его рыбныхъ промысловъ. Затѣмъ правительство помѣстило въ немъ гарнизонъ и старалось воспользоваться имъ какъ опорнымъ пунктомъ для укрѣпленія своей власти на Яикѣ (*Рябининъ*, т. I, стр. 20). Въ 1708 г. Гурьевъ вошелъ въ составъ Казанской губерніи, а въ 1719 г. былъ переданъ въ вѣдомство Астраханской губ. Яицкіе казаки враждебно относились къ нему, такъ какъ считали устроенный подъ его прикрытіемъ учугъ на устьѣ Яика вреднымъ для своего рыболовства. Нѣкоторыя свѣдѣнія по административной исторіи г. Гурьева см. въ указѣ 5 I 1810, 24.069 (объ уничтоженіи Гурьевской крѣпости).

[2]) Это устье было мѣстомъ, „гдѣ перелазятъ и въ Россію ходятъ непріятельскіе каракалпаки и киргизъ-кайсаки и городамъ, кои къ тому отъ близости, чинятъ великія разоренія, также и въ полонъ берутъ многихъ россійскихъ людей".

[3]) Грамота 22 III 1725, 4.686 (дата этой грамоты неясна, такъ какъ она помѣчена и 4 VI 1725 г.).

[4]) *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 83, Ист. Ор., I 311, прим. 10.

[5]) Указъ 6 XI 1727, 5.197.

[6]) Указъ 11 II 1736, 6.890, п. 22.

Digitized by Google

упоминаются и особо отъ него, наряду съ нимъ [1]). *Второе* изъ названныхъ укрѣпленныхъ поселеній—Илецкій городокъ—было основано Яицкими казаками въ 1737 г. (при Татищевѣ), при чемъ имъ было разрѣшено заселять его неположенными въ подушный окладъ мещеряками, калмыками, татарами и другими инородцами [2]). Илецкіе казаки еще при Татищевѣ были поставлены въ зависимости отъ Яицкаго войска.— Слѣдуетъ замѣтить, что казаки обоихъ названныхъ поселеній не несли совмѣстной службы съ Яицкимъ войскомъ [3]), но имѣли свои особые наряды (Сакмарскіе казаки—по Оренбургу). Вмѣстѣ съ тѣмъ они жили не однимъ рыболовствомъ и звѣроловствомъ, какъ Яицкіе казаки, но и хлѣбопашествомъ [4]).

Итакъ, нижнее теченіе Яика было плохо ограждено отъ непріятельскихъ вторженій. Между тѣмъ эта часть рѣки служила поприщемъ постоянныхъ безпокойствъ, вызывавшихся дикимъ нравомъ кочевавшихъ здѣсь степныхъ народовъ. То жившіе къ востоку отъ Яика киргизы нападали на Яицкихъ казаковъ, то ихъ тревожили занимавшіе пространство къ западу отъ Яика калмыки, то между обоими народами происходили взаимныя столкновенія и т. д. Такимъ образомъ „Яицкіе казаки, какъ пограничная военная сила, должны были не только защищать себя, но и отражать набѣги киргизовъ, каракалпаковъ, калмыковъ и башкиръ на русскіе селенія, а также не допускать эти народы и до взаимныхъ столкновеній". Въ виду такой беззащитности нижняго теченія Яика еще В. Н. Татищевымъ былъ составленъ планъ его заселенія, утвержденный въ 1739 году и Кабинетомъ. Согласно этому плану на означенномъ пространствѣ, вслѣдствіе малочисленности Яицкаго войска, должны были быть поселены Казанскій драгунскій полкъ, а также и Самарскіе дворяне и казаки, служба которыхъ въ Самарѣ къ тому времени уже сдѣлалась ненужной [5]). Между тѣмъ казаки въ этомъ планѣ увидѣли серьезную

---

[1]) См. проектъ *Кирилова* 1 V 1734, 6.571, п. 4 и инструкцію Кирилову 18 V 1734, 6.576, п. 34. *Рычковъ*, Ист. Ор., I, 133.

[2]) *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 82, *Витевскій*, стр. 270.

[3]) Кромѣ одного форпоста, который Илецкіе казаки содержали вмѣстѣ съ Яицкими.

[4]) *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 82—4. Здѣсь же сообщается, что по послѣдней переписи въ Сакмарскомъ городкѣ число казаковъ составляло 200 русскихъ и до 50 иновѣрцевъ.

[5]) Вотъ какъ сами Яицкіе казаки изображали свое земледѣліе: „они, а паче обрѣтающихся въ службѣ казаковъ оставшія жены и дѣти въ хлѣбѣ имѣютъ великую нужду и ходятъ по міру,... а имъ отъ всегдашнихъ набѣговъ каракалпаковъ и киргизцевъ и отъ кочующихъ близъ ихъ калмыцкихъ ордъ не токмо пашни пахать, но и скота своего отъ своего городка выпустить невозможно, а для покупки хлѣба ѣздятъ

опасность для своего хозяйственнаго преуспѣянія, зависѣвшаго главнымъ образомъ отъ рыболовства [1]). Поэтому, въ обращенномъ къ правительству ходатайствѣ они просили послѣднее отказаться отъ названнаго плана и возложить защиту всей линіи до Гурьева на Яицкое войско, при чемъ обязывались построить на этомъ пространствѣ двѣ крѣпости у урочищъ Кулагина Яра и Калмыкова Яра въ 120 и 200 в. отъ Гурьева. Ходатайство войска было энергично поддержано Неплюевымъ: послѣдній также отъ осуществленія плана Татищева боялся разоренія для казаковъ, на которыхъ онъ возлагалъ большія надежды, почему онъ и думалъ, что этотъ „сильный, легкій и исправный корпусъ разорять весьма не полезно". Кромѣ того, предложеніе войска и само по себѣ представлялось еще весьма выгоднымъ, такъ какъ оно давало возможность правительству организовать защиту Нижнеяицкой границы съ гораздо меньшими издержками. Неплюеву удалось убѣдить въ этомъ и самого автора проекта, Татищева. И Сенатъ согласился съ его доводами, почему въ 1743 г. и было предписано Яицкому войску построить названныя двѣ крѣпости; въ каждой изъ нихъ должно было состоять по 500 человѣкъ, которые съ теченіемъ времени, и притомъ по возможности скорѣе, должны были поселиться въ нихъ „фундаментальнымъ житьемъ" и на обязанности которыхъ должно было лежать содержаніе постоянныхъ разъѣздовъ и карауловъ по линіи. Въ вознагражденіе за это, согласно просьбѣ казаковъ, было предписано отворить Гурьевскій учугъ на пространствѣ 8 саженъ у каждаго берега, для прохода рыбы изъ моря вверхъ по Яику. Вмѣстѣ съ тѣмъ было подтверждено примѣнявшееся уже и раньше постановленіе, согласно которому, за исключеніемъ случаевъ крайней необходимости, въ командированіи должно было находиться не болѣе половины войска (включая сюда и службу его на линіи) [2]).

Таковъ былъ первый шагъ Неплюева по отношенію къ Яицкому войску. Однако, этимъ шагомъ было положено только начало за-

---

они на Самару и Сызрань многолюдствомъ и съ пушками, но и тутъ непріятели нападаютъ". Правда, что все это казаки говорили въ своемъ прошеніи о выдачѣ имъ хлѣбнаго жалованія; между тѣмъ и другіе источники подтверждаютъ эти слова: см. напр., *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 89 и 91; § 24 проекта Неплюева въ Р. Арх., 1878, II; для болѣе поздняго времени см., напр., „Выписки изъ отчета по Оренбургской губ." въ Ж. М. В. Д., 1838, III, стр. 139—147 (здѣсь сообщается, что изъ Бузулука и Бугуруслана большое количество хлѣба доставляется въ Уральское войско, такъ какъ въ немъ хлѣбопашества почти совсѣмъ нѣтъ) и т. д.

[1]) Рез. каб.-мин. 21 I 1739, 7735. Указъ 11 IV 1743, 8720 упоминаетъ по этому поводу также и Алексѣевскихъ дворянъ и казаковъ.

[2]) Указъ 11 IV 1743, 8.720.

Digitized by Google

щитѣ нижняго теченія Яика, начало, требовавшее дальнѣйшаго развитія, такъ какъ двухъ крѣпостей здѣсь, конечно, было недостаточно. Поэтому, вскорѣ въ дополненіе къ послѣднимъ возникла цѣлая сѣть форпостовъ, изъ которыхъ нѣкоторые впослѣдствіи были переименованы крѣпостями. Гурьевъ городокъ первоначально попрежнему не входилъ въ число мѣстъ, защита которыхъ была возложена на Яицкое войско; такъ какъ, однако, вслѣдствіе набѣговъ киргизовъ именно въ этой мѣстности нужно было подумать о лучшемъ огражденіи линіи, то въ 1748 г. было предписано, чтобы Яицкое войско сверхъ названныхъ выше 1.000 человѣкъ содержало еще 100 „доброконныхъ и оружейныхъ" казаковъ въ Гурьевомъ городкѣ [1]). За это войску было назначено добавочное жалованіе въ 2000 р. Считая его недостаточнымъ, войско просило еще о предоставленіи въ его пользованіе Гурьевскаго учуга, но получило отказъ [2]). Однако, черезъ нѣсколько лѣтъ правительство, по настоянію Неплюева, сдало учугъ въ аренду войску, которое предпочло его вовсе уничтожить, видя отъ него лишь вредъ для своего рыболовства [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ лишь теперь—въ 1752 г.— Гурьевъ городокъ былъ переданъ изъ вѣдомства Астраханской губерніи въ вѣдомство Оренбургской [4]).

---

[1]) Указъ 20 X 1748 г., цит. въ указѣ 7 XII 1749, 9.689.

[2]) Указъ 7 XII 1749, 9.689.

[3]) Указъ 25 V 1752, 9.988. См. также *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 21 и слѣд. Въ силу этого указа Яицкіе казаки получили исключительное право рыбной ловли при Гурьевѣ. Войску предписывалось лишь въ томъ случаѣ, если „по разсужденію коллегіи иностр. дѣлъ опредѣлено будетъ калмыкамъ нѣсколькимъ кибиткамъ при Яикѣ Гурьевѣ городкѣ кочевать, то для собственнаго ихъ пропитанія, а не для продажи рыбу ловить имъ калмыкамъ отъ Яицкаго войска дозволять въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они, Яицкое войско, имъ назначитъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ,—по даннымъ Витевскаго—уже при Неплюевѣ были точно опредѣлены границы морскихъ водъ, принадлежавшихъ войску (на протяженіи 111½ верстъ) (*Витевскій*, стр. 639). По словамъ *Рябинина*, при Неплюевѣ была проведена раздѣльная черта лишь по правую сторону Яика, т.-е. между Уральскими и Астраханскими водами, тогда какъ граница между Уральскими и Эмбенскими водами была проведена лишь при Потемкинѣ въ 1780 г. (*Рябининъ*, т. I, стр. 64, ср. *Левшинъ*, стр. 42, прим. См. также указъ 27 VIII 1802, 20.388 въ т. I наст. сочиненія, стр. 309).—Кромѣ того, не платя государству ничего за соль, Яицкіе казаки должны были платить особый сборъ съ соленой рыбы и припасовъ изъ нея, продававшихся ими въ Сызрани, Самарѣ, Сергіевскѣ, Алексѣевскѣ и на Батрацкой ярмаркѣ. Между тѣмъ съ 1759 г. этотъ сборъ, такъ же какъ и подобный сборъ въ Оренбургскихъ крѣпостяхъ, былъ сданъ въ аренду самому войску, первый—по установленному для него откупному окладу въ 4.588 р. 17½ коп., а второй—по суммѣ поступленія его за 1758 г. т.-е. 415 р. 67 к., итого за 5.003 р. 84½ к. (указъ 18 II 1758, 10.800, ср. *Витевскій*, стр. 640).

[4]) При этомъ команда изъ Астраханскаго гарнизона была замѣнена командой

Digitized by Google

После описанныхъ мѣръ Нижнеяицкая граница оказалась уже сравнительно хорошо защищенной. До насъ, какъ мы знаемъ, дошло два списка укрѣпленій по Яику (въ томъ числѣ и по нижнему Яику, начиная отъ крѣп. Разсыпной), сообщенныхъ намъ Рычковымъ. Первый относится ко второй половины 1740 или началу 1750 г., при чемъ мы не можемъ точно установить годъ), а второй—къ 1759 г.)[1]). Первый заключаетъ въ себѣ 23 укрѣпленія (5 крѣпостей и 18 форпостовъ), второй—24 укрѣпленія (5 крѣпостей и 19 форпостовъ). Эти укрѣпленія должны были защищаться Яицкими казаками въ числѣ 1100 чел. [2]). Длина занимаемой ими линіи отъ Илецкаго городка до Гурьева городка по даннымъ за 1759 г. и составляла 620 верстъ [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ принятъ цѣлый рядъ мѣръ предосторожности. Киргизамъ и калмыкамъ было запрещено кочевать ближе 20 верстъ къ Яику, не говоря уже о томъ, что тѣмъ и другимъ было запрещено переходить на противоположную сторону рѣки. За соблюденіемъ этого запрещенія должны были слѣдить Яицкіе казаки, а для облегченія ихъ задачи въ 1748 г. было предписано ежегодно осенью выжигать всю степь по лѣвую сторону Яика до самаго Каспійскаго моря. Для предотвращенія нечаян-

---

изъ Оренбургскаго (указъ 25 V 1752, 9.988). Между тѣмъ и послѣ этого Гурьевъ городокъ оставался не въ вѣдомствѣ Яицкаго войска, но въ непосредственной зависимости отъ Оренбурга (*Рычковъ*, Топ. Ор., II, 10), что для казаковъ было крайне неудобно. Лишь въ 1770 г. они добились того, чтобъ этотъ городъ отошелъ къ Яицкому войску. При этомъ стоявшій въ Гурьевѣ гарнизонный баталіонъ былъ переведенъ въ Ставрополь (см. указъ 5 I 1801. 24.069 и *Бородинъ*, т. I, стр. 354. Ср. также выше, стр. 199, прим. 3).

[1]) *Рычковъ*, Ист. Ор., II, 128—9. Топ. Ор., II, 84—5. О времени составленія этихъ списковъ см. выше стр. 175—6.

[2]) *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 86. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ это число увеличивалось.

[3]) Мы приводимъ здѣсь списокъ укрѣпленій по даннымъ Рычкова за 1759 годъ: Гурьевъ городокъ, форп. Сарайчиковъ, Яманхалинскій, Баксаевъ, Тополевый, Зеленый Колокъ, крѣп. Кулагинъ городокъ, форп. Гребенщиковъ, Кошъ-Яикъ, Харкинъ, Красный Яръ, крѣп. Калмыковъ городокъ, форп. Котельный, Антоновъ, Каменные Орѣшки, Сахарный, Мергеневъ, Сундаевъ, Кажахаровъ, Бударинъ, Кошъ-Яикъ, Чаганскій, крѣп. Яицкій городокъ и Илецкій городокъ. Итого 5 городковъ и 19 форпостовъ. Разстояніе между отдѣльными укрѣпленіями составляло отъ 12 до 145 в. (въ среднемъ 27 в.). На картѣ Красильникова, относящейся къ 1755 г., нѣкоторые изъ форпостовъ названы крѣпостями (Сарайчиковъ, Баксаевъ, Тополевый, Кошъ-Яикъ [противъ Индерскихъ горъ], Сахарный) (см. *Витевскій*, стр. 259). Изъ названныхъ укрѣпленій лишь два селенія теперь уже больше не существуютъ (Кошъ-Яикъ и Сундаевъ) (*Бородинъ*, т. I, стр. 4). Какъ сообщаетъ *І. И. Желѣзновъ* (Уральцы. Полное собр. сочиненій, т. II, стр. 114, прим.), сверхъ крѣпостей и форпостовъ, по нижнему Яику были сооружены ещё особыя укрѣпленія, а именно такъ наз. реданки (на полдорогѣ между форпостами) и трети (на полдорогѣ между реданками и форпостами). Всѣ эти укрѣпленія просуществовали до 60-хъ гг. XIX в.

Digitized by Google

ныхъ нападеній на линіи были приняты различныя мѣры, неисполненіе которыхъ вело къ строгимъ наказаніямъ [1]). Караулы и разъѣзды должны были содержаться не только по правому, но и по лѣвому берегу Яика, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ частяхъ послѣдняго у казаковъ были заведены хутора [2]). Отмѣтимъ въ заключеніе еще одну важную сторону въ разсмотрѣнныхъ нами мѣрахъ, принятыхъ для обороны нижняго Яика: онѣ имѣли не только военно-оборонительное значеніе, но и содѣйствовали разселенію Яицкаго войска, а вмѣстѣ съ тѣмъ положили начало колонизаціи этой страны, до того времени посѣщавшейся лишь кочевниками. Впрочемъ, это разселеніе произошло не скоро. Когда оно состоялось. мы въ точности не знаемъ; но къ 1748 г. оно не только еще не начиналось, но повидимому не было еще и близко къ началу [3]).

Неплюеву принадлежала не только организація обороны нижняго теченія Яика, но и проектъ преобразованій во внутреннемъ устройствѣ Яицкаго войска. Мы видѣли уже, что нѣкоторыя мѣры въ этомъ направленіи были приняты закономъ 1740 г.; однако, эти мѣры носили только приготовительный характеръ къ дальнѣйшимъ реформамъ, да и онѣ оставались неисполненными. Между тѣмъ во внутреннемъ устройствѣ войска происходили большія неурядицы: населеніе войска разрывалось на части благодаря постоянной борьбѣ между двумя партіями: атаманской (правительственной) и народной. Вмѣшательство со стороны центральнаго правительства, конечно, не могло помочь дѣлу, и вносимыя имъ ограниченія самоуправленія войска мало содѣйство-

---

[1]) Казакамъ запрещалось выѣзжать небольшими партіями и безъ вооруженія; иногда запрещалось отъѣзжать далѣе извѣстнаго разстоянія; при форпостахъ были сооружены особые маяки, которые въ случаѣ приближенія опасности зажигались и т. д. Указомъ 26 VIII 1739, 7.885, п. 5 Яицкимъ казакамъ было запрещено ѣздить въ орду безъ вѣдома Оренбургскаго начальства и безъ паспортовъ.

[2]) *Витевскій*, глава X.

[3]) Въ п. 13 помѣченнаго 22 ноября 1748 года проекта Неплюева о реорганизаціи Яицкаго войска, о которомъ рѣчь будетъ еще ниже, говорится: „Что же касается до вышеупомянутыхъ между тѣми форпостами отъ войска Яицкаго построенныхъ дву городковъ Кулагина и Калмыкова, то, хотя по опредѣленію Прав. Сената и велѣно оные какъ скоро возможно тщиться фундаментальнымъ житьемъ обселить, токмо по здѣшнему усмотрѣнію, а паче по состоянію Яицкаго войска и тѣхъ мѣстъ, гдѣ оные городки находятся, мнится сходнѣе, чтобы обселеніе оныхъ фундаментальными людьми до времени отложить: ибо на то изъ Яицкаго войска охотниковъ нынѣ нѣтъ, а въ неволю селить тому войску будетъ не безтрудно, а къ тому же и въ проходѣ къ казачьему ихъ городку рыбы, ежели будутъ тамъ фундаментально поселенные люди, имѣетъ быть не безъ помѣшательства“ (Р. Арх., 1878, II, стр. 23).

Digitized by Google

вали усовершенствованію его управленія; послѣднее продолжало сохранять въ высшей степени примитивный и произвольный характеръ: счетоводства не было никакого, дѣлопроизводство все было устное, съ казаковъ брались разные поборы и т. д. Еще въ началѣ своей дѣятельности на Оренбургской окраинѣ, а именно въ 1745 г. Неплюевъ получилъ отъ военной коллегіи предписаніе представить подробныя свѣдѣнія о Яицкомъ войскѣ вмѣстѣ съ проектомъ его реорганизаціи. Чтобы исполнить это порученіе, Неплюевъ въ 1748 г. самъ вмѣстѣ съ Рычковымъ отправился въ Яицкій городокъ, чтобы на мѣстѣ изучить бытъ войска. На основаніи собранныхъ свѣдѣній Неплюевъ представилъ въ военную коллегію подробный проектъ реорганизаціи, который дошелъ до насъ цѣликомъ и на который мы уже нѣсколько разъ ссылались въ предыдущемъ изложеніи [1]). Основныя черты этого проекта заключались въ слѣдующемъ. Во главѣ войска стоитъ войсковой атаманъ, который опредѣляется верховной властью изъ трехъ кандидатовъ, представляемыхъ ей войскомъ. Войсковой атаманъ зависитъ отъ Оренбургской „главной команды" и военной коллегіи; въ рукахъ его сосредоточиваются всѣ отрасли управленія (§ 1). Для содѣйствія ему по дѣламъ управленія при немъ состоятъ двое войсковыхъ старшинъ и одинъ изъ полковыхъ старшинъ по очереди (§ 2). Они вмѣстѣ съ войсковымъ писаремъ составляютъ „Яицкихъ войсковыхъ дѣлъ канцелярію", которая при рѣшеніи дѣлъ должна руководствоваться общими государственными законами (§ 5). Для болѣе важныхъ дѣлъ атаманъ долженъ созывать казачій кругъ, компетенціи котораго подлежатъ, однако, только домашнія, мірскія дѣла, тогда какъ по вопросамъ объ исполненіи по Выс. указамъ и предписаніямъ высшаго начальства, въ особенности относительно службы, онъ голоса не имѣетъ (§ 1, 2 и 6). Для войсковыхъ доходовъ и расходовъ вводится болѣе строгій порядокъ: они должны записываться въ книги и находятся подъ контролемъ Оренбургской губ. канцеляріи (§ 18). Яицкое войско дѣлится на 7 полковъ или станицъ, состоящихъ каждый изъ пяти сотенъ, т. е. 500 рядовыхъ [2]). Въ эти полки опредѣляются казаки и ихъ дѣти съ 17-лѣтняго (а въ случаѣ необходимости и съ 16-лѣтняго) возраста (§ 7). Во главѣ каждаго полка стоитъ полковой старшина или станичный атаманъ (§ 8). Каждый казакъ долженъ имѣть не менѣе двухъ лошадей, вооруженіе,

---

[1]) Онъ напечатанъ *Витевскимъ*, который заимствовалъ его изъ Уральскаго Войскового Архива, въ т. II Русскаго Архива за 1878 г., стр. 10—33.

[2]) Всего въ полку должно было быть 508 чиновъ, итого въ 7 полкахъ 3.556, а съ войсковой администраціей—3.572 чел. (*Рычковъ*, Топ. Ор., II, 81. Ср. также *Витевскій*, стр. 861, прим. g).

Digitized by Google

одежду и быть во всякое время готовымъ къ выступленію (§ 9). Ординарная служба войска состоитъ въ содержаніи форпостовъ и маяковъ, начиная отъ Илецкаго городка и до Гурьева городка. Итого на этихъ форпостахъ должно быть два полка (1.016 чел.), далѣе 20 чел. на форпостѣ у Илецкаго городка и 50 человѣкъ въ Гурьевѣ городкѣ. Всего это составляетъ 1086 чиновъ (§ 13)[1]. За эту свою („ординарную“) службу войско получаетъ окладное жалованіе, повышенное въ сравненіи съ прежнимъ[2], и пользуется рыбными и прочими промыслами по близости: въ случаѣ командированія „въ Оренбургъ или куда далѣе“ оно получаетъ жалованіе сверхъ окладнаго и провіантъ (§ 13). Кромѣ того войско получаетъ ежегодно пороху „по 70 пудовъ, а свинца по пропорціи того“ (§ 10)[3]. Службу должны отправлять по наряду всѣ казаки по очереди: наемъ казаковъ и всякіе сборы на это отмѣняются[4], также какъ и сборы на подмогу казакамъ, наряжаемымъ по очереди. Впрочемъ, если очередь дойдетъ до „такого то казака, который имѣетъ знатный капиталъ, торги и разные промыслы производитъ, то имъ яко не регулярнымъ людямъ съ вѣдома своего полкового старшины позволяется вмѣсто себя сына или родственника и свойственника съ подмогой отъ себя отправить, также не изъ казаковъ очередного, а хотя и изъ калмыкъ надежнаго добровольно нанять, чтобы онъ вмѣсто его очередь отслужилъ“ (§ 14). Здѣсь допускалась явная льгота въ пользу богатыхъ, въ поясненіе чего мы однако должны замѣтить, что льгота эта дѣлалась не по инниціативѣ правительства, но, напротивъ того, представляла изъ себя уступку со стороны послѣдняго: правительство два раза пыталось отмѣнить „наемку“, но оба раза должно было уступить и снова ввести ее[5] [6]. Далѣе, особое положеніе

---

[1]) Такимъ образомъ, проектъ не принимаетъ еще во вниманіе указа 20 X 1748 г. о содержаніи въ Гурьевѣ 100 казаковъ, хотя ко дню подписанія проекта (22 XI 1748) этотъ указъ уже былъ изданъ.

[2]) Размѣръ этого повышеннаго жалованія въ проектѣ не приведенъ. По *Рычкову* (Топ. Ор., II 88) оно должно было составлять по 1½ р. на казака, а всего должно было отпускаться войску 7.901 р.

[3]) Вмѣстѣ съ тѣмъ расходъ на посылку станицъ въ С.-Петербургъ сокращался съ 2638 р. (у *Рычкова* эта цифра составляла 3363 р. Топ. Ор., II, 87) до 1.317 р., такъ какъ вмѣсто четырехъ станицъ въ годъ предписывалось посылать только одну (§ 12).

[4]) Такіе сборы были уже запрещены указомъ (грамотою) 1740 г., но это запрещеніе не соблюдалось.

[5]) Наемка была отмѣнена въ 1766 и 1803 г., однако въ обоихъ случаяхъ была возстановлена (послѣдній разъ въ 1806 г. См. *Рябининъ*, т. I, стр. 40 и 66—70).

[6]) Въ составѣ Яицкаго войска были и калмыки, о которыхъ рѣчь будетъ въ дру-

Digitized by Google

проектъ отводитъ казакамъ Сакмарской и Илецкой станицъ (численность первыхъ, включая атамана и т. д., должна была составлять 256 чел., численность вторыхъ—472 чел., итого 728 чел.). Они не участвовали въ рыболовствѣ Яицкаго войска, но зато и служба ихъ была легче, а кромѣ того они „и при жительствахъ своихъ къ хлѣбопашеству и къ разнымъ промысламъ имѣютъ немалые и противъ Яицкихъ казаковъ излишніе способы". Поэтому проектъ предписывалъ попрежнему „ординарную ихъ службу отправлять имъ во всемъ на своемъ коштѣ [1]), довольствуясь симъ, что подушнаго оклада не платятъ" и что у нихъ есть названные промыслы (§ 24) [2]). Наконецъ, остается упомянуть, что проектъ предлагалъ ввести въ Яицкомъ войскѣ школу (что, какъ видно изъ мотивировки этого предложенія, вызывалось чисто практическими нуждами) (§ 19) [3]), и отдавать старыхъ, увѣчныхъ и т. д. въ богадѣльни, малолѣтнихъ же сиротъ на воспитаніе (§ 20).

Изъ изложеннаго мы видимъ, что Неплюевъ съ одной стороны хотѣлъ поставить точныя границы самоуправленію войска, и притомъ такія границы, которыя были бы совмѣстимы съ притязаніями, какъ извѣстно, далеко не скромными, центральнаго правительства. Для этой цѣли компетенція войскового круга ограничивалась одними „домашними" или „мірскими" дѣлами. Съ другой стороны Неплюевъ стремился положить конецъ установившейся испоконъ вѣка примитивности въ области войскового управленія и замѣнить ее внесеніемъ болѣе строгаго порядка и болѣе усовершенствованной техникой дѣлопроизводства. Между тѣмъ проекту Неплюева не суждено было осуществиться, за исключеніемъ лишь штата, который былъ утвержденъ [4]). Тѣмъ не менѣе Неплюевъ продолжалъ добиваться преобразованій для войска; въ 1753 г. въ военной коллегіи по его иниціативѣ и при его участіи разсматривался полный штатъ „о нерегулярныхъ Оренбургской губ. войскахъ. въ какомъ числѣ предъ тѣмъ оныя были и по нынѣшнему (1753 г.)

томъ мѣстѣ, и татары. Вслѣдствіе случаевъ обращенія татарами калмыкъ въ магометанство, таковое обращеніе было запрещено подъ страхомъ смертной казни (см. § 22). Ср. указъ 23 III 1749, 9.722.

[1]) Кромѣ дачи пороха и свинца.

[2]) Относительно Илецкой станицы см. также *Рябининъ*, т. II, стр. 15—21.

[3]) „Понеже въ войскѣ Яицкомъ между всѣми нынѣшними старшинами грамотныхъ людей, кромѣ наказнаго атамана и войскового писаря, болѣе 3 или 4 чел. не имѣется, да и тѣ знаютъ недовольно, такожъ и изъ молодыхъ людей грамотныхъ и учащихся тому весьма не столько, сколько нынѣшній штатъ и сіе учрежденіе требуютъ".... Ср. также *Витевскій*, стр. 311—2.

[4]) См. *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 81 и *Витевскій* въ Р. Арх., 1879, № VIII, стр. 379.

Digitized by Google

военной коллегіи разсмотрѣнію впредь сколько ихъ и на какомъ основаніи быть надлежитъ“. Между тѣмъ Сенатъ отложилъ разсмотрѣніе этого штата, и дѣло кончилось тѣмъ, что въ концѣ 1755 г. войску было предписано остаться на прежнемъ основаніи впредь „до будущаго въ учрежденной при военной коллегіи разсмотрѣнія“ [1]). При всемъ томъ слѣдуетъ однако замѣтить, что внимательное отношеніе Неплюева къ нуждамъ Яицкихъ казаковъ и его личный авторитетъ въ войскѣ приводили къ тому, что эпоха его управленія была временемъ сравнительнаго спокойствія на Яикѣ. Послѣ него опять начинается „ожесточенная и непримиримая междоусобная борьба старшинской партіи съ народной“. Представители первой продолжаютъ эксплуатировать всѣ выгоды своего положенія и своими злоупотребленіями вызываютъ недовольство простыхъ казаковъ. Въ Яицкомъ городкѣ опять появляются одинъ за другимъ слѣдователи, которые, однако, по большей части вмѣсто того, чтобы производить безпристрастное слѣдствіе, мирволятъ виновнымъ въ злоупотребленіяхъ должностнымъ лицамъ и т. д.. Въ такой постоянной борьбѣ проходятъ 1760-е годы, и раздоры и недовольство растутъ. Поводомъ къ открытому неповиновенію даетъ предписаніе учредить изъ Яицкихъ казаковъ особую команду въ образованномъ по случаю войны съ Турціей Московскомъ казачьемъ легіонѣ [2]). Вмѣстѣ съ изданіемъ этого предписанія распространился слухъ, что изъ казаковъ будутъ образованы регулярные эскадроны, и когда казакамъ было предписано преслѣдовать бѣжавшихъ изъ Россіи калмыкъ они отказались повиноваться. Тогда въ Яицкій городокъ опять были посланы слѣдователи (ген. фонъ-Траубенбергъ и кап. Дурновъ); однако ихъ дѣятельность не удовлетворила казаковъ и не успокоила ихъ, и наконецъ 13 января 1772 г. дѣло дошло до открытаго возмущенія: казаки убили одного изъ слѣдователей, другого изранили, а затѣмъ произвели жестокую расправу и надъ своими властями. Противъ мятежниковъ было послано войско, которое одержало побѣду надъ казаками: въ результатѣ виновные были наказаны [3]), а казачье управленіе было уничтожено и замѣнено назначеннымъ правительствомъ комендантомъ [4]). Порядокъ, такимъ образомъ, былъ водворенъ, но это

---

[1]) См. замѣтку г. *Гр. Александрова* въ Р. Арх., 1878 г., кн. II, стр. 487—8.

[2]) Указъ 3 X 1769, 13.365. Указомъ 7 XII 1770, 13.538 казаки были избавлены отъ легіонной службы (ср. *Витевскій* въ Р. Арх., 1879, № 11, стр. 392). Впослѣдствіи, а именно въ 1788 г., отставныхъ этой команды было повелѣно поселить по желанію во вновь основанномъ тогда на р. Б. Узенѣ городѣ или на Кавказской линіи (см. указы 18 I 1788, 16.608 и 21 VIII 1788, 16.700).

[3]) 130 человѣкъ было казнено, а у 1000 человѣкъ были отрѣзаны носы и уши...

[4]) См. указъ 4 VI 1772 г. въ Гор. Пос. Росс. Имп., т. III, СПБ., 1863, стр. 503.

Digitized by Google

успокоеніе было только временнымъ и наружнымъ; въ дѣйствительности недовольство продолжало расти и скоро нашло свое выраженіе въ Пугачевскомъ бунтѣ, который, какъ извѣстно, началоя на Яикѣ при дѣятельномъ участіи Яицкихъ казаковъ. Въ результатѣ Яицкіе казаки лишились своего стариннаго самоуправленія: „народное правленіе и круги отмѣнены, назначеніе атамана предоставлено исключительно Выс. волѣ, войсковая артиллерія отобрана и въ городѣ водворенъ постоянный регулярный гарнизонъ" [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣка Яикъ, войско и городъ, „для совершеннаго забвенія сего на Яикѣ послѣдовавшаго несчастнаго происшествія", были переименованы Ураломъ, Уральскимъ войскомъ и г. Уральскомъ [2]).

Впрочемъ, вскорѣ, а именно 9 февраля 1775 г., по настоянію Потемкина мѣстное комендантское управленіе было упразднено и во главѣ войска былъ поставленъ войсковой атаманъ и войсковая канцелярія [3]). Затѣмъ въ исторіи войска наступаетъ періодъ времени 1776—1786 г., въ теченіе котораго оно находилось въ вѣдѣніи Потемкина. Послѣдній обратилъ особое вниманіе на упорядоченіе службы казаковъ на линіи и на усиленіе ея. [4]) Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заботился и объ улучшеніи хозяйственнаго быта войска. Что касается административной организаціи послѣдняго, то она продолжала оставаться въ неопредѣленномъ положеніи, что попрежнему приводило къ разнымъ злоупотребленіямъ. Лишь въ 1781 г. было произведено измѣненіе, имѣвшее, однако, лишь внѣшнее значеніе, а именно въ этомъ году войско по гражданскимъ дѣламъ было передано въ вѣдомство Астраханской губ., съ оставленіемъ его по военнымъ дѣламъ въ Оренбургскомъ вѣдомствѣ [5]). Затѣмъ въ 1798 г., при реорганизаціи войскъ, ограждавшихъ Оренбургскую линію, пространство отъ Оренбурга до Уральска и отъ послѣдняго до Гурьева составило двѣ изъ пяти дистанцій Оренбургской линіи, а изъ Уральскаго войска было образовано два кантона: во главѣ перваго былъ поставленъ войсковой атаманъ, а во главѣ второго атаманъ Илецкой станицы [6]). Эта мѣра имѣла

---

[1]) *Рябининъ*, т. I, стр. 59—60, ср. *Левшинъ*, стр. 31.

[2]) Указъ 15 I 1775, 14.235.

[3]) *Рябининъ*, т. I, стр. 62.

[4]) Для послѣдней цѣли на линію былъ временно командированъ Перискій пѣхотный полкъ.

[5]) Это произошло при учрежденіи Уфимскаго нам. по указу 23 XII 1781, 15.307 (см. также указъ 14 I 1782, 15.324, п. 6).

[6]) *I. И. Желѣзновъ*, (наз. соч., II, стр. 107) сообщаетъ, что въ 1798 г. (по Выс. рескрипту 23 IV 1798 г.) Уральскіе казаки, по примѣру Донскихъ, стали служить въ гвардіи, при чемъ изъ нихъ была образована л.-гв. Уральская казачья сотня.

Digitized by Google

лишь чисто военное значеніе; но для насъ представляетъ интересъ то обстоятельство, что одновременно съ нею было предписано подвергнуть всѣхъ казаковъ войска особой переписи [1]). Результаты этой переписи до насъ, къ сожалѣнію не дошли [2]). Затѣмъ, рядъ административныхъ реформъ былъ предпринятъ въ войскѣ въ началѣ XIX в. Прежде всего, въ 1802 г. была реорганизована войсковая канцелярія [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ на ген. лейт. Медера было возложено составленіе новаго болѣе детальнаго положенія объ управленіи войскомъ [4]), для каковой цѣли ген. Медеръ болѣе года оставался въ Уральскѣ. Въ декабрѣ 1803 г. новое положеніе было издано: мы приводимъ здѣсь основные черты его, которыя заключались въ слѣдующемъ. Войско дѣлится на 10 полковъ по 578 чел. (изъ нихъ 550 казаковъ) въ каждомъ. Эти полки, однако, составляются лишь „тогда, когда востребуется надобность въ нарядѣ ихъ на внутренюю или внѣшнюю службу, по прошествіи сей надобности, вступая въ предѣлы жилищъ своихъ въ общее число войска, обращается каждый изъ бывшихъ на службѣ къ домашнимъ своимъ упражненіямъ". Срокъ службы составляетъ для офицеровъ 15 лѣтъ, для казаковъ—30 и не менѣе—25 лѣтъ (исключая случаевъ ранъ, увѣчій и т. п.). На офицерскія должности могутъ назначаться лишь лица, принадлежащія къ войску [5]). Вмѣстѣ съ тѣмъ войсковая канцелярія опять подверглась преобразованію, причемъ она по гражданскимъ дѣламъ опять была отдана въ вѣдомство Оренбургскаго губ. начальства [6]).

Приведеніе въ дѣйствіе новаго положенія было возложено на названнаго уже ген.-лейт. Медера. Такъ какъ оно, однако, было встрѣчено Уральцами недружелюбно, то его пришлось вводить силою. Одновременно съ этимъ было повелѣно вновь произвести перепись Уральскаго войска [7]). На этотъ разъ результаты переписи до насъ дошли: они приведены нами въ слѣдущей таблицѣ.

---

[1]) Указъ 10 IV 1798, 18.477.

[2]) Согласно *Шторху* (*H. Storch*, Hist.-stat. Gemälde, I Theil, Riga 1797, стр. 93) численность Уральскихъ казаковъ въ то время составляла 30.000 вооруженныхъ людей (streitbare Männer), которые содержали готовый къ выступленію въ походъ контингентъ (ein marschfertiges Korps) въ 12.000 чел., среди которыхъ, однако, было много татаръ и крещеныхъ калмыковъ. Этотъ разсчетъ долженъ быть признанъ сильно преувеличеннымъ.

[3]) Указъ 25 II 1802, 20.156, III.

[4]) См. указъ 16 IX 1803, 20.938.

[5]) Лишь съ 1829 г. въ войсковые атаманы стали назначать лицъ, не происходившихъ изъ войска (*Рябининъ*, т. Т. I, стр. 75).

[6]) Указъ 26 XII 1803 (29 I 1804), 21.101.

[7]) Указъ 26 XII 1803, 21.102.—П. 6. этого указа предписываетъ ген. Медеру

Digitized by Google

	м. п.	ж. п.	об. п.
Казаковъ	14.618	14.970	29.588
Крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей	280	213	493
Иногороднихъ русскихъ купцовъ и ремесленниковъ, постоянно живущихъ въ Уральскѣ и Сакмарскомъ городкѣ	83	63	146
Итого	14.981	15.246	30.227 [1]

Если мы сравнимъ эти данныя съ переписью Захарова, то увидимъ, что за 80 лѣтъ численность войска увеличилась въ $2^1/_2$ раза (на 145%). Съ свѣдѣніями за 1760-ые гг. мы, къ сожалѣнію, результаты переписи 1803 г. сравнить не можемъ, такъ какъ эти свѣдѣнія, какъ мы видѣли, касались лишь служащихъ казаковъ.

V. Башкиры и Мещеряки [2]).

Въ обширной странѣ, входившей въ составъ Оренбургскаго края стараго состава, башкиры, если не считать киргизъ-кайсацкихъ степей, составляли главную массу населенія, и притомъ господствующую часть его. Они занимали земли, входящія въ составъ современыхъ Уфимской, а также Оренбургской, Пермской и Самарской губ., при чемъ населяли все лѣсное и степное пространство по р.р. Камѣ, Бѣлой и по обѣ стороны верховьевъ Яика. Встрѣчаемыя въ краѣ „чудскія могилы", также какъ и названія многихъ рѣкъ, озеръ и урочищъ заставляютъ думать, что башкиры не были первоначальными обитателями края, хотя— какъ показываетъ цѣлый рядъ данныхъ—они заняли его уже очень

представитъ на Выс. утвержденіе свои соображенія о порядкѣ производства переписи. Къ сожалѣнію эти соображенія до насъ не дошли.

[1]) См. *Рябининъ*, I, 318. Рябининъ неправильно относитъ перепись ген.-лейт. Медера къ 1801 г. См. также *Бородинъ*, т. I, стр. 4. У *Зябловскаго* (Статист. опис. Росс. Имп., 1808 г. I, стр. 80—94) численность Уральскихъ казаковъ опредѣлена въ 30.200 душъ.

[2]) Изъ литературы, кромѣ трудовъ *П. И. Рычкова*, см. гл. обр. работы *Н. А. Ѳирсова*, Инородческое населеніе и т. д., Казань 1869, стр. 201—445 и *Витевскаго*, Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г., Казань, 1897. Существуетъ особый „Библіографическій указатель литературы о башкирахъ", составленный Д. П. Никольскимъ. Въ настоящемъ очеркѣ мы оставляемъ совершенно въ сторонѣ весьма сложный вопросъ о землевладѣніи башкиръ.

Digitized by Google

давно (не позднѣе IX вѣка). Происхожденія они были вѣроятно тюркскаго, и повидимому они состоятъ въ болѣе или менѣе близкомъ родствѣ съ татарами, съ которыми у нихъ много общаго: „тотъ же анатомическій типъ, та же наружность, религія, тѣ же черты характера и почти тотъ же языкъ“, говоритъ Витевскій. Если у башкиръ наблюдается болѣе низкій уровень какъ экономическаго, такъ и умственнаго и гражданскаго развитія, то, по мнѣнію того же автора, „эти отличія являются прямымъ слѣдствіемъ историческаго существованія башкиръ. Татары начали осѣдлую гражданскую жизнь прежде башкиръ и двумя столѣтіями раньше ихъ были подчинены вліянію русскаго цивилизующаго элемента, тогда какъ башкиры въ это время оставались больше подъ вліяніемъ сосѣднихъ калмыковъ и киргизъ“. Какъ по этой причинѣ, такъ и вслѣдствіе обширности занимаемыхъ башкирами степей, они гораздо долѣе, чѣмъ татары, сохранили кочевой или полукочевой образъ жизни [1]).

Во время существованія Казанскаго царства башкиры входили въ составъ послѣдняго, что не препятствовало, однако, постояннымъ нападеніямъ на нихъ со стороны граничившихъ съ ними кочевниковъ: ногайцевъ, киргизовъ и т. д. Эти нападенія продолжались и послѣ паденія Казанскаго царства и вѣроятно послужили причиною тому, что башкиры около 1555 г. приняли русское подданство, при чемъ за ними были подтверждены земли за Камой и по Бѣлой [2]), за что они съ своей стороны обязались уплачивать казнѣ небольшой ясакъ деньгами. Не ограничиваясь однако этимъ, башкиры сами же просили русское правительство построить въ ихъ странѣ русскія укрѣпленія: вслѣдствіе этого появилась Уфа (1574), а вскорѣ затѣмъ и Мензелинскъ (1586) [3]). Такимъ образомъ башкиры добровольно дали Россіи въ руки то оружіе, которымъ послѣдняя затѣмъ воспользовалась противъ нихъ, хотя, безъ сомнѣнія, русское господство не миновало бы ихъ и въ томъ случаѣ, если бы они сами его не выпросили.

Однако башкиры не составляли единственнаго населенія края. Изъ остальныхъ встрѣчавшихся въ немъ жителей слѣдуетъ въ особенности назвать мещеряковъ съ одной стороны, и тептерей и бобылей—съ другой. Оба являлись въ Башкиріи элементомъ пришлымъ, при чемъ мещеряки вѣроятно представляли изъ себя отатарившееся населеніе

---

[1]) *Витевскій*, стр. 125—6.

[2]) Данную имъ при этомъ грамоту см. у *Рябинина* (Уральское казачье войско, т. II, прил. I).

[3]) Еще ранѣе была основана Оса (1557); о времени основанія г. Бирска (1663) см. *Витевскій*, стр. 384.

Digitized by Google

части праваго берега Волги (въ нынѣшнихъ Пензенской и Симбирской губерніяхъ), бѣжавшее послѣ покоренія Казанскаго царства за Волгу, чтобы поселиться въ современныхъ Пермской и Уфимской губерніяхъ [1]). На новыхъ мѣстахъ жительства мещеряки не владѣли собственною землею, но сидѣли на башкирскихъ земляхъ, что вело къ подчиненному соціальному положенію ихъ и создавало между ними и башкирами классовый антагонизмъ, которымъ русское правительство впослѣдствіи неоднократно пользовалось [2]). Исторія прибытія мещеряковъ въ башкирскій край должна быть признана весьма темной; въ особенности у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для опредѣленія тѣхъ признаковъ, коими они были отграничены отъ тептерей и бобылей. Что касается послѣднихъ, то имъ мы посвятимъ особый очеркъ; здѣсь замѣтимъ только, что они также представляли изъ себя пришлый элементъ, находившійся притомъ отъ башкиръ въ еще большей зависимости, чѣмъ мещеряки.

Вслѣдъ за болѣе тѣснымъ подчиненіемъ башкиръ Россіи, т. е. послѣ постройки Уфы, въ страну ихъ начинаютъ приливать и русскіе колонисты, подъ вліяніемъ которыхъ и башкиры постепенно начинаютъ обращаться къ земледѣлію, хотя и до настоящаго времени скотоводство составляетъ ихъ главное занятіе [3]).

Хотя башкиры добровольно подчинились Россіи, они далеко не

---

[1]) По Рычкову мещеряки Уфимской пров. „суть сходцы изъ Алатырскаго и Симбирскаго уѣздовъ" (*Рычковъ*, Топ. Ор., I, 101). Этнографическое мѣсто мещеряковъ до настоящаго времени не можетъ считаться выясненнымъ: одни считаютъ ихъ за отатарившихся финновъ, другіе приписываютъ имъ тюркское происхожденіе.

[2]) *Витевскій*, стр. 421—2.

[3]) О характерѣ кочевого быта башкиръ и о зачаткахъ земледѣлія у нихъ см., напр., за конецъ 1760-ыхъ гг. у *Лепехина* (Вторая часть дневныхъ записокъ и т. д., вторымъ тисненіемъ, въ Спб., 1802, стр. 36 и слѣд. и 53 и слѣд.), а за 1790-ые гг.— у *Георги* (назв. соч., II, стр. 96 и слѣд.) и въ „Топографическомъ описаніи Оренбургской губ." (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 812), въ „Топографическомъ описаніи Пермскаго нам." (В. Уч. Арх. Гл. Ш., V, 832, рук. безъ года, относится къ концу 1780-ыхъ гг.) и въ „Хозяйственномъ описаніи Пермской губ." *Никиты Попова*, 1804 г. (В. Учр. Арх. Гл. Шт., V, 340, ч, II, отд. III). Всѣ эти источники рисуютъ намъ одну и туже картину, согласно которой башкиры зиму проводили въ избахъ, лѣтомъ же (съ мая по октябрь) кочевали съ своими стадами, живя въ войлочныхъ кибиткахъ; земледѣліе у нихъ было развито слабо, и они сѣяли лишь небольшое количество хлѣба (только ярового). Впрочемъ, для части Пермскихъ башкиръ земледѣліе составляло главное занятіе. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о всѣхъ мещерякахъ, которые считались даже хорошими земледѣльцами (впрочемъ, другой взглядъ см. въ указѣ 27 II 1802, 20.164а). Зимою нѣкоторые изъ Оренбургскихъ башкиръ возили Илецкую соль или нанимались на горные заводы.

Digitized by Google

мирно и не охотно несли то ярмо, которое сами на себя возложили. Напротивъ того, въ теченіе всего XVII и XVIII в. мы видимъ рядъ послѣдовательныхъ башкирскихъ бунтовъ, сопровождавшихся страшнымъ кровопролитіемъ. Главной причиной этихъ бунтовъ были тѣ стѣсненія, съ которыми была связана необходимость подчиняться новой власти, тѣмъ болѣе что представители послѣдней—посылавшіеся въ Башкирію воеводы и ихъ подчиненные, пользуясь отдаленностью отъ центра, позволяли себѣ невѣроятные злоупотребленія [1]). Сюда надо присоединить еще земельные захваты со стороны новыхъ пришельцевъ, а также и то обстоятельство, что послѣ паденія Казанскаго царства Башкирія сдѣлалась важнымъ центромъ магометанства на нашемъ востокѣ [2]). Эти постоянно повторявшіеся башкирскіе бунты были одной изъ причинъ, побудившихъ русское правительство принять болѣе энергичныя мѣры для утвержденія русскаго господства въ Башкиріи и, такимъ образомъ, повлекшихъ за собою экспедицію Кирилова и всѣ послѣдовавшія за нею событія. Между тѣмъ эта экспедиція въ свою очередь вызвала сильнѣйшее возмущеніе со стороны башкиръ, понявшихъ, къ чему должно было привести созданіе новыхъ укрѣпленій на Яикѣ. Это возмущеніе началось въ 1735 г., тянулось съ нѣкоторыми перерывами пять лѣтъ и закончилось массовыми „экзекуціями“, произведенными въ августѣ и сентябрѣ 1740 г. надъ виновниками возстанія [3]). Какъ мы уже имѣли случай замѣтить, усмиреніе возстанія поглотило значительную часть силъ и времени у первыхъ начальниковъ

---

[1]) О злоупотребленіяхъ и притѣсненіяхъ со стороны русскихъ служилыхъ людей, вѣдавшихъ инородцевъ, см. *Н. А. Ѳирсовъ*, „Положеніе инородцевъ въ Московскомъ государствѣ“ въ Уч. зап. Каз. Унив., 1864, вып. II, стр. 394—406. Въ особенности прославился своими притѣсненіями въ началѣ XVIII в. Уфимскій комиссаръ Сергѣевъ, который за это и былъ повѣшенъ въ Казани. О звѣрствахъ Сергѣева см. *Н. Поповъ*. Татищевъ и его время, М., 1861, стр. 165—6.

[2]) Изъ башкирскихъ бунтовъ особаго упоминанія заслуживаетъ Сеитовскій, продолжавшійся (съ 1662 г.) около пяти лѣтъ и получившій свое названіе отъ предводителя башкиръ, старшины Сеита, и Алдаро-Кусюмовскій (1707—8), также получившій свое названіе отъ именъ двухъ башкирскихъ предводителей, Алдара и Кусюма. Иногда башкирамъ удавалось склонить на свою сторону и другіе народы (калмыковъ въ Сеитовскій бунтъ, киргизовъ, каракалпаковъ, часть татаръ, мещеряковъ и т. д. въ Алдаро-Кусюмовскій), и соединившіе свои силы мятежники одновременно съ разныхъ сторонъ нападали на русскія пограничныя поселенія, доходя при этомъ иногда почти до самой Казани.

[3]) Во время этихъ экзекуцій было казнено разными способами 292 чел., а носы и уши были отрѣзаны послѣ наказанія кнутомъ у 301 чел. (*Рычковъ*, Ист. Ор., I 425—7 и 484).

Digitized by Google

края (особенно Кирилова и Урусова)[1]). Поэтому они лишь очень мало успѣли сдѣлать для внутренняго устройства края. Послѣ усмиренія бунта наступила сравнительно продолжительная эпоха спокойствія, которая совпала съ первыми 13 годами управленія Неплюева; за нею, однако, опять послѣдовалъ бунтъ 1755 г., на которомъ мы остановимся ниже.

Послѣ этого краткаго обзора главнѣйшихъ судебъ башкирскаго народа до половины XVIII стол., перейдемъ теперь къ болѣе подробному разсмотрѣнію ихъ отношеній къ государству[2]). Какъ мы видѣли, башкиры съ переходомъ въ русское подданство должны были платить русскому правительству *ясакъ* деньгами[3]). О томъ, какъ исчислялся и раскладывался этотъ ясакъ, мы, къ сожалѣнію, свѣдѣній не имѣемъ[4]).

---

[1]) Подробное описаніе этого возмущенія см. у *Рычкова* (въ его Ист. Ор.) и у *Витевскаго* (стр. 141—176). Наглядное представленіе о тѣхъ страшныхъ жертвахъ, которыхъ стоило усмиреніе бунта, даютъ намъ свѣдѣнія, помѣщенныя у Рычкова въ Ист. Ор., I, 487 и сл. Согласно этимъ свѣдѣніямъ 5 лѣтъ 1735—40 было разорено 696 башкирскихъ деревень, убито башкиръ 16.572, сослано 3236, роздано 8.382 (итого 28.190 чел., не считая тѣхъ 301, у которыхъ были отрѣзаны уши и носы). Кромѣ того было взято „въ штрафъ" 12.283 лошади, 6.076 овецъ и 9.828 р. Всѣ эти данныя Рычковъ считаетъ сильно преуменьшенными, „ибо много того, а особливо отъ нерегулярныхъ людей, происходило, о чемъ никакихъ репортовъ подавано не было"... (ср. Топ. Ор., I, 91) Мы знаемъ случай, гдѣ башкиръ въ числѣ 105 чел. загнали въ амбаръ и въ немъ сожгли (*Рычковъ*, Ист. Ор., I, 197—8). Замѣчательно то эпическое хладнокровіе, съ которымъ обо всѣхъ этихъ проявленіяхъ современной ему жестокости повѣствуетъ Рычковъ. Что и со стороны русскихъ жертвы, связанныя съ новой экспедиціей, были не малы, показываетъ, напр., слѣдующій случай: въ концѣ ноября 1735 г., вслѣдствіе недостатка провіанта въ Орскѣ, оттуда выступила въ Сакмарскій городокъ команда въ 773 чел: вслѣдствіе сильнаго мороза при плохой одеждѣ около 550 чел. изъ этой комманды дорогой замерзли и умерли съ голоду... (*Рычковъ*, Ист. Ор., I, 206).

[2]) Объ административномъ устройствѣ края мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ. Прибавимъ къ сказанному, что послѣ основанія Уфы башкиры были раздѣлены на четыре части или дороги: *Казанскую* на западѣ, *Осинскую* на сѣверѣ, *Сибирскую* на востокѣ и *Ногайскую* на югѣ (подробное означеніе границъ этихъ дорогъ см. у *Витевскаго*, приложеніе 24, стр. 15); дороги въ свою очередь дѣлились на волости, волости на роды (тюбы и аймаки). Проводя зиму 1734—5 г. въ Уфѣ, Кириловъ составилъ списокъ башкирскихъ родовъ, который до насъ дошелъ и даетъ намъ возможность составить себѣ представленіе объ административномъ раздѣленіи башкирскаго народа. Этотъ списокъ помѣщенъ *Рычковымъ* въ Ист. Ор., I, 120—123. Помѣщенный въ Топ. Ор., I, 93—100 списокъ, который *Витевскій* приписываетъ Кирилову (стр. 392), не вполнѣ совпадаетъ съ названнымъ спискомъ и относится, вѣроятно, къ болѣе позднему времени, когда писалась Топ. Ор. (т. е. къ концу 1750-ыхъ г.). Ср. также *Н. Поповъ*, Татищевъ и его время, М. 1861, стр. 551, прим. 99.

[3]) *Рычковъ*, Топ. Ор., I, 92.

[4]) Есть, однако, не совсѣмъ ясное мѣсто у Рычкова, гдѣ говорится, что ясакъ

Digitized by Google

За нѣкоторыми исключеніями мы не знаемъ также, подвергался ли онъ какимъ либо измѣненіямъ до 1754 г., когда онъ былъ отмѣненъ и когда онъ, какъ мы увидимъ ниже, составлялъ 2054 р. 78 к. [1]). Ясакъ

составляютъ „или лисица въ 80, или куница въ 40, или батманъ меду въ 90 коп. съ двора" (Ист. Ор., I, 17, прим. 4). Важное значеніе пчеловодства у башкиръ видно изъ того, что, по словамъ указа 27 V 1720, 3.593, оно служитъ имъ источникомъ для уплаты ясака. Ср. *Рычковъ*, Топ. Ор , I, 298—9: „Башкирцы, у которыхъ лѣсныя мѣста, отъ сихъ бортевыхъ пчелъ получаютъ себѣ великій доходъ"... Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ Рычковъ сообщаетъ, что весь ясачный окладъ уплачивался башкирами изъ оброка, получаемаго ими отъ тептерей и бобылей за пользованіе землею (Ист. Ор. II, 824). Для взиманія ясака велись особыя „ясачныя" окладныя книги. Запись въ эти книги извѣстнаго лица или его предковъ могла служить доказательствомъ, что это лицо входило въ составъ коренного башкирскаго населенія и что оно не принадлежало къ бѣглымъ, подлежавшимъ высылкѣ на прежнія жилища (см. указъ 18 III 1731, 5.719 о ясачныхъ татарахъ Уфимскаго уѣзда). Былъ ли ясакъ личнымъ, подворнымъ или поземельнымъ налогомъ, мы не можемъ рѣшить: съ одной стороны при припискѣ къ башкирамъ новыхъ лицъ ясакъ соотв. образомъ увеличивался (см. указъ 31 V 1734, 6.581, п. 24, гдѣ два калмыка приписываются къ башкирамъ Уфимскаго у. Терсадской вол. съ предписаніемъ „съ ясачными башкирцами и службы служить и ясакъ платить въ рядъ съ башкирцами, и сколько на нихъ ясаку наложено будетъ, то приложить къ прежнему окладу"). Далѣе, указъ 31 V 1734, 6.581, п. 20, предписываетъ „отдѣлившихся отъ отцовъ дѣтей, а отъ братей братьевъ, кои живутъ безъ платежа ясака, тѣхъ положить въ ясакъ по старымъ ихъ обычаямъ, какъ другіе братья башкирцы въ ясакъ обложены, и написать въ окладную ясачную книгу, а сколько того оклада прибудетъ, о томъ въ камеръ-коллегію и въ Сенатъ прислать вѣдомости". Изъ послѣднихъ словъ видно, что здѣсь дѣло идетъ не только о порядкѣ внутренней раскладки, но что и съ увеличеніемъ дворовъ увеличивалась и общая сумма оклада. Съ другой стороны, однако, когда часть земель была взята подъ вновь основанныя крѣпости, то было повелѣно „за взятыя у башкирцевъ подъ строеніе крѣпостей земли ясакъ, *что надлежитъ съ тѣхъ земель, по пропорціи* съ нихъ снять"... (указъ 20 VIII 1739, 7.876, п. 10; это постановленіе было распространено лишь на тѣхъ башкиръ, которые не участвовали въ бунтахъ. См. *Витевскій*, стр. 415—6).

[1]) Согласно помѣщенной въ П. С. З. „табели" о разнаго рода сборахъ (12 VIII 1724, 4.548) сборъ „съ башкирцевъ, съ лопарей, съ самояди, съ сибирскихъ и астраханскихъ татаръ ясачныхъ" составлялъ 56.969 р. 38 к. (эта же цифра приведена въ извлеченной П. Н. Милюковымъ изъ Гос. Архива гос. росписи за 1724 г., но здѣсь эта сумма названа сборомъ „съ татаръ, самоѣдовъ и лопарей ясачныхъ" безъ упоминанія о башкирахъ. См. *Милюковъ*, Гос. Хоз., приложенія, стр. 142). Здѣсь же названъ и другой сборъ („да на башкирцевъ положено, а не платятъ 22.758 р. 78 к."), который при этомъ отмѣняется. Согласно указу 16 III 1754, 10.198 объ отмѣнѣ ясака, послѣдній въ то время составлялъ „на всѣхъ Уфимской и Исетской провинціи башкирцахъ, мещерякахъ и обрѣтающихся между ими татарахъ 4.392 р. 65¼ к." Изъ нихъ по *Рычкову* на башкиръ приходилось 2054 р. 78 к. (эта сумма названа и въ указѣ 13 II 1748, 9.484), на мещеряковъ—463 р. 75 к., итого 2518 р. 53 к. Слѣд., на татаръ приходилось 1874 р. 12¼ к., и численность татаръ должна была составлять почти половину всей массы разсматриваемаго здѣсь ясачнаго населенія, т. е. около 51.000.

Digitized by Google

первоначально доставлялся въ Казань; отдаленность послѣдней была одной изъ причинъ, побудившей башкиръ просить о построеніи новаго города, послѣ чего мѣстомъ доставленія ясака сдѣлалась Уфа [1]). Впрочемъ, не всѣ башкиры платили ясакъ: въ этомъ отношеніи они дѣлились на *ясачниковъ* и *тархановъ*, изъ которыхъ послѣдніе были изъяты отъ ясака [2]). Званіе тархановъ давалось правительствомъ башкирамъ, оказавшимъ ему особыя услуги, при чемъ нѣкоторымъ оно давалось наслѣдственно, другимъ только лично. Тарханы обязаны были нести службу и въ разрядныхъ книгахъ помѣщались въ числѣ служилыхъ инородцевъ [3]). Служба ихъ была безвозмездной и оплачивалась

Такимъ образомъ, если приведенныя цифры вѣрны, то мы получаемъ значительную группу ясачныхъ татаръ, составляющихъ почти половину всего ясачнаго населенія края. Между тѣмъ мы увѣрены, что въ Оренбургскомъ краѣ не было столь значительной группы ясачныхъ татаръ, такъ какъ на нее никакихъ другихъ указаній нѣтъ. Мы думаемъ, что всѣ ясачные татары края—какъ и вообще всѣ ясачные крестьяне—были положены въ подушный окладъ, и что кромѣ нихъ послѣ 1724 г. встрѣчались лишь 1) служилые татары: о нихъ наше законодательство часто упоминаетъ наряду съ мещеряками, и они не могли быть многочисленны, и 2) небольшая группа ясачныхъ татаръ, о которыхъ упоминаетъ *Рычковъ* (Топ. Ор., II, 191), говоря объ Исетской пров. и называя ихъ Ичкинскими и Багаряцкими татарами. Число ихъ составляло 419 и 196, т. е. всего 615 душъ („по переписи" [какой—неизвѣстно], говоритъ Рычковъ); они были положены въ полтинный ясакъ до 1754 г., когда и для нихъ ясакъ былъ замѣненъ казенной солью (вѣроятно, эти группы имѣетъ въ виду указъ 13 III 1731, 5.719, говоря о ясачныхъ татарахъ). При такихъ условіяхъ намъ ничего другого не остается, какъ предположить въ приведенныхъ данныхъ о суммѣ ясака какую нибудь ошибку либо въ П. С. З., либо у Рычкова, тѣмъ болѣе, что въ П. С. З. опечатки весьма часты и что какъ ошибки, такъ и опечатки встрѣчаются и у Рычкова.

[1]) При этомъ ясакъ собирался, повидимому, ихъ собственными старшинами (см., напр., указъ 31 VII 1728, 5.318). Впрочемъ, въ 1729 г. для сбора ясака было предписано посылать къ башкирамъ „русскихъ людей добрыхъ и смирныхъ и пожиточныхъ", при чемъ имъ было повелѣно „башкирцамъ никакихъ обидъ и налогъ подъ жестокимъ наказаніемъ не чинить" (указъ 24 X 1729, 5.473). Однако, въ 1738 г. по представленію Татищева сборъ ясака былъ снова возложенъ на старшинъ (указъ 17 III 1738, 7.542, п. 1; ср. *Витевскій*, стр. 154). О старшинахъ у башкиръ и объ инструкціи, данной имъ Неплюевымъ см. указъ 20 VIII 1739, 7.876, п. 8 и 9 и *Витевскій*, стр. 410 и 417 (для конца 1760-ыхъ гг. см. *Лепехинъ*, назв. соч., стр. 51—3).

[2]) *Рычковъ*, Ист. Ор., I, 16, прим. 4. Тарханы, кромѣ того, имѣли то преимущество, „что они, гдѣ бы хотѣли, землею владѣть, сѣна косить и рыбу ловить могли, и въ томъ ясачники не спорили; только до бортныхъ угодей и бобровыхъ гонъ касаться было нельзя. Однакожъ нынѣ есть, что тотъ обычай и у самихъ у нихъ выходитъ, понеже всякъ имѣетъ земли и угодей довольно" (тамъ же).

[3]) *Витевскій*, стр. 386. Случай пожалованія въ тарханы см. тамъ же, 134. Въ Уфимскомъ дворянскомъ депутатскомъ собраніи сохранился списокъ тархановъ, отно-

Digitized by Google

лишь въ случаѣ дальнихъ посылокъ или особыхъ услугъ [1]). Въ 1734 г. было повелѣно завести въ Уфѣ новую „тарханную книгу", куда должны были быть записаны всѣ тарханы „съ описаніемъ службы ихъ, кто гдѣ служилъ, дабы впредь объ нихъ, сколько ихъ къ службѣ Ея И. В. собраться можетъ, и о прежнихъ ихъ службахъ было извѣстно и никто бъ другіе незаписанные въ ту книгу не могли напрасно называться тарханами". При этомъ была подтверждена обязанность тархановъ „служить службу, куда они указомъ Ея И. В. наряжены будутъ". О числѣ тархановъ по дорогамъ и волостямъ было предписано прислать въ Сенатъ краткую вѣдомость" [2]).

Однако, кромѣ ясака, на башкирахъ лежали и нѣкоторыя другія обязанности [3]). Такъ, по сообщенію Рычкова, „они жъ по старинному обыкновенію внутри Башкиріи проѣзжающимъ должны давать по подорожнымъ подводы безъ прогоновъ" [4]); далѣе, въ нѣкоторыхъ сохранившихся до насъ царскихъ грамотахъ упоминаются и другія повинности [5]). Съ другой стороны, однако, башкиры пользовались свободной

сящійся къ 1681 г. Изъ тархановъ вышли нѣкоторые дворянскіе роды (тамъ же, 386). *Н. А. Ѳирсовъ* по не совсѣмъ яснымъ причинамъ не относитъ тархановъ къ служилымъ инородцамъ (Положеніе инородцевъ и т. д., въ Зап. Имп. Каз. Унив., 1866, вып. II, 205 и слѣд.). Интересный матеріалъ о тарханахъ см. въ изданныхъ *В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ* „Источникахъ для изученія тарханства, жалованнаго башкирамъ русскими государями" (въ Зап. Имп. Акад. Наукъ, т. IV, СПБ., 1864).

[1]) Еще Кириловъ въ своемъ проектѣ по поводу привлеченія башкирскихъ тархановъ и мещеряковъ къ Оренбургской экспедиціи говоритъ, что они „сами съ охотою, сколько потребно, служить могутъ и почтутъ за домашнюю службу" (проектъ его, п. 4). Резолюція на это предписываетъ „башкирскихъ тархановъ и мещеряковъ нарядить столько, сколько нужда требовать будетъ" (рез. 1 V 1734, 6.571, п. 7). См. также инстр. Кирилову 18 V 1734, 6.576, п. 12 и 89. Послѣдній пунктъ говоритъ о башкирахъ вообще, но онъ, несомнѣнно, касался лишь тархановъ и служилыхъ мещеряковъ. О числѣ тархановъ въ то время даетъ намъ представленіе сообщеніе *Рычкова* (Ист. Ор., I, 126), что для участія въ отрядѣ Кирилова „записалось болѣе 700 чел., однако выѣхали и было ихъ не болѣе съ Кириловымъ 100 человѣкъ".

[2]) Указъ 31 V 1734. 6.581, п. 12. Въ концѣ 1735 г., подъ вліяніемъ башкирскаго бунта, Румянцевымъ и Кириловымъ былъ поднятъ вопросъ объ обращеніи всѣхъ башкиръ въ ясачниковъ съ уничтоженіемъ званія тархановъ; но этотъ проектъ не осуществился (*Витевскій*, стр. 141). Черезъ 5 лѣтъ, указомъ 20 VIII 1739, 7.876, п. 9 было предписано отрѣшить тархановъ, принимавшихъ участіе въ бунтѣ, и впредь не опредѣлять подобныхъ лицъ въ тарханы. Но и это предписаніе, кажется, осталось безъ исполненія, такъ какъ Неплюевъ считалъ его вреднымъ (*Витевскій*, стр. 412).

[3]) Указъ 31 VII 1728, 5.318 предписалъ съ башкиръ сверхъ положеннаго на нихъ ясака „никакихъ другихъ податей не спрашивать", но здѣсь, вѣроятно, разумѣются только денежные сборы.

[4]) *Рычковъ*, Топ. Ор., I, 92.

[5]) Какъ-то: обязанность возить воеводамъ сѣно, кормить въ деревняхъ ихъ ло-

Digitized by Google

отъ обложенiи солью [1]). Наконецъ, сверхъ ясака и названныхъ повинностей, и башкиры-ясачники издавна привлекались къ военной службѣ: уже вскорѣ послѣ присоединенiя ихъ къ Москвѣ изъ нихъ стали составлять особые отряды въ русскомъ войскѣ, такъ же какъ и изъ другихъ инородцевъ. На эту службу башкиры постоянно указываютъ при ходатайствахъ объ утвержденiи за ними земель, коими они владѣли, а въ разрядныхъ книгахъ встрѣчаются указанiя на число людей, которое они должны были выставлять на службу (по 1 съ 3 дворовъ) [2]). Относительно болѣе поздней эпохи мы имѣемъ лишь указъ 1737 г., предписавшiй отправить 3000 вооруженныхъ башкиръ для участiя въ Турецкой войнѣ [3]). Затѣмъ, съ возникновенiемъ линiи крѣпостей въ Оренбургскомъ краѣ, башкиръ стали наряжать ежегодно лѣтомъ для службы на линiи. Эти наряды начались, вѣроятно, съ 1743 г. [4]), а въ началѣ 1745 г. Неплюевымъ былъ выработанъ и представленъ Сенату на утвержденiе „порядокъ къ наряду башкирцевъ и мещеряковъ на службу". Согласно этому порядку наряды должны были производиться „по дворовому числу", при чемъ тарханы должны были давать по 1 чел. съ 5 дворовъ, а остальные башкиры и мещеряки по 1 чел. съ 8 дворовъ [5]); общее же число наряжаемыхъ должно было составлять

шадей и т. д. Копiи съ этихъ грамотъ сохранились въ дѣлахъ Уфимскаго дворянскаго депутатскаго собранiя (*Витевскiй*, стр. 371).

[1]) При этомъ они могли свободно торговать солью между собою, но не имѣли права продавать ее русскимъ (см., напр., указъ 10 I 1736, 6.862).

[2]) *Н. А. Ѳирсовъ*, Положенiе инородцевъ въ Моск. гос., въ Уч. Зап. Каз. Унив., 1866, вып. III, стр. 274; *Новиковъ*, назв. соч., стр. 10; *Витевскiй*, стр. 371. Поэтому и въ указахъ XVIII в. наряду съ ясакомъ упоминается и служба башкиръ: см., напр., указы 7 IV 1720, 3.565, п. 2; 31 VII 1728, 5.318 и 31 V 1734, 6.581, п. 28 (хотя здѣсь, быть можетъ, разумѣется только служба тархановъ).

[3]) Указъ 5 I 1737, 7.149. Въ этомъ указѣ любопытно упоминанiе о томъ, что „при предкахъ Нашего И. В., Ихъ Величествахъ, въ прошедшiя войны башкирцевъ по нѣскольку тысячъ на службахъ бывало". Замѣтимъ, что въ моментъ изданiя этого указа въ Башкирiи наблюдалось временное затишье (*Витевскiй*, стр. 151).

[4]) См. у *Витевскаго* (стр. 187) утвержденное Сенатомъ представленiе Неплюева отъ 7 II 1743 г. о нарядѣ на 1743 г. 1000 башкиръ и 500 мещеряковъ на линiю отъ Орска до Верхояицкой крѣпости.

[5]) Число людей составляло:

съ 1431 тарханскихъ дворовъ	286
съ 8395 башкирскихъ „	1049
съ 1531 мещеряцкихъ „	191
Итого	1526

Рычковъ, Ист. Ор., II, 312. У Рычкова невѣренъ итогъ (1469). Мы не знаемъ, должны ли

Digitized by Google

около 1500 чел. [1]). Это число сохранялось и въ концѣ 1750-ыхъ гг.[2]): оно представляло изъ себя лишь „ординарный нарядъ“, въ чрезвычайныхъ же случаяхъ число наряжаемыхъ увеличивалось [3]).

Обратимся теперь къ мещерякамъ. Согласно грамотѣ 1688 (7196) г. они должны были служить по г. Уфѣ вмѣстѣ съ Уфимскими дворянами и иноземцами, при чемъ они были свободны отъ какихъ либо платежей въ пользу казны [4]). Впрочемъ иногда правительство привлекало ихъ къ нѣкоторымъ сборамъ, но послѣдніе носили временный и случайный характеръ [5]). Обязанность ихъ служить была подтверждена указомъ 26 VI 1732 г. Въ 1734 г. для нихъ такъ же, какъ и для башкирскихъ тархановъ, была заведена особая книга, въ которую должны были быть занесены также и свѣдѣнія о томъ „какую они нынѣ по г. Уфѣ службу служатъ и поочередно ль или сколько когда наряжено бываетъ“, „чтобы о нихъ было извѣстно, сколько ихъ къ службѣ быть можетъ“; при этомъ и о нихъ было предписано представить краткую вѣдомость въ Сенатъ [6]). Какъ мы выше уже видѣли, служилые мещеряки участвовали въ экспедиціи Кирилова (въ числѣ 600 чел.) [7]), а

были тарханы и мещеряки отбывать эту службу сверхъ той службы, которую они отбывали ранѣе, или же послѣдняя была отмѣнена.

[1]) См. указъ 28 IX 1747, 9.444, гдѣ говорится, что „изъ башкирцевъ и мещеряковъ нарядъ имѣетъ быть учиненъ противъ прошлаго жъ лѣта, а именно: изъ тархановъ съ 5, а отъ башкирцевъ, мещеряковъ и служилыхъ татаръ съ 8 дворовъ по человѣку, что сочинитъ около 1500 чел.“...

[2]) Въ Топ. Ор. (I, 92) *Рычковъ* сообщаетъ, что башкиръ „на каждое лѣто наряжается для содержанія форпостовъ въ осторожность отъ набѣговъ киргизъ-кайсацкихъ, на ихъ собственномъ коштѣ, съ мещеряками около 1500 чел.“ Эти данныя не совпадаютъ съ свѣдѣніями, приводимыми *Стариковымъ* (Истор.-стат. очеркъ, стр. 77), согласно которымъ Сенатъ при утвержденіи штата Оренбургскаго войска предписалъ, чтобы на линію наряжалось ежегодно по 1969 башкиръ (при чемъ не сказано, включались ли сюда мещеряки, или нѣтъ). Въ другомъ своемъ сочиненіи Стариковъ сообщаетъ, что въ 1764 г. ежегодно наряжалось по 2004 башкиръ, мещеряковъ и служилыхъ татаръ (*Стариковъ*, Откуда взялись казаки, стр. 139).

[3]) *Рычковъ*, Ист. Ор., II, 312.

[4]) *Витевскій* (стр. 422) говоритъ, что за убытки во время башкирскихъ мятежей мещеряки „были освобождены отъ ясака“. Это вѣроятно lapsus linguae со стороны автора.

[5]) А именно, въ 1699 (7207) г. съ нихъ (въ числѣ 748 чел.) было собрано по 1 р. съ чел. „вмѣсто Камышинской службы“, и столько же съ нихъ (съ того же числа) было взято и въ 1718 г.

[6]) Указъ 31 V 1734, 6.581, п. 9. Этотъ указъ слѣдующимъ образомъ говоритъ о мещерякахъ: „также въ Уфимскомъ уѣздѣ обрѣтаются служилые татара, называемые мещеряки“..

[7]) *Рычковъ*, Ист. Ор., I, 126.

Digitized by Google

затѣмъ и въ усмиреніи башкирскаго бунта. Часть ихъ, какъ мы также уже знаемъ, была обращена въ казаки, часть—поселена въ Табынскѣ. За вѣрность во время башкирскаго бунта и помощь при его усмиреніи правительство еще въ началѣ 1736 г. постановило, чтобы земли, которыя мещеряки нанимали у башкиръ, были даны имъ въ вѣчное безоброчное владѣніе въ установленномъ при этомъ размѣрѣ; кромѣ того, имъ было обѣщано вознагражденіе „за претерпѣнный убытокъ отъ воровъ башкирцевъ“ [1]). Впослѣдствіи, однако, въ 1738 г. правительство отчасти отступилось отъ своего обѣщанія: считая „разобраніе“ башкиръ съ мещеряками въ земляхъ дѣломъ „весьма деликатнымъ“, оно предписало Татищему изыскать средства для достиженія этой цѣли, при чемъ выставило руководящимъ принципомъ, „что мещеряки могли бъ довольны быть, ежели прежними своими землями впредь безоброчно владѣть станутъ, а башкирцамъ достальныя оставить“ [2]). Изъ послѣднихъ словъ ясно вытекаетъ, что фактическое землевладѣніе мещеряковъ было ниже обѣщаннаго имъ въ 1736 г. размѣра. Впослѣдствіи затѣмъ было еще разъяснено, что всѣ эти постановленія касались лишь мещеряковъ, жившихъ на земляхъ башкиръ, участвовавшихъ въ бунтѣ, мещерякамъ же, жившимъ на земляхъ „вѣрныхъ и не приставшихъ къ воровству башкирцевъ“, указомъ 20 VIII 1739 г. было предоставлено либо попрежнему платить за землю оброкъ, либо поселиться „на пустыхъ бунтовщичьихъ земляхъ особыми деревнями“ [3]).

---

[1]) А именно первому старшинѣ по 200 четвертей, есауламъ, писарямъ и сотскимъ по 100, а рядовымъ по 50 (Указъ 11 II 1736, 6.890, п. 1).

[2]) Указъ 17 III 1738, 7542, п. 3. При этомъ Татищеву было повелѣно стараться, „чтобы мещеряки за ихъ нынѣшнюю вѣрность въ прежнее башкирцамъ порабощеніе не пришли и башкирцы вовсе обижены не были“. П. 4 названнаго указа предписалъ въ слѣдующее же лѣто начать межеваніе пожалованныхъ мещерякамъ земель, съ тѣмъ чтобы при этомъ былъ описанъ „ежели возможно весь тотъ дистриктъ, въ которомъ тѣ мещеряки живутъ съ деревнями, означивая, которыя пустыя и которыя еще жилыя; а переводомъ мещеряковъ въ другія мѣста и особливыя деревни обождать, пока по усмотрѣнію той описи основательное о томъ опредѣленіе учинено быть можетъ“. Размежеваніе башкиръ съ мещеряками, кажется, тогда не состоялось: по крайней мѣрѣ *Я. Ханыковъ* („Геогр. обозр. Оренбургскаго края“ въ Мат. для стат. Росс. Имп., СПБ., 1839, отд. II, стр. 22) сообщаетъ, что такъ какъ при пожалованіи мещерякамъ земель въ собственность „точнаго обмежеванія произведено не было, то это послужило поводомъ ко множеству тяжебъ, длившихся и донынѣ“.

[3]) Это постановленіе приведено у *Витевскаго* (стр. 392—3; ср. тамъ же стр. 404—5). Оно является разъясняющимъ дополненіемъ къ неясной формулировкѣ этого указа въ П. С. З. (20 VIII 1739, 7.876, п. 10): „а о тѣхъ взятыхъ у башкирцевъ земляхъ и объ отдачѣ мещерякамъ за ихъ вѣрность и чтобы оными землями имъ мещерякамъ впредь владѣть вѣчно безъ платежа ясака и о поселеніи мещеряковъ, татаръ и

Digitized by Google

Итакъ, мещеряки были свободны отъ ясака. Что же касается другихъ повинностей, лежавшихъ на башкирахъ, то онѣ лежали, кажется, и на мещерякахъ; это не подлежитъ сомнѣнію относительно подводной повинности, хотя для мещеряковъ послѣдняя была легче, чѣмъ для башкиръ [1]). Съ другой стороны мещеряки, такъ же какъ и башкиры, пользовались свободной отъ обложенія солью. Свобода мещеряковъ отъ ясака продолжалась до 1747 г., когда они были обложены имъ въ размѣрѣ 25 к. съ двора [2]); этотъ ясакъ, какъ мы увидимъ ниже, просуществовалъ только до 1754 г. Что касается, наконецъ, службы мещеряковъ, то мы о ней уже говорили выше, и поэтому болѣе на ней останавливаться не будемъ.

Въ предыдущемъ изложеніи мы видѣли, что какъ башкиры, такъ и мещеряки имѣли право пользоваться свободной отъ обложенія солью. Послѣднюю они добывали на Илекѣ и на озерѣ Эбеляѣ (въ 300 в. отъ Троицка), откуда имъ было дозволено доставлять ее къ себѣ только по двумъ дорогамъ: отъ Илека черезъ г. Оренбургъ, а отъ озера Эбеляя черезъ Троицкъ. Въ 1753 г. были изданы подробныя правила о продовольствіи бршкирскаго населенія солью, для предупрежденія какъ случаевъ пользованія этой необложенною солью тѣхъ частей населенія, которыя обязаны были покупать казенную соль [3]), такъ и случаевъ провоза необложенной соли въ „великороссійскіе города“. Для послѣдней цѣли были учреждены заставы и разъѣзды и особое соляное комиссарство въ Мензелинскѣ [4]). Однако, правительство не надѣялось всѣми этими мѣрами пресѣчь тайный провозъ необложенной соли и незаконную продажу ея, почему въ 1750-ыхъ гг. и возникъ проектъ замѣны ясака покупкой казенной соли. Неплюеву было предписано разсмотрѣть этотъ вопросъ и, если это не окажется убыточнымъ для казны, склонить башкиръ и мещеряковъ, чтобы они „вмѣсто положен-

---

чувашъ особыми деревнями быть по представленію его тайнаго совѣтника“ (т.-е. Татищева). Что о поселеніи мещеряковъ отдѣльными деревнями была рѣчь уже до этого указа, видно изъ приведеннаго въ предыдущемъ примѣчаніи указа 7 III 1738, 7.542.

[1]) *Витевскій*, стр. 154 (Витевскій здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, ссылается на Памятную книжку Уфимской губ. за 1873 г., которою мы, къ сожалѣнію, не могли воспользоваться).

[2]) *Рычковъ*, Топ. Ор., I, 103 (Этотъ указъ въ П. С. З. не вошелъ). Общая сумма ясака съ мещеряковъ составила 463 р. 75 к., что соотвѣтствуетъ 1.855 дворамъ.

[3]) Т. е. лицъ, положенныхъ въ подушный окладъ (какъ русскихъ, такъ и нѣкоторыхъ новопоселившихся иновѣрцевъ), пріѣзжихъ купцовъ, духовенства, лицъ, находившихся на военной (регулярной и нерегулярной) и гражданской службѣ (какъ служащихъ, такъ и отставныхъ), а также семей всѣхъ ихъ.

[4]) Указъ 7 V 1753, 10.097.

Digitized by Google

наго на нихъ ясака... соль покупали изъ казны указною цѣною". Отвѣтъ, который далъ Неплюевъ, былъ вполнѣ благопріятенъ: съ одной стороны башкиры и мещеряки и „обрѣтающіеся между ними татаре" [1]) охотно согласились покупать казенную соль съ условіемъ освобожденія отъ ясака и подтвержденія за ними ихъ земель,—„разсуждая изъ того пользу, что они безъ платежа ясака единственно служивыми будутъ, такъ какъ и казаки"; съ другой стороны, по мнѣнію Неплюева, поступленіе отъ казенной соли должно было превысить ясакъ, къ чему слѣдовало еще прибавить выгоды отъ прекращенія тайнаго провоза соли и возможность отмѣнить примѣнявшіяся противъ него мѣры. Въ виду этого закономъ 1754 г. ясакъ съ башкиръ и мещеряковъ былъ снятъ и замѣненъ обязанностью покупать казенную соль, при чемъ были подтверждены права ихъ на владѣемую ими землю [2]). Обязанность покупать казенную соль была распространена и на тархановъ, хотя законъ о нихъ вовсе не упоминаетъ [3]).

Изъ всего изложеннаго мы видимъ, что башкиры и мещеряки не подлежали подушному обложенію и рекрутской повинности [4]); вмѣстѣ

---

[1]) Какъ видно изъ другихъ мѣстъ доношенія Неплюева, здѣсь рѣчь шла о служилыхъ татарахъ.

[2]) Указъ 16 III 1754, 10.198. Любопытно, что этотъ законъ обнаруживаетъ отсутствіе у его составителей особенно точнаго представленія о народахъ, жившихъ на восточной окраинѣ: въ постановленіи Сената говорится то о башкирахъ, тептеряхъ и татарахъ, то о башкирахъ, мещерякахъ и татарахъ, хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что это постановленіе не касается тептерей и бобылей, для которыхъ были изданы совсѣмъ другія правила. Вообще слово башкиры не всегда употреблялось въ точномъ смыслѣ, что видно и изъ слѣдующихъ словъ указа 7 V 1753, 10.097: „въ Башкиріи де иновѣрцы какъ старыхъ жительствъ (кои по званію Башкиріи генерально именуются башкирцы, въ числѣ коихъ находятся мещеряки, вотяки, мордва, черемиса и чуваша)"... Съ другой стороны *Рычковъ* въ отдѣлѣ о татарахъ (Топ. Ор., I, 79) относитъ къ послѣднимъ и башкиръ и киргизовъ.

[3]) О томъ, что отличіе тархановъ отъ ясачниковъ прекратилось со времени введенія казенной соли см. изданные *В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ* „Источники для изученія тарханства", особ. стр. 8—9 и 47—8. Правящій должность Оренбургскаго губернатора Мансуровъ въ 1770-хъ гг. писалъ, что тарханы „и службу, и подводную гоньбу отправляютъ уже по дворовому числу и по очереди съ башкирами безразлично, и потому, наче же по происшедшимъ отъ нихъ бунтамъ, и званіе то тарханское въ уничтоженіе приведено" (тамъ-же).

[4]) Совершенно невѣрно характеризуетъ податное положеніе башкиръ *Георги* (назв. соч., II, стр. 94—5 и сл.) въ слѣдующихъ словахъ: „Подать ихъ состояла въ небольшомъ подушномъ денежномъ окладѣ, при чемъ также собиралось съ нихъ и небольшое количество меду, воску и мягкой рухляди. По прекращеніи возмущенія ихъ въ 1741 г. учреждено состояніе ихъ по примѣру казацкаго; и потому правятъ они службу при пограничной линіи и въ походы по наряду ходятъ: при чемъ сами себя

Digitized by Google

съ тѣмъ они не были подвергнуты переписи ни въ первую, ни во вторую ревизію [1]). Но это еще не значитъ, чтобы правительство не нуждалось въ статистическихъ данныхъ о нихъ и не стремилось къ тому, чтобы ихъ получать; но при безпокойномъ характерѣ жизни въ краѣ оно въ этомъ своемъ стремленіи наталкивалось на особыя трудности. Вслѣдствіе этого дошедшія до насъ статистическія данныя о башкирахъ и мещерякахъ отличаются несогласованностью и часто вызываютъ большія сомнѣнія. Прежде всего свѣдѣнія о численности башкиръ должны были ежегодно доставлять воеводы. Эти свѣдѣнія доставлялись въ Сенатъ, пока онъ былъ высшимъ органомъ государственнаго управленія, а затѣмъ—въ Кабинетъ [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что эти данныя не заслуживали особаго довѣрія. Повидимому эта причина, въ связи съ тѣми измѣненіями, которыя были обусловлены башкирскимъ бунтомъ, и побудили правительство во второй половинѣ 1730-ыхъ гг. подвергнуть башкиръ переписи. Предписаніе объ этомъ состоялось вѣроятно въ 1739 г. [3]). Однако, его осуществленіе встрѣтило большія затрудненія вслѣдствіе сопротивленія башкиръ: какъ доносила Уфимская провинціальная канцелярія, она мало надѣялась, „чтобы башкирцы въ перепись себя допустили"; въ особенности башкиры Сибирской дороги считали „такую перепись за великую себѣ противность". Въ виду этого правительство, боясь новыхъ волненій, въ маѣ 1739 г. нашло себя

должны снабдѣвать лошадьми, одѣяніемъ и оружіемъ; во всемъ же прочемъ оказывается имъ такое призрѣніе, какъ и другимъ казакамъ. Поелику въ мирное время малое только ихъ число употребляется въ военную службу, то домосѣды платили по 40 к. подушнаго окладу. Но послѣ сдѣланнаго о соли новаго учрежденія снятъ съ нихъ сей окладъ, а вмѣсто того принуждены они соль, которую прежде даромъ съ озеръ своихъ брали, покупать нынѣ изъ казенныхъ стоекъ". И о мещерякахъ авторъ невѣрно сообщаетъ, будто они были освобождены отъ оброка въ 25 к. съ семьи уже въ 1735 г. (тамъ-же, стр. 109).

[1]) О первой ревизіи см. указъ 22 I 1719, 3.287, гдѣ отъ переписи изъемлются между прочимъ „Уфимскіе татары и башкирцы", о второй—указъ 16 XII 1743, 8.835 (вступленіе) и инструкцію 16 XII 1743, 8.836, вступленіе и п. 3, гдѣ отъ переписи изъемлются „Уфимскіе мурзы и татары и башкирцы". О свободѣ отъ рекрутской повинности см., напр., указъ 24 VI 1729, 5.427.

[2]) *Витевскій*, стр. 391. Вѣроятно, этимъ путемъ были получены приводимыя *Новиковымъ* (назв. соч., 16—17 п. 203—4, прим. 8) и заимствованныя изъ разрядныхъ книгъ цифры о численности ясачныхъ башкирскихъ дворовъ въ 1629—33 гг. (888 дворовъ) и въ 1635—6 гг. (2.217 дворовъ). Эти цифры сообщены и у *Н. А. Ѳирсова*, Положеніе инородцевъ въ Моск. гос. въ Уч. Зап. Каз. Унив., 1866, вып. III, 262), который справедливо указываетъ на то, что имъ довѣриться нельзя.

[3]) Предписаніе это до насъ не дошло, почему мы и не знаемъ въ точности, когда оно было издано.

Digitized by Google

вынужденнымъ предписать Соймонову[1]), чтобы перепись подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ была отложена или даже вовсе оставлена[2]) Между тѣмъ въ ноябрѣ 1739 г. Соймоновъ представилъ болѣе благопріятныя свѣдѣнія[3]), почему онъ и просилъ дозволенія кончить перепись. На это послѣдовало Выс. разрѣшеніе, съ предписаніемъ „послать нарочныхъ офицеровъ, однакожъ только въ тѣ мѣста, гдѣ башкирцы сами такой переписи желаютъ", и съ тѣмъ чтобы офицеры „при переписи башкирцамъ нималаго озлобленія не чинили" [4]). Такимъ образомъ, перепись была распространена не на всѣхъ башкиръ, но лишь на тѣхъ, которые сами желали ей подвергнуться. При такихъ условіяхъ приводимые ниже результаты ея не могутъ претендовать на большое значеніе. Впрочемъ, еще Неплюевъ принималъ мѣры къ тому, чтобы окончить ее и сдѣлать ее возможно полной. Съ этой цѣлью онъ далъ соотвѣтствующія предписанія уфимскому вице-губернатору Аксакову, требуя отъ него однако, чтобы „то дѣло никакихъ неспокойствъ произвести не могло" и чтобы въ случаѣ наступленія какихъ-нибудь затрудненій, „оставя формально переписывать, стараться о семъ единомъ, чтобы черезъ другія окрестности о числѣ башкиръ, сколько ихъ въ которой волости, развѣданіе учинить" [5]).

Вотъ результаты переписи 1739 г. [6]).

Дороги.	Дворовъ.	Душъ.	На 1 дворъ приходится душъ.
Казанская	1.148	2.979	2,6
Осинская	1.127	4.489	4,0
Сибирская	96	236	2,5
Ногайская	4.821	11.566	2,4
Итого.....	7.192	19.266	2,7

Какъ сказано уже выше, способъ, посредствомъ котораго собирались эти данныя, заставляетъ относиться къ нимъ съ большимъ недовѣріемъ: нѣтъ сомнѣнія, что они, въ особенности по отношенію къ численности *населенія*, были ниже дѣйствительности и что они отличались большою неравномѣрностью, при чемъ наименѣе полными были

[1]) Управлявшему башкирскими дѣлами и командовавшему войсками въ Уфимской провинціи.

[2]) Указъ 5 V 1739, 7.798.

[3]) Такъ, онъ писалъ, что „нѣкоторые изъ Сибирской дороги башкирцы... сами писаться желаютъ"... Чѣмъ объяснить такую перемѣну, остается для насъ неяснымъ.

[4]) Указъ 20 XII 1739, 7.977.

[5]) *Витевскій*, стр. 410.

[6]) *Витевскій*, стр. 393.

Digitized by Google

данныя о Сибирской дорогѣ. Справедливость сказаннаго подтверждается и путемъ сравненія данныхъ переписи 1739 г. съ болѣе поздними данными, приводимыми ниже и обнаруживающими гораздо бо́льшую плотность двора. Впрочемъ, быть можетъ, здѣсь вліяли и тѣ потери, которыя понесло башкирское населеніе во время бунта и которыя съ прекращеніемъ послѣдняго быстро стали восполняться новымъ приростомъ населенія [1]).

Затѣмъ до насъ дошли цифры дворовъ, легшія въ основу наряда башкиръ и мещеряковъ на службу. Эти цифры, относящіяся ко времени вѣроятно не ранѣе 1743 и не позднѣе 1745 г., составляли 9.826 для башкиръ (изъ нихъ 1.431 тарханскихъ) и 1.531 для мещеряковъ, итого 11.357 дворовъ [2]).

Дальнѣйшія свѣдѣнія, дошедшія до насъ, относятся къ 1750-мъ гг. А именно, въ 1753 г., когда дѣло шло о замѣнѣ ясака казенною продажею соли, Уфимскій и Исетскій воеводы опредѣляли число башкиръ и мещеряковъ (съ присоединеніемъ къ нимъ и служилыхъ татаръ) въ 123.122 души об. пола; но что и сама администрація за эти цифры не ручалась, видно изъ того, что Неплюевъ, сообщая ихъ Сенату, тутъ же оговаривался: „но такъ или нѣтъ, на то документовъ имѣть не можно“ [3]). У насъ есть, затѣмъ, данныя, и притомъ о числѣ какъ дворовъ, такъ и населенія, сообщаемыя намъ Рычковымъ и относящіяся къ концу 1750-ыхъ гг. Согласно этимъ даннымъ число дворовъ у *башкиръ* составляло [4]):

Дороги.	Число волостей, для которыхъ приведены данныя.		Дворовъ.	
	Въ Уфимской пров.	Въ Исетской пров.	Въ Уфимской пров.	Въ Исетской пров.
Казанская	10 волостей изъ 12	—	2443	—
Осинская	3 „ „ 5	—	928	—
Сибирская	3 волости	13 волостей	923	2831
Ногайская	10 „	2 „	4594	140
Итого	26 волостей изъ 30	15 волостей	8888	2971

[1]) См. ниже, стр. 280, замѣчанія *Рычкова* о быстротѣ прироста.

[2]) *Рычковъ*, Ист. Ор., II, 312.

[3]) Указъ 16 III 1754, 10.198.

[4]) *Рычковъ*, Ист. Ор., I, 120—123; Топ. Ор., I, 93—100 и II, 192. У Рычкова невѣрный итогъ въ 8.892 двора для Уфимской провинціи.

Digitized by Google

Приведенныя данныя страдаютъ, къ сожалѣнію, нѣкоторыми пропусками по отношенію къ двумъ волостямъ Казанской и двумъ Осинской дороги, хотя эти пропуски не могутъ считаться существенными. Общее число башкирскихъ дворовъ въ обѣихъ провинціяхъ составляло 11.859 [1]. Что же касается цифры населенія, то она составляла для башкиръ 106.176 душъ об. п. (86.384 въ Уфимской провинціи и 19.792 въ Исетской) [2]. Если мы сопоставимъ эти цифры съ числомъ дворовъ, то получимъ по 9,7 душъ об. п. на дворъ въ Уфимской пров. и 7,0 въ Исетской, въ среднемъ 9 чел. Вслѣдствіе неполноты данныхъ о числѣ дворовъ по Уфимской пров., цифра этой провинціи должна быть признана выше дѣйствительной.

Что же касается *мещеряковъ*, то о нихъ Рычковъ приводитъ слѣдующія данныя, въ которыя включены и свѣдѣнія о служилыхъ татарахъ [3] [4].

	дворовъ	душъ об. п.	На 1 дворъ прих. душъ.
Уфимская провинція..	1530	13.834	9,0
Исетская „	219 [5]	1.683	7,7
Итого....	1749	15.530	8,8

Итакъ, общее число дворовъ составляло у башкиръ и мещеряковъ 13.608 (10.418 въ Уфимской провинціи и 3190 въ Исеткой), а общая численность населенія (со включеніемъ служилыхъ татаръ) 121.706 душъ об. пола. Послѣдняя цифра очень близко подходитъ къ

---

[1]) Близкое къ этому число (а именно 11.788 башкирскихъ дворовъ) мы находимъ въ В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 311 („Состояніе Оренбургской губ. и принадлежащихъ къ ней азіатскихъ и иновѣрныхъ народовъ“, рук. безъ года), хотя эта рукопись судя по ея содержанію, относится уже къ 1770-ымъ гг.

[2]) Эти данныя взяты *Рычковымъ* изъ вѣдомостей, „недавно присланныхъ отъ провинціальныхъ воеводъ“ „въ разсужденіи соляныхъ дѣлъ“, и получены „по одному развѣдыванію, а не по переписи“ (Топ. Ор., I, 92—3).

[3]) „Но сіи“, замѣчаетъ *Рычковъ* о послѣднихъ, „съ мещеряками одного состоянія, разнствуютъ только именемъ“ (Топ. Ор., I, 103).

[4]) Эти данныя получены „по сказкамъ старшинъ ихъ“. У *Рычкова* приведенъ невѣрный итогъ 15.517 (тамъ же). Любопытно отмѣтить сокращеніе числа дворовъ у мещеряковъ съ 1747 г. (см. выше, стр. 274, прим. 2).

[5]) Говоря о населеніи Исетской провинціи въ Топ. Ор., II, 191, *Рычковъ* называетъ 229 дворовъ, изъ коихъ служилыхъ мещеряковъ 166 двора, сартъ 31, калмыкъ Аюкинскихъ 32 двора. Повидимому и въ Топ. Ор., I, 103, говоря о 219 дворахъ, онъ разумѣетъ тѣ же три категоріи, при чемъ различія цифръ 219 и 229 есть вѣроятно результатъ опечатки. Кромѣ того, въ первомъ изъ названныхъ мѣстъ онъ называетъ 419 душъ Ичкинскихъ татаръ и 196 Багаряцкихъ, и того 615 душъ.

Digitized by Google

приведенной выше цифрѣ, сообщенной Неплюевымъ Сенату въ 1753 г. При этомъ плотность двора очень близка у башкиръ и у мещеряковъ. Если наши разсчеты вѣрны, то общее число дворовъ у башкиръ и мещеряковъ съ 1743—5 гг. по вторую половину 1750-ыхъ гг. увеличилась тысячи на двѣ: послѣднее обстоятельство находится въ полномъ соотвѣтствіи съ словами Рычкова, сообщающаго, что у башкиръ „дворовое число ихъ ежегодно прибываетъ, тѣмъ что отъ многоженства весьма умножается, и отдѣляя дѣти отъ отцовъ и братья отъ братьевъ въ особые домы переходятъ“ [1]). Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что число дворовъ не даетъ намъ еще представленія о числѣ семей, потому что „въ каждомъ дворѣ ихъ живетъ обыкновенно по нѣскольку семей“ [2]).

Между тѣмъ, хотя башкиры, по донесенію Неплюева, и выразили добровольно согласіе на казенную продажу соли, введеніе послѣдней было однимъ изъ поводовъ, повлекшихъ за собою новое всеобщее возстаніе въ Башкиріи въ 1755 г. Причины этого возстанія, такъ же какъ и предыдущихъ, глубоко коренились въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находились въ то время башкиры. Послѣдніе видѣли, какъ ихъ все туже и туже стягивала петля чужеземной власти, какъ „все, чего боялись, что ненавидѣли эти иновѣрцы, что противорѣчило образу ихъ жизни, привычкамъ, понятіямъ, преданіямъ, складу общественныхъ отношеній, все, противъ чего они прежде такъ долго враждовали, не жалѣя ничего,—все это теперь насаждено было въ ихъ краю опытной и твердой рукой“ [3]). Къ тому жъ и злоупотребленія и своеволія чиновниковъ не прекращались и продолжали раздражать башкиръ. Наконецъ, и религіозная вражда продолжала быть широко распространенной между жившими на нашемъ востокѣ мусульманами, а въ ихъ числѣ и башкирами, и поддерживалась разными притѣсненіями, коимъ они подвергались [4]).

Бунтъ 1755 г. представлялъ изъ себя послѣднюю отчаянную попытку башкирскаго населенія свергнуть русское иго. Во главѣ движенія сталъ мещерякскій мулла Абдулла Мязгяльдинъ, извѣстный подъ именемъ Батырши Алѣева, человѣкъ, отличавшійся непримиримой ненавистью къ Россіи и вслѣдствіе своего ума и учености пользовавшійся громаднымъ авторитетомъ въ магометанскомъ мірѣ. Возстаніе началось въ

---

[1]) Топ. Ор., I, 93. См. объ этомъ также п. 20 указа 31 V 1734, 6.581 (см. выше ст. 267, прим. 4)).

[2]) Тамъ же, 92.

[3]) *Н. А. Фирсовъ*, Инородческое населеніе, стр. 426.

[4]) *Витевскій*, стр. 848—9 и 858.

Digitized by Google

маѣ 1755 г. и сразу приняло угрожающіе размѣры [1]). Однако, благодаря той дипломатической виртуозности, съ которой принялся за его усмиреніе Неплюевъ, оно было весьма быстро прекращено [2]). Слѣдуя принципу „divide et impera", Оренбургскій губернаторъ прежде всего вооружилъ противъ башкиръ ихъ старинныхъ враговъ, мещеряковъ и тептерей и бобылей, убѣдивъ послѣднихъ, что главная цѣль мятежа состоитъ въ желаніи обратить ихъ въ прежнее рабство [3]). Затѣмъ, когда многіе башкиры бросились за Яикъ, чтобы искать помощи у киргизъ-кайсаковъ, Неплюевъ сумѣлъ не только поссорить оба народа, но и навсегда посѣять между ними непримиримую вражду, разрѣшивъ киргизамъ завладѣть женами и дочерьми пришедшихъ къ нимъ башкиръ [4]). Въ концѣ концовъ Неплюеву же пришлось выступать

---

[1]) Батырша выпустилъ отъ своего имени воззваніе къ башкирамъ, въ которомъ призывалъ ихъ совмѣстными силами свергнуть русское иго и возстановить права магометанской вѣры (это воззваніе впервые цѣликомъ напечатано у *Витевскаго*, приложенія, стр. 92—100). Срокомъ начатія бунта Батырша назначалъ 10 іюня 1755 г.; однако башкиры не вытерпѣли и, какъ мы видѣли, начали враждебныя дѣйствія еще въ маѣ. Вотъ какъ Батырша въ своемъ возваніи говоритъ о казенной продажѣ соли: „изъ казны Божіей получаемую изъ горъ и озеръ соль брать воспретили, а изъ казны своей брать принудили и насильно издревле за вотчинныя земли платимый ясакъ платежемъ отставили и въ томъ взяли съ насъ подписку, чтобы мы тое соль изъ казны покупали, а вмѣсто того ясакъ не платили, которую подъ неволею, а якобы съ нашимъ удовольствіемъ и волею и дали, приложа ко оной руки и тамги" (тамъ же стр. 97).

[2]) Возстаніе ставило правительство въ большое затрудненіе, такъ какъ въ то время Россія готовилась къ войнѣ съ Фридрихомъ II. Тѣмъ не менѣе Неплюевъ стянулъ въ предѣлы своей губерніи значительные военныя силы (войска изъ Казанской губ., а также казаковъ съ Дона и калмыковъ изъ Астраханской губ.).

[3]) Цѣль Неплюева оказалась вполнѣ достигнутой: „тептери и бобыли", замѣчаетъ Неплюевъ въ своихъ запискахъ, „съ такою ревностью противъ башкирцевъ вступились, какой только желать возможно было". Вмѣстѣ съ тѣмъ Неплюевъ дѣятельно распространялъ среди населенія опровержение воззванія Батырши, подложно составленное имъ отъ имени Оренбургскаго магометанскаго духовенства.

[4]) Несмотря на сопротивленіе со стороны русскихъ войскъ, разставленныхъ по Яику, все же около 10.000 башкиръ об. пола ускользнули за Яикъ (эта цифра приведена у *Рычкова*, Топ. Ор., II, 40; у позднѣйшихъ писателей обыкновенно приводится цифра въ 50.000, представляющаяся намъ сомнительною: см. *Левшинъ*, Описаніе киргизъ-кайсацкихъ и т. п. степей, т. II, стр. 214; *Ешевскій*, Сочиненія по русской исторіи, стр. 128, *Ѳирсовъ*, Инородческое населеніе, стр. 441 и *Витевскій*, стр. 872). Неплюевъ особыми грамотами извѣстилъ киргизъ-кайсаковъ, что Ея Величество жалуетъ ихъ женами, дочерьми и имѣніемъ перебѣжавшихъ къ нимъ башкиръ, но съ тѣмъ чтобы мужчины были отведены въ Россію или выгнаны изъ предѣловъ киргизскаго кочевья. Киргизы охотно пошли на эту приманку; они присвоили себѣ башкирскихъ женъ и дочерей, а мужчинъ отчасти побили, отчасти разобрали по улусамъ въ качествѣ плѣнниковъ. Образъ дѣйствія киргизъ вызвалъ страшную ярость со стороны башкиръ,

Digitized by Google

чуть ли не въ роли посредника между обѣими враждующими сторонами. Такимъ образомъ бунтъ 1755 г. былъ прекращенъ очень быстро, при чемъ усмиреніе его стоило Россіи лишь очень немногихъ жертвъ [1]). Къ этому и глава его Батырша былъ пойманъ 8-го августа 1756 г., доставленъ въ Петербургъ, а затѣмъ въ срединѣ 1757 г. въ Шлиссельбургъ, гдѣ онъ и умеръ въ іюлѣ 1762 г. послѣ 5-лѣтняго заключенія. Замыслы его оказались разрушенными и бунтъ не удавшимся. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ говоритъ Н. А. Ѳирсовъ, „бунтъ Батыршинъ былъ послѣднею попыткою русскаго магометанства вооруженнымъ возстаніемъ вытѣснить русскихъ съ востока, воспрепятствовать колонизаціонному ихъ движенію туда. Башкирскій вопросъ утратилъ навсегда свое прежнее значеніе. Онъ былъ разрѣшенъ“ [2]).

которые явились въ Оренбургъ съ повинною и просили разрѣшенія отмстить киргизамъ. Офиціально имъ это разрѣшеніе не было дано, но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ было дано понять, что русское правительство будетъ смотрѣть на это сквозь пальцы. Тогда башкиры, забывъ о ненависти къ русскимъ, бросились на киргизскіе аулы, и такимъ образомъ ихъ силы оказались направленными въ новое русло, а для Россіи опасность миновала.

[1]) Уже осенью 1756 г. всѣ стянутыя въ Оренбургскій край войска (исключая Яицкихъ казаковъ) были отпущены изъ него.

[2]) *Н. А. Ѳирсовъ*, Инородческое населеніе, стр. 444. Пугачевскій бунтъ, въ которомъ башкиры, правда, приняли дѣятельное участіе, уже не былъ специфически башкирскимъ бунтомъ.

Описаніе бунта 1755 г. см. у *Рычкова*, Топ. Ор., II, 32—46; *Левшина*, назв. соч., II, 212—219; *Ешевскаго*, Сочиненія по русской исторіи, 128—9; *Н. А. Ѳирсова*, Инородческое населеніе, 415—445; *Витевскаго*, гл. XXVII и XXVIII (стр. 845—900).

Въ цѣляхъ утвержденія русской власти въ 1755 г. въ центрѣ Башкиріи была основана Зелаирская крѣпость; вмѣстѣ съ тѣмъ изъ части Зауральскихъ башкиръ, отдѣленной отъ Уфимской провинціи, было предписано составить особый Зауральскій дистриктъ, подчиненный непосредственно Оренбургской губ. канцеляріи. Между тѣмъ во время написанія II части Топ. Ор. этотъ дистриктъ еще не былъ составленъ (*Рычковъ*, Топ. Ор., II, 33—34).

Послѣ усмиренія бунта предстояло еще принять мѣры къ возвращенію находившихся еще въ киргизскихъ степяхъ башкиръ и ихъ семей. Еще въ сентябрѣ 1755 г., т. е. вскорѣ послѣ начала бунта, когда сталъ наблюдаться переходъ башкиръ за Яикъ, былъ изданъ указъ, обѣщавшій башкирамъ прощеніе въ случаѣ возвращенія ихъ въ теченіе 6 мѣсяцевъ, и въ противномъ случаѣ грозившій отдать оставшимся вѣрными башкирамъ какъ ихъ земли, такъ и ихъ имущество (указъ 1 IX 1755, 10.453). Затѣмъ въ мартѣ 1756 г. названный срокъ былъ продленъ до 1 января 1757 г. (указъ 8 III 1756, 10.519). Кромѣ того, правительство старалось всячески поощрить и выдачу башкиръ со стороны киргизовъ. Впослѣдствіи срокъ для возвращенія былъ еще неоднократно удлиняемъ: сначала его удлинили до 1 января 1759, затѣмъ еще на 2 года, т. е. до 1 января 1761 г. (см. *Витевскій*, стр. 894). Впослѣдствіи срокъ возвращенія бѣглыхъ башкиръ изъ киргизской орды былъ еще продолженъ до 1 января 1764 г.; такъ какъ, однако, и послѣ

Digitized by Google

Въ дальнѣйшей исторіи башкиръ и мещеряковъ мы не можемъ отмѣтить какихъ-либо крупныхъ измѣненій въ ихъ военно-податномъ положеніи до самаго конца XVIII в. Они по прежнему были свободны отъ податей и зато должны были нести лѣтнюю службу на линіи. Измѣненію подверглись лишь размѣры этой повинности, а именно во второй половинѣ 1760-ыхъ гг. число наряжаемыхъ ежегодно на эту службу башкиръ (вѣроятно и мещеряковъ) было повелѣно удвоить [1]. Затѣмъ число это было еще болѣе увеличено, такъ что, напр., въ 1797 г. оно составляло 5.519 чел. Для нихъ на время лѣтней службы заготовлялся казенный провіантъ, который въ 1797 г. было повелѣно замѣнить уплатой каждому человѣку по 1 р. въ мѣс. [2]. Кромѣ того еще ранѣе, въ 1787 г. барону Игельстрому для усиленія войскъ въ Оренбургскомъ краѣ, было разрѣшено „составить полкъ изъ добровольно вступающихъ въ службу башкирцевъ и мещеряковъ на основаніи прочихъ казачьихъ полковъ“ [3].

Что касается численности башкиръ, то она по даннымъ за 1772 г. составляла всего 17.647 дворовъ (изъ нихъ 14.092 въ Уфимской и 3555 въ Исетской пров.) [4]. Такимъ образомъ, если считать, что сюда

этого въ киргизскихъ степяхъ оставалось „немало башкиръ“, то въ концѣ 1763 г. срокъ былъ удлиненъ еще на одинъ годъ, т. е. до 1 января 1765 г. (указъ 16 XII 1763, 11.994). Число вернувшихся башкиръ составляло: къ 20 ноября 1757 г.—4.502 чел. об. пола (*Витевскій*, стр. 894); къ концу 1750-ыхъ гг.—6.282 (*Рычковъ*, Топ. Ор., II, 45); ко времени изданія указа 16 XII 1763, 11.994—6.879. Такимъ образомъ, въ 1760-ыхъ г.г. число возвращавшихся было уже незначительно.

[1]) *Стариковъ*, Истор.-стат. очеркъ, стр. 80—1.

[2]) Указъ 17 I 1797, 17.742. Итого на 6 мѣс. (съ середины мая до середины ноября) это составляло 33.114 р. въ годъ. До этого жалованіе давалось кажется только въ случаѣ походовъ (см. напр., указъ 8 VII 1760, 11.076).

[3]) Указъ 7 XII 1787, 16.592.

[4]) По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1775 г. по приказанію гр. П. И. Панина (*Новиковъ*, назв. соч., стр. 203—4, прим. 8; *Витевскій*, стр. 451). По *Георги* (назв. соч., стр. 94) башкиры въ его время дѣлились на ногайскихъ (въ Уфимскомъ намѣстничествѣ) и на сибирскихъ (въ Исетской провинціи [?]). Въ 1770 г. число первыхъ составляло 23.882 семьи, а число вторыхъ—нѣсколько менѣе; сюда Георги присоединялъ еще 1000 семей „неподвижно живущихъ башкирцевъ“ въ Пермскомъ намѣстничествѣ. Что касается мещеряковъ, то они, по его словамъ (стр. 109), составляютъ „особое татарское колѣно, которое нынѣ заключаетъ въ себѣ около 2000 семей, изъ которыхъ 456 въ Исетской пров. между башкирцами, а прочіе въ Уфской (sic) провинціи отчасти между Уфскими татарами, а отчасти между башкирцами живутъ“ (въ Уфимскомъ и Пермскомъ намѣстничествахъ). Всѣ эти цифры возбуждаютъ значительныя сомнѣнія, также какъ и свѣдѣнія, которыя мы встрѣчаемъ у Шторха: согласно послѣднимъ число башкиръ составляло въ 1770 г. 27.000 семей (эта цифра относится авторомъ къ Уфимскому и Пермскому намѣстничествамъ, но она очень близка къ цифрѣ дворовъ, приводи-

Digitized by Google

вошли и мещеряки, число дворовъ съ конца 1750-ыхъ г.г. увеличилось на 30% (35% въ Уфимской и 11% въ Исетской провинціи.) [1]). Относительно мещеряковъ и служилыхъ татаръ при производствѣ третьей ревизіи возникъ вопросъ о томъ, подлежатъ ли они переписи или нѣтъ. Поводъ къ этому дало то обстоятельство, что въ формѣ перечневой вѣдомости, составленной въ Сенатѣ и разосланной въ качествѣ образца, среди другихъ категорій населенія была внесена и слѣдующая: „служилыхъ мещеряковъ и татаръ, кои по силѣ указа 1747 года написаны въ 25 коп. съ двора“ [2]). Это и было понято мѣстными Оренбургскими властями какъ предписаніе подвергнуть переписи и мещеряковъ; такъ какъ, однако, названныя власти боялись, что эта перепись можетъ повлечь за собою волненія, то онѣ и сдѣлали по этому поводу запросъ въ Сенатъ, напоминая, что 25-коп. ясакъ съ мещеряковъ уже снятъ. Сенатъ въ виду этого разъяснилъ, что мещеряки переписи не подлежатъ [3]). О башкирахъ при этомъ рѣчь не поднималась, такъ что они, очевидно, не были подвергнуты переписи. Что касается четвертой и пятой ревизіи, то въ выработанныхъ по поводу ихъ формахъ генеральныхъ вѣдомостей при перечисленіи отдѣльныхъ группъ населенія, неположенныхъ въ окладъ, мы находимъ и „поляковъ, малороссіянъ, персіянъ, калмыковъ, *башкирцовъ*, татаръ и другихъ разныхъ націй“... [4]). Однако отсюда мы можемъ лишь вывести, что данныя о башкирахъ должны были вноситься въ генеральныя вѣдомости, но должны ли были эти данныя быть получены путемъ переписи, т. е. подачи сказокъ и т. д., или инымъ путемъ—все же для насъ остается подъ сомнѣніемъ. Въ самомъ дѣлѣ: если при пятой ревизіи башкиры и мещеряки были подвергнуты переписи, то зачѣмъ понадобилась новая перепись въ 1798 г., о которой мы будемъ говорить ниже [5])? Но если башкиры и мещеряки и были подвергнуты переписи при четвертой и пятой ревизіи, то во всякомъ случаѣ цифры ревизіи не имѣли

мой въ законѣ 10 IV 1798, 18.477 для конца вѣка), а число мещеряковъ во время появленія его сочиненія—около 2000 семей въ Уфимскомъ нам. (*H. Storch.*, Hist.-stat. Gemälde des russ. Reichs, Theil I, Riga 1797, стр. 248).

[1]) Если считать, что въ цифру 1772 г. вошли одни башкиры, мы получимъ увеличеніе въ 49% (58% въ Уфимской и 20% въ Исетской пров.).

[2]) См. форму 28 XI 1761, 11.365.

[3]) Указъ 16 VII 1762, 11.615.

[4]) Указъ 22 XII 1781, 15.306 для четвертой ревизіи и 21 IX 1794, 17.253—для пятой.

[5]) Впрочемъ, въ „Топографическомъ описаніи Оренбургской губ.“ (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 312) сообщается, что, согласно указу 6 VII 1783 г. башкиры и мещеряки были подвергнуты переписи при пятой ревизіи, но для одного только свѣдѣнія.

Digitized by Google

для нихъ того значенія, какъ для остальнаго населенія, и не служили фундаментомъ для опредѣленія ихъ обязанностей къ государству: послѣднюю роль, какъ мы увидимъ ниже, съ 1798 г. должна была исполнять текущая регистрація въ формѣ ежемѣсячныхъ вѣдомостей, предписанная закономъ 1798 г. Этотъ законъ, касавшійся организаціи всѣхъ иррегулярныхъ войскъ, несшихъ службу на Оренбургской линіи, имѣлъ важное значеніе и для башкиръ и мещеряковъ. Мы уже знакомы съ тѣми постановленіями, которыя онъ заключалъ въ себѣ по отношенію къ Оренбургскимъ казакамъ: совершенно такія же правила онъ вводилъ относительно башкиръ и мещеряковъ, почему мы ихъ здѣсь повторять не будемъ. Основнымъ недостаткомъ въ организаціи службы послѣднихъ законъ 1798 г. находилъ злоупотребленія, происходившія при нарядѣ ихъ на службу и состоявшія въ томъ, что наряжались по большей части люди бѣдные, а слѣд. и непригодные къ службѣ, тогда какъ богатымъ удавалось откупаться. Для того чтобы устранить этотъ недостатокъ и сдѣлать службу болѣе равномѣрною, и были приняты изложенныя въ исторіи Оренбургскихъ казаковъ мѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ башкиры и мещеряки были также раздѣлены на кантоны въ числѣ 16 (11 башкирскихъ и 5 мещерякскихъ)[1]) и подвергнуты переписи[2]).

Въ заключеніе приведемъ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи статистическія данныя о численности башкиръ и мещеряковъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. Сюда относятся съ одной стороны данныя

---

[1]) Изъ этихъ 16 кантоновъ 14 приходилось на Оренбургскую губ. и 2 на Пермскую.

[2]) Указъ 10 IV 1798, 18.477. Къ этому указу приложенъ „ордеръ, данный башкирскимъ и мещерякскимъ кантоннымъ начальникамъ“, почти дословно совпадающій съ приложеннымъ къ закону 8 VI 1803, 20.786 предписаніемъ бар. Игельстрома Оренбургской войсковой канцеляріи (см. выше, стр. 233) и отличающійся отъ него лишь тѣмъ, что 1) вмѣсто станичныхъ атамановъ упоминаются юртовые старшины, и что 2) наряды на службу предписывалось производить не по числу душъ, но по числу дворовъ. О службѣ башкиръ и мещеряковъ на линія мы находимъ нѣкоторыя любопытныя данныя въ относящемся къ 1826 году рукописномъ „Обозрѣніи Оренбургской губ.“, составленномъ колл. асс. *Валеріаномъ Готовцевымъ* (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 313). Авторъ находилъ службу башкиръ и мещеряковъ на линіи очень ненадежною, почему и считалъ желательнымъ отмѣнить ее и положить ихъ въ подушный окладъ, чтобы истребить въ нихъ воинственный духъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, авторъ находилъ ихъ службу на линіи и весьма тяжелой: каждый наряжаемый получалъ отъ своего общества 70—100 р. на обзаведеніе, но вслѣдствіе дурной пищи и неблагопріятной обстановки командированные на линію къ осени находились въ такомъ состояніи, что могли, по словамъ автора, внушить киргизамъ не страхъ, а одно лишь состраданіе.

Digitized by Google

окладныхъ книгъ 1797 г. [1]) и 1806 г., а съ другой стороны данныя, приводимыя въ указѣ 10 IV 1798 г. и въ нѣкоторыхъ дѣлахъ В. Уч. Арх. Гл. Шт. Очевидно, что данныя указы 10 IV 1798 г. относятся ко времени до его изданія, хотя раздѣленіе на уѣзды въ нихъ принято новое, т. е. введенное при Павлѣ. Кромѣ того мы сопоставили численность дворовъ по названному указу съ числомъ душъ по окладной книгѣ 1806 г., при чемъ должны, однако, замѣтить, что полученнымъ при этомъ цифрамъ плотности двора нельзя придавать слишкомъ большое значеніе, такъ какъ, повторяемъ, цифры числа дворовъ относятся ко времени до переписи 1798 г. (См. табл. на слѣд. стр.).

Къ этимъ даннымъ мы въ слѣдующей таблицѣ присоединяемъ еще подробныя данныя по Пермской губ., находимыя нами въ одномъ описаніи этой губерніи, относящемся къ 1802—3 г. [2]).

	Уѣзды.	Башкиры.				Мещеряки.			
		Число селеній.	Число душъ.		№ кантона.	Число селеній.	Число душъ.		№ кантона.
			м.	ж.			м.	ж.	
1.	Екатеринбургскій	37	2676	2804	II.	2	224	н. св.	II.
2.	Красноуфимскій	29	1112	1091	II.	7	284	244	II.
3.	Осинскій	28	3474	3295	I.	—	—	—	—
4.	Пермскій	2	565	580	I.	—	—	—	—
5.	Шадринскій.	49	3257	н. св.	III.	н. св.	1371	н. св.	III.
	Итого.	145	11.084.				1829		

[1]) Къ сожалѣнію, въ ней для Пермской губ. совершенно опущены свѣдѣнія о группахъ, неположенныхъ въ окладъ.

[2]) „Хозяйственное описаніе Пермской губерніи сообразно начертанію С.-Петербургскаго вольно-экономическаго общества, сочиненное въ 1802 и 1803 г.г. въ Перми *Никиты Попова,* 2 части. Печатано при Пермскомъ губ. правленіи въ 1804 г.“ (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 340 и 341. № 340 отличается отъ № 341 лишь тѣмъ, что они различнымъ образомъ сверстаны, почему въ № 340 число страницъ составляетъ 399, а въ № 341—420), ч. II, отдѣленіи III (стр. 192 и слѣд. въ № 341).

По „Вѣдомости, учиненной въ Пермской казенной палатѣ о состоящихъ въ Пермской губ. селеніяхъ и въ нихъ по 5-ой ревизіи людяхъ“ (В. Уч. Арх. Гл. Шт.,

Digitized by Google

Уѣзды.	Данныя гос. окладн. книгъ.				Данныя указа № 18.477.		На 1 дворъ по даннымъ указа № 18.477 приходится душъ по даннымъ окладной книги 1806 г.		Данныя В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 312 о башкирахъ.	
	1797.		1806.							
	Башк.	Мещ.	Башк.	Мещ.	Башк.	Мещ.				
	Душъ.		Душъ.		Дворовъ.				м.	ж.
Белебеевскій.......	8769	2924	—	—	—	—	—	—	—	—
Бирскій.	9863	4764	10.327	4747	3038	1158	3,1	4,1	10.130	10.100
Бугульминскій......	1818	—	2728	—	770	323	3,5	—	2714	986
Бугурусланскій.....	276	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Верхнеуральскій....	10.845	—	10.881	—	3197	—	3,4	—	10.933	11.082
Мензелинскій.. ...	3568	81	7818	176	2095	51	3,7	3,4	3752	1835
Оренбургскій.......	12.022	—	12.125	—	2614	—	4,6	—	12.275	11.915
Стерлитамакскій ...	12.039	1707	14.827	3649	4423	866	3,4	4,2	14.924	11.918
Троицкій..........	6912	482	6667	691	2170	124	3,1	5,7	6965	7018
Уфимскій	5954	6226	10.046	7689	2941	1825	3,4	4,2	10.187	6018
Челябинскій.......	5263	861	4821	843	1482	355	3,3	2,4	4727	4948
Итого въ Уфимской (Оренб.) губ.	*77.329*	*17.045*	*80.240*	*17.759*	*22.725*	*4702*	*3,53*	*3,57*	*76.607*	*65.820*
Елабужскій	—	—	414		—	—	—	—	—	—
Сарапульскій.......	—	—	405		—	—	—	—	—	—
Итого въ Вятской губ...............	—	—	*819*		—	—	—	—	—	—
Екатеринбургскій ..	Данныя въ окладной книгѣ не приведены		2900		душъ 2676	224	—	—	—	—
Красноуфимскій ...			1346		—		—	—	—	—
Осинскій..........			3477		3476		—	—	—	—
Пермскій..........			566		566		—	—	—	—
Шадринскій........	—	—	5224		597		—	—	—	—
Итого въ Пермской губ.	—	—	*13.513*		*7.315*	*224*	—	—	—	—
А всего.	—	—	**112.331**		—	—	—	—	—	—

Digitized by Google

По поводу всѣхъ приведенныхъ цифръ мы хотѣли бы сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

Прежде всего мы видимъ, что, тогда какъ въ 1797 г. въ Вятской губ. не было башкиръ и мещеряковъ, въ 1806 г. ихъ было 819 душъ, при чемъ въ окладной книгѣ сказано, что они поступили изъ Оренбургской губерніи. Такъ какъ, насколько намъ извѣстно, измѣненій въ губернскихъ границахъ за это время не было, то остается предположить, что эти 819 душъ были переселены изъ Оренбургской губерніи. Быть можетъ это обстоятельство можно поставить въ связь съ тѣмъ, что въ 1798 г. (по даннымъ указа 10 IV 1798, 18.477) въ Бугульминскомъ уѣздѣ было 323 двора мещеряковъ, которыхъ въ 1806 г. уже не было, откуда и возникаетъ предположеніе, что эти 323 двора переселены въ Вятскую губ., отъ которой Бугульминскій у. очень не далекъ.

Недоумѣніе вызываетъ, далѣе, несовпаденіе данныхъ закона 1798 г. и гос. окладной книги за 1806 г. по Красноуфимскому и Шадринскому уу. Пермской губ. Нѣкоторый свѣтъ проливаетъ въ этомъ отношеніи то обстоятельство, что цифра 4623 душъ, перечисленныхъ при измѣненіи уѣздныхъ границъ отъ Далматовскаго у. къ Шадринскому, сложенная съ цифрой 597 душъ, значащейся по Шадринскому у. уже по закону 1798 г., въ суммѣ даютъ 5200 душъ, т. е. почти ту цифру, которую мы находимъ для Шадринскаго у. въ гос. окладной книгѣ за 1806 г.: приходится предположить, что по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, башкиры, перешедшіе отъ Далматовскаго у. къ Шадринскому, также какъ и башкиры Красноуфимскаго у., были оставлены закономъ 1798 г. безъ вниманія.

Въ общемъ приведенныя цифры обнаруживаютъ намъ увеличеніе въ численности башкиръ и мещеряковъ за время съ 1797 по 1806 г.,

---

V, 336) въ Екатеринбургскомъ у. числилось по пятой ревизіи 3.142 „башкирцевъ и мещеряковъ", а въ Осинскомъ у. 3.474 „служ. башкирцевъ" (эти цифры оставались неизмѣнными и къ 1801 г.). По другимъ уѣздамъ данныя о башкирахъ и мещерякахъ не выдѣлены въ особую категорію.

Согласно даннымъ, приводимымъ въ рапортѣ Пермскаго губернатора отъ 6 III 1797 г. (Арх. Мин. Ю, книга 4.837; ср. т. I настоящаго сочиненія, стр. 320, прим. 5) при новомъ раздѣленіи Пермской губ. на уѣзды къ Шадринскому у. отошли отъ Далматовскаго 4623 служащихъ башкиръ и мещеряковъ, послѣ чего общее число ихъ въ этомъ уѣздѣ составило 5200, а въ Пермскомъ у. состояло 202 служ. башкиръ, въ Екатеринбургскомъ 2894 башкиръ. Для остальныхъ уѣздовъ число башкиръ и мещеряковъ не приведено.

Digitized by Google

что вполнѣ объясняется тѣмъ, что за это время было произведено новое исчисленіе тѣхъ и другихъ по закону 1798 г. [1]).

Въ заключеніе мы должны назвать еще нѣсколько категорій населенія, встрѣчаемыхъ нами среди неположенныхъ въ окладъ какъ въ гос. окладныхъ книгахъ, такъ и въ другихъ источникахъ. Сюда относятся:

1. *Служилые тарханы*. Они въ окладныхъ книгахъ какъ за 1797, такъ и за 1806 г. значатся по Оренбургскому у. въ числѣ 874 душъ м. п. [2]). Мы не знаемъ, кого мы должны разумѣть подъ этой группой, такъ какъ мы видѣли, что званіе тархановъ уже къ 1770-ымъ гг. прекратило свое существованіе.

2. *Служилые сарты*. Они значатся въ обѣихъ гос. окладныхъ книгахъ по Троицкому у. въ числѣ 475 душъ м. п. [3]).

3. *Аюкинскіе калмыки*. Они значатся въ гос. окладной книгѣ за 1797 г. по Челябинскому, а въ книгѣ за 1806 г. въ Уфимскомъ у. [4]) въ числѣ 415 душъ [5]). Вѣроятно съ этими калмыками совпадаетъ группа, описанная Георги подъ именемъ „мугаммеданскихъ калмыкъ“ [6]).

---

[1]) Мы должны замѣтить здѣсь, что данныя о группахъ населенія, неположенныхъ въ окладъ, въ окладной книгѣ за 1806 г. приведены для Оренбургской губерніи еще по введенному Павломъ уѣздному раздѣленію, т. е. безъ уу. Белебеевскаго, Бугурусланскаго и Сергіевскаго (которые для населенія, положеннаго въ окладъ, уже вошли въ счетъ). Это замѣчаніе слѣдуетъ имѣть въ виду и при чтеніи приведенныхъ выше (стр. 202 и 237) таблицъ, касающихся отставныхъ солдатъ и Оренбургскихъ казаковъ.

[2]) И въ „Топогр. описаніи Оренбургской губ.“ (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 312) они значатся по Оренбургскому у. въ числѣ 874 душъ м. п. и 791 ж. п.

[3]) Упоминаніе о сартахъ см. у *Рычкова*, Топ. Ор., II, 191. См. ниже, прим. [5])

[4]) Мы думаемъ, что отнесеніе этой группы по книгѣ 1806 г. къ Уфимскому у должно быть приписано ошибкѣ, вѣроятность которой поддерживается и тѣмъ обстоятельствомъ, что графы Уфимскаго и Челябинскаго уу. идутъ рядомъ.

[5]) И въ „Топогр. описаніи Оренбургской губ. (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 312) среди населенія губерніи названы Аюкинскіе калмыки и сарты (бухарскіе купцы), несущіе службу наравнѣ съ башкирами. Упоминаніе объ Аюкинскихъ калмыкахъ см. у *Рычкова*, Топ. Ор., II, 191.

[6]) Вотъ что говоритъ *Георги* объ этой группѣ (назв. соч., IV, стр. 23): „Мугаммеданскіе калмыки. Въ Уфимскомъ нам-вѣ, въ Челябинской округѣ, на восточной сторонѣ Уральскихъ горъ населены 3 деревни *калмыками мугаммеданскаго закона*, изъ коихъ каждая имѣетъ изъ нихъ же старшину. Обращены они въ мугаммеданскую вѣру киргизами, при случаѣ, когда были отъ сихъ уведены изъ числа Волгскихъ калмыковъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли случай переселиться въ Сибирь и соединились въ одно общество, болѣе нежели за 50 лѣтъ тому назадъ. Башкирцы приняли ихъ благосклонно, отвели имъ луга для паствы скота, выдали за нихъ дочерей своихъ и прочее. Число семей ихъ простирается теперь до 100. Они живутъ между башкирцами въ особой волости (аймакъ); жизнь ведутъ единообразную съ сими, имѣютъ зимовники, а лѣтомъ съ стадами своими кочуютъ въ войлошныхъ юртахъ на разныхъ мѣстахъ...

Digitized by Google

4. *Ичкинскіе татары.* Они значатся въ окладной книгѣ за 1797 г. по Челябинскому, а въ книгѣ за 1806 г. по Уфимскому у. [1]) въ числѣ 218 душъ. Эта группа встрѣчалась также и въ Шадринскомъ у. Пермской губ.; на основаніи данныхъ, находимыхъ нами въ другихъ источникахъ, мы думаемъ, что она въ окладныхъ книгахъ вошла, въ числѣ 597 душъ, въ счетъ башкирскаго населенія Шадринскаго у.[2]).

VI. Тептери и бобыли [3]).

Вслѣдъ за завоеваніемъ Казани Москвою многіе изъ инородцевъ, населявшихъ Казанское царство, не желая подчиниться власти побѣдителя, стали направляться на востокъ въ поискахъ за новой родиной, и поселились на принадлежавшихъ башкирамъ земляхъ. Эти новые

Вмѣсто подати отправляютъ казацкую службу, и когда потребуется нарядъ на службу купно съ башкирцами, то выставить могутъ болѣе 50 чел. конныхъ".

[1]) См. стр. 289, прим.[4]).

[2]) Эту группу очевидно имѣетъ въ виду *Георги* (назв. соч., II, стр. 8), когда онъ говоритъ: „Уфскіе городскіе и деревенскіе татара суть древніе бѣглецы Казанскіе и они многолюдны. Въ Оренбургской Исетской провинціи ведется уже слишкомъ 100 лѣтъ селеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ деревень и прозывающееся по *Ичкинскому* ручью".

Согласно „Вѣдомости, учиненной въ Пермской казенной палатѣ о состоящихъ въ Пермской губ. селеніяхъ и въ нихъ по 5 ревизіи людяхъ" (В. Учр. Арх. Гл. Шт., V, 336) въ Шадринскомъ у. по пятой ревизіи (а также и въ 1801 г.) состояло:

Ичкинскихъ юртъ служилыхъ изъ татаръ казаковъ юрты Казыльбаевскіе	6	душъ
Ичкинскіе юрты ясачныхъ татаръ	84	„
Нерегулярнаго войска служилыхъ татаръ въ Ичкинскихъ юртахъ	597	„
Итого	687	„

И въ „Хозяйственномъ описаніи Пермской губ." *Никиты Попова*, 1804 г. (В. Учр. Арх. Гл. Шт., V, 341), т. II, отд. III среди жителей Пермской губ. въ особую категорію населенія выдѣлены татары Ичкинскихъ, Кызыльбаевскихъ, Кирчинскихъ и Терсюнскихъ юртъ въ числѣ 597 душъ м. п. Кромѣ того „описаніе" (тамъ же, стр. 197) упоминаетъ объ описанной Лепехинымъ дер. Кызыльбаевой, которая вмѣстѣ съ дер. Азикѣевой расположена въ Троицкомъ у. Оренбургской губ.; эти деревни, по просьбѣ населявшихъ ихъ въ числѣ 89 душъ м. п. и 79 ж. п. башкиръ, указомъ Пермскаго губ. правленія 18 IV 1796 г. были перечислены въ вѣдомство Красноуфимскаго у.

[3]) Хотя тептери и бобыли начиная съ 1747 г. уже не принадлежали къ группамъ населенія, неположеннымъ въ подушный окладъ, мы все же сочли болѣе удобнымъ уже здѣсь остановиться на ихъ исторіи, такъ какъ послѣдняя тѣсно связана съ исторіей башкиръ и мещеряковъ.

Digitized by Google

пришельцы и составили главное зерно той группы населеніе Башкиріи, которая извѣстна подъ двойнымъ именемъ *тептерей и бобылей*. Въ эту группу вошли самые разнообразные элементы съ точки зрѣнія національности: здѣсь были прежде всего татары; далѣе здѣсь были черемисы, пришедшіе изъ Казанскаго, Чебоксарскаго и Курмышскаго уу.; мордва,—гл. обр. изъ Курмышскаго у. [1]); вотяки—изъ Казанскаго и Слободскаго у. [2]); чуваши, которыхъ башкиры называли горными татарами, — изъ Казанскаго, Чебоксарскаго и Курмышскаго уу. [3]); наконецъ, здѣсь были и природные башкиры.

Спрашивается: что соединило эти разнородные элементы въ одно цѣлое, носящее общее имя, что связало ихъ въ одну нераздѣльную группу? Отвѣтъ на это гласитъ слѣдующимъ образомъ: при всемъ различіи національнаго происхожденія ихъ связала *общность соціальнаго положенія*. Дѣло въ томъ, что всѣ названные пришельцы селились на чужихъ башкирскихъ земляхъ, за которыя они должны были платить владѣльцамъ оброкъ, при чемъ впадали и въ извѣстного рода личную зависимость отъ послѣднихъ. Въ чемъ заключалась эта зависимость мы въ точности не знаемъ, но Рычковъ намъ сообщаетъ, что башкиры „почти за своихъ крестьянъ ихъ почитали“ [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ башкиры очень охотно принимали новыхъ пришельцевъ, такъ какъ извлекали изъ нихъ большія для себя выгоды: уплачиваемаго тептерями оброка было не только достаточно на уплату лежавшаго на башкирахъ ясака, но сверхъ того еще оставался извѣстный излишекъ [5]). Быть можетъ, сообщая эти данныя, Рычковъ нѣсколько и преувеличивалъ, такъ какъ онъ вообще былъ склоненъ выставлять благосостояніе башкиръ въ слишкомъ свѣтлыхъ краскахъ, чтобы съ тѣмъ бо́льшимъ правомъ приписать ихъ бунты легкомыслію и непостоянству [6]). Такъ составилась

[1]) *Рычковъ*, Топ. Ор., I, 181.

[2]) Тамъ же, 185—6.

[3]) Тамъ же, 187.

[4]) *Рычковъ*, Ист. Ор., II, 324.

[5]) Тамъ же; см. также Топ. Ор., I, 87—8.

[6]) Вотъ какъ Рычковъ объясняетъ возникновеніе башкирскихъ бунтовъ: „можетъ быть, что по принятіи въ подданство башкирцевъ, яко отъ безсильнаго и весьма изнуреннаго народа, противности не надѣялись, и потому къ содержанію ихъ въ подданствѣ болѣе построенія города Уфы и опредѣленія туда нѣкотораго числа служивыхъ людей никакихъ другихъ учрежденій было не учинено; но они, яко отъ природы непостоянный народъ, получа довольство во всемъ отъ многихъ пожалованныхъ имъ угодій и набравъ въ сожитіе къ себѣ многихъ бѣглыхъ иновѣрцевъ магометанъ и идолопоклонниковъ (т. е. чувашъ, черемисъ и имъ подобныхъ), въ короткое время такъ усилились и въ такую вольность пришли, что многія продерзости чинить отважились, а наконецъ явнымъ уже образомъ бунтовали“ и т. д. (Топ. Ор., I, 87—8). Любопытно

Digitized by Google

группа тептерей [1]). Къ этой первой составной части разбираемой нами группы присоединилась новая составная часть: бездомные башкиры или

сравнить эту діатрибу съ торжественнымъ заявленіемъ, съ которымъ Урусовъ при большомъ стеченіи народа обратился къ пришедшимъ съ повинною башкирамъ незадолго до экзекуцій 1740 г. (заявленіе начиналось словами: „Отчаянные воры башкирцы! раззорители своего покоя и отечества!"). „Ясакъ положенъ былъ самый легкій, который принимаемъ отъ васъ былъ всегда со всякою справедливостью, и чтобъ въ платежѣ онаго вамъ затрудненія не было: то по указу великихъ государей нарочно построенъ городъ Уфа и учреждена Уфимская провинція; земли даны вамъ почти всѣ тѣ, гдѣ Ногайской народъ жилище свое имѣлъ. Сверхъ того учинены многіе изъ васъ тарханами: на тѣхъ же данныхъ вамъ пространныхъ вотчинныхъ земляхъ не запрещено было поселиться называемымъ тептерямъ изъ разныхъ уѣздовъ, которые всѣ платили вамъ съ земель оброки, отчего впервые воровской вашъ народъ получилъ скотъ, хлѣбъ и всякое изобиліе. Жили уже на жалованныхъ вамъ земляхъ съ великимъ удовольствіемъ, обогатились деньгами и всякимъ пожиткомъ; однимъ словомъ сказать, ни одному изъ подданныхъ Ея И. В. народовъ такой высочайшій милости и защищенія не показывано, какъ вашимъ воровскимъ предкамъ. Но за оное Всепресвѣтлѣйшихъ и Всемилостивѣйшихъ Россійскихъ Государей оказанное къ вамъ милосердіе, вмѣсто ожидаемой отъ васъ подданнической вѣрности, напослѣдокъ, когда вы и ваши воровскіе отцы пришли уже къ наибольшему благополучію и богатству, учинили многіе противные поступки, за которые тогда жъ подлежали вы конечному искорененію и погибели" (*Рычковъ*, Ист. Ор., I, 418—9).

[1]) Согласно *Рычкову-сыну* „собственное имя тептяръ есть татарское и значитъ бѣднаго и неплатящаго никакой подати" (см. „Журналъ" его, стр. 129). Согласно *Витевскому* (стр. 218, прим. и 391) слово „тептери" означаетъ „переселенцы" или „новопришельцы". Е. С. Филимоновъ такъ опредѣляетъ это слово: „Тептярь слово татарское и въ переводѣ на русскій языкъ обозначаетъ съ одной стороны яко бы человѣка свободнаго отъ податей, а съ другой—*служилаго военнаго человѣка, казака*". См. статью *Е. С. Филимонова*. „Что такое тептери" (въ Трудахъ Пермской ученой архивной комиссіи, вып. II, Пермь, 1893, стр. 52—57). Эта статья показываетъ, что тептери и теперь сохранили свою національную разнородность: тамъ, гдѣ они окружены башкирами, они ничѣмъ не отличаются отъ башкиръ, живущіе рядомъ съ черемисами во всемъ сходны съ черемисами (Елабужскій и Сарапульскій и др. уу.); такимъ же образомъ г. Филимоновъ указываетъ на тептерей-татаръ (Сарапульскій у.) и тептерей-вотяковъ (Осинскій у.). Цѣль автора—доказать, что тептери не составляютъ отдѣльной народности. Между тѣмъ эта истина была хорошо извѣстна какъ *Рычкову* (см. приводимое ниже опредѣленіе тептерей и бобылей, взятое изъ его Ист. Ор., II, 323), такъ и податному и поземельному законодательству XVIII в., съ которыми авторъ повидимому не знакомъ. Также и *Георги* (назв. соч., I, стр. 58—9) указываетъ на смѣшанное происхожденіе тептерей. См. также *Я. Ханыковъ*, „Геогр. Обоз. Оренбургскаго края" въ Мат. для стат. Росс. Имп., Спб. 1839, отд. II: здѣсь тептери опредѣляются какъ „бѣглецы татарскіе, которые вначалѣ селились на земляхъ ихъ (башкиръ) по найму, а впослѣдствіи получили ихъ въ собственность за содѣйствіе къ усмиренію мятежниковъ", а бобыли выставляются какъ такіе же бѣглецы, но финскаго племени. Подобное же опредѣленіе различія между тептерями и бобылями см. и у *П. Кеппена*, „Краткія путевыя замѣтки о сѣв.-восточныхъ губерніяхъ" въ Ж. М. В. Д., 1849, III, стр. 107—8.

Digitized by Google

бобыли, и такимъ образомъ составилось одно цѣлое: тептери и бобыли. Когда произошло это сліяніе, совершилось ли оно исподоволь или сразу—мы не знаемъ. Мало того: вторая изъ названныхъ нами составныхъ частей, бездомные башкиры, настолько была забыта, что, напр., Рычковъ, который въ своихъ книгахъ неоднократно говоритъ о тептеряхъ и бобыляхъ, ни разу о ней не упоминаетъ [1]).

Подчиненное положеніе тептерей и бобылей заключало въ себѣ элементъ соціальной розни по отношенію къ башкирамъ, который русское правительство не разъ утилизировало въ свою пользу. Что касается отношеній тептерей и бобылей къ фиску, то такъ же, какъ и ихъ хозяева, башкиры, они обязаны были платить ясакъ, хотя уровень послѣдняго былъ, кажется, нѣсколько выше, чѣмъ у башкиръ: онъ составлялъ 49 коп. съ двора („за куницу по 40 коп., подъемныхъ по 4 коп., да на откупъ полоненниковъ, который сборъ по старинѣ назывался ямскимъ, по 5 коп.“), безъ вниманія къ его населенности; но для бѣдныхъ (?) этотъ ясакъ понижался до 29 и 24 коп. съ двора [2]). Впрочемъ, облагая мѣстное инородческое населеніе повинностями, правительство считалось съ тѣми соціальными различіями, которыя въ немъ сложились. Это выразилось въ привлеченіи тептерей и бобылей къ разнаго рода работамъ, тогда какъ башкиръ было запрещено употреблять для работъ, „чтобы тѣмъ ихъ отъ охоты къ службѣ не озлоблять“. Еще Кириловъ въ своемъ проектѣ указывалъ, что для осуществленія

---

[1]) Вотъ, напр., опредѣленіе, которое даетъ *Рычковъ* въ Ист. Ор., II, 323: „Подъ именемъ тептерей и бобылей въ Уфимской провинціи разумѣются разные иновѣрцы, а именно татара, чуваша, мордва и вотяки, которые изъ разныхъ уѣздовъ, прежде и послѣ подушной переписи, бѣжавъ къ башкирамъ, немалыми деревнями поселились на башкирскихъ земляхъ, платя за нихъ и за всякія угодья башкирцамъ оброки, а въ казну почти ничего съ нихъ не приходило“ (въ этомъ опредѣленіи та неточность, что не названы черемисы).

Приводимое въ текстѣ опредѣленіе отличія тептерей отъ бобылей мы заимствовали у *Витевскаго* (стр. 891). Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ источниковъ, почему мы и оставляемъ это опредѣленіе на его отвѣтственности.

[2]) *Рычковъ*, Топ. Ор., I, 182—3. Рычковъ находитъ ясакъ тептерей и бобылей очень низкимъ, и говоритъ, что „въ казну почти ничего съ нихъ не приходило“ (Ист. Ор., II, 324). Что касается общей суммы ясачнаго сбора съ тептерей и бобылей, то, согласно указу 2 XII 1747, 9.455, она составляла 8.506 р. 8¾ к. Сопоставляя эту цифру съ приведенными въ текстѣ данными Рычкова, мы получаемъ сумму дворовъ minimum въ 17.361 (считая по 49 коп. на дворъ): какъ мы увидимъ ниже, эта цифра должна быть признана совершенно невѣроятной. Поэтому, здѣсь опять приходится предположить какую-нибудь ошибку или опечатку у Рычкова или въ П. С. З. Быть можетъ въ цифру 8.506 р. 8¾ к. входила прибавка къ ясаку за участіе въ башкирскомъ бунтѣ, а у Рычкова эта прибавка не принята во вниманіе (см. стр. 295, прим. [1]).

Digitized by Google

предлагаемой имъ экспедиціи „къ работѣ изъ русскихъ городовъ и уѣздовъ работниковъ ненадобно, а мочно пришлыми въ башкирцы татарами, чувашею, черемисою отправить, хотя имъ малую часть заработныхъ денегъ дать“. На это послѣдовала резолюція: „къ строенію и работѣ нарядить тептерей и бобылей, сколько по разсмотрѣнію потребно будетъ“ [1]), при чемъ инструкція Кирилову прибавила, чтобы при нарядѣ этихъ „подлыхъ тептерей и бобылей“ на работы „поступать со всякою умѣренностью“ и платить имъ „заработныя деньги или хлѣбъ на пропитаніе“ [2]). Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ и въ какомъ числѣ производились эти наряды до 1743 г.: въ этомъ году было наряжено значительное число тептерей и бобылей для строительныхъ работъ въ только что вновь основанномъ Оренбургѣ [3]). Этотъ нарядъ былъ повторенъ въ 1744 г. въ числѣ 1.200 чел., причемъ работа была начата съ половины апрѣля [4]). Въ началѣ 1745 г. Неплюевымъ былъ выработанъ и представленъ въ Сенатъ на утвержденіе „порядокъ къ наряду... тептерей и бобылей къ городовымъ строеніямъ въ Оренбургъ и въ прочія на линіи имѣющіяся крѣпости, по дворовому числу“, при чемъ съ 8 дворовъ долженъ былъ быть наряжаемъ 1 чел., а всего съ 5.655 дворовъ, „за выключеніемъ абызовъ ихъ и пономарей“,—707 чел. [5]). Съ тѣхъ поръ эти наряды получили правильный ежегодный характеръ [6]). Укажемъ въ заключеніи, что тептери и бобыли не были обязаны доставлять безплатныя подводы, какъ башкиры, но, какъ и послѣдніе, пользовались свободной отъ обложенія солью.

Подобно мещерякамъ, тептери и бобыли за неучастіе въ начавшемся въ 1735 г. башкирскомъ бунтѣ получили важныя льготы. Указъ

[1]) Проектъ Кирилова, п. 4 и резолюція на него 1 V 1734, 6.571, п. 3.

[2]) Инструкція Кирилову 18 V 1734, 6.576, п. 12.

[3]) См. Ист. Ор., II, 104, гдѣ сообщается, что эти тептери и бобыли Уфимской пров. прибыли съ опозданіемъ въ концѣ іюня, „да и то противъ наряду съ немалою убавкою, а именно 927 чел., коимъ за бытность при той работѣ даваны заработныя деньги по 2 коп. на день и провіантъ противъ солдатскихъ дачъ“. Ср. *Витевскій*, стр. 147.

[4]) Указъ 19 III 1744, 8.906.

[5]) *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 312.

[6]) *Рычковъ*, Топ. Ор., I, 183. Съ измѣненіемъ числа дворовъ повидимому измѣнялось и число наряжаемыхъ. Такъ, указъ 28 IX 1747, 9.444 сообщаетъ: „для земляной работы по силѣ указовъ изъ Уфимскаго уѣзда тептерямъ и бобылямъ, вотякамъ и черемисамъ велѣно наряду чинить противъ прошлогодскаго расписанія, съ 8 дворовъ по 1 человѣку, что сочиняетъ 714 чел.“ Кромѣ тептерей и бобылей въ работахъ должны были участвовать и ландмилицкіе полки, а также и нѣкоторые казаки.

Digitized by Google

1736 г. съ одной стороны отрѣшилъ ихъ „отъ башкирскаго послушанія“, а съ другой стороны „за претерпѣнное ихъ разореніи отъ воровъ башкирцевъ“ освободилъ ихъ отъ оброка въ пользу послѣднихъ, оставя ихъ на одномъ ясакѣ въ пользу казны [1]). Такъ же, однако, какъ и относительно мещеряковъ, это постановленіе впослѣдствіи претерпѣло нѣкоторыя ограниченія. Прежде всего, въ 1738 г. правительство, считая „разобраніе башкирцевъ съ чувашею и прочими“ дѣломъ весьма деликатнымъ, предписало не терять въ этомъ дѣлѣ изъ виду и интересовъ башкиръ [2]). Соблюденіе послѣдняго предписанія выразилось въ томъ, что въ 1739 г. освобожденіе отъ оброка было распространено лишь на тѣхъ „татаръ и чувашей“, которые жили „на башкирскихъ воровскихъ земляхъ“; тѣмъ же изъ нихъ, которыя жили на земляхъ „вѣрныхъ и не пристававшихъ къ воровству башкирцевъ“, такъ же, какъ и мещерякамъ, было предоставлено либо платить этимъ башкирамъ прежніе оброки, либо поселиться на пустыхъ бунтовщичьихъ земляхъ особыми деревнями [3]).

Таково было положеніе тептерей и бобылей до второй ревизіи: они платили казнѣ ясакъ и отбывали работы, безоброчно владѣли занимаемыми ими землями и пользовались свободной отъ обложенія солью. Такое положеніе въ сравненіи съ другими податными классами должно быть признано, конечно, весьма льготнымъ. Вслѣдствіе этого при производствѣ второй ревизіи по иниціативѣ ревизора бриг. Бардукѣевича возникъ вопросъ о привлеченіи тептерей и бобылей къ подушной подати, съ отмѣной лежавшаго на нихъ до тѣхъ поръ ясака. Запрошенный по этому поводу Неплюевъ донесъ Сенату, что онъ считаетъ полезнымъ обложить тептерей и бобылей податью по 80 к. въ годъ съ души, при условіи сложенія съ нихъ накопившейся на нихъ недоимки въ 33.765 р. Считая, далѣе, привлеченіе тептерей и бобылей къ рекрутской повинности неудобнымъ, Неплюевъ предложилъ замѣнить послѣднюю нарядомъ ихъ на работы въ Оренбургскія крѣпости по 1 чел. съ 8 дворовъ [4]). Сверхъ

---

[1]) Указъ 11 II 1736, 6.890, п. 2. Не всѣ тептери и бобыли остались вѣрными правительству во время бунта; однако, освобожденіе отъ башкирской зависимости и башкирскаго оброка распространялось и на тѣхъ изъ нихъ, которые участвовали въ бунтѣ, но зато имъ былъ увеличенъ ясакъ на четверть ржи и четверть овса. Впрочемъ, среди тептерей и бобылей были и болѣе дѣятельные участники въ бунтѣ, которые поэтому и сильнѣе поплатились. Ср. *Витевскій*, стр. 172.

[2]) Указъ 17 III 1738, 7.542, п. 3.

[3]) *Витевскій*, стр. 392—3 и 404—5; см. также указъ 20 VIII 1739, 7.876, п. 10.

[4]) *Рычковъ* (Ист. Ор., II, 325) и *Витевскій*, стр. 425 говорятъ о нарядѣ 1 чел. съ 5 дворовъ. Мы думаемъ, что это ошибка, тѣмъ болѣе что Рычковъ здѣсь го-

Digitized by Google

того Неплюевъ просилъ Сенатъ подтвердить тептерямъ и бобылямъ ихъ право собственности на землю и независимость отъ башкиръ. Всѣ эти предложенія Неплюева были приняты Сенатомъ и вошли въ составъ изданнаго послѣднимъ указа 11 V 1747 г.[1]). Такимъ образомъ, тептери и бобыли съ 1 января 1747 г. оказались положенными въ подушный окладъ, хотя и по нормѣ нѣсколько низшей, чѣмъ государственные крестьяне, которые платили по 1 р. 10 к. съ души въ годъ[2]). Между тѣмъ они приняли это нововведеніе очень недружелюбно: многіе отказывались платить, видя въ новомъ сборѣ злоупотребленіе со стороны мѣстныхъ властей; во многихъ мѣстахъ они оказали вооруженное сопротивленіе, при чемъ движеніе приняло такіе размѣры, что противъ мятежниковъ пришлось выслать военные отряды. Любопытно, что послѣдніе состояли отчасти изъ башкиръ и мещеряковъ[3]). Движеніе, однако, скоро улеглось; къ 6 августа 1747 г. было собрано уже 6.875 р. 80 к. новой подати, т.-е. болѣе половины оклада за первую половину года. при чемъ тептери и бобыли продолжили являться въ Уфу для уплаты подати[4]).

Въ 1753 г., какъ мы знаемъ, былъ поднятъ вопросъ о введеніи казенной продажи соли по отношенію къ Оренбургскимъ инородцамъ, включая сюда и тептерей и бобылей. Мы видѣли уже, какъ этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ для башкиръ и мещеряковъ: на нихъ была возложена обязанность покупать казенную соль, за что они были освобождены отъ ясака. Что касается тептерей и бобылей, то названная обязанность была распространена и на нихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ле-

---

вритъ: „...наряж ь бы изъ нихъ въ Оренбургъ и въ прочія новыя крѣпости на работу къ городовымъ строеніямъ съ двороваго ихъ числа, *такъ какъ отъ тайнаго совѣтника въ прошломъ году положено было*, съ 5 дворовъ по человѣку“. См. также выше, стр. 294, прим. [6]), выдержку изъ указа 28 IX 1747, 9.444.

[1]) *Рычковъ*, Ист. Ор., II, 324—5 и Топ. Ор., I, 183; *Витевскій*, стр. 425—6. Въ П. С. З. этотъ указъ не вошелъ, хотя онъ, подъ именемъ указа 12 V 1747 г., и приводится въ указѣ 13 X 1747, 9.447, а подъ именемъ указа 26 V 1747 г. въ указахъ 16 III 1754, 10.198 и 16 I 1761, 11.186.

[2]) Впрочемъ, Неплюевъ въ 1753 г. доносилъ, что 80-коп. подать вмѣстѣ съ Оренбургской городовой работой „сочиняетъ не меньше подушныхъ денегъ“ (см. указъ 16 III 1754, 10.198).

[3]) Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ мятежникамъ присоединились и мещеряки. Быть можетъ это объясняется тѣмъ, что въ томъ же 1747 г. прекратилась свобода мещеряковъ отъ ясака. Ср. *Витевскій*, стр. 433.

[4]) Описаніе возмущенія тептерей и бобылей см. въ Ист. Ор., II, 324—332 и у *Витевскаго*, стр. 424—439. Новый осьмигривенный сборъ былъ назначенъ на содержаніе поселенныхъ въ Оренбургскомъ краѣ Оренбургскаго и Уфимскаго гарнизонныхъ полковъ (см. указъ 13 X 1747, 9.447 и 2 XII 1747, 9.455).

Digitized by Google

жавшая на нихъ 80-коп. подать была попрежнему сохранена. Поступая такъ, правительство руководствовалось рядомъ доводовъ, приведенныхъ Неплюевымъ: съ одной стороны 80-коп. была подать выше, чѣмъ башкирскій ясакъ, и введенія казенной продажи соли было еще недостаточно для ея возмѣщенія въ случаѣ ея отмѣны. Далѣе „живущіе въ Башкиріи тептери и бобыли, состоящіе изъ мордвы, черемисъ, вотяковъ и чувашъ и татаръ“, представляютъ изъ себя населеніе пришлое, т.-е. бѣглыхъ изъ Казанской губ., „изъ такого порядка людей, которые не только соль покупаютъ, но и подушный окладъ платятъ“; притомъ они освобождены отъ повиновенія башкирамъ и уплаты имъ оброка, а занимаемыя ими башкирскія земли отданы имъ въ собственность. Наконецъ, Неплюевъ приводилъ еще и слѣдующій политическій мотивъ: различіе въ состояніи между башкирами и мещеряками съ одной стороны, и тептерями и бобылями—съ другой должно было, по его мнѣнію, служить препятствіемъ къ соединенію ихъ для совмѣстныхъ дѣйствій противъ русскаго правительства. Всѣ эти соображенія и привели къ тому, что тептери и бобыли были привлечены къ казенной продажѣ соли, безъ того чтобы имъ при этомъ были оказаны какія либо льготы [1]).

Мы видѣли, что до 1747 г. тептери и бобыли подлежали подворному обложенію; вмѣстѣ съ тѣмъ у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, чтобы они были подвергнуты переписи при первой ревизіи; мы думаемъ скорѣе, что они не были подвергнуты ей, но были подведены подъ одну рубрику съ башкирами [2]). Это подтверждается и тѣмъ, что въ 1734 г. была предпринята перепись тептерей и бобылей, которая едва ли была бы необходима, если бы они были переписаны при первой ревизіи. Любопытно, что сами тептери и бобыли просили объ этой переписи: причину такой необычайной просьбы надо искать въ самомъ ихъ происхожденіи. Какъ мы видѣли, они по большей части были бѣглые, пришедшіе въ Башкирію изъ болѣе центральныхъ частей Россіи. Мы не знаемъ, разрѣшало ли правительство башкирамъ пріемъ бѣглыхъ въ XVI и XVII в.; мы думаемъ, что въ этомъ очень можно

---

[1]) Указъ 16 III 1754, 10.198. Какъ мы уже видѣли, единственнымъ преимуществомъ тептерей и бобылей передъ башкирами было то, что они не были обязаны давать безденежно подводы. *Рычковъ*, Топ. Ор. I, 183.

[2]) *Витевскій*, стр. 422 и 425 сообщаетъ, къ сожалѣнію безъ указанія источника, что тептери и бобыли „еще во время первой ревизіи были записаны въ подушный окладъ, но Сенатъ, вслѣдствіе ихъ протеста, замѣнилъ въ 1722 г. подушную подать прежнимъ ясакомъ“. Мы думаемъ, что этотъ взглядъ ошибоченъ и покоится на какомъ нибудь недоразумѣніи—по крайней мѣрѣ ни въ П. С. З., ни у Рычкова мы не нашли никакихъ данныхъ о привлеченіи тептерей и бобылей къ первой ревизіи.

Digitized by Google

сомнѣваться и что тептери явились въ Башкирію вопреки запретамъ правительства. Но, какъ бы то ни было, разъ они тамъ поселились, послѣднее по соображеніямъ, до насъ не дошедшимъ, и въ моментъ времени, намъ неизвѣстный, позволило имъ тамъ остаться. Но это не значило, чтобы оно позволило и на будущее время бѣглымъ селиться въ Башкиріи: напротивъ того, мы имѣемъ цѣлый рядъ указовъ, запрещающій башкирамъ пріемъ бѣглыхъ и предписывающій принятыхъ бѣглыхъ отсылать на прежнія жилища [1]). Въ виду этого для тептерей и бобылей могло быть важнымъ, чтобы ихъ не смѣшали съ бѣглыми, подлежавшими отсылкѣ домой. Случаи такого смѣшенія бывали, при чемъ для ихъ разрѣшенія пользовались ясачными окладными книгами [2]). Но послѣднія едва ли были полны, что и послужило для тептерей и

---

[1]) Такъ, п. 1 инструкціи посланному къ башкирамъ графу Головкину 7 IV 1720, 3.565 ставитъ башкирамъ въ упрекъ, что они „которые Казанской губ. и другихъ городовъ уѣздные русскіе и иновѣрцы бѣжали къ нимъ въ Уфимскій же уѣздъ, и тѣхъ бѣглецовъ къ себѣ принимали и по многимъ изъ Казани и съ Уфы къ нимъ посылкамъ не токмо чтобы тѣхъ бѣглецовъ изъ Уфимскаго уѣзда въ прежнія ихъ жилища высылать, но и противные въ томъ отвѣты чинили и посылаемымъ изъ Казани, для переписки и высылки ихъ, ослушны чинились, а иныхъ посланныхъ и били и за карауломъ держали“. Поэтому, п. 5 инструкціи предписываетъ всѣхъ бѣглыхъ выдать для отсылки ихъ на прежнія жилища и впредь таковыхъ не принимать. Эти постановленія остались не безслѣдными: значительное число бѣглыхъ было возвращено, а именно съ 7 іюня 1720 г., по 1 марта 1722 г. гр. Головкинымъ было выслано изъ Башкиріи бѣглыхъ 4965 семей съ 19.815 чел. об. п. (*Ѳирсовъ*, Инородческое населеніе, стр. 224; см. также указъ 9 VI 1725, 4.733). Тѣмъ не менѣе потокъ бѣглыхъ въ Башкирію и послѣ этого не прекращался: уже къ 1725 г. въ одномъ только дистриктѣ Вологодскаго драгунскаго полка въ Казанской губ. было 3.892 душъ, бѣжавшихъ послѣ переписи, при чемъ многіе другіе хотѣли еще бѣжать. Вслѣдствіе этого Сенатъ въ указѣ 9 VI 1725, 4.733 подтвердилъ башкирамъ запрещеніе принимать бѣглыхъ и предписаніе вернуть уже принятыхъ, для отсылки ихъ на прежнія жилища. Вмѣстѣ съ тѣмъ по башкирскому рубежу былъ поставленъ Вологодскій полкъ, чтобы никого не пропускать „въ башкирцы“. Въ томъ же 1725 г. Геннингъ доносилъ, что бѣглые проходятъ мимо Сибирскихъ заводовъ и городовъ „въ башкиры и прочія дальнія мѣста и тамо селятся“, противъ чего и было предписано поставить „въ пристойныхъ мѣстахъ крѣпкія заставы“ (указъ 14 VI 1725, 4.736, п. 14). Но все это не помогало, какъ видно изъ указа 31 VII 1728, 5.318, снова предписывавшаго башкирамъ „бѣглыхъ русскихъ, мордвы, чувашъ, черемисъ и никакихъ народовъ людей, подданныхъ Нашихъ, не принимать и не держать, а которые изъ нынѣ объявленныхъ бѣглецы нынѣ есть, тѣхъ приводить въ Уфу и отдавать означенному Нашему бригадиру и воеводѣ немедленно“. О наплывѣ бѣглыхъ инородцевъ Казанской губ. въ Башкирію и о занятіи оставленныхъ ими мѣстъ русскими см. *Витевскій*, стр. 421. Ср. т. I наст. сочиненія, стр. 63.

[2]) Подобный случай см., напр., въ указѣ 18 III 1731, 5.719. Въ указѣ о переписи тептери и бобыли названы „окладными“ (указъ 31 V 1734, 6.581, п. 6).

Digitized by Google

бобылей основаніемъ просить о производствѣ переписи [1]). Къ сожалѣнію, мы не знаемъ того признака, коимъ тептери и бобыли отличались отъ остальныхъ бѣглыхъ. Обыкновенно, когда въ видѣ исключенія правительство разрѣшало бѣглымъ остаться на ихъ новыхъ мѣстахъ, оно устанавливало извѣстный срокъ и распространяло означенное разрѣшеніе лишь на тѣхъ бѣглыхъ, которые поселились на новомъ мѣстѣ *до* этого срока. Такъ оно поступило, напр., при переписи Захарова въ Уральскомъ войскѣ. Было ли что либо подобное по отношенію къ тептерямъ и бобылямъ, мы не знаемъ [2]), хотя мы въ одномъ указѣ встрѣчаемъ противоположеніе „застарѣлыхъ тептерей и бобылей" и „новыхъ бѣглецовъ" [3]). Встрѣчающееся въ одномъ указѣ 1757 г. выраженіе „незнающіе родства" тептери и бобыли наводитъ на мысль, что подъ именемъ тептерей и бобылей быть можетъ оставлялись въ Башкиріи тѣ

---

[1]) Правдоподобность этого объясненія подтверждается и тѣмъ, что въ излагаемомъ указѣ рядомъ съ предписаніемъ о производствѣ переписи стоитъ предписаніе о высылкѣ бѣглыхъ изъ Башкиріи (указъ 31 V 1734, 6.581, п. 5 и 6), а неполнота старыхъ ясачныхъ книгъ вытекаетъ изъ п. 19 этого же закона, гдѣ сообщается о просьбѣ тептерей и бобылей объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ пошлинъ въ силу того, „что нынѣ тѣ тептери и бобыли, по ихъ челобитью, всѣ будутъ записываться въ особыя тептерскія и бобыльскія книги, и которые ясаку не платили, тѣхъ велѣно обложить въ окладъ".

[2]) *Рычковъ* въ приведенномъ выше опредѣленіи тептерей и бобылей сообщаетъ, что послѣдніе бѣжали и поселились въ Башкиріи „прежде и послѣ подушной переписи" (Ист. Ор., II, 323). Также и *Рычковъ-сынъ*, говоря о тептеряхъ и бобыляхъ, (см. „Журналъ" его, стр. 129 и сл.), указываетъ, что въ Башкирію уходили особенно во время первой ревизіи, чтобы ускользнуть отъ обложенія. Едва ли, однако, вѣрно, чтобы и селившіеся въ Башкиріи *послѣ* первой ревизіи были относимы къ тептерямъ и бобылямъ. Мы уже привели данныя, показывающія, что и такіе бѣглые, которые пришли въ Башкирію до первой ревизіи, были высылаемы на ихъ прежнія жилища. Да и тотъ самый указъ, который предписывалъ перепись тептерей и бобылей (31 V 1734, 6.581, п. 5), велѣлъ публиковать во всей Башкиріи на башкирскомъ языкѣ, чтобы оттуда были высланы всѣ бѣглые, „положенные въ подушный окладъ и кои до подушнаго окладу бѣжали", также какъ и бѣглые солдаты, драгуны, матросы и рекруты.

[3]) Указъ 11 II 1736, 6.890, п. 2. Первыхъ предписывается здѣсь отрѣшить „отъ башкирскаго послушанія", а о вторыхъ публиковать, „дабы держатели, сколько за кѣмъ есть, объявили въ городахъ; а не объявя не держали подъ жестокимъ наказаніемъ и ссылкою, а которые вошли въ башкирское имя, о тѣхъ до времени умолчать". Подъ вошедшими въ башкирское имя здѣсь вѣроятно разумѣлись такіе пришельцы, которые юридически ассимилировались съ башкирами, напр., посредствомъ принятія ихъ въ зятья (что браки между казанскими татарами и башкирами въ то время случались, видно изъ того, что законъ нашелъ нужнымъ запретить вступленіе въ нихъ безъ разрѣшенія Казанскаго губернатора: см. указъ 11 II 1736, 6.890, п. 15). Любопытно что въ своей просьбѣ о переписи сами тептери и бобыли дѣлили себя на *старыхъ* и *новыхъ*, прося, чтобы „старыхъ и новыхъ и дѣтей ихъ и братьевъ переписать".

Digitized by Google

пришлые элементы, принадлежность которыхъ не могла быть установлена [1]), Однако, это, конечно, только одно предположенiе.

Итакъ „окладные"—какъ они здѣсь названы—тептери и бобыли просили ихъ переписать. Правительство ихъ просьбу исполнило. Перепись должна была быть произведена безъ посылки переписчиковъ: напротивъ того, было предписано публиковать, чтобы тептери и бобыли въ теченiе шести мѣсяцевъ явились въ Уфимскую воеводскую канцелярiю для объявленiя „о себѣ, о дѣтяхъ, братьяхъ и родственникахъ своихъ, кто съ ними вмѣстѣ или порознь живутъ... и давно ль кто откуда въ башкирцы пришли и у кого у башкирцовъ въ вотчинныхъ земляхъ поселились изъ найму или безъ найму, по записямъ или безъ записей и какой кто тептерскiй или бобыльскiй окладъ платятъ или не платятъ, и кои не платятъ, тѣхъ обложить вновь". Утаенныхъ предписывалось считать бѣглыми [2]).

Перепись началась еще до Кирилова, но была кончена уже при немъ [3]). Результаты ея были внесены въ особыя книги: тептерскую и бобыльскую, и притомъ „порознь по дорогамъ" [4]). Вѣдомости съ итогами этихъ книгъ и свѣдѣнiями о казенныхъ платежахъ тептерей и бобылей были доставлены въ камеръ-коллегiю, а оттуда въ Сенатъ [5]). Результаты переписи 1734—5 г., если вѣрить Рычкову, выразились въ цифрѣ 11.294 души м. п. Бѣгство, однако, продолжалось и послѣ этой переписи, почему и послѣ нея мы встрѣчаемся съ указами, направленными противъ него [6]). Это обстоятельство, по словамъ Рычкова, было

---

[1]) Указъ 6 VI 1757, 10.785.

[2]) Указъ 31 V 1734, 6.581, п. 6.

[3]) *Витевскiй*, стр. 141 и 391—2.

[4]) *Витевскiй*, (стр. 391, прим. с.) сообщаетъ, что „съ этого времени слово „тептери" стало употребляться въ оффицiальномъ языкѣ". Между тѣмъ мы встрѣчаемъ названiе тептери и бобыли и раньше (напр., въ проэктѣ Кирилова и резолюцiи на него 1 V 1734, 6.571 и въ инструкцiи Кирилову 18 V 1734, 6.576). Съ другой стороны и въ позднѣйшихъ указахъ мы вмѣсто названiя „тептери и бобыли" встрѣчаемся иногда и съ другими названiями, напр.: „живущiе въ башкирскихъ жилищахъ горные татары, черемисы, вотяки, мордва, чуваши" (указъ 20 IV 1735, 6.721, п. 1) или „живущiе въ башкирскихъ жилищахъ пришлые татары, черемисы, чуваши, мордва, вотяки" (указъ 29 V 1735, 6.740, п. 1) и т. д.

[5]) Указъ 31 V 1734, 6.581, п. 6.

[6]) Цѣлый рядъ указовъ былъ изданъ повидимому въ связи съ переписью тептерей и бобылей. Такъ, указъ 20 IV 1735, 6.721, п. 12 возлагаетъ на попеченiе Кирилова, чтобы всѣ пришлые русскiе были высланы изъ башкирскаго края: крестьяне и дворовые—на прежнiя жилища, солдаты и матросы — къ командамъ. Свѣдѣнiя о нихъ должны были быть представлены въ Сенатъ (послѣднее предписанiе повторено въ п. 4 указа 29 V 1735, 6.740). Пришлыхъ инородцевъ, которые были пойманы „въ воров-

Digitized by Google

причиной, почему при второй ревизіи было предписано подвергнуть тептерей и бобылей новой переписи [1]), что затѣмъ повлекло за собою, какъ мы видѣли, и положеніе ихъ въ подушный окладъ. Число ихъ по второй ревизіи составляло согласно даннымъ Рычкова 28.637 душъ м. п., т. е. въ полтора раза (153,5%) болѣе, чѣмъ въ 1734—5 гг. [2]). Между тѣмъ, какъ мы видѣли выше, число дворовъ тептерей и бобылей составляло 5.655: это составитъ, слѣд., по 5 душъ на дворъ [3]).

Здѣсь умѣстно упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ группу населенія, имѣвшую нѣкоторое сходство съ тептерями и бобылями. А именно:

ствахъ", было предписано отдавать въ солдаты въ Остзейскіе полки, съ зачетомъ ихъ на прежнихъ жилищахъ въ рекруты, если они были тамъ написаны въ подушный окладъ (указы 20 IV 1735, 6.721, п. 12 и 29 V 1735, 6.740, п.п. 1 и 3). Впрочемъ, въ 1736 г. правительство предписало вмѣсто отсылки бѣглыхъ и безпаспортныхъ русскихъ и иноземцевъ отдавать годныхъ изъ нихъ въ солдаты въ Остзейскіе полки (чтобы они не могли вернуться въ Башкирію) съ зачетомъ ихъ въ рекруты, а негодныхъ—въ горную работу, какъ ссыльныхъ (объ удовлетвореніи помѣщиковъ въ послѣднемъ случаѣ предписывалось „учинить опредѣленіе") (указъ 11 II 1736, 6.890, п. 9). Указъ 24 VII 1736, 7.016 повторилъ эти постановленія (съ тѣмъ лишь различіемъ, что негодныхъ къ службѣ онъ предписалъ „содержать какъ каторжныхъ и употреблять въ работу къ строенію новозаведенныхъ крѣпостей") и предписалъ всѣми мѣрами сыскивать бѣглыхъ въ Башкиріи. Изъ дальнѣйшихъ узаконеній слѣдуетъ указать на извѣстный Выс. утв. докладъ Сената 27 VII 1744, 9.006, изданный по доношенію Неплюева о бѣглыхъ въ Исетской провинціи.

[1]) „И понеже изъ находящихся въ разныхъ уѣздахъ такихъ же иновѣрцевъ для избѣжанія податей и рекрутскихъ наборовъ годъ отъ году побѣги продолжались, отчего въ тѣхъ уѣздахъ при ревизіи сдѣлалась немалая убыль, а тѣ бѣглецы по большей части уходили въ Башкирь: того ради принята резолюція, чтобы всѣхъ въ Уфимской провинціи находящихся иновѣрцевъ (Рычковъ здѣсь очевидно имѣетъ въ виду лишь тептерей и бобылей. В. Д.) учрежденною ревизіею переписать" (Ист. Ор., II, 324).

[2]) *Рычковъ*, Ист. Ор., II, 325. Эта же сумма (а не 29.820 душъ, какъ утверждаетъ *Витевскій*, стр. 422), приведена въ указѣ 13 X 1747, 9.447 (80-коп. сборъ съ нихъ составлялъ 22.909 р. 60 к.). Цифра 29.637 у *Н. А. Ѳирсова*, Инородческое населеніе, стр. 418 составляетъ опечатку (вмѣсто 28.637). Указъ 15 VII 1754, 10.260 сообщаетъ, что „по ревизорскимъ 1747 г. книгамъ" числится „называемыхъ тептерей и бобылей 28.850 душъ приписныхъ къ Оренбургской губ." Незначительное различіе въ цифрахъ объясняется, вѣроятно, включеніемъ въ цифру 1754 г. найденныхъ прописныхъ или вновь причислившихся съ 1747 г. по 1754 г. Въ Топ. Ор., I, 322 сборъ съ тептерей и бобылей опредѣленъ въ 23.166 р. 8½ к., т. е. число, не дѣлящееся на 80; оно соотвѣтствуетъ 28.957—28.958 душамъ.

[3]) Въ число дворовъ не вошли дворы абызовъ и пономарей; едва ли это можетъ оказать сколько нибудь существенное вліяніе на населенность двора. Въ частности во время Рычкова среди дворовъ тептерей и бобылей число дворовъ черемисскихъ составляло около 1000 (въ Уфимской пров.), чувашскихъ—500 (тамъ же), мордовскихъ—4 (?) (въ Исетской пров.) (*Рычковъ*, Топ. Ор., I, 181 и 187). Далѣе, до 1000 чел. тептерей и бобылей состояли въ вѣдомствѣ Бугульминской слободы (тамъ же, II, 46).

Digitized by Google

указы 13 X 1747 г. и 2 XII 1747 г. сообщаютъ намъ, что при производствѣ второй ревизіи среди тептерей и бобылей оказались такіе татары-иновѣрцы, „кои послѣ прежней переписи [1]) въ Уфимскій уѣздъ перешли и подъ именемъ тептерей и бобылей жили". Они при второй ревизіи уже не были причислены къ разряду тептерей и бобылей, но вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно послѣднимъ, не были отосланы на прежнія жилища, но вмѣсто того въ числѣ 1884 душъ были поселены въ вѣдомствѣ Бугульминской земской конторы на т. наз. новой или большой Московской дорогѣ [2]) съ положеніемъ ихъ въ 7-и 4-гривенный окладъ [3]). При этомъ на нихъ была возложена обязанность безденежно содержать почту между Москвой и Казанью, вмѣстѣ съ жившими по той же дорогѣ тептерями и бобылями и русскими поселенцами. Таково было происхожденіе этой группы по тѣмъ даннымъ, которыя мы находимъ въ Полномъ Собраніи Законовъ. Нѣсколько иначе изображаетъ его Рычковъ. Говоря объ окрестностяхъ Нагайбацкой крѣп., онъ, какъ мы видѣли, дѣлитъ населеніе ея на двѣ половины: крещеную и иновѣрческую. Послѣдняя состояла изъ пришлыхъ элементовъ, изъ которыхъ въ началѣ второй ревизіи были высланы на прежнія жилища тѣ, которые покинули ихъ послѣ первой ревизіи и были тамъ положены въ окладъ: остальные же, покинувшіе прежніе жилища до первой ревизіи, были поселены на большой Московской дорогѣ съ положеніемъ ихъ въ полный окладъ [4]). Но, каково бы ни было происхожденіе этой группы, въ 1757 г. она за свою службу по отбыванію почты была освобождена отъ рекрутской повинности, за что, однако, на нее была возложена уже *вся* почта, съ освобожденіемъ отъ послѣдней тептерей и бобылей и русскихъ поселенцевъ [5]). Когда затѣмъ для государственныхъ крестьянъ въ 1760 г. 40-коп. сборъ былъ увеличенъ до 1 р. [6]), то Оренбургская губ. канцелярія просила не распространять этого по-

---

[1]) Разумѣется ли здѣсь первая ревизія, или перепись 1734—5 г.—сказать трудно.

[2]) Эта дорога шла черезъ Кичуйскій фельдшанецъ на Казань и тянулась на протяженіи 522 верстъ: ср. *Рычковъ*, Топ. Ор., I, 196 и II, 12; Ист. Ор., II, 122 и 301.

[3]) См. объ этомъ указы 13 X 1747, 9.447 (здѣсь число ихъ опредѣлено въ 1884 души), 2 XII 1747, 9.455 (здѣсь въ одномъ мѣстѣ сказано, что число этихъ лицъ составляло 1884, въ другомъ, что ихъ было 1717 душъ; послѣдняя цифра относится вѣроятно къ болѣе раннему времени) и указъ 13 II 1748, 9.484 (здѣсь число ихъ опредѣлено въ 1954 души). Проектъ поселенія этихъ людей на новой Московской дорогѣ возникъ еще въ началѣ 1743 г. См. объ этомъ *Витевскій*, стр. 187.

[4]) *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 208—9.

[5]) Указъ 6 VI 1757, 10.735.

[6]) Указъ 12 X 1760, 11.120.

Digitized by Google

вышенія на означенныхъ иновѣрцевъ, ссылаясь на „новость ихъ поселенія“; однако, на это Сенатъ возразилъ, что они „безмало 20 лѣтъ уже поселились“ и что и ихъ окладъ долженъ быть повышенъ. Въ то время число ихъ составляло уже 2001 душъ [1]). Въ окладныхъ книгахъ эта группа не выдѣлена въ особую категорію.

Положеніе, созданное для тептерей и бобылей законами 1747 и 1754 г., продолжалось почти безъ всякихъ измѣненій вплоть до 1790 г. Тептери и бобыли попрежнему продолжали платить по 80 коп. съ души, при чемъ повышеніе оброчнаго оклада для государственныхъ крестьянъ ихъ не коснулось [2]). Далѣе, они продолжали отбывать работы „съ заплатою по 3 коп. на день и провіанта противъ солдатскихъ дачъ“ [3]). Но затѣмъ съ 1766 г. было предписано сверхъ того наряжать по 1200 чел. изъ нихъ для работъ по добыванію Илецкой соли и доставкѣ ея на Акшадарскую (Стерлитамакскую) пристань (съ уплатой за работу по плакату, а за возку соли—по 5—6 к. съ пуда) [4]). Это положеніе продолжалось до 1780 г., когда тептери и бобыли были освобождены какъ отъ Оренбургскихъ работъ, такъ и отъ возки соли по

---

[1]) Указъ 16 I 1761, 11.186. Цифра 2001 душъ приведена и у *Рычкова* (Топ. Ор., II, 47). Свобода этой группы отъ рекрутской повинности была подтверждена въ генер. учрежденіи о рекрутахъ 29 IX (6 X) 1766, 12.748.

[2]) Такъ, указъ 16 I 1761, 11.186 по поводу постановленія указа 12 X 1760, 11.120 о повышеніи оброчной подати съ 40 к. до 1 р. предписалъ оставить тептерей и бобылей въ прежнемъ 80 к. окладѣ; то же самое предписалъ и указъ 13 XI 1768, 13.194 о поднятіи оброчной подати съ 1 р. до 2 р. (послѣдній указъ, очевидно по ошибкѣ, рядомъ съ тептерями и бобылями называетъ и мещеряковъ).

[3]) *Рычковъ-сынъ* сообщаетъ (см. его „Журналъ“, стр. 133), что ежегодно лѣтомъ наряжается 200—400 тептерей и бобылей въ Оренбургъ для разныхъ „градскихъ строеній“ съ уплатой имъ заработныхъ денегъ по плакату. Согласно указу 13 XII 1789, 16.825 на эти работы наряжалось по 1 чел. съ 4 дворовъ.

[4]) Указъ 27 I 1766, 12.553. Здѣсь предписывается наряжать на эту работу и возку соли кромѣ тептерей и бобылей также и поселенныхъ въ Бугульминскомъ вѣдомствѣ непомнящихъ родства и прописныхъ при ревизіяхъ, а по возможности и вольныхъ людей, но судя по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ указѣ 13 XII 1789, 16.825 всѣ 1200 чел. наряжались изъ тептерей и бобылей. Вотъ какъ, къ сожалѣнію не особенно ясно, описываетъ организацію отбыванія этой повинности *Рычковъ-сынъ* (см. „Журналъ“ его, стр. 131 и слѣд.). Изъ тептерей и бобылей „1200 домовъ отдѣлены, дабы развозить Илецкую соль въ тѣ мѣста, откуда отправляютъ ее водою внутрь государства“. При этомъ каждый изъ этихъ домовъ долженъ ежегодно выставить 600 п. соли, за плату, почти не уступающую платѣ вольныхъ вощиковъ (по 6—7½ коп. за пудъ). Всѣ 33.656 чел. бросаютъ жребій и въ число 1200 чел. изъ каждыхъ 7 чел. идетъ одинъ, остальные же сверхъ 1200 чел. либо возятъ съ ними вмѣстѣ, либо даютъ имъ извѣстное пособіе. Въ среднемъ на каждый домъ приходится не болѣе 43 пуд. соли въ годъ. Какъ видитъ читатель, здѣсь рѣчь идетъ только о возкѣ, а не о добываніи соли.

Digitized by Google

наряду, вмѣсто чего на нихъ была возложена обязанность доставлять ежегодно до 207.300 п. соли, каковую обязанность они, впрочемъ, исполняли не ежегодно [1]). Такъ обстояло дѣло и во время четвертой ревизіи. Между тѣмъ при производствѣ послѣдней оброчная подать съ государственныхъ крестьянъ подверглась дальнѣйшему повышенію и съ 2 р. была поднята до 3-хъ р., каковое повышеніе опять не коснулось тептерей и бобылей. Вскорѣ затѣмъ, въ 1784 г., Сенатъ, вѣроятно находя положеніе тептерей и бобылей чрезмѣрно льготнымъ, предписалъ Уфимской и Вятской каз. палатамъ, въ вѣдѣніи которыхъ они находились, представить о нихъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Обѣ запрошенныя казенныя палаты въ своихъ отвѣтахъ склонялись въ пользу того, чтобы обложить тептерей и бобылей какъ податями, такъ и рекрутской повинностью наравнѣ съ государственными крестьянами. При этомъ они указывали на то, что, какъ и государственные крестьяне, они находились въ вѣдѣніи верхнихъ и нижнихъ расправъ (согласно ст. 355 учрежденія 1775 г.); далѣе, что землевладѣніе ихъ было вполнѣ достаточнымъ: въ Уфимской нам. повсюду, кромѣ нѣсколькихъ деревень Уфимской, Мензелинской и Верхнеуральской округъ, у нихъ даже наблюдался избытокъ земли въ сравненіи съ числомъ душъ, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ наблюдался недостатокъ, можно было нарѣзать имъ земли изъ „дикопорозжихъ казенныхъ земель, близъ селеній ихъ прилежащихъ“, или перевести ихъ изъ малоземельныхъ селеній въ многоземельныя; въ Вятскомъ нам. (Елабужской округѣ) у нихъ имѣлись въ достаточномъ количествѣ не только пашенныя земли, сѣнные покосы, строевой и дровяной лѣсъ, но и бортныя ухожья и звѣриныя ловли. Далѣе, условія ихъ землевладѣнія Уфимская каз. палата считала вполнѣ благопріятными. Одни изъ нихъ жили на казенныхъ и бунтовщичьихъ башкирскихъ земляхъ, въ каковомъ случаѣ были свободны отъ всякаго оброка. Правда, что другіе, и притомъ въ большомъ числѣ, жили на башкирскихъ земляхъ съ платежемъ оброка: это были тѣ, которые вслѣдствіе быстраго прироста отдѣлились „на разныя селенія по своему изобрѣтенію, кто гдѣ для себя найти могъ выгоднѣе мѣстъ, и платятъ башкирцамъ оброкъ добровольно, а не принужденно“. Между тѣмъ этотъ оброкъ былъ очень низокъ, составляя лишь отъ 10 до 20 к. со двора въ годъ; многіе изъ государственныхъ крестьянъ, въ особенности пришлые изъ другихъ губерній, также жили на башкирскихъ земляхъ, платя гораздо большій оброкъ и сверхъ того уплачивая по 3 р. 70 к. съ души и неся рекрутскую повинность, тогда какъ тептери и

[1]) См. указъ 13 XII 1789, 16.825.

Digitized by Google

бобыли отъ послѣдней вовсе были свободны и платили казнѣ лишь по 80 к. съ души. По всѣмъ этимъ причинамъ казенныя палаты считали желательнымъ уравнять тептерей и бобылей съ государственными крестьянами, отъ чего, помимо рекрутской повинности, казна должна была выиграть 125.000 рублей. Сенатъ согласился съ приведенными доводами, и предложенія казенныхъ палатъ получили силу закона [1]). Однако, этотъ законъ просуществовалъ недолго; уже черезъ мѣсяцъ онъ былъ отмѣненъ, съ тѣмъ чтобы тептери и бобыли впредь до дальнѣйшихъ распоряженій были оставлены „въ прежнемъ окладѣ и во всемъ на томъ основаніи, на какомъ они дотолѣ находятся“ [2]). Причина этого измѣненія скоро выяснилась: вмѣсто того чтобы воспользоваться тептерями и бобылями, какъ источникомъ для податей, правительство рѣшилось использовать ихъ для цѣлей службы. Въ апрѣлѣ 1790 г. былъ изданъ указъ, оставлявшій ихъ въ прежнемъ 80-коп. окладѣ, но за то предписывавшій набрать изъ нихъ казачій полкъ въ 500 чел., который бы и впредь ими комплектовался и во всемъ содержался на ихъ счетъ, получая жалованіе лишь во время походовъ [3]). Этотъ полкъ вскорѣ получилъ названіе Уфимскаго казачьяго полка [4]). Вскорѣ затѣмъ былъ сдѣланъ дальнѣйшій шагъ. Содержаніе названнаго полка (т. е. доставленіе ему провіанта, фуража, аммуниціи, уплата жалованія и т. д.) даже въ дорогіе годы обходилась не болѣе 80 к. на душу; между тѣмъ для государственныхъ крестьянъ окладъ оброчной подати былъ опять

---

[1]) Указъ 13 XII 1789, 16.825. Переводъ тептерей и бобылей на другія мѣста было при этомъ предписано поставить въ зависимость отъ ихъ собственнаго желанія.— См. ещё разсужденія *Рычкова-сына* (стр. 135) о томъ, что тептерей и бобылей слѣдовало бы уравнять съ государственными крестьянами (что дало бы правительству прибавку въ 84.100 р. въ годъ), такъ какъ они, занимаясь земледѣліемъ, скотоводствомъ, пчеловодствомъ и звѣроловствомъ, уже вовсе не были бѣдны (какъ мы видѣли выше, слово тептерь, по толкованію автора, значило „бѣдные“). Замѣтимъ, что и *Никита Поповъ* въ своемъ „Хозяйственномъ описаніи“ Пермской губ. (1804; В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 341, ч. II, стр. 214 и сл.) сообщаетъ, что многіе изъ тептерей и бобылей Пермской губ. весьма зажиточны.

[2]) Им. Указъ 19 I 1790 г., изложенный въ Сен. указѣ 18 II 1790, 16.836.

[3]) Указъ 18 IV 1790, 16.856. При этомъ управленіе тептерями и бобылями было попрежнему оставлено въ вѣдѣніи тѣхъ же учрежденій, какъ и управленіе государственными крестьянами, съ сохраненіемъ въ ихъ селеніяхъ прежнихъ старшинъ и сотниковъ.

Изъ изложеннаго въ текстѣ читатель видитъ, что лишь съ конца XVIII в. тептери и бобыли сдѣлались въ извѣстномъ смыслѣ военнымъ сословіемъ, почему ихъ и нельзя считать за „потомковъ прежнихъ казаковъ-инородцевъ“, какъ это дѣлаетъ *г. Филимоновъ* въ названной выше статьѣ.

[4]) Указъ 23 VII 1791, 16.974.

Digitized by Google

поднять, каковое повышеніе тептерей и бобылей не коснулось [1]. Въ виду этого въ 1798 г. тептерямъ и бобылямъ было предписано вмѣсто одного комплектовать два полка. Полки эти предназначались „для занятія на границѣ Оренбургской нужныхъ мѣстъ". Такъ какъ при этомъ число лошадей было сокращено (съ 4 до 3 на 2-хъ чел. казаковъ) то и стоимость каждаго полка должна была упасть съ 80 к. до 66½ к. на душу, что для двухъ полковъ должно было составить 1 р. 33 к., т. е. лишь на 53 к. съ души больше, чѣмъ прежде. Также и первоначальное и дальнѣйшее укомплектованіе новаго полка правительство считало необременительнымъ, такъ какъ первое требовало менѣе 1 чел. на 100 душъ, а второе—не болѣе 20 чел. въ годъ, что при свободѣ отъ рекрутской повинности не могло считаться отяготительнымъ [2].

Въ заключеніе мы должны привести нѣсколько статистическихъ данныхъ о тептеряхъ и бобыляхъ.

Мы выше видѣли, что число послѣднихъ по переписи 1734—5 г. составляло 11.294 души м. п., а по второй ревизіи—28.637 по однимъ даннымъ, 28.850—по другимъ. При третьей ревизіи тептери и бобыли также были подвергнуты переписи, но съ тѣмъ лишь отличіемъ отъ другихъ подлежавшихъ ревизіи группъ, что у нихъ было переписано только мужское населеніе [3]. Цифровые результаты третьей ревизіи сообщены намъ Рычковымъ-сыномъ; согласно этимъ результатамъ число тептерей и бобылей составляло 33.656 душъ (32.327 въ Уфимской про-

---

[1]) См. объ этомъ указъ 15 XII 1794, 17.282, подтвержденный затѣмъ указомъ 18 XII 1797, 18.279.

[2]) Указы 12 VII 1798, 18.580 и 11 X 1798, 18.701. О сборѣ денегъ на содержаніе полковъ одновременно съ взиманіемъ государственныхъ податей см. указъ 9 II 1804, 21.143.

Фактически, по окладной книгѣ за 1806 г., тептери и бобыли, сверхъ 80-к. сбора, платили на содержаніе полковъ по 1 р. 52 к. съ души, что со всѣхъ 52.772 душъ составляло 79.999 р. 77 к. Если вѣрить *Георги* (назв. соч., I. стр. 58—9) тептери и бобыли попрежнему должны были перевозить съ Илека соль въ количествѣ 800.000 п. въ годъ (что составляло 43 п. съ чел.), но за достаточную плату. При этомъ они были свободны отъ рекрутской повинности, но должны были ежегодно доставлять по 400 лопатниковъ въ Оренбургъ за указную плату. Эти данныя, поскольку они касаются возки соли, настолько схожи съ данными *Рычкова-сына*, что возникаетъ сомнѣніе, не заимствованы ли они у него и не относятся ли, они, слѣд., не къ концу 1790-хъ гг., когда писалъ Георги, но къ 1770-мъ гг.

[3]) Оренбургской губ. канцелярія опасалась, какъ бы перепись женскаго населенія не вызвала волненій, какъ при повышеніи обложенія въ 1747 г., и какъ бы тептери и бобыли „не возмнили, что яко-бы изъ женска пола какой позоръ быть можетъ" Сенатъ поэтому и предписалъ не переписывать женскаго населенія (указъ 16 VII 1762, 11.615).

Digitized by Google

винціи, 838 въ Исетской и 491 въ вѣдомствѣ Бугульминской земской конторы)[1]. По четвертой ревизіи число тептерей и бобылей составляло 41.921 душъ въ Уфимскомъ нам. и 518 въ Вятскомъ, итого 42.439 душъ м. п.[2]). Такимъ образомъ, приростъ населенія отъ третьей ревизіи до четвертой (около 33% за 20 лѣтъ) былъ гораздо сильнѣе прироста отъ второй ревизіи до третьей (17,5% за 17 лѣтъ), что объясняется вѣроятно задерживающимъ вліяніемъ на ростъ населенія бунтовъ 1747 и 1755 гг.

Если мы, наконецъ, обратимся къ пятой ревизіи, то увидимъ, что по ней численность тептерей и бобылей составляла 52,193 души по окладной книгѣ 1797 г., 52.438—по указу 11 X 1798, 18.701, и 52.772 по окладной книгѣ за 1806 г.

Если мы сравнимъ первую изъ этихъ цифръ съ цифрой четвертой ревизіи (42.439), то увидимъ, что за 13-лѣтній промежутокъ времени между четвертой и пятой ревизіями число тептерей и бобылей увеличилось на 23%[3]).

По губерніямъ и уѣздамъ тептери и бобыли въ періодъ пятой ревизіи были распредѣлены слѣдующимъ образомъ[4]):

---

[1]) „Журналъ" *Рычкова-сына*, стр. 129 и сл. Ср. *Георги*, назв. соч., I, стр. 58—9. Правильность приведенной въ текстѣ цифры подтверждается (хотя, впрочемъ, только въ общихъ чертахъ) и указомъ 13 XII 1789, 16.825, гдѣ сообщается, что съ третьей до четвертой ревизіи число тептерей и бобылей увеличилось больше чѣмъ на 10.000 душъ.

[2]) Указъ 13 XII 1789, 16.825. Цифра 42.093 душъ, приводимая въ указѣ 15 XII 1794, 17.282 для Уфимскаго нам., заключаетъ въ себѣ вѣроятно всѣхъ вновь причисленныхъ послѣ четвертой ревизіи до 1794 г. Что такія причисленія случались, показываетъ указъ 11 XII 1789, 16.824, въ которомъ Сенатъ, по поводу случая причисленія двухъ башкиръ по ихъ желанію въ тептерскій окладъ, выразилъ желательность подобныхъ причисленій „въ разсужденіи казенной пользы, происходящей отъ вступленія башкирцевъ въ званія, подать платящія".

[3]) Всѣ приведенныя въ текстѣ цифры пятой ревизіи относятся къ тремъ губерніямъ, въ которыхъ въ то время имѣлись тептери и бобыли: Уфимской (Оренбургской), Вятской и Пермской. Такъ какъ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя четвертой ревизіи касаются лишь двухъ губерній, Уфимской и Вятской, то мы должны предположить, что въ то время либо еще не было тептерей и бобылей въ Пермской губ., либо что правительство о нихъ забыло. Послѣднее представляется намъ едва ли вѣроятнымъ, а такъ какъ граница Пермскаго нам., за время отъ четвертой до пятой ревизіи не мѣнялась, то намъ остается предположить, что за это время часть тептерей переселилась изъ Уфимскаго нам. въ Пермское. Но это, конечно, только предположеніе. Если оно вѣрно, то долженъ быть признанъ вѣрнымъ и приведенный нами въ текстѣ результатъ сравненія данныхъ четвертой и пятой ревизіи, въ противномъ случаѣ онъ долженъ быть признанъ нѣсколько преувеличеннымъ и замѣненъ болѣе вѣрнымъ процентомъ прироста (19,6%).

[4]) Данныя послѣдней графы взяты для *Оренбургской* губ. изъ „Топогр. опи-

Digitized by Google

Губерніи.	УѢЗДЫ.	Окладная книга 1797.	Окладная книга 1806.	В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 312 и 341.	
				м.	ж.
ПЕРМСКАЯ.	Екатеринбургскій. . .	—	1 586	—	—
	Красноуфимскій. . . .	1.273	252	1.586	1.683
	Осинскій.	162	—	252	261
	Итого въ Пермской губ.	1.435	1.838	1.838	1.944
ВЯТСКАЯ.	Елабужскій	652	108	—	—
	Сарапульскій.	—	1.119	—	—
	Итого въ Вятской губ.	652	1.227	—	—
ОРЕНБУРГСКАЯ (УФИМСКАЯ).	Белебеевскій.	10.539	11.255	—	—
	Бирскій.	19.091	18.296	21.098	20.463
	Бугульминскій	4.500	4.400	5.167	5.147
	Бугурусланскій. . . .	1.069	1 074	—	—
	Бузулукскій	6	6	1.075	1.102
	Верхнеуральскій . . .	1.449	1.455	1.449	1.419
	Мензелинскій	5.597	5.459	7.080	7,026
	Оренбургскій.	263	263	263	241
	Стерлитамакскій . . .	2.358	2,323	2.358	2.352
	Троицкій	263	263	263	286
	Уфимскій	5.011	4.913	10.711	10.818
	Итого въ Оренбургской (Уфимской) губ. . . .	50.106	49.707	49.464	48.854
	А всего въ 3 губерніяхъ.	52.193	52.772	—	—

Различія по уѣздамъ, обнаруживаемыя этой таблицей, отчасти могутъ быть объяснены измѣненіями въ уѣздныхъ границахъ, такъ какъ

санія Оренбургской губ.“ (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 312), при чемъ здѣсь принято раздѣленіе на уѣзды, введенное Павломъ, а для *Пермской* губ.—изъ „Хозяйств. описанія Пермской губ.“ *Никиты Попова* (1804; В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 341). Изъ приведеннаго въ послѣднемъ числа тептерей и бобылей въ Красноуфимскомъ у. 573 души м. п. и 588 ж. п. приходилось на татаръ, а 1013 м. п. и 1125 ж. п. на черемисъ и вотяковъ (для Осинскаго у. подобныхъ данныхъ нѣтъ). Тѣ же поуѣздныя данныя, которыя приведены въ В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 341, мы находимъ и въ Арх. Сен., дѣло № 254, 1800 г. „по осмотру сен. Ржевскимъ и Левашевымъ Пермской губ.“

Digitized by Google

гос. окладная книга 1797 г. заключаетъ въ себѣ еще уѣздное раздѣленіе, бывшее до Павла. Тѣмъ не менѣе для нѣкоторыхъ случаевъ (напр., въ Пермской и Вятской губ.) здѣсь приходится предположить вліяніе другихъ причинъ—быть можетъ перевода изъ одного уѣзда въ другой [1]).

VII. Сеитовскіе татары.

Изданная еще въ 1734 г., когда только что была назначена экспедиція Кирилова, „Привиллегія городу Оренбургу" предписывала всячески привлекать въ новый городъ какъ русское „купечество, мастеровыхъ и разночинцевъ", такъ и всякаго рода иноземцевъ, для поселенія въ новомъ городѣ и для заведенія въ немъ торговли и промышленности [2]). Это правило подтверждалось и въ позднѣйшихъ указахъ, при чемъ за подобныхъ новыхъ пришельцевъ было позволено платить подушныя деньги изъ Оренбурга.

Между тѣмъ на этотъ призывъ отозвались очень немногіе, „да и тѣ всѣ убогіе", что вполнѣ объяснялось отдаленностью края и слабой обезпеченностью спокойствія въ немъ. Въ виду этого главный начальникъ его, князь Урусовъ, въ 1740 г. просилъ Кабинетъ даже о принудительномъ переводѣ купечества въ Оренбургъ изъ другихъ городовъ: однако, эта мысль не нашла сочувствія. Между тѣмъ, уже по вступленіи въ должность Неплюева, къ нему обратились казанскіе татары, съ старшиной Сеитомъ во главѣ, „люди торговые и пожиточные", съ просьбой разрѣшить имъ поселиться при Оренбургѣ, при чемъ они ставили два условія: свободу вѣроисповѣданія, согласно п. 11 названной привиллегіи, и свободу отъ рекрутской повинности съ обязанностью нести лишь службу наряду съ иррегулярными войсками. Неплюевъ считалъ это переселеніе выгоднымъ; свобода отъ дачи рекрутъ, по его мнѣнію, вполнѣ возмѣщалась пребываніемъ означенныхъ людей при Оренбургѣ и готовностью ихъ служить въ качествѣ нерегулярнаго войска, „яко къ тому обыкновенныхъ". Сенатъ утвердилъ мнѣніе Неплюева и

---

[1]) Цифра тептерей и бобылей, приводимая *Германомъ* (Sur l'état actuel de l'agriculture en Russie въ Mém. de l'Ac. Imp. des sciences de SPB., V série T. I, 1809, стр. 720 и сл.), а именно 71.561 душъ, должна быть признана сильно преувеличенной (и по седьмой ревизіи число тептерей и бобылей составляло лишь 69.000: см. Ж. М. В. Д., 1835, IV, стр. 181—216: „Сравнительная вѣдомость о числѣ рев. душъ въ Оренбургской губ. по 7 и 8 ревизіямъ 1834 г.").

[2]) Привиллегія городу Оренбургу 7 VI 1734, 6.584, п. 1.

Digitized by Google

позволилъ названнымъ татарамъ переселиться въ Оренбургъ, однако съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій: 1) число новыхъ поселенцевъ не должно было превышать 200 семей и 2) приниматься должны были лишь люди „пожиточные и торги производить могущіе", дабы никто не вздумалъ переселиться съ цѣлью только избавиться отъ рекрутской повинности. Вмѣстѣ съ тѣмъ новымъ поселенцамъ разрѣшалось построить мечеть „внѣ города, гдѣ ихъ особое селеніе будетъ" [1]).

Во исполненіе изложеннаго постановленія старшинѣ Сеиту отъ имени Сената 8 VIII 1745 г. была дана особая грамота, дававшая ему разрѣшеніе вмѣстѣ съ его единоплеменниками переселиться въ Оренбургъ [2]). На основаніи этого разрѣшенія въ Оренбургъ перешло болѣе 200 семей „изъ вѣдомствъ разныхъ судебныхъ мѣстъ" [3]), при чемъ всѣ они были поселены особой расположенной въ 18 в. отъ Оренбурга слободою, получившей названіе Сеитовой (по имени Сеита) или Каргалинской (по имени р. Каргалы, на которой слобода была расположена) [4]). Здѣсь имъ была отведена „пространная земля съ довольными угодьями", а кромѣ того татарамъ было дано право нанимать и покупать землю у башкиръ „подъ хуторы и для разведенія сѣву хлопчатой бумаги". Срокъ для поселенія былъ назначенъ двухгодичный [5]). Относительно податей въ указѣ 1744 г. было предписано, чтобы переселившіеся татары платили подушныя деньги въ Оренбургскую комиссію, которая должна была пересылать ихъ въ тѣ мѣста, гдѣ они были положены въ подушный окладъ [6]). Однако, въ грамотѣ Сеиту было прямо сказано, что

---

[1]) Указъ 8 III 1744, 8.893 (Ср. *Рычковъ*, Ист. Ор., II, 124). Замѣтимъ, что заселеніе Оренбурга купечествомъ подвигалось туго не только въ 1740-ыхъ, но и въ 1750-ыхъ гг. (по крайней мѣрѣ въ началѣ ихъ): такъ, указъ 2 VI 1752, 9.995 сообщаетъ, что въ Оренбургѣ „записныхъ пожиточныхъ и торги производить могущихъ купцовъ, кромѣ записавшихся казанскихъ татаръ, еще нѣтъ". См. также *Рычковъ*, Топ. Ор., I, 191.

[2]) См. указъ 22 XI 1776, 14.540. У *Рычкова* (Топ. Ор., II, 28) эта грамота, очевидно, вслѣдствіе опечатки, названа указомъ 8 VIII 1755 г. (эта ошибка ввела въ заблужденіе и *I. Г. Георги*, см. назв. соч. его, II, стр. 8). Подробное изложеніе какъ прошенія Сеита, такъ и данной ему грамоты 8 VIII 1745 г. см. въ Гор. Пос. Росс. Имп., т. III, Спб. 1863, стр. 494—5.

[3]) Грамота 8 VIII 1745 г. разъясняла, что семьею слѣдуетъ считать „отца съ дѣтьми и съ внучаты, такожъ и братей, которые живутъ не въ раздѣлѣ, а для работы посторонняхъ къ семейству принимать бы по разсмотрѣнію Оренбургской губ. канцеляріи". См. *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 29 и указъ 21 VII 1765, 12.437.

[4]) Полное названіе этой слободѣ было: Оренбургская подгородная Сеитова слобода торговыхъ татаръ.

[5]) Гор. Пос. Росс. Имп., тамъ же.

[6]) Указъ 8 VIII 1744, 8.893.

Digitized by Google

переселенцы должны были быть тотчасъ же положены въ подушный окладъ по Оренбургской губ., такъ какъ въ то время какъ разъ производилась вторая ревизія [1]). Фактически по неизвѣстнымъ намъ причинамъ примѣнялись оба порядка [2]). Численность новыхъ поселенцевъ составляла 1158 душъ м. п.; около 1760 года они, по словамъ Рычкова, у нихъ было уже до 300 дворовъ [3]). Были ли послѣ перваго появленія татаръ въ Оренбургскомъ краѣ новыя переселенія ихъ туда, мы не знаемъ, за исключеніемъ одного дошедшаго до насъ случая. А именно, во время производства третьей ревизіи въ Сеитовой слободѣ оказались 4 семьи (всего 14 чел.) ясачныхъ татаръ Казанскаго уѣзда, самовольно переселившихся въ Оренбургъ. Они, однако, просили оставить ихъ на новомъ мѣстѣ и выключить изъ поданныхъ о нихъ на прежнемъ ихъ жилищѣ сказокъ, при чемъ ссылались на то, что въ Сеитовой слободѣ у нихъ имѣются родные, тогда какъ въ Казанскомъ уѣздѣ у нихъ нѣтъ ни родныхъ, ни „домовъ и протчаго". Сенатъ въ указѣ 1765 г. согласился на ихъ просьбу, однако съ тою оговоркой, чтобы они не были освобождены отъ рекрутской повинности, но были „на такомъ же положеніи, какъ и въ Казанской губерніи состояли". Въ то же время Сенатъ на будущее время запретилъ принимать какъ Казанскихъ, такъ и Астраханстихъ татаръ для поселенія въ Оренбургской губерніи и предписалъ прислать свѣдѣнія о томъ, нѣтъ ли тамъ и другихъ самовольно поселившихся татаръ [4]). Всего по третьей ревизіи въ Сеитовой слободѣ состояло татаръ 2174 души м. п.[5]).

Торговые татары Сеитовой слободы были положены въ 40-алтынный окладъ. Между тѣмъ въ 1760 году 4-гривенный сборъ съ государственныхъ крестьянъ былъ увеличенъ до одного рубля [6]); вмѣстѣ съ тѣмъ возникъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли поднять обложеніе торговыхъ татаръ? Оренбургская губ. канцелярія находила, что нѣтъ, ссылаясь при томъ на новость ихъ поселенія и на то, что они состояли въ купеческомъ 40-алтынномъ окладѣ. Однако, Сенатъ не внялъ этимъ

---

[1]) Гор. Пос. Росс. Имп., тамъ же.

[2]) См. данныя *Рычкова* въ слѣдующемъ примѣчаніи.

[3]) *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 29. Цифра 1.158 приведена и въ указѣ 16 I 1761, 11.186. Изъ этихъ 1158 душъ, по словамъ Рычкова, „998 душъ подушныя деньги платять въ Оренбургскую губернскую канцелярію, а за 160 душъ до будущей ревизіи отсылаются на прежнія жилища".

[4]) Указъ 21 VII 1765, 12.437.

[5]) *В. И. Семевскій*, Крестьяне въ царствованіе Имп. Екатерины II, Спб. 1881, стр. 16. *I. Г. Георги* (назв. соч., II, стр. 8) опредѣляетъ податную численность ихъ для 1773 г. въ 2190 душъ м. п.

[6]) Указъ 12 X 1760, 11.120..

Digitized by Google

доводамъ: мотивируя свое постановленіе тѣмъ, что торговые татары поселились въ Оренбургѣ уже давно, а именно съ самаго его основанія и что они уволены отъ рекрутской повинности, онъ предписалъ увеличить ихъ обложеніе на 60 коп. съ души. Такимъ образомъ Сеитовскіе торговые татары оказались обложенными по 1 р. 80 к. съ души [1]). Между тѣмъ въ 1766 г. возникъ вопросъ объ уравненіи всѣхъ государственныхъ крестьянъ въ податномъ отношеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ опять зашла рѣчь и о Сеитовскихъ торговыхъ татарахъ, при чемъ, однако, было признано, что они поселены единственно для купеческой торговли, и что они должны быть сравнены съ купечествомъ, разсмотрѣть податное положеніе котораго еще ранѣе было предписано комиссіи о коммерціи. Затѣмъ въ 1768 г. оброчная подать съ государственныхъ крестьянъ была повышена до двухъ рублей [2]). Думая, что повышеніе распространяется и на Сеитовскихъ торговыхъ татаръ, Оренбургскій губернаторъ повысилъ и ихъ окладъ, и притомъ сразу до 3 р. 20 к. съ души. Это постановленіе было отмѣнено Сенатомъ, предписавшимъ губернатору, чтобы онъ, „не полагая тѣхъ татаръ въ число государственныхъ крестьянъ, оставилъ ихъ до указа на прежнемъ основаніи и въ прежнихъ податяхъ“ [3]). Вскорѣ затѣмъ, однако, вслѣдствіе связанныхъ съ турецкой войной расходовъ, были подняты разные сборы, при чемъ, между прочимъ, и окладъ съ купечества былъ увеличенъ съ 1 р. 20 к. до 2 р. съ души. На этотъ разъ и обложеніе Сеитовскихъ татаръ было поднято на 80 к., т. е. до 2 р. 40 к. [4]). Надо замѣтить, что Сеитовскіе татары, повидимому, пришли въ процвѣтаніе на новомъ мѣстѣ своего жительства: у насъ по этому вопросу имѣются данныя Палласа, который приводитъ рядъ признаковъ, свидѣтельствующихъ о ихъ благосостояніи [5]).

Послѣ этого мы въ теченіе около двадцати лѣтъ почти ничего не слышимъ о Сеитовскихъ татарахъ. Мы знаемъ только, что они потер-

---

[1]) Указъ 16 I 1761, 11.186, п. 2.

[2]) Указъ 5 (13) XI 1768, 13.194.

[3]) Указъ 17 IX 1769, 13.357

[4]) Указъ 30 X 1769, 13.375. Болѣе высокое обложеніе Сеитовскихъ татаръ въ сравненіи съ купцами этотъ законъ мотивируетъ тѣмъ, „что съ нихъ не берутся рекруты, а они такъ же, какъ и купцы, пользуются всѣми ихъ выгодами“. Въ виду этихъ словъ остается совершенно непонятнымъ, почему нѣкоторые изъ Сеитовскихъ татаръ, въ вознагражденіе за услуги во время пугачевскаго бунта, просили „о дозволеніи производить торговый промыселъ“ (эта просьба приведена въ указѣ 22 XI 1776, 14.540; къ сожалѣнію, въ немъ нѣтъ никакого постановленія по предмету ея).

[5]) См. *Н. А. Ѳирсовъ*, Инор. населеніе, стр. 351.

Digitized by Google

пѣли сильное разореніе во время Пугачевскаго бунта, когда мятежники въ теченіе 6 мѣсяцевъ занимали Сеитову свободу, переименованную ими въ Петербургъ. Затѣмъ въ 1784 г. Сеитову слободу было предписано переименовать посадомъ съ учрежденіемъ въ немъ ратуши [1]); съ другой стороны, когда въ 1785 г. было издано городовое положеніе, то послѣднее вѣроятно было примѣнено и къ Сеитовскимъ татарамъ: поэтому то мы и видимъ, что въ 1787 г. они дѣлились уже на двѣ группы: на торговыхъ татаръ и на татаръ, записанныхъ въ крестьянство. Послѣдніе по неимуществу своему не могли вести торговлю; вмѣстѣ съ тѣмъ они къ тому времени—какъ сообщаетъ указъ 16 XII 1787 г.—„пріобыкли уже... употребляемы быть около Оренбурга на службу съ прочими нерегулярными войсками“ [2]). Вслѣдствіе этого названный указъ предписалъ означенную категорію татаръ окончательно причислить къ Оренбургскому войску, съ тѣмъ „чтобы тѣ только изъ нихъ въ сіе состояніе перемѣщены были, кои въ послѣдней подушной переписи въ сообществѣ ихъ показаны“. Татаръ же, объявившихъ капиталы и записавшихся въ купечество, было повелѣно оставить въ этомъ званіи согласно городовому положенію [3]).

Итакъ, на основаніи изложеннаго указа можно было бы подумать, что послѣ 1787 г. Сеитовскіе татары дѣлились на записавшихся въ купечество и перечисленныхъ въ казаки; но, кажется, указъ остался безъ исполненія: по крайней мѣрѣ въ 1792 г. общее число Сеитовскихъ татаръ составляло 2.674 души, которыя дѣлились на слѣдующіе три группы:

состоящихъ въ крестьянствѣ...	686
мѣщанъ	168
купцовъ.	1.820
Итого.......	2.674

На этотъ разъ было предписано всѣхъ ихъ написать въ казачество „по несостоянію ихъ къ продолженію ихъ купеческаго промысла и къ платежу узаконеннаго сбора“, съ тѣмъ чтобы не брать съ нихъ

[1]) Указъ 7 XI 1784, 16.089.

[2]) Съ какого времени эта служба началась и какъ она была организована, мы не знаемъ.

[3]) Указъ ген.-поручику бар. Игельстрому 16 XII 1787, 16.596. Любопытно, что въ этомъ указѣ только что переименованная въ посадъ Сеитова слобода по прежнему названа слободой.

Digitized by Google

рекрутъ и разрѣшать желающимъ изъ нихъ записываться въ купечество и мѣщанство [1]).

Что касается, наконецъ, государственныхъ окладныхъ книгъ, то въ книгѣ 1797 г. въ Оренбургскомъ у. значатся 3.180 „записавшихся по силѣ им. 5 VI 1792 г. указа въ Уфимское нерегулярное войско изъ Сеитовскихъ татаръ“, а по книгѣ 1806 г. они значатся въ томъ же уѣздѣ въ числѣ 3.163 душъ [2]).

Итакъ мы видимъ, что численность этой группы, составлявшая по второй ревизіи 1.158 душъ, по четвертой ревизіи равнялась уже 2.674 душамъ (т. е. увеличилось за приблизительно 40 л. на 131%), а въ пятую—3.180 (т. е. за 13 л. увеличилось на 19%).

Замѣтимъ въ заключеніе, что Сеитовскіе татары оказались плохими казаками, почему въ 1819 г. часть ихъ (467 чел.) снова была обращена въ податное состояніе съ предоставленіемъ избрать родъ жизни [3]).

VIII. Салтанаульскіе мурзы и татары.

Салтанаульскіе татары представляли изъ себя племя, издавна кочевавшее при Волгѣ подъ именемъ Малаго Ногая въ подданствѣ астраханскихъ хановъ. Въ 1552 г. они добровольно приняли русское

---

[1]) Указъ 5 VI 1792, 17.050.

[2]) Въ „Топогр. описаніи Оренбургской губ.“ (В. Учр. Арх. Гл. Шт., V, 812) значатся „записавшіеся за регулярное войско татары“ (въ подлинникѣ приведены невѣрные итоги 3.186 для м. п. и 3.296 для ж. п.):

	М.	Ж.
въ Оренбургскомъ у.	3.180	3.240
въ Мензелинскомъ у.........	59	55
Итого.....	3.239	3.295

Здѣсь, очевидно, разумѣются Сеитовскіе татары. Со всѣми приведенными данными не совпадаютъ свѣдѣнія, сообщаемыя въ Арх. Сен., дѣло № 253, 1800 г. („по рапорту сен. Спиридова и Лопухина объ осмотрѣ Оренбургской губ.“): согласно имъ въ Сеитовской Оренбургской подгородной слободѣ числилось 1.105 купцовъ и 137 мѣщанъ.

[3]) Указъ 5 I 1819, 27.624. Ср. *Стариковъ*, Откуда взялись казаки, стр. 140. Этотъ же авторъ (тамъ же, стр. 147) сообщаетъ, что часть Сеитовскихъ татаръ была переселена на р. Чесноковку (въ 14 в. отъ стан. Нижнеозерной) (70 семей) и въ ред. Никольскій и Гирьяльскій. Это переселеніе состоялось въ 1802 г. (Гор. Пос. Росс. Имп., т. III. Спб., 1863, стр. 496).

Digitized by Google

подданство; во время бунта Ст. Разина въ 1670 г. они перешли на Терекъ, а въ 1696 г. на Кубань, гдѣ и кочевали до 1736 г., когда во время военныхъ дѣйствій на Кубани вслѣдствіе Турецкой войны вновь были приняты въ русское подданство и переведены по сю сторону р. Терека (на пространство между Терекомъ и Кумой) [1]. Въ то время они были такъ многочисленны, что могли выставлять болѣе 10.000 военныхъ людей. Между тѣмъ въ 1742 г. бо́льшая часть ихъ снова ушла на Кубань, а осталось лишь около 30 ауловъ; такъ какъ, однако, и оставшіеся дѣлали побѣги и вели себя неспокойно, то въ 1743 г. они были переведены къ Астрахани [2]. Вскорѣ однако было признано неудобнымъ содержать ихъ и въ Астрахани; поэтому возникъ проектъ перевести ихъ въ Казанскую губ., съ тѣмъ чтобы мурзы и знатные старшины были поселены въ Татарской слободѣ при самой Казани съ дачей имъ порозжихъ земель, а остальные въ Свіяжскомъ уѣздѣ, съ раздачею ихъ въ вѣчное владѣніе мѣстнымъ татарскимъ мурзамъ по ихъ деревнямъ. Общее число ихъ въ то время составляло 1119 душъ об. п. [3]. Сенатъ согласился на это переселеніе, но съ нѣкоторыми ограниченіями: а именно, опредѣленіемъ 20 (22) VI 1744 г. онъ предписалъ этихъ 1119 чел. об. пола „поселить въ Казанской губ. между тамошними татарами въ разныхъ мѣстахъ по разсмотрѣнію Казанскаго губернатора, а особыхъ земель имъ во владѣніе не давать,... а Свіяжскимъ мурзамъ оныхъ Салтанаульцевъ не раздавать". На основаніи этого предписанія въ 1744 и 1745 гг. было переведено изъ Астрахани въ Казанскую губ. 1408 душъ об. п. татаръ: сюда входили не только Салтанаульскіе мурзы и татары, но и Кандауровскіе. Однако, на этомъ дѣло не кончилось; изъ прибывшихъ въ Казанскую губ. татаръ часть— а именно 504 души об. п. — были переселены въ Оренбургскую губ., на р. Сакмару. По словамъ Рычкова этотъ переводъ былъ произведенъ еще въ 1745 г. (по указу Сената 4 XII 1744 г.), при чемъ переведенцы (Кундровскіе татары, какъ ихъ называетъ Рычковъ) были поселены на верховьяхъ р. Сакмары въ 11 в. отъ крѣп. Озерной особою слободою, которая получила названіе Кундровской слободы. Въ этой сло-

---

[1]) Объ этомъ переводѣ см. указъ Астрах. губернатору Соймонову 31 III 1737, 7215. Ср. *Н. Поповъ*, Татищевъ и его время, М. 1861, стр. 319—324.

[2]) Любопытно, что при этомъ калмыки и казаки въ вознагражденіе за участіе въ этомъ дѣлѣ получили 2809 чел. татаръ м. и ж. пола.

[3]) Изъ нихъ 423 мурзъ и старшинъ и служащихъ при нихъ 145; къ раздачѣ же предназначалось 261 служителей и 290 аульныхъ людей. Кромѣ того слѣдуетъ назвать 73 Салтанаульскихъ дѣтей, отцы и матери которыхъ были отданы калмыкамъ и которыхъ было предназначено отдать въ солдаты и въ школу, что и было исполнено.

Digitized by Google

бодѣ около 1760 г. было до 60 дворовъ [1]). Остальные „Кандауровскіе и Салтанаульскіе татары“, въ числѣ 744 чел. об. пола, до 1767 г. оставались въ Казанской губ. на изложенныхъ выше основаніяхъ; въ этомъ году закономъ 1 VI 1767 г. согласно ихъ желанію было повелѣно переселить и ихъ въ Оренбургскую губ. [2]). Вслѣдствіе этого они въ 1768 г. были переведены на Сакмарскую дистанцію [3]). Вскорѣ, однако, правительство, боясь близкаго сосѣдства ихъ съ киргизъ-кайсаками, имѣвшими съ ними одну вѣру и одинъ языкъ, въ 1770 г. рѣшило переселить ихъ въ другую, болѣе отдаленную отъ границы часть Оренбургской губ. Состоялось ли это переселеніе, или нѣтъ, — мы не знаемъ.

Если мы обратимся къ разсмотрѣнію военно-податного положенія Салтанаульскихъ татаръ, то мы должны прежде всего сказать, что по переводѣ въ Казанскую губ. они были оставлены безъ положенія въ подушный окладъ, какъ это ясно вытекаетъ изъ указа 11 IV 1749 г. Въ этомъ указѣ сообщается о салтанаульскомъ татаринѣ Алѣевѣ, принявшемъ крещеніе: на вопросъ Казанской губ. канцеляріи, слѣдуетъ ли его, „такожъ и впредь явльшихся изъ таковыхъ же присланныхъ изъ Астрахани татаръ и новокрещеныхъ, положить въ подушный окладъ», и въ такомъ случаѣ съ кого взимать окладъ за нихъ за льготные (по случаю крещенія) годы, Сенатъ отвѣтилъ, что подобные крестившіеся Салтанаульцы, для пріохочиванія ихъ къ крещенію, въ окладъ не должны быть полагаемы. Итакъ, мы видимъ, что до крещенія какъ Алѣевъ, такъ и остальные Салтанаульцы не были положены въ окладъ, иначе при его крещеніи не могъ бы возникнуть вопросъ о положеніи его въ окладъ и о тѣхъ лицахъ, которые этотъ окладъ должны были уплачивать во время льготныхъ лѣтъ [4]).

---

[1]) *Рычковъ*, Топ. Ор., I, 232 и II, 132, Ист. Ор., II, 312.—Въ 1747 г. 25 семей (138 душъ об. пола) бѣжало изъ Кундровской слободы въ киргизъ-кайсацкую орду; по этому поводу возникло даже предположеніе переселить ихъ внутрь Россіи, но затѣмъ это предположеніе было оставлено. См. *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 132—3, Ист. Ор., II, 332—3.

[2]) 504 + 744 составляетъ 1248; что сталось съ остальными 160 чел., остается невыясненнымъ.

[3]) На переселеніе было назначено 300 р.; но такъ какъ переведенцы сильно бѣдствовали на новомъ мѣстѣ, то ихъ повелѣно было „снабдить изъ казны какъ хлѣбомъ на пропитаніе и на посѣвъ до урожая, такъ и прочими необходимо нужными къ обзаведенію и хлѣбопашеству матеріалами“.

[4]) Указъ 11 IV 1749, 9.598. Впрочемъ, полной увѣренности, что *всѣ* салтанаульцы были оставлены внѣ оклада, у насъ нѣтъ, такъ какъ Сенатъ здѣсь предписалъ представить ему свѣдѣнія о томъ, нѣтъ ли среди Салтанаульцевъ лицъ, положенныхъ въ подушный окладъ вмѣстѣ съ Казанскими татарами.

Digitized by Google

Что касается татаръ, переведенныхъ въ Оренбургскую губ. и поселенныхъ въ Кундровской слободѣ, то о нихъ Рычковъ сообщаетъ, что „нынѣ"—т. е. въ 1760 г.—„лѣтнею порою употребляются они по форпостамъ съ прочими нерегулярными людьми, которую службу они, имѣя тутъ всякія угодья и не платя никакихъ податей, отправляютъ безъ жалованія" [1]). Эти слова, при всей своей краткости, даютъ намъ вполнѣ опредѣленное представленіе о положеніи переведенныхъ въ Оренбургскую губ. Кундровскихъ татаръ.

Въ 1777 г. возникъ вопросъ о предѣлахъ власти Салтанаульскихъ мурзъ по отношенію къ подвѣдомственнымъ имъ татарамъ и о томъ, имѣютъ ли первые право продавать послѣднихъ, какъ своихъ крѣпостныхъ людей. Оренбургская губ. канцелярія отвѣтила на послѣдній вопросъ утвердительно и только поставила условіемъ, чтобы крѣпости при такихъ продажахъ совершались каждый разъ съ особаго дозволенія губ. канцеляріи. Сенатъ не только согласился съ этимъ мнѣніемъ, но даже отмѣнилъ послѣднюю оговорку о необходимости дозволенія со стороны губ. канцеляріи [2]). Такъ обстояло дѣло до 1786 г., когда оно было подвергнуто новому пересмотру, въ результатѣ чего былъ изданъ Им. указъ 20 X 1786 г. Здѣсь сообщается, что въ своемъ постановленіи 1777 г. Сенатъ основывался только на томъ, что въ составленныхъ при переселеніи изъ Астрахани реестрахъ „написаны были при мурзахъ служители. Однакожъ, чтобы они были ихъ крѣпостные или по какому праву имъ принадлежащіе, того они, кромѣ словеснаго показанія, ничѣмъ не доказали". Далѣе, указъ 20 X 1786 г. находилъ, что при переводѣ Салтанаульскихъ татаръ изъ Казанской въ Оренбургскую губ. „никто изъ мурзъ никакого особеннаго изъ нихъ себѣ въ подданство присвоенія не дѣлалъ, и поселены и обзаведены они въ Оренбургской губерніи, яко принадлежащіе коронѣ люди, всѣ казеннымъ иждивеніемъ", почему и продавать ихъ „весьма не надлежало". Въ заключеніе названный указъ предписалъ „проданнымъ... татарамъ быть попрежнему въ числѣ поселянъ казеннаго вѣдомства, и впредь продажу ихъ и имъ подобныхъ дѣлать запретить" [3]). Во исполненіе этого указа было отобрано и причислено въ казенное вѣдом-

---

[1]) *Рычковъ*, Топ. Ор., II, 183.

[2]) Указъ 28 XI 1777, 14.682. Здѣсь приведенъ любопытный бытовой матеріалъ о рабствѣ у кочевыхъ народовъ, собранный при выработкѣ этого закона.

[3]) Им. указъ, данный Сенату 20 X 1786, 16.442.

Digitized by Google

ство 63 души Салтанаульскихъ татаръ въ Оренбургскомъ и Стерлитамакскомъ уу.: любопытно, что 44 изъ нихъ по четвертой ревизіи были показаны помѣщичьими и положенными поэтому въ 70-коп. окладъ, а 19 вовсе не были написаны въ ревизію и не платили податей. Теперь казенная палата предписала всѣхъ ихъ причислить съ начала 1786 г. къ казеннымъ крестьянамъ съ положеніемъ въ соотв. окладъ (по 3 р. 70 к. съ души). Съ другой стороны, однако, по четвертой ревизіи въ Оренбургской губ., кромѣ этихъ 63 чел., состояло еще 639 такихъ „мурзъ и ногайцевъ", и всѣ они не были положены въ окладъ [1]). Такъ какъ службу на линіи они несли лишь спорадически, то казенная палата подняла вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли и ихъ всѣхъ положить въ равный съ государственными крестьянами окладъ [2])? Уфимской и Симбирской ген.-губернаторъ, баронъ Игельстромъ, отнесся къ этому предложенію отрицательно. Находя, что названные татары поселены не далѣе 20 в. отъ линіи, что ихъ служба на послѣдней весьма нужна, и что они съ охотою ее несутъ, что, далѣе, положеніе ихъ въ окладъ можетъ повлечь за собою ихъ бѣгство, бар. Игельстромъ просилъ правительство, чтобы всѣ Салтанаульскіе мурзы и татары, включая сюда и названныхъ выше 63 чел., были оставлены внѣ оклада и чтобы они вмѣстѣ съ остальными нерегулярными войсками отправляли линейную службу. Сенатъ по этому поводу вошелъ съ всеподд. докладомъ, и мнѣніе бар. Игельстрома было Выс. утверждено [3]).

---

[1]) А именно въ крѣп. Воздвиженской................ 232
„ Кундровской слободѣ................ 219
„ ред. Желтомъ........................ 99
„ „ Никитинскомъ.................. 89
Итого....... 639

Съ названными въ текстѣ 63 душами это составляло всего 702 души.

[2]) Казенная палата указывала, что Салтанаульскіе татары до 1785 г. не употреблялись вовсе въ службу и что лишь въ 1785 г. ихъ было выкомандировано на лѣтнюю линейную службу 200 чел., а въ 1787 г.—100 чел. (на новый форпостъ между Вязовскимъ и Нѣжинскимъ редутами). Такъ какъ при Рычковѣ, какъ мы видѣли, Салтанаульскіе татары отбывали службу на линіи, то приходится предположить либо, что казенная палата ошибалась, либо что послѣ 1760 г. въ службѣ этихъ татаръ наступилъ перерывъ.

[3]) Выс. утв. докладъ Сената 20 IV 1789, 16.761. За неправильное присвоеніе названныхъ въ текстѣ 63 чел. владѣвшіе ими мурзы по инструкціи о второй ревизіи 16 XII 1743, 8836 и указу 13 V 1754, 10.233 должны бы были платить за нихъ окладъ до слѣдующей ревизіи, но отъ этого они были освобождены, такъ какъ и безъ того потерпѣли ущербъ отъ отобранія у нихъ людей и отъ Оренбургскаго пожара 1781 г.

Digitized by Google

По обѣимъ окладнымъ книгамъ разсматриваемая нами категорія значится въ одномъ только Оренбургскомъ у. среди неположенныхъ въ окладъ подъ именемъ „Салтанаульскихъ мурзъ и ногайцевъ“ [1]) въ числѣ 755 чел. [2]). Такимъ образомъ, со времени четвертой ревизіи она увеличилась съ 702 до 755 чел. (т. е. на 7,5%) [3]).

---

[1]) Подъ этимъ именемъ они значатся и въ Выс. утв. докладѣ Сената 20 IV 1789, 16.761.

[2]) Въ „Топогр. описаніи Оренбургской губ.“ (В. Уч. Арх. Гл. Шт., V, 312) они значатся въ числѣ 755 душъ м. п. и 813 душъ ж. п.

[3]) Какъ мы видѣли, въ 1740-ыхъ гг. число тѣхъ, которые были переведены въ Оренбургскую губ., составляло 1248 чел., но здѣсь разумѣлись лица обоего пола. Спеціально въ Кундровскую слободу было переведено 504 души об. п., число же душъ м. п. составляло въ ней по четвертой ревизіи всего 219.

Digitized by Google

568

Digitized by Google

YD 20578
8

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED

LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or on the date to which renewed. Renewals only:
Tel. No. 642-3405
Renewals may be made 4 days priod to date due.
Renewed books are subject to immediate recall.

JUL 25 1972 6 4

REC'D LD ~~JUL 1 1 '72 -9 PM 2 9~~

~~REC'D LD JUL 1 1 '72 -9 PM 2 9~~

REC'D LD JUL 2 6 '72 -8 PM 1 9

REC'D LD JUL 26 '72 -8 PM 1 9

LD21A-60m-8,'70
(N8837s10)476—A-32

General Library
University of California
Berkeley

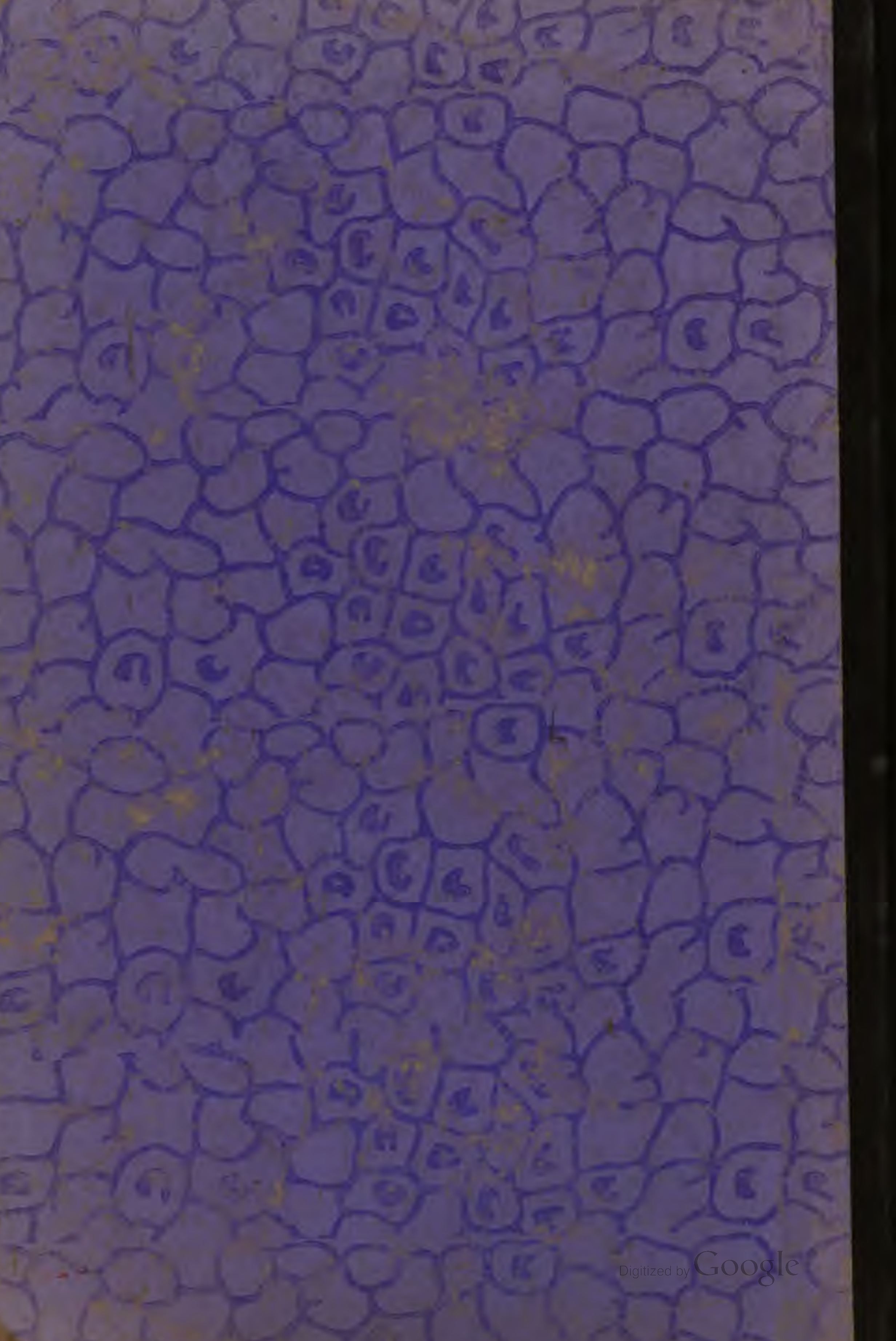
RROWED

NG TIME
OW

LD 62A-50m-2,'64
(E3494s10)9412A

General Library
University of California
Berkeley

Digitized by Google